202
87

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Томъ первый.

Исторія литературы, какъ наука. — Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы

заслуженнаго профессора

А. С. Архангельскаго.



ПЕТРОГРАДЪ,
1916.

ПРОВ. 1957

А-87

2126Ч.

ФУНДАМЕНТАЛЬЧАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1072
58

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

ГЭ · А

Первые листы настоящаго труда были напечатаны еще въ 1908 году [въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго Университета и отдѣльно]; окончательно книга выходитъ изъ печати лишь теперь, въ началѣ 1916 года... Это крайнее замедленіе въ печатаніи [зависѣвшее отъ различныхъ причинъ, болѣе всего отъ самого автора] да послужитъ хоть маленькимъ извиненіемъ большихъ недостатковъ предлагаемаго труда...

А. А.

Казань, 1908 г.
Петроградъ, 1916 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

Оглавленіе.

I. Исторія литературы, какъ наука.

Стр.

I. Языкъ и литература. — Научныя задачи и цѣли „исторіи литературы". — „Литература" и „наука". — Истинныя задачи искусства и поэзіи. — Первичная поэзія народа; неразрывныя связи ея съ языкомъ и первобытной миѳологіей народа. — Появленіе „письменности". — Исторія русской литературы . . 1

II. Очеркъ постепеннаго развитія „исторіи литературы", какъ науки, на Западѣ. — Филологическія изученія въ средѣ александрійскихъ ученыхъ и у римлянъ. — „Исторія литературы" въ Византіи и въ Средніе Вѣка. — Общее господство библіографическихъ изученій. — Эпоха Возрожденія; расширеніе научныхъ изученій въ области „исторіи литературы". — Широкое развитіе филологическихъ изученій. — Эстетическая точка зрѣнія при изученіи памятниковъ литературы. — Теорія „псевдоклассицизма"; Буало и Готшедъ. — „Эстетическая теорія"; Баумгартенъ, Лессингъ и др. — Широкое развитіе обще-историческихъ, филологическихъ и философскихъ изученій къ концу XVIII в. — Идеи Гердера. — Романтизмъ 24

III. Постепенная выработка пріемовъ и методовъ историко-литературныхъ изученій въ связи съ общимъ ходомъ развитія „исторіи литературы", какъ науки. — Отсутствіе научныхъ методовъ въ первыхъ изученіяхъ, — Методъ эстетическій. — Историческій методъ изученія литературныхъ памятниковъ. — Методъ сравнительно-историческій. — Значеніе стараго филологическаго метода, — Изученія палеографическія. — Позднѣйшій такъ наз. „психологическій" методъ и попытки построенія „научной теоріи исторіи литературы". — Главные представители этого направленія: Сентъ-Бевъ, Тэнъ, Геннекенъ, Брюнетьеръ и др. 68

II. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы.

I. Древнерусскія „описи" книгъ. — *Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря* и *Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ.* — Первые опыты историко-литературныхъ изученій въ XVIII в.

Стр.

Труды еп. Дамаскина Семенова-Рудневa и Новикова. — Первые опыты собиранія и изданія памятниковъ народной поэзіи. *Древнія россійскія стихотворенія Кирши Данилова.* 125

II. *Исторія* Карамзина: общее оживленіе историческихъ изученій въ первыя десятилѣтія XIX в. — Труды Сопикова, м. Евгенія, Кеппена, Калайдовича, Строева, Востокова. — Расширеніе изученій въ области народной поэтической старины: изданія Сахарова и Снегирева. . . 167

III. Теоретическіе взгляды русскихъ критиковъ на „литературу“ въ концѣ XVIII — нач. XIX вв. — Первыя вѣянія западнаго „романтизма“: статья Анастасевича. — Бѣлинскій, какъ представитель „эстетической“ точки зрѣнія: его взгляды на народную поэзію. — *Опытъ краткой исторіи русской литературы,* Н. Греча. — *Исторія древней русской словесности,* Максимовича. — *Исторія русской словесности, преимущественно древней,* Шевырева. — Взгляды Шевырева на памятники русской народной поэзіи 205

IV. „Сороковые годы“; общій необычайный подъемъ въ области историко-литературныхъ изученій. — Расширеніе взглядовъ на задачи и цѣли изученія литературныхъ памятниковъ. — Буслаевъ и необычайное разнообразіе его научныхъ изученій. — Изслѣдованія Буслаева въ области русскаго языка, въ связи съ характеромъ предшествовавшихъ нашихъ филологическихъ изученій. — Изслѣдованія Буслаева въ области славяно-русской миѳологіи и русской народной поэзіи, въ области древнерусской письменности и древнерусскаго искусства и т. д. — Дальнѣйшія научныя изученія въ связи и по слѣдамъ трудовъ Буслаева. — Изслѣдованія въ области языка. — Труды по собиранію и изученію памятниковъ народной поэзіи. — Изученія въ области древней русской письменности; изданія памятниковъ, ихъ „описанія“. — *Описаніе рукописей Моск. Синод. Библіотеки,* Горскаго и Невоструева. — Труды Ундольскаго. — Изданія памятниковъ Бодянскаго, Срезневскаго и др. — Общее расширеніе научныхъ изученій въ области древнерусской литературы; труды по изученію *Слова о полку Игоревѣ.* — Изученія въ области русской литературы XVIII и XIX вв. 243

V. Расширеніе истор.-филологическихъ изученій рядомъ съ трудами Буслаева. — Изысканія въ области русскаго языка Павскаго и Каткова. — Н. И. Надеждинъ. — Труды Срезневскаго и П. Лавровскаго. — *Опытъ областного великорусскаго словаря.* — *Толковый Словарь живого велико-*

Стр.

русскаго языка, Даля. — Изученія въ области славяно-русской миѳологіи и народнаго русскаго творчества. — *Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу*, Аѳанасьева. — Труды по изученію русской литературы, древней и новой, по исторіи образованія и исторіи русской общественной мысли Сухомлинова, Тихонравова и Пыпина 312

VI. Общее расширеніе за послѣднія десятилѣтія научныхъ изученій въ области славянской филологіи на Западѣ; подъемъ научныхъ интересовъ и смягченіе цензурныхъ условій, въ связи съ „эпохой великихъ реформъ", въ Россіи. — Научная дѣятельность акад. И. В. Ягича. — Позднѣйшія изученія въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества. — Новыя собиранія и новыя изученія. — А. Н. Веселовскій и его обширныя изысканія въ области „литературнаго общенія Востока и Запада", въ области русскаго фольклора и разнообразныхъ связей послѣдняго съ памятниками средневѣковой литературы западноевропейской, письменностью древнеславянской, византійской литературой и т. д. — *Происхожденіе русскихъ былинъ*. В. В. Стасова. — Выводы научныхъ изысканій Г. Н. Потанина. — Труды Л. З. Колмачевскаго, А. Н. Кирпичникова, Н. Ѳ. Сумцова, И. П. Созоновича, И. Н. Жданова, В. Н. Мочульскаго и др. — Увлеченія и крайности „бенфеистовъ"; общій ходъ дальнѣйшихъ изученій. — Продолжающіеся труды „миѳологовъ". — Позднѣйшія изученія А. А. Потебни. — Старый трудъ Л. Н. Майкова и усиленіе за позднѣйшее время „историческаго" направленія въ изученіи памятниковъ русскаго народнаго творчества. — *Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ*, Н. П. Дашкевича. — Изслѣдованія М. Е. Халанскаго, С. К. Шамбинаго и др. — „Замѣтки" А. И. Соболевскаго. — Развитіе научныхъ изученій и взглядовъ Вс. Ѳ. Миллера; его *Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса* и *Очерки русской народной словесности*. — Изслѣдованія и методологическіе взгляды Н. П. Дашкевича. — Позднѣйшіе труды А. М. Лободы, А. В. Маркова, А. М. Смирнова, В. Н. Перетца, М. Н. Сперанскаго, А. Н. Ветухова, А. И. Алмазова, Д. К. Зеленина и др. — *Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ* А. С. Ермолова 438

Указатель 691

Введеніе въ исторію русской литературы.

I. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КАКЪ НАУКА.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы.

I.

Языкъ и литература. — Научныя задачи и цѣли «исторіи литературы». — «Литература» и «наука». — Истинныя задачи искусства и поэзіи. — Первичная поэзія народа; неразрывная связь ея съ языкомъ и первобытной миѳологіей народа. — Появленіе «письменности». — Исторія русской литературы.

„Исторія литературы" не есть исторія книгъ, замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ позднѣйшихъ историковъ литературы, — но „исторія идей и ихъ научныхъ и художественныхъ формъ"... Исторія литературы народа—исторія его внутренней, духовной жизни, на сколько эта жизнь отразилась въ произведеніяхъ народнаго слова, языка; это исторія общественной мысли — „въ движеніи философскомъ, религіозномъ и поэтическомъ, и закрѣпленная словомъ"... „Исторія литературы" имѣетъ совершенно особое, самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ историческихъ наукъ. Произведенія народнаго слова, памятники языка—тотъ особый, спеціальный матеріалъ, научное изслѣдованіе котораго является спеціальной задачей „исторіи литературы", какъ науки. Строго говоря, — „литература" народа обнимаетъ собой всю совокупность сло-

весныхъ произведеній, существующихъ на языкѣ этого народа, всю массу произведеній народнаго слова, письма, позднѣе печати, всю массу произведеній поэтическихъ, историческихъ, философскихъ, научныхъ и т. д.: все это съ различныхъ сторонъ выражаетъ духовную жизнь народа, ростъ и исторію его идей—въ его словѣ, языкѣ. Все это условно можетъ быть предметомъ и „исторіи литературы". Но вообще изъ общей массы письменнаго и печатнаго матеріала историкъ литературы выбираетъ лишь наиболѣе цѣнное, лишь то, что́ сильнѣе, ярче отражаетъ на себѣ духовную жизнь народа, — лишь произведенія въ строгомъ смыслѣ литературныя.

Трудно, однако, указать здѣсь точныя и непреложныя границы, строго и рѣзко отмежевать произведенія „литературныя" отъ всѣхъ тѣхъ, которыя не могутъ и не должны считаться таковыми. Здѣсь всегда останется значительная доля условности,—въ послѣднее время даже особенно усилившаяся! Въ этомъ отношеніи необходимо имѣть лишь общую, основную точку зрѣнія, можно пока намѣтить лишь общія, основныя стороны вопроса.

Языкъ, даръ слова — одинъ изъ величайшихъ даровъ человѣку отъ Творца — помимо всѣхъ другихъ сторонъ своего могущественнаго значенія, имѣетъ особенно двѣ важныя стороны въ исторіи человѣчества. Языкъ служитъ здѣсь прежде всего лучшимъ средствомъ взаимныхъ сношеній отдѣльныхъ лицъ между собою,—средствомъ духовнаго ихъ объединенія и взаимодѣйствія. Языкъ является той первичной, исконной связью, которая объединяетъ дикія, первобытныя группы человѣчества въ одинъ народъ, способствуетъ пробужденію въ нихъ чувства племеннаго единства, хранитъ въ себѣ зародыши будущей національности. Въ области языка, его исторіи, развитія и выработки, сказываются первые проблески народности, первые признаки обнаруженія самостоятельной духовной жизни будущаго отдѣльнаго на-

рода. Безъ языка нѣтъ народности!—и лишь съ возникновеніемъ отдѣльнаго языка народъ обособляется отъ общей жизни своего племени. Служа лучшимъ средствомъ взаимныхъ сношеній отдѣльныхъ лицъ между собой, — языкъ вмѣстѣ съ этимъ является могущественнѣйшей силой для выраженія всей вообще духовной, внутренней жизни человѣка, общества, въ которомъ живетъ человѣкъ, и цѣлаго народа, къ которому принадлежитъ то или другое отдѣльное лицо или цѣлое общество, — сильнѣе, ярче всего отражаетъ на себѣ мысль и чувство отдѣльнаго человѣка и всего общества, народа... Объединяя отдѣльныя группы людей, обусловливая совмѣстную, общественную жизнь—языкъ народа служитъ почвой, важнѣйшимъ условіемъ народнаго, національнаго единства; служа средствомъ выраженія духовной жизни отдѣльнаго человѣка, общества, народа — языкъ является орудіемъ народной, національной литературы.

Подобно тому, какъ языкъ, живая рѣчь, служитъ лучшимъ средствомъ выраженія внутренней жизни отдѣльнаго лица; подобно тому, какъ литературная дѣятельность того или другого писателя лучше всего выражаетъ, или можетъ выражать, его духовное міровоззрѣніе, міръ его души, его чувства: тѣмъ же самымъ служитъ для цѣлаго народа созданная имъ „литература“. Народная, національная литература—лучшій показатель духовныхъ идеаловъ и стремленій народа или тѣхъ или другихъ господствующихъ въ немъ слоевъ, отдѣльныхъ классовъ или группъ—въ извѣстную эпоху или за цѣлый рядъ историческихъ эпохъ народной жизни, и не только его „исторіи“, но и „до-исторіи“... Это—какъ бы дневникъ чувствъ и мыслей, пережитыхъ народомъ въ теченіе длиннаго пути его исторической и до-исторической жизни,—на сколько эта жизнь отразилась въ произведеніяхъ народнаго слова, языка, „въ движеніи философскомъ, религіозномъ, поэтическомъ“... Въ этомъ отношеніи „исторія литературы“

больше всего способствуетъ уясненію историческихъ судебъ народа, даетъ важнѣйшіе матеріалы и средства къ изученію общей исторіи народной культуры, народной цивилизаціи, всего хода духовнаго и общественнаго развитія народа. Подобно дневнику частнаго лица, литература народа какъ-бы вскрываетъ передъ нами душу народа, его затаенныя мысли и чувства, которыми онъ жилъ въ теченіе вѣковъ, показываетъ намъ, что̀ думалъ и чувствовалъ народъ или отдѣльные слои его въ тотъ или другой моментъ своей исторіи, чѣмъ жилъ и питался духовно, къ чему стремился...

Какъ непосредственное отраженіе внутренней жизни народа,—литература живетъ и развивается въ тѣсной связи съ условіями народной жизни: историческими событіями, переживаемыми народомъ, общимъ характеромъ эпохи, степенью народной культуры, образованія, особенностями бытовыми, различными международными отношеніями и вліяніями и т. п. Какъ и всякая иная дѣятельность — замѣчаетъ историкъ — и дѣятельность литературная въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ зависитъ отъ внѣшнихъ условій данной общественной жизни, политическихъ, экономическихъ, юридическихъ, обще-культурныхъ и т. д. Жизнь вліяетъ на литературу,—опредѣляетъ содержаніе ея произведеній, идеи и настроенія писателя и вообще кладетъ свою печать на содержаніе произведеній... Въ зависимости отъ общаго хода народной исторіи и развитія общественности происходятъ измѣненія и въ литературѣ,—въ содержаніи и идеяхъ, общемъ ея „подъемѣ“ или „упадкѣ“, господствующемъ „направленіи“ и т. д. Съ другой стороны, если литература народа находится въ ближайшей зависимости отъ общихъ историческихъ судебъ народной жизни, — то, въ свою очередь, и сама „литература“ самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на ходъ общественной жизни народа, на его исторію. Масса, въ лицѣ

своихъ лучшихъ писателей, создаетъ „литературу“; литература вліяетъ на духовное развитіе массы, ведетъ ее впередъ, могущественно способствуетъ интеллектуальному развитію общества, народа!.. Это однако не значитъ, что „литература“ является лишь иллюстраціей къ общей культурно-соціальной жизни народа. Литература народа, находясь въ тѣсной связи съ общей культурной народной исторіей,—въ то же время является и совершенно самостоятельной областью соціальной жизни, и въ общемъ сохраняетъ полную свою отдѣльность. Различныя условія народной жизни и область „литературы“, тѣсно соприкасаясь, взаимно вліяя одно на другое—въ то же время живутъ своей особой, самостоятельной жизнью. Отсюда—эпохи „процвѣтанія“ литературы далеко не всегда совпадаютъ съ періодами бо́льшаго культурнаго и общественнаго развитія народа; съ другой стороны, нерѣдко, при значительномъ общественномъ развитіи, при видимомъ его прогрессѣ, народъ все же принужденъ питаться своей прошлой литературой, жить плодами ея минувшаго разцвѣта! — терпѣливо дожидаясь, пока новая нахлынувшая волна не сдѣлаетъ новаго „подъема“ и въ его литературѣ...

Въ этихъ взаимныхъ связяхъ—и заключается величайшая трудность точнаго опредѣленія содержанія, задачъ, методовъ изученія „исторіи литературы“, какъ науки. Ка́къ выдѣлить „исторію литературы“ извѣстнаго народа изъ общей исторіи его умственной, духовной жизни? Гдѣ границы „исторіи литературы“, какъ отдѣльной исторической дисциплины? Въ чемъ заключается ея собственное, самостоятельное содержаніе, выдѣляющее ее изъ ряда другихъ научныхъ дисциплинъ, посвященныхъ исторіи умственной и вообще духовной жизни народа, человѣчества?... Что́ отличаетъ „исторію литературы“ отъ исторіи напр. „цивилизаціи“? — исторіи „философіи“? исторіи „науки“ или вообще „просвѣщенія“?.. И т. д. Трудность эта особенно увеличилась за позднѣйшее время, при необычайномъ расширеніи научныхъ изученій, относящихся къ изу-

ченію матеріальной и духовной жизни человѣческаго общества, различныхъ областей бытовой, культурной, общественной, внутренне-психологической и т. д., жизни народовъ, — когда возникъ въ этомъ отношеніи рядъ новыхъ, особыхъ научныхъ дисциплинъ, еще такъ недавно совершенно не существовавшихъ, такихъ, какъ „антропологія“, „этнографія“, „соціологія“, „психологія народовъ“, антропологическія и вообще натуралистическія изслѣдованія въ области языка, „психологіи поэтическаго творчества“ и т. д. и т. д. Въ виду указанныхъ тѣсныхъ связей „литературы“ съ общей исторіей народа, — возникновеніе и развитіе названныхъ сейчасъ научныхъ дисциплинъ не могло не отразиться и на постановкѣ „исторіи литературы“, какъ науки. Масса новыхъ „наукъ“, такъ или иначе связанныхъ съ областью „литературы“, особенно на первыхъ ступеняхъ ея развитія, масса новыхъ вопросовъ, возникшихъ въ наукѣ вслѣдствіе добытыхъ за позднѣйшее время различнаго рода матеріаловъ, относящихся къ области духовной жизни общества, народа, отдѣльнаго человѣка—все это дало основаніе предъявить къ „исторіи литературы“ самыя различныя и новыя „точки зрѣнія“!—поставить ей новые вопросы, значительно измѣнить пріемы ея изученія, а иногда и вообще постановку изученія этой науки, какъ отдѣльной научной дисциплины. Общая трудность, сложность дѣла во всемъ этомъ оказалась настолько большой, что позднѣйшіе изслѣдователи находятъ себя вынужденными иногда даже признать, что точно опредѣлить задачи „исторіи литературы“ пока еще невозможно, что понятіе этого рода — пока „понятіе колеблющееся“, и „каждое опредѣленіе можетъ вызвать возраженія“...

Какъ уже замѣчено выше, въ строгомъ смыслѣ слова „литература“ народа обнимаетъ собой всю совокупность словесныхъ произведеній, существующихъ на языкѣ этого народа, всю массу произведеній народнаго слова, письма, печати,— всю массу произведеній поэтическихъ, философскихъ, науч-

ныхъ и т. д.: все это съ различныхъ сторонъ выражаетъ духовную жизнь народа въ его словѣ, языкѣ!—все это условно можетъ быть предметомъ и „исторіи литературы“. Но для всякаго очевидно, что въ общей массѣ всего „писаннаго“ или „печатнаго“, принадлежащаго извѣстному народу, — не все одинаково важно и цѣнно съ смыслѣ изученія духовной жизни этого народа; что въ необозримой массѣ „письменности“ и „печати“—множество „письменъ“ и вообще „литературныхъ произведеній“ или слишкомъ мелкихъ, ничтожныхъ, или слишкомъ спеціальныхъ, вообще лишенныхъ историческаго интереса,—не говоримъ уже вообще о поражающей огромности матеріала, нерѣдко, особенно въ отношеніи къ позднѣйшимъ эпохамъ, физически подавляющей изслѣдователя: возьмемъ, напр., современную „печать“, массу современныхъ книгъ, журналовъ, брошюръ и т. д.! Все это заставляетъ историка литературы выбирать, такъ или иначе сортировать матеріалъ, не относиться одинаково къ различнымъ его частямъ, различать въ этомъ матеріалѣ болѣе важное, существенное, отъ менѣе важнаго, или даже совсѣмъ неважнаго, несущественнаго, — брать въ область „исторіи“ лишь то, что̀ является наиболѣе цѣннымъ, что̀ сильнѣе, ярче отразило на себѣ минувшую жизнь народа, — лишь произведенія въ строгомъ смыслѣ слова литературныя!.. Таковыми прежде всего и главнымъ образомъ являются произведенія поэтическія, обширная область поэзіи. „Поэзія часто бываетъ проникновеннѣе философскихъ теорій!“ (Гюйо)... *Поэма*, *пѣсня*, *былина*, художественно написанная *комедія*, *романъ*—все это сильнѣе, ярче рисуетъ передъ нами извѣстную эпоху народной жизни, идеалы и стремленія времени, ярче представляетъ намъ историческія лица и событія, понятнѣе говоритъ о тѣхъ стремленіяхъ и идеяхъ, которыми жилъ народъ или тѣ или другіе его общественные слои въ извѣстную эпоху,—чѣмъ аскетическое *поученіе*, полуоффиціальное *посланіе*, краткая *лѣтописная замѣтка*, тѣмъ болѣе специ-

альное *научное изслѣдованіе*, не говоримъ уже о какомъ нибудь сухомъ, *юридическомъ актѣ* и т. д.,—хотя иногда и здѣсь хорошо просвѣчиваютъ и лица и эпоха... Это, однако, вовсе не значитъ, что предметъ и содержаніе „литературы“— лишь одна фантазія, одни личныя изліянія, личныя чувства!—

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья...

Ничего подобнаго!.. Поэзія нигдѣ и никогда не ограничивается одной „эстетикой“ — и поэтъ, художникъ не можетъ не жить также идеями религіозными, нравственными, политическими и соціальными!.. Великая цѣль искусства—„заставлять биться человѣческія сердца и, такъ какъ сердце центръ жизни,—искусство должно постоянно находиться въ тѣснѣйшей связи со всей моральной и матеріальной жизнью человѣчества“... Какую широкую роль можетъ играть поэзія вообще въ жизни общества, какъ близко и широко можетъ касаться она жизни, — показываетъ напр. развитіе современнаго *романа*. Послѣдній охватываетъ собою современное общество во всѣхъ важнѣйшихъ его сферахъ и проявленіяхъ, старается внести въ свою область всѣ вопросы,—религіозные, общественные, моральные, политическіе и т. д., волнующіе современнаго человѣка, дать на нихъ тѣ или другіе отвѣты!.. И все же если „литература“, какъ мы сейчасъ говорили, не есть „письменность“, если историкъ литературы долженъ выбирать, сильно урѣзывать лежащій передъ нимъ письменный и печатный матеріалъ,—этотъ матеріалъ не можетъ быть и съуженъ на столько, что бы ограничиться одной „поэзіей!“ Поэзія должна стоять во главѣ, въ центрѣ, но она все же не охватываетъ собою всю сложность, все разнообразіе духовной жизни общества и народа, на сколько послѣдняя выражается въ человѣческомъ *словѣ*, *языкѣ*!.. „Литературное произведеніе“ создается вообще при участіи трехъ силъ или способностей души: ума, чувства и фантазіи, воображенія; совмѣстное об-

наруженіе въ памятникѣ „языка“ этихъ душевныхъ силъ человѣка, вообще его духовной личности, личнаго *я*, личныхъ чувствъ, настроеній, интересовъ и стремленій — и даетъ памятнику то, что̀ дѣлаетъ его произведеніемъ „литературнымъ“. Так. образ. „литературнымъ произведеніемъ“ является не только произведеніе поэтическое, но и вообще всякое произведеніе, запечатлѣнное умомъ и чувствомъ, въ той или другой степени отражающее на себѣ духовные интересы общества, эпохи, — выражающее „общественное мнѣніе“ или настроеніе времени, эпохи. Область „литературы“ обнимаетъ собой произведенія не только поэта, но вообще писателя. Рядомъ съ „поэзіей“, здѣсь прежде всего являются критика и публицистика, далѣе популярные трактаты религіозно-философскіе, трактаты по тѣмъ или другимъ вопросамъ общественности, морали и т. д. Не говоримъ о томъ, что „поэзія“ иногда примѣшивается къ самымъ „прозаическимъ“ произведеніямъ,—къ строго-научному историческому изслѣдованію, къ церковному поученію... Общимъ, основнымъ критеріемъ, при выдѣленіи „литературныхъ“ произведеній изъ общей массы „письменнаго“ или „печатнаго“ матеріала должно служить отраженіе въ немъ извѣстныхъ личныхъ чувствъ и настроеній автора, поэта, писателя, личнаго, субъективнаго *я* —на сколько это *я* живетъ жизнью своего общества и народа, на сколько произведеніе близко народу въ его цѣломъ или хоть отдѣльнымъ его слоямъ. Отсюда само собой вытекаетъ исключеніе изъ области „литературы“ различныхъ научныхъ дисциплинъ спеціальныхъ, уже обособившихся, — собственно „исторіи“, политической и бытовой, „науки“, „философіи“ и т. д. „Литературныя произведенія“ — именно прежде всего произведенія поэтическія, вообще „поэзія“; „Dichtung“ — необходимое условіе литературнаго памятника, его существенная, отличительная черта!.. И здѣсь — рѣзкое отличіе „произведеній литературныхъ“ отъ произведеній собственно „историческихъ“, „научныхъ“, вообще изъ области спеціаль-

ныхъ знаній и дисциплинъ. Въ области произведеній спеціально-научныхъ—нѣтъ и не должно быть „поэзіи“! Личнымъ чувствамъ и настроеніямъ, проявленіямъ личнаго *я*, занимающимъ въ „литературномъ“ произведеніи такое преобладающее мѣсто,—здѣсь, въ области науки, противопоставляется точное, абстрактное знаніе, строго-логическій процессъ голаго, абстрактнаго мышленія, точныя, чисто объективныя изслѣдованія, строго-логическія обобщенія... Мѣсто „Dichtung“ заступаетъ „Wahrheit“! — свободное, личное „творчество“ уступаетъ мѣсто сухому, безстрастному стремленію къ „истинѣ“... Было время, когда это еще не различалось строго, сливалось въ одно; „наука“ не выдѣлялась изъ „литературы“, — въ „наукѣ“ было еще слишкомъ много „ненаучнаго“! Господствовали фантазія, личныя, субъективныя настроенія, вообще самое разнообразное „творчество“!.. Теперь „литература“ и „наука“—двѣ совершенно различныя области. Они и тѣсно связаны между собой—и весьма далеки! „Наука, прекрасно выясняетъ это проф. Дашкевичъ, имѣетъ цѣль въ самой себѣ; литература нуждается и добивается самой живой связи съ современностью!.. Наука имѣетъ цѣлью познать существовавшее и существующее въ его непрерывной связи и во всѣхъ его отношеніяхъ, выразумѣть законы, проявляющіеся въ томъ и другомъ, и точно, систематически, все представить,—устраняя элементъ субъективнаго отношенія съ чисто человѣческой точки зрѣнія. Въ литературныхъ произведеніяхъ человѣкъ не довольствуется знаніемъ и изображеніемъ той или другой дѣйствительности, какова она была и есть, но заявляетъ то или иное отношеніе къ ней съ точки зрѣнія сердца и присущихъ всѣмъ высшихъ стремленій, высшихъ интересовъ человѣка. Наука не смѣетъ идти далѣе точнаго знанія, опыта, наблюденія, холодной разсудочности, руководясь которыми она движется медленнымъ и спокойнымъ шагомъ; въ словесныхъ [„литературныхъ“] произведеніяхъ человѣкъ можетъ дать полный просторъ своимъ высшимъ стремленіямъ и мечтамъ въ

противоположеніи ихъ дѣйствительности"... Въ произведеніяхъ литературы „высказывается внутренняя жизнь и дѣятельность всего внутренняго человѣка, свободно и широко проявляется отношеніе къ міру и событіямъ, явленіямъ и высшимъ вопросамъ человѣческой жизни, не только со стороны критической мысли, но и со стороны творческой нашей способности, чувства и эстетическихъ стремленій, — словомъ, отношеніе и дѣятельность нашей мысли при значительномъ, а иногда и преобладающемъ участіи чувства, присущихъ всѣмъ идеальныхъ стремленій къ болѣе изящному, прекрасному, болѣе нравственному, болѣе возвышенному чѣмъ реальная дѣйствительность!"... Жизнь полагаетъ множество преградъ осуществленію задушевныхъ стремленій человѣка, — и въ области „литературы" онъ имѣетъ глубоко отрадную возможность вылить все, чѣмъ полна его душа, выразить свое сочувствіе и стремленіе ко всему, что его плѣняетъ!"... Это, однако, не значитъ, какъ уже замѣчено, что „литература" должна наполняться чисто личными, субъективными чувствами, должна быть лишена идей. Къ „исторіи литературы" могутъ принадлежать до извѣстной степени и научныя сочиненія. Но въ противоположность сферѣ собственно „научной", умственная сторона „литературныхъ" произведеній—„не научно выведенныя и обоснованныя абстракціи, а результатъ дѣятельности всей душевной сущности и переработки въ ея горнилѣ данныхъ познанія". Исторія наукъ, умственнаго развитія—исторія ясныхъ понятій, точныхъ изслѣдованій, разсудочныхъ обобщеній; исторія литературы—изображеніе послѣдовательнаго развитія высшихъ отправленій душевнаго организма въ ихъ совокупности, — „исторія самостоятельной творческой и органической переработки и сплава въ душѣ человѣка данныхъ точнаго познанія и приспособленія ихъ къ другимъ высшимъ потребностямъ человѣка", — на сколько во всемъ этомъ выразилась разнообразная духовная жизнь, внутренній обликъ

индивидуумовъ, а черезъ нихъ и общества данной эпохи, и тѣмъ самымъ „самосознаніе общества въ устахъ передовыхъ дѣятелей общественной мысли“...

Какъ мы уже замѣтили, огромная масса матеріала, которымъ часто располагаетъ историкъ литературы, заставляетъ послѣдняго дѣлать тщательный выборъ въ этомъ матеріалѣ. Но выбирать историкъ литературы долженъ не только между отдѣльными видами и родами литературной производительности, но и въ массѣ произведеній, относящихся къ главнѣйшему изъ нихъ, къ поэзіи, къ изящной литературѣ. Здѣсь также долженъ быть выборъ! Это вытекаетъ уже изъ всего сейчасъ сказаннаго,—къ тому же не надо забывать, что нерѣдко и у литературы бываетъ свой „задній дворъ“... Какъ въ отношеніи ко всей массѣ письменнаго и печатнаго матеріала, такъ и по отношенію къ области изящной литературы, поэзіи—историкъ не долженъ забывать основной, существенной цѣли, къ которой стремится: указать въ своемъ изложеніи исторію „идей“, на сколько послѣднія отразились въ произведеніяхъ литературы, поэзіи, указать отраженіе высшихъ стремленій общества, народа въ памятникахъ *слова*, *языка*, „въ устахъ передовыхъ дѣятелей общественной мысли“... И здѣсь, въ области изящной литературы, вопросъ сводится къ тому, на сколько извѣстное произведеніе, причисляющее себя къ поэзіи, беллетристикѣ — является дѣйствительно произведеніемъ поэзіи, искусства, а не просто писательскаго ремесла!—на сколько авторъ является дѣйствительно „художникомъ“, „поэтомъ“, а не ремесленникомъ поэзіи... Для истинно-художественнаго произведенія недостаточно одной прекрасной формы; подъ прекрасной формой должна сквозить идея! — и именно для послѣдней и пишется всякое истинное произведеніе поэзіи. Высшее „искусство“ всякаго рода, говоритъ Спенсеръ, основано на „наукѣ“; „врожденная способность не можетъ обойтись безъ помощи организованнаго знанія. Вдохнове-

ніе сдѣлаетъ много, но не сдѣлаетъ всего. Высшихъ результатовъ можно достигнуть только соединеніемъ генія съ наукой"... „Поэтъ, говоритъ позднѣйшій французскій изслѣдователь Гюйо—долженъ быть мыслителемъ. Онъ не долженъ только отражать въ себѣ безконечную вереницу явленій, ему не слѣдуетъ превращаться въ регистратора ощущеній. Искусство должно сгущать дѣйствительность, сосредоточивать наивозможно бо́льшее количество жизни въ наивозможно меньшее время и пространство. Подлинное искусство (le grand art) должно возбуждать въ насъ симпатическія эмоціи,—а не ограничиваться изображеніемъ выдающихся моментовъ жизни"... Великіе типы, созданные первостепенными романистами и драматургами, въ одно и то же время и реальны и символичны,—и въ этомъ тайна ихъ особеннаго значенія, ихъ чрезвычайнаго вліянія на длинный рядъ поколѣній. Истинное искусство даетъ непосредственное чувство наиболѣе напряженной и наиболѣе экспансивной жизни, — наиболѣе индивидуальной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе соціальной. Въ литературѣ, какъ и въ философіи, ни идеализмъ ни реализмъ, взятые отдѣльно, не могутъ быть правдивы. Каждый изъ нихъ выражаетъ одну изъ сторонъ человѣческой жизни и дополняютъ другъ друга. Символизмъ — необходимая, характерная черта поэзіи! Символическій характеръ придается стилю глубиной самой мысли и эмоціи, — въ него стараются вложить больше, нежели онъ говоритъ... Но единственный принципъ и истинная мѣра красоты есть жизнь; въ искусствѣ жизнь необходима,—и слишкомъ неопредѣленный и слишкомъ условный идеализмъ составляетъ измѣну красотѣ. Съ другой стороны, вопреки крайнимъ утвержденіямъ натурализма,—художникъ не долженъ удовлетворяться изображеніемъ голаго факта! Если онъ намъ прямо и не объяснитъ его причины, то, по крайней мѣрѣ, заставитъ почувствовать ее, укажетъ на движеніе, на мотивы, которые скрыты въ глубинѣ и производятъ тѣ или другія явленія на поверхности

жизни. Изображайте вещи только въ томъ случаѣ, когда они что-нибудь значатъ,—когда они пробуждаютъ въ насъ мысли и чувства! Оправданіемъ реализма именно то и служитъ, что все говоритъ, все заслуживаетъ быть выслушаннымъ, — надо только умѣть понимать! Для искусства, какъ для науки, продолжаетъ Гюйо — нѣтъ ничего ничтожнаго, заслуживающаго пренебреженія. Жизнь неразрывна со зломъ и страданіями; она исключаетъ абсолютно-совершенное. Въ былыя времена искусство имѣло дѣло съ царями и полубогами; теперь мы понимаемъ, что существуетъ лишь одинъ способъ быть великимъ—это быть самимъ собою! Введеніе некрасиваго въ искусство имѣетъ преимущественно нравственныя и общественныя основанія; но—спѣшитъ прибавить Гюйо — безобразное можетъ быть введено въ художественное произведеніе лишь геніемъ! Простой талантъ можетъ убить имъ свое созданіе. Плохо понимаемый реализмъ дѣлаетъ небольшія дарованія нестерпимыми... Подлинное искусство заключается въ умѣньѣ схватить и передать духъ вещей [l'esprit des choses],—иными словами, то, что связываетъ индивидуумъ съ цѣлымъ, преходящее съ вѣчнымъ, въ человѣческомъ смыслѣ послѣдняго выраженія. Для искусства важна перспектива, которая введена въ переданные образы, та точка зрѣнія, на которую становится художникъ. Данное лицо—предметъ дѣйствительнаго наблюденія—получаетъ въ художественномъ произведеніи логическое развитіе; его изображеніе далеко уходитъ отъ значенія портрета! Въ мѣру дарованія автора и его умственной силы къ нему присоединяется особенная знаменательность и способность возбуждать въ читателяхъ или зрителяхъ сложный рядъ чувствованій и мыслей. Всѣ великіе драматическіе типы—поистинѣ живыя доктрины"... Произведеніе искусства должно отражать идеи вѣка, проникаться въ извѣстной степени всей современной философіей,—и въ этомъ отношеніи должно быть серьезнымъ факторомъ общаго соціальнаго развитія общества, народа.

„Истинный поэтъ долженъ быть увлеченъ будущимъ: Le vraï poète doit être èpris d'avenir—приводитъ Гюйо слова Ронсара. Искусство, какъ и вообще всѣ факторы соціальной жизни общества—должно вести человѣка впередъ!"... Гюйо не видитъ большихъ заслугъ у такихъ представителей позднѣйшей беллетристики, современнаго романа — какъ Золя и его послѣдователи. „Натуралисты школы Золя, замѣчаетъ Гюйо, проникнуты философской идеей, — только идея эта очень узка, очень односторонняя! Всегда и всюду они видятъ въ человѣкѣ лишь животное"... Гюйо возстаетъ и противъ такихъ писателей, какъ декадентъ Ришпенъ: по мнѣнію Гюйо, такіе писатели, низводящіе искусство на степень порнографіи — въ сущности крайніе реакціонеры!.. Вообще, по взгляду Гюйо— искусство должно съ особой осмотрительностью избирать область для своей дѣятельности. Это необходимо и съ эстетической и съ нравственной точки зрѣнія. Наиболѣе возвышенныя идеи являются предметомъ и наиболѣе возвышенной поэзіи. „Достоинство художественнаго произведенія превосходно доказывается, если послѣ чтенія напр. романа читатель чувствуетъ себя чище и выше, если произведеніе пробудило и укрѣпило въ читателѣ общественныя симпатіи, стремленіе къ дѣятельности и совершенствованію"... Гюйо самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ мнѣнія, будто позднѣйшая наука и связанная съ нею философія ведутъ къ безнравственнымъ и противуобщественнымъ выводамъ. Человѣчество не утрачиваетъ, благодаря точному знанію, глубокой потребности въ идеалѣ. Наоборотъ,—при свѣтѣ науки потребность эта лишь очищается отъ предразсудковъ и суевѣрій, возвышается вѣрою въ разумъ человѣка, въ его историческое развитіе! Успѣхъ какъ „золаизма" такъ и позднѣйшаго „декаденства" Гюйо объясняетъ лишь междуцарствіемъ идеала. Гюйо со всей энергіей возстаетъ противъ такого рода „художниковъ". „Невропаты и преступники заполонили литературу!"... Писатели, которые выво-

дятъ такіе типы, охвачены болѣзненными вѣяніями: у нихъ какая-то скорбная организація и они нерѣдко впадаютъ въ полный пессимизмъ. Такого рода настроеніе, въ болѣе простой формѣ, замѣчается у нѣкоторыхъ душевнобольныхъ. Характерною чертою является непомѣрное тщеславіе,—отсюда болѣзненная страсть къ автобіографическимъ подробностямъ, вѣчное стремленіе наблюдать за собою, превращать каждое душевное движеніе, малѣйшее свое дѣйствіе въ цѣлую эпопею. По терминологіи Гюйо, это—писатели „неуравновѣшенные". Къ „неуравновѣшеннымъ" тѣсно примыкаютъ „декаденты",—представители общаго упадка литературы, а отчасти во всемъ обществѣ. По мѣрѣ того, какъ цивилизація развивается, ходъ ея развитія становится сложнѣе и быстрѣе. Послѣдствіемъ осложненія и ускоренія является разложеніе въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ. Въ наши дни двадцать лѣтъ значатъ болѣе, чѣмъ недавно еще значило столѣтіе. Естественно, что нѣкоторыми людьми овладѣваетъ преждевременная дряхлость, что они, какъ писатели, представляются изысканными и холодными. Форма у нихъ выдвигается на главный планъ, цѣлое подчиняется частямъ. „Страница въ ихъ глазахъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ вся книга, параграфу они отдаютъ преимущество передъ страницей, а отдѣльной фразѣ или слову—передъ параграфомъ. Культъ слова и фразы заглушаетъ у декадентовъ культъ мысли и чувства"...

Мы сочли нелишнимъ съ нѣкоторыми подробностями остановиться на эстетическихъ взглядахъ позднѣйшаго французскаго критика: эти взгляды пріобрѣтаютъ особенную цѣну въ виду тѣхъ теченій, которыя такъ настойчиво заявляютъ о себѣ за позднѣйшее время въ поэзіи и беллетристикѣ — и у насъ и на Западѣ. Приведенныя сейчасъ замѣчанія Гюйо въ общемъ довольно вѣрно опредѣляютъ степень значенія для историка литературы такихъ произведеній, какъ произведенія нашихъ позднѣйшихъ „декадентовъ, а равно и вообще большинство произведеній нашихъ теперешнихъ „писателей".

Характеристика, которую дѣлаетъ Гюйо своимъ французскимъ „декадентамъ“ и „неуравновѣшеннымъ писателямъ“ [litterature des désequilibrés et des décadents]—какъ нельзя лучше указываетъ ту точку зрѣнія, на которую долженъ стать и историкъ русской литературы въ отношеніи къ такого рода „поэтическимъ“ произведеніямъ...

Какъ мы уже замѣтили, всякое литературное произведеніе создается при участіи трехъ силъ или способностей души: ума, чувства и воображенія, или фантазіи; совмѣстное обнаруженіе въ литературномъ произведеніи этихъ душевныхъ силъ человѣка и даетъ произведенію то, что̀ дѣлаетъ его произведеніемъ „литературнымъ“. Въ первыя времена жизни народовъ, въ періодъ ихъ младенчества, преобладающими сторонами въ произведеніяхъ литературы являются воображеніе и чувство; умъ, рефлексія дѣйствуютъ еще слабо, подавляются двумя другими силами,—какъ и у ребенка. Литературное творчество народа на самыхъ первыхъ порахъ является исключительно поэтическимъ: „литература“ отожествляется и исчерпывается поэзіей, съ исключительнымъ преобладаніемъ фантазіи, чувства; сравнительно лишь гораздо позднѣе возникаетъ проза. Появленіе послѣдней обусловливалось болѣе широкимъ развитіемъ отвлеченнаго, теоретическаго мышленія, болѣе высокой степенью выработавшихся у народа отвлеченныхъ схемъ и понятій,—словомъ, когда фантазія и чувство постепенно начали уступать свое преобладающее мѣсто уму, рефлексу, и отвлеченная мысль стала работать сильнѣе въ общемъ строѣ духовной жизни народа... „Поэзія“ является наиболѣе раннимъ и лишь однимъ изъ многихъ выраженій общихъ, врожденныхъ человѣчеству, стремленій къ прекрасному, къ идеалу. Уже съ незапамятныхъ временъ и одинаково у всѣхъ человѣческихъ племенъ, рядомъ съ поэзіей, творчествомъ въ области слова, языка—выраженіемъ той же творческой силы воображенія, фантазіи, и тѣхъ же стремленій къ прекрасному являют-

Ин-та Русского

ся пѣніе или музыка, пляска или вообще мимика, зачатки зодчества, живописи, ваянія. Всѣ эти такъ наз. „искусства“ лишь позднѣе обособляются, дифференцируются; на первыхъ порахъ, въ своихъ первичныхъ, эмбріональныхъ зачаткахъ всѣ они сливаются, смѣшиваются, переходятъ одно въ другое. Уже съ незапамятныхъ временъ появляется у всѣхъ народовъ стихъ, ритмъ. Древнѣйшая, начальная поэзія всѣхъ народовъ была стихотворной, — стихами излагались самые законы. Поэзія устнаго творчества нерѣдко и теперь соединяется съ пѣніемъ, музыкой, пляской... Ближайшимъ образомъ первобытная поэзія народа возникаетъ и развивается въ неразрывной связи съ первобытнымъ языкомъ народа и народной миѳологіей.

Связь съ языкомъ часто самая непосредственная и живая. Это обусловливается самымъ характеромъ первобытнаго языка. Слова, выраженія первобытнаго человѣка не были для послѣдняго лишь условными, ничего не говорящими знаками, — какъ большинство словъ (если не всѣ) являются для насъ теперь; условными знаками, символами, слова сдѣлались уже много спустя, — вслѣдствіе частости употребленія, вслѣдствіе забвенія ихъ первичнаго поэтическаго значенія, наконецъ, вслѣдствіе измѣненія самыхъ взглядовъ народа на тѣ или другія явленія и факты. Для младенчески неразвитаго человѣка каждое слово было живымъ проблескомъ мысли, чувства, выраженіемъ того впечатлѣнія, которое производили предметы и явленія на умъ первобытнаго дикаря. По неразвитости послѣдняго, эти впечатлѣнія носили всегда предметный, образный характеръ. Языкъ былъ полонъ образовъ, поэтическихъ метафоръ, — бывшихъ для дикаря однако не метафорами, а цѣлымъ міромъ живыхъ, реальныхъ, своеобразно дѣйствующихъ существъ!.. Обогащая себя словами, народъ творилъ. Своеобразный, поэтическій, какъ-бы наполненный живыми существами *языкъ* — являлся именно наиболѣе раннимъ фактомъ духовной самодѣятельности народа, носилъ на

себѣ яркое отраженіе всей его начальной духовной жизни, дѣятельности его ума, чувства, фантазіи, — и въ этомъ отношеніи былъ первымъ фактомъ поэтическаго творчества народа, первымъ памятникомъ его литературы, поэзіи. Слова, выраженія первобытнаго языка были какъ-бы „маленькими поэмами“,—и при первомъ случайномъ поводѣ дѣйствительно становились ими. Образное, метафорическое выраженіе, *слово* съ присоединеніемъ малѣйшихъ бытовыхъ подробностей превращалось въ маленькое *повѣствованіе, миѳъ*... Здѣсь коренится ближайшая, неразрывная связь первобытнаго народнаго *языка* съ первичными народными *сказаніями, миѳами*. Отсюда понятно и то, какъ много можетъ иногда дать для уразумѣнія того или другого образа народной поэзіи, того или другого мотива, раскрытіе первичнаго значенія *слова*, лежащаго въ его основѣ *корня*: мы получаемъ здѣсь какъ-бы ключъ къ объясненію *древнѣйшихъ миѳовъ*, — древнѣйшаго первичнаго мотива *сказанія, былины, пѣсни*. Языкъ какъ-бы вскрываетъ передъ нами ихъ первичную поэтическую основу, ихъ реальный исходный пунктъ...

Еще тѣснѣе, разнообразнѣе и шире связи древнѣйшей народной поэзіи съ миѳологіей народа. Подобно языку, миѳологія народа развивается въ нераздѣльной связи съ общимъ духовнымъ ростомъ народа и подъ столь же могущественнымъ вліяніемъ присущихъ народу его духовныхъ силъ и всего окружающаго. Подобно отдѣльнымъ словамъ, *древнѣйшіе миѳы* — результатъ наиболѣе раннихъ впечатлѣній на первобытнаго человѣка всей окружающей природы, тѣхъ или другихъ условій его страны, всего быта народа, поэтическое олицетвореніе, осмысленіе тѣхъ понятій и представленій, которыя получалъ первобытный человѣкъ отъ природы, ея силъ и явленій, — выраженіе первыхъ воззрѣній народа на міръ и окружающее, на взаимныя отношенія людей, отношенія племенныя, воззрѣній религіозныхъ, нравственныхъ, юридическо-бытовыхъ и т. д. Первобытная миѳологія народа—его первая

религія, первая философія, первый кодексъ его обычнаго права, первая наука! Это—живой отпечатокъ всей древнѣйшей народной культуры, степени развитія народа, культурныхъ отношеній и связей его съ другими племенами и т. д. и т. д. Но прежде всего и нераздѣльно со всѣмъ этимъ, первобытная народная миѳологія, подобно первобытному языку — исходная почва древнѣйшей народной поэзіи, точнѣе— сама народная поэзія! Первичные миѳическіе образы и сказанія — наиболѣе ранняя область и первая колыбель начальнаго *народнаго эпоса*. Подобно языку, но гораздо непосредственнѣе и въ несравненно сильнѣйшей степени, миѳологія народа служитъ исходнымъ пунктомъ первыхъ произведеній устнаго народнаго творчества, служитъ той общей духовной атмосферой, въ которой развертываются первые ростки будущей національной литературы,—болѣе или менѣе богатый міръ народныхъ поэтическихъ *сказаній*, *пѣсенъ*, *былинъ*...

Появленіе у народа письменности проводитъ рѣзкую грань между его прежней, болѣе ранней устной литературой и литературой послѣдующей, письменной — и самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на дальнѣйшій ходъ національной литературы. Лишь на почвѣ письменности начинаетъ развиваться и личное, субъективное творчество: лишь письмо даетъ возможность личной мысли, личному поэтическому произведенію цѣлые вѣка сохраняться въ полной неприкосновенности!.. На первыхъ порахъ письменность является достояніемъ лишь незначительной сравнительно части народа, верхнихъ, наиболѣе культурныхъ его слоевъ,—и вслѣдствіе этого общая масса литературныхъ произведеній народа какъ бы раздваивается: рядомъ съ литературой устной возникаетъ и развивается литература письменная. При нормальномъ ходѣ исторической жизни народа, литература письменная является лишь продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ литературы устной, въ тѣсной, ближайшей связи

съ ней; но это не всегда бываетъ. Нерѣдко письменная литература высшихъ, наиболѣе развитыхъ слоевъ народа становится въ положеніе враждебное къ прежней, болѣе ранней—литературѣ устной. Послѣдняя, если не совершенно исчезаетъ—отступаетъ на задній планъ, дѣлается достояніемъ низшей, менѣе культурной или совсѣмъ неграмотной массы народа... Именно послѣднее мы видимъ въ начальномъ періодѣ литературы русской.

Неразрывно связанная съ общими историческими судьбами народа, литература каждаго народа своимъ содержаніемъ и ростомъ, разнообразіемъ и богатствомъ произведеній, ихъ поэтичностью, бо́льшей или меньшей широтой затрагиваемыхъ идей, въ весьма значительной степени отличается отъ литературъ другихъ народовъ, — и съ точки зрѣнія общечеловѣческаго развитія является болѣе цѣнной или менѣе. Русская литература въ этомъ отношеніи лишь въ самое послѣднее время могла сравняться съ литературами передовыхъ народовъ Европы. Русскій народъ силою историческихъ событій на цѣлыя 200—300 лѣтъ отсталъ отъ своихъ болѣе счастливыхъ западныхъ сосѣдей, — въ теченіе ряда столѣтій болѣе „отсталой“ сравнительно съ другими европейскими является и его литература! Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ наша литература является крайне ограниченной и бѣдной по своему содержанію,—литературой собственно мѣстной, удовлетворяющей ближайшимъ, насущнымъ потребностямъ едва грамотнаго общества, мало оригинальной и производительной, питающеюся почти исключительно богатствами другихъ литературъ, — сначала Византіи, потомъ Запада. Лишь въ самое послѣднее время — съ Пушкина и Гоголя — русская литература кончаетъ этотъ долгій періодъ своей зависимости, подражательности, пріобрѣтаетъ оригинальность, самостоятельность, — и равноправное мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ литературъ.

Начиная съ послѣдней четв. XIX столѣтія,—передъ нами цѣлый „дождь переводовъ“ въ западно-европейскихъ литературахъ изъ литературы русской! Западно-европейскіе читатели и критики разомъ признали богатство содержанія, оригинальность и силу поэтическаго творчества въ произведеніяхъ позднѣйшихъ русскихъ писателей,—учениковъ Пушкина и Гоголя... Это теперешнее „торжество“ русской литературы какъ бы оправдало въ концѣ концовъ русскую литературу въ глазахъ другихъ народовъ,—и вознаграждаетъ особенности ея медленнаго историческаго развитія, ея „бѣдность“ и „отсталость“ въ прошломъ... Эта „отсталость“, „бѣдность“ никоимъ образомъ не уменьшаетъ однако въ глазахъ историка великой важности изученія ея историческихъ судебъ. Ученый изслѣдователь—не эстетикъ!.. Исторія русской литературы, исторія этой не богатой въ прошломъ литературы —, исторія нашего собственнаго духовнаго развитія, исторія духовнаго прошлаго нашей родной страны, нашей народности! —исторія думъ, чувствъ и мыслей, которыми въ теченіе вѣковъ жилъ русскій народъ, тѣхъ идеаловъ и стремленій, которые за время долгой его исторической жизни служили для него путеводной звѣздой его культурнаго и общественнаго развитія!.. Въ этомъ отношеніи, русская литература, какъ литература всякаго историческаго народа, народа, имѣющаго исторію,—представляетъ живой интересъ для историка. Тѣсныя связи литературы народа съ его общей умственной жизнью, съ исторіей развитія его культурныхъ и гражданскихъ идеаловъ—этотъ наиболѣе существенный и важный элементъ въ „исторіи литературы“ каждаго народа—въ исторіи русской литературы, въ силу особыхъ условій нашей прежней политической жизни, выступаетъ даже на особенно видное мѣсто, пріобрѣтаетъ особенно важную роль. Справедливо замѣчаетъ проф. Брюкнеръ,—особенно важное значеніе исторія русской литературы представляетъ по своему общему гуманному содержанію, общимъ идеальнымъ стремленіямъ

и глубокому вліянію на успѣхи духовной жизни народа. Въ то время, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи, рядомъ съ „литературой“ идутъ другія проявленія свободной жизни народа,—въ Россіи народная мысль, со всѣхъ сторонъ сдавленная запретами, если находила какой-либо выходъ, то лишь въ литературѣ! Только литература служила здѣсь убѣжищемъ для свободной мысли... И не смотря на всѣ неблагопріятныя обще-историческія условія въ отдаленномъ прошломъ, цензурныя гоненія, препятствія въ прошломъ очень близкомъ, — русская литература чрезвычайно много поработала въ дѣлѣ общаго хода общественнаго и политическаго развитія русскаго народа, духовнаго развитія русскаго общества, развитія въ немъ „національнаго самосознанія“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, насколько это „самосознаніе“ выражается въ развитіи просвѣщенія, науки, поэтической литературы, публицистики, въ общемъ ходѣ и расширеніи общественной мысли. Общественное значеніе литературы, неразрывная связь ея съ общественной жизнью, съ характеромъ и складомъ общественности — въ исторіи русской литературы выдвигается съ особой силой. Русская литература, ея исторія, въ силу указанныхъ политическихъ причинъ, болѣе чѣмъ литература какого другого народа—входитъ въ цѣлую исторію общества, болѣе чѣмъ какая другая литература указываетъ возростаніе общественнаго самосознанія, является связанной съ явленіями общественной и политической жизни своего народа. Ибо только „литература“—и она одна!—могла [въ какой степени, это другой вопросъ!] подавать объ этихъ явленіяхъ свой голосъ—въ духовномъ поученіи, въ краткой лѣтописной замѣткѣ, въ поэтическомъ произведеніи, въ томъ или другомъ памятникѣ публицистическаго характера, наконецъ въ позднѣйшемъ, столь прославленномъ въ западной Европѣ, „русскомъ романѣ“...

II.

Очеркъ постепеннаго развитія «исторіи литературы», какъ науки, на Западѣ.—Филологическія изученія въ средѣ александрійскихъ ученыхъ и у римлянъ.—«Исторія литературы» въ Византіи и въ средніе вѣка.—Общее господство библіографическихъ изученій.—Эпоха «Возрожденія»; расширеніе научныхъ изученій въ области «исторіи литературы».—Широкое развитіе филологическихъ изученій.—Эстетическая точка зрѣнія при изученіи памятниковъ литературы.—Теорія «псевдоклассицизма»; Буало и Готшедъ.—«Эстетическая теорія»; Баумгартенъ, Лессингъ и др.—Широкое развитіе обще-историческихъ, филологическихъ и философскихъ изученій къ концу XVIII в.—Идеи Гердера.—Романтизмъ.

„Исторію литературы“ можно назвать и старой и новой наукой. Возникла она уже давно, но въ послѣднее время объемъ ея содержанія такъ увеличился, вмѣстѣ съ этимъ такъ расширились, а отчасти и совершенно измѣнились, ея задачи, пріемы и методы изслѣдованія, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи у ней такъ много еще непрочнаго, колеблющагося, что ее не безъ основанія считаютъ въ этомъ смыслѣ и наукой только что возникающей, которая вся еще въ будущемъ... Примитивные зачатки „исторіи литературы“ мы видимъ уже у александрійскихъ ученыхъ [II—III вв. до Р. Хр.]: разумѣемъ ихъ филологическія изысканія по изученію текстовъ Гомера и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ писателей. Труды по изученію болѣе раннихъ литературныхъ произведеній встрѣчаемъ далѣе у римлянъ,—таково напр. одно изъ сочиненій Квинтиліана [† въ кон. I в. по Р. Хр.]: *Institutiones oratoriae*. Интересъ къ старымъ писателямъ особенно усиливается въ Византіи. Внимательно собираются старые литературные памятники, приводятся изъ нихъ отрывки, собираются біографическія свѣдѣнія,—появляются обширные литературные каталоги, словари и т. п. Изъ этого рода трудовъ отмѣтимъ труды византійцевъ Исихія или Гезихія Иллюстрія [IV в. по Р. Хр.],—позднѣе патр. Фотія [† 891], полумиѳическаго Свиды [X в.] и др. Матеріалъ

собственно историко-литературный переплетается и смѣшивается здѣсь чаще всего съ общими историческими и археологическими указаніями; „исторія литературы“, біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, идетъ рядомъ съ грамматикой, лексикологіей и т. п. Громадная заслуга здѣсь больше всего заключалась въ простомъ собираніи и сохраненіи стараго литературнаго матеріала. Особенно цѣнными въ этомъ отношеніи были труды Фотія и Свиды. Въ *Библіотекѣ* Фотія передъ нами—правда, безъ всякой систематизаціи — длинный рядъ отзывовъ, замѣтокъ, иногда краткихъ, иногда весьма обширныхъ, о прочитанныхъ авторомъ книгахъ, о трудахъ грамматиковъ, риторовъ, натуралистовъ, историковъ, о сочиненіяхъ церковныхъ, житіяхъ святыхъ и т. д. и т. д.,—нерѣдко съ обширными извлеченіями изъ самыхъ сочиненій! Произведенія поэтическія однако здѣсь почти совершенно отсутствуютъ. *Лексиконъ* Свиды [личность этого ученаго остается до сихъ поръ загадочной; не извѣстно и самое время его жизни, — „Лексиконъ“ появился около серед. X вѣка] представляетъ нѣчто среднее между собственно литературнымъ словаремъ и цѣлой энциклопедіей. Собственно литературный и филологическій матеріалъ [грамматика, лексика, отрывки и замѣтки о сочиненіяхъ, свѣдѣнія о писателяхъ] соединяется здѣсь съ археологіей, естествознаніемъ, философіей и другими тогдашними „науками“... Съ такимъ же хаотическимъ характеромъ „исторія литературы“ очень долгое время остается и въ средніе вѣка. По прежнему она состоитъ чаще всего въ простомъ собираніи или комментированіи старыхъ текстовъ, изложеніи ихъ содержанія, приведеніи біографическихъ свѣдѣній, чаще всего весьма сомнительныхъ, и т. п. „Исторія литературы“ по прежнему имѣетъ видъ сборниковъ, словарей, каталоговъ, — причемъ на первыхъ порахъ иногда и не выдѣляется изъ общихъ энциклопедическихъ сборниковъ и компиляцій. Таковы относящіеся сюда труды Гелинанда [† 1237], который въ свою *Всемірную Хронику* вноситъ свѣдѣнія и о писателяхъ,

греческихъ и римскихъ, и ихъ сочиненіяхъ,—и другого средневѣкового монаха Викентія Бовезскаго [XIII в.], въ *Энциклопедіи* котораго также встрѣчаются біографіи писателей, обозрѣнія или перечни сочиненій и т. п. Общее представленіе объ „исторіи литературы“ долгое время и послѣ, до самой половины или даже конца XVII—нач. XVIII столѣтія, остается прежнимъ, старымъ — библіографическимъ или біографическимъ. И въ XVI—XVII вв. „исторія литературы“ чаще всего не идетъ дальше библіографіи, — болѣе или менѣе подробныхъ инвентарей письменнаго и печатнаго матеріала, или вообще каталоговъ того, что̀ гдѣ-либо и когда-либо было написано или напечатано. Понятіе о „литературѣ“ сливается съ понятіемъ о „письменности“, „печати“ вообще,— и собственно „литературныя“ произведенія перечисляются на ряду съ памятниками законодательными, судебными, руководствами по медицинѣ, домоводству и т. д. и т. д. Именно такой характеръ носятъ знаменитые въ свое время труды Конрада Геснера [† 1565] *Bibliotheca Universalis seu Catalogus omnium scriptorum locupletissimus in tribus linquis, graeca, latina et hebraica* etc. [Цюрихъ, 1545 — 1555], и Ламбека [или Ламбеціуса, † 1680] *Prodromus Historiae Literariae* [Hamburg, 1659], — хотя въ трудѣ Ламбека впервые уже появляется самый терминъ: „исторія литературы“, „литературная исторія“... Самые факты чаще всего продолжаютъ излагаться безъ всякой внутренней связи, — даже безъ мысли о необходимости какой-либо такой связи, и безъ малѣйшихъ попытокъ къ какой-либо критикѣ! Біографическія свѣдѣнія о писателяхъ нерѣдко ограничиваются собираніемъ различныхъ нелѣпостей, курьозовъ и т. п.; часто не многимъ лучше и другія „научныя“ соображенія „историковъ“. Хронологическія разысканія напр. Ламбека приводятъ его къ заключенію, что міръ сотворенъ вечеромъ, наканунѣ 26 октября,— вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ скептиковъ, утверждающихъ, что твореніе началось съ вечера на 19 октября... Ламбекъ провоз-

глашаетъ, какъ несомнѣнную истину, что первобытнымъ языкомъ человѣчества былъ языкъ еврейскій, что въ раю говорили по еврейски и т. д. Въ какомъ положеніи находилось дѣло изученія „исторіи литературы“, какъ науки, даже къ концу XVII — нач. XVIII в., показываетъ между прочимъ книга Геймана [† 1764]: *Conspectus Reipublicae Literariae* [Геттингенъ, 1713], считавшаяся въ свое время величайшимъ научнымъ трудомъ этого рода,—и въ Германіи дѣйствительно положившая первыя основанія „исторіи литературы“. Подъ „исторіей литературы“ Гейманъ разумѣетъ опять въ сущности только библіографію. „Исторія литературы“ понимается имъ, какъ общая масса всего написаннаго и напечатаннаго. По Гейману, „литература“ — всѣ отдѣлы книжной торговли!.. Отдѣльныя главы труда Геймана трактуютъ о „письменахъ“, о началѣ и развитіи „книгопечатанія“ или „литературы“, перечисляютъ собственно „научныя“ книги, „литературныя“ и вообще „книги“,—причемъ послѣдняя глава противопоставляется другой главѣ: „объ авторахъ“ и т. д. Въ началѣ, въ особой главѣ, Гейманъ излагаетъ общіе взгляды на „литературу“, ея значеніе и пользу, которую она даетъ. Польза, доставляемая исторіей литературы, по Гейману, состоитъ въ томъ, что мы получаемъ изъ нея свѣдѣнія о хорошихъ и худыхъ книгахъ, научаемся способу кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ достигать учености, узнаемъ, на что должно обращать вниманіе и чего должно избѣгать при изученіи, вообще почерпаемъ литературную опытность, познавая жизнь мужей, знаменитыхъ дарованіемъ и ученостью, черезъ что не только освобождаемся отъ предразсудковъ почитанія авторитетовъ и древности, но и побуждаемся къ соревнованію; наконецъ, узнаемъ пути божественнаго провидѣнія... Важнѣйшее значеніе труда Геймана заключалось въ томъ, что это была первая попытка обозрѣть сообща весь тотъ огромный матеріалъ, который въ это время входилъ въ понятіе „литературы“,—такъ или иначе разобраться въ этой

хаотической массѣ, подраздѣлить ее на тѣ или другія группы, отдѣлы, отмѣтить въ этомъ матеріалѣ стороны болѣе важныя отъ менѣе важныхъ и т. д. Общую область „литературы“ Гейманъ напр. дѣлитъ на части: „географическую“, „топографическую“, „техническую“ и т. д. и т. д.

Рядомъ съ господствующимъ направленіемъ библіографическимъ, уже рано начинаютъ пробиваться и другіе, болѣе широкіе взгляды.

Около полов. XV вѣка въ западной Европѣ начинается великая эпоха „Возрожденія“. Какъ бы вдругъ въ „варварской“ дотолѣ Европѣ — пробуждается необычайный интересъ къ классическимъ знаніямъ, къ изученію классическихъ литературъ и искусства, общее стремленіе къ болѣе широкому и свободному развитію личности, къ освобожденію ея изъ-подъ слишкомъ суровой опеки средневѣкового церковнаго авторитета. Вліяніе знакомства съ произведеніями античнаго міра, съ свѣтлымъ міровоззрѣніемъ классическихъ народовъ быстро начинаетъ сказываться во всѣхъ сферахъ современной умственной жизни Европы,—въ искусствѣ, политикѣ, морали... Вездѣ и всюду въ сферѣ мысли обнаруживаются стремленія къ бо́льшей широтѣ взглядовъ, къ болѣе свободному міровоззрѣнію, къ болѣе широкому и свободному развитію идей нравственныхъ, религіозныхъ, политическихъ, къ болѣе мірскому, свѣтлому міросозерцанію, — чѣмъ какъ это было еще такъ недавно, когда во всѣхъ сферахъ духовной жизни средневѣковой Европы безраздѣльно господствовалъ лишь одинъ авторитетъ,—церковный, аскетическій... Во главѣ начавшагося движенія становится Италія. Классическія традиціи здѣсь никогда совсѣмъ не вымирали; къ тому же страна эта несравненно болѣе, чѣмъ какая другая въ это время, была развита политически, благодаря широкой политической жизни отдѣльныхъ городовъ, широкому простору въ нихъ демократизму и развитію личности. Гораздо болѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, въ Италіи этого времени была развита

и наука; въ итальянскихъ университетахъ уже задолго передъ тѣмъ началось освобожденіе науки отъ средневѣковой схоластики... Изъ Италіи движеніе быстро распространяется повсюду. Общее духовное настроеніе европейской мысли быстро мѣняется. Европу охватываетъ широкая волна „гуманизма“, страстнаго увлеченія „классиками“, всѣмъ „классическимъ“,— быстро и радикально измѣняются господствовавшіе дотолѣ литературные вкусы и понятія... Едва ли не быстрѣе всего и особенно плодотворно движеніе сказывается въ Англіи. Здѣсь уже рано мы видимъ широкое гуманистическое движеніе. Уже рано распространяется здѣсь вкусъ къ классическимъ знаніямъ; въ Англіи уже съ пол. XV в. входитъ въ обычай отправлять воспитанниковъ Оксфора и Кембриджа для окончательнаго образованія въ Италію,—въ то же время подъ вліяніемъ новыхъ, шедшихъ изъ Италіи, вѣяній самое преподаваніе въ англійскихъ университетахъ значительно преобразовывается, вводится изученіе классическихъ писателей и т. п. Въ изученіи классицизма Англія подвигается такъ быстро, что уже въ 1498 году, когда Эразмъ Роттердамскій пріѣжаетъ въ Оксфоръ,—онъ находитъ здѣсь цѣлый кружокъ гуманистовъ, вернувшихся изъ Италіи, у которыхъ ему самому „многому можно было научиться“. Наиболѣе раннимъ англійскимъ писателемъ, выступившимъ съ проповѣдью новыхъ идей Возрожденія, противоположныхъ прежнему средневѣковому строю, является Томасъ Моръ [† 1535] съ знаменитой *Утопіей*, — въ послѣдней сквозитъ очевидное вліяніе Платоновыхъ діалоговъ, особенно „Республики“... Помимо могучаго импульса, который дается идеями Возрожденія общему умственному движенію въ Англіи, — довольно значительное вліяніе эти идеи оказываютъ здѣсь въ области драмы, особенно фарса и интермедіи: средневѣковыя англійскія интермедіи уже очень рано стараются усвоить себѣ технику античной комедіи! Широта вліянія идей Возрожденія въ Англіи сказывается между прочимъ и въ томъ, что тра-

диціи собственно „псевдоклассицизма“ весьма слабо привились на англійской почвѣ; „псевдоклассицизмъ“ въ англійской литературѣ является вообще крайне условнымъ... Въ Германіи, въ отношеніи собственно къ литературному развитію— „молодые побѣги Возрожденія завяли прежде, чѣмъ успѣли разцвѣсти“, быстро перейдя къ крайности псевдоклассицизма. Гуманистическое движеніе въ нѣмецкой литературѣ уже скоро сливается съ реформаціоннымъ, на время даже какъ-бы поглощается имъ. Во второй пол. XVI в. нѣмецкая литература принимаетъ чисто теологическій характеръ; писатели цѣнятся не по литературнымъ талантамъ, а по ихъ преданности идеямъ реформаціи. Свѣтской поэзіи за этотъ періодъ, если исключить произведенія Ганса Сакса [† 1576], Фишарта [† 1589], почти не существуетъ, — тѣмъ сильнѣе, какъ увидимъ сейчасъ, развивается здѣсь направленіе научное, филологическое... Уже съ конца XV в. признаки Возрожденія обнаруживаются во Франціи, раньше всего въ Парижскомъ университетѣ, въ лекціяхъ профессоровъ - итальянцевъ. Въ 1530 г. Франциском I [† 1547] учреждается знаменитый Collège de France,—полагаются первыя прочныя основанія во Франціи научнымъ изученіямъ языковъ греческаго и латинскаго; весьма важное значеніе имѣетъ также послѣдовавшее затѣмъ открытіе Королевской Типографіи [1539], начавшееся здѣсь печатаніе греческихъ классиковъ... Одновременно съ гуманистическимъ движеніемъ, шедшимъ изъ Италіи, — во Францію проникаетъ изъ Германіи и Швейцаріи теченіе религіозно-реформаціонное: уже въ началѣ XVI в. оба теченія встрѣчаются на французской почвѣ и находятъ себѣ массы послѣдователей. Разносторонне образованная Маргарита Валуа († 1549), сестра Франциска I, весьма талантливая и плодовитая писательница, собираетъ около себя цѣлый салонъ; здѣсь находятъ радушный пріемъ и представители реформаціи, какъ Кальвинъ, и пропагандисты идей Возрожденія, какъ Маро или Деперье,—одно изъ сочиненій котораго

сжигается рукой палача... Въ половинѣ XVI в. во Франціи видимъ уже цѣлую „плеяду“, цѣлую школу „гуманистовъ“-поэтовъ, поставившихъ своей задачей усвоить французской поэзіи поэтическія формы, выработанныя классической древностью. Во главѣ „французской плеяды“ — Іоахимъ Дю-Беллэ [† 1560], Пьеръ Ронсаръ [† 1585] и Жодель [† 1573]. Сочиненіе Дю-Беллэ *Défence et illustration de la langue française* [1549], хотя было вѣстникомъ уже приближавшагося во Франціи „псевдоклассицизма“, — само по себѣ заключало много вполнѣ здравыхъ и свѣтлыхъ мыслей. Авторъ объявляетъ войну всей предшествовавшей схоластической поэзіи, указываетъ крайнюю ея безсодержательность, грубость, сравнительно съ античной литературой, и взываетъ къ „настоящему, національному поэту“, который заставилъ бы замолчать „охрипшія флейты“ и далъ бы произведенія, волнующія душу искренностью и человѣчностью! Силъ для себя такой поэтъ, конечно, можетъ почерпнуть, по взгляду Дю-Беллэ, лишь въ античной поэзіи. Дю-Беллэ совѣтуетъ французскимъ писателямъ подражать древнимъ античнымъ авторамъ, — у нихъ учиться умѣнью изображать человѣческую жизнь: здѣсь, и только здѣсь, для писателя живой источникъ творчества! Искусство, исторія, мораль, философія, почти всѣ знанія, все беретъ начало у греческихъ писателей, — „какъ ручьи, у своихъ источниковъ!“ Чтобы быть хорошимъ поэтомъ, нужно быть хорошимъ классикомъ... И далѣе Дю-Беллэ прибавляетъ, указывая на средство упрочить въ странѣ „хорошій вкусъ“—и категоричностью мнѣнія, предупреждая будущія безапелляціонныя предписанія Ришельевской Академіи: „Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ короли и принцы, любители родного языка, запретили строгимъ указомъ своимъ подданнымъ выпускать въ свѣтъ, а типографщикамъ печатать — какое-бы то ни было сочиненіе, не выдержавшее предварительно редакціи ученаго мужа“!.. Трагедія Жоделя *Cléopatre Captive* [1552] является уже настоящей

французской „классической“ трагедіей... Что касается Ронсара — онъ, по словамъ Буало, „на французскомъ языкѣ говорилъ по-гречески и по латыни“. Сочиненія Ронсара нельзя читать, не имѣя подъ рукой обширнаго словаря по классической миѳологіи и греческимъ древностямъ...

Въ связи съ общимъ умственнымъ возбужденіемъ, охватывающимъ Европу съ эпохи Возрожденія, — и въ области „исторіи литературы“ видимъ замѣтное расширеніе научныхъ изученій. Подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ древне-классическимъ міромъ литературы и искусства, въ тѣсной связи съ фактическимъ изученіемъ произведеній классическихъ писателей, помимо общаго увлеченія „классиками“, общаго преклоненія передъ ними—какъ ближайшее послѣдствіе, мы видимъ, на первыхъ же порахъ широкое развитіе собственно филологическихъ изученій. Эти послѣднія, рядомъ съ произведеніями классическими и церковными, уже очень скоро начинаютъ все чаще обращаться къ области произведеній отечественныхъ, къ памятникамъ литературъ національныхъ, къ болѣе близкой и родной старинѣ. Отдѣльныя, случайныя попытки этого рода бывали изрѣдка и раньше; въ Италіи напр. уже въ 1378 году въ Флорентійскомъ университетѣ возникаетъ спеціальная каѳедра для *Божественной Комедіи* Данта,—въ Германіи еще ранѣе, еще при Карлѣ Великомъ [† 814], дѣлаются записи *нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ* и т. п. Теперь, съ эпохи Возрожденія, мы видимъ въ этомъ смыслѣ уже цѣлыя научныя направленія, обнаруживающіяся разомъ, одновременно въ различныхъ странахъ средневѣковой Европы. Въ Германіи уже къ концу XV в. передъ нами группа гуманистовъ-филологовъ, первыхъ историковъ нѣмецкой старины,—которые съ воодушевленіемъ изучаютъ нѣмецкое прошлое, восхищаются имъ, сравниваютъ нѣмецкія слова съ греческими и латинскими, отмѣчаютъ особенности различныхъ живыхъ нѣмецкихъ нарѣчій, пытаются возстановить болѣе старыя черты нѣмецкаго языка,

одновременно обращаются къ памятникамъ нѣмецкой литературы, къ *Пѣснѣ о Нибелунгахъ*, — печатаютъ изъ нея первые отрывки и т. д. Обращеніе къ изученію древняго нѣмецкаго языка тутъ же сопровождается и монументальными открытіями: дѣлается извѣстнымъ между прочимъ знаменитый codex argenteus *Готскаго Евангелія!*.. Въ Англіи уже въ началѣ XVI вѣка мы видимъ обширныя собиранія старыхъ англійскихъ рукописей; дѣлаются извлеченія изъ нихъ въ печати, изрѣдка издаются цѣлые памятники и т. п. Рядомъ съ антикварнымъ обращеніемъ къ старинѣ идетъ изученіе живыхъ языковъ и литературъ,—прежде всего съ цѣлями практическими. Появляется длинный рядъ разнаго рода *азбукъ*, *букварей*, различныхъ *письмовниковъ*; всѣ эти изданія имѣютъ цѣлью научить „читать и писать“ на томъ или другомъ живомъ языкѣ,—причемъ чуть не каждое такое изданіе рекомендуетъ и свое собственное, мѣстное правописаніе!.. Въ Германіи напр. еще нѣтъ и мысли о какой-либо общей орѳографіи, — еще меньше о какой-либо цѣльной грамматикѣ... Изученія однако быстро принимаютъ и болѣе широкіе размѣры. Во второй половинѣ XVI вѣка, съ основаніемъ Лейденскаго университета [1575], центромъ западно-европейской науки и въ частности филологическихъ изученій дѣлаются Нидерланды. Изученіе классическихъ языковъ уже скоро соединяется здѣсь съ изученіемъ не только языковъ восточныхъ, но и языка нѣмецкаго, отечественнаго. Послѣдній не только привлекается къ общимъ филологическимъ изысканіямъ, ставится въ связь съ другими языками, прежде всего съ тѣми же классическими, но вскорѣ дѣлаются попытки дать ему въ этихъ изученіяхъ и центральное мѣсто: дѣлаются попытки доказать, что нидерландскій языкъ—основной, первобытный языкъ человѣчества!—что голландскій языкъ не только родственъ со многими другими языками, особенно съ обоими классическими, но и гораздо древнѣе ихъ и т. д. Филологическія изученія уже скоро направляются въ область

литературнаго языка, на выработку стиля, прозаическаго и стихотворнаго, на выработку литературныхъ формъ и т. д. Мы упоминали уже о необычайно строгихъ взглядахъ относительно литературнаго языка Дю-Беллэ. Потребность въ выработкѣ языка была дѣйствительно самая насущная, — и заботы объ этомъ во Франціи между прочимъ уже рано беретъ на себя Малербъ († 1628). Во все продолженіе своей литературной дѣятельности онъ самый строгій пуристъ въ отношеніи къ языку, — всю эту дѣятельность направляетъ къ его обработкѣ, его „чистотѣ“ и „правильности“!.. Говорятъ, даже на смертномъ одрѣ Малербъ поправилъ грамматическую ошибку причащавшаго его священника, — и когда послѣдній замѣтилъ умиравшему поэту, что теперь не время заниматься такими пустяками, Малербъ отвѣтилъ, что онъ до самой смерти хочетъ отстаивать чистоту французскаго языка... Съ подобными же реформаторскими стремленіями въ Германіи въ это время выступаетъ Опицъ [† 1639]. Нѣмецкая поэзія превратилась къ этому времени въ рабское подражаніе иностраннымъ, преимутственно французскимъ образцамъ, — причемъ самый языкъ доходитъ до крайней степени упадка, распадается на цѣлый рядъ мелкихъ нарѣчій и говоровъ; явился полный просторъ для всякаго рода варваризмовъ,—латинскихъ, испанскихъ, французскихъ. Опицъ стремится дать строгое разграниченіе литературному матеріалу, собрать и установить законы стихосложенія, особое вниманіе обратилъ на чистоту стиля и т. д. Усилія Опица не дали видимыхъ, осязательныхъ результатовъ, — и нѣсколько позже то же знамя поднимаетъ Готшедъ [† 1766], выступающій въ 30—40 гг. XVIII в. настоящимъ диктаторомъ нѣмецкой литературы. Годшедъ поставилъ цѣлью дать нѣмецкой литературѣ новое направленіе, — и въ постановкѣ этой цѣли его величайшая заслуга; что касается самыхъ средствъ, взятыхъ имъ для этого — средства эти уже скоро оказались негодными!.. Пробудившіеся повсюду въ Европѣ интересы къ

филологіи переходятъ даже въ публику, въ высшіе слои; въ средѣ французской аристократіи возникаютъ такъ наз. литературные салоны.—салонъ маркизы Рамбулье († 1665), салонъ m-me Скюдери [† 1691] и многіе другіе; при мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ появляются цѣлыя стаи „придворныхъ поэтовъ“ и т. д. Все это способствуетъ въ извѣстной степени расширенію литературныхъ взглядовъ, способствуетъ „оживленію“ литературы, поэзіи, хотя преимущественно чисто искусственнаго, тепличнаго ея направленія; значительно способствуетъ и внѣшней выработкѣ языка, — но и здѣсь уже скоро ведетъ къ той вычурности, крайней неестественности, которыя потомъ будутъ и такъ зло осмѣиваться Буало и вмѣстѣ имъ же самимъ, его знаменитымъ кодексомъ, узаконяться надолго въ литературныхъ нравахъ... Общая, обнаруживающаяся болѣе или менѣе повсюду въ европейскихъ литературахъ, потребность въ выработкѣ литературнаго языка и стиля получаетъ прочную поддержку въ возникающей, благодаря кардиналу Ришелье, въ 1634 г. Французской Академіи (Académie Française), — старѣйшей среди „академій“ Европы, уже скоро дѣлающейся и строгой законодательницей для всѣхъ европейскихъ литературъ... Французская Академія ставитъ себѣ цѣлью — блюсти за „красотой французскаго языка“, „сдѣлать его дѣйствительнымъ господиномъ у себя дома и очистить его отъ всей накопившейся въ немъ дряни“... Какъ ближайшую свою задачу она предпринимаетъ составленіе *Словаря* французскаго литературнаго языка, — капитальнаго труда, который оканчивается лишь черезъ 60 лѣтъ [*Dictionnaire de l'Académie Française*, 1694]...

Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Германіи передъ нами уже весьма серьезныя филологическія изученія старыхъ памятниковъ отечественной литературы: разумѣемъ труды Франциска Юніуса [Fr. Iunius, † 1671]. Обладая уже весьма обширными и глубокими филологическими

знаніями, Iunius первый примѣнилъ къ изученію нѣмецкаго языка и литературы методъ, дотолѣ практиковавшійся лишь въ области классической филологіи, — методъ интерпретацій, толкованій отдѣльныхъ мѣстъ памятника, со множествомъ сближеній, сопоставленій параллельныхъ мѣстъ и т. п. Iunius'у принадлежалъ также цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ въ области англійской литературы, комментаріевъ къ англійскимъ памятникамъ, ихъ изданій; здѣсь ученые труды и изданія Iunius'а въ полномъ смыслѣ дѣлали эпоху, открывали цѣлыя области англо-саксонской письменности, остававшіяся совершенно неизвѣстными!.. Расширенію филологическихъ изученій въ Германіи послѣ Iunius'а много способствуютъ разысканія Morhof'а [† 1691], а также философско-филологическія стремленія Лейбница [† 1716]. Труды Моргофа, относившіеся столько же къ области нѣмецкаго языка, какъ и нѣмецкой поэзіи, видимо пытаются принять какъ-бы историческое направленіе; въ одномъ изъ сочиненій Morhof дѣлаетъ попытку представить бѣглый обзоръ развитія не только нѣмецкой поэзіи, но и всей западно-европейской. Любопытны также его мысли о значеніи поэзіи народной: здѣсь онъ отчасти какъ-бы предупреждаетъ Гердера... Лейбницъ для обработки нѣмецкаго языка требуетъ учрежденія уже цѣлой академіи. Лейбницъ настоятельно указываетъ на необходимость выработки нѣмецкой прозы для образованнаго общества, причемъ особенно поддерживаетъ историческія права языка и областныхъ нарѣчій. Въ связи съ общими своими философскими разысканіями, Лейбницъ впервые поднимаетъ вопросъ объ отношеніи языка къ мышленію,—впервые указываетъ на значеніе языка, какъ историческаго источника, проникающаго въ прошлую исторію человѣчества гораздо дальше, чѣмъ что-либо другое! Въ послѣднемъ отношеніи Лейбницъ впервые бросаетъ мысль,—которая вскорѣ ложится въ основу сравнительнаго языкознанія и вообще сравнительно-историческаго изученія древнѣйшихъ эпохъ чело-

вѣчества: „Nihil majorem ad antiquas populorum origines indagandas lucem praebere, quam collationem linquarum“—замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ... Ближайшимъ продолжателемъ идей Лейбница былъ I. Eckhart [† 1730]. Величайшее научное значеніе трудовъ Eckhart'a можно видѣть уже изъ того, что важнѣйшій трудъ его: *Historia studii etymologici linquae Germanicae hactenus impensi* [Hannover, 1711] во многихъ отношеніяхъ не утратилъ своего значенія и теперь: именно этотъ трудъ Eckhart'a Пауль, одинъ изъ лучшихъ современныхъ историковъ нѣмецкой филологіи, кладетъ въ основу своихъ ближайшихъ пособій [ср. H. Paul, Geschichte der Germanischen Philologie, 1897]. Широкое научное содержаніе труда Eckhart'a далеко не исчерпывается его узкимъ грамматическимъ заглавіемъ. Въ этомъ трудѣ чисто филологическія изученія впервые пытаются принять ту необычайно широкую постановку, какой придается „филологіи“ нѣмецкими учеными позднѣйшаго времени. Отсюда — весьма важное значеніе трудовъ названнаго ученаго не только для области собственно филологической, но и вообще для историко-литературныхъ изученій; между прочимъ Eckhart'омъ обслѣдованъ цѣлый рядъ памятниковъ древне-германской литературы и т. д.... Вмѣстѣ съ попытками къ спеціальнымъ, ученымъ изслѣдованіямъ, которыя съ XVI-го вѣка возникаютъ одновременно и разомъ въ различныхъ странахъ Европы,—начинаютъ появляться отдѣльныя попытки и систематичнаго изложенія добытаго литературнаго матеріала: появляются первые очерки по исторіи національныхъ литературъ, по частнымъ литературнымъ вопросамъ отдѣльныхъ народовъ, сборники біографій національныхъ писателей, перечни ихъ сочиненій и т. п. Отмѣтимъ напр. уже рано появляющіеся труды по изученію жизни старыхъ провансальскихъ писателей, старыхъ писателей и поэтовъ французскихъ, британскихъ и т. д.

Рядомъ съ господствовавшимъ съ начала среднихъ вѣковъ направленіемъ библіографическимъ, рядомъ съ развивающимися, начиная съ эпохи Возрожденія, трудами въ области „исторіи литературы“ филологическими, — съ XV — XVI вв. все сильнѣе и замѣтнѣе начинаетъ пробиваться особое теченіе: изученіе памятниковъ литературы эстетическое. Это отчасти — будущая теорія „псевдоклассицизма“, отчасти — первыя, исходныя нити будущей „эстетической теоріи“. Теченіе представляло въ себѣ хотя крайне примитивныя и своеобразныя, но собственно—наиболѣе раннія попытки къ болѣе широкимъ, обобщающимъ историко-литературнымъ взглядамъ. Эстетическое направленіе, коренясь въ эпохѣ Возрожденія, было ближайшимъ результатомъ знакомства европейскихъ ученыхъ съ памятниками античнаго искусства и литературы: это знакомство невольно и само собой пробуждало у средневѣковаго человѣка болѣе широкія требованія по отношенію къ произведеніямъ поэтическаго творчества и вообще искусства, чѣмъ какія имѣлись до того времени, — само собой давало могучій толчокъ къ болѣе широкимъ взглядамъ на литературный памятникъ, на его задачи и цѣли, на задачи и цѣли вообще искусства, поэзіи, человѣческаго творчества... Древніе классики отчасти были извѣстны средневѣковой Европѣ и ранѣе Возрожденія; но, во первыхъ, это знакомство и само по себѣ было невелико, — пользовались не самыми классиками, а небольшими отрывками изъ нихъ, пересказами; затѣмъ, и это главное—пользованіе это носило крайне узкое, чисто практическое приложеніе. Тѣ или другіе отрывки изъ классическихъ авторовъ приводились лишь съ цѣлью отыскать въ нихъ какую-нибудь нужную средневѣковому богослову мораль, какую-нибудь богословскую аллегорію и т. п. Теперь, при непосредственномъ знакомствѣ съ древне-классическими произведеніями—у читателя являлся невольный, дѣйствительный восторгъ отъ эстетическихъ „красотъ“ этихъ произведеній, преклоне-

ніе предъ ними! Невольно возникали вопросы и о „красотѣ“ поэтическаго произведенія,—вообще о „прекрасномъ“, какъ о такихъ достоинствахъ произведеній поэзіи, вообще искусства, которыя могутъ принадлежать произведенію и помимо всякой морали, аллегоріи... Какъ ближайшій результатъ этого восторга, невольнаго преклоненія предъ эстетическими „красотами“ древнеклассическихъ памятниковъ литературы и искусства, а равно и общаго разширенія теоретическихъ взглядовъ на поэтическое творчество, на задачи и цѣли поэзіи—результатъ непосредственнаго знакомства съ относящимися сюда сочиненіями Аристотеля и Горація — тотчасъ же создается безконечный рядъ различныхъ „пінтикъ“ и „риторикъ“, которыя уже вскорѣ ведутъ за собою и знаменитую теорію „псевдоклассицизма“. Длинный рядъ этихъ „пінтикъ“ и „риторикъ“ начинается *Поэтикой* [1562] Скалигера и заканчивается во Франціи знаменитымъ кодексомъ Буало *L'Art Poètique* [1674], въ Германіи — *Риторикой* [1737] Готшеда... Строго говоря, во всѣхъ этихъ трудахъ, какъ и вообще въ „псевдоклассицизмѣ“ — не было собственно никакой научной теоріи: это было просто безотчетное преклоненіе предъ древнеклассическими поэтическими произведеніями, и соотвѣтственно этому, практическія правила, извлеченныя изъ изученія этихъ произведеній, практическіе совѣты, какъ нужно поступать, чтобы написать хорошее сочиненіе, и что такое вообще хорошее сочиненіе. Вся греко-римская древность являлась здѣсь какъ-бы „разрѣзанною на кусочки“, формулированною въ точные, опредѣленные отвѣты по вопросамъ: Что такое трагедія? Комедія? Что такое риторическая фигура? Что такое поэма? съ чего нужно въ ней начинать? и т. д. и т. д. Ни „теоріи“ собственно, ни тѣмъ болѣе какой-либо „исторіи“ въ этихъ трудахъ собственно не было!—все, что казалось особенно хорошимъ у классиковъ, немедленно возводилось въ „правило“. Передъ нами на каждомъ шагу категорическіе императивы... Тѣмъ не менѣе все же здѣсь

пробивались, какъ мы замѣтили, уже попытки къ болѣе широкимъ, обобщающимъ взглядамъ, чѣмъ какія существовали въ обиходѣ еще такъ недавно,—цѣлый рядъ вполнѣ здравыхъ взглядовъ, извлеченныхъ изъ Аристотеля и Горація, хотя послѣдніе и чередуются здѣсь же съ предписаніями и правилами, крайне мелочными, педантичными... Иногда теорія и вообще получала значительную широту: вопросъ иногда вообще шелъ не столько о подражаніяхъ древнимъ классикамъ, сколько о преобразованіи, по ихъ образцу, о развитіи своей собственной литературы,—о выработкѣ литературныхъ формъ, литературнаго языка, стиля... „Послѣднимъ словомъ“ псевдоклассицизма, какъ извѣстно, были кодексы Буало и Готшеда,—останавливаемся нѣсколько на нихъ.

Исходная точка теоріи Буало — все еще продолжавшееся хаотическое состояніе французскаго языка, его необработанность, особенно въ стихахъ. Въ основѣ „Поэтики“ Буало лежитъ та же мысль о „чистотѣ“ французскаго языка,—которая руководила и Ришельевскую Французскую Академію въ трудахъ надъ составленіемъ *Словаря*, къ которой такъ стремился Малербъ, которой одушевлены были и дамскіе французскіе салоны перв. пол. XVII в... Къ этому основному, исходному пункту возвращаются всѣ правила поэтическаго кодекса Буало, — но здѣсь же и источникъ увлеченій автора! По мнѣнію Буало, въ литературномъ произведеніи содержаніе, мысль — дѣло второстепенное; главное — форма и стиль. При недостаткѣ формы—разсуждаетъ поэтъ-законодатель—самая благородная и возвышенная мысль не можетъ произвести впечатлѣнія. Поэтому первая обязанность для каждаго писателя—прежде всего и больше всего заботиться о внѣшней формѣ, стилѣ. Въ этомъ отношеніи образцами писателю должны служить дворъ и лучшая часть общества: „Etudiez la cour, connaissez la ville“!.. Слѣдуя въ основныхъ, принципіальныхъ предписаніяхъ главнымъ образомъ Аристотелю и Горацію,

Буало въ своемъ кодексѣ даетъ много вполнѣ вѣрныхъ и здравыхъ взглядовъ и требованій: мы видимъ стремленіе къ реализму, къ природѣ,—и здѣсь же цѣлый рядъ ограниченій, крайней искуственности!.. Къ послѣднему въ значительной долѣ присоединяется вліяніе сильно распространеннаго въ то время во Франціи позитивнаго раціонализма. Основной принципъ Буало какъ-бы чисто натуралистическій:

Пусть природа будетъ единственнымъ предметомъ вашего изученія!..—

говоритъ поэтъ,—и здѣсь же прибавляетъ:

Изучайте дворъ и знакомьтесь съ городомъ!...

Исходнымъ пунктомъ для Буало служитъ—разумъ:

...Любите разумъ,—и пусть ваши сочиненія
Всегда заимствуютъ отъ него одного и свой блескъ и свою цѣну!..

Разумъ создаетъ красоту,—которая есть истина:

Прекрасно только истинное!...

Въ свою очередь истина, это—природа:

Природа—истинна...
Она носитъ сама въ себѣ очевидность...

„Разумъ“, „истина“, „природа“—все это составляютъ у Буало одно цѣлое. Принципъ красоты въ поэзіи — подражаніе природѣ: поэтъ долженъ рисовать съ натуры! Буало совершенно изгоняетъ фантазію, умствованіе, — требуетъ правдивости, сосредоточенія всѣхъ умственныхъ силъ писателя и всѣхъ ресурсовъ техники на изображеніи истиннаго характера объекта... Передъ нами — какъ-бы совсѣмъ натуралистическая доктрина; но это только кажется! Буало ставитъ для артистическаго „подражанія природѣ“ самыя тѣсныя границы. Отчасти мы ихъ уже видѣли: эти границы—„дворъ“ и „городъ“... Но этого мало. Такъ какъ конечная цѣль искусства — доставлять удовольствіе, то „подражаніе природѣ“ должно останавливаться тамъ, гдѣ это удовольствіе прекращается:

воспроизведеніе гнусной или ужасной дѣйствительности должно быть пріятнымъ, и только въ этой степени должно воспроизводиться въ поэзіи, — или оно должно остаться за предѣлами области поэтическаго творчества!.. Поле „подражанія природѣ“ Буало ограничиваетъ далѣе внутренними свойствами „истиннаго“, „раціональнаго“. Все частное, исключительное не входитъ въ область науки: истина существуетъ только по отношенію къ всеобщему и постоянному; слѣд., и поэзія должна подражать только общей природѣ, находящейся повсюду, во всякое время,—объектамъ, существующимъ въ силу ея вѣчныхъ законовъ, а не единичнымъ случайностямъ, не странностямъ чудовищныхъ явленій! Трагедія напр. должна рисовать не индивидуальныя лица, не Нерона, не Августа, а человѣческіе типы въ образѣ Нерона и Августа... Въ стремленіи къ „истинному“, „раціональному“, къ „природѣ“— и причина преклоненія предъ древними. Древніе велики потому, что они правдивы: они умѣли наблюдать и передавать природу,—мы восхищаемся ихъ произведеніями потому, что находимъ тамъ „природу“! „Древность“, это— „природа“... Таковы взгляды литературнаго законодателя XVII в. касательно содержанія. Что касается формы,—Буало требуетъ отъ поэтическаго произведенія изящества, деликатности, соблюденія всѣхъ свѣтскихъ приличій. Мы упоминали уже о его взглядѣ на стиль. Всю первую „пѣснь“ своей поэтики Буало посвящаетъ изложенію важнѣйшихъ пріемовъ классической техники. Онъ устанавливаетъ законы версификаціи, — она должна быть прежде всего „правильна,“ гармонична и выразительна; указываетъ далѣе законы стиля, — онъ долженъ быть также прежде всего „правиленъ“, ясенъ, силенъ, выразителенъ; наконецъ, даетъ законы композиціи, — она должна быть точна и пропорціональна! Стихъ, языкъ, общій планъ — вотъ три средства,

которыя, не искажая „воспѣваемаго“ поэтомъ объекта природы, должны способствовать сближенію этого объекта съ умомъ читателя... Но здѣсь же опять—и ограниченія! Истинное воспроизведеніе природы не кажется Буало достаточно „истиннымъ“, если этому воспроизведенію не придано пріятнаго—патетическаго или веселаго—характера [трагедія и комедія]. А потому и въ языкѣ и въ стилѣ произведеній необходимы не только „истина“, „простота“, „естественность“, но—и „пышность“, „благородство“, „изящество“, „привлекательность“, тѣ или другія „украшенія“ и т. д., — словомъ вся та крайняя искусственность, отсутствіе живого, естественнаго, что́ и составляетъ отличительную черту ложно-классической теоріи...

Литературный кодексъ Буало имѣлъ чуть не геніальное значеніе. Это едва ли не наиболѣе типичное явленіе всего XVII вѣка, — во всякомъ случаѣ въ поэмѣ Буало какъ нельзя полнѣе отразились вкусы XVII вѣка. Въ своемъ кодексѣ Буало сдѣлалъ все, чтобы „ложному“ классицизму придать видъ истиннаго,—съ внѣшними, крайне искусственными предписаніями и правилами соединить высшія произведенія геніальнаго творчества... То, что́ Буало возвелъ въ теоретическія предписанія и правила, — Корнель [† 1684], Расинъ [† 1699] и Мольеръ [† 1673] осуществили на практикѣ, въ области ложно-классической трагедіи и комедіи. „Между Буало и группою великихъ писателей, прославившихъ конецъ XVII вѣка, — согласіе полное! замѣчаетъ позднѣйшій историкъ французской литературы. Въ натуралистическомъ искусствѣ, которое Буало стремился опредѣлить, мы находимъ самую формулу ихъ образцовыхъ твореній. Онъ ясно сознавалъ, что́ можно было сдѣлать въ его время,—и помогъ понять это людямъ, обладавшимъ бо́льшимъ талантомъ... Этимъ объясняется авторитетъ, которымъ пользовался Буало“...

Гораздо ниже взглядовъ Буало стояли литературные взгляды Готшеда. Свою литературную теорію Готшедъ подробно излагаетъ въ „Риторикѣ“, — носившей очень длинное заглавіе: *Versuch einer kritischen Dichtskunst, für die Deutschen, darinnen erstlich die allgemeinen Regeln der Poesie, hernach alle besondern Gattungen der Gedichte abgehandelt, und mit Exempeln erläutert werden, überall aber gezeigt wird, dasz das innere Wesen der Poesie in einer Nachamung der Natur bestehe* [1730; дальнѣйшее изданіе — *Ausführliche Redekunst*, 1737]. Въ сущности, эта теорія — тѣ же взгляды, которые лѣтъ за 50 передъ этимъ были блестяще изложены во Франціи Буало; но у Готшеда они излагаются несравненно грубѣе, прямолинейнѣе. Литературная теорія Готшеда — откровенная теорія риѳмоплетства, не поэзіи! Плоскость, литературная бездарность нашли себѣ несказанную поддержку въ его піитикѣ. Поэзія превратилась во что-то механическое. Слѣдуя „Поэтикѣ“ Готшеда, каждый, обладающій доброй волею можетъ легко стать „поэтомъ“... Какъ извѣстно, уже Лессингъ замѣтилъ, что „Готшедъ разплодилъ риѳмачей — и только риѳмачей“!.. Готшедъ совершенно устраняетъ въ дѣятельности поэта природную, творческую силу поэта. Самъ не одаренный фантазіей, Готшедъ считалъ ее совершенно излишней... Въ первыхъ изданіяхъ „Поэтики“ Готшедъ еще упоминаетъ, что „поэтическая способность, прирожденный талантъ или геній — само собой необходимо предполагаются въ поэтѣ, и что школа и дисциплина правилъ добавляется уже впослѣдствіи, какъ нѣчто обуздывающее, образовательное“... Но и тамъ отмѣчено это вскользь, мимоходомъ. Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ и эта оговорка выброшена, — и о прирожденномъ талантѣ поэта, личной силѣ его поэтическаго дарованія законодателемъ нѣмецкой поэзіи совсѣмъ забыто! Напротивъ, въ предисловіи къ одному изъ послѣднихъ изданій „Поэтики“ у Готшеда проскальзываетъ даже

мысль, что его теорія научаетъ „дѣлать“ оды, кантаты и прочіе роды стихотвореній, — и онъ видимо считаетъ эту сторону своего руководства особеннымъ его достоинствомъ, преимуществомъ, дающимъ перевѣсъ его „Поэтикѣ“ напр. передъ начавшими уже заявляться въ это время взглядами Брейтингера, который совсѣмъ не стремился научать „дѣлать“ оды, кантаты... Порывамъ поэтическаго генія теорія Готшеда устанавливаетъ строго размѣренныя границы, заранѣе опредѣленныя формы. Правда, поэту предоставляется „образовать себя“, „пріобрѣсти вкусъ“; но все это, съ точки зрѣнія Готшедовой „Поэтики“—мелочи! Главное нужно знать, какъ и съ чего начать, какую нужно выбрать нравственную мысль, какъ приспособить потомъ къ ней взятую фабулу и т. д. О существованіи въ поэзіи какого-либо высшаго принципа Готшедъ и не подозрѣваетъ,—все возлагается на „предписанія“, „правила“!.. Въ поэзіи для Готшеда важно не поэтическое творчество, не самая поэзія, а лишь ея практическая цѣль, — нравоученіе, практическая мораль. Именно съ этой точки зрѣнія Готшедъ и объясняетъ происхожденіе поэзіи и смотритъ вообще на поэзію, на ея значеніе для человѣчества. „Первые пѣвцы безыскуственныхъ пѣсенъ — замѣчаетъ между прочимъ Готшедъ—слѣдуя простотѣ тѣхъ временъ, имѣли лишь намѣреніе пріятнымъ выраженіемъ своихъ чувствъ вызвать въ другихъ извѣстное душевное движеніе. Къ сему стремились ихъ веселыя и грустныя, насмѣшливыя и любовныя пѣсни: кутила веселилъ, печальный вызывалъ слезы, влюбленный дѣйствовалъ на сердце своей возлюбленной, насмѣшникъ возбуждалъ смѣхъ... Послѣдующіе писатели къ красотѣ выраженій стали примѣшивать мудрыя и нравоучительныя изреченія. Древніе поэты были первыми философами, и наоборотъ, древніе философы пользовались поэзіей, какъ средствомъ укрощать грубый народъ“... Готшедъ ставитъ между прочимъ вопросъ: „Должны ли

всѣ поэтическіе вымыслы имѣть непремѣнно нравственную цѣль?..“ И отвѣчаетъ: „Конечно, иногда вымыселъ имѣетъ цѣлью одно развлеченіе; есть много сказокъ, которыя сочиняются, подобно тому, какъ няньки разсказываютъ дѣтямъ,—даже и бо́льшая часть романистовъ въ своихъ книгахъ сочиняютъ на этотъ образецъ. Но, такъ какъ пріятное можетъ соединяться съ полезнымъ и такъ какъ поэтъ долженъ быть въ то же время достойнымъ гражданиномъ и честнымъ человѣкомъ, —то, по мѣрѣ возможности, онъ будетъ стараться придать своимъ сказкамъ поучительность, и не сочинитъ ни одной изъ нихъ безъ того, чтобъ въ ней не скрывалась какая-нибудь важная истина“... Готшедъ весьма обстоятельно указываетъ въ своей „Поэтикѣ“, „ка́къ долженъ поступать человѣкъ, рѣшившійся написать поэтическое произведеніе“... „Во всей поэзіи, конечно — это главное“, тутъ же замѣчаетъ Готшедъ. И многозначительно прибавляетъ: „Многимъ, имѣвшимъ хорошія природныя способности, поэзія не удавалась, ибо они промахнулись относительно фабулы“... Человѣку, желающему сдѣлаться поэтомъ, писателемъ, — Готшедъ совѣтуетъ поступать такъ: „Прежде всего выбери себѣ поучительную, нравственную мысль, по свойству намѣреній, которыя имѣешь въ виду. Къ этому присочини какое-нибудь происшествіе, въ которомъ-бы совершалось дѣйствіе та́къ, чтобы выбранная поучительная мысль сдѣлалась понятной до очевидности. Затѣмъ явится вопросъ: къ чему примѣнить это изобрѣтеніе? Сдѣлать-ли изъ этого басню, подобную эзоповымъ, или же нѣчто—въ трагическомъ, комическомъ или эпическомъ родѣ?.. Все основывается на названіи дѣйствующихъ лицъ. Эзопъ далъ-бы имъ имена звѣрей; если-бъ я хотѣлъ написать въ комическомъ родѣ, то дѣйствующія лица должны быть простыми мѣща-

нами, — ибо герои и принцы принадлежатъ исключительно трагедіи! Трагедія отличается отъ комедіи тѣмъ особенно, что старается возбуждать не смѣхъ, а изумленіе, ужасъ и состраданіе,—и потому беретъ для себя только знатныхъ особъ, которыхъ имя, одежда и положеніе въ свѣтѣ сразу бросается въ глаза. Что касается эпоса —этого высшаго произведенія поэзіи—то лица, дѣйствующія въ немъ, должны быть самыми важными во всемъ свѣтѣ, именно короли, герои и великіе государственные люди, и тамъ все должно быть необыкновенно велико и удивительно" и т. д. Нельзя не замѣтить, — разсужденія эти сильно напоминаютъ извѣстные совѣты Галятовскаго въ *Ключѣ Разумѣнія*!.. Обаяніе Готшеда быстро миновало. Уже въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія его слава начинаетъ меркнуть, —а вмѣстѣ съ тѣмъ стала терять свой престижъ въ Германіи и теорія французскаго ложноклассицизма. Въ литературѣ уже возникали неясныя, инстинктивныя стремленія къ поэзіи новой, національной: противъ Готшеда выступаютъ швейцарцы Бодмеръ [† 1783] и Брейтингеръ [† 1776], — за которыми слѣдуетъ Лессингъ... На смѣну старыхъ ложноклассическихъ тенденцій въ нѣмецкой литературѣ заявляются стремленія къ живому, самостоятельному поэтическому творчеству: въ европейскихъ литературахъ видимо начинали преобладать новые критическіе взгляды,—во главѣ которыхъ сталъ Лессингъ.

Собственно такъ наз. „эстетическая теорія" вырабатывается по слѣдамъ „псевдоклассицизма",—подъ ближайшимъ вліяніемъ философіи и тѣхъ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ въ области вообще искусства, которые съ конца XVII в. начинаютъ заявляться въ западно-европейскихъ литературахъ, какъ протестъ противъ столь быстро усилившагося псевдоклассическаго гнета. Въ высшей степени замѣчательны въ этомъ отношеніи были уже взгляды Бэкона Веруламскаго [† 1626]. Онъ пытается дать

внутреннюю, объединяющую связь современной ему „исторіи литературы“,—этимъ грудамъ сырого библіографическаго матеріала, какія представляла изъ себя „исторія литературы“ напр. у Геймана. Подъ „литературой“ Бэконъ разумѣлъ собственно „науку“; подъ „исторіей литературы“ — исторію вообще образованія, культуры, умственнаго развитія народа, человѣчества. Въ этомъ отношеніи, „исторія литературы и искусства“, по взгляду Бэкона—наиболѣе важная и цѣнная сторона „исторіи“ вообще! Искусство—самый жизненный элементъ въ организмѣ человѣческаго образованія; литература—зеркало своего времени. Недовольно того, говоритъ Бекон, что каждая наука знаетъ предшественниковъ; есть с в я з ь во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, — прагматическая связь въ послѣдовательности временъ. „Науки живутъ и странствуютъ, какъ народы“. Исторія литературы должна изображать эпохи; слѣдить за ходомъ, который принимали науки отъ перваго возникновенія до процвѣтанія и паденія, а отсюда опять къ новымъ началамъ. Судьбы литературы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбами народовъ. Есть причинная связь и взаимодѣйствіе между литературой и политической жизнью, — на этотъ пунктъ Бэконъ особенно настойчиво обращаетъ вниманіе историковъ. Литература должна быть излагаема въ ея національномъ характерѣ, подъ вліяніями опредѣленной народной жизни, — отраженія которой она представляетъ. Произведенія литературы всегда обусловлены климатическими свойствами странъ, естественными способностями и особенностями націй,—ихъ благопріятными и неблагопріятными судьбами, вліяніемъ нравовъ, религій, политическихъ состояній и законовъ и т. д... Однимъ изъ наиболѣе раннихъ противниковъ Буало былъ Перро [Perrault, † 1703], авторъ знаменитыхъ *Сказокъ* [1697]. Въ *Parallèle des anciens et des modernes* [1688 — 1698] Перро сравниваетъ историческіе возрасты народовъ съ возрастами человѣческой жизни и доказываетъ, что классическая

древность представляетъ собой собственно дѣтство человѣчества, тогда какъ теперь уже наступило время зрѣлости, — а потому правила, извлеченныя изъ произведеній древнихъ писателей, непримѣнимы къ писателямъ новаго времени... Вообще Перро значительно расширяетъ границы литературной критики, — беретъ матеріалы для сравненій изъ области другихъ искусствъ, дѣлаетъ попытки отыскать законы, общіе всѣмъ видамъ творческой человѣческой дѣятельности и т. д. Своими нападками на „правила“ Перро подъ конецъ даже Буало заставляетъ признать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современная литература не только не уступаетъ, но и выше классической... Нѣсколькими годами позднѣе Перро, аббатъ Дюбо [† 1742] въ сочиненіи: *Rèfléxions critiques sur la poésie et la peinture* [1719], тридцатью годами предупреждая „Духъ законовъ“ Монтескье—поднимаетъ впервые принципіальные вопросы вообще о происхожденіи искусства и его цѣляхъ, впервые говоритъ о вліяніи на произведенія искусства климата, обстановки и т. п... Первую формулировку собственно эстетическихъ началъ, научно-философскихъ основаній „эстетики“ даютъ трактаты нѣмецкаго философа Баумгартена [† 1762]. „Эстетика“ впервые была выдѣлена имъ изъ общей области философіи. Баумгартенъ первый пытается сдѣлать изъ „эстетики“ отдѣльную науку,—общія понятія объ изящномъ, о красотѣ изложить въ систематическомъ видѣ науки объ „искусствѣ“, о „прекрасномъ“ [*Aesthetik*, 1751]. Такъ какъ идеи объ искусствѣ Баумгартенъ формулируетъ лишь въ отношеніи къ произведеніямъ собственно поэтическаго творчества, вообще къ поэзіи, то его „эстетика“ является въ сущности первой научно-составленной „теоріей словесности“,—родоначальницей новаго, уже позднѣйшаго ряда „піитикъ“ и „риторикъ“, отчасти дожившихъ чуть не до нашихъ дней. Въ отношеніи собственно къ литературной критикѣ, первыя болѣе точныя основы „эстетической теоріи“ дали Дидро и особенно Лессингъ. Дидро [† 1774] раньше

ше всѣхъ другихъ открыто „поднялъ знамя бунта“ противъ „правилъ“, — во имя бо́льшей вѣрности природѣ ранѣе другихъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ идей въ области литературы, искусства, являясь въ этомъ отношеніи ближайшимъ учителемъ Лессинга. Во имя художественной и исторической правды, Дидро первый возсталъ противъ ложно-классической драмы, первый начинаетъ пропагандировать такъ наз. „мѣщанскую драму“, — вообще является въ области литературы и искусства наиболѣе раннимъ поклонникомъ того, что́ потомъ стали называть „натурализмомъ“. Вліяніе Дидро, какъ критика, впрочемъ, не было велико. Его критическіе взгляды нигдѣ не были выражены имъ съ полной опредѣленностью; самыя же поэтическія произведенія, долженствовавшія служить иллюстраціями къ этимъ взглядамъ — были крайне слабы. Гораздо болѣе рѣшительнымъ борцомъ за новыя идеи въ области литературы и искусства явился Лессингъ [† 1782]. Главнѣйшей задачей своей поэтической и критической дѣятельности Лессингъ ставитъ борьбу съ господствомъ французской литературы, стремленіе пріобрѣсти самостоятельную почву для самобытно-нѣмецкой поэзіи. Лессингъ преимущественно былъ критикомъ; но и поэтическія его произведенія стояли на такой высотѣ, что могли быть прекрасными иллюстраціями къ его критическимъ статьямъ и изслѣдованіямъ. Указывая, какъ на образецъ, на болѣе близкую къ реальной жизни „мѣщанскую“ поэзію англичанъ, на ихъ Шекспира, на творенія самихъ древнихъ классическихъ поэтовъ, представлявшихъ въ себѣ въ сущности совсѣмъ не то, что́ видѣли въ нихъ слишкомъ рьяные европейскіе „классики“ XVII — XVIII вв., — Лессингъ объявляетъ безпощадную войну бездарному кропанію безчисленныхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ піитовъ, риторически-напыщенному, условному характеру „классическихъ“ произведеній, равно и всей нѣмецкой критикѣ, совершенно безпринципной,—и тѣмъ самымъ полагаетъ прочныя теорети-

ческія основы и для новой нѣмецкой поэзіи и для новой критики. Его *Лаокоонъ* [1767] и *Гамбургская Драматургія* [1767—1768] во всей полнотѣ раскрыли глубокое значеніе истиннаго поэтическаго творчества, особенно драматическаго, и вообще искусства, придали пониманію послѣдняго небывалую дотолѣ широту, и черезъ это окончательно свели счеты съ псевдоклассической французской драмой, и вообще мертвыми, формальными правилами псевдоклассицизма. Критика Лессинга фактически обнаружила и доказала, что столь упрочившаяся ложно-классическая теорія—„ложна“ прежде всего въ томъ, въ чемъ видѣла главную свою заслугу: ей именно не доставало настоящей, дѣйствительной близости къ классикамъ! Французскіе „классики“-трагики только воображаютъ, что они слѣдуютъ указаніямъ Аристотеля: Аристотель учитъ совсѣмъ не тому, что̀ вывела изъ него псевдо-классическая теорія!.. Взгляды Лессинга самымъ могущественнымъ образомъ повліяли на общее поднятіе, расширеніе уже начавшихъ господствовать не только въ Германіи, но и во всей западной Европѣ новыхъ, преобразованныхъ Баумгартеномъ, эстетическихъ изученій литературы, а равно и самыхъ пріемовъ изученія, на расширеніе и поднятіе вообще взглядовъ на задачи и цѣли „поэзіи“, „искусства“. Въ связи съ другими вліяніями, именно здѣсь лежали наиболѣе прочныя основы — историческія и теоретическія — для новой, теперь возникшей и столь долго господствовавшей потомъ, „эстетической теоріи“.

И теперь, послѣ Лессинга—въ этой теоріи еще не было какой-либо науки „исторіи литературы“. Объективное историческое изслѣдованіе и теперь попрежнему замѣнялось субъективной оцѣнкой съ точки зрѣнія общепринятыхъ „правилъ“ и предписаній, извлеченныхъ изъ классиковъ. Исходной точкой, общей почвой сужденій является собственно „эстетика“, и въ частности, въ значительной степени даже еще старыя псевдо-классическія „поэтики“ и „риторики“,—съ этими „поэтиками“ и „риторіками“ у эстетической теоріи

была вообще еще самая тѣсная связь! Тѣмъ на менѣе теперь теорія обнаруживаетъ стремленіе уже къ болѣе серьезному, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно „научному“ объясненію литературныхъ фактовъ, стремленіе взглянуть на эти факты „систематически“, съ болѣе или менѣе широкой точки зрѣнія. Прежнія механическія „правила“ псевдоклассицизма или — позднѣе — болѣе или менѣе здравые взгляды, извлекавшіеся изъ Аристотеля и Горація—теперь, на почвѣ эстетической критики, опираются нерѣдко уже на дѣйствительно широкое пониманіе классическихъ писателей, классическаго искусства; въ рукахъ лучшихъ представителей теорія какъ-бы одухотворяется широкимъ духомъ „эллинства“,—которое къ концу XVIII в., съ дѣятельностью Лессинга, Гете, Шиллера, съ начавшимися уже въ области древне-классическаго искусства научными изысканіями Винкельмана [† 1768], могучей волной охватываетъ и Германію и всю Европу. „Эстетическая теорія“, исходныя нити которой лежали еще въ „псевдоклассизмѣ“, быстро переходитъ въ протестъ противъ него!—исходнымъ пунктомъ своимъ ставитъ уже новыя, возникшія въ наукѣ, требованія, предъявленныя къ искусству Винкельманомъ, Лессингомъ... Во всемъ этомъ эстетическая теорія являлась дѣйствительно громаднымъ шагомъ впередъ, — замѣтно приближалась къ болѣе серьезной, научной „исторіи литературы“, къ болѣе вѣрному пониманію цѣлей и задачъ этой „исторіи“. Но на этомъ дѣло и останавливалось!.. „Эстетическое“ изученіе литературнаго памятника, какъ оно формулируется Лессингомъ, сводитъ всю „исторію литературы“ въ сущности къ теоріи поэтическаго творчества, собственно къ „теоріи словесности“, — оставляя совершенно въ сторонѣ вопросы о генезисѣ памятника, вообще все то, что̀ относится къ его „исторіи“, къ историческимъ условіямъ литературнаго творчества. Оцѣнка литературнаго произведенія сосредоточивается на оцѣнкѣ преимущественно внѣшней стороны,—его содержанія,

формы, стиля. Главная цѣль критики — опредѣлить, на сколько разсматриваемый памятникъ отвѣчаетъ „законамъ“ или, точнѣе, опять „правиламъ“! поэтическаго творчества, — на сколько онъ подходитъ къ тѣмъ или другимъ, соотвѣтствующимъ ему по формѣ, виду или роду, „классическимъ“ произведеніямъ: эти произведенія, ихъ свойства, особенности по прежнему служатъ единственнымъ, основнымъ мѣриломъ литературной оцѣнки! Основнымъ условіемъ поэтическаго произведенія ставится „красота“, — какъ она выражается въ произведеніяхъ классической [собственно греческой] поэзіи: этимъ опредѣлялась какъ основная критическая мѣрка, такъ и выборъ самаго матеріала. Такъ какъ этой мѣркѣ отвѣчали далеко не всѣ литературныя произведенія позднѣйшихъ народовъ, то историкъ-эстетикъ считалъ нужнымъ останавливаться лишь на произведеніяхъ „лучшихъ“, образцовыхъ“,—по своимъ эстетическимъ достоинствамъ болѣе подходящимъ къ изящнымъ памятникамъ греческой литературы, на писателяхъ выдающихся, „классическихъ“. Эти „образцовые“ писатели считались и ярче выражающими въ своихъ произведеніяхъ литературныя черты эпохи, принимались, какъ „представители“ времени... Историка-эстетика занималъ не вообще поэтъ, писатель; литературное произведеніе было важно въ глазахъ такого историка не само по себѣ, а лишь на столько, на сколько было „изящнымъ“, — на сколько, слѣдуя кодексу „прекраснаго“, можно было услѣдить въ этомъ произведеніи „изящное въ его совершеннѣйшемъ проявленіи“... Эстетическое изученіе вообще стояло внѣ всякаго отношенія къ „исторіи“, исторической послѣдовательности литературныхъ памятниковъ. Приверженцы теоріи „любовались красотою готоваго художественнаго произведенія,—закрывая глаза на тотъ процессъ, результатомъ котораго оно явилось“... Отсюда — ихъ пренебреженіе къ эпохамъ такъ наз. переходнымъ. „Они не любили подвергать анализу тревожныхъ, не пришедшихъ въ гармонію историческихъ элементовъ; эпохи

начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса". Эстетики отдѣлывались тутъ нѣсколькими словами. Они „обращали свой взоръ только на верхушки—и быстро перелетали съ одной на другую, наслаждаясь красивыми видами"... Въ этомъ отношеніи, даже переходя на почву собственно историческую,— эстетическая теорія чаще всего являлась „теоріей героевъ", „великихъ людей", которые ставились въ центрѣ всего, по отношенію къ которымъ „ихъ время" являлось какимъ-то „привѣскомъ", а современники—„кирпичами для пьедестала". Это былъ своего рода аристократизмъ въ историко-литературныхъ изученіяхъ,—съ точки зрѣнія котораго, конечно, ни произведенія безыскусственнаго народнаго творчества, ни произведенія, подобныя памятникамъ древнерусской письменности или средневѣковыхъ народныхъ литературъ Европы, не могли заслуживать никакого серьезнаго вниманія!.. Помимо всего въ основѣ теоріи лежала крайняя субъективность. Тонкости эстетическихъ требованій давали полный просторъ для самыхъ произвольныхъ выводовъ, оцѣнокъ, классификацій.

Для своего времени „эстетическая теорія", какъ мы замѣтили, была громаднымъ шагомъ впередъ. Позднѣйшія научныя изученія, общій ростъ человѣческихъ знаній быстро предъявили требованія, несравненно болѣе широкія. Въ связи съ общимъ необычайнымъ расширеніемъ литературныхъ матеріаловъ за вторую половину XVIII в., а также общимъ расширеніемъ за это время въ европейской наукѣ чисто историческихъ изученій, въ области вообще „исторіи",—эстетическое направленіе въ изученіи литературныхъ памятниковъ къ концу XVIII вѣка постепенно уступаетъ свое мѣсто, съ одной стороны, направленію историческому, съ другой— изученіямъ лингвистическимъ и сравнительно-историческимъ.

Почти одновременно съ формулировкой „эстетической теоріи", въ западной наукѣ начинаютъ возникать болѣе широкія

требованія въ сферѣ вообще историческихъ знаній. Общіе взгляды на ходъ историческаго развитія народовъ, на задачи и значеніе „исторіи“ человѣчества, отдѣльной народности, уже съ XVI — XVII вв. постепенно дѣлаются шире и глубже; бо́льшее развитіе чисто историческихъ изученій само собой должно было отразиться и въ сферѣ собственно „исторіи литературы“. Уже къ пол. XVIII в. въ области собственно историческихъ наукъ замѣтный шагъ впередъ дѣлаютъ взгляды такихъ людей, какъ Болингброкъ, Вольтеръ, Монтескьe,—позднѣе Гердеръ, ближайшій предшественникъ, отчасти и представитель „романтиковъ“. Болингброкъ [† 1752] осмѣиваетъ пристрастіе ученыхъ ко всему ветхому, затхлому, высказывая не безъ иронiи требованіе, чтобы исторія „отъ созерцанія мертвыхъ перешла къ созерцанію живыхъ“... Историческіе взгляды Вольтера [† 1778] имѣютъ уже ближайшее отношеніе къ изученію литературы. Вольтеръ между прочимъ первый указалъ на тѣсныя связи обще-исторической жизни народа съ ходомъ развитія у него „литературы“. Въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ Вольтеръ старается вообще слѣдить не только за одними внѣшними политическими событіями, но и за развитіемъ въ данную эпоху науки, литературы, искусствъ, правовъ, образованія... Цѣлый, можно сказать, переворотъ въ области историческихъ изученій и въ частности въ области „исторіи литературы“ производятъ труды Гердера — и „романтики“. Идеи Гердера [† 1802] вообще дѣлаютъ эпоху въ развитіи научныхъ историческихъ изученій, примыкая здѣсь отчасти къ взглядамъ еще Вико [† 1734], извѣстнаго итальянскаго мыслителя, отчасти Монтескьe [† 1755]. Вико первый задается цѣлью установить на научныхъ основаніяхъ законы, управляющіе жизнью народовъ, опредѣлить законы, по которымъ развивается народная жизнь,—впервые пытается взглянуть на эти вопросы съ особой философской широтой. По мнѣнію Вико, „народная жизнь“ обнимаетъ не

только жизнь собственно государственную, — но и религію, языкъ, нравы и т. д.; въ „исторію“ народа, доказывалъ Вико, должны входить не только извѣстныя перемѣны въ образѣ правленія, въ жизни политической, но и перемѣны въ понятіяхъ религіозныхъ, въ языкѣ, поэзіи — и всѣ эти перемѣны должны происходить по извѣстнымъ „законамъ“... Монтескьё въ сферѣ изученія политическихъ учрежденій явился первымъ прагматикомъ-историкомъ, впервые въ изслѣдованіи общественно-историческомъ отвелъ видное мѣсто чисто историческому методу. Небольшое сочиненіе Монтескье *Размышленія о причинахъ величія римлянъ и ихъ паденія* [*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur dècadence*, 1734] представляло собой первую попытку объяснить политическую судьбу народа его собственной исторіей,—народнымъ характеромъ, внѣшними, природными условіями народной жизни, характеромъ его политическихъ учрежденій и т. п. Въ болѣе позднемъ трудѣ Монтескье *О духѣ законовъ* [*Esprit des lois*, 1748] — передъ нами первый глубокій прагматическо-историческій анализъ государственнаго организма, въ частности, доказательства могучаго вліянія чисто физическихъ условій на политическую жизнь народовъ. Именно въ послѣднемъ отношеніи къ взглядамъ Монтескье близко примыкалъ Гердеръ, — который однако здѣсь идетъ несравненно дальше и Вико и Монтескье. Гердеръ стремится къ еще бо́льшей широтѣ научной постановки общеисторическихъ изученій, научныхъ изслѣдованій въ области постепеннаго хода исторической жизни народовъ, всего человѣчества. Гердеръ одинъ изъ первыхъ высказываетъ мысль, что жизнь природы отъ простѣйшихъ органическихъ существъ и до человѣка представляетъ длинную цѣпь развитія, прогресса. Отмѣчая вслѣдъ за Монтескье одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ ходѣ исторіи человѣчества, вліяніе климата, вообще совокупность физическихъ условій,—Гердеръ указываетъ рядомъ съ этимъ другой, не менѣе

могущественный факторъ, другую силу, управляющую человѣкомъ, опредѣляющую ходъ исторіи человѣчества—вліяніе преданій, традиціи [tradition]. Здѣсь Гердеръ является какъ бы предшественникомъ позднѣйшей доктрины объ „эволюціи". Подобно климату, — преданія, традиціи могущественно дѣйствуютъ на человѣка, измѣняютъ его органически, хотя эти измѣненія и не могутъ происходить безъ участія человѣка: „человѣкъ долженъ имѣть силу воспринимать ихъ въ себя, перерабатывать воспринятое, подобно пищи" и т. д.

Въ отношеніи собственно историко-литературныхъ изученій, особенно важны были взгляды Гердера, относившіеся къ изученію произведеній безыскусственной народной поэзіи.

Интересъ къ „народности" и произведеніямъ народной поэзіи возникаетъ въ наукѣ лишь съ очень недавняго времени. Во все продолженіе XVIII в. на „народъ" смотрѣли съ особой, псевдоклассической точки зрѣнія, господствовавшей и въ литературѣ и въ обществѣ. Какъ замѣчаетъ позднѣйшій историкъ, — „псевдоклассицизмъ по пониманію народнаго элемента въ литературѣ былъ крайне односторонень; онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи и въ современности. Въ исторіи старыя времена представлялись или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой,—или эпохой патріархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи и эклоги,—или эпохой невѣжественной грубости. Псевдоклассицизмъ вообще презиралъ національную старину, — не знавшую изящнаго быта, говорившаго „грубымъ", не вылощеннымъ языкомъ, и къ современной простонародной массѣ относился высокомѣрно-равнодушно. Въ „народѣ" смѣшно было бы искать героевъ; въ немъ допускалась идиллическая патріархальность, а больше находили невѣжественную грубость и простоватость,—„сельскую невинность", „простоту нравовъ"... Современный народъ въ ходячихъ понятіяхъ былъ народъ „подлый"; — „правда, не въ томъ отчаянномъ смыслѣ,

какой имѣетъ это слово теперь, но все таки въ смыслѣ не очень одобрительномъ"... Литература псевдоклассическая вообще рѣдко вспоминала о народѣ, и если „народъ" вводился въ книгу, то или какъ подначальная масса или въ чертахъ шутливо-комическихъ или чувствительно-идиллическихъ...

Первыя стремленія къ народности, къ произведеніямъ народной поэзіи—и на Западѣ и у насъ возникаютъ на почвѣ „романтизма". Въ числѣ разнообразныхъ элементовъ этого чрезвычайно широкаго и сложнаго движенія было и пробужденіе интересовъ къ народу, къ народнымъ преданіямъ, поэзіи, ко всей народной старинѣ. Движеніе обнаруживается, впрочемъ, уже и ранѣе — у англичанъ, потомъ въ Германіи. Въ 1765 г. въ Англіи выходитъ сборникъ народныхъ пѣсенъ еп. Томаса Перси: *The reliques of ancient englisch poetry* [Lond., 1765], сборникъ старо-англійскихъ и шотландскихъ балладъ; нѣсколькими годами раньше является небольшая книжка Макферсона: *Отрывки старинной поэзіи, собранные въ Горной Шотландіи и переведенные съ гэльскаго или эрзійскаго языка* [*Fragments of ancient poetry, collected in the Highands and translated from the or erse language*. Эдинбургъ, 1760], — первое собраніе пѣсенъ, принадлежавшихъ „барду Оссіану, сыну Фингала, жившему и пѣвшему свои пѣсни въ III столѣтіи, въ Горной Шотландіи"... Это была геніальная фальсификація,—необыкновенно хорошо угадавшая и настроеніе и потребности эпохи! Извѣстно необычайно сильное впечатлѣніе, произведенное изданіемъ Макферсона... Наиболѣе могущественнымъ представителемъ новыхъ, начавшихъ пробуждаться, интересовъ былъ Гердеръ,—въ идеяхъ котораго историкъ нѣмецкой литературы справедливо видитъ „зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературъ". Дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Гердера была дѣятельность братьевъ Гриммовъ и новѣйшихъ романтиковъ,

особенно братьевъ Шлегелей, разнообразными трудами которыхъ въ литературѣ и наукѣ постепенно упрочена была идея „народности“... Что касается Гердера, — онъ былъ здѣсь „первый, который возвысилъ понятіе народной поэзіи до полнаго значенія и взглянулъ на поэзію, какъ на естественно-необходимый, родной языкъ человѣческаго духа, какъ на зародышъ и зерно всякой религіи, философіи и исторіи“. Поэзію первобытныхъ народовъ Гердеръ называетъ „архивомъ народной жизни, сокровищницей ихъ науки и религіи, ихъ теогоніи и космогоніи, дѣяній отцовъ и событій ихъ исторіи, отпечаткомъ ихъ сердца, картиной ихъ домашней жизни... Обыкновенныя народныя сказанія, сказки и миѳологіи представляютъ—замѣчаетъ онъ—нѣкоторымъ образомъ результатъ народной вѣры, его чувственныхъ воззрѣній, силъ и стремленій, — гдѣ мечтаютъ, потому что не имѣютъ знаній, вѣрятъ, потому что не видятъ, гдѣ дѣйствуютъ съ душой цѣлостной, нераздѣльной и неразвитой: предметъ, слѣдовательно, — важный для исторіографіи человѣчества, для поэта, для философа. Сказанія одного и того же рода вмѣстѣ съ сѣверными народами разливались по разнымъ странамъ и временамъ, но во всякомъ мѣстѣ и во всякое время принимали особый видъ“... Какъ естественная исторія описываетъ травы и животныхъ, такъ здѣсь народы сами изображаютъ самихъ себя... Гердеръ высказываетъ мнѣніе, что „на основаніи сходства и различія этихъ пѣсенъ въ языкѣ, содержаніи, тонахъ, особенно въ идеяхъ космогоніи — можно было бы сдѣлать много вѣрныхъ заключеній о происхожденіи, разселеніи и смѣшеніи народовъ“... Гердеръ так. образ. первый старается возстановить права древнѣйшей, первобытной народной поэзіи на серьезное научное изученіе, первый указываетъ въ этой, такъ долго пренебрегаемой, „народной поэзіи“—источникъ и начало всей поэзіи, человѣчества,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гердеръ ставитъ ее даже выше позднѣйшихъ произведеній

личнаго творчества. Въ связи съ этимъ, сознанію Гердера уже ясно представляется мысль, что исторія поэзіи—не есть просто внѣшній разсказъ, перечисленіе поэтовъ, ихъ жизненныхъ обстоятельствъ, ихъ сочиненій, а такое изложеніе, гдѣ авторъ уясняетъ тѣсную связь поэзіи съ общимъ состояніемъ образованности, обусловленнымъ народной вѣрой и національностью, что „литература“ народа вообще должна быть объясняема изъ духа и чувствъ ея народа, времени и страны... „Отними у человѣка мѣсто, время и индивидуальное положеніе — и ты отнялъ у него дыханіе и жизнь“, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Гердеръ, подчеркивая съ особой силой глубокую историческую противоположность, условленную различіемъ народнаго характера и времени. Въ своемъ изслѣдованіи о Шекспирѣ, — Гердеръ несравненно больше, чѣмъ Лессингъ, сводитъ величіе и особенности Шекспира къ историческимъ условіямъ, объясняя его „исключительно изъ него самого“... Таковы замѣчанія и мысли Гердера, разбросанныя въ его *Разсужденіи объ одѣ* [1766—1767], *Опытѣ исторіи поэзіи* [1767], *Объ Оссіанѣ и пѣсняхъ древнихъ народовъ* [1773], — во введеніи къ изданнымъ имъ *Голосамъ народовъ въ ихъ пѣсняхъ* [1779], вообще въ длинномъ рядѣ его трактатовъ по литературѣ и искусству [*Zur schönen Litteratur und Kunst*]. Всѣ эти и подобныя мысли Гердера были первыми въ западной наукѣ болѣе или менѣе вѣрными взглядами не только на свойства устнаго народнаго творчества, древнѣйшаго, безыскусственнаго, но и вообще въ отношеніи къ задачамъ и цѣлямъ историко-литературныхъ изученій. Взгляды эти цѣликомъ восприняты были и далѣе развиты „романтической школой“.

„Романтикамъ“ принадлежали ближайшія заслуги въ широкой и прочной постановкѣ „исторіи литературы“, какъ науки, — въ связи съ общимъ необычайнымъ расширеніемъ литературнаго матеріала къ концу XVIII в. и широкимъ развитіемъ къ этому времени какъ чисто филологическихъ изу-

ченій, такъ и обще-историческихъ и философскихъ.

Уже съ пол. XVIII в. и особенно къ его концу, литературный матеріалъ неожиданно и быстро увеличивается, какъ-то вдругъ, разомъ принимаетъ такіе размѣры, которые были совершенно немыслимы нѣсколько десятилѣтій раньше! Область письменныхъ литературныхъ памятниковъ древне-классическихъ, преимущественно греческихъ. бывшихъ дотолѣ главнымъ, если не единственнымъ, объектомъ научныхъ изученій, неожиданно увеличилась обширной, дѣлающеюся теперь извѣстной, областью литературы устной, вновь открывшимся къ этому времени огромнымъ запасомъ произведеній безыскусственной народной поэзіи, и притомъ разомъ—самыхъ различныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ и азіатскихъ... Въ 80-хъ г.г. XVIII ст. открывается Индія, ея *санскритъ*, — полагаются первыя основы наукѣ сравнительнаго языкознанія... Какъ разъ около этого же времени поднимается широкая волна „романтизма“: Европа бросается съ своими идеалами то въ глубину среднихъ вѣковъ, въ далекую область средневѣковой нѣмецкой поэзіи и старины, то, позднѣе, въ ту же Индію, на далекій Востокъ; „романтики“ одновременно изучаютъ и средневѣковую нѣмецкую старину и символику Востока, Индіи, — оттуда опять переходятъ къ произведеніямъ европейскимъ, скандинавскимъ, средневѣковымъ-нѣмецкимъ и т. д. и т. д. Для всякихъ изученій и сравненій открылось необозримое поле! Дѣлаются попытки сопоставленія и сличенія литературъ и преданій самыхъ различныхъ народовъ... Характеръ прежнихъ обобщеній долженъ былъ не только тотчасъ же сдѣлаться шире, полнѣе, но въ большинствѣ случаевъ и радикально измѣниться. „Рядомъ съ личной эпопеей Гомера стало нѣсколько безличныхъ эпопей; теорія личнаго творчества была подорвана. Рядомъ съ искусственной лирикой раскрылось богатство *народной пѣсни*, — съ которой плохо ладила теорія красоты, какъ исключительной задачи искусства“...

Упомянутое сейчасъ, совершившееся не задолго передъ этимъ открытіе санскрита особенно быстро и рѣшительно сказывается при этихъ сравненіяхъ. Санскритъ вдругъ какъ-бы электрическимъ токомъ соединилъ языки и преданія самыхъ различныхъ странъ, вѣковъ, народовъ! — ученымъ на самыхъ первыхъ же порахъ знакомства съ санскритомъ удается подмѣтить въ сказаніяхъ самыхъ различныхъ народовъ, ихъ пѣсняхъ, сказкахъ, уцѣлѣвшихъ обрядахъ, во всемъ этомъ нѣчто родственное, о б щ е е... Это тотчасъ же даетъ ученымъ ключъ къ сближенію и объясненію древнѣйшихъ сказаній и преданій самыхъ различныхъ народовъ: въ наукѣ возникаетъ такъ назыв. *миѳологическая теорія*... Къ этому присоединилось общее расширеніе чисто историческихъ изученій. Широкое развитіе филологіи, — отчасти вліяніе и политическихъ событій, особенно франпузской революціи, выдвинувшей на первый планъ демократическія идеи, — возникающія затѣмъ войны съ Наполеономъ „за свободу народовъ“, пробудивд шія въ европейскихъ народностяхъ съ особой силой чувства національности — все это къ началу наступавшаго XIX вѣка совершенно измѣняетъ задачи и общую обстановку историческихъ наукъ. Особенно важная заслуга принадлежала здѣсь филологіи, — напр. знаменитой книгѣ Ф р. В о л ь ф а [† 1824] *Prolegomena ad Homerum* [Галле, 1793], и возникающей вслѣдъ за тѣмъ такъ наз. исторической критикѣ, во главѣ которой становится Н и б у р ъ и которая ближайшимъ образомъ связана была съ названной книгой. „Смѣлая мысль превратить Гомера, этотъ величавый образъ, завѣщанный вѣками въ самыхъ подробныхъ чертахъ, въ собирательное понятіе, сдѣлать творенія Гомера результатомъ длиннаго историческаго процесса — эта геніальная мысль не могла немедленно же не вызвать цѣлый міръ новыхъ представленій о свойствахъ первобытной народной поэзіи, — а вмѣстѣ съ этимъ о свойствахъ развитія народной жизни и вообще, общихъ законахъ историческаго процесса.

Когда на пѣсни Гомера взглянули, какъ на самородное произведеніе творчества цѣлаго народа въ древнѣйшую эпоху его жизни,—само собой явилось стремленіе подмѣтить тотъ же остественный процессъ и въ другихъ областяхъ исторической народной жизни"... Именно это и дѣлаютъ въ сферѣ образованія государства труды Нибура [† 1831], въ области права — Савинья [† 1861], языка — братья Гриммы, Яковъ [† 1863] и Вильгельмъ [† 1859], потомъ В. Гумбольдъ [† 1835], народныхъ вѣрованій и сказаній—тѣ же братья Гриммы, Лахманъ [† 1851] и т. д. и т. д. Въ общемъ ходѣ развитія чисто-историческихъ изученій особенно важно было вліяніе трудовъ Нибура [главный трудъ — *Римская Исторія*, начавшая выходить съ 1811 года], впервые придавшаго совершенно новый характеръ изученію древней исторіи. „Нибуру ранѣе, чѣмъ кому другому, стала совершенно ясной мысль, что основная задача историка—изысканіе научной истины, что главнымъ предметомъ заботъ историка должны быть не читатели его, не современники, а то отдаленное прошедшее, которое онъ описываетъ. Какъ въ естественныхъ наукахъ ученый исчезаетъ предъ своимъ предметомъ, такъ и историкъ долженъ забыть о себѣ предъ историческимъ фактомъ,—и прежде всего возстановить его значеніе не по отношенію къ себѣ и своимъ современникамъ, а по отношенію къ самому факту и къ средѣ, которая его породила. Поэтому первымъ долгомъ историка должна быть критика историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ"... Послѣдній пунктъ и самъ по себѣ былъ особенно важнымъ для развитія „исторіи литературы", какъ исторической дисциплины. „Исторія" здѣсь всецѣло опиралась на „филологію",—и необычайное развитіе послѣдней являлось само по себѣ могущественнымъ факторомъ, какъ въ общемъ расширеніи чисто историческихъ изученій, такъ, въ частности, и для „исторіи литературы", какъ науки. Горизонтъ старой „филологіи" вдругъ раздвинулся неизмѣримо: она обняла собой цѣлый міръ языковъ,

превратилась въ совершенно новую науку: лингвистику. Старая классическая филологія, которая прежде считала своей задачей единственно истолкованіе древнихъ классиковъ, постепенно становится наукой сравнительнаго и философскаго изученія языковъ, — ставитъ главной своей задачей изслѣдованіе законовъ языка!.. Какъ мы замѣтили, къ этому присоединились и политическія событія, выдвинувшія на первый планъ демократическія идеи. „Современная наука позволила себѣ заглянуть въ тѣ массы, которыя до тѣхъ поръ стояли позади „героевъ“ — въ этихъ массахъ она замѣтила жизнь, движеніе, непримѣтное простому глазу, какъ все совершающееся въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ пространства и времени! Тайныхъ пружинъ историческаго процеса слѣдовало искать здѣсь... Центръ тяжести былъ перенесенъ въ народную жизнь. Великія личности явились отблесками того или другого движенія, приготовленнаго въ массѣ, болѣе или менѣе яркими, смотря по степени сознательности, съ какою они относились къ нему, или по степени энергіи, съ какой помогли ему выразиться“... Расширеніе научныхъ изученій показало, что „говорить о героѣ, какъ о выразителѣ всего времени, значитъ придавать ему сверх-естественные размѣры Гаргантюа, забывая все разнообразіе исторической мысли, воплотить которую не подъ силу одному человѣку“... Какъ результатъ всего этого, старое эстетическое направленіе изученія литературныхъ произведеній въ трудахъ „романтиковъ“ постепено уступило свое мѣсто направленію историческому.

Быстро разлившаяся къ концу XVIII вѣка волна „романтизма“ — разумѣемъ преимущественно романтизмъ нѣмецкій — являлась въ западной наукѣ, въ общемъ ея развитіи, и сама по собѣ во многихъ отношеніяхъ ближайшимъ, исходнымъ пунктомъ позднѣйшихъ, болѣе широкихъ научныхъ изученій историческаго характера. „Романтики“ вообще во многихъ случаяхъ были начинателями позднѣйшихъ истори-

ческихъ изученій въ современномъ, широкомъ значеніи этого слова, — а тѣмъ самымъ и въ области собственно „исторіи литературы“, какъ отдѣльной исторической дисциплины. Какъ справедливо было замѣчено, западно-европейскій „романтизмъ“ впервые вызвалъ къ жизни германскую средневѣковую старину; эстетическому чувству общества и народа впервые указалъ на забытыя сокровища родной исторіи, — и тѣмъ самымъ въ области собственно историко-литературныхъ изученій необычайно раздвинулъ рамки старыхъ эстетическихъ мѣрокъ, подорвалъ ихъ въ самомъ принципѣ, фактически доказалъ недостаточность и узкость чисто эстетической оцѣнки, крайнюю односторонность старой эстетики, — „хотѣвшей подвести подъ одинъ уровень всѣ времена и народы“!.. При всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, „романтическая школа“ выдвинула цѣлый рядъ совершенно новыхъ научныхъ воззрѣній, производившихъ „коренной переворотъ“ въ господствовавшихъ до нея старыхъ взглядахъ на „исторію“ и „поэзію“,—и тѣмъ самымъ открыла широкій путь новѣйшей западной исторіографіи. Изъ смутныхъ, неопредѣленныхъ сочувствій „романтиковъ“ родной старинѣ, среднимъ вѣкамъ и рыцарству, изъ этихъ инстинктивныхъ увлеченій народной поэзіей, „самыми подлинными“ народными произведеніями, особенностями народнаго быта, народной жизнью, вѣрованіями, наконецъ, изъ этихъ романтическихъ увлеченій Востокомъ и восточной поэзіей и т. д. и т. д., — изъ всего этого уже рано вытекаетъ то могучее, разомъ охватывающее самыя различныя области, научное движеніе, которое становится затѣмъ общей почвой дальнѣйшей исторической науки!.. Одной изъ отличительныхъ чертъ предшествовавшаго романтизму „классическаго“ періода было пренебреженіе къ „исторіи“, равнодушіе къ историческимъ знаніямъ; въ періодъ романтическаго броженія мы замѣчаемъ рѣзкій, крутой поворотъ именно въ область исторіи. Съ возникновеніемъ интересовъ къ мѣстной народной литературѣ, къ народной пѣснѣ и всей поэзіи, съ новыми знакомствами

въ области Востока т. д.,—вопросъ о болѣе широкой исторической критикѣ возникалъ самъ собой; сами собой снимались съ очереди и вопросы старой эстетики, уступая свое мѣсто изученіямъ болѣе широкимъ и чисто историческаго характера.

Мимоходомъ, въ дополненіе къ сказанному, нельзя не отмѣтить широкаго развитія къ концу XVIII—XIX вв. нѣмецкой философіи. Это имѣло свое и весьма важное значеніе. Элементъ абстрактныхъ, философскихъ пріемовъ изученія не могъ не вліять самымъ могущественнымъ образомъ на бо́льшее или меньшее углубленіе и вообще научныхъ изысканій, какъ обще-историческихъ, такъ и всякихъ другихъ. Представителями философскихъ теченій этого времени выступаютъ ученики Канта [† 1804]: Фихте [† 1814], Шеллингъ [† 1854] и Гегель [† 1831]. Ихъ идеи часто самымъ существеннымъ образомъ сказываются и въ сферѣ другихъ наукъ. „Всѣ люди, стоявшіе въ челѣ новаго направленія поэзіи, исторіи, права и языкознанія, замѣчаетъ изслѣдователь—вышли изъ школы Канта“... Оживляемая духомъ Канта, западная историческая наука во всѣхъ своихъ сферахъ и развѣтвленіяхъ охватывается однимъ общимъ стремленіемъ: изъ хаоса мелкихъ, разрозненныхъ фактовъ извлечь идею, законъ. Самымъ ощутительнымъ образомъ сказывается философія теперь напр. въ области ближайшей къ исторіи литературы,—языковѣдѣнія: это мы видимъ уже на знаменитомъ трудѣ В. Гумбольдта *О языкѣ Кави* [1806]. „За 30—40 лѣтъ до этого кто бы повѣрилъ, говоритъ изслѣдователь,—что съ изученіемъ какого-нибудь малайскаго нарѣчія можно связать глубокомысленные выводы о духѣ и строеніи человѣческаго языка вообще!.. Но подъ вліяніемъ философскаго идеализма уже научились изъ массы эмпирическихъ явленій выводить правила, законъ, духъ; отъ мелкихъ и частныхъ явленій заключать къ великому и общему, отъ аномалій—къ первообразу“... Такъ, постепенно — въ силу цѣлаго ряда условій — въ наукѣ явилось стремленіе „открывать разумную органическую послѣдователь-

ность тамъ, гдѣ прежде видѣли одинъ безсвязный аггрегатъ отдѣльныхъ фактовъ, рядъ отдѣльныхъ созданій личнаго произвола"... Все это также измѣняло общую постановку историческихъ наукъ, — а вмѣстѣ съ этимъ общую постановку и „исторіи литературы", какъ науки: послѣдняя проникалась болѣе широкими, объединяющими идеями...

Таковъ былъ длинный, вѣковой путь „исторіи литературы", какъ науки,—путь, который она прошла отъ сухого, механическаго каталога, отрывочныхъ грамматическихъ толкованій текста до требованій строгой исторической науки. Послѣ узкограмматическихъ, филологическихъ интерпретацій авторовъ, встрѣчающихся уже въ глубокой древности, послѣ хаотическихъ сборниковъ и словарей, механическихъ, сваливаемыхъ въ одну кучу, библіографическихъ и другихъ замѣчаній и перечней, послѣ увлеченій псевдоклассицизмомъ и эстетической теоріей,—принесенное романтизмомъ къ концу XVIII в. расширеніе общихъ историческихъ изученій, эти „романтическія" обращенія къ среднимъ вѣкамъ и Востоку, сближенія и сравненія литературныхъ памятниковъ самыхъ различныхъ народовъ, далѣе, одновременно съ этимъ начавшееся изученіе санскрита,—все это совершенно измѣнило характеръ прежнихъ историко-литературныхъ изученій, пересоздало, можно сказать, съизнова всю науку. На мѣсто стараго „каталога", „словаря", — въ концѣ длиннаго и сложнаго процесса постепенно выработалась совершенно новая наука: сравнительно-историческое изученіе языковъ и литературъ... Масса новыхъ литературныхъ фактовъ, открывшихся передъ изслѣдователемъ въ самое послѣднее время, необычайное расширеніе за позднѣйшее время, не только собственно литературныхъ матеріаловъ, но иногда возникновеніе цѣлыхъ новыхъ научныхъ дисциплинъ, тѣсно связанныхъ съ областью „исторіи литературы",—еще болѣе и очень быстро раздвинуло рамки нашей науки.

III.

Постепенная выработка пріемовъ и методовъ историко-литературныхъ изученій въ связи съ общимъ ходомъ развитія «исторіи литературы», какъ науки. — Отсутствіе научныхъ методовъ въ первыхъ изученіяхъ. — Методъ эстетическій. — Историческій методъ изученія литературныхъ памятниковъ.—Методъ сравнительно-историческій. — Значеніе стараго филологическаго метода. — Изученія палеографическія. — Позднѣйшій такъ наз. «психологическій методъ» и попытки построенія «научной теоріи исторіи литературы».—Главные представители этого направленія: Сентъ-Бевъ, Тэнъ, Геннекенъ, Брюнетьеръ и др.

Соотвѣтственно изложенному нами внутреннему росту „исторіи литературы", какъ науки, отчасти даже и внѣшнему, чисто количественному росту ея матеріаловъ,—расширялись и самые пріемы, методы историко-литературныхъ изученій, а равно видоизмѣнялись, осложнялись самыя задачи и цѣли, которыя ставились при этихъ изученіяхъ.

Какъ мы видѣли, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ собственно „исторіи литературы", какъ науки, въ ряду западно-европейскихъ научныхъ дисциплинъ совсѣмъ не существовало. Не существовало и какого-либо „метода", какихъ-либо особыхъ, строго-научныхъ пріемовъ изученія относящихся сюда матеріаловъ,—все ограничивалось простымъ компилированіемъ. Очень долгое время, съ древнѣйшихъ временъ и приблизительно до XV—XVI вв., „исторія литературы" чаще всего исчерпывается интерпретаціями авторовъ, узкими грамматическими изученіями дошедшихъ текстовъ, болѣе или менѣе случайнымъ собираніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ, краткими или подробными каталогами ихъ сочиненій, изложеніемъ содержанія этихъ сочиненій, приведеніемъ ихъ заглавій, обширными или краткими изъ нихъ извлеченіями и т. п. Изрѣдка къ этому присоединяются тѣ или другіе отзывы объ авторахъ и ихъ сочиненіяхъ, кое-какія критическія мнѣнія. Но вообще главное, что̀ долгое время

почти единственно имѣется въ виду, это—возможно бо́льшая, чисто внѣшняя полнота, внѣшняя фактическая обширность предлагаемыхъ матеріаловъ, — безъ всякой еще мысли такъ или иначе внутренно объединить эти матеріалы, найти въ нихъ какую-либо объединяющую, внутреннюю связь!.. Съ XVI в., съ эпохи Возрожденія, старые библіографическіе и біографическіе сборники, „каталоги“, „словари“, начинаютъ уступать свое мѣсто изученіямъ глав. обр. филологическимъ,—при чемъ уже скоро выдвигаются интересы особенно къ языкамъ и литературамъ отечественнымъ, національнымъ. Почти одновременно съ этимъ, на почвѣ того же Возрожденія, возникаетъ длинный рядъ *піитикъ* и *риторикъ*—болѣе или менѣе обширныхъ кодексовъ „правилъ“, практическихъ совѣтовъ, ка́къ нужно поступать, чтобы написать хорошее сочиненіе. Въ этихъ „піитикахъ“ и „риторикахъ“ исключительное вниманіе обращается лишь на форму, слогъ, стиль,—при чемъ исключительнымъ матеріаломъ для сужденій являются литературы древне-классическія. Ближайшимъ образомъ, и уже очень скоро, все это ведетъ лишь къ пресловутому „псевдоклассицизму“; но мало по малу, на той же почвѣ, постепенно возникаютъ и первые болѣе серьезные историко-литературные взгляды: постепенно возникаетъ и формулируется такъ наз. теорія эстетическая. Къ серединѣ XVIII вѣка въ рукахъ Баумгартена и Лессинга этого рода понятія существеннымъ образомъ разширяются: „эстетика“ проникается стремленіемъ къ болѣе серьезному объясненію литературныхъ фактовъ, стремленіемъ взглянуть на эти факты съ точки зрѣнія дѣйствительно широкаго пониманія древняго классическаго искусства. Въ рукахъ Лессинга „эстетика“ какъ бы одухотворяется разливающимся теперь повсюду въ Европѣ могучимъ потокомъ „эллинства“...

Все это однако стояло еще въ значительной долѣ на почвѣ „псевдоклассицизма“. Передъ нами—улучшенное, преображенное, но все еще безусловное преклоненіе предъ древ-

неклассическимъ міромъ,— за предѣлами котораго для „историка литературы“ исчезали всякіе сколько-нибудь важные въ его глазахъ интересы и факты!.. Нѣтъ еще и мысли о томъ, что древнеклассическій міръ, со всѣми его красотами и достоинствами—самъ по себѣ лишь часть, и сравнительно небольшая, общей литературы человѣчества, что этотъ древнеклассическій міръ и самъ развивался исторически; нѣтъ еще и мысли о постепенной, исторической преемственности въ развитіи человѣчества,—эволюціи его культуры, всей духовной жизни... Ничтожное развитіе историко-литературныхъ изученій вполнѣ отвѣчало общему характеру исторической науки. „Исторіи литературы“ еще не существовало,—такъ какъ не существовало еще и вообще „исторіи“, какъ науки, сколько-нибудь въ томъ смыслѣ, какъ стали понимать задачи исторической науки позднѣе. Лишь постепенное расширеніе на Западѣ съ XVI вѣка чисто историческихъ изученій даетъ возможность возникнуть къ концу XVIII вѣка и „исторіи литературы“,— какъ одной изъ дисциплинъ историческихъ.

Какъ мы видѣли, съ половины XVIII в., особенно къ концу его, литературный матеріалъ неожиданно и быстро разростается. Область письменныхъ памятниковъ увеличивается широкой областью литературы устной, огромнымъ запасомъ дѣлающихся теперь извѣстными произведеній устной народной поэзіи. Открытіе Индіи полагаетъ первыя основанія сравнительному языкознанію. Возникающій затѣмъ романтизмъ дѣлаетъ попытки сопоставленія и сличенія литературъ и сказаній самыхъ различныхъ народовъ,—открываетъ для всякихъ изученій и сравненій необозримое поле!.. Къ этому присоединяется могущественное вліяніе общаго расширенія историческихъ изученій... Все это разомъ мѣняетъ задачи, общую постановку историческихъ наукъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи „исторіи литературы“, какъ науки: эстетическій методъ изученія литературныхъ памятниковъ уступаетъ свое мѣсто методу историческому.

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ и лучшихъ представителей строгаго историческаго направленія въ изученіи литературныхъ памятниковъ является Гервинусъ въ „Исторіи нѣмецкой поэзіи“ (1835). Гервинусъ впервые дѣлаетъ точную характеристику и самаго метода, — сравнительно съ прежнимъ, эстетическимъ. „Я предпринялъ, говоритъ онъ, изложить исторію нѣмецкой поэзіи со времени ея перваго появленія до той эпохи, когда она, послѣ разнообразныхъ превратностей, наиболѣе приблизилась къ всеобъемлющему и чистѣйшему идеалу поэзіи и искусства вообще. Моя исторія отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она не иное что, какъ исторія. Я не вдаюсь въ эстетическую оцѣнку произведеній; я не поэтъ и не критикъ поэтическихъ созданій. Эстетическій критикъ объясняетъ намъ, какъ твореніе возникаетъ, растетъ, зрѣетъ и развивается само изъ себя; она показываетъ его внутренній ростъ, а также отношеніе къ своему роду и къ творческой силѣ поэта. Эстетикъ всячески избѣгаетъ сравненія разсматриваемаго произведенія съ другими и разнородными. Для историческаго критика сравненіе — наоборотъ, главнѣйшее средство къ достиженію цѣли. Не ограничиваясь отдѣльными явленіями, историческій критикъ обнимаетъ всю совокупность поэтическихъ созданій и показываетъ ихъ происхожденіе изъ духа и условій времени, изъ круга идей, событій и историческихъ судебъ; отыскиваетъ причины литературныхъ явленій и указываетъ ихъ дѣйствіе и вліяніе, и на этомъ премущественно основаніи оцѣниваетъ ихъ относительное достоинство. Само собою разумѣется, что для историческаго критика необходимъ здравый эстетическій вкусъ, подобно тому, какъ для политическаго историка необходимъ вѣрный политическій взглядъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы политическій историкъ выходилъ изъ своей колеи и становился публицистомъ, а историкъ литературы приплеталъ къ своему предмету эстетическіе трактаты“...

Взгляду, формулированному здѣсь Гервинусомъ, нужно было сдѣлать еще незначительный шагъ впередъ,—чтобы окончательно обнять всѣ тѣ требованія, которыя съ позднѣйшей, современной точки зрѣнія ставятся задачей историко-литературныхъ изученій. По взгляду современной науки, историческій методъ долженъ быть сравнительно-историческимъ. Это—„тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный, въ параллельныхъ рядахъ, въ видахъ достиженія возможно полнаго обобщенія". О сравненіи, какъ пріемѣ изслѣдованія, говоритъ и Гервинусъ; но онъ недостаточно подчеркиваетъ эту сторону метода,—и не предвидитъ того значенія, какое долженъ былъ получить пріемъ сравненія уже въ ближайшее время, какъ при изученіи историко-литературныхъ памятниковъ, такъ и вообще всей народной жизни. Разширенію прежняго, чисто историческаго метода необычайно способствовало возникновеніе въ послѣднее время двухъ новыхъ наукъ: сравнительнаго языкознанія и сравнительной миѳологіи, а равно изученіе тѣхъ древнѣйшихъ остатковъ народной жизни, которыя входятъ въ область до-исторической археологіи. Собственно для исторіи литературы, въ томъ общемъ радикальномъ измѣненіи, которое приняли къ концу XVIII—нач. XIX вв. въ западно-европейской наукѣ обще-историческія изученія,—ближайшее значеніе имѣло особенно возникновеніе и быстрое развитіе сравнительнаго языкознанія.

До конца XVIII-го столѣтія и даже нѣкоторое время въ нач. XIX-го въ европейской филологической наукѣ господствуетъ крайне узкое, чисто грамматическое направленіе. Языкознаніе ограничивалось почти исключительно сферой изученія классическихъ языковъ, сосредоточивалось на изученіи ихъ грамматики и стилистики. Правда, уже рано начинаются и пріемы сравнительнаго сближенія языковъ; но сближенія эти до крайности произвольны и случайны! — основываются лишь на внѣшнихъ, слуховыхъ созвучіяхъ, которыя даютъ

поводъ къ самымъ страннымъ, фантастическимъ предположеніямъ и выводамъ, — свидѣтельствуя лишь о богатствѣ остроумія и фантазіи своихъ ученыхъ авторовъ... Прочную почву сравнительному изученію языковъ даетъ лишь начинающееся съ конца XVIII вѣка знакомство европейскихъ ученыхъ съ *санскритомъ*. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ В. Джонсомъ [† 1794], основавшимъ въ 1784 г. въ Калькуттѣ „Азіатское Общество“: изученіе санскрита, его грамматики, его памятниковъ дѣлается главной научной цѣлью этого Общества. Уже Джонсъ высказываетъ мысль, что сходство санскрита съ языками греческимъ и латинскимъ, германскимъ и кельтскимъ —„не можетъ быть объяснено иначе, какъ принятіемъ мысли, что они произошли отъ одного общаго источника, быть можетъ, уже не существующаго“... Впервые вполнѣ научнымъ образомъ мысль эта была обоснована Фр. Боппомъ, сначала въ сочиненіи: Ueber das Conjugationssistem der Sanscritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache [Франкф. на М., 1816 г.], потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ знаменитомъ трудѣ: Vergleichende Grammatik das Sanskrit, Send, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen [1833 — 1852]. Подробнымъ анализомъ спряженій, образованія частей рѣчи, всего грамматическаго строя взятыхъ языковъ Боппъ впервые доказалъ исконную близость этихъ языковъ, общность ихъ основаній,—и этимъ самымъ почти одинъ и сразу создалъ науку сравнительнаго языкознанія!.. Рядомъ съ трудами Боппа особенно важны были изысканія Якова Гримма въ спеціальной области историческаго изученія нѣмецкаго языка. Такіе труды Гримма, какъ Deutsche Grammatik [1809], Deutsche Mythologie [1835], Geschichte der deutschen Sprache [1848] — намѣтили самыя широкія задачи для сравнительно-историческихъ изысканій. На почвѣ лингвистическихъ данныхъ возникли изслѣ-

дованія чисто историческаго характера: изученіе языка, лингвистика, ввели изслѣдователя въ область „до-исторіи“... Вскорѣ къ этому присоединились упомянутыя изслѣдованія В. Гумбольдта,—взглянувшаго на языкъ, какъ на живой организмъ, развивающійся исторически и по извѣстнымъ законамъ... Изслѣдованія Боппа, бр. Гриммовъ, В. Гумбольдта и цѣлаго ряда ученыхъ, примыкавшихъ еще къ филологическимъ трудамъ бр. Шлегелей, быстро придаютъ всему западному языкознанію совершенно новое направленіе: рядомъ съ старой „филологіей“ выступаетъ „лингвистика“, лингвистическій методъ изученія языка. Языкъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ чисто историческихъ изученій, — возникшая лингвистика превращается какъ-бы въ лингвистическую палеонтологію. Путемъ лингвистическихъ изученій въ позднѣйшихъ формахъ и словарномъ матеріалѣ языка народа изслѣдователи открыли отразившіеся здѣсь, въ языкѣ, изъ глубочайшей старины идущіе, слѣды начальнаго развитія всей народной культуры: миѳологіи народа, быта и т. д.; въ языкѣ открылась скрывавшаяся дотолѣ „цѣлая жизнь народовъ, со всѣми богатыми и разнообразными ея отправленіями“. Какъ палеонтологія съ помощью ископаемыхъ костей возстановляетъ не только первичный образъ животнаго, но и самыя его привычки, способъ движенія, питанія и т. д.; такъ и сравнительное языкознаніе по немногимъ остаткамъ древнихъ словъ, уцѣлѣвшимъ отъ крушенія, разборомъ первоначальнаго значенія корней, — съ бо́льшей или меньшей опредѣленностью дѣлаетъ попытки возстановить картину жизни и быта отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіями до-историческаго періода...

Никто не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть того громаднаго значенія, какое уже скоро долженъ былъ получить пріемъ сравненія при изученіи не только собственно историко-литературныхъ памятниковъ, но и вообще всей народной жизни. Сравнительно-историческій методъ изученія, помимо собственно

„исторіи литературы“ и ближайшихъ къ ней дисциплинъ — сравнительной грамматики, сравнительнаго языкознанія, области сравнительной миѳологіи — быстро проникъ и во всѣ другія науки, изучающія культурную и соціальную жизнь общества, народа, всего человѣчества: въ область изученій народнаго быта, народныхъ обычаевъ, народнаго права, политическихъ учрежденій, вообще всѣхъ вопросовъ „соціологіи“, — новѣйшей науки о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ. Въ области собственно „исторіи литературы“ могущественное значеніе сравнительнаго метода обнаружилось особенно быстро и особенно блестящими результатами. Въ сферѣ историко-литературныхъ вопросовъ сравнительно-историческій методъ изученія прежде всего сосредоточился на начальныхъ эпохахъ національныхъ литературъ, въ области древнѣйшихъ, исходныхъ зачатковъ поэзіи народа, — и тотчасъ же далъ здѣсь начало новой дисциплинѣ: сравнительной миѳологіи. Въ области начальныхъ эпохъ литературъ передъ изслѣдователемъ рядомъ съ „исторіей“ тотчасъ же, на первыхъ же порахъ изученія, открылась едва ли еще не болѣе обширная область предшествовавшей ей „до-исторіи“ [Ur-Geschichte],— обширная область безконечно отдаленной отъ насъ народной жизни, наиболѣе вѣрнымъ средствомъ проникнуть въ которую явился языкъ народа, — сравнительно-историческое изученіе языковъ, миѳовъ, преданій, быта, всего того, что̀ сохранилось у того или другого отдѣльнаго народа, выступившаго потомъ на страницы „исторіи“, отъ далекой поры его „до-исторической“ жизни. Лингвистическія изученія этихъ остатковъ доказали тѣсную, родственную связь индо-европейскихъ племенъ между собою, племенъ, съ незапамятныхъ временъ населявшихъ Европу и значительную часть Азіи, племенъ, — исторія которыхъ составляетъ исторію человѣческой культуры, человѣческой цивилизаціи. Сравнительное изученіе языковъ доказало, что первые зародыши индо-европейскихъ народныхъ языковъ и миѳологій

коренятся еще въ эпохѣ совмѣстной, обще-племенной жизни этихъ народовъ, въ томъ до-историческомъ періодѣ, когда эти народы, сдѣлавшіеся позднѣе самостоятельными народностями, не успѣли еще выдѣлиться въ отдѣльныя, обособленныя національности и жили общей жизнью всего племени. На почвѣ этой исконной, первичной связи различныхъ народностей, нѣкогда принадлежавшихъ къ одному нераздѣльному племени, на почвѣ ихъ исконнаго родства, — наука путемъ того же сравнительно-историческаго метода пытается, далѣе, возстановить первичные, общіе всему племени, зародыши духовной жизни въ области народныхъ преданій, миѳовъ, поэзіи, всего быта народа, начальныхъ зачатковъ его первобытной, доисторической культуры, — исходныхъ пунктовъ всей дальнѣйшей народной цивилизаціи... Всѣ эти сравнительно-историческія изысканія само собой отодвинули первые зачатки національныхъ литературъ гораздо дальше тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ они начинались въ старой наукѣ: передъ изслѣдователемъ открылись отдаленнѣйшіе горизонты до-исторической культуры,—о которыхъ старая наука не могла даже и помышлять! Сравнительно-историческія лингвистическія изслѣдованія дали возможность позднѣйшей наукѣ приподнять завѣсу съ самаго отдаленнаго времени, заглянуть на первыя страницы человѣческой исторіи, — въ ту эпоху человѣчества, когда различныя племена, развившіяся впослѣдствіи въ отдѣльныя, самостоятельныя народности, жили еще одной, общей жизнью, составляли собой одинъ народъ, когда въ умѣ первобытнаго человѣка возникали первые зародыши понятій общественныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, другими словами, когда въ первобытной жизни дикаря слагались первые зачатки будущей культуры. Начальная исторія языка народа, народной миѳологіи, первые проблески устной народной поэзіи, общее начало духовнаго развитія народа — все это на глазахъ изслѣдователя ушло въ несравненно болѣе отда-

ленную эпоху, чѣмъ съ какой начиналось раньше,—въ доисторическую глубину вѣковъ, задолго предшествовавшую эпохѣ *Ведъ*... Само собой при этомъ на первыхъ же порахъ научныхъ изслѣдованій явилось стремленіе — изъ позднѣйшаго матеріала, потерпѣвшаго на долгомъ жизненномъ пути народовъ различныя крушенія и измѣненія, изъ-подъ слоевъ, наложенныхъ здѣсь бытомъ, условіями жизни, всѣмъ прошлымъ народа, необходимостями и случайностями долгой доисторической и послѣдующей исторической народной жизни, —извлечь эти общія до-историческія начала, постепенно освободить, вывести на свѣтъ божій, отдаленные образы первобытнаго, до-историческаго міросозерцанія и вѣрованій народовъ, уяснить ихъ смыслъ и значеніе. Отвѣтомъ на это явилась созданная на первыхъ же порахъ геніальнымъ Яковомъ Гриммомъ путемъ сравнительно-историческихъ изученій знаменитая *миѳологическая теорія*, — позднѣе разработанная Куномъ, Шварцемъ, особенно Максъ-Мюллеромъ. Не менѣе блестящіе результаты далъ сравнительно-историческій методъ, перейдя отъ древнѣйшихъ исходныхъ эпохъ литературъ къ области позднѣйшей литературной исторіи, — въ область болѣе позднихъ преданій и сказаній народовъ, въ область вообще историческаго развитія національныхъ литературъ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ. Примѣненіе новаго метода быстро измѣнило и здѣсь взгляды на многіе самые существенные вопросы въ наукѣ,—еще такъ недавно казавшіеся вполнѣ рѣшенными!.. Послѣдующія изученія, твердо ставшія на почву сравнительно-историческаго метода, уже очень скоро измѣнили, отчасти даже совсѣмъ отвергли, и первые выводы касательно сейчасъ названной „миѳологической теоріи“. Болѣе широкія дальнѣйшія изученія народной поэзіи, народныхъ преданій, всей поэтической народной старины, въ связи съ относящимися сюда памятниками средневѣковой письменности европейской и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, — не только весьма значительно съузили область

„миѳологіи“, но и вообще поставили изслѣдованія на совершенно другую дорогу. Рядомъ съ древними, общеплеменными миѳами, наука уже скоро открыла и совсѣмъ другіе, болѣе поздніе факторы въ литературной жизни народовъ: вліянія литературъ и преданій древняго Востока, позднѣе Византіи, вліянія христіанскія и вообще книжныя, позднѣйшія международныя заимствованія и т. д. Дальнѣйшія сравнительно-историческія изученія вообще быстро съузили созданную Гриммомъ миѳологическую теорію въ пользу такъ наз. *теоріи литературнаго заимствованія*, — болѣе позднихъ литературныхъ международныхъ вліяній и взаимодѣйствій, созданной Бенфеемъ. Многое изъ того, что́ прежде, на первыхъ порахъ, сравнительно-историческими изученіями отнесено было въ область „до-исторіи“, въ область первичныхъ, до-историческихъ „миѳовъ“, въ арійскую древность,—при позднѣйшихъ, болѣе тщательныхъ сравнительно-историческихъ изысканіяхъ пришлось перенести на почву гораздо болѣе поздней, даже иногда позднѣйшей, исторической жизни народовъ! Изслѣдованія средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ, сравненія ихъ между собою и съ живымъ современнымъ „фольклоромъ“ [англ. сл. *folklor* — вообще народная поэтическая старина, преданія, поэзія] указали, съ одной стороны, обильные факты книжныхъ международныхъ заимствованій, факты международной передачи сказаній; съ другой — продолжающееся, хотя и сильно измѣненное, существованіе старыхъ, до-историческихъ сказаній въ современной народной памяти. Обнаружилось, что очень многое, что́ могло-бы показаться чисто народнымъ миѳомъ,—не болѣе какъ развитіе и видоизмѣненіе вычитаннаго въ книгѣ! Оказалось, напр., что бо́льшая часть средневѣковыхъ повѣстей и новеллъ проникла къ западно-европейскимъ народамъ съ Востока, въ эпоху крестовыхъ походовъ и позже, и что вообще въ исторіи народныхъ сказаній, въ ихъ обыкновенно очень длинной, сложной генеалогіи, играли значеніе не какіе-либо первичные миѳы, — напротивъ, чаще всего

очень поздніе литературные заимствованія и передачи однимъ народомъ другому!.. Вслѣдъ за Бенфеемъ, на эту новую почву изученій ранѣе другихъ стали въ своихъ научныхъ изысканіяхъ на западѣ Либрехтъ, Маннгардтъ [сначала ревностный послѣдователь теоріи Я. Гримма, потомъ наиболѣе сильный ея противникъ]; у насъ — И. В. Ягичъ, А. Н. Веселовскій, И. Н. Ждановъ... Теорія литературнаго заимствованія вернула изслѣдователей изъ отдаленной эпохи до-исторической жизни народовъ къ эпохамъ гораздо болѣе позднимъ, въ частности—къ Востоку и Византіи. Въ интернаціональномъ сходствѣ различныхъ, сохранившихся доселѣ, народныхъ обрядовъ, сказокъ и т. д., должны были признать не отголоски древнѣйшихъ, арійскихъ миѳовъ, давно исчезнувшихъ и забытыхъ народомъ, а конгломератъ несравненно болѣе позднихъ народныхъ передачъ и заимствованій, отчасти принадлежавшихъ даже исторической эпохѣ,— какъ результатъ, между прочимъ, широкаго литературнаго вліянія стараго Востока на европейскій Западъ. Какъ на посредниковъ, переносившихъ въ Европу поэтическое достояніе Востока, указывали при этомъ на монголовъ, буддизмъ, наконецъ, на Византію. Послѣдняя мысль, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, оказалась особенно счастливой. Византія дѣйствительно въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ играла огромную роль въ средневѣковыхъ литературахъ Востока и Запада, и древнѣйшихъ и болѣе позднихъ, была всегда самой живой посредницей при ихъ взаимномъ обмѣнѣ литературными матеріалами, — издавна снабжая средневѣковую Европу массой самыхъ разнообразныхъ повѣстей и сказаній, въ свою очередь получавшихся ею съ Востока... При дальнѣйшихъ изученіяхъ теорія получила новыя, дальнѣйшія измѣненія и поправки. Между прочимъ обнаружилась возможность и обратнаго перехода — съ Запада на Востокъ, изъ старой Европы въ Азію. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя было не замѣтить могущественнаго значенія, въ смыслѣ литературныхъ вліяній, классической

Греціи, ея блестяще развитой миѳологіи: обнаружилось, что очень многія сказанія, сдѣлавшіяся позднѣе международными,—исходный источникъ свой имѣли еще въ древнѣйшихъ миѳологическихъ сказаніяхъ классическихъ народовъ и т. д. и т. д. Не менѣе плодотворнымъ явилось примѣненіе сравнительно-историческаго метода и къ самымъ позднимъ эпохамъ литературной жизни народовъ,—къ произведеніямъ литературы художественной, вообще къ литературнымъ памятникамъ, возникшимъ на почвѣ позднѣйшей, чисто исторической жизни народовъ, къ генезису произведеній отдѣльныхъ позднѣйшихъ писателей, цѣлаго того или другого литературнаго направленія и т. п. Здѣсь сравнительно-историческія разысканія являлись нерѣдко даже какъ бы сами собой. Какъ справедливо замѣчено было Кохомъ,—приложеніе сравнительнаго метода къ изученію позднѣйшихъ европейскихъ литературъ обусловливается самой ихъ взаимной зависимостью, общими условіями ихъ генезиса и роста. Ни одна изъ европейскихъ литературъ, слѣдовавшихъ за римской, не развилась исключительно изъ народныхъ основъ. Уже римско-византійское христіанство вноситъ въ поэзію новыхъ народовъ многочисленные мотивы литературы и культуры восточной. Виргилій дѣлается христіанскимъ поэтомъ. Французскіе, нѣмецкіе, испанскіе и славянскіе поэты въ новой поэтической формѣ пересказываютъ сюжеты гомеровскихъ пѣсенъ и т. д. Античные элементы, усвоенные начальными средними вѣками, еще болѣе усиливаются въ эпоху Возрожденія. Средніе вѣка создаютъ международную латинскую литературу. Возрожденіе указываетъ общіе всѣмъ идеалы въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей, — и вообще налагаетъ на литературу печать, легко узнаваемую, на какомъ-бы языкѣ эта литература не выражалась. „Оцѣнить эту особую цѣльность, созданную Возрожденіемъ, а въ ней услѣдить частныя связи зависимости и международныхъ вліяній — можно только съ точки зрѣнія сравнительной исторіи литературы... Гансъ Саксъ и Шекс-

пиръ заимствуютъ сюжеты своихъ произведеній изъ новеллъ *Декамерона*,—въ которыхъ Боккаччіо пересказывалъ лишь очень старые сюжеты, шедшіе съ Востока"... И т. д. Наконецъ, только путемъ сравнительно-историческаго метода „исторія литературы" можетъ подняться на высоту сравнительнаго изученія всѣхъ литературъ человѣчества, — стать сравнительной исторіей литературы. Задачи послѣдней — слѣдить за развитіемъ идей и формъ, за постоянными превращеніями однихъ и тѣхъ же или сходныхъ сюжетовъ въ литературахъ стараго и новаго времени, за вліяніемъ однихъ на другія. Необходимые матеріалы для созданія такой науки сравнительной исторіи литературы можетъ дать лишь сравнительно-историческій методъ, — „сближеніе мотивовъ, распространенныхъ въ самыхъ различныхъ литературахъ или даже литературахъ всѣхъ народовъ, всего человѣчества"... Каррьеръ къ этому добавляетъ, что только такое сравнительно-историческое изученіе литературъ, и вообще искусства всѣхъ народовъ можетъ философски, идейно, освѣтить и вообще культурную исторію человѣчества, — дать возможность понять „процессы человѣчества, ихъ многоскорбный путь и конечную цѣль", указать хотя бы въ общихъ чертахъ тѣ высшіе, вѣчные „идеалы человѣчества", которыми жилъ человѣкъ въ своей тысячелѣтней исторіи...

Являясь лишь дальнѣйшимъ развитіемъ метода историческаго, сравнительно-историческій методъ не исключаетъ собой стараго, чисто филологическаго пріема изученій литературныхъ памятниковъ, существовавшаго издавна и особенно развивающагося, какъ мы видѣли, къ концу XVIII — нач. XIX вв. Сравнительно-историческая лингвистика, напротивъ, придала старой „филологіи" особую глубину и широту изученій, — хотя въ то же время и слишкомъ большую сложность постановки. Въ своихъ конечныхъ цѣляхъ „филологія" превратилась въ исторію вообще духовной жизни народа,—насколько эта жизнь выражается въ языкѣ, произведе-

ніяхъ литературы, искусства и т. д. Главная задача филологическаго метода, какъ понимаетъ его позднѣйшая наука — путемъ тщательныхъ изученій и сличеній дошедшихъ текстовъ извѣстнаго памятника, вообще произведеній писателя, возстановить наиболѣе вѣрную, подлинную редакцію текста, очистить, на сколько возможно, путемъ строгихъ научныхъ изученій, дошедшій текстъ отъ позднѣйшихъ вставокъ, искаженій, возстановить возможно совершеннѣе его древнѣйшій, первоначальный видъ, тотъ видъ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ автора, или вообще, какъ произведеніе создано было впервые. Если текстъ стихотворный, къ этому присоединяется вопросъ о метрикѣ. Далѣе изслѣдователь переходитъ къ изученію отношеній и связей разсматриваемаго текста къ родственнымъ текстамъ, — болѣе раннимъ, современнымъ, и послѣдующимъ, позднѣйшимъ, пересказамъ. Здѣсь вопросъ самъ собой переходитъ къ изслѣдованію литературныхъ источниковъ, которыми такъ или иначе опредѣляется характеръ изучаемаго текста, и послѣдующихъ вліяній его въ дальнѣйшей литературной исторіи. Другими словами, „филологія“ изслѣдуетъ здѣсь источники безыскусственнаго *народнаго* творчества, связи этого творчества съ языкомъ, древнѣйшимъ бытомъ и всѣмъ міровоззрѣніемъ народа, — если памятникъ принадлежитъ къ коллективному творчеству; или исторію *личности* автора, его міросозерцаніе, характеръ эпохи, въ которую жилъ авторъ, вообще условія и обстоятельства, вліявшія на развитіе авторскаго таланта и всей дѣятельности писателя,—если памятникъ произведеніе индивидуальнаго творчества. *Исторія текста* переходитъ так. обр. въ исторію *литературнаго творчества* извѣстнаго народа, — безличнаго, обще-народнаго, или личнаго, индивидуальнаго; исторія *языка*, помимо своей ближайшей, чисто филологической задачи, охватываетъ исторію вообще *духовной жизни народа*, — насколько она выразилась въ памятникахъ слова, языка, начиная съ древнѣйшихъ, миѳическихъ вѣрованій народа и на протяженіи всей

дальнѣйшей исторіи. Къ этому присоединяются здѣсь же и другія родственныя области духовнаго творчества народа, коллективнаго и индивидуальнаго, помимо собственно народной поэзіи, литературы: область вообще творческаго проявленія народнаго духа, мысли, — не только въ области поэзіи, но и живописи, ваянія, музыки и т. д. Въ такомъ широкомъ видѣ филологическій методъ изученія имѣлъ наиболѣе ранними своими представителями Лахмана [† 1851], Вакернагеля [† 1869], позднѣе дѣлается обычнымъ пріемомъ историко-литературныхъ изученій въ нѣмецкихъ университетахъ. „Исторія литературы“ является здѣсь лишь отраслью „филологіи“, — которая съ этой точки зрѣнія обнимаетъ „все разнообразіе изученій языка, во всѣхъ его связяхъ съ первобытной старины, народной поэзіей и обычаемъ,—и памятниковъ литературы, со всѣми ихъ отношеніями къ исторической жизни, къ собственно литературнымъ преданіямъ и направленіямъ, къ личной судьбѣ и творчеству писателя, съ отношеніями международными, наконецъ, всей выразившейся въ словѣ, нравственно-поэтической дѣятельности народа“... Въ позднѣйшее время на этой точкѣ зрѣнія стоятъ такіе новѣйшіе нѣмецкіе историки литературы, какъ Герм. Пауль, Густавъ Греберъ; въ отношеніи славянской филологіи—акад. И. В. Ягичъ и др.

Впрочемъ, нерѣдко филологическій методъ изученія литературныхъ памятниковъ по прежнему понимается и въ ближайшемъ, буквальномъ смыслѣ: какъ изученіе собственно текста литературнаго произведенія,—и въ этомъ случаѣ, по отношеніи къ „исторіи литературы“, является въ роли подготовительной, сливаясь въ отношеніи къ памятникамъ древнѣйшимъ чаще всего вообще съ изслѣдованіями палеографическими. Вопросы о качествѣ списка, въ которомъ дошло до насъ извѣстное литературное произведеніе, о времени появленія этого списка, его подлинности, редакціи, объ отношеніи различныхъ дошедшихъ списковъ къ древнѣйшему тексту, о странѣ, гдѣ

явился списокъ, національности писца или переписчика, пріемахъ самаго писанія, матеріалѣ, на которомъ написанъ дошедшій памятникъ и т. д. и т. д.,—все это, составляя задачи предварительнаго собственно палеографическаго изученія рукописи памятника, главнымъ образомъ въ своихъ выводахъ опирается на изученіяхъ языка, на изученіяхъ чисто филологическихъ. Предварительныя палеографическія изученія дошедшихъ рукописей особенное значеніе имѣютъ при обслѣдованіи *источниковъ* древнихъ литературъ, *вліяній* на нихъ и т. п.

Въ связи съ разнообразіемъ и сложностью вопросовъ, выдвинутыхъ за послѣднія десятилѣтія въ области не только собственно историческихъ, но и обще-соціологическихъ наукъ, подъ наплывомъ новыхъ изученій этнографическихъ, естественно-историческихъ, психологическихъ и др., — за послѣднее время значительно измѣнились научные взгляды на „исторію литературы", ея содержаніе, ея задачи и цѣли. Къ изученіямъ собственно историко-литературнымъ привлечено такое множество „новыхъ точекъ зрѣнія", „новыхъ предметовъ", — что старыя рамки „исторіи литературы" оказались слишкомъ тѣсными и непригодными!.. Новые научные интересы всего чаще уходятъ въ область „психологіи народовъ"; послѣдняя въ свою очередь становится все въ болѣе тѣсныя связи съ изученіями соціологическими, чисто натуралистическими, антропологическими и т. д. Одновременно безконечно расширились и старыя точки зрѣнія при изученіи самыхъ литературныхъ произведеній. Гдѣ прежде довольствовались лишь неопредѣленными указаніями на то или другое отношеніе къ „дѣйствительности",—теперь потребовали гораздо болѣе обстоятельнаго опредѣленія „общественныхъ условій, дѣйствовавшихъ на писателя и на весь складъ литературы"; вообще изученіе условій народной и общественной жизни стало входить въ область

историко-литературнаго изслѣдованія въ несравненно болѣе широкой степени. Все это самымъ существеннымъ образомъ отразилось на пріемахъ и методахъ позднѣйшихъ историко-литературныхъ изслѣдованій. До сихъ поръ изслѣдователи главнымъ образомъ, если не исключительно, свое вниманіе сосредоточивали на самомъ произведеніи, — забывая иногда совершенно объ авторѣ, его личности, вообще о психологической сторонѣ литературнаго творчества; за позднѣйшее время именно эта сторона вопроса особенно выдвинулась въ историко-литературныхъ изученіяхъ. Возникъ такъ наз. психологическій методъ изученія литературы,—быстро принявшій характеръ обще-философскаго. Вопросы ставятся не только о личности писателя, но и вообще о „законахъ“ литературнаго творчества; „исторія литературы“ дѣлаетъ попытки превратиться въ „философію исторіи литературы“. Въ старыхъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ шли вопросы о томъ, какъ, въ силу какихъ историческихъ условій, возникло то или другое художественное произведеніе, сложилась дѣятельность того или другого писателя; цѣлый рядъ позднѣйшихъ историко-литературныхъ трудовъ ставитъ своей задачей рѣшить, какъ, въ силу какихъ условій—природы страны, особенностей общественныхъ, условій историческихъ и т. д.—возникаетъ художественное произведеніе вообще, чѣмъ обусловливаются вообще „законы литературнаго творчества“, какъ, въ силу какихъ условій, „законовъ“, возникаетъ и развивается вообще поэтическое дарованіе у отдѣльнаго писателя, у цѣлаго народа... Дѣло идетъ такимъ образомъ о созданіи цѣлой „научной теоріи“ исторіи литературы на почвѣ „народной психологіи“ и соціологіи, въ связи съ общими законами человѣческаго мышленія и поэтическаго творчества,—помимо обычныхъ связей съ ходомъ общественной мысли, условіями соціальными и т. д. Цѣльной сколько-нибудь „теоріи“ еще не создано; трудно сказать, и будетъ ли вообще создана когда такая „теорія“. Но все же передъ нами и теперь — рядъ на-

учныхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія совершенно новыхъ, которые не только любопытны сами по себѣ, но весьма важны и вообще, такъ какъ даютъ во многихъ случаяхъ или совершенно новое или гораздо болѣе широкое освѣщеніе предмета. Разумѣемъ относящіеся сюда взгляды Сентъ-Бева, Тэна, Геннекена, Брюнетьера, Брандеса и др. Останавливаемся нѣсколько на этихъ взглядахъ.

Сентъ-Бевъ [† 1869] является наиболѣе раннимъ основателемъ такъ наз. „психологическаго“ метода. Въ общемъ ходѣ развитія литературной критики Сентъ-Бевъ впервые съ особой настойчивостью выдвинулъ тѣсныя связи произведенія съ его авторомъ, указалъ на ближайшее отраженіе въ литературныхъ памятникахъ личности писателя, его характера. По взгляду Сентъ-Бева, лучшій, наиболѣе цѣнный комментарій къ литературнымъ произведеніямъ писателя — его біографія; и вообще всякія литературныя произведенія больше всего, если не исключительно, связаны съ личностью автора. Сентъ-Бевъ первый „за листкомъ писанной бумаги сталъ искать живого человѣка“... Сентъ-Бевъ отказывается даже обсуждать литературное произведеніе, біографія автора котораго ему неизвѣстна. И вообще, доказывалъ онъ, „ничего нельзя понять ни въ художественномъ произведеніи, ни вообще въ литературѣ прошедшаго,—если не дать себѣ предварительно труда уразумѣть личное душевное настроеніе, породившее то или другое произведеніе, если не изучить предварительно личность автора“... „Исторія литературы“ для Сентъ-Бева — рядъ біографій писателей. Въ этомъ отношеніи французскій критикъ впадаетъ иногда даже въ крайность: за личностью писателя, Сентъ-Бевъ нерѣдко упускаетъ изъ вида самую эпоху, въ которую жилъ писатель. Въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ Сентъ-Бева біографъ вообще преобладаетъ надъ историкомъ. Изслѣдователь, впрочемъ, далеко не довольствуется одною областью біографіи. По теоріи Сентъ-Бева, біографическій ме-

тодъ долженъ служить лишь средствомъ для достиженія болѣе высшей задачи — обще-психологической. Біографія писателя нужна критику для того, чтобы этимъ путемъ изучить настроеніе эпохи, ея внутренній, духовный складъ, — чтобы превратить „исторію литературы“ въ „естественную исторію человѣческаго духа“. Отсюда, рядомъ съ личностью писателя, съ изученіями біографическими, въ задачу историка литературы Сентъ-Бевъ вноситъ вопросы о расѣ, наслѣдственности, о вліяніи на исторію народа почвы, климата и т. д. Новые принципы, выдвинутые Сентъ-Бевомъ, были въ сущности лишь завершеніемъ историческаго метода, и повели къ особенно тщательному изученію біографическаго матеріала. Явились и крайности въ этомъ отношеніи: въ біографіи писателя нерѣдко гнались за всякой мелочью, — направленіе, которое въ 50-е гг. особенно усиливается. Съ другой стороны, мысли Сентъ-Бева о „расѣ“, о зависимости писателя отъ эпохи и т. п. — ближайшимъ образомъ были восприняты и развиты въ историческихъ трудахъ Ипполита Тэна.

Тэнъ [† 1893] начинаетъ съ указанія важности тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ въ лицѣ Сентъ-Бева историческій методъ. Въ прежнее время, замѣчаетъ Тэнъ, литературная и художественная критика, вообще „исторія литературы“, передавала лишь впечатлѣнія человѣка съ литературнымъ вкусомъ; историческій методъ сдѣлалъ ее научной. Исторія литературы, критика, сдѣлалась „средствомъ изученія не только произведенія, но и самого автора, не только автора, но и человѣка вообще,—„dont l'auteur n'est qu'un fragment“... „Люди пришли, наконецъ, къ тому убѣжденію, что литературное произведеніе—не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы, но вѣрный снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія ума. Отсюда естественно явился выводъ, что помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе

нѣсколько столѣтій тому назадъ. Историческіе документы — „не болѣе, какъ указатели, при помощи которыхъ надобно возсоздать видимую личность“. Задача историка—подъ внѣшнимъ человѣкомъ открыть внутренняго человѣка, „раскрыть душу изъ поступковъ и дѣяній“, т. е. раскрыть и изучить „ту группу способностей и чувствъ, которая производитъ въ человѣкѣ все остальное“. Слѣдя глазами за текстомъ дошедшаго литературнаго памятника,—„душа и умъ историка слѣдуютъ за послѣдовательнымъ развитіемъ и смѣняющимся рядомъ душевныхъ ощущеній и понятій, давшихъ начало тексту. Именно надъ этимъ особенно трудился Сентъ-Бевъ; въ этомъ отношеніи всѣ мы, прибавляетъ Тэнъ—ученики его“... Дѣло, однако, не только въ этомъ. Тэнъ хочетъ вести изслѣдованіе гораздо дальше, — и ведетъ его въ двухъ направленіяхъ: въ отношеніи къ отдѣльному писателю и цѣлымъ, отдѣльнымъ народамъ. По отношенію къ писателю, критическій пріемъ Сентъ-Бева Тэнъ существеннымъ образомъ дополняетъ внесеніемъ идеи о такъ наз. „господствующей способности“; въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ [а равно опять и отдѣльнымъ писателямъ] отрывочныя мысли Сентъ-Бева о расѣ, эпохѣ и т. п. Тэнъ преобразовываетъ въ стройную теорію, охватывающую не только писателя, но и ту національность, страну, эпоху, къ которой писатель принадлежитъ: въ теорію о „расѣ“, „средѣ“ и „историческомъ моментѣ“.

Тэнъ соглашается съ Сентъ-Бевомъ, что задача историка литературы—въ литературномъ произведеніи познать автора, раскрыть душу автора. Но, продолжаетъ онъ, душа—сложное понятіе и должна быть разложена на составные факты или элементы. Душевное разнообразіе автора, писателя, поэта въ концѣ концовъ необходимо привести къ единству, — за анализомъ долженъ слѣдовать синтезъ. Разложивъ данную творческую индивидуальность, критикъ долженъ указать и существующее въ этомъ разнообразіи единство. Указать это единство значитъ указать „господствующую способность“ (fa-

culté maîtresse). Геній человѣка, продолжаетъ Тэнъ, — нѣчто нераздѣлимое; его неудобно разлагать на части. Какъ скоро онъ перестаетъ представляться единымъ, — онъ лишается жизни! Поэтому задача критика заключается не въ томъ только, чтобы нагромоздить массу замѣчаній для характеристики какого-нибудь автора (Тэнъ намекаетъ на біографическія пристрастія Сентъ-Бева), но открыть въ немъ—главную дѣйствующую силу. „Пусть этотъ авторъ будетъ представлять собою личность безконечно разнообразную; пусть въ немъ отражаются семья, сосѣди, современники; пусть онъ находится подъ вліяніемъ своего чтенія, своего общественнаго положенія, тысячи противоположныхъ случайностей; пусть безчисленныя инфильтраціи просачивались въ него со всѣхъ сторонъ, — суть дѣла въ томъ, чтобы опредѣлить направленіе потока, измѣрить его силу, указать русло, по которому онъ стремится!“ Этимъ направленіемъ потока, этой силой является въ писателѣ „господствующая способность“... Какъ было уже замѣчено, теновская теорія о „расѣ“, „средѣ“, „моментѣ“ — въ сущности дальнѣйшее развитіе мыслей, высказанныхъ уже Сентъ-Бевомъ, но Тэнъ подходитъ къ своей теоріи съ совершенно другой стороны. Исходной точкой литературнаго метода онъ хочетъ сдѣлать исключительно пріемы естествознанія. Тэнъ хочетъ быть въ области „исторіи литературы“ только естествоиспытателемъ, — въ своихъ критическихъ и историко-литературныхъ изученіяхъ слѣдовать тому же самому методу, тѣмъ же пріемамъ изученія, какихъ держится въ своей области естествоиспытатель. По мнѣнію Тэна, и тамъ и здѣсь — въ области исторіи литературы и въ области естествознанія — пріемы изслѣдованія одни и тѣ же, и состоятъ въ одномъ: въ опытѣ!.. По взглядамъ Тэна, „исторія литературы“, общія условія возникновенія и развитія литературныхъ произведеній, самые законы поэтическаго творчества — все это всецѣло принадлежитъ къ области естествознанія и ни

къ чему другому. „Идея—говоритъ Тэнъ—подобна сѣмени. Если сѣмя, чтобы пустить ростокъ, чтобы развиться и расцвѣсти, нуждается въ питаніи, доставляемомъ водою, воздухомъ, солнцемъ и почвою; то идея, чтобы достигнуть зрѣлости, найти полное выраженіе, также нуждается въ дополненіи и расширеніи,—которыя доставляютъ ей умы современниковъ“... Причина каждаго литературнаго явленія въ состояніи духа художника; это же послѣднее въ свою очередь—результатъ дѣйствія трехъ основныхъ факторовъ человѣческой исторіи, трехъ ея первичныхъ силъ: „расы“, „среды“ и „момента“. Подъ „расой“ Тэнъ разумѣетъ совокупность врожденныхъ и унаслѣдованныхъ писателемъ душевныхъ свойствъ и расположеній, которыя составляютъ какъ бы своего рода постоянный нравственный капиталъ всякаго, принадлежащаго къ извѣстной расѣ, народа. „Среда“—вліяніе климата, почвы, политическихъ учрежденій, соціальныхъ условій. Плодомъ взаимодѣйствія двухъ этихъ силъ является третья — переживаемый „историческій моментъ“, т. е. вообще та или другая историческая эпоха, настроеніе времени, то, что̀ иногда называется „духомъ вѣка“. „Раса“, „среда“, „историческій моментъ“ — три могущественнѣйшія силы, являющіяся главнѣйшими факторами человѣческой исторіи. Учитывая эти основные историческіе факторы, эти величайшія производящія силы человѣческаго развитія—на весь ходъ человѣческой цивилизаціи можно смотрѣть, какъ на нѣчто уже чисто механическое. Здѣсь, какъ и вездѣ, по мнѣнію Тэна—только механическая задача! Окончательный итогъ — сумма данныхъ, вполнѣ опредѣляемыхъ величиною и направленіемъ производящихъ силъ. Единственное различіе этихъ нравственныхъ задачъ отъ физическихъ—въ томъ, что направленія и величины первыхъ не могутъ быть столь же точно опредѣляемы и вычисляемы, какъ вторыхъ... Дѣло именно только въ „точности“! Получи историкъ возможность „точно опредѣлять и вычислять“ нравственные основы, — онъ могъ-бы тотчасъ же

стать пророкомъ... „Если бы, замѣчаетъ Тэнъ, эти силы могли быть измѣрены и выражены въ цифрахъ, тогда ничего бы не стоило вывести изъ нихъ, какъ изъ формулы, свойство будущей цивилизаціи“ (!..). Въ ходѣ исторіи, какъ и вездѣ, продолжаетъ Тэнъ — „осуществляется законъ взаимной зависимости. Цивилизація составляетъ тѣло, части котораго находятся въ такой же зависимости, какъ и части органическаго тѣла. У животнаго инстинкты, зубы, члены, кости, мускульная система связаны другъ съ другомъ такъ, что измѣненіе въ одномъ ведетъ за собой соотвѣтственное измѣненіе во всѣхъ остальныхъ, — и искусный натуралистъ можетъ по немногимъ остаткамъ угадать конструкцію всего тѣла. Равнымъ образомъ и въ цивилизаціи. Религія, философія, форма семьи, литература, искусство — образуютъ систему, гдѣ всякое частичное измѣненіе ведетъ за собой общую перемѣну, въ такой мѣрѣ, что опытный историкъ, изучившій только извѣстную часть, замѣчаетъ впередъ и вполовину предугадываетъ характеръ остального“... Тэнъ именно думаетъ, что въ настоящее время исторія уже въ значительной степени „достигла этой степени или по крайней мѣрѣ очень близка къ ней“. Вопросъ, который предстоитъ разрѣшить историку, можно выразить, говоритъ Тэнъ, такъ: „Если дана какая-нибудь литература, философія, общество, искусство,—каково будетъ нравственное состояніе, которое ихъ порождаетъ? Какія условія „расы“, „момента“ и „среды“ наиболѣе способны вызвать это нравственное состояніе? Задача исторіи — именно въ томъ, чтобы найти этотъ законъ человѣческаго роста. Исторія должна создать спеціальную психологію для всякой отдѣльной формаціи... Такъ же, какъ астрономія есть въ сущности механическая задача, а физіологія задача химическая; такъ и исторія въ сущности только—психологическая задача!“... [*Histoire de la Littérature Anglaise.* Paris, 1864,—введеніе].

Вопросы, выдвинутые Тэномъ въ области критики, въ особенности столь блестяще развитыя указанія его на тѣсныя связи писателя съ „расой“, „средой“, „историческимъ моментомъ“, даже эта теорія „господствующей способности“, хотя она часто самимъ Тэномъ оставлялась въ сторонѣ—все это было громаднымъ шагомъ впередъ въ сферѣ литературной критики, въ дѣлѣ развитія господствовавшихъ дотолѣ пріемовъ изученія литературныхъ произведеній и вообще научнаго изученія литературы. Взгляды Тэна впервые давали „исторіи литературы“, какъ наукѣ, несравнено болѣе прочныя научныя основанія, — и быстро оказали могущественное вліяніе на дальнѣйшее направленіе западно-европейской критики. Но здѣсь же, со стороны тѣхъ же европейскихъ ученыхъ, теорія Тэна уже очень скоро стала вызывать и весьма серьезныя возраженія. „Законы“ Тэна подверглись весьма рѣзкой критикѣ; выводы его о „расѣ“, „средѣ“, „историческомъ моментѣ“ уже скоро были весьма значительно урѣзаны въ своихъ границахъ. Европейская критика уже вскорѣ справедливо указала, что дѣйствіе такихъ силъ, какъ „раса“, „среда“, „моментъ“—съ одной стороны, столь широко и вмѣстѣ столь неуловимо, что опредѣленіе его теряетъ всякую твердую почву, дѣлается слишкомъ субъективнымъ; съ другой—передъ нами живые факты, прямо опровергающіе подобные выводы! — свидѣтельствующіе, напр., что „среда“ часто вовсе не создаетъ писателя и вообще мало опредѣляетъ направленіе литературы... Брандесъ напр., справедливо замѣчалъ, что теорія Тэна примѣнима лишь къ посредственностямъ. Съ ея помощью нельзя объяснить произведеній талантовъ могучихъ и оригинальныхъ: изъ послѣднихъ многіе часто стояли, напротивъ, въ отрицательномъ отношеніи и къ „средѣ“ и къ своему времени, не были поняты и оцѣнены современниками!.. „Три великія силы, которыя въ глазахъ Тэна все предопредѣляютъ у писателя—„раса“, „среда“, „моментъ“—безспорно, говоритъ Брандесъ, оказываютъ великое вліяніе; но при всемъ томъ здѣсь никакъ

нельзя установить какихъ-либо, сколько-нибудь прочныхъ соотношеній. Мы не можемъ въ сущности сказать ничего въ этомъ отношеніи!.. Тэнъ отрицаетъ первоначальную силу великаго индивидуума, приписываетъ всю дѣятельность — окружающему міру; у Тэна всѣ идеи и обобщенія выходятъ въ концѣ концовъ изъ толпы. Но въ дѣйствительности ни идея, ни художественная форма никогда не зарождаются въ толпѣ! Идея беретъ свое начало въ недѣлимомъ, стоящемъ выше толпы и привлекающемъ ее къ себѣ"... Художникъ творитъ самъ себѣ среду, — отыскивая въ обществѣ именно такія лица, которыя, хотя и въ меньшей степени, обладаютъ тѣми же предрасположеніями, какъ и онъ самъ. Починъ принадлежитъ всегда великому индивидууму, и никогда—толпѣ"!.. Что касается „преобладающей способности", продолжаетъ Брандесъ—„Тэну не хватаетъ такихъ преобладающихъ способностей, чтобы снабдить ими массу лицъ, а потому ему приходится, при характеристикѣ различныхъ писателей, одарять ихъ одною и тою же способностью. Шекспиръ у Тэна обладаетъ „сильнымъ воображеніемъ", и Диккенсъ — также; Титъ-Ливій—ораторъ, и Викторъ Кузенъ—тоже, и у обоихъ ихъ ораторская способность должна направлять все... „Господствующая способность", принимаемая Тэномъ—представляетъ собою слишкомъ широкое опредѣленіе, а потому не можетъ дать точнаго понятія ни объ индивидуумѣ, ни о его творчествѣ. Въ то же время такое опредѣленіе — и слишкомъ узко. Духъ человѣка вовсе не такъ однообразенъ, какъ то кажется Тэну! Напротивъ, существо человѣческаго духа слишкомъ разнообразно, подвижно и сложно... Нѣтъ сомнѣнія, заключаетъ Брандесъ—способности духа должны зависить одна отъ другой; но кто же можетъ намъ доказать, что есть такая способность, т. е. видоизмѣненіе таланта, которая господствовала бы надъ духомъ? То, что́ даетъ направленіе таланту, можетъ лежать внѣ и позади его... Благодаря такому предполагаемому въ талантѣ „единству", Тэнъ не можетъ выяснить

источника разнообразія въ творчествѣ. Припомнимъ Паскаля,— великаго математика и великаго религіознаго мыслителя; трудно сказать, что́ было выше, — талантъ математическій или талантъ богословскій... Леонардъ былъ живописцемъ, архитекторомъ, инженеромъ, философомъ, поэтомъ"... И т. д. и т. д.

Отмѣтимъ здѣсь и собственные взгляды Брандеса на пріемы историко-литературныхъ изученій, на конечныя задачи и цѣли „исторіи литературы". Брандесъ, наиболѣе даровитый изъ позднѣйшихъ европейскихъ историковъ литературы и критиковъ, занимаетъ средину между Сентъ-Бевомъ и Тэномъ. Признавая себя ученикомъ того и другого, онъ старается усвоить достоинства обоихъ и избѣжать ихъ односторонностей. Въ своемъ главномъ трудѣ: *Основныя теченія литературы XIX в.* [перв. серія лекцій Брандеса, читанная имъ въ 1871 г.; лекціи вышли въ пяти томахъ и печатались въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1872 по 1882 г. Русскій переводъ, въ извлеченіяхъ, вышелъ уже въ 1881 г.; въ позднѣйшее время явилось нѣсколько болѣе полныхъ переводовъ этого труда] — Брандесъ говоритъ: „Мой методъ заключается въ томъ, чтобы психологически слѣдить за самыми глубокими литературными движеніями изъ одной страны въ другую и указывать, какъ этотъ жидкій матеріалъ, по временамъ сгущаясь, кристаллизируется въ томъ или другомъ ясномъ и удобопонятномъ типѣ... Тэнъ всегда интересовался тѣмъ, чтобы изучить слѣды, указывающіе на единство и устойчивость расы на всемъ пространствѣ исторіи ея литературы; меня интересовала-бы болѣе всего исторія великихъ движеній жизненной волны, начиная отъ ея зарожденія и далѣе по всему пространству, пробѣгаемому ею, отъ одной страны къ другой,—великія теченія литературы нашего вѣка"... Примыкая къ психологическому методу С.-Бева, Брандесъ старается выяснять произведенія писателя не только изъ обстоятельствъ его интимной жизни, настроенія его духа, но изъ всего міросозерцанія писателя, изъ всей суммы его

взглядовъ религіозныхъ, общественныхъ, нравственныхъ. Основой критики, главнымъ рычагомъ изслѣдователя, Брандесъ признаетъ „intuition“ — особое проникновеніе въ изучаемыя произведенія, въ тайники человѣческой души, на почвѣ которыхъ оно создано... „Я вѣрю только въ intuition“, замѣчаетъ онъ. „Безъ сомнѣнія, критика до извѣстной степени есть прикладная наука; но въ то же время она является и искусствомъ. Ибо нѣтъ такого изслѣдовательнаго метода, который могъ бы намъ дать ключъ къ человѣческому духу во всемъ его объемѣ... Только при помощи „intuition“ критика можетъ достигнуть полнаго пониманія духа, дать себѣ точный отчетъ, внѣ всякаго спора,—такъ какъ при этомъ она будетъ опираться на опытъ, доступный провѣркѣ самого читателя. Не нужно однако—спѣшитъ прибавить далѣе Брандесъ—воображать и тогда, будто мы очутимся предъ результатами „чисто-научнаго“ изслѣдованія. Даже и послѣ упорной работы, когда критикъ видитъ, что онъ вполнѣ справился съ своимъ сюжетомъ, онъ все же не достигъ момента для настоящаго труда, и не сядетъ писать прежде, нежели не почувствуетъ, что въ немъ живетъ то самое лицо, которое онъ предпринимаетъ охарактеризовать—и очень часто ему приходится ждать того цѣлые мѣсяцы“... За то, если критику удастся понять до конца и воспроизвести личность человѣка во всемъ объемѣ,—„онъ можетъ въ такомъ случаѣ иногда совершить нѣчто такое, съ чѣмъ не сравнится даже и поэтическое произведеніе! Даже и тогда, когда поэтическое творчество остается выше критики по своей свѣжести, прелести и красотѣ, — рѣдко мы видимъ, однако, даже почти никогда, чтобы поэтъ былъ способенъ изобразить намъ духъ человѣка съ такою ясностью и оригинальностью, какъ это возможно для критики. Поэзія изображаетъ характеры въ дѣйствіи, но не самую жизнь творческаго или философскаго ума, и всего рѣже и всего труднѣе она рисуетъ намъ генія“... Критику Брандесъ такимъ образомъ отожествляетъ съ твор-

чествомъ, вдохновеніемъ, — и даже даетъ ей преимущество. „Въ началѣ этого вѣка, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, фантазія считалась способностью собственно поэтическою, даръ творчества дѣлалъ писателя поэтомъ, и поэтъ чувствовалъ себя въ сверхъ-естественномъ мірѣ такъ же хорошо, какъ бы онъ находился въ мірѣ всѣмъ извѣстномъ. Но когда поэзія отказалась отъ витанія въ воздушныхъ пространствахъ и сдѣлала попытку къ тому, чтобы понимать, вмѣсто того, чтобы выдумывать — поэтъ и критикъ весьма приблизились другъ къ другу. Романъ сдѣлался психологіей. Въ наши дни романистъ и критикъ имѣютъ общую точку отправленія: умственную среду данной эпохи, и только въ такой обстановкѣ являются тѣ человѣческія фигуры, которыя изображаются въ литературѣ. Романистъ желаетъ обрисовать и объяснить характеръ дѣйствія человѣка; критикъ—письменнаго произведенія. Изъ наблюденій надъ характеромъ чзловѣка романистъ заключаетъ о возможныхъ его дѣйствіяхъ; критикъ изъ наблюденій надъ произведеніемъ заключаетъ о характерѣ лица, создавшаго это произведеніе“... Критика, по взгляду Брандеса—„даръ, силою котораго можно преодолѣть первобытную ограниченность нашей природы“, „младшая изъ музъ, Сандрильона, десятая муза“... Взятая съ еще болѣе широкой точки зрѣнія, критика понимается Брандесомъ, какъ вообще „наклонность къ всестороннему изслѣдованію“, „способность подвергать своему обсужденію все существующее“. „Съ того момента, когда поэзія перестала выдѣлять себя изъ окружающей жизни и изъ идей своей эпохи,—критика является въ поэзіи всюду, какъ оживотворяющій принципъ. Она указываетъ дорогу человѣческому духу и разставляетъ по ней столбы и свѣтильники; она расчищаетъ новые пути; она же переступаетъ горы, — горы слѣпой вѣры, предразсудковъ, животной силы и отжившихъ преданій!“...

Лѣтъ двадцать спустя послѣ Тэна, совершенно новую точку зрѣнія на вопросъ старался установить Э. Генне-

кенъ [E. Hennequin, † 1889], даровитый, рано умершій французскій критикъ. Исходной точкой для теоріи Геннекена отчасти служатъ возраженія на теорію Тэна. „Естественно-научному“ методу Тэна Геннекенъ противопоставляетъ методъ „научной критики“, „эстопсихологіи“, — новой науки, основанія и задачи которой критикъ выяснить не успѣлъ; эти основанія лишь въ неясныхъ очертаніяхъ носятся передъ глазами молодого изслѣдователя... Геннекену и вообще не удалось построить строгой научной системы. Ему не удалось даже вполнѣ формулировать свою теорію; въ его книгѣ [*La critique sciensifique.* Paris, 1888] передъ нами лишь отдѣльныя замѣтки, — наиболѣе цѣнныя изъ которыхъ возраженія на методъ Тэна.

Основная, исходная точка взглядовъ Геннекена совершенно противоположна той, изъ которой исходитъ Тэнъ. По мнѣнію Геннекена, нужно изучать не вліяніе эпохи, „среды“, на писателя, — наоборотъ! вліяніе писателя на общество, на окружающую „среду“. Въ противоположность Тэну, утверждавшему, что предварительно нужно изучать среду, историческій моментъ, а потомъ уже идти къ писателю, какъ продукту этихъ условій, — Геннекенъ утверждаетъ, что нужно, напротивъ, начинать съ изученія самаго произведенія, причинъ его успѣха, и уже отсюда дѣлать заключенія о писателѣ и средѣ. „Расѣ“, „средѣ“, „моменту“ Геннекенъ противопоставляетъ личность, индивидуальность художника. По взгляду Геннекена, исходнымъ пунктомъ строгой, „научной“ критики должно быть изученіе вліяній художественнаго произведенія на читателя, на поклонниковъ. Именно здѣсь сказывается внутреннее сродство между авторомъ и читателями, сродство, которымъ и объясняется успѣхъ произведенія, — а не въ „расѣ“, не въ „средѣ“!.. Нѣтъ расы, говоритъ Геннекенъ, которая была-бы совершенно чиста и однородна; вездѣ господствуетъ смѣшеніе элементовъ и соотвѣтствующее ему разнообразіе типовъ. Еще бо-

лѣе это примѣнимо къ націи, — всегда образующейся изъ осколковъ нѣсколькихъ расъ. Различны между собой не только соотечественники, но и соплеменники, члены одной изъ небольшихъ группъ, входящихъ въ составъ великаго цѣлаго... Расовыми особенностями нельзя объяснить ни одну литературу: ни нѣмецкую, — многіе представители которой совершенно чужды свойствъ, обыкновенно приписываемыхъ германскому племени, ни французскую, — которая съ XVI в. непрерывно имѣетъ свои корни внѣ Франціи, въ творчествѣ другихъ народовъ, ни англійскую,—новѣйшія теченія которой не заключаютъ въ себѣ ничего національнаго... Можно ли говорить о постоянствѣ расоваго характера, если нравственно несходными между собою весьма часто оказываются даже близкіе родные, даже родители и дѣти?.. А перемѣны, происходящія во времени!.. Много ли общаго между Пруссіей Шлейермахера и Пруссіей Бисмарка? Между Италіей Бенвенуто Челлини и Италіей, которую любилъ Стендаль?.. Столь же преувеличенными кажутся Геннекену мнѣнія Тэна о вліяніи „среды“ и „момента“. Конечно, это вліяніе существуетъ; но оно не для всѣхъ одинаково,—для нѣкоторыхъ совершенно ничтожно! Если во французскихъ классикахъ XVII в. отражается довольно точно элегантная, изящная жизнь тогдашняго двора, то вѣдь этой же эпохѣ принадлежали и писатели совершенно другого закала: Паскаль и Сенъ-Симонъ! Въ такомъ же отношеніи стоитъ Рембрандъ къ большинству современныхъ ему голланскихъ живописцевъ... Эврипидъ былъ современникомъ Аристофана, Лукрецій — Цицерона, Гете — Шиллера, Гейне — Уланда, Левъ Толстой—Достоевскаго... При одинаковыхъ условіяхъ возникли и постоянно возникаютъ самыя противоположныя художественныя дарованія. Шелли былъ такимъ же анахронизмомъ въ Англіи первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, какъ Стендаль въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, Бальзакъ и Делакруа въ эпоху іюльской монархіи... Вліяніе среды умень-

шается по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Личность оказывается все болѣе и болѣе устойчивою, — ей все легче и легче можно становиться въ противодѣйствіе окружающему. Въ обширныхъ центрахъ культуры — въ древнихъ Аѳинахъ, въ современномъ Лондонѣ или Парижѣ—разнородность отдѣльныхъ группъ и наслоеній такъ велика, что оставляетъ мѣсто для всякой индивидуальности, даетъ просторъ всякому таланту. Рядомъ съ Фелье и Онэ въ области романа процвѣтаютъ Гонкуръ и Зола; въ области критики Тэнъ не исключаетъ Сарсэ; въ области музыки успѣхъ достается одновременно и Гуно и Оффенбаху... Можно ли поэтому заключать отъ произведенія къ обществу, въ средѣ котораго оно создано?.. Гораздо важнѣе — изученіе вліяній, исходящихъ отъ художника, отъ художественнаго произведенія на общество. Отзывчивость на впечатлѣнія обусловливается способностью ихъ испытывать. Любить писателя, увлекаться его сочиненіями — значитъ имѣть съ нимъ что-то общее, значитъ раздѣлять его склонности, вкусы, соприкасаться такъ или иначе съ его душевной организаціей. При отсутствіи этихъ условій, немыслимо общеніе между читателемъ и авторомъ. Понимать въ сферѣ искусства можно только то, что́ чувствуешь. Художественное произведеніе дѣйствуетъ только на тѣхъ, чьимъ выраженіемъ оно служитъ [„une oeuvre d'art n'ement que ceux, dont elle est le signe“]. Есть авторы особенно дорогіе для цѣлыхъ категорій читателей. У любителей Зола другой темпераментъ, чѣмъ у поклонниковъ Гюго и Меримэ. Трудно представить читателя, который-бы одинаково восхищался Гюго и Ламартиномъ, Бальзакомъ и Дюма, высшей и нисшей литературой [„la basse et la haute littérature“]. Вообще между умственнымъ складомъ художника и умственнымъ складомъ его читателей, поклонниковъ, всегда есть аналогія, по которой можно судить о послѣднихъ на основаніи извѣстнаго о первомъ, т. е. на основаніи произведенія, въ которомъ отразилась натура ху-

дожника. Содержаніе, характеръ произведеній популярныхъ въ извѣстную эпоху уже говоритъ о душевномъ настроеніи людей этой эпохи. Тѣмъ же внутреннимъ сродствомъ обусловливается подражательность въ литературѣ, — совершенно не поддающаяся объясненію съ точки зрѣнія Тэна! Не „раса“ и не „среда“ заставили латинскихъ писателей взять за образецъ греческую литературу или французскихъ классиковъ „великаго вѣка“—поклоняться древней трагедіи!.. Съ другой стороны, именно перемѣнами въ настроеніи читателей и общества объясняются перемѣны въ судьбѣ авторовъ, — при жизни ихъ и по смерти. Паскаль и Сенъ-Симонъ достигли славы только по прошествіи двухъ столѣтій. Въ общемъ ходѣ литературной жизни страны центръ тяжести не въ художникѣ, а въ массѣ, въ настроеніи массы, общества! Литературная и художественная исторія страны—рядъ психологическихъ эволюцій, совершившихся въ средѣ народа, рядъ типичныхъ для него душевныхъ организацій. По тому или другому знаменитому произведенію, безспорно, можно судить о современномъ ему обществѣ и всей эпохѣ—но не потому, что эти произведенія написаны тамъ-то и тогда-то, а потому, что ими зачитывались, потому что они проникали въ сердца, воспламеняли умы! При другомъ настроеніи общества, эти знаменитыя произведенія прошли бы безслѣдно... „Ретроспективное изслѣдованіе успѣха, выпавшаго на долю каждаго художника“—вотъ основное требованіе для критики, говоритъ Геннекенъ, — и въ то же время главное мѣрило общественнаго значенія литературнаго произведенія, вообще памятниковъ художественнаго творчества. Успѣхъ или неуспѣхъ произведенія — вотъ главныя основанія для тѣхъ или другихъ соціологическихъ выводовъ, выводовъ о настроеніи общества, эпохи. Нужно привести въ ясность продажную цѣну картинъ, число изданій книгъ, число представленій пьесы, сумму вознагражденія, получаемаго авторомъ; нужно прослѣдить колебаніе

этихъ величинъ; нужно опредѣлить степень распространенія авторской славы не только на родинѣ автора, но и за ея предѣлами,—только въ результатѣ всѣхъ такихъ изученій получатся строгія, „научныя“ данныя для исторіи и психологіи общества, народовъ... Такова исходная точка такъ наз. соціологическаго анализа, — важнѣйшей и наиболѣе оригинальной части „научной критики“ Геннекена. Задача „соціологическаго анализа“ — выясненіе вліянія художественнаго произведенія на общество, выясненіе тѣхъ или другихъ соціологическихъ отношеній, выраженіемъ, признакомъ которыхъ является данное литературное произведеніе. Рядомъ съ „соціологическимъ анализомъ“ идутъ двѣ другія основныя стороны „научной критики“ Геннекена: анализъ „психологическій“ и „эстетическій“. Всякое литературное произведеніе, говоритъ Геннекенъ, является показателемъ и признакомъ не только соціологическихъ, но и психологическихъ отношеній. Отсюда вытекаетъ важность изученія произведеній литературы со стороны психологической, — психологическій анализъ, изученіе произведенія, насколько въ немъ отразилась личность автора. „Психологическій анализъ“ долженъ производиться на основаніи самыхъ произведеній. Примѣшивать сюда исторію жизни писателя, разсужденія о наслѣдственныхъ его свойствахъ, о вліяніяхъ, которымъ онъ подвергался — излишне и несомнѣнная ошибка! Къ психологическимъ особенностямъ художника можно прямо заключать, по мнѣнію Геннекена, отъ эстетическихъ особенностей произведенія, достаточно раскрытыхъ и правильно освѣщенныхъ: свойствамъ созданнаго должны соотвѣтствовать свойства создавшаго. Здѣсь вступаетъ вполнѣ въ свои права эстетическое изученіе произведенія. Черпая свои данныя изъ соціологіи (при изученіи группъ, типическимъ выразителемъ которыхъ служитъ художникъ) и изъ психологіи (при изученіи личности художника), — основной точкой „научной критики“ является эстетика, эстетическій

анализъ: изученіе тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ писатель дѣйствуетъ на читателя. Сюда входитъ изученіе слога писателя, употребляемыхъ имъ метафоръ, композицій, сценъ и т. д. и т. д.

Много очень цѣнныхъ критическихъ замѣчаній на книгу Геннекена разбросано въ прекрасной статьѣ акад. К. К. Арсеньева. Высказываемыя здѣсь соображенія очень важны и сами по себѣ, — приводимъ нѣкоторыя. „Изученіе вліянія художника, его произведеній, на современниковъ и болѣе или менѣе отдаленное потомство представляетъ, замѣчаетъ Арсеньевъ, безъ сомнѣнія, большой интересъ, большую важность; но оно сопряжено съ затрудненіями, которыхъ Геннекенъ какъ будто не видитъ, — да и результатамъ изученія, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, едва ли принадлежитъ та абсолютная цѣнность, которую онъ имъ приписываетъ“. Мѣриломъ вліянія Геннекенъ признаетъ внѣшній успѣхъ. „Этого мѣрила критика совершенно лишена по отношенію къ начинающимъ художникамъ, не успѣвшимъ еще занять опредѣленное положеніе, найти свою собственную публику; по отношенію же ко многимъ другимъ, еще живущимъ или недавно сошедшимъ со сцены, — мѣрило это можетъ оказаться совершенно ошибочнымъ. Успѣхъ можетъ быть достигнутъ не сразу; или, наоборотъ, его быстротѣ можетъ соотвѣтствовать его эфемерность... Къ тому же различнымъ эпохамъ свойственны различныя формы и выраженія успѣха. Не всегда же существовалъ авторскій гонораръ, не всегда существовали изданія, въ современномъ смыслѣ этого слова!.. Еще важнѣе трудность, съ которою сопряжено раскрытіе причинъ успѣха, разложеніе его на составныя части. Эта трудность растетъ пропорціально промежутку времени, отдѣляющему изслѣдователя отъ изслѣдуемаго, — хотя это не значитъ, что она незначительна даже и въ отношеніи къ современникамъ. Возьмемъ несомнѣнный успѣхъ *Нана*: едва ли можно сом-

нѣваться въ томъ, что мы имѣетъ здѣсь дѣло съ явленіемъ чрезвычайно сложнымъ! Въ его составъ входитъ и жажда пряныхъ впечатлѣній, и разнузданность животныхъ инстинктовъ, и сочувствіе къ смѣлости, опрокидывающей обычные барьеры, и увлеченіе модой, и страсть къ скандалу, и преклоненіе предъ новой силой. Ка́къ произвести количественный и качественный анализъ этихъ элементовъ, — ка́къ выдѣлить роль, принадлежащую каждому изъ нихъ? Для загадокъ всякаго рода поле здѣсь до безконечности широко; для ихъ повѣрки матеріаловъ чрезвычайно мало! Ошибки почти неизбѣжны—и притомъ ошибки до крайности серьезныя. Прежде всего, самый фактъ успѣха еще ничего не доказываетъ. Часто успѣхъ достается одновременно на долю весьма противоположныхъ явленій,—на долю писателей, между которыми нѣтъ ничего общаго! Романы Онэ расходятся въ еще бо́льшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ романы Зола, — подобно тому, какъ успѣхъ Э. Сю превосходилъ въ свое время успѣхъ Ж. Занда, или успѣхъ Понсонъ-дю-Террайля— успѣхъ Флобера... А затѣмъ самый фактъ успѣха можетъ быть опредѣленъ лишь съ нѣкоторой, очень условной опредѣленностью. По числу покупателей книги еще нельзя судить о числѣ читателей; по числу читателей—о числѣ поклонниковъ!.. Далѣе выступаетъ еще болѣе радикальное возраженіе. Исходной точкой Геннекена служитъ предположеніе, что связь между авторомъ и читателями — внѣшнимъ признакомъ которой является успѣхъ—коренится въ аналогіи натуры и душевныхъ организацій, въ гармоніи наклонностей и вкусовъ. Это справедливо, но до извѣстной степени, — и только по отношенію къ настоящимъ поклонникамъ. Но „поклонники“ и „читатели“, какъ мы замѣтили—далеко не одно и то же! Усердіе, съ которымъ читаютъ Зола французы и не-французы, не даетъ еще права видѣть въ авторѣ *Нана* типичнаго представителя современнаго образованнаго общества. Всего раньше и быстрѣе, какъ извѣстно, Зола пріобрѣлъ

популярность у насъ въ Россіи; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что между русскими читателями „золаизмъ“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, нашелъ наиболѣе подготовленную почву?.. А затѣмъ — самое поклоненіе писателю можетъ быть весьма различнаго свойства. Одни могутъ цѣнить въ Зола оригинальность манеры, богатство сравненій, вѣрность въ воспроизведеніи деталей; другіе— интересоваться имъ, какъ наблюдателемъ, какъ коллекціонеромъ „человѣческихъ документовъ“; третьи видятъ въ немъ преимущественно новатора, вносящаго научные пріемы въ сферу искусства, или лѣтописца общественной жизни, клеймящаго заслуженнымъ клеймомъ „эпоху безумія и позора“... Не зная сравнительной численности этихъ группъ — а знать ее почти невозможно—нельзя опредѣлить, по методу Геннекена, соціологическаго значенія симпатій, возбуждаемыхъ Зола у себя дома и за предѣлами Франціи. Здѣсь гораздо вѣрнѣе противоположный, старый путь: гораздо надежнѣе изучить условія, создавшія самого Зола, — и изъ нихъ уже выводить причины его успѣха, чѣмъ заключать наоборотъ: отъ успѣха къ состоянію умовъ, сдѣлавшему его возможнымъ... Возьмемъ другой примѣръ, продолжаетъ Арсеньевъ—Достоевскаго. Много ли общаго между многочисленными категоріями его поклонниковъ? Въ страстномъ увлеченіи его произведеніями сходятся люди самыхъ различныхъ направленій и убѣжденій, самыхъ различныхъ темпераментовъ и складовъ!—реакціонеры и радикалы, вѣрующіе и невѣрующіе, идеалисты и реалисты, сторонники чистаго искусства и защитники тенденціозности, больные и здоровые, старики и молодые, русскіе и иностранцы. За нимъ идетъ до сихъ поръ такая же смѣшанная, разношерстная толпа, какая слѣдовала за его гробомъ. Всѣ ея оттѣнки такъ или иначе затронуты имъ за живое,—но затронуты различными сторонами его таланта, его авторской личности... Важно не то, что „поклоняются“; важно то, чему именно поклоняются въ немъ разныя группы читателей, —

группы, отличающіяся одна отъ другой не какими-нибудь внѣшними признаками, а самымъ душевнымъ складомъ"...

На почву „естественно-научнаго" метода къ концу своей жизни пытался стать и новѣйшій французскій историкъ литературы, акад. Брюнетьеръ [† 1891]. По мнѣнію Брюнетьера, — „бо́льшая часть нашихъ исторій литературы представляетъ собраніе, даже нельзя сказать послѣдовательное, монографій и изслѣдованій, соединенныхъ кое-какъ, сшитыхъ зачастую бѣлыми нитками"... Это происходитъ потому, что „за самый предметъ исторіи литературы нельзя браться безъ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ",—происходитъ это и потому, что́ „совершенно пренебрегаютъ общей и основной идеей, а она въ исторіи литературы нужна, какъ въ живописи — точка зрѣнія"... Историки литературы, углубляясь въ мелочныя изслѣдованія произведеній, „теряютъ изъ виду связь ихъ со всей исторіей литературы", и въ результатѣ получается словарь, гдѣ „имена размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ"... Къ задачамъ литературной критики Брюнетьеръ пытается приложить теорію Дарвина „происхожденія видовъ", — по крайней мѣрѣ, отсюда заимствуетъ онъ нѣкоторыя свои научныя понятія и термины. Какъ и Геннекенъ, Брюнетьеръ не успѣлъ въ полномъ видѣ изложить свои критическіе взгляды; о нихъ мы можемъ больше догадываться, — трудъ, который былъ предпринятъ имъ съ этой цѣлью, остался едва начатымъ. Впрочемъ, общая точка зрѣнія, на которую становится изслѣдователь, опредѣляется довольно ясно и изъ того перваго тома задуманной авторомъ обширной работы, который вышелъ не задолго до его смерти. Разумѣемъ *L'Evolution des genres dans l'histoire de la littérature. T. I. Introduction. L'évolution de la critique depuis la Rennaissance jusqu'à nos jours* [Paris, 1890]. Книга открывается предисловіемъ, — дѣлаемъ подробное изложеніе этого предисловія. Авторъ указываетъ на широкое значеніе, пріобрѣтенное за послѣднее время терминомъ

„эволюція“. „Этому слову особенно посчастливилось въ послѣдніе 20 лѣтъ: оно наводнило всѣ области образованія и науки! Подъ его вліяніемъ они подверглись измѣненію и обновленію: эволюція существъ, эволюція философіи, эволюція нравственности, эволюція семьи, — вездѣ, повсюду только и говорятъ, что объ эволюціи!.. Всѣмъ хорошо извѣстно, какую пользу извлекли изъ этой доктрины естественныя науки, исторія, философія; мнѣ хотѣлось-бы посмотрѣть — ставитъ вопросъ изслѣдователь — не можетъ-ли попользоваться ею для своихъ выводовъ въ свою очередь также исторія литературы и критики?“... Авторъ указываетъ на основные моменты въ исторіи живописи. Началомъ живописи, по крайней мѣрѣ новой, можно считать живопись религіозную, представителями которой были въ Италіи напр. Чимабуе, Жіотто. Изъ живописи религіозной развивается миѳологическая, — одно время идущая параллельно съ первой. Живопись миѳологическая въ свою очередь переходитъ въ живопись историческую. Отъ исторической живописи ведетъ свое начало живопись портретная, далѣе живопись жанровая,—за которой, наконецъ, слѣдуетъ живопись пейзажная или nature morte. „Живопись только и можетъ быть религіозная, миѳологическая, историческая, портретная, жанровая, пейзажная или nature morte, — и каждая изъ этихъ послѣдующихъ формъ, легко поддающихся комбинированію, является въ своемъ происхожденіи расчлененіемъ, а въ своемъ развитіи расширеніемъ предыдущей... Въ какомъ отношеніи находятся одна къ другой и какъ назвать невѣдомыя намъ причины, заставившія эти формы послѣдовательно выдѣлиться одна изъ другой? — ставитъ опять вопросъ изслѣдователь. Можетъ быть, здѣсь только случайность? Можетъ быть, самая послѣдовательность не имѣетъ въ себѣ ничего закономѣрнаго? Быть можетъ, въ другомъ случаѣ жанровая живопись могла-бы предшествовать религіозной, — или романъ нравовъ могъ

развиться прежде эпопеи? И вообще, какъ слѣдуютъ или, быть можетъ, зарождаются *формы* въ исторіи? Какая связь соединяетъ ихъ, хронологическая или генеалогическая? Другими словами: послѣдовательность формъ въ исторіи есть-ли результатъ сложившихся обстоятельствъ, внѣшнихъ условій,—или, напротивъ, мы имѣемъ дѣло съ зарожденіемъ *формъ* въ прямомъ смыслѣ слова?.. Имѣемъ-ли мы дѣло при переходѣ одной формы въ другую съ расширеніемъ искусства, обогащеніемъ, прогрессомъ? или, наоборотъ, съ его паденіемъ, обѣднѣніемъ, истощеніемъ? Нельзя-ли выяснить законы, управляющіе этой послѣдовательностью? Изъ чего можно усмотрѣть существованіе этихъ законовъ? Какимъ образомъ и на чемъ можемъ мы ихъ доказать? Другими словами, нельзя-ли въ исторіи литературы найти кое-что сходное съ тѣмъ „прогрессивнымъ дифференцированьемъ“, которое въ живой природѣ превращаетъ гемогенъ въ гетерогенъ и изъ сходства порождаетъ различіе?“... Такимъ образомъ — продолжаетъ Брюнетьеръ — вопросъ объ эволюціи видовъ вызываетъ пять слѣдующихъ частныхъ вопросовъ:

1) *О существованіи видовъ.* Живутъ-ли „виды“ собственной жизнью, независимой не только отъ нуждъ критики, но и отъ прихотей писателей или художниковъ? Быть можетъ, эти „виды“ только однѣ слова? Быть можетъ, это только произвольныя категоріи, выдуманныя критиками для собственнаго облегченія, чтобы не затеряться въ массѣ произведеній, безконечное разнообразіе которыхъ задавило бы ихъ своей тяжестью? Или, напротивъ, „виды“ въ самомъ дѣлѣ существуютъ и въ природѣ, и въ исторіи? Вотъ первый вопросъ.

2) *О дифференціаціи видовъ.* Если предположить, что „виды“ существуютъ, — тотчасъ возникаетъ новый вопросъ: какимъ образомъ виды выдѣляются изъ своей первоначальной неопредѣленности? Какъ дѣйствуетъ надъ ними дифференціація, которая ихъ дѣлитъ, затѣмъ харак-

теризуетъ, наконецъ индивидуализируетъ? „Здѣсь второй вопросъ,—и мы видимъ, онъ совершенно аналогиченъ тому, который задаютъ при изученіи естественной исторіи: какимъ образомъ изъ одной сущности отдѣляются индивидуумы съ ихъ частными особенностями и этимъ обезпечиваютъ постепенное происхожденіе разновидностей вида и рода“...

3) *О фиксаціи видовъ.* Подобно тому, какъ въ природѣ, при благопріятныхъ условіяхъ породы обладаютъ извѣстной долей устойчивости, живучестью,—такъ и въ исторіи литературы: виды нѣкоторое время своей жизни отличаются стойкостью. „Именно это обстоятельство могло породить убѣжденіе, будто виды отдѣлены одинъ отъ другого какими-то китайскими стѣнами. Вопросъ о фиксаціи видовъ, объ условіяхъ ихъ живучести, обезпечивающихъ за ними существованіе не только въ теоріи, но въ исторіи, жизнь совершенно индивидуальную, съ началомъ, срединой и концомъ, — этотъ вопросъ является третьимъ нашимъ вопросомъ“.

4) *О модификаторахъ видовъ.* Историческое существованіе видовъ не вѣчно, и это особенно сближаетъ ихъ жизнь съ человѣческой. „Подобно тому, какъ и въ природѣ,—въ эволюціи вида неизбѣжно наступаетъ такой моментъ, когда является преобладаніе неустойчивыхъ качествъ надъ устойчивыми, когда жизнь вида начинаетъ, такъ сказать, разлагаться. Подъ какими именно вліяніями это происходитъ? Что за силы вліяютъ на измѣненіе видовъ? Вотъ — четвертый вопросъ, быть можетъ, самый сложный и темный; на немъ мы должны остановиться подольше, такъ какъ разрѣшеніе его болѣе всего можетъ пролить свѣта на занимающій насъ вопросъ“.

5) *О трансформаціи видовъ.* Существуетъ ли общій законъ эволюціи всѣхъ видовъ или эволюція каждаго вида имѣетъ свои собственные законы? Какъ зарождается видъ, какъ онъ растетъ, достигаетъ совершенства, клонится къ упадку, наконецъ умираетъ?...

Останавливаясь далѣе на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, изслѣдователь продолжаетъ: „Чтобы разрѣшить вопросъ о существованіи видовъ въ утвердительномъ смыслѣ, мы должны показать, что это такъ въ силу: a) различія средствъ каждаго, — потому что, наприм., законы ваянья изъ мрамора не тожественны съ законами скульптурнаго искусства изъ бронзы; b) различія объектовъ каждаго искусства,—различіе покажется намъ довольно темнымъ, если мы будемъ требовать отъ чтенія исторіи и романа одинаковаго удовольствія, но за то совершенно уясняющееся, если мы пойдемъ въ театръ и въ церковь на проповѣдь съ разсчетомъ вынести одинаковыя впечатлѣнія; наконецъ, c) въ силу существованія въ средѣ служителей искусства различія наклонностей (diversité des familles d'esprits). Каждая группа выбрала и постоянно выбираетъ для выраженія своей потребности, своего идеала — или живопись, или музыку, или поэзію; и въ самой поэзіи извѣстная группа писателей можетъ до исключительности предпочитать одинъ какой нибудь видъ всѣмъ другимъ. Всегда найдутся судьи или любители, предпочитающіе Горація Виргилію, а въ нашей литературѣ *Размышленіямъ* Ламартина или *Одамъ* Гюго—*Пѣсни* Бэранжэ". Что касается второго вопроса, какъ выдѣляются виды, — „для разрѣшенія его мы заимствуемъ, продолжаетъ Брюнетьеръ, наши аргументы у теоріи эволюціонизма; на ней-же будетъ основываться и дѣленіе самого вопроса. Безъ сомнѣнія, дифференціація видовъ въ исторіи литературы происходитъ такъ же, какъ и въ природѣ, т.-е. прогрессивно, переходомъ единичнаго въ множественное, простого въ сложное, гемогена въ гетерогенъ, въ силу принципа, называемаго расходимостью (divergence) характеровъ; останавливаться на этомъ принципѣ мы не будемъ, такъ какъ формула, не основанная на подтверждающихъ фактахъ, показалась-бы черезчуръ отвлеченной"... Тоже самое — относительно фиксаціи, или жизни видовъ: „Уже въ одномъ

этомъ вопросѣ заключены по крайней мѣрѣ три другихъ. Какими признаками характеризуется юность? Какими — истощеніе, дряхлость и близкая смерть вида? Но въ особенности важно опредѣлить, что̀ заставляетъ насъ признать совершенство, или зрѣлость произведенія?.. Это не болѣе не менѣе, какъ вопросъ о классичности,—вопросъ сложный, трудный и широкій, и существующій не только въ литературѣ, но и въ живописи и въ скульптурѣ"... Что касается 4-го вопроса, — подъ модификаторами видовъ Брюнетьеръ подразумѣваетъ „силы, еще плохо выясненныя, которыя дѣйствуютъ на виды, чтобы въ однихъ случаяхъ усилить, въ другихъ уменьшить прочность ихъ жизни". На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ здѣсь наслѣдственность или расу, — дѣлающія такой видъ творчества, какъ напримѣръ эпопею, въ Индіи естественнымъ и всегда готовымъ возродиться, а у насъ болѣе или менѣе искусственнымъ и непремѣнно съ литературной обработкой. Почему у китайцевъ и семитовъ нѣтъ эпопеи? Почему у германцевъ не было своего драматическаго искусства?.. Далѣе слѣдуетъ — среда (milieux). Подъ „средой" Брюнетьеръ разумѣетъ: 1) условія географическія или климатическія, вообще вліянія природы на произведенія слова и ихъ исторію; 2) условія соціальныя, создающіяся строемъ общества, — судя по нимъ, можно опредѣлить степень цивилизаціи общества и наклонность его къ типу теократическому, аристократическому или демократическому; 3) условія историческія, которыя вліяютъ извнѣ и извнутри на строеніе общества, но отъ него не зависятъ, и т. п. Рядомъ съ расой или наслѣдственностью, рядомъ съ средой, — здѣсь же дѣйствуетъ наконецъ сила, важность и могущество которой слишкомъ мало оцѣнены, — индивидуальность, т.-е. совокупность такихъ достоинствъ и недостатковъ, которые дѣлаютъ индивидуумъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Индивидуальность, вносимая какимъ-нибудь человѣкомъ въ исторію

литературы или искусства, есть то, что́ не существовало до него, не существовало-бы безъ него, но будетъ существовать послѣ него. Иногда бываетъ достаточнымъ появленіе одного человѣка, чтобы измѣнить направленіе вещей... Теоріи эволюціонизма ничто не мѣшаетъ настаивать на существованіи этой силы: по *Происхожденію видовъ*, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ идіосинкразіи, отъ которой ведутъ свое начало всѣ разновидности"... „Проведя параллель далѣе, продолжаетъ Брюнетьеръ,—мы обратимся къ вопросу о превращеніи видовъ и посмотримъ, не встрѣчается-ли и въ исторіи литературы, искусства чего-нибудь аналогичнаго съ тѣмъ, что́ въ естественной исторіи именуется жизненной борьбой, устойчивостью болѣе пригоднаго или вообще естественнаго подбора? Если въ самомъ дѣлѣ появленіе извѣстныхъ породъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время является причиной исчезновенія другихъ, или, если вѣрно, что борьба за существованіе особенно жестока между двумя сосѣдними народами,—неужели мы не найдемъ массы примѣровъ, подтверждающихъ, что не иначе дѣло обстоитъ и въ исторіи литературы, искусства?"... Какъ мы видимъ, — французскій ученый лишь ставитъ вопросы; нельзя сказать, чтобы онъ и въ самыхъ изысканіяхъ своихъ шелъ особенно на много дальше этихъ вопросовъ... Названный первый томъ его труда, за исключеніемъ изложеннаго *введенія*,—обычная исторія критики. Въ сдѣланныхъ сейчасъ извлеченіяхъ изъ „введенія" мы привели всѣ основныя положенія изслѣдователя, — мы не безъ цѣли привели ихъ съ излишней, можетъ быть, подробностью: мы хотѣли показать, что дальше „вопросовъ" дѣло чаще всего и не идетъ!.. Всѣ эти сближенія и параллели съ естествознаніемъ—въ сущности, крайне неустойчивы, не имѣютъ подъ собой твердой почвы. Дѣло иногда ограничивается въ сущности лишь игрой научныхъ терминовъ, взятыхъ изъ теоріи „происхожденія видовъ",—и въ дѣйствительности мало помогающихъ уясненію собственно историко-литературныхъ вопросовъ.

Да и вообще, какъ видимъ, попытки нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историковъ и критиковъ къ отысканію „законовъ“ литературнаго творчества, къ построенію „научной теоріи“ исторіи литературы, попытки превратить „исторію литературы“ въ „философію исторіи литературы“—еще крайне слабы, зачаточны!.. Попытки эти не только далеки еще отъ какихъ-либо сколько-нибудь положительныхъ, строго-научныхъ результатовъ,—самые пріемы, методы изученія въ этомъ направленіи на взглядъ различныхъ изслѣдователей діаметрально противоположны. Все ограничивается лишь самыми общими положеніями, — къ тому же почти взаимно уничтожающими одни другія. Важнѣйшій шагъ впередъ сдѣланъ былъ въ этомъ отношеніи лишь Тэномъ; но мы видѣли, какъ тотчасъ же весьма существенно урѣзаны были его „законы“ дальнѣйшими изслѣдователями!.. Болѣе того: какъ мы видѣли, въ позднѣйшее время, „исторія литературы“, какъ наука, сама по себѣ стала вызывать въ глазахъ изслѣдователей мнѣнія и взгляды самые противоположные. Какъ мы уже упоминали, лучшіе историки литературы за позднѣйшее время стали приходить къ заключенію, что „содержаніе и методъ науки еще составляютъ искомое“, что „исторія литературы должна разрабатываться съ разныхъ точекъ зрѣнія—раньше, чѣмъ можетъ быть достигнуто ея правильное построеніе“... Какіе же тутъ могутъ быть пока „законы“?!..

Введеніе въ исторію русской литературы.

II. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы.

I.

Древнерусскія „описи“ книгъ.— *Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря* и *Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ.* — Первые опыты историко-литературныхъ изученій въ XVIII в. Труды еп. Дамаскина Семенова-Руднева и Новикова. — Первые опыты собиранія и изданія памятниковъ народной поэзіи. *Древнія россійскія стихотворенія Кирши Данилова.*

Какъ на Западѣ, такъ и у насъ — „исторія литературы“ начинается каталогами. Уже въ до-монгольской Руси существовали отдѣльные случайные *перечни* и *описи книгъ*, инвентарные каталоги рукописныхъ собраній: они упоминаются и у Татищева и въ лѣтописяхъ. Чаще всего они дѣлались случайно, — при пожертвованіи книгъ, по поводу смерти владѣльца или вообще для приведенія въ ясность наличнаго состава книгохранилищъ, — и прежде всего по монастырямъ или для особенно обширныхъ библіотекъ частныхъ лицъ. Одна изъ такихъ описей непосредственно примыкаетъ къ *Чети-Минеямъ* м. Макарія. Изъ дошедшихъ до

насъ старыхъ трудовъ этого рода, отъ XVI—XVII вв., нач. XVIII, отмѣтимъ:

— *Оглавленіе Четій-Миней всероссійскаго м. Макарія, хранящихся въ Московск. Успенскомъ соборѣ, справщика монаха Евѳимія* [изд. Ундольскимъ, — „Чтенія Моск. Общ. ист. и др. рос.“, 1847—1848, IV, 1—78. Ср.: Описаніе Великихъ Четій-Миней Макарія, митроп. всероссійскаго. Трудъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, съ предисловіемъ и дополненіями Е. В. Барсова. „Чтенія“ и пр., 1884, кн. I; 1880, I].

— *Опись книгъ Іосифова Волоколамскаго монастыря* [изд. Казанскимъ, — „Чтенія“ и пр., 1846—1847, кн. VII, стр. 1—16].

— *Роспись книгамъ святѣйшаго патр. Филарета Никитича, учиненная по патріаршему приказу Пав. Ив. Волынскимъ и дьякомъ Дементіемъ Образцовымъ* [изд. И. Бѣляевымъ, — „Временникъ“, XII, 1—9].

— *Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся* [изд. Ундольскимъ, — „Чтенія“ и пр., 1847—1848 VI, 1—44].

— *Библіотека Павла, митр. сарскаго и подонскаго, и книги и имущество Епифанія Славинецкаго* [изд. Ундольскимъ, — „Временникъ“, V, 65—84].

— *Опись греческимъ, греко-латинскимъ, польскимъ и славянскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1676 г. изъ Воскресенскаго монастыря и принадлежавшаго ему Иверскаго подворья въ патріаршую ризную казну, составлено печатнаго двора справщикомъ, монахомъ Евѳиміемъ* [издано В. М. Ундольскимъ, — „Чтенія“, 1846—1847, V, 1—20].

— *Книги переписныя книгамъ, которыя по указу святѣйшаго патріарха въ нынѣшнемъ 198 году переписаны въ Спасскомъ монастырѣ, за иконнымъ рядомъ, подлѣ церкви, въ верхней кладовой палаткѣ* [изд. Забѣлинымъ, — „Временникъ“, XVI, 53—67].

— *Опись библіотеки іеромонаха Евѳимія* [изд. Викторовымъ, — „Лѣт. рус. лит. и древ.“, Тихонравова, V, М., 1863, отд. III. 50—78].

— *Опись библіотеки гр. Андрея Артамоновича Матвѣева и графини Матвѣевой* [изд. ib., V, отд. III, 57—79].

— *Вѣдомость, что по описи явилось въ домѣ покойнаго господина генерала фелтьмаршала и кавалера Якова Вилимовича Брюса, въ библіотекѣ, книгъ нѣмецкихъ разныхъ діалектовъ и россійскихъ, а именно* [изд. Забѣлинымъ, — „Лѣт. рус. лит. и древности", Тихонравова, I, М., 1859, отд. III, стр. 28—62].

— *Каталогъ или роспись книгамъ по имянамъ разныхъ языковъ по алфавиту* [изд. Полуденскимъ, — „Рус. Архивъ", 1864, №№ 3—4].

Но уже рано библіографическія описанія начинаютъ появляться въ древней Руси и систематическія, съ опредѣленной, болѣе или менѣе научной цѣлью. До насъ дошли между прочимъ двѣ подобнаго рода замѣчательныя библіографическія работы, одна—конца XV вѣка, другая—конца XVII-го: разумѣемъ *Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря*, составленное неизвѣстнымъ бѣлозерскимъ инокомъ [или, можетъ быть, цѣлымъ обществомъ иноковъ] въ концѣ XV вѣка, — и *Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ*, трудъ, относящійся ко второй половинѣ или концу XVII вѣка. Послѣдній долгое время приписывался Сильвестру Медвѣдеву [† 1691]; недавно высказано было весьма обоснованное мнѣніе, что̀ трудъ этотъ принадлежалъ Епифанію Славинецкому [† 1675].

Дошедшее до насъ „описаніе" конца XV вѣка несмотря на незаконченность работы, является въ высшей степени любопытнымъ библіографическимъ трудомъ, любопытнымъ по самой техникѣ описанія. Изъ разныхъ отдѣловъ его получается, замѣчаетъ изслѣдователь—„вполнѣ опредѣленное представленіе о форматѣ, составѣ, содержаніи, объемѣ, а иногда и времени составленія описанныхъ книгъ. Употребленные здѣсь пріемы въ своей совокупности примѣнялись образцовыми библіографами, такими, какъ Монфоконъ, Гардтъ,

Бандини, Маттеи, и доселѣ удерживаются при научномъ описаніи старинныхъ рукописей"... Такъ какъ бо́льшая часть рукописей, описанныхъ въ дошедшемъ памятникѣ, сохранилась, то сравнивая уцѣлѣвшія рукописи съ ихъ описаніемъ XV вѣка, мы фактически убѣждаемся въ необычайной точности древнерусскаго описателя! Нашъ неизвѣстный библіографъ конца XV вѣка не только точно воспроизводитъ начальныя слова каждой главы, но сохраняетъ нерѣдко даже орѳографію ихъ, съ точностью подсчитываетъ количество листовъ, занятыхъ каждой главой, обозначаетъ порядокъ главъ и т. д. Иногда заглавія приводятся сполна, несмотря на ихъ обширность; но бо́льшею частью заголовки сокращаются,—описатель опускаетъ все несущественное, сохраняя лишь важнѣйшее. „Замѣчательно, прибавляетъ проф. Никольскій—въ пользу такихъ сокращеній, сдѣланныхъ толково, высказывались многіе позднѣйшіе библіографы: Ламбецій, Монфоконъ, Маттеи, нашъ Ундольскій"...

Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, ближайшимъ образомъ имѣло, повидимому, цѣль практическую — служить указателемъ при различныхъ ученыхъ справкахъ. Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ шли усиленныя работы по изданію и исправленію книгъ: издавались творенія отцовъ церкви, книги богослужебныя, исправлялись старые славянскіе переводы и т. д. При такихъ трудахъ постоянныя справки были неизбѣжны! — чтобы знать, что́ было уже переведено, что́ было издано, чего нѣтъ. Удовлетворить этой цѣли, повидимому, прежде всего и поставило своей задачей разсматриваемое „Оглавленіе". Цѣль эта однако была лишь ближайшая. Дошедшій до насъ библіографическій трудъ XVII вѣка представляетъ самъ по себѣ далеко не одинъ практическій, справочный каталогъ: передъ нами—предпріятіе, задуманное гораздо серьезнѣе. Трудъ былъ предварительно хорошо обдуманъ. Въ немъ мы видимъ строгую и весьма сложную систему,—особые, выработанные лично нашимъ книжникомъ,

пріемы, въ высшей степени любопытные, которые онъ и примѣняетъ къ своей работѣ, цѣлую систему различныхъ значковъ, сокращеній и т. д. [не излагаемъ ее здѣсь по ея сложности]. Вообще составитель „Оглавленія“, какъ справедливо замѣчалъ Ундольскій, „мастерски взялся за свое дѣло и выполнилъ его какъ нельзя лучше“. Книги и рукописи описываются въ „Оглавленіи“, какъ и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ описаніи XV вѣка, весьма подробно, — съ указаніемъ всѣхъ статей, находящихся въ книгѣ или рукописи, съ приведеніемъ заглавій и начальныхъ словъ каждой. Если при книгѣ или рукописи имѣется предисловіе или послѣсловіе, заключающее свѣдѣнія объ авторѣ,—составитель тщательно приводитъ эти свѣдѣнія въ сокращеніи. Иногда описатель дѣлаетъ опыты и какъ-бы научнаго изученія описываемыхъ книгъ и рукописей, — сравниваетъ ихъ между собой... Всѣ эти пріемы неизвѣстнаго русскаго библіографа XVII в. опять напоминаютъ позднѣйшему изслѣдователю пріемы такихъ первоклассныхъ западныхъ библіографовъ, какъ Фабрицій, Маттеи и др.

Двѣ дошедшія до насъ библіографическія работы, отдѣленныя одна отъ другой двумя столѣтіями—первые опыты историко-литературныхъ изученій московской Руси XV — XVII вв., первые, наиболѣе ранніе труды въ области будущей „исторіи русской литературы“! Въ отношеніи къ нашимъ старымъ рукописямъ дошедшіе памятники представляютъ особую цѣнность. Оба „описанія“ — драгоцѣннѣйшія пособія при изученіи наличной письменности нашихъ „среднихъ вѣковъ“, являются въ этомъ отношеніи, какъ бы первоисточниками; къ тому же среди перечисляемыхъ рукописей указываются произведенія, повидимому, уже не дошедшія до насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ два эти труда бросаютъ чрезвычайно выгодный свѣтъ и вообще на лучшихъ нашихъ книжниковъ XV—XVII вв.: характеризуютъ ихъ литературные интересы, ихъ литературное образованіе, начитанность въ современной пись-

менности,—указываютъ не только на ихъ стараніе, но и умѣнье оріентироваться въ грудѣ современныхъ рукописныхъ матеріаловъ. Нѣтъ нужды прибавлять, въ какой степени любопытны по отношенію къ нашимъ книжникамъ XV—XVII вв. и эти примѣняемые ими пріемы при изученіи описываемыхъ рукописей, — пріемы, напоминающіе позднѣйшимъ изслѣдователямъ труды такихъ дѣятелей западной науки, какъ Монфоконъ, Маттеи.

Въ XVIII вѣкѣ наши научные интересы, собственно историко-литературные, выражаются прежде всего собираніемъ памятниковъ. Вскорѣ къ этому присоединяются попытки научнаго изученія, изданія ихъ и т. д. Въ 1722 году Петръ В. издаетъ *указъ*,—„чтобы изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по *описямъ* курьезные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописные, на хартіяхъ и на бумагѣ, церковные и гражданскіе *Лѣтописцы*, *Степенныя* [книги], *Хронографы* и прочія симъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, взять въ Москву, въ Синодъ, и для извѣстія оные описать, и тѣ списки оставить въ библіотекѣ“ [„Чтенія Моск. О-ва ист. и древн. рос.“, 1847, № 2, смѣсь, стр. 29]. Съ „неусыпнымъ трудомъ“ собираетъ отовсюду рукописные матеріалы историческіе и историко-литературные [*Лѣтописи*, *Четь-Минеи*, *Прологи* и т. п.] ближайшій сподвижникъ Петра — В. Н. Татищевъ [† 1750]. Онъ же открываетъ и множество замѣчательнѣйшихъ древнихъ рукописей, особенно лѣтописей, а въ своей *Исторіи Россійской* впервые ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ по русскимъ древностямъ,—между прочимъ о *Лѣтописи Нестора* и его продолжателяхъ, о просвѣщеніи въ древней Руси и т. д. Уже очень скоро за свои историческія работы принимается Ломоносовъ; въ спеціально-литературной области — Тредьяковскій. Съ чисто нѣмецкимъ трудолюбіемъ и ревностью къ изученію нашихъ отечественныхъ древностей, не только рукописныхъ, но и другихъ, — съ 30-хъ гг. XVIII ст. приступаютъ многіе изъ нѣмцевъ-акаде-

миковъ, члены основанной Петромъ В. Академіи Наукъ, — главной задачей которой было, по мысли Петра, „науки производить и свершать“. Съ особой благодарностью историкъ русской литературы долженъ назвать здѣсь имена академиковъ І. П. Коля [† 1778], Г. Ф. Миллера [† 1783], А. Л. Шлецера [† 1809]. Коль тотчасъ же и сразу указываетъ тотъ вѣрный путь, по которому долженъ былъ идти будущій историкъ русской литературы, — тотчасъ же, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, приступаетъ къ изученію наличной массы славяно-русскихъ рукописей: разумѣемъ читанный имъ въ одномъ изъ первыхъ академическихъ засѣданій рефератъ *De manuscriptis Bibliothecae Mosquensis* [О рукописяхъ Московской (Синодальной) библіотеки]. Въ 1729 году выходитъ замѣчательная по постановкѣ вопроса спеціальная историко-литературная работа Коля, — заглавіе которой, впрочемъ, обѣщаетъ больше, чѣмъ она даетъ: *Introductio in historiam et rem literariam Slavorum* [Введеніе въ исторію и литературу славянъ и пр. Alton, 1729]. Трудъ посвященъ изученію древнѣйшихъ судебъ славянскаго перевода *Библіи* и *Словъ* Ефрема Сирина. Академику Миллеру принадлежали частью обширныя научныя изученія рукописнаго матеріала, частью первыя изданія многихъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ. Имъ изданы: *Собраніе проповѣдей* Гавріила Бужинскаго [М., 1768; болѣе позднее изданіе—М., 1784],—*Судебникъ* [М., 1768],—*Исторія Россійская* Татищева [3 ч., М., 1768—1774], — *Степенная Книга* [2 ч., М., 1775]. Капитальнымъ также трудомъ общаго историческаго характера для своего времени былъ изданный имъ сборникъ: *Sammlung Russischer Geschichte* [Spb., 9 т., 1732 — 1764]. Рядъ спеціальныхъ историческихъ вопросовъ, между прочимъ о „Лѣтописи Нестора“, ставитъ Миллеръ въ своихъ статьяхъ, которыя печатаетъ въ „Ежем. Сочиненіяхъ“... Шлецеръ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію [1761 г.], приступаетъ къ изученію русскихъ лѣтописей — и свои занятія надъ ними

заканчиваетъ лишь черезъ 40 лѣтъ, монументальнымъ трудомъ: *Nestor. Russischen Annalen in ihrer slavonischen Ursprache verglichen übersetz und erklärt* [Gött., 1802 — 1809, 5 ч.; почти одновременно вышелъ русскій переводъ Д. Языкова: 3 ч., Спб., 1809—1819]. Трудъ производилъ не только самый подробный сводъ и пересмотръ всего, сдѣланнаго дотолѣ — и больше всего самимъ же Шлецеромъ — въ области русскихъ историческихъ древностей, но и вообще ставилъ всю нашу исторіографію на твердую и широкую дорогу: впервые прилагалъ къ ея вопросамъ во всей строгости методъ критическаго анализа, съ самыми строгими для того времени критическими пріемами. Въ отношеніи къ изученію собственно *Несторовой Лѣтописи* трудъ Шлецера составлялъ эпоху,— возстановилъ болѣе правильный ея текстъ и все содержаніе ея подвергнулъ широкой прагматической оцѣнкѣ.

Параллельно съ трудами названныхъ дѣятелей, шли разысканія въ области старой русской исторіи и письменности многихъ другихъ изслѣдователей—изъ академиковъ, изъ профессоровъ Московскаго университета, а также частныхъ лицъ. Къ концу XVIII в. замѣтно усиливаются и чисто любительскія собиранія памятниковъ древнерусской письменности, съ попытками даже къ ихъ изданію. Одновременно съ этимъ возникаетъ и быстро усиливается болѣе серьезное вниманіе къ памятникамъ устной народной поэзіи. Остатки древности возбуждали вообще все бо́льшее историческое любопытство. Если уже непосредственно вслѣдъ за реформами Петра, въ кругу людей новаго образованія появляются такіе любители старыхъ рукописей, какъ Татищевъ,—теперь, къ концу вѣка, они являются чаще „и съ бо́льшимъ пониманіемъ историческаго значенія памятниковъ старины“. Такими были напр. гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, который всюду собираетъ и скупаетъ старыя рукописи,—моск. профессоръ Баузе, составившій замѣчательное собраніе рукописей, бывшее въ то время едва ли не самымъ обширнымъ частнымъ собраніемъ,—

моск. проф. Буле, кн. Щербатовъ, Болтинъ, Друковцевъ... Главное вниманіе сосредоточивается на изученіи отечественной исторіи,—которое уже скоро принимаетъ болѣе широкое направленіе, переходя изрѣдка даже въ область чисто общественныхъ вопросовъ. Вопросы исторіи уже очень скоро начинаютъ связываться съ современностью, — „между ними чувствуется тѣсная связь; сравнивается старое и новое, разыскиваются причины общественныхъ явленій, указываются ошибки, заявляются идеалы“... Такой общественно-публицистическій оттѣнокъ имѣютъ особенно историческіе труды кн. Щербатова и Болтина. Многіе изъ выступающихъ научныхъ дѣятелей, какъ напр. Болтинъ [1735—1792], отличаются обширнымъ образованіемъ и были вообще замѣчательными дѣятелями только что возникавшей у насъ исторической науки. Болтинъ хорошо знакомъ съ важнѣйшими философско-политическими трудами тогдашней западной науки, и по образованію, начитанности, можетъ быть вполнѣ поставленъ рядомъ съ Татищевымъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Болтинъ главн. образомъ занятъ изученіемъ русской исторіи, и здѣсь мнѣнія его были весьма цѣнны даже на взглядъ такого строгаго ученаго, какъ Шлецеръ. Очень важны были изученія Болтина отдѣльныхъ памятниковъ нашей старой письменности: *Русской Правды, Поученія* Владимира Мономаха, *Книги Большой чертежъ*, — онъ первый указываетъ на большую историческую важность этихъ памятниковъ и приготовляетъ ихъ къ изданію [„Книги Большой чертежъ“, — Спб., 1792; „Русская Правда“—М., 1799; Духовная в. кн. Вл. Вс. Мономаха—Спб., 1793]. „Русская жизнь сама по себѣ еще не помышляла о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ исторіи и современности, которые занимали Болтина, замѣчаетъ историкъ русской этнографіи,—въ русской литературѣ того времени многія мысли Болтина были новостью“... Важнѣйшимъ историческимъ трудомъ Болтина были *Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи, г. Леклерка* [2 т., Спб.,

1788],—многія страницы которыхъ, по отзыву изслѣдователя, „имѣютъ уже положительную цѣнность для историческаго изученія народности и приготовляютъ къ научной критикѣ карамзинскаго періода“. Въ частности, въ отношеніи собственно литературы, — нельзя не отмѣтить между прочимъ взглядовъ Болтина на общественное значеніе литературы и обязанности писателя. „Писатели, достойные своего имени, не признаютъ другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитой ведутъ войну со всякимъ уклоненіемъ отъ разума и правды, со всѣмъ ложнымъ и нечистымъ“, приводитъ Болтинъ слова Бейля [† 1706], *Словарем* котораго Болтинъ, кажется, пользовался нерѣдко... Общей величайшей заслугой всѣхъ этихъ названныхъ сейчасъ дѣятелей, начиная съ Татищева, кончая Шлецеромъ—было не только быстрое расширеніе чисто фактическаго матеріала, но и упроченіе въ русской наукѣ болѣе строгой исторической точки зрѣнія, болѣе строгихъ, историческихъ пріемовъ изученія матеріала.

Въ смыслѣ общаго обогащенія и разширенія литературныхъ средствъ, было весьма полезнымъ учрежденіе въ 1768 году при Академіи Наукъ Переводческаго Департамента, или Переводческой Коммиссіи. Новое учрежденіе принялось за свое дѣло очень ревностно. Тогдашняя русская литература была обязана ему появленіемъ цѣлаго ряда капитальныхъ сочиненій изъ писателей греческихъ, римскихъ и позднѣйшихъ западныхъ... „Департаментъ“ былъ закрытъ въ 1783 году, съ учрежденіемъ „Россійской Академіи“,—но послѣдняя переводами занималась мало.

На гораздо болѣе широкую точку зрѣнія хотѣло стать возникшее въ 1771 году при Московскомъ Университетѣ Вольное россійское собраніе. Цѣлью Общества и здѣсь была давнишняя забота: „исправленіе и обогащеніе россійскаго языка“; но цѣль эту „Общество“ хотѣло преслѣдовать иначе и шире, чѣмъ возникшее въ 1735 г. „Россій-

ское Собраніе“,—„черезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою“... Кромѣ того, „общество“ ставитъ себѣ и другія, болѣе широкія цѣли: имѣетъ въ виду изученіе вообще „рѣдкихъ и достойныхъ примѣчанія вещей“, „въ публичныхъ и приватныхъ книгъ и писемъ хранилищахъ“ [въ государственныхъ и частныхъ библіотекахъ]: послѣднія теперь, трудами „Общества“, „могутъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго“... Общество имѣло свое изданіе, которымъ потомъ пользовалась и „Рос. Академія“ [*Опыты трудовъ* и пр. 6 ч., М., 1774 — 1783]. Общество это было также закрыто при основаніи „Россійской Академіи“.

Что касается Россійской Академіи, учрежденной въ 1783 году, то возникновеніе ея, кажется, далеко не вознаградило потерю двухъ названныхъ сейчасъ обществъ. И вообще трудно согласиться съ изслѣдователемъ, который сопоставляетъ ученыя занятія „Россійской Академіи“ въ области русскаго литературнаго языка съ трудами здѣсь Ломоносова. „Работы Академіи за первое время, замѣчаетъ Пыпинъ, должны занять почетное мѣсто въ исторіи изслѣдованій нашего языка. Передъ тѣмъ дѣло остановилось на трудахъ Ломоносова; Россійская Академія достойнымъ образомъ продолжала его работу, можно сказать, завершила ее“... Оцѣнка, намъ кажется, слишкомъ преувеличенная!.. Въ „Россійской Академіи“ совсѣмъ не было научныхъ, спеціально подготовленныхъ филологическихъ силъ,—ученыхъ филологовъ и вообще тогда у насъ не было. Между тѣмъ Ломоносовъ, какъ показали его труды, былъ геніальнымъ филологомъ,—которымъ могла бы гордиться въ то время и богатая филологическая наука запада. *Словарь*, изданный Академіей [Спб., 1789—1794], безспорно, имѣлъ свое значеніе; но церковнославянскій языкъ въ „Словарѣ“ почти нераздѣляется отъ русскаго! Заботясь о „вычищеніи“ русскаго языка, Россійская

Академія въ то же время ставитъ себѣ цѣлью и „обогащеніе“ его церковно-славянскими словами... Какъ слабы были вообще серьезныя, научныя понятія въ области языка самой Академіи, — видно уже изъ того, какъ она взялась въ самомъ началѣ за свое дѣло. Главными „филологами“ въ Россійской Академіи были „натуралисты“: Румовскій, Лепехинъ и др. Ихъ участіе здѣсь, безспорно, принесло весьма большую пользу, пожалуй даже самую существенную: безъ нихъ Академія уже прямо не пошла бы дальше того, что сдѣлало „Россійское Собраніе!“... Но польза эта имѣла чисто лишь практическое значеніе: фактическое обогащеніе матеріаловъ „Словаря“. Какъ узки были у „натуралистовъ“ относящіяся сюда собственно теоретическія научныя представленія, показываютъ составленный ими „въ книжническомъ духѣ“ начальный планъ предпринимаемаго Словаря, — равно дальнѣйшія колебанія, когда этотъ планъ встрѣтилъ радикальныя возраженія со стороны Болтина... Взгляды Болтина, правда, были подъ конецъ приняты; но и теперь рѣшеніе филологовъ-натуралистовъ стояло весьма далеко отъ принциповъ, которыхъ держался въ своей филологической реформѣ Ломоносовъ!.. „Россійская Академія“ окончательно постановляетъ: „держаться московскаго нарѣчія“, — но съ тѣмъ, чтобы нѣкоторыя неправильности его въ словахъ и выраженіяхъ „исправлять по выговору и произношенію св. Писанія и другихъ славянскихъ (!!..) книгъ“... Такая постановка дѣла была не „продолженіемъ“, тѣмъ болѣе „завершеніемъ“, дѣла Ломоносова,—наоборотъ, его разрушеніемъ. Это была точка зрѣнія чисто псевдоклассическая,—та же самая, на которой стояло и возникшее передъ тѣмъ лѣтъ за 50 при Академіи Наукъ Россійское Собраніе, главнымъ дѣятелемъ котораго былъ Тредьяковскій... Но сама по себѣ, какъ центръ все же тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ, научныхъ интересовъ, какъ объединеніе, хотя бы и внѣшнее, лучшихъ интеллигентныхъ силъ

страны, — Россійская Академія, конечно, въ началѣ приносила извѣстную пользу и въ извѣстной долѣ способствовала общему научному оживленію.

Собственно историко-литературныя изученія въ теченіе XVIII вѣка носятъ преимущественно библіографическое или біографическое направленіе. Чисто библіографическими трудами являются напр. труды Скіады [† нач. XVIII в.] и Маттеи [† 1811] надъ греческими рукописями Московской Синодальной библіотеки. Трудъ перваго стоитъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, другой — въ самомъ его концѣ или даже въ началѣ XIX вѣка. Труды эти впервые познакомили ученую Европу съ богатствами Московской Синодальной библіотеки. Къ библіографическимъ трудамъ начала XVIII вѣка примыкаютъ обширныя историческія разысканія датчанина Адама Селлія [† 1746]. Въ 1742 году выходитъ *Роспись библіотеки Имп. С.-Петербургской Академіи Наукъ*, — которою позднѣе пользуется между прочимъ Сопиковъ. Въ „Росписи“ перечисляется до 400 названій печатныхъ книгъ и болѣе 300 рукописныхъ... Неизмѣримо выше этихъ, чаще всего совершенно сырыхъ, библіографическихъ матеріаловъ стоялъ замѣчательный трудъ Бакмейстера: *Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland* — капитальное изданіе, выходившее съ 1772 по 1778 г. въ Петербургѣ, Ригѣ и Лейпцигѣ, и прекратившееся вслѣдствіе самой широты постановки. Издатель имѣлъ въ виду давать болѣе или менѣе подробныя извѣстія „о состояніи литературы въ Россіи, о ея ходѣ и ростѣ, о судьбѣ различныхъ наукъ, разрабатываемыхъ въ Россіи, о множествѣ книгъ и брошюръ, отчасти даже исчезнувшихъ безъ малѣйшаго слѣда, — о писателяхъ, ихъ дѣятельности и предпріятіяхъ и о многихъ другихъ предметахъ любознательности“... Издатель съ честью выполняетъ свое намѣреніе во всѣхъ вышедшихъ 11 томахъ своего изданія. По отзыву акад. Сухомлинова, — даже и много

позднѣе, спустя болѣе столѣтія, „ни одно изъ послѣдующихъ изданій въ подобномъ родѣ не только не превзошло, но и не можетъ сравниться съ превосходнымъ трудомъ Бакмейстера“... Между прочимъ гораздо ниже стояла другая значительно болѣе поздняя попытка подобнаго же библіографическаго изданія, принадлежавшая извѣстному въ свое время историку, археологу и библіографу: разумѣемъ — *Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 г.*, издававшееся Ф. П. Аделунгомъ вмѣстѣ съ Шторхомъ [Часть I. Россійская литература. Соч. Шторха. Спб., 1810. Часть II. Иностранная литература въ Россіи, Аделунга. Спб. 1811].

Въ области нашихъ историко-литературныхъ изученій XVIII вѣка особенно важными были труды и изданія еп. Дамаскина Семенова-Руднева и извѣстнаго Н. И. Новикова, отчасти также Дмитревскаго и акад. Штелина.

Важнѣйшіе труды еп. Дамаскина [† 1795] — *Библіотека россійская по годамъ расположенная, отъ начала типографій въ Россіи по нынѣшнія времена*, и замѣчательное для своего времени изданіе *Сочиненій* Ломоносова. Ему же принадлежало изданіе одного богословскаго трактата Ѳеофана Прокоповича. Первый трудъ [изд. П. Н. Тихановымъ, въ „Пам. Древн. Письменности“,—Спб., 1881] посвященъ главнымъ образомъ описанію печатныхъ книгъ, славянскихъ и русскихъ, начиная съ возникновенія у славянъ книгопечатанія по „нынѣшнія времена“, т. е. по 80-е гг. XVIII ст. Это не только библіографическое описаніе, но и опытъ прагматическаго изученія. Къ чисто библіографическимъ матеріаламъ присоединяются мѣстами попытки освѣтить ихъ прагматически. При описаніи авторъ обстоятельно указываетъ содержаніе книги, сличаетъ нерѣдко различныя ея изданія, дѣлаетъ замѣчанія о языкѣ и т. п. Относительно особенно рѣдкихъ книгъ авторъ или точно указываетъ на свое непосредственное

знакомство съ описываемымъ изданіемъ: „сію книгу я видѣлъ и читалъ"...; „я имѣлъ случай видѣть сію книгу и читать"...; —или въ противномъ случаѣ, на оборотъ, замѣчаетъ: „не видавъ книги, сказать не могу"... Говоря о произведеніяхъ переводныхъ, Дамаскинъ указываетъ ихъ источники, — пользуясь извѣстнымъ трудомъ Фабриція: „Bibliotheca Graeca". Вообще трудъ еп. Дамаскина былъ первой и весьма замѣчательной у насъ попыткой болѣе научнаго приведенія въ извѣстность стараго печатнаго матеріала, а также его критическаго изученія. Исторію письменности авторъ тѣсно связываетъ съ исторіею просвѣщенія. „Библіотека Россійская" начинается *Краткимъ описаніемъ россійской ученой исторіи*,—общей характеристикой образованія въ Россіи, „съ начатія русскихъ письменъ и буквъ" и введенія христіанства. Подъ „ученой исторіей" Дамаскинъ разумѣетъ исторію просвѣщенія и письменности. „Россійскую ученую исторію" онъ дѣлитъ на три періода: первый — отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія, или отъ Владимира св. до Ивана Грознаго; второй—отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго; третій — отъ введенія гражданской печати до „нашего" времени, до 1785 года. По взгляду Дамаскина, гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть просвѣщенія,—и потому, началомъ литературы авторъ полагаетъ начало письменности. Въ высшей степени любопытны соображенія, которыя высказываетъ Дамаскинъ при характеристикѣ древнѣйшаго періода русской литературы, до пол. XVI в. Не можемъ не привести небольшого отрывка изъ этой замѣчательной характеристики, — хорошо указывающей широту научныхъ взглядовъ автора, вывезенныхъ имъ изъ Германіи [еп. Дамаскинъ въ молодости учился за границей, между прочимъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Геттингенскомъ университетѣ]: „Хотя Владимиръ Великій — читаемъ здѣсь — горячо было принялся за просвѣщеніе

своихъ подданныхъ ученіемъ, однако тьму варварства ихъ и невѣжества скоро прогнать не могъ. Закоснѣлыя мнѣнія въ народѣ не скоро истребляются: къ тому потребны цѣлые вѣки... Чему въ училищахъ [основ. Владимиромъ] дѣтей обучали и кто таковые были учители, греки или славяне родомъ, ученые ли въ греческихъ училищахъ или только писать - читать и по словенски умѣющіе, — сего не откуду не видно“... „Съ большимъ вѣроятіемъ“ авторъ предполагаетъ, что „въ нихъ обучали только по-словенски читать, писать и церковныя книги разумѣть. Можетъ быть, индѣ и греческому языку учили, для переведенія книгъ съ греческаго на русскій. Слѣдовательно, толкована была грамматика, также первыя начала христіанскаго ученія или краткій катехизисъ, или по крайней мѣрѣ часословъ и псалтырь, которыя книги и нынѣ еще у насъ при обученіи русской грамотѣ употребляются, съ юношествомъ читаны были. Но высшимъ наукамъ обучать россіянъ тогда некогда еще было, да и некому“... Ни состояніе просвѣщенія, ни самыя средства къ нему въ древней Руси—совершенно не удовлетворяютъ изслѣдователя. „Думать надобно, замѣчаетъ онъ, что заведенныя Владимиромъ училища были въ одномъ состояніи даже до временъ царя Ивана Васильевича Грознаго, — ибо россійскимъ князьямъ и владѣльцамъ о поправленіи ихъ и помышлять почти некогда было. По смерти Владимира раздѣлясь они по своимъ княжествамъ, старались только одинъ у другаго взять первенство. Для того происходили у нихъ безпрестанныя почти между собою ссоры и драки, даже до нашествія татаръ“... Позднѣе наступили войны съ поляками, Литвой, шведами. Съ другой стороны, — „тогдашнія духовныя особы ни сами не старались завести въ своихъ епархіяхъ хорошія училища, по крайней мѣрѣ такія, каковы тогда въ Греціи были, ни князей къ тому не поощряли... Съ самыхъ временъ владимировыхъ по дни почти Ивана Васильевича и далѣе, заступали мѣста епископскія и митро-

поличьи вызываемые или сами пріѣзжавшіе изъ Греціи митрополиты и епископы, — да и своихъ природныхъ россіянъ не смѣли князья производить въ митрополиты, не посылая ихъ для посвященія въ Грецію. Но каково было тогда высокое духовенство въ Греціи, пускай всякъ прочтетъ цареградскую исторію тогдашнихъ временъ, то увидитъ, что оно пеклося только о распространеніи своея власти, о умноженіи доходовъ, о удовлетвореніи своимъ страстямъ; словомъ — гордое, любостяжательное, роскошное и ссорливое. Таковы по большей части присыланы были и въ Россію митрополиты, епископы и архимандриты! Сожалѣтельно, что наши историіографы упоминаютъ объ нихъ очень коротко, объявляя только, кто и куда поставленъ былъ митрополитомъ или епископомъ, и когда кто скончался. Но какъ и гдѣ они учены, какъ правили свою паству, какое житіе имѣли, какихъ были нравовъ и что въ пользу или убытокъ церкви и общества сдѣлали—о томъ молчатъ великодушно. Изъ нѣкоторыхъ однако ихъ повѣстей усмотрѣть можно: 1) что они были въ великомъ у нашихъ князей и народа почтеніи; часто употреблялись и въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, какъ то: къ примиренію самихъ князей, ко увѣщанію народа, къ отвращенію его отъ мятежей и проч.; 2) что были они очень попечительны о построеніи и украшеніи церквей, о заведеніи монастырей, о размноженіи монаховъ, о празднованіи праздниковъ великолѣпно, о удержаніи народа въ благочестіи строгимъ исполненіемъ устава церковнаго. Но чтобы проповѣдывали они слово Божіе простому народу, или толковали священное писаніе въ церквахъ, или обучали прилежно и особливымъ образомъ готовящихся въ священство,—сего изъ исторіи нашей не примѣчаемъ ни мало... Многіе изъ нихъ построили своимъ коштомъ каменныя церкви, укрѣпили великолѣпнымъ строеніемъ монастыри, снабдили ихъ богатыми сосудами, образами и другою утварью; однако перваго и для общества полезнѣйшаго дѣла не сдѣлали, то есть ни училища такого, каковы были тогда въ Гре-

ціи, не завели, ни инаковымъ образомъ о просвѣщеніи россійскаго народа не старались, хотя впрочемъ многіе изъ нихъ сами въ греческихъ училищахъ были обучены. Что сему было причиною, оставляю всякому читателю на разсужденіе [Здѣсь желалъ бы я—замѣчаетъ въ скобкахъ Дамаскинъ—чтобъ кто рѣшилъ мнѣ слѣдующій вопросъ: для чего ученые греки не пришли въ Россію, но въ Италію, въ то время, когда турки овладѣли Константинополемъ и всѣмъ греческимъ царствомъ, т. е. въ 1452 году?"...].

Предпринятое Дамаскинымъ *Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ Ломоносова* [3 ч., М., 1778], по отзыву Сухомлинова, — „безспорно, самое замѣчательное изъ посмертныхъ изданій сочиненій Ломоносова". Дамаскинъ строго держится текста первыхъ изданій, напечатанныхъ подъ личнымъ наблюденіемъ Ломоносова, а равно и отдѣльно вышедшихъ сочиненій. Стихотворенія напечатаны по изданію 1751 года, съ тщательно отмѣченными варіантами по изд. 1757 года [гдѣ многое было исправлено самимъ Ломоносовымъ]. Ученыя сочиненія изданы съ латинскимъ переводомъ. Благодаря Дамаскину, между прочимъ сохранилось разсужденіе Ломоносова о твердости и жидкости тѣлъ [*Meditationes de solido et fluido*],—не вошедшее въ другія изданія.

Изданное Дамаскинымъ сочиненіе Θеофана Прокоповича, — спеціальнаго, богословскаго содержанія: *Tractatus de processione Spiritus Sancti* [Gothae, 1772]. Въ изданіи особенно важными спеціалисты находятъ многочисленныя „примѣчанія" издателя и составленный имъ въ хронологическомъ порядкѣ „указатель" литературы предмета, за нѣсколько столѣтій. Для историка литературы, конечно, гораздо бо́льшее значеніе имѣетъ помѣщенная при изданіи *біографія Θеофана Прокоповича*. Біографія принадлежитъ неизвѣстному составителю, но исправлена по мѣстамъ Дамаскинымъ—и до настоящаго времени служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній о Прокоповичѣ.

Н. И. Новикову [1744—1818] принадлежалъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ трудовъ по изученію нашихъ литературныхъ и общеисторическихъ древностей, трудовъ тѣмъ болѣе важныхъ, что это были вообще самыя первыя историческія изученія нашей книжной старины. Учено-литературная дѣятельность Новикова вообще поражаетъ своимъ разнообразіемъ и обширностью, — какъ это видимъ изъ простого перечисленія самыхъ изданій. Въ 1769 — 1774 гг. Новиковъ издаетъ въ Петербургѣ сатирическіе журналы: *Трутень* [1769—1770], *Живописецъ* [1772—1773], *Кошелекъ* [1774]. Одновременно съ этимъ появляется *Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ* [Спб., 1772]. Непосредственно затѣмъ слѣдуютъ: *Древняя Россійская Идрографія* [ч. I, Спб., 1773] и *Древняя Россійская Вивліовика* [Спб., 1773—1774, 10 ч.; вт. изд., Спб., 1788—1791, 20 ч.]. Въ 1776 г. выходятъ уже ранѣе начатые печатаніемъ *Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С. Матвѣева* [М., 1776], *Скифская исторія изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, Андрея Лызлова* [Спб., 1776] и *Повѣствователь древностей Россійскихъ* [перв. часть, Спб., 1776]. Далѣе слѣдуютъ *С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости* [Спб., 1777] и длинный рядъ литературныхъ періодическихъ изданій: *Утренній Свѣтъ* [1777—1780], начатый въ Петербургѣ и продолжавшійся въ Москвѣ, по переселеніи сюда Новикова,—*Московское Ежемѣсячное Изданіе* [3 ч. 1781],—*Вечерняя Заря* [3 ч., 1782],—*Покоющійся Тудолюбецъ* [4 ч., 1784—1785], наконецъ *Московскія Вѣдомости*, издающіяся Новиковымъ съ 1779 по 1788 гг. Къ послѣднимъ ежегодно присоединяются обширныя „приложенія“, — изъ которыхъ многія являлись цѣлыми библіотеками, вполнѣ въ этомъ отношеніи отвѣчая своимъ заглавіямъ: „магазинъ“, „библіотека“ и т. п. Въ ряду такихъ приложеній Новиковымъ изданы: *Экономическій Магазинъ* [40 ч., 1780 — 1789], — *Городская и деревенская Библіотека* [12 ч., 1782—1786],—*Прибавленія къ Моск.*

Вѣдомостямъ [1783—1784],—*Дѣтское Чтеніе* [20 ч., 1785 — 1789], — *Магазинъ натуральной исторіи* [съ 1788]. Въ области собственно историко-литературныхъ изученій, помимо „Вивліоѳики", особенно важными трудами были *Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ* и изданіе *С.-Петербурскихъ Вѣдомостей*.

Еще въ 1768 г., въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ [„Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig, 1768. VII Bandes, I St., S. 188—200; II St., S. 382—388] была напечатана небольшая статья: *Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater*. Статья представляла собой первый біографическій трудъ въ области исторіи русской литературы. Какъ доказано позднѣйшими изслѣдованіями, статья принадлежала извѣстному нашему актеру и писателю И. А. Дмитревскому [1736 — 1821] и являлась первымъ опытомъ „словаря" о русскихъ писателяхъ. „Извѣстіе" даетъ ок. 40 біографій писателей XVIII в., преимущественно важнѣйшихъ, но иногда и очень мало извѣстныхъ. Впрочемъ, это скорѣе характеристики, чѣмъ собственно біографіи,—характеристики, при которыхъ, какъ указываетъ авторъ, онъ „въ качествѣ путешественника" былъ предоставленъ „исключительно своей памяти и лишенъ всѣхъ средствъ" для болѣе подробныхъ разборовъ авторовъ и ихъ произведеній. Обстоятельнѣе говорится о Ѳ. Прокоповичѣ, Тредьяковскомъ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Елагинѣ; но многія характеристики иногда состоятъ всего изъ 2—3 строкъ.

Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ [Спб., 1772] Новикова былъ по своимъ научнымъ достоинствамъ гораздо выше статьи Дмитревскаго. Какъ указывается на самомъ заглавномъ листкѣ, трудъ этотъ собранъ былъ авторомъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій". „Словарь" Новикова уже внѣшнимъ образомъ гораздо обширнѣе статьи

Дмитревскаго. Въ „Словарѣ“ Новикова—болѣе 300 біографій писателей. Біографіи почти исключительно относятся къ XVII—XVIII вв.; нѣсколько посвящено писателямъ XVI в. и лишь очень немногія говорятъ о писателяхъ болѣе раннихъ вѣковъ, XI—XV-го. Между болѣе ранними писателями, XI—XVII вв., между прочимъ упоминаются: Несторъ лѣтописецъ, его „продолжатель“ Сильвестръ, еп. влад. Симонъ, первый новгород. арх. Іоакимъ Корсунянинъ, его современникъ Іоаннъ лѣтописецъ, кіево-печерскій инокъ Поликарпъ, митр. Кипріянъ, Кириллъ Бѣлозерскій, Іосифъ Волоколамскій, кн. А. Курбскій м. Макарій, м. Петръ Могила, Барановичъ, Галятовскій, Сим. Полоцкій, Сильв. Медвѣдевъ, бояринъ Матвѣевъ, Гавріилъ Домецкій, Димитрій Ростовскій... Большинство біографій очень кратки; но нѣкоторыя сравнительно довольно обширны, напр. Ѳ. Волкова, Кантемира, Ломоносова. „Словарь“ Новикова былъ первымъ болѣе или менѣе серьезнымъ трудомъ по изученію прошлаго нашей литературы. Для историка русской литературы онъ является въ извѣстномъ отношеніи и теперь важнымъ пособіемъ,—какъ собраніе матеріаловъ изъ тѣхъ „разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій“, о которыхъ упоминаетъ авторъ, которыми здѣсь пользуется, — и которые чаще всего являются уже совершенно недоступными позднѣйшему историку. Цѣнность труда Новикова увеличивается еще тѣмъ, что у автора почти не было предшественниковъ. За исключеніемъ статьи Дмитревскаго, приходилось имѣть дѣло исключительно съ сырыми матеріалами, самое отыскиваніе которыхъ, собираніе, являлось въ то время дѣломъ до чрезвычайности труднымъ! „Не было не только каталоговъ, но и книжныхъ лавокъ,—книги продавались или при типографіяхъ или у переплетчиковъ“... Общій тонъ критическихъ отзывовъ „Словаря“ — снисходительный, иногда даже болѣе снисходительный, чѣмъ у Дмитревскаго. Пользуясь его статьей, Новиковъ мѣстами смягчаетъ ея отзывы. „Словарь“ главнымъ образомъ

старается сохранить добрую память о русскихъ писателяхъ, и потому, выражаясь тогдашнимъ языкомъ—„болѣе хвалить, нежели порочитъ“. Это было, впрочемъ, общее направленіе тогдашней русской критики. Характеръ большинства тогдашнихъ критическихъ статей и отзывовъ хорошо выражается слѣдующими замѣчаніями одного изъ нашихъ журналовъ второй пол. XVIII вѣка: „Желали-бы мы не взирать ни на чинъ, ни на свойство, ни на славу авторовъ, но единственно на содержаніе и достоинство ихъ произведеній. Однако, зная наши собственныя слабости и уважая то, что россійскіе писатели и переводчики должны преодолѣвать многія трудности, по причинѣ недостатка въ довольномъ числѣ ученыхъ критическихъ и образцомъ служащихъ предшественниковъ, и при томъ не имѣя совершенно полныхъ словарей и хорошихъ первоначальныхъ произведеній, руководствующихъ ко знаніямъ, такъ же и основательныхъ систематическихъ въ юности наставленій,—все сіе мы сообразивъ, станемъ, умягчая строгость критики, имѣть больше склонности хвалить, нежели порочить“ [„СПБ. Вѣстникъ“, 1778]. Именно на этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Новиковъ въ своемъ „Словарѣ“.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и предпринятое имъ вскорѣ спеціально-критическое изданіе: *С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости* [Спб., 1777]. „Ученыя Вѣдомости“ Новикова явились изданіемъ весьма замѣчательнымъ по замыслу, и, кажется, не безъ вліянія Бакмейстера. Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ „предисловія“ къ изданію,—оно хорошо рисуетъ какъ трудность здѣсь перваго дѣла, такъ и самые взгляды издателей на „критику“: „Общество наше, изъ нѣсколькихъ человѣкъ состоящее, предпріяло издавать на сей годъ періодическіе листы, подъ заглавіемъ *Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей.* Сочиненій такого рода много вышло во свѣтъ на разныхъ европейскихъ языкахъ, но на нашемъ, по сіе время, не было еще не единаго. Ученый свѣтъ давно ожидаетъ сея дани отъ нашего отечества:

распространеніе наукъ въ Россіи и успѣхи въ оныхъ единоземцевъ нашихъ во всѣхъ ученыхъ европейскихъ мужахъ ежедневно умножаютъ любопытство къ достовѣрному узнанію оныхъ. Правда, что къ заплатѣ сея дани требовалося бы перо гораздо искуснѣйшее нашего; но усердіе къ пользѣ и славѣ отечества замѣнитъ намъ сей недостатокъ, предвареніемъ другихъ въ изданіи *Ученыхъ Вѣдомостей*, и доставитъ честь первенства, на снисканіе коея не всѣ охотно отваживаются, ибо должно до нее достигать по непротоптаннымъ и многотруднымъ стезямъ. Сочиненія сего рода обыкновенно почти вмѣщаютъ въ себя увѣдомленіе о напечатанныхъ книгахъ по всей Европѣ, съ присовокупленіемъ критическихъ онымъ разсмотрѣній; вносятся также въ оныя земные и морскіе чертежи, эстампы и проч.; извѣстія о дѣлахъ ученыхъ и объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ также занимаютъ здѣсь мѣсто; короче сказать, все что ни происходитъ въ ученомъ свѣтѣ, то все обрѣтаетъ мѣсто въ сихъ сочиненіяхъ. Подражая сему примѣру, мы точно тотъ же будемъ наблюдать порядокъ въ нашихъ *Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ*,—но съ такою при томъ на первый случай ограниченностію, что все сіе будетъ касаться до нашего токмо отечества... Какъ критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ и прочаго есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ и по истинѣ можетъ почитаться душею сего тѣла,—то и испрашиваемъ мы у просвѣщенныя нашея публики, да позволится намъ вольность благодарныя критики. Не желаніе охуждать дѣянія другихъ насъ къ сему побуждаетъ, но польза общественная. Почему и не уповаемъ мы сею поступкою нашею огорчить благоразумныхъ писателей, издателей и переводчиковъ,—тѣмъ паче, что во критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность и что она съ великою строгостью будетъ хранима во предѣлахъ благопристойности и благонравія. Ни что сатирическое, относящееся на лице, не будетъ имѣть мѣста въ „Вѣдомостяхъ“ нашихъ; но единственно

будемъ мы говорить о книгахъ, не касаясь ни мало до писателей оныхъ. Впрочемъ, критическое наше разсмотрѣніе какія либо книги не есть своенравное опредѣленіе участи ея, но объявленіе только нашего мнѣнія объ оной. Сами господа писатели, издатели или переводчики оныхъ могутъ присылать возраженія на наши мнѣнія, которыя мы, получивъ, охотно помѣстимъ въ нашихъ „Вѣдомостяхъ“, если только въ сочиненіи семъ наблюдены будутъ принятыя нами правила благопристойности и если сочинитель онаго подпишетъ къ намъ свое имя. Могутъ сіе дѣлать и другіе, кому не понравится какое либо наше мнѣніе и кому за благо разсудится оное опровергнуть, но наблюдая скромность и благонравіе и подписываясь при томъ подъ своимъ опроверженіемъ. Просвѣщенные и благоискустные читатели легко проникнуть могутъ, куда склоняется сіе наше намѣреніе“...

Къ 1769 г. относится двѣ статьи акад. Я. Штелина [† 1785]: *Zur Geschichte des Theaters in Russland. Aus den noch ungedruckten Mémoires pour servir à l'histoire des beaux arts en Russie* и *Nachrichten von der Tanzkunst und Balleten in Russland* [первая помѣщена въ 1 т. изданія Шлецера: Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland, I, Riga und Mietau, 1769, s. 395—432; вторая—ib., т. II, s. 37—192]. Статьи были переведены въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ [1779 г., IV, стр. 83—95: „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 г.“; стр. 243—258: „Сокращенныя извѣстія о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи балетахъ“], но съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ, найденныхъ, очевидно, неудобными для перевода. Весьма любопытны также матеріалы, собранные Штелинымъ *для біографіи Ломоносова*, — хотя къ нимъ нужно относиться нерѣдко съ большой критикой [напеч. Куникомъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, II, Спб., 1865, стр. 283—405].

Мы уже упоминали объ изданіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ памятниковъ древнерусской и позднѣйшей литературы,—хотя вообще бо́льшая часть научныхъ изданій XVIII в. относилась не столько къ области русской литературы, сколько собственно русской исторіи. Издаются *Несторова Лѣтопись* [Спб., 1767,—„Библ. Рос. Ист.“, т. I], *проповѣди* Бужинскаго [М., 1768; втор. изд.—М., 1784], *Духовная* Татищева [1773], *Духовная* или *Поученіе* Владимира Мономаха [М., 1793], приготовленное Болтинымъ, и нѣк. др. На рубежѣ новаго столѣтія стоитъ важнѣйшее изъ этихъ изданій, вслѣдствіе гибели рукописи являющееся ея замѣной — изданіе *Слова о полку Игоревѣ* [М., 1800], найденнаго въ 1797 г. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Съ момента появленія этого изданія начинается обширная спеціальная литература по изученію этого знаменитаго произведенія.

Довольно значительны были труды по собиранію и изданію произведеній устной народной поэзіи.

Мы уже замѣчали, интересъ къ „народности“, самая идея „народности“ возникаютъ на Западѣ лишь съ конца XVIII вѣка, на почвѣ такъ наз. „романтизма“. До этого времени на народъ смотрѣли съ особой, псевдо-классической точки зрѣнія, которая иногда его идеализировала, превращая „добрыхъ поселянъ“ въ очаровательныхъ „пастушковъ“ и „пастушекъ“, мирно наслаждающихся взаимною любовью „на лонѣ природы“ и т. д., — иногда безъ церемоній называла „подлымъ“, заявляя даже устами своихъ лучшихъ людей, что „низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“... „Французскій классицизмъ по пониманію народнаго элемента въ литературѣ былъ крайне одностороненъ; онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи и въ современности. Въ исторіи старыя времена представлялись или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой, или эпохой патріархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи

или эпохой невѣжественной грубости. Псевдоклассицизмъ вообще презиралъ національную старину,—незнавшую изящнаго быта, говорившаго „грубымъ“, не вылощеннымъ языкомъ, относясь къ современной простонародной массѣ высокомѣрно - равнодушно“. Литература псевдо - классическая, рѣдко и вспоминала о народѣ, — и если „народъ“ вводился въ книгу, то или какъ подначальная масса или въ чертахъ шутливо-комическихъ или въ чувствительно-идиллическихъ... Пробужденіе интереса къ народу, къ народнымъ преданіямъ, къ поэзіи, ко всей народной старинѣ, стремленія къ народности, къ произведеніямъ народной поэзіи и на Западѣ и у насъ возникаютъ, какъ сейчасъ замѣчено, лишь на почвѣ романтизма, — въ числѣ другихъ разнообразныхъ элементовъ этого чрезвычайно широкаго и сложнаго движенія. Наиболѣе раннимъ представителемъ новыхъ, начавшихъ пробуждаться, интересовъ былъ Гердеръ (1744—1803). Въ его идеяхъ уже всецѣло лежали „зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературъ“. Дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Гердера была дѣятельность братьевъ Гриммовъ, братьевъ Шлегелей—и новѣйшихъ романтиковъ, трудами которыхъ довольно быстро въ литературѣ и наукѣ упрочивается идея народности.

Несмотря однако на общее господство въ теоріи псевдоклассическихъ взглядовъ, — внутреннія, инстинктивныя связи съ народнымъ преданіемъ и на Западѣ и у насъ были весьма замѣтны уже и до роматизма, во все продолженіе XVIII в. У насъ эти связи едва ли не были даже особенно сильными. Сахаровъ между прочимъ такъ описываетъ русскій барскій бытъ даже въ 20—30 гг. XIX столѣтія: „Я зналъ и доселѣ знаю обыкновеніе тульскихъ бояръ сбирать пѣсенниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. „Потѣшники“—такъ въ старину называли этихъ людей—странство-

вали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ... Потѣшникъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ"... Припомнимъ также тѣхъ дворовыхъ, которые нерѣдко дѣлались воспитателями своихъ барчатъ, — этихъ „дядекъ", „мамокъ" и няней стараго барскаго быта. Извѣстно, въ какой степени считалъ себя обязаннымъ своей нянѣ Пушкинъ... Интересъ къ произведеніямъ народной поэзіи поддерживался и записываніемъ самыхъ произведеній, существованіемъ особаго рода *рукописныхъ сборниковъ*. Нѣсколько такихъ сборниковъ дошло и до насъ — въ ихъ ряду знаменитыя *Древнія россійскія стихотворенія* Кирши Данилова, конца XVII—нач. XVIII в. Судя по изданію Чулкова, такіе сборники въ XVIII вѣкѣ, даже во второй его половинѣ, были весьма обычны и въ дворянскихъ и въ другихъ слояхъ, не говоря уже о средѣ простонародной.

Иногда и въ литературѣ уже въ XVIII вѣкѣ, время отъ времени, высказывались у насъ болѣе здравыя представленія о народной поэзіи. Замѣчательны взгляды на этотъ предметъ, принадлежавшіе Тредьяковскому [† 1769]: извѣстно его обращеніе къ „поэзіи нашего простаго народа", какъ къ источнику для изученія законовъ русскаго стихосложенія. Смѣлость, съ которой Тредьяковскій рѣшился признать „сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, паденіе",— дѣлаетъ честь его ученымъ симпатіямъ и природному вкусу. Многія изъ народныхъ произведеній онъ считаетъ очень древними, — и вообще „простонародное стихотворство, по мнѣнію Тредьяковскаго, зазираемо неосновательно"... Любопытно также мнѣніе Болтина [† 1792] о необходимости

строгаго — безъ произвола — изученія и толкованія памятниковъ народной поэзіи, какъ бы изученія критическаго. По поводу помѣщеннаго въ *Досугахъ* [Спб., 1772] Попова „Краткаго описанія славянскаго баснословія", Болтинъ замѣчаетъ: „Г. Поповъ, будучи въ древностяхъ славянскихъ мало свѣдущъ, внесъ въ свое баснословіе все, что ему ни попалось безъ разбору, — и многія такія вещи подъ статью боговъ помѣстилъ, кои никогда славянами боготворимы не были"... Эти и подобные взгляды были однако очень рѣдкими исключеніями, высказывались какъ бы полусознательно, инстинктивно. Настоящія, „научныя" понятія по данному вопросу, господствовавшія въ теченіе всего XVIII вѣка, были совсѣмъ другія,—стояли всецѣло на почвѣ общепринятой теоріи „псевдоклассицизма". Для характеристики этихъ господствовавшихъ у насъ въ XVIII вѣкѣ „научныхъ" взглядовъ на народъ и его поэзію, любопытно отмѣтить подробности во взглядахъ того-же Болтина. Болтинъ хорошо знакомъ съ русскими народными преданіями, обычаями, памятниками народной поэзіи, и въ своихъ историческихъ изысканіяхъ нерѣдко пользуется этимъ матеріаломъ; Болтину хорошо извѣстны и произведенія былинной поэзіи. Но послѣдняя совершенно не пользуется какимъ-либо его сочувствіемъ! Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владимира и т. п., по мнѣнію Болтина,— пѣсни „подлыя", безъ всякаго складу и ладу. „Подлинно таковыя пѣсни, замѣчаетъ онъ, изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися. Слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни,—подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые *стихи*, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя *пѣсни* такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ народа изо-

бражать не могутъ"... Что касается „общества", даже „образованнаго", — каковы были здѣсь тогдашнія этнографическія понятія, показываютъ напр. заботы Татищева [† 1750],— чтобы сказанное имъ „о мерзости идолослуженія" не принято было нѣкіими „безумными" за то, что „яко бы я оное съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ ровняю"... И вообще изученію древности еще не придается серьезнаго, научнаго значенія. Въ большинствѣ даже сами собиратели не подозрѣваютъ, что затрогиваемая ими область можетъ быть предметомъ серьезнаго, научнаго интереса. На народную древность смотрятъ и сами „любители" съ точки зрѣнія чисто литературной, поэтической. Къ памятникамъ народной поэзіи, къ народной поэтической старинѣ обращаются преимущественно „для увеселенія читателей", — безъ всякой еще мысли о какой либо наукѣ! Этнографія не отдѣляется отъ поэзіи, вообще творчества; этнографъ и поэтъ взаимно пользуются услугами одинъ другого. Херасковъ въ *Россіядѣ* пользуется „Описаніемъ славянскаго баснословія" [1768] Попова, — въ свою очередь Глинка въ „Древней религіи славянъ" [1801] „морского царя" описываетъ по *Петріадѣ* Ломоносова и т. д. „Сіе сочиненіе, замѣчаетъ напр. Поповъ о своемъ „Описаніи" — сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ"... А упомянутый Глинка въ названной „Древней религіи славянъ" безъ стѣсненій заявляетъ: „Описывая произведенія фантазіи или мечтательности [!], я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ, буду дополнять собственною подъ древнюю стать фантазіею"... [!!..]. Разумѣется,—все это было болѣе, чѣмъ естественно. Строгая историческая наука только что возникала; настоящая, научная точка зрѣнія была едва въ зародышѣ. Для самой науки отдаленныя вѣка народнаго прошлаго были покрыты еще непроницаемымъ мракомъ!

„Историки до-шлецеровскіе или до-карамзинскіе блуждали въ разсказахъ о скиѳахъ, сарматахъ, мосохахъ и т. п. Нарождавшемуся историческому знанію приходилось уразумѣвать и разъяснять другимъ, еще менѣе свѣдущимъ, самыя элементарныя положенія и требованія научной критики, устанавливать основные внѣшніе факты исторіи“... „Тогдашняя историческая наука, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же изслѣдователь, — не у насъ только, но и на западѣ, еще не умѣла понимать древности, едва начинала придавать значеніе произведеніямъ народной поэзіи,—и если прямыя свидѣтельства были скудны, научныя изысканія незрѣлы, то писателямъ популярнымъ, которыхъ привлекала старина, по тогдашнимъ понятіямъ оставалось дополнять воображеніемъ то, чего не давала исторія“... [Пыпинъ].

Какъ бы то ни было, къ концу XVIII вѣка у насъ все чаще появляются люди, которые „въ разгаръ псевдо-классицизма идутъ противъ него“ [хотя безъ яснаго протеста]: при всей еще ненаучности, все же болѣе серьезно начинаютъ интересоваться произведеніями народной поэзіи,—какъ бы инстинктивно увлекаются ею, начинаютъ ее цѣнить, дѣлаютъ попытки къ перенесенію ея въ область изящной литературы, начинаютъ писать стихи народнымъ складомъ, дѣлаютъ наконецъ первыя попытки къ ея собиранію и изданію. Трудами послѣдняго рода были сборники М. Попова, Чулкова, Ив. Прача. Въ самыхъ первыхъ годахъ XIX вѣка дѣлаются одно вслѣдъ за другимъ два изданія *Древнихъ россійскихъ стихотвореній* „Кирши Данилова“.

Не останавливаемся на изданіяхъ М. Попова, какъ на слишкомъ примитивныхъ, баснословныхъ—отмѣтимъ изъ нихъ лишь слѣдующія:

— *Краткое описаніе древняго славянскаго языческаго баснословія* [Спб., 1768; втор. изд. въ „Досугахъ или собраніи сочиненій и переводовъ“,—Спб., 1772].

— *Древности славенскія, или Приключенія славенскихъ князей* [3 ч. М., 1770—1771; 2-е изд.—1778; 3-е—М., 1794].

— *Россійская Эрата, или выборъ наилутчихъ новѣйшихъ пѣсенъ* [1791].

Чулкову принадлежалъ цѣлый рядъ изданій,—отмѣчаемъ важнѣйшія:

— *Собраніе разныхъ пѣсенъ* [4 ч., Спб., 1770—1774 г.; второе изд. — 6 ч., М., 1780—81; третье—М., 1788]. Здѣсь впервые, рядомъ съ искуственными романсами, являлись въ печати пѣсни чисто народныя. По счету Сахарова, у Чулкова изъ 800 пѣсенъ болѣе 330 народныхъ. Второе изданіе, вышедшее въ 1780—1781 гг., въ Москвѣ, въ 6-ти частяхъ — так. наз. *Новиковскій Пѣсенникъ*. Уже Сахаровъ, относившійся къ Чулкову нѣсколько „свысока", вполнѣ вѣрно указалъ на важное значеніе чулковскаго собранія пѣсенъ, — не только, какъ наиболѣе ранняго собранія чисто народныхъ пѣсенныхъ текстовъ, но и въ отношеніи къ общему развитію у насъ идеи народности. „Предпріятіе его было весьма значительное, замѣчаетъ Сахаровъ: онъ [Чулковъ] первый осмѣлился къ новымъ пѣснямъ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей присоединить и старыя народныя"... Эту оцѣнку вполнѣ принимаетъ и позднѣйшій изслѣдователь. Большая литературная заслуга Чулкова состоитъ въ томъ, говоритъ Пыпинъ, что онъ не усумнился поставить народныя пѣсни рядомъ съ твореніями „знаменитыхъ писателей"-псевдоклассиковъ, пренебрегавшихъ народными пѣснями, — и впервые издалъ много, иногда прекрасныхъ текстовъ".

— *Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти приключенія* [М., 1780 — 1788, 10 ч.; позднѣе вышло нѣсколько сокращенное изданіе, „третье", — въ 6 ч., М., 1820]. Въ предисловіи къ „Сказкамъ" Чулковъ замѣчаетъ, что издаваемыя имъ „повѣствованія" разсказываются „въ каждой харчевнѣ", и что

„сіи сказки русскія“ онъ издаетъ „съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество“. Но сюда же издатель включаетъ и таковыя сказки,—„которыхъ никто еще не слыхивалъ“, т. е. имъ сочиненныя. Здѣсь же ссылается, какъ бы принимая за образецъ для своего изданія, на французскую Bibliothèque Bleue и берлинское собраніе рыцарскихъ романовъ. Все это уже указываетъ характеръ отношенія къ „старинѣ“ и „народности“ въ „Сказкахъ“ Чулкова. Это отношеніе прекрасно характеризуется въ слѣдующихъ словахъ проф. Владимирова о „сказкахъ“ Чулкова: „Это—въ полномъ смыслѣ волшебныя исторіи въ родѣ 1001 ночи. Имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощеѣ, утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманныхъ подробностей и лицъ. Тутъ находимъ и злыхъ волшебницъ, волшебниковъ, появляющихся въ облакахъ съ громомъ, въ тучахъ, какъ Пушкинскій Черноморъ и именно съ цѣлью похищенія красавицъ и добродѣтельныхъ волшебницъ Добрадъ, Велеславъ, — помогающихъ героямъ Булатамъ, Громобоямъ, Алешамъ, Чуриламъ или Добрынямъ, связаннымъ съ кн. Владиміромъ и Кіевомъ. Но послѣдній окруженъ очарованными домами, замками“... Впрочемъ, „богатыри“, названные въ заглавіи, все же иногда играютъ въ сказкахъ и роль болѣе вѣрную съ народной поэзіей. Кромѣ того, среди фантастическихъ исторій иногда являются и дѣйствительно *сказки народныя*, — хотя такихъ очень немного...

— *Словарь русскихъ суевѣрій* [М., 1782; второе дополненное изд.: *Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч.*“—М., 1786]. По отзыву позднѣйшаго изслѣдователя, трудъ этотъ является „первой чисто этнографической попыткой своего

времени". Правда, „миѳологія" излагается чаще всего съ обычными прикрасами, но въ то же время здѣсь собрано и „аккуратно описано" и много дѣйствительныхъ народныхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій. Вообще подлинный этнографическій матеріалъ въ книгѣ Чулкова схваченъ настолько вѣрно, что „Абевегой" нерѣдко пользуется въ своихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ А ф а н а с ь е в ъ—весьма компетентный этнографъ, хотя, впрочемъ, и увлекающійся...

Сравнительно съ „пѣснями" Чулкова и особенно его „сказками", — гораздо болѣе серьезнымъ изданіемъ было *Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку*, вышедшее съ именемъ И в а н а П р а ч а [Спб., 1790; второе изд.—Спб., 1806; третье,—Спб., 1815]. Въ сборникѣ видна „серьезная теоретически обдуманная работа надъ русскими пѣснями". Сборникъ Прача пріобрѣлъ сразу большую популярность: на это указываютъ уже три изданія, явившіяся сравнительно въ короткое время, — второе вышло, между прочимъ, по подпискѣ. По послѣднимъ изслѣдованіямъ, составителемъ сборника былъ не П р а ч ъ, а Н. А. Л ь в о в ъ, — родственникъ Державина, извѣстный въ то время любитель искуства, знатокъ архитектуры, вращавшійся постоянно въ кругу живописцевъ, писателей, сочинитель либрето для оперъ, наконецъ знатокъ народной пѣсни. Такъ какъ на заглавномъ листѣ сборника стояло только имя Прача, „положившаго на музыку голоса пѣсенъ", — имя его и осталось въ памяти потомства. Трудно понять, почему Львовъ уклонился отъ какихъ-либо притязаній на сборникъ, появившійся въ свѣтъ благодаря его стараніямъ. Львовъ не подписалъ своего имени даже подъ *предисловіемъ*, — несомнѣнно принадлежавшимъ ему, ибо, какъ указываетъ Державинъ, Прачъ „совсѣмъ не зналъ русскаго языка, а клалъ только слова на ноты по объявленію (указанію) Львова"... Хотя въ своемъ предисловіи Львовъ говоритъ о старинѣ, о „старинныхъ" протяжныхъ пѣсняхъ, которымъ онъ отдаетъ

предпочтеніе передъ плясовыми, намекаетъ на родство этихъ пѣсенъ съ „древнею греческою пѣснею“,—но обычное въ то время смѣшеніе чисто народныхъ пѣсенъ съ позднѣйшими, искусственными, замѣтно ощущается и въ его сборникѣ.

Первое изданіе, гдѣ памятники русской народной поэзіи впервые, наконецъ, появились въ печати въ своемъ неизмѣненномъ, подлинномъ видѣ — было изданіе Калайдовича: *Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ* [М., 1818].

О самомъ сборникѣ долгое время сообщались лишь очень глухія, неопредѣленныя указанія; потомъ рукопись и совсѣмъ была утрачена, считалась погибшей, — ее случайно нашли лишь въ 1894 году, въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова, въ числѣ книгъ, перешедшихъ къ нему отъ дѣда по матери, А. Ѳ. Малиновскаго. Въ настоящее время сборникъ хранится въ И. Публ. Б-кѣ. Первоначально рукопись найдена была въ собраніи П. А. Демидова; послѣ его смерти перешла къ нѣкоему Хозикову, — имъ была подарена Ѳ. П. Ключареву, въ то время московскому почтъ-директору. Послѣдній нашелъ заключающіяся здѣсь *стихотворенія* „довольно любопытными для просвѣщенной публики“ — и поручилъ одному изъ своихъ почтовыхъ чиновниковъ, нѣкоему А. Ѳ. Якубовичу, издать ихъ. Изданіе вышло въ 1804 г. [„Древнія русскія стихотворенія. М., 1804], и по мнѣнію Якубовича, заключало „лучшія изъ этихъ стихотвореній“. Ключаревъ предполагалъ издать и другія, во второй части,— но изданіе не было продолжено. Рукопись оставалась у Якобовича, пока въ 1816 году не перешла къ гр. Румянцеву,—по „приказанію“ котораго памятникъ былъ изданъ Калайдовичемъ. Изданіе Якубовича было весьма неточнымъ уже на взглядъ самого Калайдовича. Послѣдній именно ставитъ на видъ читателю, что въ издаваемомъ памятникѣ имъ, Калайдовичемъ, „сверхъ означенныхъ въ предисловіи поправокъ, ничего не прибавлено и не опущено,—какъ у пер-

ваго издателя [Якубовича], дѣлавшаго произвольныя въ стихахъ прибавленія и сокращенія"... Въ изданіи 1818 г., сравнительно съ изданіемъ 1804 года, было прибавлено „35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ", и обстоятельное предисловіе издателя. Нѣтъ нужды говорить о важности изданія Калайдовича. Вплоть до самыхъ 60-хъ гг. XIX столѣтія, до собраній Рыбникова и Кирѣевскаго, изданіе „Кирши Данилова" Кайладовича было единственнымъ печатнымъ источникомъ для изученія нашего народнаго эпоса. Какъ уже замѣчено нами выше, особенно важной стороной изданія была точность изданныхъ текстовъ. Весьма важнымъ было также предисловіе издателя. Это— первый у насъ опытъ серьезнаго труда о русскомъ народномъ эпосѣ, выражавшій наши „тогдашнія наиболѣе совершенныя понятія объ этомъ предметѣ". Калайдовичъ въ русскихъ древностяхъ, послѣ Карамзина, былъ тогда едва-ли не самый компетентный ученый. Калайдовичъ уже вполнѣ понимаетъ научную цѣнность издаваемаго памятника,—и между прочимъ необходимость точнаго изданія его текста. Въ предисловіи, послѣ краткихъ свѣдѣній о самой рукописи и упоминанія о предшествовавшемъ изданіи 1804 г., Калайдовичъ дѣлаетъ догадки о „сочинителѣ или вѣрнѣе собирателѣ" издаваемыхъ пѣсенъ, о мѣстѣ его рожденія и времени жизни. Далѣе слѣдуетъ рядъ историческихъ сопоставленій издаваемыхъ „стихотвореній" съ лѣтописями: въ этомъ отношеніи „предисловіе" Калайдовича — первый опытъ серьезнаго, научнаго изученія нашихъ былинъ съ чисто исторической стороны. Общія, чисто теоретическія понятія изслѣдователя однако еще крайне слабы, — спутанны и неясны. Въ Киршѣ Даниловѣ Калайдовичъ видитъ и „сочинителя" и „собирателя", — хотя уже прибавляетъ, что послѣднее „вѣрнѣе"; „начало" издаваемыхъ стихотвореній Калайдовичъ относитъ къ временамъ гораздо болѣе раннимъ, сравнительно съ временемъ жизни самого Кирши [первыя десятилѣтія XVIII в.], — и здѣсь же

говоритъ, что источники для своихъ „стихотвореній Даниловъ почерпалъ „въ исторіи“ и „народныхъ сказкахъ“... „Можетъ быть, прибавляетъ Калайдовичъ здѣсь же—онъ [Даниловъ] имѣлъ древнѣйшія остатки народныхъ пѣсенъ, но, къ сожалѣнію, ихъ передѣлалъ“... Нельзя не замѣтить, впрочемъ, — Калайдовичъ не дѣлаетъ различія между терминами: „народныя сказки“, „народныя пѣсни“, „стихотворенія“—и употребляетъ ихъ, какъ тожественные; сл. *былина* у него еще не встрѣчается. И вообще Калайдовичъ, какъ уже замѣтилъ Пыпинъ,—не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ народно-поэтическомъ творчествѣ. Онъ понялъ было, что Даниловъ—только „собиратель“; но затѣмъ все таки видитъ въ немъ „сочинителя“ — и всѣ черты собственно народнаго творчества, приписываетъ самому Данилову...

Перечисленныя изданія безспорно стояли въ тѣсной связи съ общимъ, пробуждающимся въ нашей литературѣ къ концу XVIII вѣка — нач. XIX-го, направленіемъ народническимъ. Разумѣемъ появляющіяся у насъ въ это время разныя „оперы“ и водевили „въ народномъ духѣ“,—такія произведенія, какъ *Славяне* [1787] Богдановича, болѣе позднія „богатырскія пѣснопѣнія“: *Илья Муромецъ* [1794] Карамзина, *Бова* [1801] Ал. Радищева, *Алеша Поповичъ* [1801] Ник. Радищева, *Бахаріане* или *Неизвѣстный* [1803] Хераскова, *Добрыня* [1804] Н. Львова, и т. д. и т. д. Всѣ эти увлеченія народной поэзіей и въ поэтической литературѣ и въ „научной“, — какъ мы говорили, носили еще слишкомъ „сказочный“ характеръ. На народную „древность“ смотрѣли съ точки зрѣнія чисто литературной, поэтической, — да къ тому же еще слишкомъ мало и знали эту „древность“! Такіе „этнографическіе“ труды этого времени, какъ „Древности Славенскія“ М. Попова—указываютъ ту „научную“ атмосферу, которою окружены эти „богатырскія пѣснопѣнія“ XVIII и нач. XIX вв.. Не только еще не народилось серьезной, строго научной точки зрѣнія, — самый фактическій запасъ

точныхъ знаній у всѣхъ еще весьма не великъ! Въ области „старины“ всякаго рода „диковинки“, самыя необычайныя, охотно допускаются и представителями образованнаго общества и представителями „науки“,—такими людьми, какъ Державинъ, м. Евгеній Болховитиновъ, Карамзинъ. Соотвѣтственно знаніямъ, дѣлаются и ученыя „открытія“. Между прочимъ именно въ это время у насъ „открытъ“ былъ *Гимнъ Бояновъ*, — довольно нелѣпая и самая грубая поддѣлка!.. И однако, по поводу этого открытія Державинъ въ 1811 — 1816 гг., наканунѣ выхода „Исторіи“ Карамзина, въ „Разсужденіи о лирической поэзіи“, говоря о западно-европейскомъ „стихотворствѣ“ въ средніе вѣка и отмѣчая, что оно было „безъ вдохновенія и вкуса“, было „суровое сотканіе словъ силлабическою просодіею“ и „при вторженіи готовъ руннымъ называлось“, — съ полной серьезностью прибавляетъ: „Если справедливо недавнее открытіе одного славено-руннаго стихотворнаго свитка I вѣка [?!..] и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія [?!..] новогородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія“... Поэтъ „не ручается“ за подлинность „открытія“; „хотя, кажется“, прибавляетъ онъ, — „буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности“. При „Разсужденіи“ приложены „для любопытныхъ“ и отрывки изъ новооткрытаго „руннаго свитка“,—„открытіе“ въ такомъ родѣ:

Умочи Боянъ сновъ удычъ
А комъ плъ блгъ тому
Суди Велеси не убѣгти
Слвы Словенси не умлети...

Державинъ это переводилъ такъ:

Не умолчи, Боянъ, снова восной;
О комъ пѣлъ, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:
Славы Славяновъ не умалить...

Поэтъ предоставляетъ „знатокамъ“ о семъ „разсудить“ — и такіе „знатоки“, какъ м. Евгеній Болховитиновъ также не рѣшаются сразу отрицать возможности открытаго „Гимна Боянова“, хотя и замѣчаютъ, что „древность“ его „очень сомнительна“... „Вѣрную копію съ Гимна Боянова, дѣйствительнаго или мнимаго“ — проситъ прислать себѣ и самъ Карамзинъ...

Даже *Исторія* Карамзина, тѣ страницы ея I-го т., которыя посвящены характеристикѣ древнѣйшей миѳологіи славянъ, представляла въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ сводъ воззрѣній и мнѣній, господствовавшихъ въ тогдашней наукѣ, — и лишь отчасти являлась попыткой къ критикѣ. Правда, Карамзинъ значительно сократилъ число боговъ и богинь, — но и оставленныхъ имъ было болѣе чѣмъ достаточно! Вотъ его выводы: Славяне имѣли понятіе о Богѣ „единственномъ и вышнемъ, коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и который печется только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ... Зло въ мірѣ Славяне Балтійскіе приписывали существу особенному, всегдашнему врагу людей, — именовали его *Чернобогомъ*, старались умилостивить его жертвами..; онъ изображался въ видѣ льва... Между богами добрыми славился болѣе прочихъ *Святовидъ*, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ“... Народъ Рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ: *Ругевиту* или Ругевичу, *Поревиту* и *Поренуту*. Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*. „*Сива*, можетъ быть, *Жива*, считалась богинею жизни,—ея храмъ былъ въ Рацебургѣ; въ Далмаціи она называлась Фрихія (Фрея)“... Кромѣ названныхъ, божествами славянъ были: *Числобогъ*,

„знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ“, *Ипабогъ*, богъ звѣриной ловли, *Зибогъ* или *Зембогъ*, духъ земли, *Немиза*, богъ вѣтровъ и воздуха,—*Триглавъ*, *Припекала*, можетъ быть, богъ любострастія (въ Юлинѣ), *Геровитъ* или *Яровидъ*, богъ войны (въ Гавельбергѣ и Волгастѣ), *Провъ*, богъ правосудія, *Подага—Погода*, богъ звѣроловства или же ясныхъ дней (въ Вагріи), *Генилъ*, покровитель собственности (въ Мерзебургѣ) и т. д. Кромѣ своихъ, туземныхъ, были заимствованные—изъ Скандинавіи (*Воданъ*), изъ Литвы (*Перкунъ*), изъ Греціи и т. д. Говоря о божествахъ русскихъ славянъ, Карамзинъ первое мѣсто отводитъ *Перуну*, „богу молніи, верховному міроправителю“, — за нимъ упоминаетъ о *Хорсѣ*, *Дажьбогѣ*, *Стрибогѣ*, *Самарглѣ*, *Мокошѣ*, *Волосѣ*, *Ладѣ*, богѣ любви и веселья. Въ разрядъ боговъ русскихъ славянъ Карамзинымъ зачисляются также *Купало*, богъ земныхъ плодовъ, и *Коляда*, богъ торжества и мира. Наконецъ, упоминаются *лѣшіе*, *русалки*, *домовые*, *кикиморы*... Не смотря на попытку къ критикѣ, трудъ Карамзина, какъ видимъ, оставлялъ для нея еще слишкомъ много мѣста. И Карамзинъ и его предшественники (а отчасти и болѣе поздніе изслѣдователи, напр. Раковецкій, Нарушевичъ) „заботились лишь о „богахъ“ и „богиняхъ“,—трудолюбиво собирали ихъ имена, подкладывали подъ нихъ готовыя нравственныя или физическія толкованія и ни мало не стѣснялись тѣмъ, что эти безжизненые образы идутъ въ разрѣзъ съ живою историческою дѣйствительностью“:.. Весь результатъ этихъ попытокъ, какъ видимъ это даже у Карамзина — не шелъ далѣе устраненія изъ миѳологической славянской древности нѣсколькихъ именъ тѣхъ или другихъ божествъ, изобрѣтенныхъ досужей фантазіей старинныхъ миѳографовъ, XVII—XVIII вв...

Лишь съ большимъ трудомъ пробивались болѣе здравыя научныя понятія. Въ этомъ отношеніи между прочимъ чрезвычайно любопытнымъ являются первыя научныя занятія знаменитаго впослѣдствіе Востокова. Его научные интересы

на первыхъ же порахъ сосредоточиваются на изученіи не только старославянской письменности, но и памятниковъ народной поэзіи. По поводу вышедшаго изданія Якубовича: „Древнія русскія стихотворенія“ (1804), Востоковъ начинаетъ изучать народныя пѣсни и пословицы,—какъ памятники языка и быта; составляетъ указатель къ изданію Якубовича, дѣлаетъ сравнительныя выписки выраженій, переписываетъ былины, собираетъ ихъ, собираетъ также изъ разныхъ печатныхъ изданій пословицы, наконецъ, составляетъ особые *сборники* пѣсенъ и пословицъ. Собираніемъ и изученіемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ Востоковъ занимался, какъ онъ самъ замѣчаетъ,—„для систематическаго и толковаго ихъ расположенія по предметамъ и по времени“, а также съ цѣлью „вникнуть въ настоящій составъ русскихъ стиховъ“. Сборникъ пѣсенъ не дошелъ до насъ; результатомъ занятій ими Востокова остался его извѣстный *Опытъ о русскомъ стихосложеніи* (первонач. былъ напечатанъ въ „Спб. Вѣстникѣ“, 1812 г., II, №4—6; отдѣльно, съ дополн. и попр. въ 1817 г.). „Это произведеніе, замѣчалъ въ свое время Срезневскій, важно было и въ практическомъ отношеніи, указавъ стихотворцамъ, чѣмъ и какъ они могутъ пользоваться въ русскомъ языкѣ въ отношеніи къ размѣрамъ стиховъ. Не менѣе важно оно и какъ изслѣдованіе, указывающее на судьбы стихосложенія въ разныхъ литературахъ Европы, древней и новой. Всего важнѣе оно, какъ изслѣдованіе разнообразныхъ явленій строя народнаго русскаго стиха, самостоятельное, новое, отчетливое, богатое наблюденіями, справедливое въ выводахъ. Отдѣля одни отъ другихъ стихи пѣсенные и сказочные (каковы въ былинахъ), Востоковъ самымъ важнымъ условіемъ въ образованіи русскаго народнаго стиха считалъ количество ударенія (отъ одного до трехъ); ни тѣ ни другіе не находилъ возможнымъ дѣлить на стопы въ томъ смыслѣ, въ какомъ допускается это дѣленіе въ стихахъ метрическихъ и тоническихъ, а видѣлъ въ нихъ стопы особенныя, сравнительно

бо́льшей величины (до 5 слоговъ); въ тѣхъ и другихъ обратилъ вниманіе на мѣсто послѣдняго ударенія (преимущественно дактилемъ). Это изслѣдованіе Востокова, незамѣненное ничѣмъ полнымъ и до сихъ поръ, немного бы измѣненій потребовало и теперь" (Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова. Торжественное собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1864 года. Спб., 1865; стр. 96)... Сохранившійся до насъ составленный Востоковымъ *сборникъ пословицъ, расположенныхъ по содержанію* — распадается на пять главъ: „благоразуміе", „благодушіе", „цѣломудріе или воздержность", „правда или справедливость" и „пословицы не нравоучительныя, но только характерныя"; каждая глава состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій и статей. Лишь ок. 1815 — 1816 г. занятія Востокова народной словесностью, весьма любопытныя, какъ „первыя попытки къ самостоятельной разработкѣ памятниковъ", — совершенно имъ оставляются и онъ исключительно сосредоточивается на изученіи памятниковъ старославянской письменности.

Замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени была также книжка П. Строева: *Краткое обозрѣніе миѳологіи славянъ россійскихъ* (М., 1815; первонач. въ „Соврем. Наблюдателѣ россійской словесности", 1815 г.). „Обозрѣніе" отличается чрезвычайно здравыми взглядами. Объ источникахъ для изученія слав. миѳологіи авторъ замѣчаетъ: „Мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи славянъ. Немногія извѣстія дошли до насъ чрезъ историковъ иностранныхъ, а собственныя наши лѣтописи почти (подчеркн. авторомъ) ничего не сохранили... Можетъ статься, и были какія нибудь стихотворныя повѣсти, передаваемыя изустно: но гдѣ они? Монахи, единственные наши историки, старались умалчивать о мнѣніяхъ и обрядахъ языческихъ. Остается только прибѣгнуть къ народнымъ преданіямъ, пѣснямъ и сказкамъ. Но можно ли на нихъ положиться и дошли ли они къ намъ въ первомъ ихъ видѣ? Время и перемѣны политическія уже ли на

нихъ не дѣйствовали?“... Авторъ рѣзко разграничиваетъ миѳологическія воззрѣнія русскихъ славянъ отъ воззрѣній другихъ славянскихъ племенъ. „Мнѣнія релитій сербовъ, поляковъ, моравовъ и другихъ народовъ славянскаго поколѣнія ни мало не принадлежатъ къ миѳологіи славянъ россійскихъ, —такъ какъ и мнѣнія сихъ послѣднихъ отнюдь не должны относиться къ миѳологіи котораго нибудь изъ оныхъ“. Таковы западно-славянскіе Свѣтовиды, различные Флинцы, Крадо, Радегасты—„и множество другихъ боговъ, какими г. Кайсаровъ наполнилъ свою Миѳологію. Истинная (подчерк. авт.) славяно-русская миѳологія должна ограничиться только семью (подч.) богами, коихъ изображенія поставлены были въ Кіевѣ в. к. Владиміромъ“. Это — Перунъ, Волосъ, Дождь-богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Семаргла и Мокошъ или Мкошъ. Но едва ли не слѣдуетъ сократить и число семь. „Что касается до Хорса, Семарглы и Мокоши, замѣчаетъ изслѣдователь, то кажется, что они были божества совсѣмъ не славянскія, а либо финскія, либо скандинавскія“... Въ концѣ строго-критическаго „обозрѣнія“, изслѣдователь замѣчаетъ: „Вотъ всѣ или почти всѣ (подч. авт.) извѣстія о славянской миѳологіи... Я говорю всѣ для того, что эти Услады, Купалы, Зиметерлы, Полели, Дашубы, Диды, Лады, Лели и проч. и проч., о коихъ столько до сихъ поръ говорено было,—существовали, кажется, въ одномъ воображеніи повѣствовавшихъ объ нихъ писателей. Они думали, что у славянъ непремѣнно долженствовало быть ни больше ни меньше боговъ, сколько было ихъ у грековъ и римлянъ, и для того старались замѣнить вымышленными, на словопроизводствѣ основанными, именами тѣхъ боговъ, о коихъ не находили никакихъ извѣстій“... [*Краткое Обозрѣніе*, стр. 9 — 12. 16 — 17. 21. 37. 41 — 42]. Мнѣнія Страхова, тогда еще очень молодого человѣка, почти студента—тѣмъ замѣчательнѣе, что направлены были противъ взглядовъ, вполнѣ признававшихся тогда и „наукой“. Упо-

минаемое здѣсь сочиненіе Кайсарова было ученой дисертаціей, напечатанной авторомъ заграницей [*Versuch einer slavischen Mythologie.* Göttingen, 1804; русскій переводъ — Спб., 1807] и научное значеніе которой признавалось даже такими представителями тогдашней западной науки, какъ знаменитый Добровскій...

Нужно было бо́льшее знакомство съ самымъ этнографическимъ матеріаломъ, болѣе внимательное изученіе этого матеріала въ живыхъ, сохранившихся памятникахъ поэзіи, въ живыхъ преданіяхъ и воззрѣніяхъ народа. Эти болѣе серьезныя изученія относящихся сюда матеріаловъ, а также и фактическое собираніе ихъ, начинаются лишь съ 30—40 гг. XIX ст., въ работахъ Сахарова, Терещенка, Снегирева и др.

II.

Исторія Карамзина; общее оживленіе историческихъ изученій въ первыя десятилѣтія XIX в. — Труды Сопикова, м. Евгенія, Кеппена, Калайдовича, Строева, Востокова. — Расширеніе изученій въ области народной поэтической старины; изданія Сахарова и Снегирева.

Въ 1802—1809 гг. выходитъ *Nestor, russischen Annalen* Шлецера; въ 1816 г. — первые восемь томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина. Мы уже говорили о трудѣ Шлецера, — представлявшемъ въ своихъ экскурсахъ нерѣдко обширнѣйшія и необыкновенно цѣнныя спеціальныя разысканія по различнымъ областямъ старой славянской и русской письменности; особое значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ разработки нашихъ историко-литературныхъ изученій имѣлъ трудъ Карамзина.

„Исторія“ Карамзина необыкновенно усилила общіе интересы къ изученію русскаго прошлаго, любовь къ старымъ письменнымъ и другимъ историческимъ и археологическимъ памятникамъ, вообще интересы къ отечественнымъ древно-

стямъ. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, — эти интересы, какъ мы видѣли, въ значительной степени уже начинали обнаруживаться у насъ и раньше, или точнѣе, одновременно съ ходомъ историческихъ изученій Карамзина. Особенно важны были труды Новикова, Бакмейстера, — не говоримъ уже о чисто историческихъ трудахъ. Вообще „Исторія“ Карамзина имѣла у себя подготовленную почву. Археологія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, къ этому времени уже довольно значительно начинала заявлять свои права въ русскомъ обществѣ. Къ концу XVIII в. — перв. год. XIX-го мы видимъ уже цѣлый рядъ любителей старины, собирателей ея, изслѣдователей, издателей. Припомнимъ гр. А. И. Мусина-Пушкина [† 1818], Н. Н. Бантышъ-Каменскаго [† 1814], Р. Ѳ. Тимковскаго [† 1820], гр. Ѳ. А. Толстаго, А. Н. Оленина [† 1814], А. Ѳ. Малиновскаго [† 1840], м. Евгенія Болховитинова [† 1837], П. П. Бекетова [† 1836], Д. Языкова [† 1845], Сопикова [† 1818], — не упоминаемъ ранѣе названныхъ Новикова, Бакмейстера и др. Въ первыхъ годахъ XIX-го столѣтія археологическіе интересы получаютъ особенное оживленіе благодаря просвѣщеннымъ заботамъ гр. Н. П. Румянцова [1754—1826]. Вокругъ Румянцова быстро создается цѣлый кружокъ будущихъ дѣятелей русской исторической науки: назовемъ Калайдовича, Востокова, Кеппена, Ермолова, Успенскаго [† 1820], Строева, Круга [† 1844], Григоровича [† 1852], — помимо болѣе раннихъ дѣятелей: м. Евгенія, Малиновскаго, Тимковскаго и др. Со многими изъ этихъ лицъ гр. Румянцовъ ведетъ самую оживленную переписку. Появленіе монументальнаго труда Карамзина вызываетъ еще бо́льшее оживленіе въ этихъ археологическихъ и историческихъ изученіяхъ. *Исторія Государства Россійскаго* и вообще производитъ совершенный переворотъ въ русской исторической наукѣ. Это было „первое широкое научное предпрія

тіе, которое на десятки лѣтъ стало руководствомъ въ дальнѣйшей разработкѣ и богатымъ запасомъ фактовъ, матеріаловъ и критическихъ разъясненій. Она была и сводомъ всего прежняго труда, и богатымъ складомъ новыхъ фактовъ, и программой. Карамзинъ завершилъ предыдущій періодъ исторіографіи, воспользовался всѣмъ его матеріаломъ, прибавилъ множество новаго и, главное, поставилъ историческій вопросъ такъ широко, какъ до него еще не было сдѣлано; программа обнимала всѣ стороны исторической жизни — государство, церковь, народный обычай, преданія; въ эту программу уже легко пріурочивались дальнѣйшія изысканія и связывались ею тѣ, какія уже были сдѣланы и въ ту минуту дѣлались"... Значеніе труда Карамзина было громадно и въ частности, въ отношеніи къ изученію памятниковъ древне-русской литературы. Это изученіе также пріобрѣтало здѣсь массу новаго матеріала, — вмѣстѣ со множествомъ цѣнныхъ научныхъ разъясненій. Справедливо было замѣчено кѣмъ то изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, — что изъ примѣчаній къ „Исторіи" можно выдѣлить цѣлую книгу замѣтокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности. Въ трудѣ Карамзина передъ историкомъ русской литературы выступаетъ цѣлый рядъ памятниковъ совершенно неизвѣстныхъ дотолѣ, впервые открытыхъ исторіографомъ, или впервые подвергнувшихся его строгой научной обработкѣ и критикѣ. Таковы многія изъ лѣтописей, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній и т. д.

Въ отношеніи къ наукѣ исторіи русской литературы и языка наиболѣе важные труды въ перв. четв. XIX-го столѣтія принадлежали В. Сопикову, м. Евгенію Болховитинову, Кеппену, Калайдовичу, Строеву и Востокову.

Труды В. С. Сопикова [1765—1818] имѣли исключительно библіографическій характеръ, и въ этомъ отношеніи ближайшимъ образомъ примыкали къ подобнымъ же трудамъ

XVIII в.: Бакмейстера, Дамаскина и др. Но Сопиковъ первый сдѣлалъ попытку представить полное обозрѣніе всего напечатаннаго въ Россіи. Первая часть его *Опыта россійской библіографіи или полнаго словаря сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на словенскомъ и россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій до 1813 года* вышла въ 1813 г. [Спб., 1813]. Въ слѣдующемъ вышла вторая часть [Спб., 1814], въ 1815—третья, въ 1816—четвертая, въ 1821 — пятая и послѣдняя. Сопиковъ не успѣлъ окончить своего труда; пятая часть, начатая печатаніемъ при жизни автора, была закончена уже послѣ его смерти, подъ редакціей В. Г. Анастасевича [1775—1845]. „Опытъ россійской библіографіи", по первоначальному плану, долженъ былъ обнимать всѣ сочиненія и переводы, напечатанные какъ на русскомъ, такъ и на славянскомъ языкѣ, отъ начала заведенія типографій до 1813 года, и заключать въ себѣ слѣдующія части:

1. Введеніе въ библіографію — науку совершенно новую въ Россіи, съ исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ замѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ, и съ краткими изъ нихъ выписками.

2. Систематическій каталогъ всѣмъ книгамъ, составляющимъ главную роспись.

3. Полную роспись книгамъ, расположенную по азбучному порядку.

4. Роспись именамъ авторовъ, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ сочиненій и указаніемъ, подъ какими номерами эти сочиненія находятся въ главной росписи.

5. Хронологическую роспись книгамъ церковной печати.

6. Полную роспись всѣмъ ландкартамъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ...

Какъ было замѣчено акад. Сухомлиновымъ, — въ общемъ планѣ труда и въ распредѣленіи матеріала Сопиковъ

отчасти руководился трудомъ Дебюра [G. F. de Bures]: *Bibliographie Instructive ou Traité de la connaissance de livres rares et singulieres* [т. I—X, Paris, 1763—1782]. Сопиковъ не былъ ученымъ,—это былъ торговецъ книгами; но онъ былъ весьма замѣчательнымъ по своему времени библіографомъ. Сознавая громадность поставленной себѣ задачи, онъ назвалъ свой трудъ лишь „опытомъ“. Самъ по себѣ трудъ имѣетъ большіе, даже существенные недостатки. Онъ — не полонъ; нѣтъ точности въ приводимыхъ заглавіяхъ книгъ; дѣлаемыя выписки — случайны. Особенно важнымъ упрекомъ Сопикову можетъ быть поставлено то, что онъ не отличаетъ въ своемъ перечнѣ книги, которыя непосредственно видѣлъ онъ самъ, отъ тѣхъ, свѣдѣнія о которыхъ заноситъ по чужимъ указаніямъ, изъ чужихъ рукъ. Отсюда — цѣлый рядъ промаховъ, неточностей и прямыхъ ошибокъ. Сопиковъ иногда упоминаетъ о небывалыхъ мѣстахъ изданій, приводитъ заглавія книгъ, никогда не существовавшихъ, изъ одной книги дѣлаетъ двѣ, или одну и ту же приводитъ дважды подъ разными номерами и т. п. Не говоримъ уже о томъ, что трудъ Сопикова представляетъ большое практическое неудобство вслѣдствіе самой алфавитной системы въ расположеніи книгъ, — неизбѣжныхъ при этомъ произвола и случайностей въ размѣщеніи, наконецъ, отсутствіи при книгѣ всякаго систематическаго указателя [послѣднее, впрочемъ, составитель имѣлъ въ виду сдѣлать въ заключеніе труда, но не успѣлъ]. Всѣ эти недостатки были указаны тогда же Кеппеномъ [„Библ. Листы“, 1825, № 2, стр. 33 — 40] и Линде [„Pamiotnik Warszawski“, 1816, іюнь, стр. 125 sqq; извлеченія изъ статьи Линде приведены были въ „Вѣстн. Евр.“, 1816, XC, стр. 110 — 136, 230 — 244]. Но тѣ же критики вполнѣ цѣнили и громадное значеніе труда Сопикова. Такъ Кеппенъ писалъ: „Сопиковъ, однако, оказалъ словесности нашей великую услугу, занимавшись около 20 лѣтъ книжною торговлею, имѣвши до ста разныхъ каталоговъ духовныхъ и гражданскихъ книгъ

и т. д. Онъ много споспѣшествовалъ дальнѣйшимъ занятіямъ по части исторіи отечественной словесности"... „Несправедливо сѣтовать на Сопикова за неуклюжество его творенія, за переиначеніе его заглавій, за мелкіе промахи всякаго рода, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ болѣе позднихъ цѣнителей труда Сопикова. Слѣдуетъ благодарить этого труженика, и благодарить усердно, за сдѣланную впервые попытку и за указаніе на множество книгъ, которыя были напечатаны до его времени, и которыя уже не встрѣчаются въ нынѣшнихъ собраніяхъ, и не упоминаются даже теперешними библіографами". Несмотря на всѣ недостатки, изданіе Сопикова, по самой обширности плана и громадности охваченнаго матеріала, представляло капитальное явленіе въ нашей литературѣ,— къ которому и до сихъ поръ приходится прибѣгать изслѣдователю. Не нужно забывать, что это была первая попытка у насъ общаго обозрѣнія нашего стараго печатнаго матеріала, первый каталогъ русскихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи отъ начала книгопечатанія по начало XIX столѣтія, — каталогъ, предпринятый въ такое время, когда у насъ не было еще ни обширныхъ библіотекъ, ни сколько-нибудь обстоятельныхъ имъ описей. Не надо забывать и того, что смерть помѣшала автору довести до конца начатый трудъ: послѣдній явился далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ бы могъ быть... Для исторіи русской литературы трудъ Сопикова имѣлъ, а отчасти и до сихъ поръ имѣетъ, то же значеніе, какое для западно-европейской науки и литературы въ свое время имѣлъ знаменитый трудъ Дебюра... „Опытъ россійской библіографіи" Сопикова въ послѣдне время переизданъ научнымъ образомъ, съ обширными примѣчаніями и систематическимъ „Указателемъ" — В. Н. Рогожинымъ. Трудъ этотъ совершенно устранилъ болѣе ранній краткій алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и др. лицъ, упоминаемыхъ въ II—V тт. „Опыта", составленный П. Морозовымъ [напеч. въ прилож. къ XXVIII т. „Зап. И. Ак. Н."]. Спб.,

1876. Мимоходомъ отмѣтимъ вызванную „Указателемъ“ г. Морозова статью Саитова: Замѣтки и разъясненія къ „Опыту рос. библіографіи“ В. Сопикова,—Ж. М. Н. Пр., 1878, № 6, стр. 247—291]. Съ трудомъ Сопикова ближайшимъ образомъ связана болѣе поздняя *Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина* [Спб., 1828; позднѣе вышли четыре *Прибавленія*,—Спб., 1829; Спб., 1832; Спб., 1852; Спб., 1856].

Научные труды м. Евгенія Болховитинова [1767—1837] начинаются съ послѣднихъ годовъ XVIII в. Важнѣйшими его трудами, посвященными собственно области исторіи русской литературы, были два „Словаря“ русскихъ писателей, — „свѣтскихъ“ и „духовныхъ“. Въ 1804 г. гр. Д. И. Хвостовымъ, П. Голенищевымъ-Кутузовымъ и гр. Г. Салтыковымъ въ Москвѣ было предпринято изданіе журнала *Духъ Просвѣщенія*. Журналъ издавался ежемѣсячно, продолжался три года [1804—1806] и для своего времени былъ явленіемъ довольно замѣчательнымъ, какъ по общественному положенію издателей, такъ и по самому содержанію,—какъ „журналъ литературы, наукъ и художествъ“. Уже съ перваго года видимъ участіе въ этомъ журналѣ м. Евгенія: въ одной изъ книжекъ журнала ему принадлежала статья *Начертаніе жизни Я. Б. Княжнина*. Съ 1805 года, начиная съ первой книжки журнала и до послѣдней 1806 года, — въ продолженіе двухъ лѣтъ, м. Евгеній печатаетъ въ журналѣ рядъ статей о русскихъ писателяхъ подъ общимъ заглавіемъ: *Новый опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*. Какъ видно и изъ самаго заглавія, исходнымъ пунктомъ труда служилъ „Опытъ“ Новикова. „Новый опытъ“ начинался статьею объ Аблесимовѣ и кончался о Кириловѣ Иванѣ, заключая въ себѣ ок. 300 біограф. Статьи были бо́льшею частью по изложенію очень кратки, въ страницу-двѣ, но въ отношеніи содержанія чаще всего являлись „сжатыми выводами весь-

ма кропотливыхъ и тщательныхъ предварительныхъ работъ". Матеріалы въ значительной долѣ доставлялись, кажется, и самими писателями. Съ прекращеніемъ журнала, прекратилось [на буквѣ *к*] и печатаніе „Новаго опыта". Изданіе съ внѣшней стороны было, впрочемъ, крайне небрежно. Объявляя о прекращеніи журнала и вмѣстѣ съ нимъ „Опыта", — издатели „почитали за долгъ признаться", что „несмотря на все ихъ тщаніе", въ „Опытѣ" допущено было „не мало ошибокъ историческихъ и безчисленное множество типографическихъ, иногда портящихъ даже и связь и смыслъ рѣчи"... Спустя нѣсколько лѣтъ трудъ былъ вполнѣ оконченъ, и осенью 1814 года авторъ писалъ казанскому профессору Городчанинову: „Словарь давно весь кончилъ и отослалъ въ Московское Общество исторіи"... Изъ другихъ писемъ м. Евгенія обнаруживается, что „Словарь" былъ отосланъ имъ именно въ 1813 г. Въ „Московскомъ Обществѣ исторіи" труду этому однако суждено было лежать долгое время — и напрасно. Что дѣлала рукопись въ „Обществѣ", неизвѣстно; не слишкомъ быстро послѣдовалъ самый докладъ о присланномъ трудѣ, только въ одномъ изъ засѣданій 1815 г. было сообщено: „Отъ неизвѣстнаго присланъ *Словарь историческій о русскихъ писателяхъ*. Опредѣлено: о разсмотрѣніи „Словаря" имѣть сужденіе въ слѣдующее засѣданіе"... Въ слѣдующее засѣданіе дѣйствительно „разсуждаемо было" объ изданіи словаря...—и разсужденія затянулись на цѣлые годы! Въ протоколѣ одного изъ засѣданій 1817 года тоже замѣчается: „Разсуждаемо было о печатаніи *Словаря россійскихъ писателей*"...—но дальше разсужденій такъ дѣло и не пошло! „Словарь" не былъ напечатанъ Обществомъ. Трудъ м. Евгенія явился въ свѣтъ лишь благодаря средствамъ, даннымъ гр. Н. П. Румянцовымъ. „Словарь" вышелъ въ 1818 г., подъ заглавіемъ: *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійскія церкви* [Ч. I, Спб., 1818; ч. II, Спб. 1818]. Но точно рокъ какой тяготѣлъ надъ

этимъ трудомъ... Книга вышла изъ типографіи въ такомъ видѣ, что отъ нея отреклись и гр. Румянцовъ и самъ авторъ! Гр. Румянцовъ приказалъ уничтожить заглавный листъ съ своимъ гербомъ: „изданіе это не принесетъ мнѣ чести, писалъ онъ м. Евгенію,—напротивъ, всѣ будутъ меня осуждать, что я далъ средства къ его появленію“... Самъ авторъ тоже не хотѣлъ дать словарю своего имени и снабдить его какимъ либо предисловіемъ. Печатаніе было поручено В. Г. Анастасевичу, отнесшемуся къ дѣлу съ крайней небрежностью,—и изданіе съ первой страницы до послѣдней явилось переполненнымъ опечатокъ!.. Въ новомъ, исправленномъ видѣ „Словарь“ вышелъ лишь въ 1827 году. Сравнительно съ первой редакціей, трудъ представлялъ множество новыхъ дополненій, новыхъ свѣдѣній и разысканій,—и массу поправокъ. Что касается другого труда м. Евгенія, *Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи*,—онъ вышелъ уже послѣ смерти автора [2 т., М., 1845]. Въ первоначальной редакціи трудъ этотъ находился уже въ той рукописи, которую м. Евгеній въ 1813 году отправилъ въ Московское Общество исторіи: по первоначальному плану автора, писатели „духовные“ и „свѣтскіе“ соединялись вмѣстѣ; но въ изданіяхъ 1818 и 1827 гг. писатели духовные почему-то были выдѣлены, и оставшіяся части рукописи были долгое время совсѣмъ заброшены авторомъ. Незадолго до своей смерти, уступая просьбамъ И. М. Снегирева, м. Евгеній отдалъ послѣднему всѣ собранные матеріалы „Словаря“ въ полное распоряженіе, для изданія ихъ въ свѣтъ въ болѣе обработанномъ видѣ. Снегиревымъ вскорѣ дѣйствительно было начато изданіе „Словаря“, съ обширными собственными дополненіями и измѣненіями; но по недостатку средствъ изданіе остановилось на первомъ томѣ [М., 1838]. Погодинъ предложилъ Снегиреву уступить ему право изданія, — и лишь благодаря этому трудъ м. Евгенія въ 1845 г. наконецъ увидѣлъ свѣтъ!.. „Сло-

варь“ былъ изданъ Погодинымъ безъ всякихъ измѣненій, непосредственно съ рукописи автора. Мы не безъ намѣренія остановились на исторіи изданія „Словарей“ м. Евгенія: исторія ихъ печатанія наглядно показываетъ, какую массу самыхъ различныхъ, чисто внѣшнихъ и случайныхъ, затрудненій приходилось испытывать нашимъ первымъ дѣятелямъ науки — лишь для обнародованія своихъ трудовъ!...

Другіе труды м. Евгенія, печатавшіеся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно, при всемъ своемъ спеціальномъ характерѣ [ср. *Ист. Рос. Іерархіи*, I — VII, 1807—1815; *Описаніе Кіево-Соф. собора*, Кіевъ 1825; *Описаніе Кіево-Софійской Лавры*, 1825, и др.] нерѣдко заключали важныя свѣдѣнія и касательно памятниковъ собственно древне-русской письменности,—различныя о нихъ разысканія, соображенія и т. д.

Нельзя не замѣтить, — начальная наука русскихъ древностей, въ частности древней русской письменности, обязана была м. Евгенію не только обширными изысканіями и изслѣдованіями, но въ значительной долѣ и простымъ сохраненіемъ, сбереженіемъ рукописныхъ матеріаловъ. Имъ разыскано и собрано было множество самыхъ цѣнныхъ рукописей,—заслуга тоже весьма не малая! Какова была иногда у насъ судьба нашихъ старыхъ письменныхъ памятниковъ, наглядно рисуетъ слѣдующій фактъ изъ жизни самого Евгенія. Желая познакомиться съ древностями Новгородскаго Юрьева монастыря, митрополитъ рѣшилъ побывать тамъ лично—и далъ знать въ монастырь объ этомъ. Монастырское начальство немедленно приступило къ приведенію монастыря „въ болѣе чинный порядокъ“... Въ монастырь можно было ѣхать двумя дорогами: верхней, болѣе проѣзжей, но скучною, и нижней, близъ Волхова, менѣе удобною, но болѣе пріятной. Митрополитъ поѣхалъ нижней,— совершенно противъ ожиданій монастырскаго начальства! Митрополитъ подъѣзжалъ уже къ самому монастырю, какъ

неожиданно встрѣчается съ возомъ, ѣдущимъ къ Волхову, въ сопровожденіи монаха. Митрополитъ поинтересовался, что́ везетъ инокъ къ рѣкѣ,—спрашиваетъ; инокъ отвѣчаетъ, что въ возу разный „соръ и хламъ“, кинуть который прямо въ навозъ нельзя, — нужно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство въ митрополитѣ; онъ вышелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожку, — и увидѣлъ массу разорванныхъ книгъ, книжныхъ листовъ и т. п.! Митрополитъ немедленно приказалъ иноку вернуться въ монастырь, немедленно сталъ самъ разбирать назначенный Волхову „соръ и хламъ“,—и съ перваго-же раза нашелъ нѣсколько „кожаныхъ“ [пергаменныхъ!] книгъ и тетрадей, — въ числѣ которыхъ оказались такія драгоцѣннѣйшія по древности славянскія рукописи, какъ листки *Житія Кодрата*, *Житія Θеклы*, листы *Псалтыри*— памятники XI-го вѣка!!..

Литературно-ученая дѣятельность П. И. Кеппена [1793—1864 г.] была весьма многосторонней. Значительная доля его трудовъ посвящена была также области славянской археологіи, этнографіи и лингвистики. Возвратившись въ 1822 году изъ заграничнаго путешествія, Кеппенъ дѣлается у насъ первымъ посредникомъ между западными славистами и русскими изслѣдователями славянства. Уже вскорѣ имъ предпринимается капитальное изданіе по изученію обще-славянскихъ древностей и въ частности исторіи русской литературы: *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи* [Вып. I. *Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности.* Спб., 1819; Вып. II. *Библіографическіе Листы.* Спб., 1825. Всего вышло 43 нумера. Изданіе возобновилось въ 1827 году, но менѣе содержательнымъ: *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи.* Вып. III. Спб., 1827]. Въ „Обозрѣніи источниковъ“ для составленія исторіи россійской словесности „источники“ указываются чрезвычайно широко, что обусловливалось самымъ взглядомъ автора на предметъ. Сл. „просвѣщеніе“ Кеппенъ понимаетъ въ смыслѣ: „культу-

ра", cultur,—и къ „исторіи просвѣщенія" относитъ не только исторію словесности, но и исторію искусствъ, художествъ, — даже ремеслъ, фабрикъ, наконецъ, исторію народной промышленности. Сл. „словесность" авторомъ понимается также въ очень широкомъ смыслѣ. Исторію словесности онъ дѣлитъ на 1) „исторію учености [или просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ]; 2) исторію самихъ ученыхъ, и 3) исторію предметовъ, имѣющихъ особенное вліяніе на просвѣщеніе, напр. книгопечатаніе, книжная торговля, — „коихъ распространеніе много способствуетъ умственному и нравственному образованію народа"... „Библіографическіе Листы" Кеппена представляли для своего времени явленіе въ высшей степени цѣнное. Кромѣ самого издателя, здѣсь принимали участіе м. Евгеній, Калайдовичъ, Кругъ, Строевъ, Языковъ; изъ иностранныхъ славянскихъ ученыхъ— Караджичъ, Копитаръ, Коларъ, Шафарикъ. Изданіе, посвященное преимущественно изученію русской и славянской литературъ, открывалось *Хронологической росписью первопечатно-словенскимъ книгамъ* [„Матеріалы" и проч., II, №№ 1, 6, 11, 16, 21 и 26], которую издатель положилъ „въ основаніе сего изданія",—„что бы познакомить читателей съ литературой разныхъ словенскихъ народовъ"... „Библіографич. Листы" Кеппена дѣйствительно были изданіемъ, гдѣ русская публика впервые знакомилась съ мало извѣстными ей дотолѣ именами славянскихъ ученыхъ—Добровскаго, Копитара, Вука Караджича, Ганки, Шафарика и др Какъ изданіе библіографическое, „Б. Листы" носятъ энциклопедическій характеръ. Рядомъ съ статьями по изученію русской литературы и вообще славянской письменности, идутъ статьи по самымъ различнымъ областямъ знанія: по медицинѣ, политической исторіи, филологіи, естествознанію, географіи, военному искусству, по изученію исторіи и литературъ Востока, правовѣдѣнію, нумизматикѣ, — наконецъ, по хозяйству... Такъ какъ „Библ. Листы" касались и памят-

никовъ церковнаго содержанія, издатель же былъ протестантъ, —изданіе Кеппена вызвало доносъ Магницкаго; судъ оправдалъ Кеппена [„Чтенія Моск. О-ва ист. и древн.“, 1864, кн. II. стр. 143—161].

Труды К. Ѳ. Калайдовича [1792—1832] и П. М. Строева [1796—1876] въ научной разработкѣ письменной славяно-русской старины на первыхъ порахъ идутъ совмѣстно. Любовь къ занятіямъ древностями Калайдовичъ пріобрѣлъ еще на студенческой скамьѣ. Черезъ годъ по окончаніи университетскаго курса, онъ дѣлается ревностнымъ работникомъ въ Моск. О-вѣ исторіи и древ. россійскихъ. Послѣднее въ 1811 г. поручаетъ ему редакцію своего изданія, первую часть *Русскихъ Достопамятностей* [1815 г.], — гдѣ Калайдовичъ впервые печатаетъ рядъ весьма цѣнныхъ памятниковъ древнерусской литературы. Почти одновременно Калайдовичъ, по предложенію гр. Румянцова, принимаетъ — вмѣстѣ съ П. М. Строевымъ — участіе въ изданіи *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ*. П. М. Строевъ свою научную дѣятельность началъ также еще студентомъ. Уже на второмъ курсѣ онъ составляетъ *Учебникъ русской исторіи*,—въ первый разъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1814 г., и выдержалъ потомъ много изданій, явившись учебной книгой для цѣлыхъ поколѣній. На студенческой же скамьѣ Строевъ дѣлается журналистомъ: съ марта 1815 г. начинаетъ издавать *Современный Наблюдатель россійской словесности*,—гдѣ выступилъ открытымъ и смѣлымъ врагомъ давно уже устарѣвшихъ, но все еще продолжавшихъ у насъ царить, ложноклассическихъ вкусовъ и традицій. Еще будучи студентомъ, Строевъ получаетъ упомянутое предложеніе гр. Румянцова принять ближайшее участіе въ печатаніи *Собранія государств. грамотъ и договоровъ*,—принимаетъ этотъ „слишкомъ лестный для девятнадцатилѣтняго юноши призывъ“, и въ 1815 г., не кончивъ курса, оставляетъ университетъ. Въ 1817 г., по порученію и на средства Румянцова, Калай-

довичъ и Строевъ отправляются въ археографическую поѣздку, для осмотра и описанія монастырскихъ библіотекъ моск. епархіи. Это была первая у насъ экспедиція для обслѣдованія и описанія старинныхъ памятниковъ письменности. Какъ была необходима и важна подобная мѣра,—можно судить изъ того, что уже на самыхъ первыхъ порахъ ученымъ археологамъ удалось найти такія драгоцѣнныя находки, какъ *Изборникъ Святославовъ 1073 года*, *Богословіе Дамаскина* въ переводѣ Іоанна экзарха и др. Слѣдующіе, по окончаніи экспедиціи, годы были для Калайдовича и Строева временемъ наиболѣе усиленной научной дѣятельности. Къ этимъ годамъ относятся важнѣйшія изданія Калайдовича, сдѣланныя отчасти совмѣстно съ Строевымъ: *Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ* [Спб., 1818]; *Законы в. кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ ц. и в. кн. Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами* [Спб., 1819]; *Памятники россійской словесности XII вѣка* [Спб., 1821] и *Іоаннъ экзархъ болгарскій* [М., 1824]. Два послѣдніе труда въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ историко-литературныхъ изученій были особенно важными. Въ „Памятникахъ россійской словесности XII вѣка“ главн. образ. были помѣщены *сочиненія Кирилла Туровскаго*, дѣлавшіяся теперь впервые извѣстными, столь же мало извѣстные *Вопросы Кирика*, *Слово Данiила Заточника* и нѣктр. др.. Что касается труда о Іоаннѣ экзархѣ,— изданіе это не утратило значенія даже теперь, для своего же времени было совершеннымъ откровеніемъ! Рядомъ съ славянскими просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, теперь впервые открывалась широкая литературная дѣятельность ближайшихъ ихъ современниковъ, Іоанна экзарха болгарскаго и многихъ другихъ лицъ, — литературные труды которыхъ создали „разцвѣтъ“ древнеболгарской письменности, положили и вообще прочныя основанія начальной общеславянской литературѣ. Дѣятельность всѣхъ ихъ оставалась дотолѣ въ наукѣ совершенно неизвѣстной. Монографія Калай-

довича дѣлала здѣсь первые шаги, представляя обслѣдованіе цѣлаго ряда самыхъ драгоцѣнныхъ, оставшихся неизвѣстными, памятниковъ начальной южнославянской и древнерусской письменности. Впервые подвергались изученію и обнародованію такіе памятники, какъ *Богословіе* Іоанна Дамаскина, его *Діалектика*, переводъ *Шестоднева* Василія Великаго, извѣстная грамматич. статья *О осми частяхъ слова*, долго приписывавшаяся Іоанну Дамаскину, и многіе другіе. Очень многіе тексты здѣсь же были и изданы. Масса вновь открытаго была такъ велика, что даже такихъ знатоковъ, какъ Добровскій, привела въ недоумѣніе,—но факты, самые тексты, были на лицо!.. Рядомъ съ монументальнымъ трудомъ Калайдовича можно поставить лишь такіе труды, какъ „Опис. Рум. Музея“ [Спб., 1842] Востокова или „Опис. Моск. Синод. б-ки“ [М., 1857—1862] Горскаго и Невоструева. Изъ трудовъ Строева этого времени особенно важнымъ было изданіе *Софійскаго Временника* [2 ч., М., 1820—1821]. Кромѣ того, онъ продолжалъ завѣдывать печатаніемъ *Государственныхъ грамотъ и договоровъ* [3-я ч., Спб., 1819]. Рядомъ съ этими трудами, уже въ 1818 г. Калайдовичъ и Строевъ приступаютъ къ описанію обширнаго рукописнаго собранія гр. Ѳ. А. Толстого. Описаніе продолжалось около семи лѣтъ и увѣнчалось появленіемъ въ печати *Обстоятельнаго описанія славяно-россійскихъ рукописей б-ки гр. Толстого* [М., 1825. Позднѣе Строевымъ были изданы два *Прибавленія*,—Спб., 1825; Спб., 1827]. Не перечисляемъ другихъ дальнѣйшихъ трудовъ Строева по описанію славянорусскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, относившихся къ болѣе позднему времени,—какъ „описанія“ славянскихъ старопечатныхъ книгъ библіотекъ Царскаго [М., 1836], гр. Толстого и Царскаго [М., 1841], б-ки Общества ист. и древн. рос. [М., 1845], славянскихъ и русскихъ рукописей Царскаго [М., 1848]. Къ сожалѣнію, нѣкоторые очень важные труды Строева въ свое время не были изданы, опубликованы

были уже послѣ его смерти, — какъ сдѣланное Строевымъ описаніе нѣкоторыхъ монастырскихъ библіотекъ [напеч. Барсуковымъ въ изданіяхъ „О-ва любит. др. письменности“,—Спб., 1890], какъ начатый имъ еще въ 1835 году *Библіографическій Словарь*, сохранившіеся матеріалы котораго изданы А. Ѳ. Бычковымъ лишь въ 1882 г. [„Сборникъ Отд. Ак. Н.“, т. XXIX] и нѣкот. др.

П. М. Строеву между прочимъ принадлежали первыя заботы объ учрежденіи особой правительственной экспедиціи для разысканія и собиранія памятниковъ письменности. Мы сейчасъ упомянули объ археографической поѣздкѣ Строева вмѣстѣ съ Калайдовичемъ въ 1817 г., на средства и по порученію гр. Румянцова. Пораженный массой открывшихся передъ изслѣдователями непочатыхъ матеріаловъ, обреченныхъ на забвеніе и почти на глазахъ уничтожавшихся,— Строевъ въ 1823 г., по поводу вступленія своего въ члены „Моск. Общества ист. и древн. россійскихъ“, выступилъ въ засѣданіи Общества съ горячей *рѣчью* о необходимости скорѣйшаго археографическаго путешествія по Россіи для обслѣдованія и описанія находящихся по разнымъ монастырскимъ библіотекамъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, историческихъ и литературныхъ. „Не довольно Москвы для поприща нашей дѣятельности,—говорилъ онъ: пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную! Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить свои занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ,—въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ,—въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество,—въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе!.. Общество исторіи должно извлечь, привести въ извѣстность, и если не само обработать, то доставить другимъ

средства обрабатывать письменные памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы до хребта Уральскаго... Для сего необходимо образовать экспедицію, которая бы обозрѣла, разобрала и съ возможною точностію описала всѣ монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и проч. собранія рукописей"... „Общество" однако осталось равнодушнымъ къ предложенію новаго члена. Но послѣдній не терялъ энергіи, — и въ 1828 г. съ своимъ проэктомъ снова выступилъ предъ президентомъ Ак. Наукъ С. С. Уваровымъ, представивъ при этомъ даже примѣрный *планъ* поѣздокъ и занятій будущей археографической экспедиціи, объемъ расходовъ, съ самой подробной и точной смѣтой. На этотъ разъ хлопоты Строева имѣли успѣхъ, —и въ августѣ 1829 г. археографическая экспедиція открыла свои путешествія по Россіи. Во главѣ предпріятія стоялъ Строевъ съ помощникомъ Я. Бередниковымъ [1798 — 1854]. Разъѣзды продолжались шесть лѣтъ и увѣнчались громадными научными пріобрѣтеніями. Для изданія собранныхъ экспедиціей актовъ и разнаго рода матеріаловъ, —24 дек. 1834 г. учреждена была особая Археографическая Комиссія, продолжающая свои занятія и до сихъ поръ. Сжатый обзоръ найденныхъ экспедиціей грамотъ, актовъ и другихъ многочисленныхъ письменныхъ памятниковъ Строевъ тогда же представилъ въ статьѣ: *Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія* [„Ж. М-ва Н. Пр.", 1834, ч. I, февр., стр. 152—188].

Труды А. Х. Востокова [1781—1864] явились у насъ первыми чисто филологическими и строго научными изученіями въ области нашей старой письменности и языка. Какъ мы замѣтили, уже рано начинаются его изученія памятниковъ старославянской письменности. Какъ результатъ этихъ изученій, Востоковъ печатаетъ въ 1820 году свое

знаменитое *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ* [„Труды Моск. Общ. любит. россійской словесности“, ч. XVII, М., 1820; позднѣе—въ „Уч. Зап. II Отд. А. Н.“, кн. II, вып. I, Спб., 1856, и въ „Фил. Изслѣдованіяхъ“ Востокова, изданныхъ Срезневскимъ, Спб., 1865],—изслѣдованіе, послужившее краеугольнымъ камнемъ для всего дальнѣйшаго развитія славянской филологіи, не только русской, но и западной. Очень небольшое по объему, изслѣдованіе дѣлало эпоху въ наукѣ. Филологическія изысканія впервые ставились на новую научную почву. Востоковъ первый „почти въ одно время съ Гриммомъ, выставилъ историческое начало въ развитіи языка и указалъ основные звуковые пункты, отъ которыхъ идетъ различіе славянскихъ нарѣчій между собою и подлинныя древнія особенности языка церковно-славянскаго... Все содержаніе „Разсужденія“, было новостью не только для русскихъ, но и всюду“ [Срезневскій]. Лучшій авторитетъ того времени по славяновѣдѣнію, Добровскій [† 1829], „ученѣйшій изъ изслѣдователей славянскаго языка, въ то время жившихъ“, былъ такъ пораженъ важностью наблюденій и важностью выводовъ, сдѣланныхъ Востоковымъ, что хотѣлъ прекратить печатаніе своего труда *Institutiones linguae slavicae*, — хотя болѣе 20 листовъ книги было уже отпечатано... Дальнѣйшіе труды Востокова по изученію славянской и древнерусской письменности, окончательно упрочившіе возникавшую науку славяновѣдѣнія, главнымъ образомъ относились къ изданію и описанію древнихъ письменныхъ памятниковъ, славянскихъ и русскихъ, дальнѣйшему изученію славянскаго и русскаго языковъ и составленію церковно-славянскаго словаря. Помимо вышедшаго позднѣе *Словаря церковно славянскаго языка* [2 т., Спб., 1858 — 1861], наиболѣе капитальными трудами здѣсь были изданіе текста *Остромирова Евангелія* [Спб., 1843] и *Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума* [М., 1842]. Къ изданію *Остромирова Евангелія* приложены *Грамматическія*

правила словенскаго языка, извлеченныя изъ изданнаго памятника — матеріалы для грамматики — и словарь. „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Мезеума“ [Спб., 1842] — одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ по изученію нашей старой письменности, сдѣлавшій, можно сказать, эпоху въ изученіи всей вообще нашей древней письменности. „Описаніе 470 румянцевскихъ рукописей, справедливо замѣчалъ Срезневскій, было бы дорогимъ вкладомъ въ нашу библіографическую литературу, если бы составлено было и по тому плану, по какому сдѣлано „описаніе“ толстовскихъ рукописей Калайдовичемъ и Строевымъ, т. е. съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой рукописи. Не то хотѣлъ сдѣлать и сдѣлалъ Востоковъ. Каждая рукопись заняла его сама по себѣ, какъ будто бы она и должна быть осмотрѣна и описана, а другіе нужны были какъ пособіе,—въ каждой замѣтилъ онъ все важное въ отношеніи палеографическомъ, литературномъ и по каждой сдѣлалъ изслѣдованія. Ни одна отдѣльная статья, ни въ одной книгѣ, не упущена изъ виду; очень многія отмѣчены особо, какъ болѣе важныя по содержанію или по языку. Очень многія изъ сочиненій, переведенныхъ съ греческаго, сличены съ подлинникомъ и главные выводы этого сличенія внесены въ описаніе. Выводамъ историческихъ и литературныхъ соображеній также дано должное мѣсто, равно какъ и необходимымъ выпискамъ. Выписки дѣлаются всегда съ буквальной точностью. Нельзя забыть и сжатости изложенія: не написана напрасно ни одна строка“... Трудъ Востокова представлялъ собой тѣмъ болѣе выдающееся значеніе для общаго изученія нашей старой письменности, что онъ былъ первымъ, предпринятымъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, съ такой широкой научной постановкой. По времени появленія это былъ вообще одинъ изъ наиболѣе раннихъ у насъ строго-научныхъ трудовъ по изученію древней русской литературы, и въ этомъ отношеніи представлялъ для тогдашней нашей науки не только чисто

фактическое значеніе, но и значеніе методологическое, — представлялъ собой не только весьма цѣнныя фактическія научныя изслѣдованія по изученію цѣлаго ряда древнихъ литературныхъ памятниковъ, но и вообще указывалъ, какъ эти изслѣдованія должны вестись... Только послѣ появленія труда Востокова, говоритъ Срезневскій, „можно было начать ученую разработку древней литературы русской и вообще русскихъ древностей—не только тѣмъ, которые могли пользоваться Румянцевскимъ Музеемъ, но и всѣмъ другимъ. Работать стало легче, по крайней мѣрѣ надъ тѣми вопросами, по которымъ данныя отмѣчены въ „Описаніи“,—а такихъ вопросовъ затронуто тамъ не мало, потому что и самое собраніе рукописей Румянцева очень разнообразно, и внимательность къ нимъ Востокова была, можно сказать, всесторонняя. При помощи описанія рукописей Востокова, легко всматриваться и въ другія рукописи, не только однородныя, но частью и особеннаго склада: оно научаетъ изучать рукописи и искать въ нихъ новаго“... Сверхъ всего, особенное значеніе трудъ Востокова имѣлъ въ отношеніи палеографическомъ. „Описаніе Рум. Муз.“ полагало, можно сказать, первыя основы славяно-русской палеографіи, — въ полномъ смыслѣ было здѣсь первымъ „краеугольнымъ камнемъ“. Таковымъ въ значительной долѣ оно остается и до сихъ поръ... Нельзя не замѣтить,— несмотря на всю строго-научную спеціальность изданія, его все же коснулась нѣсколько духовная цензура и заставила кое-что выбросить [см. Сухомлинова, Ист. Рос. Академіи, VII, стр. 377—378].

По изученію церковно-славянскихъ памятниковъ не менѣе капитальнымъ трудомъ былъ упомянутый *Словарь церковно-славянскаго языка* [2 т., Спб., 1858—1861]. „Всматриваясь въ этотъ трудъ—писалъ Срезневскій—невольно поражаемся количествомъ и разнообразіемъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены въ немъ слова и выраженія... Никто изъ русскихъ не имѣлъ случая пересмотрѣть такого количества

рукописей, по крайней мѣрѣ древнихъ, и воспользоваться ими въ лингвистическомъ отношеніи... Пользуясь своимъ огромнымъ матеріаломъ, Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая не древнему. Къ готовымъ пособіямъ онъ прибѣгалъ только въ случаяхъ крайности... Все это, заключаетъ Срезневскій—отличаетъ „Словарь“ Востокова отъ всѣхъ другихъ въ такой степени, что и сравнивать ихъ можно развѣ только для того, чтобы доказывать разнообразное богатство его“... „Словарь“ Востокова сохранилъ все свое значеніе и послѣ появленія подобнаго же труда Миклошича [† 1882], вышедшаго въ 1862—1865 гг. [вт. изд.—1871 г.]. По отзыву акад. Ягича,—„и здѣсь превосходныя качества всѣхъ трудовъ Востокова выходятъ наружу въ полномъ блескѣ. Въ то время, какъ Миклошичъ въ своемъ Словарѣ даетъ множество примѣровъ, съ изложеніемъ, доходящимъ вслѣдствіе краткости иногда до полной неудобопонятности,—Востоковъ приводитъ мало примѣровъ, но зато они отличаются всегда точностью и осмысливающею обширностью“... [„Ист. Слав. Филологіи“. Спб., 1910, стр. 221].

Вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, Востоковъ изучаетъ и современный русскій языкъ. Результатомъ этихъ послѣднихъ изученій были двѣ классическія книги: *Сокращенная русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* [Спб., 1831; составлена Востоковымъ по порученію М-ва Нар. Просвѣщенія] и *Русская Грамматика, по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная* [Спб., 1831]. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе двухъ названныхъ книгъ, нужно имѣть въ виду, въ какомъ положеніи находилось у насъ въ то время изученіе русскаго языка. *Россійская Грамматика* [1755] Ломоносова была единственнымъ строго

научнымъ трудомъ у насъ по изученію русскаго языка за все продолженіе XVIII в. До появленія „Россійской Грамматики“ изученія почти совсѣмъ не существовало; послѣ, до самого Востокова—оно пробавляется чаще всего передѣлками, компиляціями, болѣе или менѣе неудачными, того же труда Ломоносова. До появленія на западѣ трудовъ Гримма и Боппа, у насъ Востокова,—въ наукѣ языкознанія господствуетъ мертвенное, узко-грамматическое направленіе, т. н. „практическое“, къ концу нѣсколько разширяющееся возникновеніемъ направленія „всеобщаго“, или „философскаго“. Позднѣйшимъ образчикомъ этого рода филологическихъ изученій у насъ былъ *Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка*, изданный Академіей Наукъ въ 1852 году [Спб., 1852]. Бо́льшая часть нашихъ тогдашнихъ изученій по русскому языку принадлежали именно къ типу этой „практической“ или „филологической“ грамматики,—съ бо́льшими или меньшими заимствованіями изъ грамматики „всеобщей“, или „философской“. Это были два направленія, очень долго господствовавшія въ сферѣ изученія родного языка и у насъ и на западѣ. Творцомъ практической грамматики въ Германіи былъ Готшедъ [† 1766]. У насъ сюда можно причислить филологическія писанія Тредьяковскаго и Сумарокова; позднѣйшимъ представителемъ этого направленія у насъ былъ Гречъ,—на учебникахъ котораго воспитались цѣлыя поколѣнія. Учебники Греча стали выходить съ половины 20-хъ гг., и лишены всякой самостоятельности. Да и вообще Гречъ никогда не былъ сколько-нибудь серьезнымъ научнымъ изслѣдователемъ. Только полная ничтожность науки и педагогической критики давали возможность нѣкоторымъ изъ его произведеній выдерживать до двадцати изданій!.. Это былъ самый немудреный компиляторъ, преслѣдовавшій исключительно практическія цѣли. Гречъ компилируетъ и Ломоносова и грамматику Россійской Академіи и Востокова и общія философскія грам-

матики, — все соединяетъ въ одно, компилируетъ чисто механическимъ образомъ, часто не понимая и извращая оригиналы. „По части фонетики, какъ и въ отношеніи къ языку вообще, онъ выводитъ свои положенія чисто механическимъ образомъ, безъ всякаго углубленія въ предметъ и самостоятельныхъ наблюденій". Сравнительно съ „Грамматикой" Ломоносова, измѣняя и подновляя форму изложенія, Гречъ обыкновенно „не только не подвигаетъ дѣло впередъ, но напротивъ скорѣе затемняетъ его". Позднѣе, вводя въ свои учебники нѣкоторые выводы Востокова, Гречъ „часто впадаетъ въ противорѣчія, путаницу понятій и явныя несообразности". Вообще, продолжаетъ Гротъ, — грамматическія произведенія Греча, хотя въ теченіе десятковъ лѣтъ постоянно переиздавались и перекраивались, мало улучшались внутренно. Въ нихъ вообще мало настоящаго примѣненія современныхъ научныхъ изученій русскаго языка. Гречъ чаще и больше всего пользуется общими, философскими грамматиками,—полною рукою черпая изъ Бернгарди [*Sprachlehre*, 1803], Сильвестра де Саси [*Principes de grammaire générale*, 1815] и др.—и оставляя совершенно въ сторонѣ научное изученіе особенностей и законовъ языка собственно русскаго... Филологическіе труды Востокова, послѣ „Грамматики" Ломоносова, были первымъ серьезнымъ обращеніемъ именно къ такому изученію. Составленная имъ „Грамматика" отличалась совершенно другимъ характеромъ, сравнительно съ компиляціями Греча. Послѣ *Россійской Грамматики* Ломоносова, *Русская Грамматика* Востокова являлась первымъ строго научнымъ трудомъ въ области русскаго языка, предпринятымъ и выполненнымъ на почвѣ пріемовъ и взглядовъ позднѣйшаго языкознанія. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Востоковъ держится преимущественно историческаго начала. Отъ чисто лингвистическихъ сближеній и сопоставленій онъ чаще всего уклоняется; но дѣлаемыя имъ сближенія обыкновенно отличаются вѣрностью

и обнаруживаютъ въ немъ глубокаго и тонкаго лингвиста. „Въ *Грамматикѣ* Востокова, писалъ Срезневскій—въ первый разъ высказаны были выводы, сдѣланные вслѣдствіе перебора всего состава русскаго языка и безъ увлеченій впередъ заданными взглядами“... Прежнее, старое, правда, еще замѣтно сказывалось; но общая, основная почва изслѣдованія была уже другая. Да и то, что́ можно назвать въ трудѣ Востокова остаткомъ стараго,—сказывалось скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. По нерѣшительности, ученой осторожности, Востоковъ нерѣдко по многимъ вопросамъ умалчиваетъ, не касается ихъ,—не желая своимъ изложеніемъ и взглядомъ слишкомъ рѣзко противорѣчить взглядамъ и понятіямъ господствующимъ, укоренившимся. „Слабыя стороны его Грамматики, говоритъ Срезневскій — зависѣли почти исключительно отъ дѣйствія силъ надъ нимъ тяготѣвшихъ: отъ привычныхъ взглядовъ и ожиданій того времени. Податливость его характера позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что́ ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что́ зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ, — какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ. Изъ этого запаса самостоятельныхъ выводовъ онъ далъ мѣсто въ своей грамматикѣ только тому, что́ казалось ему необижавшимъ привычекъ, не ставившимъ его въ борьбу со всѣми... Осторожность заставила его въ русской грамматикѣ дать мало-видное мѣсто языку простонародному и языку древне-славянскому; осторожность заставила его объяснять звуковую сторону языка русскаго въ границахъ привычнаго правописанія и т. д.“. Главное значеніе русскихъ грамматическихъ изученій Востокова состояло въ обращеніи къ реальному, фактическому обслѣдованію самого матеріала. Изученія не имѣли еще должной широты и свободы, но общій путь, по которому они направлялись, былъ вѣрный, строго научный,—путь точнаго изученія,

въ связи съ языкомъ письменныхъ памятниковъ, живого народнаго языка... Труды Востокова здѣсь непосредственно предшествовали филологическимъ трудамъ Буслаева.

Рядомъ съ положительными, фактическими изученіями названныхъ ученыхъ, м. Евгенія, Калайдовича, Востокова и др.,— весьма важное и въ общемъ ходѣ нашихъ историко-литературныхъ изученій чрезвычайно благотворное значеніе имѣла возникшая у насъ въ половинѣ 30-хъ гг. такъ наз. скептическая школа. Представителемъ ея главнымъ образомъ былъ проф. М. Т. Каченовскій [† 1842]. Появленіе въ нашихъ историческихъ изученіяхъ скептицизма объяснялось вліяніемъ блестящихъ открытій Нибура: его пріемы изученія римской исторіи были примѣнены и къ исторіи русской, а также къ письменнымъ памятникамъ древнерусской литературы. Самъ Каченовскій писалъ мало; но взгляды его вызвали цѣлый рядъ послѣдователей, создали „школу“, — въ ряду „скептиковъ“ очутились и такіе, какъ П. М. Строевъ. Какъ мы сейчасъ замѣтили, появленіе скептической школы въ общемъ было чрезвычайно благотворно. Рѣзкія, часто совершенно необоснованныя и огульныя нападки „скептиковъ“ заставили болѣе внимательно, болѣе строгимъ и научнымъ образомъ пересмотрѣть рядъ вопросовъ, принимавшихся до того времени на вѣру, вообще вызвали цѣлый рядъ весьма серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, какъ въ области древней русской исторіи, такъ и въ отношеніи къ памятникамъ собственно древнерусской письменности. Въ опроверженіе скептическихъ нападокъ, напр., на *Несторову Лѣтопись*,—появляются капитальныя изслѣдованія Буткова и Погодина; цѣлый рядъ детальныхъ изученій предпринимается въ отношеніи къ *Слову о полку Игоревѣ* и т. д. И вообще, въ виду скептическихъ нападокъ, научныя заключенія дѣлаются съ бо́льшей осмотрительностью, изысканія и изслѣдованія получаютъ несравненно бо́льшую глубину. Такой именно характеръ болѣе

тщательныхъ, детальныхъ изученій имѣютъ относящіяся къ концу 30—нач. 40 гг. изслѣдованія Погодина, Дубенскаго, Кубарева, Ундольскаго, того-же Строева, Бѣляева, Максимовича, Шевырева,—начинающіяся ок. этого времени изслѣдованія Буслаева и т. д. и т. д. Труды выступающихъ за это время ученыхъ не только значительно разширяютъ фактически изучаемые матеріалы, но и ставятъ ихъ на почву несравненно болѣе широкихъ филологическихъ изученій письменности не только древнерусской, но и старо-славянской, отчасти даже памятниковъ византійскихъ. Особенно цѣннымъ было привлеченіе обширнаго матеріала рукописнаго,—дѣлавшагося извѣстнымъ только теперь...

Рядомъ съ значительнымъ расширеніемъ изученій старины письменной, книжной, — одновременно дѣлаются болѣе широкими изученія и старины поэтической, устно-народной.

Появленіе въ печати *Кирши Данилова* значительно усиливаетъ возникшій у насъ уже къ концу XVIII-го вѣка живой интересъ къ непосредственнымъ, подлиннымъ произведеніямъ русской народной поэзіи. Какъ-то разомъ необычайно усиливаются собиранія и записыванія этихъ произведеній. Памятниками непосредственнаго народнаго творчества начинаютъ интересоваться поэты, писатели,—Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ. Къ этимъ первымъ любителямъ скоро примыкаютъ первыя серьезныя собиранія памятниковъ народной поэзіи, предпринимаемыя Кирѣевскимъ, а равно одновременно начинающіяся съ этимъ собиранія народныхъ памятниковъ и опыты ихъ изученія Сахарова, Терещенко, Снегирева. Обширное собраніе Кирѣевскаго встрѣтило препятствія со стороны цензуры, ставившей между прочемъ на видъ, что „народныя суевѣрія и фальшивыя преданія не имѣютъ въ научномъ отношеніи никакого значенія“—и явилось въ печати лишь въ 60-хъ г., когда наши

народныя изученія приняли уже широкую научную постановку; но и труды Терещенка, Сахарова, Снегирева представляли уже гораздо бо́льшее умѣнье пользоваться „подлинными“ памятниками народной поэзіи, всей народной поэтической старины, чѣмъ относившіяся къ концу предшествовавшаго вѣка изданія Чулкова, Львова и др. Не говоримъ о томъ, что теперь, въ трудахъ этихъ болѣе позднихъ собирателей, впервые дѣлались доступными научному изслѣдованію огромныя массы совершенно свѣжаго, еще непочатаго народно-поэтическаго матеріала.

Наиболѣе раннія изданія Сахарова [1807 — 1863] начали появляться съ 30 гг. и быстро слѣдовали одно за другимъ,—закончившись въ 1841 году выходомъ перваго тома знаменитыхъ *Сказаній русскаго народа* [т. I, Спб., 1841; т. II вышелъ лишь въ 1849 г.]. Здѣсь собраны были отчасти прежнія, болѣе раннія изданія Сахарова, отчасти новые матеріалы. Какъ широко было поставлено изданіе, показываютъ и вышедшіе два тома; какъ широко оно было задумано составителемъ, — видимъ изъ предисловія къ первому тому, гдѣ Сахаровъ излагаетъ планъ дальнѣйшихъ, намѣченныхъ имъ работъ. Планъ поражалъ своей обширностью!.. По этой программѣ все изданіе расчитывалось на семь томовъ. Въ III-й томъ должно было войти: Русская народная демонологія. — Словари русскихъ областныхъ нарѣчій. — Русскія нар. охоты.—Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи.— Въ IV-ый: Русская нар. символика. — Лѣтопись русской библіографіи.—Русскія нар. повѣрья и примѣты.—Русскія нар. пословицы. Въ V-ый томъ: Лѣтопись древнихъ искусствъ и художествъ.—Лѣтопись славяно-русскихъ типографій. —Лѣтопись русской литературы.—Русскія нар. сказки. Въ VI-ой: Записки русскихъ людей.—Обозрѣніе русскихъ гербовъ и печатей.—Русскія народныя одежды. — Въ VII-ой: Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ.—Лѣтопись русской нумизматики. — Образцы великорусскихъ, бѣлорус-

скихъ и малорусскихъ нарѣчій.—Славянорусская миѳологія.—Русскіе разрядные списки. Наконецъ, въ концѣ всего слѣдовали приложенія и указатели. Изданія Сахарова, особенно въ виду столь широкаго плана дальнѣйшихъ томовъ, были приняты тогдашней критикой съ восторгомъ. По словамъ Бѣлинскаго, — и читатели и критика „были изумлены огромностью труда“. Въ отзывѣ о I-мъ томѣ „Сказаній“ Бѣлинскій называетъ эту книгу „сокровищницей положительныхъ свѣдѣній о разныхъ фазахъ прежней русской жизни“. Это была дѣйствительно „цѣлая энциклопедія для изученія народности и старины,—до того времени еще ни кѣмъ не начертанная въ такихъ широкихъ рамкахъ“. Важной заслугой было и то общее возбужденіе, которое производила книга на читателей. „Сказанія“ вызывали особенный интересъ къ изученію народной жизни, ея поэзіи, ея быта, всѣхъ остатковъ родной старины,—и въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше отвѣчали инстинктивнымъ, давно назрѣвшимъ потребностямъ общества. „Стремленіе изучать народъ было въ воздухѣ“... „Кто жилъ въ то время, не чуждаясь литературы, вспоминалъ Срезневскій—тотъ знаетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное книгами Сахарова, особенно книгами „Сказаній русскаго народа“,—не только между любителями старины и народности, но и вообще въ образованномъ кругу. Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское читающее общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель. Не поразилъ онъ основательною ученостью, не поразилъ многообразіемъ соображеній; но множество собранныхъ имъ данныхъ было такъ неожиданно велико и по бо́льшей части для многихъ такъ ново, такъ кстати въ то время, когда въ русской литературѣ впервые заговорили о „народности“, и притомъ же увлеченіе ихъ собирателя, высказавшееся во вводныхъ статьяхъ, было такъ искренно и рѣшительно, что остаться въ числѣ равнодушныхъ было трудно“... [Воспоминаніе объ И. П. Сахаровѣ,

Срезневскаго,—„Уч. Зап. Ак. Н.“, 1864, кн. 2, стр. 239—244]... Эти первыя впечатлѣнія, столь благопріятныя для издателя, однако довольно скоро прошли. При первомъ впечатлѣніи особенно цѣнными казались тѣ пріемы, повидимому, строго научные, которыхъ, судя по его словамъ, издатель держался при собираніи и изданіи памятниковъ народнаго творчества,—и за отсутствіе которыхъ издатель съ такой безпощадностью нападалъ на своихъ предшественниковъ XVIII в. Эту сторону труда Бѣлинскій, напр., ставилъ въ особенную заслугу издателю. Послѣдующая критика однако уже очень скоро убѣдилась, что „всевозможная точность и вѣрность“ издателя, на которую указывалъ Бѣлинскій,—въ дѣйствительности была весьма относительной. Оказалось, что Сахаровъ, суровый обличитель искаженія пѣсенъ, самъ ни мало не стѣсняясь подправлялъ ихъ,—искажалъ размѣръ пѣсенъ, подгоняя подъ риѳму, измѣнялъ слова, вставлялъ цѣлые стихи. И такія искаженія попадались „на каждомъ шагу“. Ранѣе другихъ указанія этого рода сдѣланы были А. Григорьевымъ [„Москвитянинъ“, 1854, № 15, критика, стр. 93—142]; позднѣе искаженія и поддѣлки, сдѣланныя Сахаровымъ, со всей очевидностью обнаружены Безсоновымъ [см. въ изданіи „Пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ“, напр. вып. 8, М., 1870, стр. 28, 67, 68, 88 и мн. др.]. Столь ненаучными оказались и теперь — къ нач. 40-хъ гг. — въ нашей наукѣ пріемы собиранія и изученія этнографическаго матеріала!.. Что касается собственно теоретическихъ соображеній Сахарова, его попытокъ къ научнымъ объясненіямъ и толкованіямъ,—эта сторона трудовъ Сахарова и въ самомъ началѣ для очень многихъ не казалась особенно высокой. Такихъ людей, какъ Срезневскій, издатель и въ самомъ началѣ „не поразилъ ни основательною ученостью, ни многообразіемъ соображеній“. Для многихъ очевидной была хаотичность и самаго плана, гдѣ подъ „сказанія народа“ подведены многія такія произведенія литературы, которыя „ни въ какомъ смыслѣ не подходили

подъ это понятіе"... Нѣтъ нужды говорить, что недостатки изданій Сахарова были вообще недостатками всего тогдашняго состоянія науки, и не только нашей, но отчасти и западной. „Наклонность къ поддѣлкѣ повторяется и у другихъ собирателей той эпохи. Одно подлинно народное не удовлетворяло; при ограниченности размѣровъ перваго собиранія, его и мало еще знали, между тѣмъ хотѣлось видѣть это народное болѣе полнымъ и совершеннымъ... Надо прибавить, что иногда поддѣльщики, вѣроятно, и не сознавали фальшивости своихъ дѣйствій: народное казалось еще литературнымъ матеріаломъ, который можетъ быть исправленъ и усовершенствованъ... Да и сами по себѣ пріемы изученія были выяснены такъ мало, что часто приходилось „идти ощупью, и наугадъ" [Пыпинъ, Ист. рус. этнографіи, I, 313].

Еще менѣе цѣннымъ — и какъ матеріалъ и съ теоретической, научной стороны — былъ сборникъ Терещенка: *Бытъ русскаго народа* [7 частей, Спб., 1848], съ внѣшней стороны также поражавшій своей обширностью. Вотъ содержаніе сборника: Часть I: Народность. Жилища. Домоводство. Нарядъ. Образъ жизни. Музыка. Часть II: Свадьбы. Часть III: Времясчисленіе. Крещеніе. Похороны. Поминки. Дмитріевская суббота. Часть IV: Игры. Хороводы. Часть V: Простонародные обряды,—первое марта; встрѣча весны; красная горка; радуница; запашка; кукушка; купало; ярило; обжинки; бабье лѣто; братчины. Часть VI: Обрядные праздники. Недѣля Ваій. Пасха. Русальная недѣля. Семикъ. Троицынъ день. Первое апрѣля. Первое мая. Часть VII: Святки. Масляница.—Книга была составлена съ большимъ усердіемъ, но безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, иногда даже не совсѣмъ грамотно. Собирателемъ былъ чиновникъ, лишенный всякой серьезной подготовки. Матеріалъ, на первыхъ порахъ своей новизной привлекшій было къ себѣ вниманіе ученыхъ, уже скоро оказался собраннымъ крайне ненаучно, безъ всякой критики... Важной заслугой сборника Терещенко,

хотя чисто внѣшней и отъ него нисколько не зависѣвшей, было появленіе вызванное имъ обширной статьи Кавелина [„Современникъ“, 1848, IX, 1—49; X, 85—139. „Собр. соч.“ IV, 3—201], написанной въ видѣ рецензіи на книгу Терещенко и представлявшей собою первую попытку у насъ строгаго, чисто научнаго изученія собиравшагося и отчасти уже собраннаго этнографическаго матеріала. Кавелинъ здѣсь впервые научнымъ образомъ освѣтилъ историческое значеніе русскаго народнаго быта,—и впервые высказалъ взглядъ на общій характеръ произведеній народнаго творчества, позднѣе вполнѣ принятый наукой. „Наши простонародные обряды, примѣты и обычаи, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ—писалъ Кавелинъ—очевидно сложились изъ разнородныхъ элементовъ и въ продолженіе многихъ вѣковъ. Все, что имѣло на Россію болѣе или менѣе продолжительное вліяніе извнѣ, всѣ эпохи ея внутренняго историческаго возрастанія проводили какую-нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя къ нимъ новое, измѣняя, уничтожая или переиначивая старое. Вслѣдствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки, наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому, безсвязное сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками, памятники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ-бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порожденіе единой творческой мысли. Чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ, съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, вну-

треннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критика должна найти ключъ къ этимъ ископаемымъ исчезнувшаго историческаго міра"... Ключъ этотъ отыскать трудно, но все же возможно. По мнѣнію автора,—„въ основаніи всѣхъ первобытныхъ вѣрованій, обычаевъ, торжественныхъ, обрядовыхъ дѣйствій и словъ непремѣнно лежитъ естественный или бытовой фактъ. Въ младенчествѣ и человѣкъ и народъ возводятъ на степень непреложныхъ истинъ не аксіомы духовнаго, нравственнаго міра, а явленія и дѣйствія внѣшнія, непосредственныя, подлежащія чувствамъ. Такъ и славяне-язычники. Ихъ древнее богослуженіе, ихъ религіозныя вѣрованія указываютъ на обожаніе природы, ея силъ, явленій, и тѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыхъ древній славянинъ не умѣлъ устроить и опредѣлить правильнымъ, разумнымъ образомъ, и потому предоставлялъ на произволъ случая. Къ этимъ двумъ категоріямъ сводится весь славянскій Олимпъ, такой же грубый, непосредственный и неправильный, какъ среда, въ которой онъ образовался... Приходятъ ли, по нашимъ свадебнымъ обрядамъ, сваты съ посохомъ и ведутъ рѣчь съ родителями невѣсты, какъ будто чужіе, никогда не слыхавшіе о нихъ—хотя и живутъ дворъ объ дворъ—вѣрьте, что эти теперь символическія дѣйствія были когда-то, въ отдаленной древности, событіями, живыми фактами ежедневной жизни. Плачетъ ли невѣста по волѣ, выражаетъ ли свадебная пѣснь ея неохоту, страхъ ѣхать въ чужую, незнакомую сторону—эти символы были тоже въ старину живой дѣйствительностью и въ этомъ значеніи являются однимъ изъ самыхъ богатыхъ историческихъ источниковъ. Думаетъ ли народъ, что на распутіяхъ водится лихой человѣкъ—вѣрно когда нибудь это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Какая драгоцѣнная черта для древнѣйшей общественности! Словомъ, ищите въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ—былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и

вы откроете цѣлый историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ, ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ"... Замѣчательная статья Кавелина стояла на почвѣ уже новыхъ, начинавшихся у насъ съ 40 хъ гг. научныхъ изученій. Высказанный взглядъ не имѣлъ, къ сожалѣнію, большого примѣненія въ дальнѣйшихъ изученіяхъ нашихъ народныхъ вѣрованій, обрядовъ, повѣрій...

Гораздо выше изданій Сахарова и Терещенка стояла книга Снегирева: *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды* [М., 1838—1839, 4 части], предпринятая по мысли м. Евгенія Болховитинова. Книга Снегирева была первымъ замѣчательнымъ трудомъ по русской миѳологической древности, обнаруживавшимъ въ своемъ авторѣ взгляды несравненно болѣе научные. Книга начинается обширнымъ введеніемъ, посвященнымъ подробному очерку славяно-русской миѳологіи, въ связи съ миѳическими представленіями другихъ европейскихъ и восточныхъ народовъ. Авторъ такъ выражаетъ основной взглядъ на свой предметъ: „Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, говоритъ онъ, къ сближенію людей и народовъ, однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники, съ относящимися сюда суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества,—они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ астрономіи, естествовѣдѣніи, нравственности,—его вѣрованія, исторію, поэзію... Бо́льшая часть праздниковъ народныхъ, продолжаетъ онъ, родилась въ древнемъ язычествѣ. Имѣя тѣсную связь съ внѣшней природой и внутренней жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой

древности, входятъ въ составъ его исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намекаютъ на коренной бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются миѳами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ". Народные праздники авторъ дѣлитъ на „отечественные и заимствованные отъ чуждыхъ племенъ, съ коими сближались славяне въ предъ-историческія и историческія времена". Чтобы указать самостоятельные и заимствованные элементы въ нашихъ нар. преданіяхъ, обрядахъ, праздникахъ, авторъ дѣлаетъ сравнительное обозрѣніе славяно-русской миѳологіи въ связи съ миѳологіями другихъ народовъ, стараясь указать въ первой сходныя, родственныя или прямо заимствованныя черты. Авторъ понимаетъ свой предметъ весьма широко. Онъ указываетъ сходныя черты у славянъ съ народами Востока,— особенно индійцами; говоритъ о перенесеніи къ славянамъ повѣрій, обычаевъ и рѣченій греческихъ; отмѣчаетъ такой же переходъ къ намъ разныхъ повѣрій и обычаевъ отъ римлянъ; говоритъ о сходствѣ славянской миѳологіи, обрядовъ, народныхъ праздниковъ „во многихъ чертахъ" съ миѳологіею и обрядами скандинавскими, говоритъ о близости слав. миѳологіи съ литовской, нѣмецкой, о заимствованіи у финновъ и т. д. Изысканія дѣлаются весьма подробныя; нѣкоторыя части изслѣдованія являются какъ-бы самостоятельными монографіями. Но научнаго во всѣхъ этихъ сближеніяхъ, особенно съ современной точки зрѣнія, весьма немного! Произвольность сопоставленій, личный вкусъ автора играютъ главную роль въ изслѣдованіяхъ,—особенно, напр., гдѣ авторъ говоритъ о родствѣ славянской миѳологіи съ миѳологіями индійцевъ, грековъ, римлянъ... Сближенія ограничиваются по бо́льшей части самыми общими, неопредѣленными чертами; нерѣдко вовсе не имѣютъ къ тому никакихъ основаній; иногда являются прямо наивными... По мнѣнію напр. нашего миѳолога, „въ богоученіи восточныхъ индійцевъ встрѣчается сла-

вянскій Перунъ"... „Кто не узнаетъ, замѣчаетъ онъ—въ индійскомъ Копалѣ-покаянникѣ нашего Купалу?... Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра—у индійцевъ называется ямою [*Vama*], священныя игры 1 апрѣля—*гулями* [*houli, huli, holaca*], *гулючками*?"... Въ доказательство тѣсной близости нашей миѳологіи съ греческою, авторъ замѣчаетъ между прочимъ, что „самое слово *игра* однородно съ греческимъ *ὑγρὰ*, а словно *хороводъ*—еллинскаго происхожденія, отъ *χορός*—хоръ, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγω* веду"... Вліяніе скандинавской миѳологіи на нашу авторъ видитъ въ томъ, что *Vali—a'ss* слился съ *Волосомъ*, сканд. *Белъ* перешелъ въ *Бѣлбога*, а „*Одинъ* или *Водинъ*, вѣроятно, преобразился въ *Водяного*"... Говоря о сходствѣ народныхъ преданій, обрядовъ, — авторъ видитъ причину этого сходства чаще всего въ механическихъ заимствованіяхъ одного народа у другого. Такъ, по поводу взаимныхъ отношеній нѣмецкой миѳологіи къ славянской, изслѣдователь замѣчаетъ: „Нѣмцы и славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляютъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовался; но, вѣроятнѣе, первые отъ послѣднихъ"... Впрочемъ, по мѣстамъ, авторъ выражаетъ и другіе взгляды. Такъ, дѣлая общіе выводы о значеніи народныхъ праздниковъ, онъ говоритъ: „Отечественныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники—его вѣрованьямъ и миѳамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными; такъ въ праздникахъ и обрядахъ у славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по бо́льшей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ

племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ,—то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и протекая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растеній разносятся часто вѣтромъ на чуждую имъ почву, такъ и повѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перерождаясь принимаютъ особенные виды и цвѣты" [I, стр. 231—232]. Кромѣ миѳологическаго, изслѣдователь указываетъ въ древнихъ народныхъ праздникахъ, обрядахъ и другой элементъ, гораздо болѣе поздній. „Не всѣ народные праздники и повѣрья, замѣчаетъ онъ,—родились въ эпоху языческую славяно-руссовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка русскаго христіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ, шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ. Остатки послѣдняго истреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣтные, отеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ"...

Отъ миѳологическихъ представленій авторъ переходитъ къ главному своему предмету, — русскимъ народнымъ праздникамъ. Авторъ подробно останавливается на описаніи многочисленныхъ обрядовъ, связанныхъ съ этими праздниками, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, присоединяя къ своимъ описаніямъ нерѣдко довольно значительное количество самыхъ *пѣсенъ*, пріурочивающихся народомъ къ

тому или другому празднику, описанія игръ, соединяющихся съ пѣснями, и т. д. и т. д. Вообще книга Снегирева чрезвычайно богата разнообразнымъ этнографическимъ матеріаломъ, и въ этомъ отношеніи не утратила значенія и теперь. Любопытны отдѣльныя мѣста книги, отдѣльныя замѣчанія и мнѣнія, высказываемыя авторомъ, дѣлаемыя имъ научныя сопоставленія,—какъ характеристика его научныхъ воззрѣній и пріемовъ изслѣдованія. Но вообще авторъ приступаетъ къ задачѣ уже съ значительной научной подготовкой. Ему извѣстны труды Шлегеля, Ваксмута, Отфрида Мюллера; онъ сожалѣетъ, что не можетъ пользоваться только что выходившими тогда изслѣдованіями Гримма, Шафарика; для автора уже понятны тѣсныя связи народнаго обычая съ древнѣйшимъ бытомъ, остаткомъ котораго онъ является и т. д. Вообще у Снегирева „нѣтъ уже прежняго грубаго произвола миѳологическихъ толкованій; но у него нѣтъ еще и правильныхъ филологическихъ пріемовъ,— онъ все еще черезчуръ легко поддается внѣшнимъ сходствамъ и созвучіямъ и строитъ на нихъ миѳологическіе выводы“ ..

Болѣе спеціальнымъ и нѣсколько болѣе раннимъ трудомъ Снегирева была книга: *Русскіе въ своихъ пословицахъ* [4 ч., М., 1831—1834]. Первый выпускъ посвященъ общему изслѣдованію; три слѣдующихъ представляютъ сборникъ пословицъ, съ коментаріями. Въ общемъ изслѣдованіи авторъ говоритъ о происхожденіи пословицъ, о пословицахъ у евреевъ, грековъ, римлянъ, у новыхъ европейскихъ народовъ, у славянскихъ племенъ; далѣе — объ иностранныхъ источникахъ русскихъ пословицъ, объ отношеніи пословицъ и поговорокъ къ словесности вообще и т. д. И здѣсь, въ этомъ трудѣ Снегирева, заслуживали вниманіе какъ обширность впервые собраннаго матеріала, такъ и первые попытки къ его изученію. Къ названному труду непосредственно примыкаютъ болѣе позднія изданія Снегирева: *Русскія народныя пословицы и притчи* [М., 1848] и

Новый сборникъ русскихъ пословицъ и притчей, служащій дополненіемъ къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 г. [М., 1857]. Весьма важное значеніе не только для своего, но и гораздо болѣе поздняго времени, имѣлъ также трудъ Снегирева *О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа* [М., 1844; второе изд.—М., 1861], вопросомъ о которыхъ авторъ занимался съ давняго времени [первыя статьи Снегирева о лубочныхъ картинкахъ печатались еще въ 20-хъ гг., — въ „Отеч. Зап.“, въ „Трудахъ Общ. люб. росс. сл.“, „Москвитянинѣ“ и др.]. Позднѣйшій изслѣдователь этой области, Д. А. Ровинскій замѣчаетъ, что статьи Снегирева о народныхъ картинкахъ оказали ему „особенную помощь“; по отзыву Ровинскаго, это—„истинное сокровище“ для людей занимающихся такимъ вопросомъ. Въ этихъ статьяхъ, кромѣ полнаго перечня картинокъ, „заключается еще чрезвычайное множество историческихъ свѣдѣній и обиходныхъ замѣтокъ, которыя могутъ быть собраны и записаны только такимъ практическимъ маститымъ археологомъ-старожиломъ, какимъ считался въ нашей Москвѣ И. М. Снегиревъ“... [Ровинскій, Русскія нар. картинки, Спб., 1881, I, стр. VI—VII].

Несмотря на общую научную слабость, примитивность, труды Сахарова, Снегирева, отчасти и Терещенка, имѣли въ высокой степени важное значеніе для нашей тогдашней этнографической науки. Эти труды полагали первыя основанія русской этнографіи, — изученію народнаго быта, миѳологіи, всей области народной поэтической старины. Вообще это были первые твердые шаги въ изученіи русской „народности“. Въ трудахъ названныхъ дѣятелей народная старина, народный бытъ, поэзія, преданія впервые въ такой массѣ дѣлались извѣстными; народно-поэтическое достояніе впервые захватывалось изученіемъ въ самомъ широкомъ объемѣ. Къ сожалѣнію, теоретическая мысль этихъ первыхъ изслѣдователей еще очень слаба! Взглядъ на предметъ чаще

всего поражаетъ отсутствіемъ элементарной критики, — или принимаютъ иногда характеръ чисто романтическій, фантастическій, какъ у Вадима Пассека [† 1842: *Путевыя Записки*. М., 1834. — *Очерки Россіи*. 5 ч., Спб., 1838 — М., 1842, и др.]... „Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій, замѣчаетъ историкъ — не было; теорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи; изученіе было эмпирическое; западная, т. е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна, — и еще только начиналась"... [Пыпинъ].

„Никакой опредѣленной системы" не было, какъ мы видѣли, и въ сферѣ изученій памятниковъ письменности. И здѣсь, въ основѣ, „теорія" была на степени „инстинкта", „догадки", — чаще всего всецѣло стояла на почвѣ или старыхъ, уже давно проникшихъ къ намъ съ запада, взглядовъ эстетическихъ, — или только что начинавшихъ теперь проникать съ запада же, возникшихъ тамъ къ концу XVIII в., новыхъ теченій романтизма. Эстетика господствовала особенно прочно... „Канунъ" нашихъ „сороковыхъ годовъ" тѣмъ не менѣе все же замѣтно уже сказывался. Въ нѣкоторыхъ фактахъ нашихъ научныхъ изученій 20-хъ — 30-хъ гг. передъ нами уже могущественно готовится почва для воспріятія новыхъ приближавшихся научныхъ взглядовъ: изъ-за старой „эстетики" уже быстро пробивается „исторія"... Прежде чѣмъ перейти къ нашимъ „сороковымъ годамъ" — мы остановимся нѣсколько на этихъ явленіяхъ.

III.

Теоретическіе взгляды русскихъ критиковъ на „литературу" въ концѣ XVIII — нач. XIX вв. — Первыя вѣянія западнаго „романтизма": статья Анастасевича. — Бѣлинскій, какъ представитель „эстетической" точки зрѣнія: его взгляды на народную поэзію. — *Опытъ краткой исторіи русской литературы*, Н. Греча. — *Исторія древней русской словесности*, Максимовича. — *Исторія русской словесности, преимущественно древней*, Шевырева. — Взгляды Шевырева на памятники народной поэзіи.

„Исторіи литературы", въ смыслѣ болѣе или менѣе связнаго историческаго изложенія литературныхъ памятни-

ковъ, не существовало у насъ не только въ XVIII, но долгое время и въ XIX вѣкахъ. Самое слово *литература* появляется въ русскомъ языкѣ, кажется, около полов. XVIII столѣтія, и долгое время не пріобрѣтаетъ права гражданства. До самаго конца XVIII в. слово это чаще всего замѣняется словами: *стихотворство, краснорѣчіе, изящныя письмена*, или просто *письмена, письменность*. На первыхъ порахъ съ этимъ словомъ соединяется понятіе крайне неопредѣленное, — оно то сближается съ „наукой", „просвѣщеніемъ вообще", то низводится до степени „грамотность"; позднѣе отожествляется съ приведенными сейчасъ словами: „стихотворство", „изящныя письмена"... *Стихотворчество, стихотворческій* — обыкновенно замѣняли и нынѣшнія: „поэзія", „поэтическій"... Въ нашихъ критическихъ отзывахъ и рецензіяхъ половины и конца XVIII вѣка — самыя обычныя выраженія: „нѣсколько строфъ можно признать за стихотворческія...", „почти всѣ строфы наполнены хорошимъ стихотворствомъ" и т. п. Карамзинъ въ „Московскомъ Журналѣ" [1791—1792], кажется, первый сталъ употреблять слово *литература* въ смыслѣ „изящной словесности по преимуществу" [см. у Сухомлинова: О трудахъ по ист. русской литературы. „Ж. М. Н. Пр.", 1871, іюль, стр. 147 sqq.]. Въ статьяхъ Карамзина уже нерѣдко встрѣчаемъ выраженія: „россійская литература"...; „науки и литература"...; „древняя и новая литература" и т. п. Вообще съ этого времени слово *литература* входитъ у насъ болѣе или менѣе въ общее употребленіе, — хотя еще долгое время отожествляется съ словами: *словесность, письменность*... Самые взгляды на „литературу" — исключительно эстетическіе. Во все продолженіе XVIII вѣка, долгое время и въ XIX — на памятникъ „литературный" у насъ смотрятъ исключительно съ точки зрѣнія эстетики. Не возникало самой мысли о какомъ-либо „историческомъ" его значеніи! Университетскія лекціи по русской литературѣ обыкновенно состояли въ чтеніи отрывковъ изъ „образцовыхъ" писателей, — при чемъ подъ произведеніями „литературы", „словесности", разумѣли собственно произведенія поэзіи,

краснорѣчія и исторіи. Самые отрывки совершенно терялись среди подобныхъ же отрывковъ изъ писателей „классическихъ“, т. е. греческихъ и латинскихъ. Литература русская и не выдѣлялась изъ ряда другихъ; „исторія литературы“ замѣнялась теоріей словесности, — и въ университетахъ полагался собственно „профессоръ элоквенціи“... Эстетическая теорія Баумгартена [† 1762] уже рано дѣлается извѣстной и у насъ. Шварцъ, сотрудникъ Новикова, уже пользуется сочиненіями Баумгартена. Во второй половинѣ XVIII вѣка эстетика признается у насъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ высшаго образованія. Въ *планѣ университетскаго преподаванія*, выработанномъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, эстетикѣ отводится одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. „Предметъ ея, говорится здѣсь,—возвышеніе духа, образованіе вкуса и развитіе стремленій къ истинному и прекрасному“. По *университетскому уставу 1804 года*, каѳедра исторіи русской литературы называется каѳедрой „краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка“. Лишь *уставомъ 1835 года* въ русскіе университеты впервые вводится „россійская словесность и исторія россійской литературы“. Эстетическая точка зрѣнія—общая почва, на которой стоятъ наши историко-литературныя изученія почти до самыхъ 30—40-хъ годовъ XIX столѣтія, до знакомства русскихъ изслѣдователей съ взглядами Гримма. Шторхъ, Сопиковъ, Кеппенъ смотрятъ на задачи исторіи литературы съ чисто библіографической точки зрѣнія: имѣютъ въ виду собственно не „исторію литературы“ народа, а его литературную, или вообще письменную производительность. Ихъ интересуетъ книга сама по себѣ; „литература“ понимается ими, какъ книгопечатаніе или какъ письмо,—и „исторія литературы“ чаще всего не идетъ дальше каталога. Первые проблески здѣсь болѣе широкихъ взглядовъ являются отзвукомъ наиболѣе раннихъ у насъ вѣяній романтическихъ.

Для характеристики господствовавшихъ у насъ въ первыхъ годахъ XIX вѣка понятій о „литературѣ“ и ея „исторіи“ весьма любопытной является небольшая статья одного изъ тогдашнихъ нашихъ ученыхъ, нѣкоего Анастасевича: „О словесности [литературѣ]“, помѣщенная въ „Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности“ за 1815 годъ [часть первая, Казань, 1815, стр. 296—308]. Для иллюстраціи къ сказанному считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько цитатъ. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ крайнюю неопредѣленность, смутность господствующихъ понятій, соединяемыхъ съ сл. „литература“, „словесность“. „Кто не говоритъ и не пишетъ о словесности?“ замѣчаетъ онъ въ началѣ статьи. „Иногда унижаютъ „словесность“ до однихъ упражненій въ языкѣ и слогѣ,—а иногда возвышаютъ ее на степень всеучености, и требуютъ отъ словесника, чтобы онъ былъ обстоятельно знакомъ со всѣми отдѣленіями наукъ и человѣческихъ знаній... Когда въ прочихъ частяхъ наукъ, иронически продолжаетъ авторъ, согласно принято за важное правило: дѣло мастера боится, — въ словесности и въ томъ, что до нея касается, каждый почитаетъ себя какъ-бы уполномоченнымъ, а мечтанія свои неоспоримою истиною“... Въ виду этого, авторъ цѣлью своей статьи ставитъ — выяснить „столь сбивчивое понятіе о словесности“. Авторъ отожествляетъ сл. *литература* съ сл. *словесность*, и употребляя одно изъ этихъ словъ, нерѣдко ставитъ при немъ, для поясненія, въ скобкахъ, другое [какъ равно и въ отношеніи къ слову: *словесникъ*,—которое авторъ отожествляетъ съ сл. *литераторъ*]. По мнѣнію Анастасевича, сл. *литература* имѣетъ „три главныя значенія: 1] словесность одного или многихъ народовъ; 2] словесность одной науки, одного искусства, или всѣхъ наукъ и искусствъ вообще; 3] риторика, піитика и всѣ сочиненія, подлежащія суду ихъ“. Оставляя въ сторонѣ два послѣднія понятія, изъ которыхъ во второмъ разумѣется собственно теорія словесности, служившая въ то

время главнымъ основаніемъ литературной критики,—авторъ статьи главнымъ образомъ останавливается на подробномъ выясненіи перваго указаннаго значенія сл. „словесность“, или „литература“, и здѣсь замѣчаетъ: „Словесность одного народа въ пространнѣйшемъ значеніи объемлетъ всѣ безъ изъятія умопроизведенія, во все время его существованія на природномъ или чужомъ, живомъ или мертвомъ, языкахъ писанныя, хотя-бы, впрочемъ, писатели сего народа находились въ одной странѣ и подъ однимъ правительствомъ или въ разныхъ государствахъ... Въ тѣсномъ смыслѣ *словесность*—тогда называемая *изящною*—заключаетъ произведенія поэзіи, риторики, исторіи и философіи, изъясненныя общепонятнымъ образомъ на природномъ языкѣ: ибо въ нихъ-то наипаче изображается духъ вѣка и народа“... „Въ сихъ разныхъ отношеніяхъ, продолжаетъ авторъ, названіе *словесника* [литератора] можетъ имѣть право единственно тотъ, кто пріобрѣлъ не только возможно обстоятельное свѣдѣніе о лучшихъ письменныхъ умопроизведеніяхъ какого-либо народа, по собственному своему наблюденію, но и весь подвигъ на поприщѣ наукъ того жъ народа съ самаго начала обозрѣлъ философскимъ окомъ внутренней и внѣшней исторіи словесности онаго жъ народа“... Въ примѣчаніи авторъ поясняетъ: „Внѣшняя исторія—здѣсь разумѣется историческое познаніе объ однихъ письменныхъ твореніяхъ, о писателяхъ, относительно къ жизни и свѣдѣніямъ въ наукахъ, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ они писали, и наконецъ, ко всему тому, что приготовляетъ къ порядочному полученію пользы отъ трудовъ и произведеній ихъ къ наслажденію оными. Внутренняя исторія содержитъ въ себѣ основательное знаніе о началѣ, возрастаніи, процвѣтаніи и упадкѣ словесности въ разныхъ отрасляхъ ея. Оба сіи отдѣленія составляютъ вмѣстѣ общую ученую исторію и порознь обыкновенно называются біографіею и библіографіею [описаніемъ жизни и твореній ученыхъ] и исторіею наукъ“...

Такимъ образомъ, употребляя уже нерѣдко въ своей статьѣ выраженіе: „исторія словесности“, Анастасевичъ термину этому придаетъ значеніе еще чрезвычайно смутное и сбивчивое, хотя въ общемъ уже весьма далекое отъ „каталога“, простого „перечня книгъ“. По взгляду Анастасевича, „исторія литературы“ отожествляется частью съ „біографіями“ писателей и „библіографіею“: это так. наз. внѣшняя исторія словесности; частью съ исторіей просвѣщенія, образованія, науки, — съ так. наз. внутреннею исторіею словесности, исторіею наукъ, просвѣщенія. „Внѣшняя“ и „внутренняя“ исторія словесности составляютъ „общую ученую исторію“... Всѣ эти понятія еще крайне неопредѣленны; но въ нихъ нельзя не видѣть основной мысли—о тѣсной связи „исторіи литературы“ съ общей исторіей образованія, духовнаго развитія народа. Чрезвычайно любопытно указаніе автора на важнѣйшую, по его мнѣнію, сторону „изящной словесности“: по мнѣнію автора, послѣдняя „наипаче“ изображаетъ „духъ вѣка и народа“.

Господствовавшая у насъ съ издавна эстетическая теорія, смотрѣвшая на литературу, какъ на „совокупность художественныхъ произведеній, имѣющихъ неоспоримое значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ“, находилась, какъ справедливо замѣчаетъ Сухомлиновъ, въ неловкомъ положеніи, когда рѣчь шла собственно о русской литературѣ. Въ области русской литературы, особенно болѣе раннихъ періодовъ, въ рукахъ историка очень мало было произведеній,—„имѣющихъ неоспоримое значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ.“ Для выхода изъ такого положенія придумывались различные способы, — чисто внѣшніе и нерѣдко наивные. Таковы напр. разсужденія Греча. Послѣдній въ общемъ литературномъ развитіи народовъ полагаетъ шесть степеней,—не болѣе и не менѣе; для русской литературы отводитъ третью степень. „Не у всѣхъ народовъ—читаемъ въ его „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ [Спб., 1822] — литература находится

на одинаковой степени. У одного ограничивается она преданіями, пѣснями и пословицами, существующими не на письмѣ, а только еще въ памяти людей: такова первоначальная литература всѣхъ народовъ; нынѣ находимъ ее у племенъ дикихъ и пастушескихъ. У другихъ она едва выходитъ изъ младенчества: люди пламеннаго воображенія начинаютъ, по внушенію природы или чужеземныхъ образцовъ, испытывать силы свои на языкѣ отечественномъ, напр. у сербовъ. У третьяго являются уже писатели во всѣхъ почти родахъ, но степень и достоинство ихъ еще не опредѣлены временемъ и критикою—литература русская. У четвертаго есть классическіе писатели въ главнѣйшихъ родахъ словесности—французская литература при Людовикѣ XIV. У пятаго прошелъ уже вѣкъ классической литературы: матеріалы воображенія истощены, главные вопросы рѣшены; правильность, точность, единогласіе заступаютъ мѣсто бурнаго волненія противоборствующихъ между собою партій—нынѣшняя англійская. У шестого литература исчезла въ народѣ, и существуетъ только въ книгахъ, оставленныхъ предками; языкъ измѣнился; первоначальный классическій сдѣлался мертвымъ, новый вступаетъ на поприще, и его исторія вновь начинается—литература древняя греческая и римская“ [Гречъ, Опытъ краткой ист. русской литературы, § 2].

Лучшимъ представителемъ нашихъ эстетическихъ взглядовъ, какъ они сложились у насъ къ концу 30—40 гг., былъ Бѣлинскій. Впрочемъ, подъ конецъ критической дѣятельности Бѣлинскаго у него уже нерѣдко довольно опредѣленно изъ подъ эстетической теоріи пробиваются болѣе вѣрные взгляды, которымъ принадлежало будущее. Рядомъ съ эстетикой онъ ставитъ другую мѣрку для оцѣнки литературнаго произведенія,—историческую, къ которой геніальный критикъ какъ бы невольно приходилъ въ виду особенностей русской литературы. „Начало и развитіе русской литературы, читаемъ напр. въ одной изъ позднѣйшихъ статей, —

совершенно особенное явленіе, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, такъ же какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь то является, во всей своей очевидности, та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіею народа. Всемірно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Наша литература исполнена большого интереса, но только для насъ, русскихъ, потому что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣчественное. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи... Исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній, и потому, при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И съ этой послѣдней точки зрѣнія, не только Державинъ, — и Ломоносовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ, не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ, Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія,—съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе, и являются въ русской литературѣ именами замѣчательными и почтенными“ и т. д. [„Соч.“ Бѣлинскаго, т. XII, М., 1890, стр. 430, 431—432]. Но вообще эстетическая критика Бѣлинскаго была чаще всего лишена исторіи, историческаго метода изученія, — ограничиваетъ эту „исторію“ ближайшимъ временемъ, къ тому же и имѣетъ дѣло лишь съ позднѣйшей литературой. До-петровской письменностью Бѣлинскій не интересуется, да и не видитъ въ ней ничего сколько-нибудь цѣннаго. „Да, была словесность, замѣчаетъ напр. онъ въ одномъ мѣстѣ о древнерусской литературѣ, — которая есть вездѣ, гдѣ есть слово, языкъ, но которая состоитъ изъ произведеній случайныхъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, и для которой

поэтому нѣтъ еще исторіи, а можетъ быть только каталогъ“... Какъ представитель эстетическихъ взглядовъ, Бѣлинскій общимъ кругомъ своихъ литературныхъ идей былъ нашимъ Лессингомъ, — и подобно Лессингу въ Германіи, боролся главнымъ образомъ противъ старыхъ, такъ долго преобладавшихъ у насъ и въ обществѣ и въ критикѣ ложноклассическихъ взглядовъ. Общія чисто эстетическія симпатіи критики Бѣлинскаго хорошо сказываются въ его взглядахъ напр. на устную народную поэзію: здѣсь знаменитый критикъ выступаетъ передъ нами чаще всего совершеннымъ гегельянцемъ-эстетикомъ. Считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на этихъ взглядахъ.

Бѣлинскій не сочувствуетъ начавшемуся у насъ съ 30-хъ гг. увлеченію „народностью“,—„ложно-понимаемою“. „Ложнопонимаемая народность“, пишетъ онъ въ 1841 году, по поводу „Сказаній русскаго народа“ Сахарова [т. I, Спб., 1841], — разлилась огромнымъ болотомъ! Тщаніемъ и усердіемъ пишущей братіи низшаго разряда, мужики съ бабами, кучера и купцы брадатые, не только получили право гражданства въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались ихъ единственными привилегированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевенъ, сдѣлалось признакомъ *народности*, а *народность* стала тожественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзіею и романтизмомъ“... [V, 22]. Бѣлинскій не отрицаетъ важности и необходимости для ученыхъ „заняться своею народною поэзіею“, „спасти отъ забвенія ея разсѣянныя сокровища“; но онъ не сочувствуетъ „народному бѣснованію“,—въ собираніи своихъ народныхъ пѣсенъ и въ переводахъ подобныхъ же чужихъ. Онъ радуется, что „это народное бѣсноваше уже прошло“, и „теперь имъ одержимы только люди недалекіе“... „Никто не думаетъ теперь отвергать относительнаго достоинства народной поэзіи; но никто уже, кромѣ людей запоздалыхъ, не думаетъ и придавать ей важности,

которой она не имѣетъ. Всякій знаетъ теперь, что въ ней есть своя жизнь, свое одушевленіе, естественное, наивное и простодушное,—но что все этимъ и оканчивается, ибо она бѣдна мыслью, бѣдна содержаніемъ и художественностью.... Исключеніе остается только за одною народною поэзіею въ мірѣ: поэзіею древнегреческою,—которая, будучи народною, есть въ то же время и общечеловѣческая, міровая" [IX, 102]. Теоретически, по Гегелю, Бѣлинскій признаетъ важное значеніе народной поэзіи; но вообще она неизмѣримо ниже художественной. „Первобытная поэзія народовъ, пишетъ онъ въ 1836 году, по поводу книги Венелина: О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ [М., 1835], — заслуживаетъ особенное вниманіе: это творчество истинное, безсознательное, безцѣльное, хотя въ то же время и одностороннее, одноцвѣтное. Оно вполнѣ, истинно и живо, проявляетъ духъ, характеръ и всю жизнь народа, которые высказываются въ немъ непринужденно и безыскусственно" [II, 170]. Но народная поэзія—„выражаетъ собой сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, безсознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ воплощаться развившееся до идеи созерцаніе"... [XII, 407]. „Художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно народной. Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ!" [V, 35—37; „Отеч. Зап.",—1841 г.]. Собственно русскую народную поэзію Бѣлинскій цѣнитъ очень не высоко. Въ русской народной поэзіи, въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ онъ не усматриваетъ „никакого міросозерцанія",— въ смыслѣ „непосредственнаго разумѣнія, общаго, вѣчнаго, непреходящаго". Въ нихъ лишь „духъ силы какого-то удаль-

ства, которому море по колѣно“... [IV, 210 — 211; „Отеч. Зап.“,—1841 г.]. Къ широкимъ научнымъ изученіямъ народной поэзіи Бѣлинскій относится скептически, — и нѣсколько иронизируетъ надъ попытками выводить различные мотивы нашей народной поэзіи „изъ Индіи“ [Бѣлинскій разумѣетъ начавшіяся у насъ въ это время изслѣдованія миѳологическо-до-историческія]: по его мнѣнію, „подобные розыски невозможны. Русскій человѣкъ, выслушавъ отъ татарина сказку, пересказывалъ ее потомъ совершенно порусски, — такъ что изъ его устъ она выходила запечатлѣнною русскими понятіями, русскими взглядами на вещи, русскими выраженіями“... [V, 202]. Какія-либо дальнѣйшія сближенія и сопоставленія Бѣлинскій находитъ совершенно напрасными, ничего не достигающими. Уже въ 1844 году онъ полагаетъ, что о народной поэзіи болѣе „нечего писать“: „что̀ можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже сказано“. Онъ подсмѣивается надъ Костомаровымъ, по поводу вышедшей въ то время его книги: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ [Харьковъ, 1843], — что тотъ „издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ“. Книга эта, какъ извѣстно, была замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени, и такими людьми, какъ Срезневскій, тогда же была оцѣнена по достоинству. По мнѣнію Бѣлинскаго, изъ этой книги „трудно было-бы выжать какое-нибудь содержаніе“ [IX, 111—112]. По поводу дѣлавшихся тогда у насъ различныхъ историко-литературныхъ сближеній, и въ частности сближенія славянскихъ сказаній и преданій съ скандинавскими,—онъ замѣчаетъ: „Если хотите, тутъ есть что-то похожее на сходство; но все близкое къ своему источнику болѣе или менѣе сходно, и потому славянскія преданія и повѣрья сходны не только съ скандинавскими, но и съ индійскими, и съ египетскими, и съ какими угодно. Всѣ дѣти сходны между собой“ [по поводу книги Бориченскаго, Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени. Спб., 1840. — „Соч.“, IV, 107 — 108].

Былины Кирши Данилова—„дѣтскій лепетъ, часто поэтическій, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ“, говоритъ Бѣлинскій, сравнивая ихъ съ „Пѣснью“ о купцѣ Калашниковѣ Лермонтова [IV, 296; „Отеч. Зап.“,—1841 г.]. „Древнія россійскія стихотворенія“—„не сказки собственно, но поэмы въ сказочномъ родѣ. Можетъ быть, первоначально они явились чисто эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; можетъ быть также, что вслѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ, и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтическій элементъ былъ пересиленъ прозою народнаго взгляда на поэзію... Русскій человѣкъ почиталъ сказку „пересыпаніемъ изъ пустого въ порожнее“; онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностью, а еще какъ будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до безсмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы [т. е. въ пѣсни Кирши Данилова], которыя преисполнены самими рѣзкими несообразностями“ [V, 97—98; „Отеч. Зап.“,—1841 г.]. Искать въ нашихъ сказочныхъ поэмахъ общей мысли — „все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ! Они ничѣмъ не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли... Поэзія въ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду въ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней: каждая изъ нихъ сама по себѣ, не вытекаетъ изъ предыдущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей“... Въ нашихъ поэмахъ—„нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя“ [V, 99]. „Не ищите тутъ миѳовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, не ищите художественныхъ красотъ поэзіи“ [V, 107]. Въ былинахъ [или, какъ онъ ихъ называетъ, „поэмахъ“] Кирши Данилова Бѣлинскій видитъ „на

каждомъ шагу несообразности". Былина о Добрынѣ Никитичѣ, напр., вся—„какая-то безсвязная болтовня больного похмѣльемъ воображенія. Тутъ нѣтъ не только мысли,—даже смысла! У Добрыни нѣтъ ни лица, ни характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпица могла бы имѣть значеніе миѳа если бы отъ ея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ, но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи, фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ" [V, 124—125]. Былина о Потокѣ вся сплошь—„ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь"... [V, 140]. Былина о Волхвѣ Всеславьевичѣ не представляетъ, какъ и многія другія, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. Какъ и другія „поэмы", „это—что-то, силящееся стать образомъ, и все остающееся символомъ, сквозь произвольную и узорочную ткань котораго брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя"... [V, 157]. „Вообще идеалъ русскаго богатыря—физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями, даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужъ богатырь—ему все возможно, и противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишечки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа—первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого у всѣхъ народовъ богатыри цѣлыхъ быковъ съѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками-сороковками запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается общее, идетъ далѣе,—и просвѣтленіе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести есть второй моментъ его сознанія героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились на первомъ моментѣ и дальше не пошли. И потому наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ; имъ всякая служба хороша,

для нихъ всякая удаль—подвигъ: и цѣлое войско побить, и конемъ потоптать, и единымъ духомъ выпить полтора ведра зелена вина"... [V, 157 — 158]. Впрочемъ, здѣсь же далѣе Бѣлинскій прибавляетъ: „А между тѣмъ, въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой недоставало только исторической жизни, чтобы возвыситься до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удаль, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость и горе—равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,—этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно язвительную иронію надъ жизнью, надъ собственной и чужою удалью, надъ собственною и чужою бѣдою,—эту способность не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею, и такъ же точно поплатиться счастіемъ и жизнію,—эту не сокрушимую мощь и крѣпость души, которыя есть какъ бы исключительное достоинство русской натуры... Русская поэзія, какъ и русская жизнь [ибо въ народѣ жизнь и поэзія — одно], до Петра Великаго была только тѣломъ, но тѣломъ полнымъ избытка органической жизни, крѣпкимъ, здоровымъ, могучимъ, великимъ, вполнѣ достойнымъ быть сосудомъ необъятно великой души, но—тѣломъ, лишеннымъ этой души, и только ожидающимъ, ищущимъ ея. Петръ вдунулъ въ него душу живу—и замираетъ духъ при мысли о необъятно-великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра... [V, 158 — 159; „Отеч. Зап.",—1841 г.].

Нельзя не замѣтить, однако, что и въ отношеніи къ народной поэзіи у Бѣлинскаго иногда, мимоходомъ, едва ли не подъ вліяніемъ начавшихся уже въ это время у насъ болѣе серьезныхъ изученій, проскальзываютъ другіе взгляды, болѣе широкіе,—зачатки какъ бы исторической точки зрѣнія на предметъ. Онъ указываетъ въ русскихъ былинахъ напр. черты историческія, бытовыя; особенно любопытна его ха-

рактеристика новгородскаго цикла былинъ. „Поэмы Великаго Новгорода, „этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни, по мнѣнію Бѣлинскаго, стоятъ гораздо выше цикла кіевскихъ былинъ, или „богатырскихъ сказокъ“,—герои которыхъ сосредоточиваются около кн. Владимира, и которыя собственно „чужды всякаго историческаго значенія“ [V, 161]. Новгородскія былины — „лучшій, благоуханнѣйшій цвѣтокъ народныхъ поэмъ“. „Новгородскихъ поэмъ немного, всего четыре; но эти четыре, замѣчаетъ Бѣлинскій — стóятъ всѣхъ, какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по существенности своего содержанія. Онѣ — ключъ къ объясненію всей народной поэзіи, равно какъ и къ объясненію характера быта русскаго. Передъ ними бѣдна вся остальная сказочная поэзія“ [V, 161—162, 162]. Въ былинѣ о Васильѣ Буслаевичѣ, напр., по мнѣнію Бѣлинскаго,—„очень много, по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежними, поэзіи и силы въ выраженіи; въ ней есть не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэму должно понимать, какъ миѳическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новгорода [V, 166]. Новгороду Бѣлинскій отводитъ главную роль въ исторіи нашего былиннаго эпоса. Весьма важнымъ было значеніе Новгорода и вообще въ исторіи древней Руси; Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси [V, 162]. „Новгородъ, замѣчаетъ Бѣлинскій, — вѣроятно былъ колоніей южной Руси, которая была первоначально и коренною Русью. Колоніи народовъ, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій“. Это важное значеніе Новгорода, впрочемъ, въ общемъ весьма и весьма относительно,—относительна потому важность и новгородскихъ былинъ. „Всякая народная поэзія начинается миѳами; но и миѳы могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и такъ сказать прозрачность; только для этого

необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было общечеловѣческое... Новгородская жизнь была какимъ-то зародышемъ чего-то, повидимому, важнаго; но она и осталась зародышемъ *чего-то*..; она кончилась тѣмъ-же, чѣмъ и началась— *чѣмъ-то*; а *что-то* никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по необходимости должно ограничиться миѳическими и аллегорическими полуобразами и намеками"... При всей неразвитости своей общественности, — Новгородъ былъ выше Москвы и оказывалъ „важное вліяніе" на Московское царство. „Торговля родила въ Новгородѣ богатство, а богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удальства, отваги, молодечества. Вслѣдствіе этого, въ Новгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоніаломъ, своими общественными нравами и обычаями, своею общественною и семейною нравственностью. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и безсильна, когда въ ней не было никакой общественности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прохлады, не до роскоши, не до удальства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ сословія, которое много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти... Богатство родитъ множество нуждъ и прихотей, страсть къ удобству и уваженіе къ приличію,—русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды образовались первоначально въ Новгородѣ, и оттуда, вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами, разлились и распространились по всей Руси"... *Въ Новгородѣ развилась и народная поэзія.* Всѣ „поэмы", въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Влади-

мирѣ — лишь по внѣшности кіевскія; въ нихъ все новгородское: и изобрѣтеніе и выраженіе и тонъ и колоритъ и замашка, и наконецъ эти герои-богатыри изъ купцовъ, какъ Иванъ гостинный сынъ и другіе. *Василій Буслаевъ* явно новгородская поэма, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но сличивши эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владимира,— нельзя не видѣть, что всѣ они какъ будто-бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что всѣ они дѣйствительно сложены въ Новгородѣ, — и богатырскія сказки о Владимирѣ красномъ-солнышкѣ были ничѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ новгородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставъ новгородскимъ купчиною, новгородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по иделу современнаго ему бытія своей новой и настоящей отчизны. И потому, изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы, — и Владиміръ красно-солнышко является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай-сынъ-Ивановичъ, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною. Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ миѳическимъ воспоминаніемъ; а Владиміръ, великій князь кіевскій стольный, превратился въ поэмахъ новгородца въ какого-то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ, и по манерамъ, и по складу ума. Оттого же и княгиня Апраксѣевна, равно какъ и всѣ героини Киршевыхъ поэмъ — такъ похожи на купчихъ"... [V, 16—171]. „Новгородскій штемпель лежитъ на всемъ русскомъ бытѣ, а слѣдовательно, и на всей русской народной поэзіи,—самъ Владиміръ и всѣ богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ какъ-то по-новгородски, и какъ будто по-купечески" [V, 198]... Нельзя не замѣтить,—Бѣлинскій какъ-бы предвосхищаетъ здѣсь подобныя же, позднѣе высказываемыя нѣкоторыми нашими изслѣдователями, мнѣнія!.. Гораздо болѣе интересными въ сборникѣ Кирши Данилова Бѣлинскому кажутся сказки сатирическія. Сатирическимъ сказкамъ Бѣлинскій отводитъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ

всѣмъ разсмотрѣннымъ сейчасъ „поэмамъ“. По мнѣнію Бѣлинскаго, „эти сказки въ тысячу разъ важнѣе всѣхъ богатырскихъ сказокъ, — потому что въ нихъ ярко отражается народный умъ, народный взглядъ на вещи и народный бытъ. Въ послѣднемъ отношеніи они могутъ считаться драгоцѣннѣйшими историческими документами“... [V, 213—217].

Господствовавшая у насъ съиздавна эстетическая теорія, смотрѣвшая на литературу, какъ на „совокупность художественныхъ произведеній, имѣющихъ неоспоримое значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ“, находилась, какъ справедливо замѣчаетъ Сухомлиновъ, въ неловкомъ положеніи, когда рѣчь шла собственно о русской литературѣ. Въ области русской литературы, особенно болѣе раннихъ періодовъ, въ рукахъ историка очень мало было произведеній, — „имѣющихъ неоспоримое значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ“. Для выхода изъ такого положенія придумывались различные способы, чисто внѣшніе и нерѣдко наивные. Таковы напр. разсужденія Греча. Послѣдній въ общемъ литературномъ развитіи народовъ полагаетъ шесть степеней, — не болѣе и не менѣе; для русской литературы отводитъ третью степень. „Не у всѣхъ народовъ, читаемъ въ его *Опытѣ краткой исторіи русской литературы* [Спб., 1822] — литература находится на одинаковой степени. У одного ограничивается она преданіями, пѣснями и пословицами, существующими не на письмѣ, а только еще въ памяти людей: такова первоначальная литература всѣхъ народовъ; нынѣ находимъ ее у племенъ дикихъ, пастушескихъ. У другихъ она едва выходитъ изъ младенчества: люди пламеннаго воображенія начинаютъ, по внушенію природы или чужеземныхъ образцовъ, испытывать силы свои на языкѣ отечественномъ, напр. у сербовъ. У третьяго являются уже писатели во всѣхъ почти родахъ, но степень и достоинство ихъ еще не опредѣлены временемъ и критикою — литература русская. У четвертаго есть классическіе писатели въ главнѣйшихъ родахъ словесности — французская литература при Людовикѣ XIV. У пятаго прошелъ уже вѣкъ классической

литературы: матеріалы воображенія истощены, главные вопросы рѣшены; правильность, точность, единогласіе заступаютъ мѣсто бурнаго волненія противоборствующихъ между собою партій — нынѣшняя англійская. У шестого литература исчезла въ народѣ, и существуетъ только въ книгахъ, оставленныхъ предками; языкъ измѣнился; первоначальный классическій сдѣлался мертвымъ, новый вступаетъ на поприще, и его исторія вновь начинается — литература древняя греческая и римская" и т. д.

„Опытъ краткой исторіи русской литературы" Греча очень скоро уже и въ глазахъ болѣе требовательныхъ современниковъ потерялъ свое серьезное значеніе, — какъ видимъ изъ крайне пренебрежительныхъ отзывовъ объ этой книжкѣ уже въ 1845 году Бѣлинскаго; но какое значеніе она вообще имѣла для своего времени — лучше всего можно видѣть изъ отзывовъ о ней того же Бѣлинскаго, но высказанныхъ за 7—8 лѣтъ до этого, въ 1838 году. Такъ быстро шло въ общемъ расширеніе нашихъ научныхъ изученій и взглядовъ!.. „Какъ справочная книга, она очень полезна для современниковъ...; что же касается до прагматической и критической стороны этой книги, — смѣшно и говорить о ней", пишетъ Бѣлинскій въ 1845 г. „Драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ для исторіи русской литературы", „ручная настольная книга для литератора и всякаго любителя отечественной литературы", „трудъ не блестящій, но безцѣнный, стоившій своему автору большихъ трудовъ"... „Какъ жаль, что во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ послѣ 1822 года, эта исторія сокращена имъ. Какой бы драгоцѣнный подарокъ сдѣлалъ Гречъ русской литературѣ, если бы значительно пополнилъ этотъ трудъ и издалъ его особенною книжкою!".. И т. д. — такъ писалъ Бѣлинскій о той же книгѣ въ 1838 году. Книжка Греча была одной изъ самыхъ первыхъ попытокъ у насъ къ систематизаціи обширнаго, подвергавшагося уже и спеціальнымъ изученіямъ, но почти неизвѣстнаго, историко-литературнаго матеріала: этимъ опредѣлялось все ея значеніе. Какой либо „исторіи" русской литературы отъ книжки,

вышедшей въ 1822 году, разумѣется, и ожидать было нельзя; но въ авторѣ любопытно самое стремленіе къ „исторіи“... Значеніе книжки Греча, какъ справедливо указываетъ Сухомлиновъ, опредѣляется главнымъ образомъ временемъ ея появленія. Это былъ первый „опытъ“ исторіи русской литературы, — и для того времени совсѣмъ не плохой. Научное достоинство труда Греча опредѣлялось тѣми источниками, которыми пользовался авторъ, и нужно отдать ему справедливость: эти источники — лучшее, что представляла въ то время наша ученая литература. Источниками Гречу служатъ „Словари“ м. Евгенія, — въ то время они отчасти уже печатались, отчасти онъ могъ пользоваться ими и въ рукописяхъ, — и филологическія изысканія Добровскаго, Востокова и др. Въ отношеніи къ позднѣйшему періоду литературы Гречъ пользуется характеристиками Плетнева, — опять лучшаго критика того времени... Общіе взгляды на „литературу“, ея исторію, у Греча, — обычные взгляды господствовавшей тогда эстетической теоріи. „Литературою языка или народа, говоритъ Гречъ, называются всѣ творенія, писанныя на семъ языкѣ стихами или прозою. Произведенія ума человѣческаго, въ коихъ языкъ не составляетъ существенной части, принадлежатъ къ исторіи просвѣщенія вообще, а не къ исторіи литературы въ особенности. Главныя отрасли собственно литературы — краснорѣчіе во всѣхъ своихъ частяхъ, исторія и поэзія; вспомогательныя: грамматика, эстетика и критика“... Исторію русской литературы авторъ дѣлитъ на два періода: до Петра В. и „отъ сей эпохи до нынѣшняго времени“. Второй періодъ отличается отъ перваго „рожденіемъ собственно литературы гражданской“. Каждый изъ этихъ двухъ періодовъ дѣлится на три отдѣла. Въ началѣ каждаго изъ шести отдѣловъ дѣлается краткій общій очеркъ внѣшней и внутренней исторіи Россіи за соотвѣтствующій отдѣлу періодъ; очеркъ внѣшней исторіи называется „политическимъ состояніемъ Россіи“, очеркъ внутренней—„просвѣщеніемъ“. Далѣе слѣдуетъ: а) „языкъ“; б) „литература“, общая характеристика памятниковъ, чаще всего простое пере-

численіе, и в) „писатели“, свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ отдѣльныхъ писателей за данный періодъ. Въ этомъ общемъ планѣ распредѣленія матеріала, въ этихъ очеркахъ, нельзя не видѣть какъ бы инстинктивныхъ стремленій автора къ историческому освѣщенію... Самый „опытъ исторіи литературы“ состоитъ изъ перечисленія отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ литературныхъ памятниковъ въ области поэзіи, исторіографіи и т. д., и характеристикъ важнѣйшихъ писателей. Въ древнерусской литературѣ авторъ видитъ или церковныя произведенія или „дѣловыя“, какъ Русская Правда, или ораторскія; характеристики позднѣйшихъ писателей бо̀льшею частью — „послужные списки“... Вообще свѣдѣнія, сообщаемыя книжкой Греча, чаще всего кратки и отрывочны, чаще всего ограничиваются перечисленіемъ однихъ заглавій... Книжка Греча вызвала оживленную полемику, которая довольно ярко рисуетъ передъ нами современные ей наши литературные взгляды, — особенно филологическіе. „Въ то время, говоритъ Сухомлиновъ — не прекратились еще споры объ отношеніи между славянскимъ и русскимъ языкомъ, раздѣлившіе литераторовъ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ ратовалъ небольшой кругъ приверженцевъ Шишкова, въ другомъ — многочисленные послѣдователи Карамзина. Ревнители славянскаго языка отрицали существованіе какого бы то ни было древняго или стариннаго памятника собственно русскаго языка. По ихъ мнѣнію, языкъ народныхъ пѣсенъ мѣнялся безпрестанно, „Слово о полку Игоревѣ“ писано бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, лѣтописи — варварскимъ языкомъ; Феофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ — писали дурнымъ языкомъ; Ломоносовъ усовершенствовалъ литературный языкъ, приблизивъ его къ славянскому, и т. д. Подъ вліяніемъ трудовъ Востокова и Добровскаго, Гречъ идетъ значительно дальше этихъ мнѣній; но вообще является плохимъ филологомъ. По взглядамъ Греча, языкъ нашихъ лѣтописей, повѣстей — тотъ же языкъ богослужебный; „Слово о полку Игоревѣ“ писано славянорусскимъ языкомъ, подобно библейскому; „Русская Правда“ — памят-

никъ языка дѣлового, а не книжнаго вообще: по ней нельзя судить о книжномъ языкѣ, подобно тому, какъ о нынѣшнемъ стихотворномъ языкѣ нельзя судить по слогу приказному и т. п. Противники съ бо́льшей справедливостью возражали, что уже до XII вѣка русскій языкъ былъ самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ славянскаго, — и въ доказательство приводили ту же „Русскую Правду“, то же „Слово о полку Игоревѣ“, „Лѣтопись Нестора“, въ особенности Договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, представляющій уже отличительныя свойства русскаго языка и т. д. и т. д. Несмотря на всѣ недостатки, „Опытъ“ Греча, какъ мы уже замѣтили, для своего времени былъ очень важнымъ явленіемъ, — и извѣстный ученый Линде перевелъ книгу Греча на польскій языкъ снабдивъ особыми примѣчаніями; Шафарикъ книжкой Греча пользуется въ своемъ трудѣ *Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* [*Ofen*, 1826],— у насъ книга Греча долгое время служила учебникомъ и справочной книгой...

Несравненно болѣе широкую постановку сравнительно съ книгой Греча имѣлъ трудъ Максимовича: *Исторія древней русской словесности* (I. Кіевъ, 1839), впрочемъ, какъ видимъ, вышедшій много позднѣе, къ тому же относившійся лишь къ древнѣйшему періоду русской литературы. Книга Максимовича открывается замѣчательнымъ по тому времени „введеніемъ“: авторъ говоритъ здѣсь о „словесности и ея исторіи вообще“, о словесности русской и ея періодахъ, о „сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи русской словесности“, вообще объ источникахъ и пособіяхъ по исторіи русской литературы и т. п. Слѣдующія затѣмъ двѣ первыя главы трактуютъ „о русскомъ и другихъ словенскихъ народахъ и варягахъ“, и „о развитіи русской жизни и просвѣщенія Руси въ древнемъ періодѣ“. Третья дѣлаетъ „общее обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода“ (отъ пятидесятыхъ годовъ IX в. до начала XIII). Вся дальнѣйшая часть книги, съ четвертой главы по десятую, посвящена изложенію исторіи русскаго

языка: авторъ трактуетъ „о народномъ русскомъ языкѣ и его видоизмѣненіяхъ“ (гл. 4-я): о различіи „главныхъ видовъ“ народнаго русскаго языка (гл. 5-я) и его отношеніи къ языкамъ „западно-словенскимъ“ (гл. 6-я); о „языкѣ церковно-словенскомъ“ (гл. 7-я); „о письменномъ употребленіи церковно-словенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народный русскій“ (гл. 8-я): „объ отношеніи русскаго языка къ иноплеменнымъ и ихъ вліяніи на него въ древнія времена“ (гл. 9-я). Лишь въ концѣ послѣдней, десятой, главы авторъ, наконецъ, обращается къ „древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности“... Уже изъ этого бѣглаго перечня содержанія нельзя не видѣть необычайной для того времени широты постановки труда Максимовича и не пожалѣть, что онъ остановился только на самомъ началѣ. Впрочемъ, и этимъ началомъ книга Максимовича должна занять весьма почетное мѣсто въ нашихъ первыхъ опытахъ систематическаго изложенія исторіи русской литературы. Помимо общей широты постановки предмета, трудъ замѣчателенъ и по отдѣльнымъ многимъ своимъ взглядамъ и мнѣніямъ. „Именемъ словесности — читаемъ напр., въ „Введеніи“ — означается совокупность памятниковъ, въ которыхъ выразилась душа и жизнь народа посредствомъ языка, изустно либо письменно; подъ именемъ же языка разумѣется живая, органическая совокупность словъ, коими выражаетъ себя народъ... Каждый народъ говоритъ извѣстнымъ языкомъ, своимъ собственнымъ, либо перенятымъ отъ другихъ народовъ, и каждому народу врождено имѣть свою словесность... Исторіею словесности называется наука, имѣющая предметомъ своимъ изустные и письменные памятники словесности какого-либо народа, языкъ его и письмена — въ ихъ постепенномъ развитіи и взаимной связи, и въ связи со всею жизнію того народа, особенно съ его просвѣщеніемъ... Изслѣдуя памятники словесности, она обращаетъ вниманіе и на писателей, — какъ потому, что сочиненія ихъ много поясняются изъ ихъ жизни, такъ и потому, что они своими сочиненіями и жизнью принимаютъ обыкновенно извѣстное участіе въ

просвѣщеніи своего народа" (I, стр. 1—3) и т. д. Замѣчательны тѣ „періоды", которые намѣчаются авторомъ въ общемъ ходѣ исторіи русской литературы: эти отдѣлы почти въ точности принимаются и нѣкоторыми позднѣйшими историками. Максимовичъ въ исторіи русской литературы намѣчаетъ слѣдующіе четыре періода, — „изъ коихъ три уже совершились, а четвертый только начался": „Періодъ первый или древній, продолжавшійся четыре вѣка, отъ шестидесятыхъ годовъ IX-го до послѣдней четверти XIII. Періодъ второй или средній, продолжавшійся четыре вѣка съ четвертью, отъ послѣдней четверти XIII по XVIII вѣкъ. Періодъ третій или новый, продолжавшійся одинъ съ четвертью вѣкъ, именно XVIII вѣкъ и первую четверть XIX-го. Періодъ четвертый, новѣйшій или современный, наставшій съ царствованія Николая Перваго"... (стр. 6—7). Дѣлаемая далѣе авторомъ характеристика самыхъ періодовъ является для своего времени также весьма любопытной. „Древній періодъ — читаемъ въ книгѣ Максимовича — начинается съ шестидесятыхъ годовъ IX вѣка потому, что въ эти достопамятные годы началась новая, русская жизнь нашего отечества, съ пришествіемъ руссовъ въ Новгородъ (862) и водвореніемъ ихъ въ Кіевѣ (864), — началось русское христіанство, крещеніемъ кіевскихъ руссовъ въ Царѣгородѣ (866), образовался книжный или церковный словенскій языкъ и переведены на него главнѣйшія богослужебныя книги, послужившія первымъ и главнымъ основаніемъ всего русскаго просвѣщенія, коего средоточіемъ и первымъ разсадникомъ былъ Кіевъ... Въ древнемъ періодѣ произошло соединеніе нашихъ восточныхъ словенъ въ одно сильное Русское Государство и чрезъ принятіе христіанства совершилось внутреннее преобразованіе русскаго духа, съ распространеніемъ коего изъ Кіева по всей Руси положено начало ея внутренняго единства. При быстромъ развитіи и расширеніи новой жизни въ нашемъ отечествѣ, древній періодъ ознаменованъ счастливыми начатками въ Россіи и словесности и умственной дѣятельности вообще. Какъ словесность, такъ и просвѣщеніе въ семъ періодѣ у насъ являлись подъ господ-

ствомъ церковно-словенскихъ книгъ, церковно-словенскаго языка и просвѣщенія греко-восточнаго. Въ среднемъ періодѣ Русь, раздробленная на мелкіе, удѣльные участки, постепенно возстановляла свою самобытность и цѣлость: образовавшись сначала въ двѣ отдѣльныя, различно жившія половины — восточную или московскую и западную или литовскую; потомъ, въ половинѣ XVII вѣка, она вновь соединилась своими главными частями въ общую цѣлость Русскаго Царства, подъ державою царя московскаго . . . Сильнымъ раскрытіемъ народности своей и чрезвычайно богатымъ проявленіемъ въ народной поэзіи (великорусской и южнорусской) ознаменованъ средній періодъ. Кромѣ того особенно сей періодъ означенъ сильнымъ вліяніемъ духовенства на умственную и общественную жизнь Великой Руси, развивавшей болѣе или менѣе самобытно усвоенное въ древнемъ періодѣ греко-восточное просвѣщеніе и отстранявшей отъ себя вліянія чужеземныя. Но въ южной и еще болѣе въ сѣверо-западной Руси — при вліяніи на нихъ Польши — и умственная жизнь развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія латино-западнаго, которое перешло потомъ и въ Великую Россію изъ Украйны и Бѣлоруссіи, по ихъ соединенію съ нею, — и здѣсь соединилось въ одно сложное вліяніе, выраженное названіемъ Московской Академіи Греко-Латино-Славянскою. Петръ Великій своимъ самодержавіемъ утвердилъ полное единство Россіи и преобразовалъ ее въ великую имперію. Данное имъ направленіе къ гражданско-русскому просвѣщенію подъ вліяніемъ ново-европейскаго раскрылось полнѣе при Екатеринѣ В. и довершилось при Александрѣ Благословенномъ. Такимъ образомъ и въ просвѣщеніи вообще и въ словесности нашей, сей новый періодъ ознаменовавъ стремленіемъ къ европейству, усвоеніемъ его и сліяніемъ съ своенародными стихіями жизни, которыя не переставали и въ семъ періодѣ ярко являться, не смотря на господство западно-европейскаго просвѣщенія. Въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своена-

родности и положительности. Раскрытіемъ и силою народности своей русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности русской — въ самой поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ . . . Отовсюду, гдѣ ярче сіяло просвѣщеніе, Россія заимствовала его для просвѣтленія имъ свей народности. Въ древнее время приняла она просвѣщеніе греко-восточное отъ Царягорода, и дополняла оное заимствованіями отъ словенъ болгарскихъ, у которыхъ нѣсколько ранѣе распространено было сіе просвѣщеніе. Въ среднія времена она, сберегая и распространяя доставшееся ей отъ Греціи сокровище вѣры, ознакомилась съ латино-западнымъ просвѣщеніемъ Ветхаго Рима. И между тѣмъ, какъ двѣ розныя стихіи сіи немирно соединялись между собою въ русскомъ умѣ, онъ — въ лицѣ Петра Великаго — отъ полуденной, старой Европы обратился на европейскій Западъ: ибо уже тамъ просвѣщеніе свѣтилось новою жизнію, къ которой и стремилась Россія въ продолженіе новаго періода. Наконецъ, въ наше просвѣщенное время она возвратилась опять къ своему Восточному Русскому міру. Такимъ образомъ Россія постепенно и своевременно обошла весь небосклонъ просвѣщеннаго христіанскаго міра, и теперь вступила сознательно въ тотъ періодъ великой жизни своей, въ которомъ предлежитъ ей раскрыть всю глубину и полноту своего духа и выразить вполнѣ свою Русскую народность. Итакъ по отношенію къ главнымъ вліяніямъ на русское просвѣщеніе древній періодъ можно называть греко-восточнымъ или точнѣе греко-словенскимъ, средній греко-латино-словенскимъ, новый — новоевропейскимъ, а современный періодъ составляетъ начало самобытно-русскаго“ (стр. 7—14). Въ особомъ отдѣлѣ авторъ подробно говоритъ о своихъ предшественникахъ, вообще о сочиненіяхъ, которыя являются пособіями при изученіи исторіи русской литературы, а также современныхъ ему „опытахъ“ и „руководствахъ“ по „исторіи русской словесности“ (стр. 17—20). Самое изложеніе Максимовичъ на-

чинаетъ т. обр. съ языка народа,—изученіе котораго ставитъ въ связь съ изученіемъ древнѣйшихъ историческихъ судебъ народа; характеристикѣ письменности и писателей въ книгѣ предшествуетъ характеристика древнѣйшей исторіи русскаго племени. Нѣтъ нужды замѣчать, что собственно фактическая сторона научнаго изложенія въ книгѣ еще крайне бѣдна; но, повторяемъ, замѣчательны самые пріемы научнаго изученія, общая широта научной постановки вопросовъ. Помимо этой замѣчательной широты научныхъ замысловъ, — книга Максимовича и въ частности, какъ уже замѣчено, полна многими вѣрными мыслями и соображеніями. Общія понятія, даваемыя Максимовичемъ, напр., о словесности, о ея связи и зависимости отъ исторической жизни народа — отличаются замѣчательной для своего времени здравой точкой зрѣнія. Особенно цѣнны замѣчанія автора въ области языка. Въ первомъ, вышедшемъ выпускѣ главное вниманіе изслѣдователя и вообще сосредоточено на языкѣ, — и здѣсь поставленный напр. впервые Максимовичемъ вопросъ о полногласіи по важности своей вскорѣ привлекъ къ себѣ вниманіе и позднѣйшихъ ученыхъ. Чрезвычайно замѣчательной также является впервые высказанная Максимовичемъ мысль, что „ни одинъ изъ извѣстныхъ словенскихъ языковъ нельзя признать родоначальнымъ для прочихъ“, но что первобытный, „первословенскій“ языкъ существуетъ въ каждомъ изъ нихъ и „первобытныя свойства“ его познаются единственно посредствомъ сравнительнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ... Максимовичъ вообще былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ филологовъ въ то время, — и книга его носитъ характеръ преимущественно филологическій. Максимовичу принадлежалъ рядъ трудовъ и спеціально филологическихъ, — заключавшихъ въ себѣ, по отзыву акад. И. В. Ягича, вообще немало „дѣльныхъ замѣчаній этого превосходнаго практическаго знатока русскаго языка“. Въ области языка Максимовичъ иногда вступалъ въ полемику даже съ знаменитымъ тогда Добровскимъ, — подвергая его взгляды критикѣ, иногда „во многихъ пунктахъ вполнѣ основательной“... [Ягичъ].

Капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей науки въ канунъ „сороковыхъ годовъ“ было появленіе *Исторіи русской словесности, преимущественно древней*, Шевырева [т. I, ч. 1, М., 1846; ч. 2, М., 1846; второе, значительно дополненное изданіе, обнимающее исторію древней русской литературы до конца XV в., — 4 т., М., 1858—1860; позднѣйшее изд. — 2 т., СПБ., 1887). Какъ и книга Максимовича, „Исторія русской словесности“ Шевырева отличается общей широтой требованій, которыя впервые предъявлялись здѣсь историку русской литературы. Въ этомъ отношеніи трудъ Шевырева, особенно въ своемъ болѣе позднемъ, переработанномъ видѣ (4 т., М., 1858—1860), въ значительной долѣ отражалъ на себѣ уже новыя научныя вѣянія, начавшіяся у насъ съ „40-хъ годовъ“. Первому тому труда Шевырева, вышедшему въ 1846 г., предшествовалъ не менѣе важный другой, предварительный, непосредственно съ нимъ связанный: *Введеніе въ исторію русской словесности* [М., 1844]. Въ этомъ „введеніи“ авторъ останавливается на „первыхъ вопросахъ въ исторіи русской словесности“, — о началѣ русскаго языка, объ отношеніяхъ его къ санскритскому, объ отношеніяхъ славянъ къ племенамъ греческимъ, о древнѣйшихъ сношеніяхъ съ римлянами, кельтами и т. д. Здѣсь же, въ „введеніи“, авторъ подробно говоритъ объ источникахъ и пособіяхъ по исторіи русской литературы, о важнѣйшихъ библіотекахъ, гдѣ хранятся эти источники, о вспомогательныхъ дисциплинахъ, палеографіи и библіографіи, и т. д. Въ I-мъ томѣ, въ самомъ изложеніи исторіи русской литературы, авторъ впервые съ особой подробностью останавливается на изложеніи памятниковъ русскаго народнаго творчества, преимущественно былиннаго, и затѣмъ, даетъ подробный обзоръ исторіи древнерусской литературы, съ введенія христіанства и начала письменности до конца XV вѣка. Въ своемъ трудѣ Шевыревъ впервые у насъ сталъ на почву чисто историческаго изученія предмета. Его „Исторія русской словесности“ была у насъ прежде всего первой научной попыткой подвести итогъ всему сдѣланному въ области изученія нашей древней литературы, попыткой

выполненной съ полнымъ знаніемъ дѣла,—первой дѣйствительно „исторіей“ нашей древней литературы, или, точнѣе, первымъ обращеніемъ къ этой литературѣ съ такой цѣлью ея серьезнаго, научно-историческаго изученія. Въ этомъ отношеніи весьма существенное значеніе имѣли уже самыя университетскія лекціи Шевырева, какъ это и указываетъ одинъ изъ учениковъ Шевырева и въ то же время одинъ изъ лучшихъ позднѣйшихъ изслѣдователей нашей литературы, Тихонравовъ. Шевыреву Тихонравовъ считалъ себя весьма многимъ обязаннымъ, и научное значеніе его „Исторіи“ ставитъ въ связь съ общимъ необычайно благотворнымъ вліяніемъ Шевырева на своихъ университетскихъ слушателей, въ смыслѣ именно историческаго изученія древней русской литературы. Лекціи Шевырева ставили научное изученіе именно на эту историческую почву. „Какъ профессору словесности въ Московскомъ университетѣ, читаемъ въ статьѣ Тихонравова: „Памяти С. П. Шевырева“ — Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе и силы своихъ слушателей къ историческому изученію языка и словесности. Если его „Исторія“ древней русской литературы не свободна отъ сантиментальной идеализаціи древнерусской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первою и доселѣ (1884 г.) остается единственною попыткой представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности... Первый эскизъ древней словесности, набросанный Шевыревымъ съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-петровской исторіи русской народности,— останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнутъ изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи“... Не только для своего, но и для гораздо болѣе поздняго времени, — трудъ Шевырева, по отзыву другого позднѣйшаго изслѣдователя, „по своему научному достоинству, занимаетъ почетное мѣсто не только въ ряду систематическихъ изложеній исторіи русской литературы,

но и въ цѣломъ ряду сочиненій, посвященныхъ обозрѣнію внутренней исторіи русскаго народа въ древній періодъ его историческаго существованія. Книга Шевырева изобилуетъ данными, свидѣтельствующими о добросовѣстномъ и усердномъ изученіи источниковъ и самостоятельномъ ихъ изслѣдованіи; она отличается стройностью изложенія и группировки фактовъ и представляетъ первый въ нашей литературѣ образецъ собственно историческаго направленія, разсматривая литературные памятники въ связи съ религіозною, умственною и общественною жизнью народа. Шевыревъ принадлежалъ къ числу ученыхъ, разработывавшихъ и двигавшихъ науку; онъ содѣйствовалъ обогащенію ея своими открытіями и изслѣдованіями, и трудъ его чуждъ того компилятивнаго характера, которымъ отличаются почти всѣ другіе труды этого рода, отъ самыхъ плохихъ до самыхъ лучшихъ... Несмотря на господствовавшее въ критикѣ нашей раздраженіе противъ Шевырева, достоинство труда Шевырева, поставившаго исторію словесности на небывалую у насъ высоту въ научномъ отношеніи, признано самыми строгими его судьями и порицателями, отдающими справедливость заслугамъ автора"... [Сухомлиновъ]. Общее весьма широкое научное значеніе труда Шевырева доказывается и фактически: черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своего появленія, этотъ трудъ снова былъ переизданъ нашей Академіей Наукъ [2 т. — Спб., 1887]. Нѣтъ нужды говорить о недостаткахъ труда Шевырева, болѣе чѣмъ существенныхъ! Между прочимъ Шевырева упрекали, и съ полнымъ основаніемъ, — за уклоненіе отъ историко-литературнаго матеріала въ область исторіи церкви (ср. отзывы Буслаева, позднѣе Тихонравова); исторія литературы въ книгѣ Шевырева нерѣдко переходитъ въ исторію церкви, — напр. останавливаясь на отдѣлѣ „житій святыхъ", онъ трактуетъ собственно не „житія святыхъ", а „святыхъ по жизни", забываетъ цѣли собственно историко-литературныя, увлекаясь цѣлью нравственнаго поученія и. т. п. И вообще свою задачу историка литературы Шевыревъ понялъ слишкомъ романтически, — съ примѣсью какого-то мисти-

цизма. „Такое направленіе, замѣчаетъ Сухомлиновъ, является у Баадера и другихъ писателей, стремившихся слить религію съ поэзіею и философіею. Памятники древней русской литературы, до которыхъ впервые дотрагивалась литературная критика, открывали просторъ для примѣненія къ нимъ любимыхъ воззрѣній автора, тѣмъ болѣе, что содержаніе памятниковъ было по преимуществу религіозное. Восторженный порывъ, поэтическій образъ, который такъ умѣстенъ въ художественномъ произведеніи, совершенно въ иномъ свѣтѣ является въ ученомъ изслѣдованіи... Простое изложеніе фактовъ, необходимое до поры до времени, казалось тогда, какъ многимъ кажется и теперь, черезчуръ сухимъ и безжизненнымъ; но для выводовъ еще не была достаточно разработана фактическая основа, а потому иные изъ нихъ являлись словно по вдохновенію, не имѣя живой внутренней связи съ неподлежащими сомнѣнію фактами. Романтическое увлеченіе тѣмъ сильнѣе бросалось въ глаза, что оно относилось къ тому періоду русской словесности, который не удостоивался даже и имени литературы“... Сама по себѣ „Исторія русской словесности“ Шевырева въ настоящее время является, конечно, трудомъ уже совершенно устарѣвшимъ. Нѣкоторое значеніе могутъ имѣть лишь имѣющіяся здѣсь обширныя библіографическія указанія, а также введеніе, тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о библіотекахъ и вообще рукописныхъ матеріалахъ, подлежащихъ изученію историка русской литературы (стр. XXII — CXXI). Трудъ Шевырева и въ свое время, конечно, давалъ мало для дѣйствительнаго историческаго изученія и пониманія нашей древней литературы; но это зависѣло и не отъ автора. Самая разработка матеріаловъ въ то время только что еще начиналась, и Буслаевъ былъ правъ, доказывая, что „для составленія настоящей исторіи древне русской словесности не наступило еще время“... Предметомъ изученія до 40-хъ гг. была исключительно церковная письменность; другіе отдѣлы древнерусской литературы, между прочимъ отдѣлъ книжно-поэтической литературы, знакомство съ которымъ могло бы совершенно видо-

измѣнить всю картину нашей старой литературы, отдѣлъ „отреченныхъ книгъ“ и свѣтскихъ повѣстей — оставались еще совершенно незатронутыми научнымъ изученіемъ, совершенно неизвѣстными! — эти отдѣлы остались совершенно незатронутыми и въ трудѣ Шевырева...

Мы приводили выше воззрѣнія Бѣлинскаго на народную поэзію; въ какой степени спеціально-научные взгляды Шевырева дѣлали здѣсь шагъ впередъ, — достаточно сопоставить съ этими мнѣніями Бѣлинскаго результаты научныхъ изысканій Шевырева въ той же области, насколько они излагаются въ первомъ изданіи названной его *Исторіи русской словесности* (М. 1846). Въ заключеніе остановимся еще именно на этихъ взглядахъ Шевырева.

Шевыревъ весьма подробно останавливается на характеристикѣ русскихъ былинныхъ богатырей. Онъ указываетъ ихъ происхожденіе изъ различныхъ мѣстностей русской земли и средоточіе ихъ около Кіева, гдѣ они служатъ уже идеѣ единства Русской Земли; отмѣчаетъ съ этой стороны разницу въ богатыряхъ новгородскаго цикла, прикрѣпленныхъ исключительно къ Новгороду и никогда не входящихъ въ циклъ богатырей кіевскихъ. Наиболѣе древній слой русскихъ былинъ, кіевскій, Шевыревъ пріурочиваетъ ко времени кн. Владимира Св. (†1015). Сосредоточиваясь около Владимира, кіевскіе богатыри являются однако носителями различныхъ историческихъ эпохъ, къ ихъ именамъ примыкаютъ различныя эпохи. Главныя, въ которыхъ они дѣйствуютъ: Владимирова, Татарская и эпоха Самозванцевъ, наиболѣе поздняя. Господствующая черта богатырей — тѣлесная сила. Русскій народъ олицетворилъ въ нихъ два великихъ подвига, совершенные имъ: отраженіе дикихъ азіатскихъ ордъ и уничтоженіе язычества. Всѣ дѣйствія владимировыхъ витязей сосредоточиваются около двухъ этихъ подвиговъ: одни принимаютъ участіе въ обоихъ, другіе ограничиваются однимъ изъ нихъ. „Великое было дѣло отстоять свою землю противъ напора дикихъ кочевыхъ племенъ Азіи, каковы были Обры, Угры, Печенѣги, Половцы, Татары! Кромѣ того, надлежало по-

корить народы, обитавшіе внутри нашей земли или на ея границахъ... Дикіе восточные звуки, искаженные временемъ и устами народа, часто раздаются въ этихъ пѣсняхъ. Татарское племя играетъ въ нихъ важнѣйшую роль. Странныя имена царей: Саулъ Леванидовичъ, Этмануилъ Этмануйловичъ, Афромей Афромеевичъ, Калинъ Калиновичъ, Азвякъ Таврулович, Салтыкъ Ставрульевичъ — означаютъ насмѣшливые намеки на татарскихъ хановъ. Татарщина олицетворяется иногда въ видѣ Змѣя Горынчища, который дышетъ огнемъ,—какъ дышала на насъ пожарами и убійствомъ Татарская Орда, или въ видѣ Тугарина Змѣевича, сына Большого Змѣя, — какъ будто малой Орды Крымской, порожденной большою. Орда смѣшивается съ землею Половецкою. Иногда странное имя намекаетъ будто на историческое имя племени,— наприм., царство Алыберское не имѣетъ ли отношенія къ Ольберамъ, упоминаемымъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ ?.. Безпрерывными столкновеніями съ дикими племенами объясняется и та грубость, которою нерѣдко отличаются наши былинные богатыри, и которая часто доходитъ до жестокости. Это — наростъ отъ дикихъ племенъ, съ которыми намъ приходилось такъ долго бороться! Насиліе вызывается насиліемъ, произволъ произволомъ, грубость грубостью... Но нельзя при этомъ не подчеркнуть и той самоотверженности, которой также отличаются наши богатыри. Второй подвигъ русскаго народа, олицетворенный въ богатыряхъ—борьба съ остатками язычества, чернокнижіемъ и волхвованіемъ; подвиги богатырей нерѣдко направлены въ эту сторону. Кіевское Идолище, съ которымъ борется Илія Муромецъ — язычество. Имя Соловья-разбойника, котораго убиваетъ Илья Муромецъ, указываетъ на какое-то отношеніе соловья къ Соловью Богомилу, который, по Іоакимовской лѣтописи, является верховнымъ жрецомъ, противникомъ христіанства. Алеша Поповичъ употребляетъ молитву противъ Тугарина Змѣевича. О Добрынѣ Никитичѣ Іоакимовская лѣтопись разсказываетъ, что онъ сокрушилъ идоловъ въ Новѣгородѣ. Этому преданію отвѣчаютъ и пѣсни: онъ прогоняетъ Змѣя Горынчища и казнитъ злую еретицу, колдунью Марину. „Но какъ нѣкоторые изъ нашихъ витязей,

сражаясь съ грубыми племенами, заразились отъ нихъ грубостью, или, вынужденные насиліемъ, прибѣгали тоже къ насилію, такъ точно другіе, ведя борьбу съ волхвами, сами заразились волхвованіями и употребляли то же оружіе, противъ котораго сражались". Такими чертами особенно отличаются былинныя преданія о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Волхвѣ Всеславьевичѣ. По поводу борьбы Потока съ змѣемъ, изслѣдователь замѣчаетъ, что въ былинныхъ преданіяхъ о змѣяхъ—„несомнѣнно ясны остатки индійскихъ преданій. Вспомнимъ, замѣчаетъ Шевыревъ, то множество змѣй, какое встрѣчается въ санскритской миѳологіи и поэзіи, ихъ змѣезаклинателей, о которыхъ разсказываютъ путешественники, и особенно Царя Змѣевъ, тысячеглаваго Сэша, который играетъ важную роль въ санскритскомъ міростроеніи. Конечно, отъ этого Индійскаго Змѣя ведутъ свой родъ и нашъ Большой Змѣй, дѣйствующій въ этомъ преданіи, и Змѣй Горынычъ, хотя къ нему и примѣшана идея татарщины. Самый уговоръ жены Потока — живому идти съ мертвымъ въ могилу—намекаетъ на остатокъ индійскаго обычая, но уже измѣненнаго. Видно, что всѣ наши древнія преданія, родственныя съ индійскими, перешли уже въ волхвованіе, въ силу вражію, которая борется съ силою высшею, духовною"... По поводу былины о Волхвѣ Всеславьевичѣ, изслѣдователь отмѣчаетъ связь этого чародѣя-богатыря съ Всеславомъ, княземъ полоцкимъ, представленнымъ чародѣемъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Изслѣдователь останавливается также на упоминаніи въ этой былинѣ объ индійскомъ царствѣ, которое покоряетъ Волхвъ: въ этомъ былинномъ эпизодѣ Шевыревъ видитъ смутное отраженіе народной памяти о томъ, что „Индія—родина чернокнижія и волхвованія", что „оттуда, изъ этого первоначальнаго родства съ индійскимъ племенемъ, нашъ народъ почерпнулъ свои преданія чернокнижныя. Чудная память его сохранила темное о томъ сознаніе. Волхвъ, представитель богатырской силы въ кудесничествѣ, овладѣвъ всѣми его тайнами, разрушаетъ въ конецъ Индѣйское царство, самую родину волхвованія, и выселяется туда изъ своего отечества. Такъ можетъ, по мнѣнію изслѣдователя, наука осмы-

слить пѣсенное преданіе о борьбѣ съ царствомъ Индѣйскимъ Волхва Всеславьевича, главнаго олицетворителя той части народа, которая сражалась съ остатками язычества"... Шевыревъ указываетъ здѣсь же на слѣды устныхъ народныхъ преданій въ лѣтописяхъ; старается указать вліяніе Скандинавскихъ сагъ на нѣкоторые разсказы нашей начальной лѣтописи. Такъ лѣтописный разсказъ о призваніи трехъ братьевъ-князей Шевыревъ сближаетъ съ однимъ подобнымъ же ирландскимъ преданіемъ; преданіе о смерти Олега Вѣщаго — съ одной исландской сагой о витязѣ Орваръ Оддѣ; разсказъ о сожженіи Ольгою Коростеля — съ сагой о Гаральдѣ Гардрадѣ и т. д. Анализируя самыя былины, Шевыревъ указываетъ, съ какой особой любовью относится народный эпосъ къ главному своему герою, Ильѣ Муромцу. Основная черта этого богатыря — служеніе міру. „Одинъ поэтъ прекрасно назвалъ его витяземъ служебной силы. Въ своемъ самоотверженіи почерпаетъ онъ сознаніе своего достоинства. Гордится въ своихъ родителяхъ тѣмъ только, что и они служатъ міру"... Въ былинѣ *Отъ чего перевелись богатыри на Руси,* Шевыревъ видитъ выраженіе великой мысли о томъ, какъ въ древней Руси „сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной", и т. д. Прибавимъ, Шевыревъ первымъ изъ нашихъ изслѣдователей обратилъ вниманіе на духовные стихи. Онъ разсматриваетъ ихъ, какъ и былины кіевскія, вмѣстѣ съ памятниками X вѣка, въ связи съ эпохой принятія христіанства, — такъ какъ въ этомъ главномъ событіи эпохи они „имѣютъ свое начало", и замѣчаетъ, что многіе изъ нихъ носятъ признаки глубочайшей древности. Въ свое время Шевыревъ одинъ отмѣтилъ и изданіе духовныхъ стиховъ, сдѣланное Кирѣевскимъ,— въ тогдашней критикѣ прошедшее совершенно безслѣднымъ! Рядомъсъ общимъ содержаніемъ духовныхъ стиховъ, христіанскимъ, — Шевыревъ указываетъ въ нихъ „примѣсь языческихъ преданій". Съ другой стороны, многіе духовные стихи, заимствуя предметы изъ священныхъ преданій, обнаруживаютъ „примѣненія къ роднымъ событіямъ русской исторіи"...

Шевыревъ между прочимъ подробно останавливается на стихахъ о *Голубиной книгѣ* и о *Страшномъ судѣ*. „Первый стихъ носитъ на себѣ слѣды глубокой древности. Это родъ поэтической космогоніи народа, которой образы облечены въ мысль христіанскую. Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ. Смѣшаны вмѣстѣ эпохи — Давида, Захаріи, Владимира. Пѣсня не знаетъ времени"... Въ присутствіи народа происходитъ бесѣда-состязаніе вопросами: Владимиръ предлагаетъ Давиду вопросы о началѣ міра и человѣка и всего сущаго. Всѣ прекрасныя, свѣтлыя явленія міра претворяются въ воображеніи русскаго народа въ Христовы символы, — всякое явленіе въ жизни и природѣ относится ко Христу и отъ Него только заимствуетъ свое первенство и значеніе... Признаніе власти и покорность ей основываются на увѣренности, что она, эта власть — первая хранительница православной вѣры... Окіанъ-море всѣмъ морямъ мати, потому что изъ него выходила церковь соборная святаго Климента, попа римскаго, и въ той церкви соборной явились книги самого Христа, царя небеснаго: послѣднее — отраженіе преданій о св. Кириллѣ, просвѣтителѣ славянъ, давшемъ русскому народу грамоту... Китъ-рыба, Индрикъ-звѣрь, Истрофиль-птица — отголоски преданій языческихъ. Конецъ бесѣды посвященъ рѣшенію вопроса о правдѣ и не-правдѣ... Пересказывая стихъ *о Страшномъ судѣ*, Шевыревъ замѣчаетъ, что рисуемая въ стихѣ картина Страшнаго суда „принадлежитъ къ числу народныхъ изображеній. Древность ея несомнѣнна и засвидѣтельствована лѣтописцемъ. Она дѣйствовала на воображеніе Владимира... „Есть нѣкоторое сходство, замѣчаетъ изслѣдователь, между народною картиною и стихомъ, который касается того же предмета. Вѣроятно, византійская живопись одушевляла отчасти народную фантазію"... Послѣднее замѣчаніе было между прочимъ довольно цѣннымъ.

Изслѣдователь такъ формулируетъ свои выводы: „Зачало" историческихъ и духовныхъ пѣсенъ русскаго народа — „въ отношеніи къ эпохѣ и къ основной мысли таится въ X

вѣкѣ, во временахъ Владиміра I". Пѣсни рѣзко представляютъ двѣ половины. „Одна изъ нихъ, еще темная полуязыческая, представляетъ развитіе силъ тѣлесныхъ въ борьбѣ съ дикимъ насиліемъ и съ самымъ язычествомъ; другая, свѣтлая, беретъ образы міра чистаго и духовнаго"... Здѣсь, въ этихъ народныхъ пѣсняхъ — „главныя черты народной фантазіи, какъ она является въ самомъ началѣ, еще не тронутая никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Въ первой половинѣ, въ богатырскихъ пѣсняхъ, фантазія представляетъ, съ одной стороны, образы ярко преувеличенные, съ другой естественные, снятые съ природы. Дубъ, напримѣръ, часто бываетъ изломанъ стрѣлою въ черенья ножевые; огромный лукъ несутъ десять человѣкъ; пьютъ и ѣдятъ витязи не въ мѣру людямъ. Яркіе слѣды родства съ фантазіею Востока видны въ этихъ картинахъ... Но есть и другія, напоминающія естественность, дружбу съ природою, фантазіи греческой: приведемъ на память стрѣляньe изъ лука, сходное съ гомерическимъ, чертоги и пиры Владимировы. Можно бы было поставить фантазію нашихъ богатырскихъ пѣсенъ на переходной границѣ отъ Востока къ Греціи. Затѣмъ выдаются еще двѣ яркія черты: рѣзвая, ироническая шутка, по большей части, добродушная, — и хитрая, всесторонняя оборотливость, особенно замѣтная въ пѣсняхъ кудесническихъ"... Иныя черты фантазіи видимъ въ другой, „свѣтлой половинѣ" народныхъ пѣсенъ. Основная черта этихъ пѣсенъ — „младенческая простота"... Это — фантазія народа, который, не отказываясь отъ вопросовъ разума, основу жизни своей утвердитъ въ вѣрѣ; но, покорный ея началу, выше всего поставитъ любовь, которая все терпитъ и все прощаетъ. Въ чистыхъ образахъ этой фантазіи таится начало мысли о примиреніи любви и правды, почерпнутое изъ глубины христіанства" (Шевыревъ, Ист. русской словесности. I, Москва, 1846, стр, 235—237. 240—241. 242—248. П. М., 1846, стр. 5—6 и др.). Какъ во всей „Исторіи", — и здѣзь у Шевырева слишкомъ много романтическаго и мистическаго тумана; но нельзя не видѣть здѣсь же и стремленій изслѣдователя стать на

твердую почву реальныхъ, историческихъ сближеній. И вообще нельзя не видѣть въ „Исторіи русской литературы“ Шевырева, при всѣхъ недостаткахъ этого труда, неизбѣжныхъ для того времени, и личныхъ увлеченіяхъ автора, — вполнѣ здороваго зерна: стремленія въ историческомъ развитіи литературы услѣдить исторію развитія народа. Въ этомъ, какъ указывалъ Тихонравовъ, заключалось существенное значеніе труда Шевырева; этимъ опредѣлялась важность изысканій Шевырева и въ области народной поэзіи. Шевыревъ былъ здѣсь ближайшимъ предшественникомъ Буслаева, — хотя исходныя точки зрѣнія были еще весьма различны! Но Шевыревъ все же видитъ въ нашихъ былинахъ тѣ или другія историческія черты, ставитъ ихъ на почву исторіи, — пытается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ услѣдить мысль народа, его философію, міровоззрѣніе... Это міровоззрѣніе старался открыть и Бѣлинскій; но онъ на область народной поэзіи смотрѣлъ еще съ общей точки отвлеченной литературной эстетики, — съ точки зрѣнія общечеловѣческой литературы и культуры. Мѣркой ему служитъ эстетика, а не историческая жизнь народа, та или другая историческая степень культурнаго развитія, народа, — какъ для Шевырева. Послѣдній, конечно, далеко не всегда вѣрно сближалъ исторію съ народной поэзіей, далеко не всегда вѣрно улавливалъ основныя черты народнаго міровоззрѣнія; Шевыревъ здѣсь даже прямо слишкомъ преувеличиваетъ, слишкомъ своеобразно смотритъ на историческія явленія, съ точки зрѣнія такъ называемой славянофильской, или прямо церковной, но Шевыревъ стоитъ все же ближе къ истинѣ, стоитъ уже на пути, который велъ къ вѣрному рѣшенію вопроса...

Помимо чисто научнаго, — трудъ Шевырева имѣлъ для своего времени и широкое общественное значеніе: отчасти онъ былъ результатомъ читанныхъ передъ этимъ Шевыревымъ въ Москвѣ „публичныхъ лекцій“. Эти лекціи открыли передъ слушателями научную область, которая до того времени представляла совершенную terram incognitam. Изъ отзыва Кирѣевскаго можно видѣть, какое впечат-

лѣніе произвели эти лекціи на тогдашнее наше мыслящее общество. „Прежде чѣмъ начались чтенія Шевырева, говоритъ Кирѣевскій, — многіе изъ его слушателей не вѣрили ихъ возможности. Предметъ лекцій казался имъ неблагодарнымъ; они думали, что чтенія о древней словесности могутъ имѣть только одинъ интересъ — филологическій: нѣсколько памятниковъ, говорили они, не составляютъ еще словесности; литература наша началась съ Ломоносова и т. д. Представьте же себѣ ихъ удивленіе, когда, послѣ самыхъ первыхъ чтеній, они должны были убѣдиться, что лекціи о древней русской словесности имѣютъ интересъ живой и всеобщій, который заключается не въ новыхъ фразахъ, но въ новыхъ вещахъ, въ богатомъ, малоизвѣстномъ и многозначительномъ ихъ содержаніи. Эта новость содержанія, это оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности“...

IV.

„Сороковые годы“; общій необычайный подъемъ въ области историко-литературныхъ изученій. — Расширеніе взглядовъ на задачи и цѣли изученія литературныхъ памятниковъ. — Буслаевъ и необычайное разнообразіе его научныхъ изученій. — Изслѣдованія Буслаева въ области русскаго языка, въ связи съ характеромъ предшествовавшихъ нашихъ филологическихъ изученій. — Изслѣдованія Буслаева въ области славяно-русской миѳологіи и русской народной поэзіи, въ области древнерусской письменности и древнерусскаго искусства и т. д. — Дальнѣйшія научныя изученія въ связи и по слѣдамъ трудовъ Буслаева. — Изслѣдованія въ области языка. — Труды по собиранію и изученію памятниковъ народной поэзіи. — Изученія въ области древней русской письменности; изданія памятниковъ, ихъ „описанія“. — *Описаніе рукописей Моск. Синод. Библіотеки* Горскаго и Невоструева. — Труды Ундольскаго. — Изданія памятниковъ Бодянскаго, Срезневскаго и др. — Общее расширеніе научныхъ изученій въ области древнерусской литературы; труды по изученію *Слова о полку Игоревѣ*. — Изученія въ области русской литературы XVIII и XIX вв.

Съ конца „сороковыхъ годовъ“, въ половинѣ 50-хъ у насъ обнаруживается общій необычайный подъемъ во всей

области нашей исторической науки. Въ связи съ этимъ, конецъ 40-хъ — полов. 50-хъ годовъ является временемъ самаго рѣшительнаго „перелома“ и въ развитіи нашихъ филологическихъ и историко-литературныхъ изученій. Эти годы проводятъ наиболѣе рѣзкую грань между прежнимъ, старымъ содержаніемъ и характеромъ нашей науки и новымъ, всѣмъ дальнѣйшимъ ея развитіемъ. Рѣзкая грань — въ содержаніи, объемѣ, во всемъ направленіи, методахъ и пріемахъ научныхъ изслѣдованій! Съ конца сороковыхъ — половины пятидесятыхъ городовъ у насъ какъ-то разомъ и необычайно быстро не только расширяется самый матеріалъ, подлежащій изученію, — но возникаютъ и совершенно новыя точки зрѣнія на пріемы этого изученія, совершенно новые взгляды на объемъ и задачи той или другой спеціальной научной области. Подъ ближайшимъ вліяніемъ западной науки, начиная съ „сороковыхъ годовъ“ у насъ выступаетъ цѣлый рядъ новыхъ научныхъ дѣятелей, — съ несравненно болѣе широкой программой историческихъ изученій, чѣмъ это было еще такъ недавно передъ этимъ, съ несравненно болѣе глубокой подготовкой, съ обширнымъ запасомъ ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ западной наукой. Буслаевъ, Кавелинъ, Срезневскій, Кудрявцевъ, Грановскій, Соловьевъ, Катковъ, Неволинъ, Калачовъ и т. д. и т. д. — одновременно и разомъ въ самыхъ различныхъ областяхъ русской исторической науки полагаютъ новыя начала. Одновременно съ этимъ чрезвычайно усиливаются интересы къ народной поэтической старинѣ, „живой“, этнографической, къ сохранившимся остаткамъ еще живущихъ въ народѣ древнѣйшихъ обычаевъ, обрядовъ, пѣсенъ, сказокъ, повѣрій и т. д., ко всей этой разнообразной и сложной области этнографическаго матеріала, — изученіе котораго съ этого времени особенно усиливается и у насъ и на Западѣ. Около 1846 года возникаетъ „Русское Географическое Общество“, — и собираніе этнографическаго матеріала, бытового и поэтическаго, разомъ получаетъ необыкновенно широкіе размѣры. Быстро накапливаются огромныя массы совершенно свѣжихъ

данныхъ, собранныхъ въ разныхъ концахъ Россіи, — при чемъ народный бытъ захватывается не только съ небывалой дотолѣ широтой, но — что особенно было важно— съ стремленіемъ, при собираніи этнографическаго матеріала, къ самой строгой фактической точности, которой такъ недоставало прежнимъ собраніямъ... Въ концѣ 40-хъ гг. въ нашихъ университетахъ открываются каѳедры славянскихъ нарѣчій—и это тотчасъ же ведетъ къ болѣе близкому и непосредственному знакомству съ славянскими учеными. Начавшіяся изученія славянскаго міра, западнаго и южнаго, въ свою очередь могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствуютъ расширенію и упроченію возникшаго научнаго движенія. Изученія славянства впервые даютъ русской этнографіи твердыя, научныя основанія, указывая для древнѣйшей поры „народности“ ея общеславянскую основу. „Явилась возможность сравненія языка, сравненія миѳовъ, преданій, поэзіи, сравненія бытовыхъ учрежденій и обычаевъ и т. д.“. Все это давало дальнѣйшимъ историко-литературнымъ изученіямъ въ области народной поэзіи и вообще народной поэтической старины несравненно болѣе прочную почву, — сообщало имъ невозможную дотолѣ широту постановки. „Русская народность“ разомъ дѣлается предметомъ самыхъ разносторонних и усиленныхъ изученій. Разомъ, одновременно идутъ изслѣдованія и имѣющагося подъ руками матеріала и новыя, болѣе широкія его собиранія. Рядомъ съ прежними, уже давно начавшимися, трудами собственно этнографическими, рядомъ съ прежними собираніями и изученіями въ области старой письменности, преимущественно церковной, духовной, — изученія съ особой энергіей обращаются на фактическое собираніе уцѣлѣвшихъ памятниковъ народной поэзіи, на обслѣдованіе сохранившагося объема древнерусской письменности, — не только церковной, но и народно-поэтической, легендъ, апокрифовъ; одновременно съ этимъ идутъ работы по изученію языка, книжнаго и народнаго, несравненно болѣе широкія изученія народной миѳологіи, обычнаго права, исторіи церкви, изученія области, остававшейся дотолѣ совер-

шенно запретной, русскаго раскола; ставятся широкіе теоретическіе вопросы объ общемъ ходѣ развитія русской народности и государственнаго начала, объ отношеніяхъ „русскаго народа“ къ „западной цивилизаціи“ и т. д. и. т. д. Ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, моменту особеннаго духовнаго подъема въ русскомъ обществѣ, движеніе быстро усиливается благодаря ослабленію около этого времени и чисто внѣшнихъ, цензурныхъ стѣсненій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ русской наукой. Въ научныхъ и литературныхъ кружкахъ теперь вообще идетъ оживленная и новая работа. „Рядомъ съ возбужденными общественными интересами, которые вызывались событіями — крымской войной, новымъ царствованіемъ, ожиданіемъ реформъ — въ ту пору складывался, вспоминаетъ современникъ-изслѣдователь — и тотъ живой, можно сказать, страстный интересъ къ изученію старины и народности, который уже вскорѣ сталъ прочнымъ направленіемъ и внесъ новое содержаніе какъ въ историческую науку, такъ и въ общественное сознаніе. Старшее поколѣніе давало своими трудами плодотворныя возбужденія. Въ исторической области появились тогда первые томы *Исторіи Россіи* Соловьева, Забѣлинъ печаталъ первые очерки *Домашняго быта русскихъ царей*, Калачовъ издавалъ свой замѣчательный *Архивъ;* Аѳанасьевъ начиналъ первое научное изданіе *Русскихъ народныхъ сказокъ*, углублялся въ миѳологическія изслѣдованія по слѣдамъ Буслаева, и въ то же время готовилъ матеріалы „Библіографическихъ Записокъ“; Срезневскій начиналъ свои археографическія изысканія въ „Извѣстіяхъ“; въ особенности въ полномъ развитіи были изслѣдованія Буслаева“... [Пыпинъ]. Съ начала 50-хъ гг. особенно усиливается дѣятельность II Отд. Академіи Наукъ, особенно много способствующая общему развитію и упроченію возникающихъ теперь нашихъ филологическихъ, историко-литературныхъ и обще-этнографическихъ изученій. По мысли и предложенію Срезневскаго, при Отдѣленіи возникаетъ, подъ редакціей Срезневскаго, два періодическихъ ученыхъ изданія: *Извѣстія Императорской Ака-*

деміи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности и *Ученыя Записки II Отд. Имп. Академіи Наукъ*. Первыя стали выходить съ 1852 г. и продолжались по 1863 [вышло всего 10-ть томовъ: I — X, Спб., 1852—1863], вторыя — съ 1854 года и продолжались по 1861 [всего — 7 томовъ: Спб., 1854—1861]. Дальнѣйшимъ продолженіемъ этихъ изданій былъ *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ*, начатый съ 1867 г. и продолжающійся до сихъ поръ [вышло ок. 90 томовъ: Спб., 1867—1913; „Указатель“ къ нему, а равно и къ другимъ изданіямъ Отдѣленія, а также Россійской Академіи — въ 52-мъ томѣ „Сборника“]. Академическія изданія были особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для возникшаго научнаго движенія. Кромѣ редактора, который былъ главнымъ вкладчикомъ, — въ „Извѣстіяхъ“ и „Ученыхъ Запискахъ“ принимали участіе почти всѣ наличныя силы того времени по славянской филологіи и исторіи отечественной словесности. Громадную научную цѣнность изданій до сихъ поръ составляетъ помѣщенный здѣсь рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій по изученію славянской и древнерусской письменности, памятниковъ народной словесности, изданію самыхъ памятниковъ, письменныхъ и устныхъ, ихъ изученію въ связи съ исторіей языка, постановкѣ вопросовъ объ изученіи самаго языка, древняго и современнаго, и т. д. и т. д. Было бы трудно, почти невозможно, даже въ общихъ чертахъ намѣтить важнѣйшіе, помѣщенные здѣсь, труды и изслѣдованія, отдѣльныя записки, замѣтки, часто очень небольшія по объему, но въ высшей степени цѣнныя въ научномъ отношеніи, — касающіяся изученія славянскаго и русскаго языковъ, памятниковъ народной поэзіи и древней русской письменности. „Извѣстія“ особенно вводили читателя непосредственно какъ бы въ самый процессъ научныхъ изысканій... Одновременно съ этимъ, въ 1855 году, при Казанской духовной Академіи основывается ученый журналъ *Православный Собесѣдникъ*, въ которомъ начинаетъ печататься, рядомъ съ изслѣдованіями, огромная масса новыхъ, дотолѣ не бывшихъ въ печати, памятниковъ древнерусской литературы [жур-

налъ продолжаетъ выходить до сихъ поръ]; въ отношеніи къ изученію древнерусской литературы особенно цѣнны первые годы. Нѣсколько раньше при Московской Духовной Академіи основанъ былъ ученый журналъ — *Прибавленія къ твореніямъ святыхъ отцевъ*, гдѣ имѣется рядъ чрезвычайно цѣнныхъ по своей документальности статей по древнерусской литературѣ и просвѣщенію, принадлежавшихъ между прочимъ извѣстному проф. А. В. Горскому [† 1874]... Съ конца 50-хъ гг. начинаютъ издаваться *Библіографическія Записки* Лонгинова и Афанасьева [3 т., 1858—1861] и *Лѣтописи русской литературы и древности* Тихонравова [5 т., М., 1859—1865]. Оба эти изданія, по массѣ и цѣнности обнародованнаго здѣсь научнаго матеріала, относящагося какъ къ древней, такъ и новой русской литературѣ, до сихъ поръ остаются капитальными пособіями въ нашей наукѣ... Все это скоро дало богатый результатъ. „Поиски въ древней литературѣ открыли существованіе многихъ, ранѣе неизвѣстныхъ, памятниковъ и установили точнѣе, чѣмъ было до тѣхъ поръ, первые начатки древней русской письменности. Работы по языку повели къ изданію *Опыта областного великорусск. словаря* [*Спб.*, 1852; *Дополненіе, Спб.*, 1858], къ собранію обширныхъ матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка, для объясненія восточныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, для выработки плана будущаго словаря русскаго языка и т. д. Поиски въ народной словесности вознаградились на первый же разъ замѣчательными пріобрѣтеніями: таковы были знаменитыя пѣсни, записанныя въ началѣ XVII в. въ Москвѣ англійскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ; таковы были новыя былины о богатыряхъ Владимира, былины и пѣсни о событіяхъ XVI и XVII вѣковъ, о Петрѣ Великомъ и пр., — памятники, почти не появлявшіеся вновь въ литературѣ со временъ Кирши Данилова и которые были предшественниками сдѣланныхъ уже вскорѣ блистательныхъ открытій въ области русскаго народнаго эпоса“ [Пыпинъ, Ист. рус. этн., II, 52].

Новыя болѣе широкія требованія, возникшія въ области

историко-литературныхъ изученій, неизбѣжно производили рѣшительное измѣненіе въ самой постановкѣ всей науки,— выдвигали совершенно новые взгляды на самый объемъ, содержаніе, конечныя задачи и цѣли „исторіи литературы", какъ науки.

Отличительной чертой старой эстетической исторіи литературы было пренебреженіе къ эпохамъ переходнымъ. Историки-эстетики „не любили подвергать анализу тревожныхъ, не пришедшихъ въ гармонію историческихъ элементовъ; эпохи начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса". Эстетическое изученіе стояло внѣ всякаго отношенія къ исторіи, исторической послѣдовательности литературныхъ произведеній. Для историка-эстетика не существовало, наприм., простонародной литературы, — очень мало или даже никакого интереса не представляла и старая письменность... Совершенно другіе взгляды выдвигались теперь. Тихонравовъ ранѣе другихъ формулировалъ характеръ этихъ новыхъ направленій въ области историко-литературныхъ изученій, — какъ они сложились у насъ къ пол. 50-хъ гг. „Въ настоящее время — писалъ онъ въ 1858 г., въ извѣщеніи о предпринятомъ имъ изданіи „Лѣтописи русской литературы и древности" — „исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ историческихъ. Она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній, — поставивъ себѣ задачу уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать, какъ явленіе исключительное, внѣ

всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему только чисто эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ прежнихъ „исторіяхъ“ литературы... Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія литературы стала дорожить тѣми подробностями, которыя способствуютъ уясненію этого вопроса; отсюда любовь къ полнымъ изданіямъ писателей, къ собиранію біографическихъ данныхъ, къ изданію рукописей, рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и т. д. Самое подробное и обстоятельное изученіе народнаго быта по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея произведеніями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миніатюристами и граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ исторіей искусства. Одинъ и тотъ же духъ вѣетъ и въ литературѣ и въ искусствѣ, и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно внѣ полнаго вниманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи; потому блистательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширенію исторіи литературы. Успѣхи языковѣдѣнія не остались въ свою очередь безъ вліянія на исторію литературы. Выросшая на основѣ общихъ индо-европейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка — словесность народная можетъ быть вполнѣ понимаема только въ связи съ изученіемъ миѳологіи, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ“... [„Библіограф. Записки“, II, М., 1859, стр. 55—57]. Такъ, быстро и самымъ рѣшительнымъ образомъ, къ концу 40 — пол. 50 гг. измѣнился основной взглядъ на задачи историко-литературныхъ изученій, на

методы и пріемы изслѣдованія, на самый объемъ предмета! Старая эстетика замѣнилась исторіей...

Все это — и самой массой фактическаго матеріала и массой новыхъ теорій, объясненій, гипотезъ — не могло не производить „переворота“. На одной изъ первыхъ статей Кавелина, написанной по поводу появленія упоминавшагося выше труда Терещенко [„Бытъ русскаго народа“. Спб., 1847], — наглядно можно видѣть, какъ далеко отстояло, въ области, напр., этнографіи это „старое“ отъ выступавшаго теперь новаго направленія науки, какая широкая бездна лежала между прежними, полуинстинктивными увлеченіями „народностью“, этими, чаще всего неясными, романтическими увлеченіями въ область народнаго прошлаго, — и новыми, строго-научными требованіями, заявляющимися теперь на почвѣ западной науки... Какую широту, разносторонность, вмѣстѣ съ значительной долей самостоятельности, приняли къ концу 40-хъ — половинѣ 50-хъ годовъ наши историко-литературныя изученія, показываютъ еще болѣе труды Буслаева и начинающіеся вскорѣ труды его ближайшихъ „учениковъ“ — Тихонравова, Пыпина, Сухомлинова и безконечнаго ряда другихъ дѣятелей, научныя изслѣдованія которыхъ, въ общей массѣ, до сихъ поръ сохраняютъ все свое значеніе.

Эпоху въ изученіи русской народной старины и словесности дѣлаютъ въ особенности труды акад. Ѳ. И. Буслаева, — какъ болѣе ранніе.

Буслаевъ выступилъ въ русской наукѣ первымъ выразителемъ того новаго научнаго движенія, которое только что совершилось передъ тѣмъ въ Германіи и главными представителями котораго были Боппъ и Я. Гриммъ. Начала критики Буслаева — гриммовскія начала историко-сравнительнаго метода въ изученіи миѳологическаго матеріала, гриммовскій методъ изученія, примѣненный и развитый нашимъ изслѣдователемъ, впрочемъ, вполнѣ самостоятельно и на почвѣ самой широкой эрудиціи. Мы уже говорили, что съ появленіемъ изслѣдованій Боппа и Гримма, западно-европейское языкознаніе получило совершенно но-

вое направленіе. Рядомъ съ прежней „филологіей“ выступила „лингвистика“. Я. Гриммъ самъ такъ характеризовалъ взаимное отношеніе двухъ научныхъ направленій: „Два рода изученія языковъ — филологическій и лингвистическій. Для перваго языкъ есть только средство къ изученію древней литературы, но средство неистощимо богатое содержаніемъ. Цѣль филолога достигнута, если онъ мало по малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и составъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ собственное, врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно уславливаются другъ съ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи, богатѣетъ и содержаніе для грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, съ взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато-разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словесныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣли... Другой родъ изученія — лингвистическій — углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и от-

крывать въ немъ законы, наблюдать не то, что на немъ выражается, а то, что́ живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ его членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукахъ и флексіяхъ и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія примѣняетъ свои правила въ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно. Изумляетъ множество открытыхъ и извлеченныхъ корней изъ почвы изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію, легко можно разсѣяться, и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на такую крутую высоту, съ кототой какъ разъ упадетъ, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ вышеописанной филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медлено и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всѣмъ опротивѣвшую этимологію, и положило конецъ прежнему произволу; но онъ опять вкрался бы, если бы оно загромоздило себя безконечными исключеніями и аномаліями, и не расширило и не укрѣпило своего основанія. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко

коренящагося закона, нѣтъ исключеній, которыя, основательно понятыя, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобы дать первенство закону передъ неправильностью и правилу передъ исключеніемъ“ (приводимъ по переводу Буслаева: „О препод. отеч. языка“, I, стр. 3—5). Эти мысли быстро получили дальнѣйшее развитіе и приложеніе въ историческихъ изученіяхъ. На почвѣ лингвистическихъ данныхъ само собою возникли изслѣдованія чисто историческаго характера. „Языкъ — читаемъ у В. Гумбольдта — глубоко входитъ въ умственное развитіе человѣчества, онъ вѣрный спутникъ его на каждой степени мѣстныхъ успѣховъ и упадковъ; въ языкѣ можно узнать всякое состояніе умственнаго развитія народа. Но есть эпоха, когда и видишь только языкъ, гдѣ онъ уже не спутникъ или свидѣтель умственнаго развитія, а единственный его представитель“... Языкъ народа впервые представился, какъ исторически, по извѣстному закону развившійся организмъ, который въ своихъ современныхъ формахъ и матеріалѣ сохранилъ отраженные на немъ слѣды давнихъ, изъ глубочайшей старины, ступеней развитія, понятій, быта и миѳологіи. На почвѣ сравнительнаго языкознанія возникла сравнительная миѳологія, — и лингвистика превратилась въ лингвистическую палеонтологію. Въ языкѣ открыли скрывавшуюся дотолѣ „цѣлую жизнь народовъ, со всѣми богатыми и разнообразными ея отправленіями“. Какъ палеонтологія съ помощью ископаемыхъ костей не только возстановляетъ первичный образъ животнаго, но и самыя его привычки, способъ движенія, питанія и т. д., такъ и сравнительное языкознаніе, по немногимъ остаткамъ древнихъ словъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, разборомъ первоначальнаго значенія корней, можетъ оживить жизнь и дѣла народовъ“... Въ частности, въ отношеніи собственно къ миѳологическимъ изслѣдованіямъ, методъ основанной Гриммомъ сравнительной миѳологіи, въ ея ближайшемъ къ основателю развитіи, можно характеризовать такъ: „Основываясь на убѣжденіи, что начала миѳическихъ предста-

вленій индо-европейскихъ племенъ восходятъ къ отдаленнѣйшей эпохѣ до-историческаго единства, она стремится прежде всего извлечь эти общія миѳическія начала изъ позднѣйшаго матеріала, потерпѣвшаго на долгомъ жизненномъ поприщѣ различныя крушенія и измѣненія, и этотъ процессъ реставраціи производитъ посредствомъ сравнительнаго разбора: во 1-хъ, миѳическихъ наименованіе и терминовъ; во 2-хъ, миѳическихъ образовъ и представленій, дошедшихъ къ намъ какъ въ письменныхъ источникахъ, такъ и въ преданіяхъ индо-европейскихъ племенъ. Такимъ путемъ, изъ подъ слоевъ, нанесенныхъ исторіею, необходимостями и случайностями долгой жизни, постепенно освобождаются и выходятъ прозрачные первичные образы наивнаго народнаго міровоззрѣнія и вѣрованія; здѣсь, на этой высотѣ, уже нѣтъ нужды прилагать заботы объ отысканіи первоначальнаго знаменованія этихъ образовъ: источникъ и смыслъ ихъ становится понятенъ и осязателенъ самъ собою, потому что простъ и очевиденъ. Овладѣвъ так. образ. значеніемъ и формою первичныхъ миѳическихъ представленій и вѣрованій, наука идетъ потомъ путемъ обратныхъ и слѣдитъ уже историческое и этнографическое измѣненія этихъ простѣйшихъ элементовъ, т. е. ихъ измѣненій соотвѣтственно съ движеніемъ быта, историческими и природными судьбами различныхъ народностей; въ этой области — сравнительная миѳологія входитъ какъ часть въ общую исторію культуры народа“... (Котляревскій, Соч., I. 375—376, II, 267—268).

Такова была новая почва лингвистическо-культурныхъ изученій, на которую впервые у насъ выступилъ Буслаевъ. Буслаевъ впервые приложилъ къ изученію славяно-русской миѳологіи и всей нашей народной старины пріемы сравнительно-историческаго языкознанія. Его книга: *Объ изученіи отечественнаго языка* (М., 1844; второе изд. — М., 1867) и магистерская диссертація *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ* (М., 1848) были первыми опытами примѣненія сравнительнаго языкознанія и историческаго метода къ русскому и славянскому языкамъ. Особенно важнымъ было

послѣднее изслѣдованіе. Въ немъ, впервые для русской науки, доказывалось, — что „исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа“, что „въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды миѳологіи народной“, что „древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка“, что „родство языковъ индо-европейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ“, и что „миѳологическія преданія славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ народовъ“... Это были положенія, непосредственно принадлежавшія еще Гримму; но они доказывались и примѣнялись здѣсь вполнѣ самостоятельно, путемъ самостоятельнаго лингвистическаго изученія предмета, остававшагося до того времени совершенно незатронутымъ — языка древне-славянскаго перевода св. Писанія. Выводы, къ которымъ приходилъ авторъ на основаніи изученія этого перевода, были слѣдующіе: „Готскій переводъ Библіи предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ. Готскій переводъ Библіи, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готскій переводъ Библіи, но и др. нѣм. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у славянъ съ нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ св. Писанія, но не вошедшіе въ славянскій. Переводъ св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще

во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ св. Писанія, но даже и готскаго, замѣчается бо́льшее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ св. Писанія извлекли славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готскомъ. По языку перевода св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ св. Писанія". — Таковы были методъ и направленіе ученыхъ изысканій нашего изслѣдователя. Приведенные выводы, по справедливому замѣчанію Пыпина, открывали въ славянской культурной жизни бытовую картину „такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука"...

Не менѣе важны были изслѣдованія Буслаева въ области собственно русскаго языка и его исторіи. Мы говорили выше о трудахъ здѣсь Востокова и общемъ характерѣ нашихъ филологическихъ изученій въ это время— до Буслаева; коснемся нѣкоторыхъ подробностей.

Какъ извѣстно, *Россійская Грамматика* [1755] Ломоносова и *Русская Грамматика* [1831] Востокова были до самой второй половины XIX столѣтія чуть не единственными строго научными трудами въ области изученія живого русскаго языка и его историческаго прошлаго, особенно въ отношеніи его къ старо-славянскому. Какъ мы уже замѣчали, — до Ломоносова такихъ изученій у насъ совсѣмъ не существовало; послѣ его „Грамматики", вплоть до появленія труда Востокова, эти изученія чаще всего

пробавлялись передѣлками и компиляціями того же труда Ломоносова. Отмѣчаемъ относящіеся сюда факты. Въ 1771 г. примѣнительно къ курсу только что открытыхъ гимназій, „Грамматику“ Ломоносова, пользуясь еще нѣкоторыми иностранными сочиненіями, передѣлываетъ профессоръ Моск. университета Барсовъ *[Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ московскаго университета. М., 1771;* въ 1802 г. книжка эта вышла 8-мъ изданіемъ]. Гораздо ниже передѣлки Барсова стояли три краткихъ учебника по русской грамматикѣ, явившіеся позднѣе, — Сырѣйщикова *(Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ, Спб., 1787;* въ 1815 г. — 7-ое изданіе!), П. Соколова *(Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Имп. Академіи Наукъ юношества. Спб., 1788;* въ 1808 г. — 5-ое изд.) и В. Свѣтова *(Грамматика или краткія правила къ обученію россійскаго языка, съ присовокупленіемъ правилъ россійской поэзіи. Спб., 1790).* Ниже передѣлки Барсова стояла и *Грамматика россійская, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею,* изданная въ Спб., въ 1802 г. (переиздана въ 1809 г. вторымъ изданіемъ, въ 1819 — третьимъ, наконецъ, въ 1827— 4 изданіемъ!). Академическая грамматика совершенно игнорируетъ виды въ русскихъ глаголахъ, на что́ еще есть нѣкоторые намеки въ передѣлкѣ Барсова. Нисколько не выше перечисленныхъ „грамматикъ“ стояли въ научномъ отношеніи тѣ сочиненія по русскому языку, которыя съ начала XIX-го столѣтія начинаютъ у насъ появляться на почвѣ проникавшихъ къ намъ идей такъ наз. „всеобщихъ“ или „философскихъ“ грамматикъ. Разумѣемъ такія сочиненія, какъ Орлова: *Краткое историческое начертаніе языковъ, съ описаніемъ ихъ начала, распространенія, перемѣнъ и смѣшенія (М., 1810),* И. Орнатовскаго: *Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ* (Харьковъ, 1810), Н. Тимковскаго: *Опытный способъ къ философскому познанію россійскаго языка (Харьковъ, 1811)* и т. п. Всѣ эти труды, ставившіе цѣлью „философ-

ское познаніе россійскаго языка“ и не имѣвшіе подъ собою ни малѣйшихъ научныхъ основаній, конечно, очень мало способствовали сколько-нибудь его фактическому изученію. Между тѣмъ, вліяніе всеобщихъ грамматикъ одно время у насъ было такъ сильно, что совершенно упраздняло всякое другое изученіе. По уставу 1804 г., преподаваніе русской грамматики совершенно исключалось изъ курса гимназическихъ предметовъ,—ея мѣсто заняли логика, всеобщая грамматика, психологія и др. „Философское“ направленіе въ изученіи языка держалось у насъ вообще очень долго: позднѣйшимъ его проявленіемъ былъ извѣстный, уже упоминавшійся нами, *Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка*, изданный Академіей Наукъ (Спб., 1852; 3-е изданіе, Спб., 1854)... Въ ряду наиболѣе раннихъ опытовъ изученія русскаго языка нельзя не упомянуть между прочимъ изслѣдованій, печатавшихся въ „Трудахъ“ Моск. О-ва любителей россійской словесности („Труды“ Общества, 20 чч., 1812—1820). Дѣятельность Общества, въ отношеніи къ изученію языка, имѣетъ характеръ, какъ справедливо было замѣчено, тѣхъ чисто эмпирическихъ изслѣдованій, которыя, не имѣя подъ собою прочнаго руководящаго начала, обогащаютъ науку значительнымъ количествомъ наблюденій и фактовъ, иногда вѣрныхъ и важныхъ, но отрывочныхъ, случайныхъ, лишенныхъ системы и единства. Именно такой характеръ носятъ помѣщенныя въ „Трудахъ“ Общества изслѣдованія К. Калайдовича: *О бѣлорусскомъ нарѣчіи* (кн. I) и *О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ* (кн. II), — Ив. Калайдовича: *О степеняхъ прилагательныхъ и нарѣчій качественныхъ* (кн. III, VI), *О залогахъ глаголовъ русскихъ* (кн. IV), *Замѣчанія о родахъ грамматическихъ въ языкѣ русскомъ* (кн. V) и *Новая теорія спряженій русскихъ* (кн. VI), — А. Болдырева: *Разсужденіе о глаголахъ и средствахъ исправить ошибки въ нихъ* (кн. II, III и VI) и *Нѣчто о сравнительной степени* (кн. XV), — Е. Филомафитскаго: *О знакахъ препинанія вообще и въ особенности для россійской словесности* (кн. II), — М. Т. Каченовскаго: *О славянскомъ и въ особенности о церковномъ*

языкѣ (кн. VII) и *Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій* (кн. XVIII), — И. Калайдовича: *О словахъ, измѣнившихъ свое значеніе* (кн. XVIII), — И. Комаровскаго: *О русскомъ синтаксисѣ* (кн. XV), и т. д. Типичнѣйшимъ явленіемъ русскаго языкознанія, той научной степени, на которой оно находилось до „Грамматики" Востокова и трудовъ здѣсь Буслаева, были упоминавшіеся уже учебники и руководства по русскому языку Н. И. Греча († 1867). Послѣдній былъ вообще чрезвычайно типичнымъ дѣятелемъ нашей тогдашней „филологіи". Дѣятельность Греча въ этомъ отношеніи, какъ мы уже упоминали, началась рано, продолжалась чрезвычайно долго и была необычайно плодовитой. Въ 1811 г. явился его первый трудъ — *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ* (Спб., 1811); въ 1823 г. второй: *Корректурные листы русской грамматики* (Спб., 1823). Затѣмъ безконечнымъ рядомъ слѣдуютъ: *Пространная русская грамматика* (ч. I, Спб., 1827; II т. вышелъ на французскомъ языкѣ; второе изд. 1-ой ч. — Спб., 1830); *Практическая русская грамматика* (Спб., 1827; второе изд. — Спб., 1834); *Начальныя правила русской грамматики* (Спб., 1828; въ 1853 г.—11-ое изданіе!); *Краткая русская грамматика* (Карлсруэ, 1843); *Практическіе уроки русской грамматики* (Спб., 1832); *Ключъ къ практическимъ урокамъ* (Спб., 1832); *Чтенія о русскомъ языкѣ* (ч. 1—2, Спб. 1840; второе изд., 1845); *Руководство къ изученію русской грамматики* (Спб., 1843); *Ключъ къ рѣшенію задачъ, содержащихся въ Руководствѣ къ изученію русской грамматики* (Спб., 1843); *Учебная русская грамматика для учащихся* (Спб., 1851; втор. изд.,—Спб., 1852); *Руководство къ преподаванію по Учебной русской грамматикѣ* Спб., 1851); *Задачи учебной русской грамматики* (Спб., 1852); *Начальная русская грамматика* (Спб., 1852),—и т. д. и т. д. вплоть до 1868 года, когда еще одинъ разъ новымъ изданіемъ выходитъ одна изъ его „грамматикъ"... И многочисленные учебники Греча и бо́льшая часть другихъ выше указанныхъ спеціальныхъ изслѣдованій по русскому языку принадлежали къ типу такъ наз. практической или филологической грамматики, — съ бо́льшими или мень-

шими заимствованіями изъ грамматики т. наз. всеобщей, или философской. Это были два направленія, очень долго господствовавшія и у насъ и на Западѣ, въ сферѣ изученія родного языка. Сейчасъ, выше, мы привели характеристику, сдѣланную Гриммомъ, „филологическаго“ направленія въ языкознаніи, сравнительно съ позднѣйшимъ, „лингвистическимъ“; практическая грамматика всецѣло основывалась на первомъ. Филологическій методъ, выработанный въ примѣненіи къ изученію языковъ классическихъ, долгое время считался лучшимъ методомъ и для изученія языковъ родныхъ, отечественныхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, во всѣ средніе вѣка находились въ пренебреженіи; наиболѣе раннія настойчивыя попытки къ ихъ изученію явились тогда, когда классическая филологія стояла уже на прочныхъ основаніяхъ, — естественно, что пріемы, методъ ея были признаны лучшими, обязательными для всякаго вообще языкоизученія! Первые опыты грамматической обработки новыхъ европейскихъ языковъ имѣли въ своемъ основаніи почти цѣликомъ средневѣковыя теоріи латинской грамматики; все изученіе родного языка очень долгое время заключалось лишь въ болѣе или менѣе искусномъ приспособленіи различныхъ схемъ классической грамматики къ формамъ живого языка. Родной языкъ изучался съ тѣми же пріемами, съ какими изучался языкъ классическаго писателя, — тѣ же ставились и цѣли. Классическая филологія исключительно преслѣдовала практическую цѣль: возможно полное и ясное пониманіе классическихъ писателей, возможно скорѣйшее пріобрѣтеніе навыка свободно читать ихъ сочиненія и умѣнья свободно выражаться на ихъ языкѣ, устно и письменно. Изученіе языка было лишь средствомъ, и грамматика имѣла значеніе техническое. Она являлась не наукой о языкѣ, а искусствомъ правильно читать, писать и говорить на чужомъ, мертвомъ языкѣ. Не интересуясь языкомъ самимъ по себѣ, филологъ не интересовался ни его фонетикой, ни его исторіей; все вниманіе сосредоточивалось на изученіи грамматическихъ формъ, этимологическихъ и синта-

ческихъ, господствующихъ въ языкѣ лучшихъ, образцовыхъ писателей. Послѣдняя черта являлась тоже весьма характерной: это было изученіе не вообще письменнаго языка классическихъ народовъ, а лишь языка ихъ лучшихъ авторовъ, „классиковъ“. Интересъ ограничивался областью исключительно языка литературно-образцоваго; всѣ грамматическія изученія и правила имѣли въ виду исключительно языкъ „образцовъ“,—тотъ особый, искусственно обработанный, языкъ отдѣльныхъ, избранныхъ произведеній литературы греческой и латинской, на которомъ, конечно, никогда не говорили ни греки, ни римляне! Языкъ живой, разговорный, какъ языкъ уже исчезнувшаго народа, разумѣется, и самъ по себѣ былъ недоступнымъ для филолога, да и вообще не входилъ въ область его научныхъ интересовъ, направленныхъ исключительно къ практической цѣли — полному и свободному владѣнію языкомъ классической письменности въ ея лучшемъ періодѣ... Такова была основная точка зрѣнія „филологическаго“ изученія, и съ этой точки вполнѣ оправдывались пріемы и задачи практической или филологической грамматики. Въ отношеніи къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовались, послѣдняя вполнѣ имѣла свой raison d'être. Хотя она ограничивалась только правилами, извлеченными изъ художественной рѣчи писателей образцовыхъ, и вовсе не знала законовъ языка, которыми объясняются грамматическія формы, однако, направляя всѣ свои замѣчанія къ практической цѣли, она дѣйствительно учила правильно читать, писать и говорить на языкѣ классическихъ писателей; хотя ея правила, ни на чемъ, кромѣ большинства грамматическихъ случаевъ, не основанныя, являлись только обязательными, но нисколько не убѣдительными для учащихся, хотя безконечныя „исключенія“, которыми обыкновенно сопровождались „правила“, не будучи выводимы изъ законовъ языка, должны были прямо заучиваться учащимися наизусть, на память, какъ неправильности, очутившіяся въ образцовомъ языкѣ какъ-то случайно, ненарокомъ, — тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, главная преслѣдовавшаяся цѣль достигалась вполнѣ

успѣшно: цѣлые ряды поколѣній дѣйствительно выучивались читать писателей на мертвыхъ языкахъ такъ же легко и свободно, какъ на своемъ родномъ! Бо́льшаго и не требовалось. „Филологъ не разумѣлъ внутренняго состава грамматической формы, но умѣлъ ее правильно употреблять, и ясно понималъ ее въ томъ значеніи, въ какомъ встрѣчается она у писателя образцоваго“. Самое ученіе наизусть, нерѣдко естественно доходившее до крайности, вслѣдствіе безотчетности правилъ и исключеній, — приносило свою долю пользы и было необходимо, такъ какъ при усвоеніи чужого языка многое дѣйствительно должно и можетъ пріобрѣтаться лишь памятью и навыкомъ... Все это разомъ измѣняло свой смыслъ, какъ только дѣло переносилось на почву изученія языка родного, отечественнаго: достоинства метода разомъ значительно уменьшились, а недостатки въ еще бо́льшей степени увеличивались. Подобно грамматикѣ классическихъ языковъ, и практическая грамматика родного языка ограничивала свою область изученіемъ только языка письменнаго, литературнаго, и притомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ „классическаго“, языка лучшихъ, образцовыхъ писателей, отечественныхъ классиковъ, ближайшихъ къ современности, — разъ на всегда признавъ грубымъ, неправильнымъ, недостойнымъ науки, все то, чего не находилось въ этомъ кругу избранныхъ писателей. Не зная и не изучая законовъ языка, да будучи и не въ силахъ, по своему искусственно ограниченному матеріалу и средствамъ, открыть эти законы, практическая грамматика и въ отношеніи къ родному языку обыкновенно такъ же ограничивалась голыми правилами и исключеніями. Не входя въ анализъ звуковъ и образованія словъ, грамматическое изученіе исключительно сосредоточивалось на изложеніи склоненій и спряженій: учащимся предлагался длинный рядъ „правилъ“, съ не менѣе многочисленными неизбѣжными „исключеніями“, какъ склонять и спрягать на родномъ языкѣ, — хотя учащіеся отлично знали это и безъ грамматики... Особенности правописанія, неподдававшіяся никакому урегулированію и особенно за-

труднявшія ученика на практикѣ, были выдѣлены въ особую часть грамматики, подъ названіемъ орѳографіи, или правописанія, гдѣ являлись собранными самыя разнообразные отрывки правилъ этимологическихъ и синтаксическихъ, и гдѣ шла рѣчь то о звукахъ и буквахъ, что собственно относилось въ фонетикѣ, то о знакахъ препинанія, что принадлежало уже синтаксису, и т. д. Не нужно добавлять, что и здѣсь „правила“ и „исключенія“ излагались догматически, безъ объясненій тѣхъ основаній, изъ которыхъ они должны вытекать, — помимо тѣхъ, которыя уже не имѣли этихъ основаній, вытекая исключительно изъ досужей фантазіи разныхъ грамматистовъ... Какъ орѳографію и этимологію практическая грамматика думала основать главнымъ образомъ на правилахъ приличія, такъ синтаксисъ—на требованіяхъ здраваго смысла. Послѣднія практическая грамматика понимала, впрочемъ, крайне узко и условно. Ограничивъ свой матеріалъ немногими примѣрами, выписанными изъ сочиненій одного, много двухъ-трехъ образцовыхъ писателей, она видѣла въ языкѣ не иное что, какъ случайное сочетаніе звуковъ, приноровленное писателями къ выраженію мысли, и, вслѣдствіе того, давала господство общимъ логическимъ отношеніямъ мысли надъ этимологическою формою,—почему многія явленія въ языкѣ, совершенно нормальныя, выдавала за „неправильныя“. Практическая грамматика въ этомъ случаѣ нерѣдко противорѣчила даже своему основному арторитету — образцовымъ писателямъ; слѣдуя „образцамъ“ она однако хотѣла стать выше ихъ, подвергая ихъ авторитетъ какому-то высшему суду грамматической критики“ (Буслаевъ, предисловіе къ „Опыту историч. грам. рус. языка“, I, стр. *I—XI*). Какъ мы уже упоминали, творцомъ практической грамматики въ Германіи былъ Готшедъ († 1766); у насъ это направленіе ведетъ начало съ Тредьяковскаго и Сумарокова. Позднѣйшимъ его представителемъ былъ именно Гречъ... Переходимъ къ грамматикѣ такъ наз. всеобщей, или философской. Если „практическая“ грамматика возникла на почвѣ классической филологіи, то идея „всеобщей“ или

„философской“ грамматики отчасти предшествовала, отчасти была результатомъ первыхъ увлеченій новымъ, лингвистическимъ методомъ языкознанія. Увлеченная блестящими открытіями лингвистики, философская грамматика хотѣла на этой почвѣ торопливо воздвигнуть цѣлую лингвистическо-раціональную систему языка,—забывая, что для такой широкой цѣли еще слишкомъ мало имѣется матеріала!.. Наиболѣе выдающимся представителемъ этого направленія былъ одинъ изъ послѣдователей В. Гумбольдта (1767—1835), Ф. Беккеръ, давшій въ своемъ, забытомъ теперь, сочиненіи *Organism der Sprache* идеямъ Гумбольдта слишкомъ одностороннее направленіе. Великая идея объ органической жизни языка была воспринята Беккеромъ слишкомъ узко и развита слишкомъ поспѣшно. Какъ справедливо было замѣчено, — „Беккеръ нанесъ послѣдній ударъ изученію родного языка по старому, филологическому способу, въ систему обученія родному языку внесъ важнѣйшіе результаты, добытые позднѣйшей лингвистикой: но слишкомъ преждевременное стремленіе построить, при совершенномъ отсутствіи матеріала, цѣлую систему языкознанія, цѣльное зданіе философіи языка, могло увлечь Беккера лишь въ сферу отвлеченныхъ логическихъ категорій и понятій: вмѣсто „организма языка“ дать только логическую схему. Грамматику и философію языка Беккеръ смѣшалъ съ логикой. Не только всѣ грамматическія формы пріурочиваетъ онъ къ извѣстнымъ категоріямъ отвлеченнаго мышленія, но даже корни словъ и ихъ постепенное развитіе въ языкѣ выводитъ изъ основныхъ, по его мнѣнію, понятій, свойственныхъ мышленію, и изъ логически-неизбѣжнаго развитія этихъ понятій въ мышленіи. Онъ изучаетъ не самый языкъ, а значеніе, и даетъ не частную логику того или другого языка, но всеобщую, логику вообще, къ которой пріурочиваетъ всѣ языки. Вмѣстѣ съ этимъ совсѣмъ опускается часть лексическая, опредѣленіе смысла отдѣльныхъ словъ и выраженій“ (см.: Буслаева, О препод. отеч. языка, изд. второе, стр. 74. Котляревскаго, Сочин., I, 359—361. Чудинова, О препод. отеч. языка, стр. 89—90).

Какъ мы уже говорили, грамматическіе учебники Греча лишены были всякой научной самостоятельности; труды Востокова были первыми, послѣ Ломоносова, научными трудами въ области русскаго языка, предпринятыми и выполненными на почвѣ пріемовъ и взглядовъ позднѣйшаго языкознанія. Главная цѣнность трудовъ Востокова состояла въ обращеніи къ реальному, фактическому изученію самаго матеріала,—его наличнаго, словарнаго состава, его формъ, видоизмѣненій въ связи съ церковно-славянскимъ. Изученія Востокова не имѣли еще должной широты и свободы; но общій путь, по которому они направлялись, былъ вѣрный, строго научный, — путь тщательнаго и непосредственнаго изученія, въ связи съ языкомъ письменныхъ памятниковъ, и вообще исторіи языка, — живого, народнаго языка. Именно здѣсь, какъ мы уже замѣчали, труды Востокова непосредственно примыкали къ филологическимъ изученіямъ Буслаева. Въ трудахъ Буслаева по изученію русскаго языка русская грамматика впервые рѣшительно и твердо порывала всякія связи съ прежнимъ, старымъ методомъ, въ особенности съ этой, такъ долго господствовавшей у насъ грамматикой „практической“, и окончательно становилась на путь новаго, сравнительно-историческаго метода изученій. Можно сказать, лишь съ появленіемъ трудовъ Буслаева, начинается строгое, преемственное развитіе русскаго языкознанія.

Выше мы отмѣтили двѣ первыя книги Буслаева: *Объ изученіи отечественнаго языка (1844)* и *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ (1848);* какъ уже замѣчено, это были первые опыты примѣненія у насъ строгихъ научныхъ пріемовъ сравнительно-историческаго метода. Въ 1858 г. явился *Опытъ исторической грамматики русскаго языка* Буслаева (М., 2, 1858). По справедливому замѣчанію современной ученой критики, трудъ этотъ „составилъ эпоху въ изученіи отечественнаго языка“ (П. Лавровскій, Записка о 2-мъ изданіи первой части „Ист. грам.“ Буслаева. Приложеніе къ VIII т. „Уч. Зак. Ак. Н.“, Спб., 1865). Трудъ явился въ то время,—„когда ни у насъ ни у кого изъ за-

падныхъ славянъ почти не было сдѣлано ничего по исторической грамматикѣ родного языка“ (Срезневскій,—Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. CIII). Авторъ являлся здѣсь почти безъ предшественниковъ (напечатанная въ 1858 г., книга была окончена авторомъ въ 1852—1856 гг.); богатство собраннаго впервые историческаго матеріала, и помимо теоретическихъ мнѣній самого изслѣдователя, почти вездѣ и всюду пролагало новые пути для новыхъ дальнѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ отношеніи собственно грамматическомъ, особенно много давала вторая часть книги — синтаксисъ. „Опытъ“ полагалъ здѣсь первыя прочныя основанія научному изученію. Книга Буслаева проливала здѣсь разомъ „столько свѣта, что ея появленіемъ дѣлался новый важный шагъ къ разработкѣ грамматики не только русской, но и вообще славянской“. Правда, почти одновременно съ трудомъ Буслаева явились труды Ф. Миклошича (Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. I. Lautlehre. Wien, 1852; II. Formenlehre. W., 1856), М. Гатталы (Srovnàvací mluvnice jazyka Ceského a Slovanského. v. Prahe, 1857) и Дж. Даничича (Србска Синтакса, део првый, у Бѣограду, 1858); но въ отношеніи къ изученію синтаксиса починъ всецѣло принадлежалъ Буслаеву („V. Syntax“ Миклошича, какъ извѣстно, вышелъ лишь въ 1868—1874 гг.). „Историческія наблюденія Буслаева надъ строемъ связной рѣчи — что̀ составляетъ главную особенность его труда — нельзя не считать его неоспоримо первичной заслугой, замѣчаетъ Срезневскій; въ этомъ отношеніи, трудъ Буслаева остается и доселѣ „главнымъ, если не единственнымъ руководителемъ“ (Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. XVIII, Спб., 1878, стр. III). Серьезное дополненіе къ изслѣдованіямъ Буслаева въ сферѣ изученія старославянскаго и русскаго синтаксиса много позднѣе сдѣлано лишь главн. образ. книгой Потебни: *Изъ записокъ по русской грамматикѣ* [ч. I, Воронежъ, 1874; ч. II, Харьковъ, 1874; второе изд. въ одномъ томѣ,—Харьковъ, 1889]...

Нѣтъ нужды говорить о чисто педагогическомъ значеніи для своего времени труда Буслаева. Буслаевъ впервые

высказалъ ту простую мысль, что „отношеніе учащихся къ чужому и къ родному языку — неодинаково“: въ первомъ случаѣ грамматика дѣйствительно должна научать ученика „правильно читать, писать и говорить“...; во второмъ, ея задачи привести къ сознанію, уяснить учащемуся, съ колыбели практически знакомому съ языкомъ, то, что̀ дотолѣ употреблялось имъ безсознательно... Въ „Историч. грамматикѣ“ Буслаева изученіе родного языка впервые получало смыслъ и значеніе. Здѣсь уже не было прежней системы голыхъ рубрикъ со множествомъ „правилъ“ и „исключеній“; главное вниманіе сосредоточивалось на объясненіи историческаго развитія языка и на уясненіи законовъ его современнаго употребленія. Въ предисловіи авторъ самъ такъ намѣчаетъ главныя отличительныя черты своего труда въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ:

1. Разсматривая современный русскій книжный языкъ, какъ „результатъ историческаго движенія и взаимнаго вліянія русской рѣчи, разговорной, видоимѣняемой по мѣстнымъ говорамъ, и языка церковно-славянскаго, положеннаго въ основу нашей грамотности“,—„историческая грамматика“ ведетъ изученіе этого языка въ непрерывной связи съ изученіемъ церковно-славянскаго. Такъ какъ наши предки учились грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ и на чтеніи книгъ св. Писанія, то грамматика полагаетъ въ основу историческаго изслѣдованія книжной рѣчи языкъ церковно-славянскій. Эта древняя основа составляетъ необходимѣйшій предметъ учебника русской грамматики, въ троякомъ отношеніи: во-первыхъ, при объясненіи законовъ языка, даетъ наукѣ преимущества сравнительно-историческаго метода, въ сближеніи формъ русскаго языка съ формами одного изъ славянскихъ нарѣчій, ранѣе прочихъ усвоившаго себѣ письменность, — и потому сохранившаго въ бо́льшей полнотѣ и чистотѣ первоначальныя свойства славянскаго языка; во-вторыхъ, служитъ источникомъ для объясненія многихъ, какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ формъ нашей книжной рѣчи, образовавшихся подъ вліяніемъ церковно-славянской пись-

менности, и, наконецъ, въ третьихъ, въ отношеніи педагогическомъ, скрѣпляетъ тѣснѣйшими узами живую связь нашей родной рѣчи съ языкомъ Церкви.

2. „Историческая грамматика“ не ограничивается языкомъ русскимъ книжнымъ, потому что не можетъ объяснить грамматическихъ формъ его, не входя въ подробное разсужденіе о рѣчи разговорной. Ибо подъ именемъ книжнаго языка она разумѣетъ не только слогъ высокій (чѣмъ ограничивалась старинная практическая грамматика), но и рѣчь разговорную, въ сочиненіяхъ содержанія повѣствовательнаго, драматическаго и т. п. При томъ, она находитъ столь же правильный русскій языкъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, какъ и въ прозаическихъ, полагая, что всякая такъ называемая піитическая вольность (если она не безсмыслица) должна имѣть свое разумное основаніе въ законахъ языка. Грамматическія особенности, замѣчаемыя въ сочиненіяхъ образцовыхъ писателей, она влагаетъ въ обширную раму, которая объемлетъ всю область языка русскаго, какъ разговорнаго, по мѣстнымъ его видоизмѣненіямъ, такъ и книжнаго, въ его историческомъ движеніи. Авторитету писателей и грядущимъ успѣхамъ языка полагаетъ она въ основу историческое преданіе, почерпая изъ него законное оправданіе первому и свѣжія силы послѣднимъ...

3. Всѣ свои выводы „историческая грамматика“ основываетъ на авторитетѣ не только письменныхъ, но и устныхъ памятниковъ языка, подчиняя личное сужденіе грамматиста свидѣтельству фактовъ. Авторитета образцовъ она не ограничиваетъ двумя-тремя писателями (какъ это замѣчено въ „грамматикѣ практической“), а тщательно изучаетъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина включительно, приводя изъ сочиненій ихъ примѣры, какъ для объясненія законовъ языка, такъ и въ образецъ практическому употребленію. „Практическая грамматика“ проходила молчаніемъ нѣкоторыя формы языка въ писателяхъ образцовыхъ, отличающихся свѣжестью выраженія, заимствованною изъ живой, разговорной рѣчи; напр.,

въ стихотвореніяхъ Державина, въ комедіяхъ Фонвизина, въ сочиненіяхъ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина. „Грамматика историческая“ вмѣняетъ себѣ въ обязанность упоминать, въ своихъ параграфахъ, о всѣхъ такихъ формахъ, не съ тѣмъ, чтобы осуждать ихъ въ „неправильности“ противъ языка, а съ тѣмъ, чтобы предъявить права устной рѣчи въ участіи, какое принимаетъ она въ образованіи языка книжнаго... Ограждая себя авторитетомъ образцовъ, „историческая грамматика“ освобождаетъ учащагося отъ многихъ условно принятыхъ правилъ Готшедовской грамматики, объясняя фактами, что эти правила, будучи выдуманы грамматистами, теряютъ свою обязательную силу, противорѣча образцамъ...

4. „Историческая грамматика“ вмѣняетъ себѣ въ обязанность положить въ основу изученія подробный этимологическій разборъ формъ языка, для того, чтобы изъ этого разбора извлечь грамматическіе законы, понятные и убѣдительные въ теоретическомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнительные къ практикѣ. Орѳографію основываетъ она на этимологіи, а въ синтаксисѣ стремится опредѣлить правильнѣйшее отношеніе отвлеченныхъ пріемовъ логики къ формамъ языка. Упростивъ, такимъ образомъ, методъ изученія, она имѣетъ въ виду замѣнить безотчетныя и потому невразумительныя правила Годшедовской грамматики общепонятнымъ объясненіемъ законовъ языка.

5. „Историческая грамматика“ соединяетъ оба способа изученія языковъ, филологическій и лингвистическій. Вѣрнѣе старинной практической грамматики она слѣдуетъ способу филологическому, въ подробномъ и тщательномъ изученіи образцовыхъ писателей, не ограничивая произвольно числа ихъ. Съ другой стороны, основываясь на законахъ языка, открытыхъ сравнительно-историческою лингвистикою, она расширяетъ область филологической грамматики отчетливымъ изслѣдованіемъ формъ языка, на основаніи историческаго ихъ развитія“ [Опытъ историч. грамматики русскаго языка, ч. I, М.. 1858, пред., стр. XIX—XXVII].

Въ томъ же направленіи шли и дальнѣйшіе труды Буслаева, сосредоточиваясь позднѣе главнымъ образомъ въ области славяно-русской миѳологіи, древней русской письменности, устной народной поэзіи и быта. Въ своихъ многочисленныхъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ Буслаевъ главн. образомъ, чаще всего, обращается къ изученію миѳологическихъ элементовъ русской старины, — насколько эти элементы скрываются въ языкѣ (*Ист. оч.*, I, 1—17. 137—150. 158—191. 191—207. 240—241 и др.), памятникахъ устнаго народнаго творчества, въ сохранившихся остаткахъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ (*Ист. оч.*, I, 46—50. 262. 264. 265. 267), въ разнаго рода преданьяхъ и повѣрьяхъ народныхъ (*Ист. оч.*, I, 224—228. 231—241. 242—249. 355—376. II, 32—61. *Нар. поэз.*, 216—244), похоронныхъ причитаніяхъ (*Ист. оч.*, I, 51—52), сказкахъ (*Ист. оч.*, I, 29—44. 308—254. *Нар. поэз.*, 223), былинахъ (*Ист. оч.*, I, 417—418. 424—428. *Нар. поэз.*, 17—104. 232), заговорахъ (*Ист. оч.*, I, 250—256), пословицахъ (*Ист. оч.*, I, 80—134), духовныхъ стихахъ (*Ист. оч.*, I, 143—149, 433—452. 455—463. II, 15—31. 151—152), наконецъ, въ произведеніяхъ древнерусской письменности (*Ист. оч.*, I, 211—217. 264. 269—307. 363. 365—366. 376—400. 433—452. 455—463. II, 15—31. 32—61. 77—84. 104—108. 112—115. 123—125. 155—198. *Нар. п.*, 23. 27—28. 34—36, 57—62. 93. 113. 165. 161. 198. 263—264) и т. д. Научныя разысканія Буслаева въ области памятниковъ народнаго творчества — русскихъ, славянскихъ и западно-европейскихъ — при разнообразіи его ученыхъ изслѣдованій, были для него особенно постоянными, частыми. Его изслѣдованія всецѣло стоятъ здѣсь на почвѣ гриммовскаго сравнительно-историческаго метода, — въ частности, чаще всего на почвѣ т. наз. „миѳологической теоріи“, которая вообще въ изысканіяхъ Буслаева чаще всего на первомъ планѣ [ср. относящія сюда замѣчанія акад. Ягича, — „Энциклопедія слав. филол.“, I, стр. 539—543]. Важнѣйшія статьи и изслѣдованія Буслаева, относящіяся къ изученію русскаго народнаго творчества, а равно и древнерусской письмен-

ности, отчасти древнерусскаго искусства — собраны въ двухъ большихъ сборникахъ: „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ [2 больш. тома, — Спб., 1861] и въ акад. изданіи: „Народная Поэзія“, — Сборн. II Отд. Ак. Н., т. 42 [Спб., 1887].

Впрочемъ, какъ справедливо ставитъ на видъ акад. Соболевскій, Буслаевъ вовсе не увлекался, или очень рѣдко, гриммовской миѳологической экзегезой. „Возсозданіе древней миѳологіи русскаго народа его занимаетъ, но далеко не такъ сильно, какъ Гримма; онъ вовсе не миѳологъ по преимуществу, а изслѣдователь народной поэзіи, старой и новой... Онъ остается въ сторонѣ отъ такъ называемой миѳологіи природы, столь рѣзко и односторонне выраженной у учениковъ Гримма, и мы едва ли найдемъ гдѣ нибудь въ его сочиненіяхъ (какихъ бы то ни было годовъ) не только попытку превратить Илью Муромца или Иванушку-дурачка въ бога-громовика, но даже сколько-нибудь ясное выраженіе согласія съ теоріею вообще“... Въ отношеніи къ своему учителю, Гримму, Буслаевъ вообще вполнѣ самостоятеленъ. „Усвоивъ мнѣніе нѣмецкаго ученаго о высокой цѣнности народнаго поэтическаго матеріала и главныя основанія его метода изслѣдованія, Буслаевъ въ дальнѣйшей разработкѣ матеріала совершенно независимъ отъ Гримма“ (Соболевскій, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1891, № 2, стр. 443—427). Вообще, нужно замѣтить, Буслаевъ сумѣлъ удержаться отъ тѣхъ крайностей, до которыхъ очень скоро дошла у насъ „сравнительная миѳологія“ въ лицѣ такихъ изслѣдователей, какъ Аѳанасьевъ, Погебня, Орестъ Миллеръ и др. Какъ сейчасъ замѣчено, Буслаевъ не особенно высоко цѣнилъ миѳологію природы — „съ ея безсодержательными объясненіями, которыя она полагала на всевозможныя миѳическія и эпическія личности, будь то божество греческаго Олимпа или Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и другіе богатыри нашихъ былинъ“, видя во всѣхъ этихъ лицахъ „не болѣе какъ разныя явленія и силы природы, свѣтъ или тьму, день или ночь, тепло или холодъ и т. п.“. Буслаевъ отступаетъ отъ тѣхъ лингвистовъ, — которые „покушаются

такъ далеко вытянуть изъ формъ языка первичныя воззрѣнія на природу, что одною и тою же чертою небеснаго свѣта усиливаются обрисовать и миѳологическіе характеры Зевса съ Аполлономъ, и змѣеубійцу Зигфрида, и кровосмѣсителя и отцеубійцу Эдипа, и нашего Илью Муромца"... Буслаевъ напр. открыто отдаетъ предпочтеніе предъ миѳологіей природы теоріи Каспери, его ученію о миѳѣ, какъ сочетаніи миѳологическаго вѣрованія съ историческимъ преданіемъ. Вообще, рядомъ съ остатками миѳологическими, Буслаевъ допускаетъ и другіе элементы въ народной поэтической старинѣ: географическіе, историко-бытовые, книжные и т. п. „Тотъ не можетъ себѣ составить точнаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, замѣчаетъ онъ по одному поводу, — кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими, анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности"... По взгляду Буслаева, древнія миѳическія воззрѣнія въ нашемъ эпосѣ чаще всего являются уже въ позднѣйшемъ, какъ бы преломленномъ видѣ, съ значеніемъ мѣстнымъ, историко-бытовымъ, географическимъ и т. п. Въ послѣдовательномъ развитіи своихъ изысканій, — этимъ, болѣе позднимъ, элементамъ, онъ даетъ все бо́льшее и бо́льшее мѣсто. Въ противоположность нашимъ исключительнымъ „миѳологамъ", — Буслаевъ особенно часто указывалъ на вліянія книжныя. Онъ особенно часто и съ особенною настойчивостью останавливался на тѣсныхъ связяхъ устной народной поэзіи съ памятниками письменности, — выдвигая въ этомъ случаѣ вопросъ, остававшійся до него почти незатронутымъ! Онъ впервые, напр., пытается уяснить взаимныя отношенія нашихъ духовныхъ стиховъ къ апокрифамъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій къ лѣтописи и т. п. Въ сферѣ изученія устныхъ произведеній русской народной

поэзіи громадной заслугой Буслаева было именно привлеченіе сюда, къ этому изученію, обширнаго круга письменныхъ памятниковъ, — тщательное изученіе, въ связи съ произведеніями нашей устно-поэтической старины, памятниковъ древнерусской письменности. Чаще всего здѣсь онъ, какъ и вездѣ, пролагалъ первые пути, являлся непосредственнымъ предшественникомъ болѣе позднихъ изслѣдователей... Въ своихъ позднѣйшихъ изученіяхъ Буслаевъ почти и совсѣмъ отказался отъ старыхъ миѳологическихъ толкованій, — въ пользу новой, бенфеевской теоріи. Широта постановки болѣе новыхъ изученій и блестящіе результаты, здѣсь добытые, не могли не подчинить своему обаянію столь отзывчиваго великаго ученаго. Подъ конецъ Буслаевъ открыто призналъ гриммовскую теорію устарѣвшей. „Такъ называемая гриммовская школа, съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которые я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ — пишетъ Буслаевъ въ 1887 г., въ предисловіи къ академическому изданію своихъ прежнихъ статей — должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ... Многое, что̀ признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія“... (Сборникъ II Отд. А. Н., т. 42. Спб., 1887. „Нар. Поэз.“, пред., стр. III—IV). Мало того; Буслаевъ не только призналъ полную возможность объяснить нѣкоторые эпизоды нашего эпоса теоріей заимствованія, — въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ онъ нерѣдко и самъ становится на эту почву. Вообще въ томъ примѣненіи, какое сдѣлано было изъ теоріи Бенфея нашими позднѣйшими представителями ея, многое было подготовлено уже Буслаевымъ, — какъ это открыто и заявляли лучшіе представители этихъ, болѣе позднихъ, нашихъ научныхъ изученій, вполнѣ сознавая значительную важность сдѣланнаго здѣсь уже Буслаевымъ. Акад. Веселов-

скій, напр., открыто ставилъ свои работы въ преемственную связь съ болѣе ранними работами здѣсь Буслаева (См. Веселовскаго, „Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“ и пр., Спб., 1872, стр. IX).

Цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ Буслаева относится къ области изученія древнерусской письменности. Его научныя изысканія здѣсь отчасти, какъ мы видѣли сейчасъ, входили въ область изученій уже памятниковъ устной народной поэзіи: но отчасти имѣли и совершенно самостоятельный характеръ. По отношенію къ древнерусской письменности, изученія Буслаева — въ связи съ его изученіями памятниковъ народнаго творчества, устной народной поэзіи — особенно часто сосредоточивались въ той области литературы, которая дотолѣ оставалась совершенно неизвѣстной: въ области произведеній „отреченныхъ“, апокрифическихъ. Это былъ особый, чрезвычайно обширный отдѣлъ нашей старой письменности, чаще всего переводный, но быстро аклиматизировавшійся, — отдѣлъ, запрещаемый церковью, строго преслѣдовавшійся многочисленными „индексами“, и не смотря на то едва ли бывшій не наиболѣе распространеннымъ въ книжной средѣ! — въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ питавшій своей оригинальной, своеобразной поэзіей и мысль и чувство древнерусскаго грамотника... Вліяніе этой области старой письменности, при всѣхъ запрещеніяхъ, могучимъ потокомъ проникало и въ произведенія нашихъ собственныхъ церковныхъ писателей, и въ произведенія такія строго церковныя, какъ Прологи, Четьи-Минеи, многочисленныя древнерусскія анонимныя „поученія свв. отецъ“ и въ область древнерусскаго искусства, — не говоря уже про собственно народное творчество! Послѣднее подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого рода письменности въ значительной долѣ своей совершенно преобразовывается, — выдѣляетъ изъ себя особый обширный, совершенно новый, отдѣлъ поэзіи: *духовные стихи*... Съ научнымъ изученіемъ этой легендарно-апокрифической письменности, вся картина нашей древней литературы совершенно мѣнялась. Изслѣдованія Буслаева здѣсь тѣсно

соприкасались съ начавшимися вскорѣ особенно важными подобными же изученіями Тихонравова и Пыпина — первые пути которымъ въ этомъ отношеніи были указаны Буслаевымъ. Рядомъ съ апокрифами, въ сферѣ древнерусской письменности рано обратила на себя вниманіе изслѣдователей обширная область свѣтскихъ повѣстей и сказаній. И здѣсь самыми первыми опытами изученій, наряду съ вскорѣ начавшимися изученіями Пыпина — были изслѣдованія Буслаева...

Памятники древнерусской письменности Буслаевъ изучалъ въ тѣсной связи съ произведеніями древнерусскаго искусства. Къ концу жизни эта область стала даже любимой сферой ученыхъ трудовъ Буслаева, — и здѣсь онъ былъ опять не только пролагателемъ первыхъ путей, но до конца остался и первымъ авторитетомъ. Эта научная область, можно сказать, и возникла у насъ только благодаря трудамъ Буслаева, долгое время только имъ и держалась — пока, рядомъ съ трудами Буслаева, не начали появляться здѣсь знаменитые труды его „ученика“, акад. Н. П. Кондакова, которому онъ охотно уступилъ дорогу, а подъ конецъ отдалъ и пальму первенства... Монументальные труды Буслаева въ области древнерусскаго искусства для насъ особенно важны, — насколько они открываютъ передъ нами новыя стороны памятниковъ старой русской письменности, новыя взаимныя вліянія и связи того или другого письменнаго произведенія, ту или другую черту его литературной исторіи и отношеній. Масса относящихся сюда замѣтокъ, сближеній, цѣлыхъ изслѣдованій разбросана во всѣхъ трудахъ Буслаева, — нерѣдко относясь не только къ памятникамъ литературы древней, но и къ области позднѣйшей (такова, напр., превосходная статья Буслаева по поводу иллюстрацій въ акад. изданіи „Соч.“ Державина, подъ ред. акад. Я. К. Грота).

Иногда труды Буслаева въ области древнерусской письменности непосредственно примыкали къ трудамъ самыхъ первыхъ изслѣдователей этой области, къ трудамъ Востокова, Калайдовича, Строева, м. Евгенія и др.

Между прочимъ одной изъ главныхъ задачъ нашихъ первыхъ изслѣдователей письменной славяно-русской старины было привести въ извѣстность дошедшій наличный матеріалъ, разбросанный въ различныхъ книгохранилищахъ: отсюда — цѣлый рядъ „описаній“ и изданій памятниковъ древнерусской письменности, цѣлый рядъ спеціальныхъ „описаній“ библіотекъ и т. п. Именно къ этому направленію нашихъ первыхъ историко-литературныхъ изученій примыкаютъ два капитальныхъ труда Буслаева: *Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ* (М., 1855) и классическая *Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (М., 1861)...

Нельзя не отмѣтить трудовъ Буслаева и въ области старой западно-европейской литературы — въ то время, да отчасти и теперь, еще очень мало у насъ извѣстной. Таковы его превосходныя изслѣдованія *о Сидѣ, о Роландѣ, о странствующихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, о Данте.* спеціальный курсъ, читавшійся Буслаевымъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и оставшійся почему-то ненапечатаннымъ, гдѣ захватывалась почти вся современная и даже болѣе ранняя культура среднихъ вѣковъ, и мн. др.

Изслѣдователи отмѣчаютъ въ трудахъ Буслаева еще одну весьма важную сторону, отличавшую и Гримма. Послѣдній „не только критически, но фантазіей, поэтическимъ чувствомъ возстановлялъ любимую старину. Подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Онъ съ любовью раскрывалъ преданія старины, вникалъ въ ея затаенный смыслъ, собиралъ ея поэзію въ тѣхъ membra disjecta, въ которыхъ она по большей части у насъ сохранилась, и объяснялъ ее современному читателю“ [Пыпинъ]. И вообще едва ли кто изъ нашихъ изслѣдователей позднѣйшаго времени больше, чѣмъ Буслаевъ — за исключеніемъ развѣ Забѣлина — способствовалъ распространенію охоты всматриваться въ русскую древность и народность съ научной стороны. Горячее сочувствіе Буслаева русской народной старинѣ не было, впрочемъ, „славянофильствомъ“. Какъ справедливо замѣчаетъ акад. Ягичъ, — „зарождавшаяся въ

то время противоположность двухъ направленій въ ходѣ культурнаго роста Россіи, славянофильства и западничества, не могла перетянуть его рѣшительно ни въ ту, ни въ другую сторону. Такимъ же онъ остался до конца жизни: не сочуствовалъ онъ ни славянофильскимъ увлеченіямъ, относившимся враждебно къ культурному значенію запада, ни доктринаризму западниковъ, не принимавшему достаточно во вниманіе разнообразныхъ чертъ русской народности"... [Энциклоп. слав. фил., I, стр. 536]. И во всякомъ случаѣ тѣ или другія свои политическія симпатіи Буслаевъ строго отдѣлялъ отъ своихъ научныхъ изысканій и взглядовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны слѣдующія между прочимъ мимоходомъ сказанныя его слова по поводу славянофильскихъ толкованій русскаго народнаго эпоса: „Славянофильскій взглядъ на Микулу Селяниновича, какъ на представителя земщины, которая у него сидѣла въ сумкѣ, есть издѣліе новѣйшей политической фабрикаціи, сентиментальная мечта, насильно навязываемая народу въ неуклюжей и противной для эпоса формѣ аллегоріи, которую хотятъ видѣть въ русскихъ былинахъ"... [ib., стр. 536].

Уже и изъ этого бѣглаго обозрѣнія нельзя не видѣть громаднаго значенія Буслаева въ нашей исторической наукѣ, — за послѣднія 50 лѣтъ, въ ея различныхъ областяхъ...

Въ одномъ мѣстѣ „Воспоминаній" знаменитый ученый, говоря о новыхъ направленіяхъ въ русской наукѣ, и жалуясь, что по его годамъ ему уже не подъ силу идти въ уровень съ ними, — скромно замѣчаетъ о себѣ, обращаясь къ своимъ ученикамъ и слушателямъ, которымъ посвящены „Воспоминанія": „Задаваться этимъ новымъ для меня дѣломъ не хватало уже моихъ силъ. Я предоставилъ его молодому поколѣнію ученыхъ, — между которыми любовался на своихъ учениковъ. Мнѣ стало очевидно, что я начинаю старѣть, что пѣсенка моя спѣта. Однако не воображайте себѣ, что я унывалъ духомъ; напротивъ того, я радовался, что мои ученики опережаютъ меня, со славою ведутъ дѣло, начатое мною: значитъ, думалъ я, не дурной

былъ я учитель, когда умѣлъ взлелѣять такихъ учениковъ! Въ этомъ я находилъ себѣ оправданіе и награду своей университетской дѣятельности“... Это — болѣе, чѣмъ скромно! это не вѣрно... Можно сказать, — до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, несмотря на свои старческіе годы, Буслаевъ бодро шелъ въ уровень съ своими молодыми, самыми даровитыми учениками!... Только въ 1883 году Буслаевъ окончилъ свой послѣдній монументальный трудъ, — которымъ, можно сказать, съ честью закончилъ и свою ученую дѣятельность, трудъ надъ которымъ потерялъ глаза, и который, по отзыву одного авторитетнаго, западно-европейскаго ученаго, по богатству новыхъ данныхъ по эрудиціи, по критическому методу и литературному достоинству — „заставляетъ западную науку завидовать русской“... Разумѣемъ знаменитый трудъ Буслаева: *Русскій Лицевой Апокалипсисъ* [Спб., 1884].

Какъ мы замѣтили, новое научное движеніе почти одновременно и разомъ идетъ въ различныхъ направленіяхъ: въ области языка, церковно-славянскаго и русскаго, книжнаго, а равно и живой народной рѣчи; народной поэзіи, памятники которой въ связи съ общими изученіями этнографическими, собираются и изучаются теперь особенно энергично; попрежнему продолжается всестороннее обслѣдованіе старой письменности, древнерусской и южнославянской, отчасти и византійской; наконецъ — и въ области болѣе поздней русской литературы, XVIII и XIX вв.

Въ области языка — какъ, впрочемъ, и вездѣ, какъ мы не разъ видѣли — во главѣ идутъ труды Буслаева. Въ области изученій русскаго языка, его исторіи, фонетики и всего строя, къ трудамъ Буслаева ближайшимъ образомъ примыкаютъ — рядомъ съ *Филологическими Наблюденіями* Павскаго — труды Каткова, Надеждина, Срезневскаго, Лавровскаго; такія начинающіяся теперь появляться у насъ изданія, какъ *Опытъ областного великорусскаго словаря II Отд. Ак. Наукъ* [Спб., 1852; *Дополненіе*, — Спб., 1858] и особенно нѣсколько позднѣе выходящій клас-

сическій трудъ Даля: *Толковый Словарь живого великорусскаго языка* [4 т. Спб., 1861 — 1863]...

Ранѣе всего съ особой силой новое движеніе обнаружилось, рядомъ съ изученіями языка — въ области изученій памятниковъ народнаго творчества, народныхъ обрядовъ, всей вообще народной поэтической старины, древнѣйшей, устной, и болѣе поздней, бытовой и письменной, насколько послѣдняя сохранила отзвуки отдаленнаго народнаго прошлаго. Въ области изученій памятниковъ народной поэзіи, рядомъ съ дѣятельностью Русскаго Географическаго Общества и Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, особенно нѣсколько позднѣе, съ 60-хъ гг., выступаетъ цѣлый рядъ дѣятелей, которые почти одновременно и разомъ дѣлаютъ доступными наукѣ цѣлыя области устной народной поэзіи, дотолѣ остававшіяся совершенно неизвѣстными. Въ области общаго пѣсеннаго матеріала, изученія народныхъ обрядовъ и соединяющихся съ ними *обрядовыхъ пѣсенъ*, а равно и вообще современной народно-бытовой лирики, идутъ собиранія и изданія Якушкина, Безсонова, Варенцова, Барсова, Шейна, Мордовцевой, Костомарова и мн. др.; въ области *былевой поэзіи* — Кирѣевскаго, Рыбникова, нѣсколько позднѣе Гильфердинга и др.; въ области народныхъ *сказокъ* — Афанасьева, Худякова; народныхъ *пословицъ* — Даля; *загадокъ* — Худякова, Барсова, нѣсколько позднѣе Садовникова; *заговоровъ* — акад. Майкова, Ефименко; въ области *духовныхъ стиховъ*, вслѣдъ за сборникомъ Кирѣевскаго [М., 1848], появляются собранія Варенцова и особенно цѣнное Безсонова; въ области *народныхъ легендъ* — Афанасьева... Названныя сейчасъ собранія относятся преимущественно къ памятникамъ великорусской поэзіи; рядомъ шли подобныя же собранія и изданія въ области малорусской и бѣлорусской. Разумѣемъ труды Кулиша, Головацкаго, нѣсколько позднѣе Чубинскаго, Антоновича и Драгоманова,—въ области малорусскаго народнаго творчества; труды Безсонова, Шейна, Носовича — въ области бѣлорусскаго. Въ началѣ 50-хъ гг.

Русскимъ Географическимъ Обществомъ, по иниціативѣ его президента, в. кн. Константина Николаевича, предпринимается спеціальная экспедиція, съ цѣлью подробнаго этнографическаго описанія различныхъ областей Россіи; въ экспедиціи приняли участіе очень многіе изъ русскихъ писателей, вскорѣ обогатившихъ русскую этнографическую литературу цѣлымъ рядомъ чрезвычайно цѣнныхъ трудовъ, — какъ напр. этнографическо-беллетристическіе труды С. В. Максимова и мн. др.

Рядомъ съ собираніемъ матеріала идутъ и научныя его обслѣдованія. Въ области такихъ изученій наиболѣе ранніе труды, по слѣдамъ Буслаева и рядомъ съ упомянутой выше замѣчательной статьей Кавелина — принадлежатъ Афанасьеву, О. Ѳ. Миллеру, А. А. Котляревскому, Костомарову, Пыпину, Потебни, Е. В. Барсову, отчасти Щапову, — позднѣе Л. Н. Майкову, Квашнину-Самарину, Антоновичу, Драгоманову, Ефименко... Весьма цѣнны были уже рано начинающіяся изысканія въ области русской этнографіи Н. И. Надеждина, а равно отдѣльныя мелкія замѣтки здѣсь К. С. Аксакова... Трудами Буслаева, Афанасьева, Ор. Миллера, Потебни, Котляревскаго, въ русской наукѣ быстро упрочивается гриммовская, „миѳологическая теорія“, — и еще быстрѣе доводится въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ ученыхъ до крайностей!.. Одновременно уже съ развитіемъ теоріи миѳологической замѣтно пробивается направленіе чисто историческое. Таковы изслѣдованія въ области народнаго былевого эпоса Л. Майкова, Квашнина-Самарина, — не упоминая о подобномъ же направленіи въ изслѣдованіяхъ самого Буслаева. Бенфеевская теорія литературныхъ заимствованій, въ частности мысль о вліяніи на русскій народный эпосъ племенъ Востока, уже рано вызываетъ оригинальный трудъ Стасова: *Происхожденіе русскихъ былинъ* [„Вѣстн. Европы“, 1868, I—IV, VI—VII], гдѣ авторъ доказывалъ, что все содержаніе русскихъ былинъ—передѣлка и искаженіе монгольскихъ и тюркскихъ сказаній!.. Мысль Стасова сама по

себѣ заслуживала полнаго вниманія; но выраженная съ такими крайностями являлась, конечно, совершенно лишенной строгаго, чисто научнаго значенія, и вызвала рѣзкій отпоръ въ статьяхъ Шиффнера, Буслаева, О. Ѳ. Миллера и мн. др... Строго научнымъ образомъ и вмѣстѣ съ полной самостоятельностью теорія Бенфея къ изученію русскихъ былинъ, народныхъ апокрифическихъ сказаній, вообще русскаго народнаго поэтическаго творчества, въ связи съ болѣе поздними письменными и устными народными легендами, сказаніями и т. д., была примѣнена лишь позднѣе, — съ начинающимися ок. 70-хъ гг. изслѣдованіями акад. А. Н. Веселовскаго и его ближайшихъ учениковъ.

Одновременно съ изученіями языка памятниковъ устной народной поэзіи, по прежнему продолжается всестороннее обслѣдованіе старой письменности, которая уже и ранѣе была предметомъ внимательнаго изученія нашихъ первыхъ изслѣдователей. И здѣсь особенно усиливается теперь какъ самое собираніе и обнародованіе памятниковъ, такъ и примѣненіе новыхъ, болѣе широкихъ точекъ зрѣнія къ изучавшемуся матеріалу. Съ изданіями текстовъ самыхъ памятниковъ, въ ихъ полномъ видѣ или въ болѣе или менѣе значительныхъ отрывкахъ, соединяются часто очень подробныя ихъ библіографическія описанія или даже спеціальныя ученыя изслѣдованія. Начатыя уже давно описанія рукописей и старопечатныхъ книгъ теперь особенно дѣлаются многочисленными; „описанія“ эти въ общемъ примыкаютъ отчасти къ упомянутымъ выше „Палеографическимъ и филологическимъ матеріаламъ“ [М., 1855] Буслаева, но главнымъ образомъ къ монументальному труду Горскаго и Невоструева: *Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки* [всего 5 томовъ, М., 1855—1869]. Трудъ этотъ до сихъ поръ остается „краеугольнымъ камнемъ“ при изученіи всей древнерусской литературы — и мимоходомъ не можемъ на немъ нѣсколько не остановиться.

Важность труда, какъ въ свое время справедливо было

указано Срезневскимъ — прежде всего опредѣлялась важностью самой библіотеки, обширностью и цѣнностью собранныхъ въ ней рукописей. Основанная еще московскими митрополитами, библіотека особенно возросла при патр. Никонѣ. При составленіи ея, заботились „не вообще о пріобрѣтеніи книгъ или рукописей, но о пополненіи библіотеки книгами особенно важными и цѣнными; чего нельзя было пріобрѣсти въ собственность, то списывалось, что̀ не было переведено, то переводилось“... Кромѣ того, сюда пріобрѣтались не только такія книги и рукописи, которыхъ въ библіотекѣ недоставало, но и такія, въ которыхъ находились болѣе важные списки уже имѣвшагося. Собирались рукописи и книги не только славянскія, но и греческія; первыхъ было, впрочемъ, гораздо больше. По всему этому М. Синод. б-ка и была и до сихъ поръ остается — „богатѣйшею сокровищницею произведеній древней и старинной письменности, русской и южно-славянской“... По описи 1823 года, въ ней однихъ славянскихъ рукописей значится болѣе 950-ти и болѣе 460 — греческихъ; съ того времени она еще увеличилась, и въ настоящее время въ ней однихъ славянскихъ — болѣе 1000!.. Бо́льшая часть рукописей относится къ XVI в. и послѣдующимъ; но значительная часть — и къ болѣе раннимъ вѣкамъ, XI—XV. Со стороны содержанія, имѣющіяся здѣсь рукописи—преимущественно списки книгъ св. Писанія, твореній отцовъ церкви, очень много также книгъ историческихъ, юридическихъ, обширное собраніе различныхъ сборниковъ, Пчелъ и т. д. Кромѣ переводныхъ, — богатое собраніе сочиненій оригинальныхъ, русскихъ. Многія изъ произведеній—въ спискахъ самыхъ важныхъ по древности или по внутреннему значенію; нѣкоторые изъ списковъ—важны, какъ единственные, доселѣ открытые или уцѣлѣвшіе и т. д. [Срезневскій, — „Сборн. II Отд. Ак. Н.“, т. VII, стр. 4—5]. Трудъ Горскаго и Невоструева, по научной высотѣ, вполнѣ отвѣчалъ важности и цѣнности собранія. Предисловіе къ I-му тому „Описанія“ указываетъ, съ какими широкими задачами описатели приступали къ труду. Описаніе не должно было явиться „въ видѣ

простой описи, служащей къ охраненію рукописей, или подробнаго перечня заключающихся въ нихъ статей"; описатели задались цѣлью „представить болѣе отчетливое о нихъ понятіе въ соображеніи съ вопросами ученой изыскательности, обращающей вниманіе и на содержаніе и на языкъ древнихъ памятниковъ письменности. При этомъ, по характеру сихъ памятниковъ, большею частью церковныхъ, ученыя изысканія преимущественно должны были служить къ объясненію исторіи церкви, ея литературы и древностей"... Въ основаніе предпринятаго труда были положены слѣдующія правила:

„1. Рукописи должно расположить по ихъ содержанію, а затѣмъ рукописямъ одного содержанія дать мѣсто однимъ за другими, по времени ихъ написанія.

2. Каждую рукопись описывать какъ бы она одна и была въ виду у описателя, но на столько, на сколько она представляетъ въ себѣ особенностей, не повторяющихся въ рукописяхъ одного съ нею содержанія: отмѣчать примѣты библіографическія, между прочимъ и правописаніе; обозначать содержаніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно болѣе отлично отъ содержанія такихъ же другихъ и при этомъ, имѣя въ виду разборъ нѣсколькихъ рукописей одинаковаго содержанія, обозрѣвать ихъ общее содержаніе въ разборѣ древнѣйшей изъ нихъ; выписывать всѣ приписки и т. п.

3. Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательные памятники литературы, соединять разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и къ языку; а при разборѣ переводовъ — и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника.

4. Для оцѣнки переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужеязычныхъ, всегда отыскивать источникъ, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель — и если нѣтъ его въ печатныхъ изданіяхъ, искать въ греческихъ рукописяхъ, въ Синодальной б-кѣ, или въ другихъ доступныхъ.

5. Все что заслуживаетъ особеннаго вниманія и изслѣдованія, какъ въ главномъ содержаніи рукописи, такъ и

во вставныхъ статьяхъ и въ припискахъ, должно быть по мѣрѣ возможности изслѣдовано и объяснено.

6. Всѣ выписки изъ рукописей, какъ бы ни были онѣ велики или малы, должны быть передаваемы въ описаніи съ буквальною точностью".

„Такихъ правилъ — писалъ Срезневскій — домогались только нѣкоторые изъ ученыхъ въ разборахъ отдѣльныхъ рукописей; а въ описаніи цѣлаго собранія рукописей имѣлъ ихъ въ виду у насъ одинъ Востоковъ, а на Западѣ Европы, сколько мнѣ извѣстно, — вполнѣ никто"...

При отсутствіи еще всякихъ, прочно выработанныхъ, научныхъ традицій, еще болѣе — точныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ научныхъ пріемовъ изслѣдованія, при многочисленности быстро слѣдовавшихъ теперь разнаго рода открытій, иногда при нерѣшительности и самихъ изслѣдователей, наконецъ, и по „независящимъ" отъ авторовъ обстоятельствамъ — многое, хотя начиналось, не доводилось до конца, или даже законченное не появлялось въ печати... Въ этомъ отношеніи особенно характерна дѣятельность В. М. Ундольскаго († 1864), начало ученыхъ работъ котораго относится къ концу сороковыхъ годовъ.

Своей обстоятельностью они тогда же, не будучи еще напечатанными, обратили на себя вниманіе ученыхъ. Къ сожалѣнію, авторъ былъ крайне скупъ на обнародованіе своихъ трудовъ, постоянно продолжалъ ихъ дополнять и расширять новыми изысканіями, ждалъ открытій или обслѣдованій новыхъ памятниковъ и рукописей, — и очень многія его работы остались совсѣмъ не напечатанными!.. Уже въ 1845 г. у Ундольскаго былъ готовъ *Сборникъ твореній Климента еп. Величскаго,* и тогда же, въ одномъ изъ засѣданій моск. „Общества ист. и древн. россійскихъ", онъ представилъ планъ самаго изданія; но къ печатанію изслѣдователь не приступилъ, въ надеждѣ обогатить собраніе другими твореніями того же писателя, — въ 1848 г. надежды эти даже оправдались: имѣвшееся собраніе сочиненій Климента увеличилось новыми открытіями! Но желаніе еще болѣе увеличить открытія продолжало удержи-

вать Ундольскаго отъ напечатанія его труда, — и послѣдній остался ненапечатаннымъ... Въ 1840 г. Ундольскій сталъ составлять *Сборникъ палеографическихъ снимковъ*, — началъ было уже его печатать; въ 1858 г. было готово „до сотни“ печатныхъ листовъ сборника, — но изданіе не было окончено и не вышло въ свѣтъ, т. к. издателю хотѣлось присоединить къ снимкамъ описанія рукописей, изъ которыхъ они взяты... Въ 1855 г. Ундольскимъ была совершенно окончена и представлена въ рукописи на Демидовскую премію первая часть *Изслѣдованія о Временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой Лѣтописи*. Въ представленномъ трудѣ — „византійскія лѣтописи не только въ русской, но и во всей ученой литературѣ, въ первый разъ подвергались ученому разбору совокупно съ славянскими ихъ переводами и компиляціями“; изслѣдованіе въ совершенно почти невѣдомой области прокладывало „новый путь“... (Отзывъ Куника объ этомъ трудѣ въ его рукописномъ видѣ, — 25-е прис. нагр. Демидова. Спб., 1856 г., стр. 73—84.) Академія Наукъ не только присудила автору труда премію, но назначила и особую сумму для его напечатанія; но вмѣсто печатанія авторъ началъ новую переработку изслѣдованія, желая довести изысканія до окончательной отдѣлки, медлилъ печатаніемъ, хотя премія могла быть выдана только по отпечатаніи — и трудъ остался неизданнымъ, при чемъ авторъ лишился и самаго права на полученіе присужденной преміи... Не оконченнымъ въ печати, даже только начатымъ (хотя въ данномъ случаѣ уже не по винѣ автора!) остался и другой капитальный трудъ Ундольскаго: *Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Патріаршей (Синод.) Библіотеки*. Трудъ былъ начатъ въ 1847 г. и долженъ былъ постепенно печататься въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. россійскихъ“; но печатаніе, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, въ самомъ началѣ было прервано, — и отпечатанные листы явились въ „Чтеніяхъ“ лишь въ 1867 году, уже послѣ смерти автора. Въ рукописи трудъ былъ оконченъ, и если бы явился въ печати, былъ бы капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для тогдашней нашей науки. Осо

бенно важными сторонами здѣсь было проведеніе мысли о систематическомъ расположеніи рукописей и библіографическія указанія; послѣднія касаются какъ описываемыхъ рукописей, такъ и произведеній, въ нихъ описанныхъ; есть кое-гдѣ указанія на греческіе подлинники... Не удалось ученому изслѣдователю видѣть въ печати и двухъ слѣдующихъ обширныхъ его трудовъ: *Описанія рукописей* его собственнаго собранія и *Очерка славянско-русской библіографіи*, — давно уже подготовлявшихся имъ къ печати, но оставшихся тоже почему-то неоконченными. Описаніе было тѣмъ желательнѣе, что собраніе рукописей Ундольскаго само по себѣ — въ высшей степени цѣнно: здѣсь собрано было особенно много рукописей чисто-литературныхъ. Ундольскій началъ рано собирать рукописи и старопечатныя изданія — и „съ такимъ выборомъ и подборомъ, какой возможенъ только для знатока“... Собраніе обнимаетъ въ себѣ до 1000 рукописей и болѣе 400 старопечатныхъ книгъ — и послѣ смерти владѣльца поступило въ собственность Моск. Публ. Рум. Музея. Описаніе своихъ рукописей Ундольскій успѣлъ довести лишь до половины; приготовленная часть, послѣ его смерти, была напечатана, подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова, подъ заглавіемъ: *Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія рукописей, съ № 1 по 579, съ приложеніемъ Очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ.* М., 1870. Тѣми же лицами былъ приготовленъ къ печати и изданъ и второй изъ названныхъ трудовъ: *Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати, съ 1491 по 1864 г. Очеркъ славяно-русской библіографіи.* [М. 1871]. Изданіе это между прочимъ вызвало позднѣе трудъ Головацкаго: *Дополненіе къ Очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго* (Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ, т. XI, № 5, Спб. 1874, стр. 1—96). Изъ ученыхъ трудовъ, изданныхъ самимъ Ундольскимъ, кромѣ *Каталоговъ* б-къ Демидова и Кастерина („Чтенія“ Моск. Общ. ист. и др., 1846—1847, кн. II; 1848, кн. IX), а также *Оглавленія*

книгъ, кто ихъ сложилъ, *С. Медвѣдева*, съ обширнымъ введеніемъ (ib, 1846, кн. III и отд., M. 1846), отмѣтимъ: *Обзоръ библіографическихъ трудовъ въ Россіи* („Москвитянинъ“, 1846, № 2); — *Библіографическія разысканія* (ib., 1746, №№ 3,11—12, стр. 147—175, 181—230); — *Слово о Задонщинѣ* („Временникъ“ кн. XIII); — *Слово Даніила Заточника* („Рус. Бесѣда“, 1856, кн. 2), и нѣкот. др. Въ ученыхъ трудахъ Ундольскаго особенно важны были нерѣдкія обращенія его къ византійскимъ источникамъ. Въ то время почти только въ работахъ одного Востокова выражалась вполнѣ ясное сознаніе необходимости такихъ сличеній, — для многихъ другихъ изслѣдователей, по отзыву Срезневскаго, „не казались онѣ нужными даже и гораздо позже, даже и при окончательныхъ приговорахъ“...

Энергичныя собиранія и изученія новыхъ матеріаловъ дѣлаются теперь особенно всесторонними — и быстро увѣнчиваются самыми блестящими результатами. Дотолѣ почти неизвѣстные, какъ бы предчувствуемые, матеріалы эти быстро теперь растутъ на глазахъ изслѣдователей. „Открытія“ быстро и неудержимо слѣдуютъ одни за другими... Передъ изслѣдователями открываются цѣлыя непочатыя области нашей старой письменности, бывшія дотолѣ совершенно неизвѣстными, — между прочимъ область древнерусскихъ апокрифовъ, „отреченныхъ книгъ“, и область свѣтской переводной повѣсти, многочисленныхъ древнерусскихъ произведеній беллетристическаго характера... Само собой неизмѣримо увеличивается и количество печатныхъ изданій, обнародованіе рукописныхъ матеріаловъ. За исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ случаевъ, о которыхъ мы частью упоминали, — труды по изданію памятниковъ древней русской письменности начинаются у насъ лишь съ первой четверти XIX в. или даже съ 30-хъ гг. Но вообще изданія долгое время остаются крайне случайными и единичными. Главнымъ образомъ изданія письм. памятниковъ начинаются только съ 40-хъ г., съ наступившимъ съ этого времени общимъ оживленіемъ въ области нашей науки и, въ частности, начавшимися теперь болѣе близкими сноше-

ніями нашихъ ученыхъ съ западнымъ славянскимъ міромъ, а равно и вообще съ западной наукой. Въ области изданій и изученій памятниковъ нашей старой письменности, древнерусской и старо-славянской, особенно важными трудами теперь были труды Бодянскаго, Срезневскаго, Горскаго, Невоструева, м. Макарія, Порфирьева, Сухомлинова, Пыпина, Тихонравова, Ундольскаго, Безсонова и многихъ, многихъ другихъ! Между прочимъ неутомимой дѣятельности О. М. Бодянскаго (1808—1877) наука обязана появленіемъ на свѣтъ необозримаго количества памятниковъ старой южно-славянской и древнерусской письменности, въ „Чтеніяхъ" московскаго Об—ва исторіи и древностей россійскихъ, редакторомъ которыхъ состоялъ Бодянскій съ 1845 по 1848 и съ 1858 по 1877 годы (до своей смерти). Масса приготовленныхъ имъ къ изданію, отчасти даже уже и отпечатанныхъ, ученыхъ матеріаловъ была такъ велика, что они долгое время помѣщались въ „Чтеніяхъ" и послѣ его смерти, какъ напр. *Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго* (1878), *Богословіе Іоанна Дамаскина* (1877) и мн. др. Замѣтимъ, — „Об-ву исторіи и древностей росс." принадлежала вообще чрезвычайно большая заслуга въ дѣлѣ изданія памятниковъ нашей старой письменности. Общество возникло около 1804—1815 г. Первыми періодическими изданіями его были *Труды и лѣтопись Общества исторіи и древностей россійскихъ* и *Русскія Достопамятности*. „Трудовъ" вышло 8 томовъ, съ 1815 по 1837. „Русскія Достопамятности" начали выходить съ того же 1815 г., но тотчасъ прекратились, — вышла лишь первая книжка; 2-я и 3-я послѣдовали только въ 1843 и 1844 г., и этимъ изданіе окончилось. Съ 1837 г. по 1844 при Обществѣ выходитъ, подъ редакціей Погодина, *Русскій Историческій Сборникъ* (7 т.). Въ 1845 г. секретаремъ Общества дѣлается Бодянскій, — и для изданій Общества наступаетъ новая эра! Бодянскій предпринимаетъ новое періодическое изданіе — названныя сейчасъ *Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ*. Изданіе продолжалось по 1848 г.; съ 1849 по 1858 г. вмѣсто „Чтеній"

выходитъ *Временникъ Общества исторіи и древностей россійскихъ*, подъ редакціей И. Д. Бѣляева, — вышло 25 частей. Съ 1859 г. опять возобновляются „Чтенія“, которыя и продолжаются до сихъ поръ... По необозримой, подавляющей массѣ всего изданнаго, „Чтенія“ являются „настоящей сокровищницей старой русской и южной славянской письменности“...

Рядомъ съ Бодянскимъ, столь же неутомимымъ дѣятелемъ по изданію памятниковъ старой письменности, преимущественно южно-славянской, столь близкой ко всему древнему періоду нашей литерауры, вскорѣ выступилъ И. И. Срезневскій († 1880 г.). Не останавливаясь на безконечномъ рядѣ его ученыхъ трудовъ, главнѣйшее мѣсто среди которыхъ занимали изданія древне-славянскихъ и славяно-русскихъ текстовъ, — отмѣтимъ здѣсь, какъ для насъ особенно важные, многочисленные отрывки, а иногда и цѣлые памятники, напечатанные имъ въ приложеніяхъ къ труду: *Древніе памятники русскаго письма и языка* („Извѣстія“, т. X, Спб., 1861—1863); рядъ памятниковъ юго-славянской и древнерусской письменности, помѣщенный въ другомъ классическомъ его трудѣ: *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ печатавшемся въ „Сборникѣ II Отдѣленія Академіи Наукъ“ [т. т. I, XII, XV, XX и XXII. Спб., 1867—1881, и отдѣльно: Спб., 1867—1881]; *Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма* [Спб., 1868], — нѣсколько ранѣе изданныя *Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ* по Синод. сп. XIV в. (Спб., 1861) и т. д. Отмѣтимъ также болѣе раннія изданія и изслѣдованія въ области древнерусской литературы: *Памятники X в. до Владимира Св.* [„Извѣстія“, III, стр. 49—66], — *Повѣсть о Царьградѣ* [„Уч. Зап. Ак. Н.“, I, 1854], — *Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина* [ib., II, 1857], — *Задонщина* [„Извѣстія Ак. Н.“, VI, 1858], — *Слово Даніила Заточника* [ib., X, 1863] и мн. др.

Цѣлый рядъ памятниковъ древнерусской письменности издается проф. И. Я. Порфирьевымъ († 1890), — отмѣтимъ *Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго* (Казань, 1859), *Сочи-*

ненія Максима Грека (3 т., Казань, 1859—1862), *Истины Показаніе Зиновія Отенскаго* (Казань, 1863) и рядъ др. болѣе мелкихъ памятниковъ нашей старой письменности. Въ 1860—1862 г. выходятъ 4 тома *Памятниковъ старинной русской литературы* (4 т., Спб., 1860—1862) подъ редакціей А. Н. Пыпина и Костомарова, — изданіе, при всѣхъ недостаткахъ своихъ и до сихъ поръ остающееся однимъ изъ основныхъ пособій по исторіи древней русской литературы. Одновременно съ этимъ, или отчасти и раньше, — начинаются изданія или изслѣдованія или и тѣ и другія одновременно — А. В. Горскаго, архіеп. Филарета: В. И. Григороввча, архим., позднѣе еп. Амфилохія, К. И. Невоструева, архим. Леонида [Кавелина], А. Е. Викторова, особенно многочисленные труды акад. А. Ѳ. Бычкова, А. Н. Попова, общеисторическія разысканія С. М. Соловьева, Бестужева-Рюмина, труды уже упоминавшихся А. А. Котляревскаго Забѣлина, Пыпина, Лавровскаго, м. Макарія Сухомлинова, Тихонравова, Безсонова и т. д и т. д.

Уже рано особенное вниманіе начинаетъ привлекать древнерусская агіографія, область древнерусскихъ житій святыхъ, религіозныхъ повѣстей и сказаній, церковныхъ легендъ, общерусскихъ и мѣстныхъ, областныхъ. Первый починъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ Буслаеву, — изслѣдованія котораго, по методу и пріемамъ изученія, по общей точкѣ зрѣнія на предметъ, рѣзко отличались здѣсь отъ обширныхъ, но совершенно лишенныхъ строгой исторической точки зрѣнія, полу-церковныхъ трактатовъ Шевырева въ его *Исторіи русской словесности*. Къ трудамъ Буслаева примыкаютъ позднѣе отдѣльныя указанія, изданія и изслѣдованія Щапова, м. Макарія, Невоструева, Хрущова, Некрасова. Цѣлую эпоху производитъ позднѣйшій классическій трудъ Ключевскаго: *Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ* (М., 1871). Къ болѣе обширной области не только древнерусской, но и византійской церковной легенды отно-

сятся раннія и болѣе позднія изслѣдованія въ области литературной исторіи *Древнерусскаго Пролога* Петрова, по *Кіевскому Патерику* — Кубарева, м. Макарія, Яковлева и др. Рядъ капитальныхъ трудовъ появляется по изученію и другихъ областей старой русской письменности: въ области изученій начальной русской лѣтописи — труды Сухомлинова, Срезневскаго, Костомарова, нѣсколько позднѣе Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Маркевича; въ области древнерусскихъ переводныхъ хроникъ и хронографовъ, послѣ старыхъ описаній Иванова — болѣе глубокія, въ связи съ византійскими источниками, изысканія Ундольскаго, кн. Оболенскаго, и особенно нѣсколько позднѣе Андрея Попова и т. д. Изслѣдованія съ особымъ вниманіемъ обращаются на изученіе связей древнерусской письменности съ византійской и южнославянской, — впервые съ особой очевидностью, на цѣломъ рядѣ фактовъ, обнаруживая ближайшія, непосредственныя связи древнерусскихъ памятниковъ съ произведеніями византійской и южнославянской литературъ. Съ другой стороны, древнерусская письменность впервые съ особымъ вниманіемъ изучается въ ея отношеніяхъ къ міровоззрѣнію народной массы, къ области русской устной народной поэзіи. Въ ряду дошедшихъ старыхъ письменныхъ памятниковъ впервые начинаютъ цѣниться не только „поученія“, „лѣтописи“, вообще памятники оффиціальной письменности, но и другія области литературы, до того времени совершенно игнорировавшіяся изученіемъ, да къ тому же и остававшіяся совершенно неизвѣстными, — между тѣмъ, какъ теперь оказалось, стоявшія къ народной массѣ часто даже гораздо ближе, чѣмъ первыя. Изученія впервые между прочимъ направились въ обширную, до сихъ поръ остававшуюся непочатой, область „отреченныхъ книгъ“, древнерусскихъ апокрифовъ; одновременно съ этимъ впервые подвергается внимательному научному обслѣдованію другая, менѣе обширная, но столь же важная и остававшаяся столь же неизвѣстной, область свѣтскихъ повѣстей и сказаній.

Рядомъ съ первыми изысканіями Буслаева, важнѣйшіе труды принадлежали здѣсь Тихонравову и Пыпину. Научныя изслѣдованія одновременно обращаются къ изученію вопроса вообще о древнерусскомъ образованіи и степени болѣе поздней, московской культуры. Разумѣемъ изслѣдованія Лавровскаго о древнерусскихъ училищахъ, Сухомлинова о языкознаніи въ древней Руси, о Московской греколатинской Академіи Смирнова, о „бытѣ московскихъ царей и царицъ“ Забѣлина, о „нравахъ“ и культурѣ Московскаго Государства въ XVI—XVII вв. Костомарова, Ключевскаго, — объ общихъ „культурныхъ вліяніяхъ Византіи“ Иконникова... Идетъ рядъ спеціальныхъ изученій и въ области собственно московской литературы, — разумѣемъ изслѣдованія памятниковъ литературы Московскаго Государства Порфирьева, Павлова, Некрасова, Иконникова; спеціально въ области московскаго раскола старообрядства и относящейся къ нему литературы — изслѣдованія Щапова, А-ра Бровковича, Тихонравова; по изученію западнорусской литературы и образованія — м. Макарія, Кояловича, Пекарскаго; по исторіи стариннаго русскаго театра — Пекарскаго, Тихонравова, отчасти Забѣлина, и т. д. и т. д.

Одновременно съ изданіями памятниковъ, ихъ описаніями и широкими филологическими изученіями, — къ древнерусской письменности теперь впервые начинаютъ примѣняться, съ одной стороны, вообще болѣе широкіе запросы чисто литературные, съ другой — несравненно болѣе строчіе и точные пріемы и методы научныхъ изученій. Какъ быстро и значительно разширился у насъ кругозоръ новыхъ научныхъ изученій, начавшихся съ конца 40-хъ — 50-хъ гг. въ области изученія древнерусской литературы, съ особой наглядностью можно видѣть на трудахъ, которые посвящаются съ этого времени изученію *Слова о полку Игоревѣ*. Всѣ изученія этого памятника до 30—40-хъ гг. показываютъ еще крайнюю слабость научныхъ пріемовъ и взглядовъ! — иногда даже и крайню недостаточность чисто фактическихъ научныхъ знаній. Изслѣдователи не пони-

мають здѣсь иногда даже такихъ словъ, какъ *зегзицею, харалужными*... Изученія долго идутъ какъ бы ощупью, подвигаются крайне медленно. Совершенно новое направленіе изученіямъ памятника, рядомъ съ многочисленными другими изслѣдователями, даютъ начинающіяся съ 1842 года изысканія здѣсь Буслаева. Въ видѣ иллюстрацій, считаемъ нелишнимъ припомнить важнѣйшіе изъ этихъ новыхъ трудовъ по изученію знаменитаго памятника: это съ особой наглядностью можетъ показать, какую разносторонность, глубину и въ то же время научную основательность какъ-бы вдругъ, разомъ, принимаютъ теперь наши историко-литературныя изученія.

Буслаевъ впервые приложилъ къ „Слову“ миѳологическую теорію, и въ то же время сопоставилъ памятникъ съ обширной областью устной народной поэзіи, малорусской, великорусской и южнославянской, а также нѣкоторыми сказаніями средневѣковой Европы, — стараясь выяснить общій характеръ памятника и тѣсныя связи его съ общимъ міровоззрѣніемъ древнѣйшей, начальной Руси. Въ сближеніи „Слова о полку Игоревѣ“ съ памятниками русскаго народнаго творчества нѣкоторымъ предшественникомъ Буслаева былъ лишь Максимовичъ. Уже въ книгѣ *О преподованіи отечественнаго языка* [М. 1844] Буслаевъ указываетъ на связь поэтическаго языка „Слова“ съ произведеніями народной поэзіи и древнерусской письменностью, преимущественно лѣтописями. Вполнѣ опредѣленно новую точку зрѣнія на „Слово“ Буслаевъ устанавливаетъ въ критическомъ разборѣ [„Москвитянинъ“, 1845 г., № 1] явившагося труда Дубенскаго [Слово о полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ. М., 1844]. Существенный недостатокъ труда Дубенскаго и другихъ болѣе раннихъ издателей и комментаторовъ „Слова“ Буслаевъ видитъ въ томъ, что они останавливались исключительно на объясненіи отдѣльныхъ выраженій „Слова“, — оставляя совсѣмъ безъ вниманія его общее, внутреннее содержаніе. Между тѣмъ, доказываетъ Буслаевъ, послѣднее имѣетъ

ближайшее отношеніе ко всей древнерусской миѳологіи и вообще къ міру древнерусскихъ народныхъ вѣрованій. „Слово о полку Игоревѣ“ хотя и принадлежитъ къ времени, когда христіанство не только распространилось, но и утвердилось въ народѣ, — однако это произведеніе носитъ на себѣ всѣ признаки язычества. Народная миѳологія является въ немъ не такъ, какъ греческая и римская въ одѣ Ломоносова или въ поэмѣ Хераскова, т. е. не риторическимъ украшеніемъ, а дѣйствительнымъ вѣрованіемъ; язычество долго оставалось въ народѣ, — русскіе долго были двоевѣрными! Этимъ „двоевѣріемъ“ и проникнуто „Слово“. Кромѣ миѳологіи, въ поэзію памятника, продолжаетъ Буслаевъ, вошли еще два элемента: преданіе и исторія. Историческая часть „Слова“ достаточно объяснена комментаторами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ущербъ поэтической. Между тѣмъ главное, основное значеніе слова — поэтическое. На всемъ произведеніи лежитъ отпечатокъ „поэзіи Бояновой“. Если историческій фактъ далъ содержаніе „Слову о полку Игоревѣ“, то поэтическія преданія были сочинителю вдохновеніемъ, — Боянъ замѣняетъ ему гомерову музу. Миѳологическія повѣрья составляютъ душу этого произведенія. Вѣщее предзнаменованіе, оправданное гибелью дружины Игоревой, — основная идея „Слова“. Всѣ части „Слова“ вытекаютъ изъ нея, — и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачъ Ярославны. Напрасно поэтому прежніе комментаторы объясняли все это тропами, риторическими украшеніями, — отъ этого „Слово“ получало лишь напыщенность... Въ 1848 г., въ сочиненіи *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ* [М., 1848], съ цѣлью объясненія „Слова“, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его выраженій [„копіа поютъ“, „стязи глаголютъ“. „дивъ“, „Дажъ-богъ“, „вѣщій Всеславъ“, „жизнь Дажъ-бога внука“ и др.]. Буслаевъ привлекаетъ сходныя выраженія скандинавской поэзіи, нѣмецкихъ народныхъ преданій, а также славянской народной поэзіи, — возводя всѣ эти образы и выраженія къ древнѣйшей миѳологической эпохѣ. Въ статьѣ *Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи*

[„Москвит.“, 1850, № 18; позднѣе въ „Историч. Очеркахъ“, I, стр., 210—240] Буслаевъ вводитъ „Слово“ въ область широкаго сравнительнаго изученія, стараясь придать различнымъ образамъ „Слова“ чисто миѳологическій смыслъ, сходный, даже тожественный, съ подобными же миѳологическими образами не только русской и общеславянской народной поэзіи, но и средневѣковой поэзіи западно-европейской, особенно скандинавской *Эдды*. Сличеніе языка „Слова“ съ украинскими пѣснями [статья написана по поводу сборника украинскихъ пѣсенъ Максимовича, — Кіевъ, 1849] указываетъ изслѣдователю на существованіе многихъ эпическихъ формъ народной поэзіи еще въ XII в., доказываетъ простоту, безискусственность „Слова“ — и его южное происхожденіе. Сопоставленіе „Слова“ съ такими памятниками, какъ Эдда, вводитъ насъ въ область „кровожадныхъ эпическихъ формъ“ самой отдаленной поры человѣческой жизни: въ Эддѣ животныя не только кормятся трупами, но и радуются имъ; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ храбрые курскіе воины „концомъ копья вскормлены“, — „скачутъ, какъ сѣрые волки“ и т. д. Въ слѣдующей статьѣ: *Русская поэзія XI — начала XII вѣка* [„Лѣт. рус. литературы“, Тихонравова, I, М., 1859; „Ист. Оч.“, I, 377—400] Буслаевъ съ особой подробностью останавливается на Боянѣ. Изслѣдователь видитъ въ немъ представителя множества другихъ, оставшихся неизвѣстными, древнерусскихъ пѣвцовъ, — въ памяти которыхъ были еще свѣжи миѳологическія и героическія основы первобытной народной поэзіи. Важнѣйшій фактъ, извлекаемый изъ „Слова“, говоритъ Буслаевъ, — тотъ, что наша поэзія XI вѣка была исторической. Боянъ былъ „пѣснотворцемъ“ Святослава и воспѣвалъ его сыновей, Романа и Олега. Впрочемъ, и миѳическія, героическія основы русскаго эпоса были еще свѣжи въ памяти Бояна; дѣйствительность представлялась въ таинственномъ соотношеніи съ міромъ миѳологическимъ, люди были въ родственныхъ отношеніяхъ къ богамъ. „Историческая поэзія Бояна не только не чуждалась миѳологическихъ основъ, но на нихъ, какъ на эпическомъ чудесномъ, возрастала, извлекая изъ міра чудесъ свои

эпическія свѣжія силы". Характеръ исторической поэзіи Бояна вполнѣ отражалъ на себѣ общій характеръ современнаго ему народнаго эпоса. Въ эпоху Бояна, княжьяго пѣвца, поэтическое творчество отъ божествъ и миѳическихъ героевъ, уже низошло къ простымъ смертнымъ, остановившись на высшихъ его представителяхъ — князьяхъ, и придавъ имъ миѳическія черты. Буслаевъ разумѣетъ указываемыя самимъ авторомъ „Слова" выраженія Бояна, „замышленія бояновы". Вообще Боянъ, продолжаетъ изслѣдователь, принадлежалъ къ новому поколѣнію пѣвцовъ, является представителемъ образованнѣйшей части Кіевской Руси; его историческая поэзія уже связана съ лѣтописью. „Соединяя интересы народа и литературы, Боянъ былъ достойнымъ современникомъ Нестора...: и лѣтописецъ и поэтъ смотрѣли на міръ одинаковыми глазами, оба обрабатывали одно и то же содержаніе и волей-неволею сходились на однихъ и тѣхъ же предметахъ"... И т. д. Примыкая къ выводамъ Буслаева, — миѳологическій взглядъ на „Слово" съ еще бо́льшей исключительностью проводитъ позднѣе Аѳанасьевъ, касаясь различныхъ мѣстъ „Слова" въ своихъ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу" [3 т., М., 1865—1868].

Сравнительно гораздо меньше останавливается на миѳологической сторонѣ „Слова" Ор. Миллеръ [Опытъ историч. обозрѣнія русской словесности. I. Спб., 1865]. Говоря о „Словѣ", Ор. Миллеръ указываетъ на первыя проявленія у насъ исторической поэзіи, свидѣтельствующія о „рѣшительномъ переходѣ нашей народной поэзіи отъ богатырскаго идеала къ историческому", — на Боянѣ, какъ наиболѣе раннемъ представителѣ такого пѣснопѣнія, и его „пѣсняхъ", — которыя, хотя и были уже историческими, но, очевидно, содержали еще слишкомъ много фантазіи, миѳологическаго, почему авторъ „Слова" и не совсѣмъ доволенъ ими, заявляя, что самъ онъ хочетъ пѣть „по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояна"... Авторъ „Слова" уже сознательно хочетъ быть историческимъ, — хотя въ самомъ произведеніи еще невольно „тянетъ къ старинѣ", къ

„замышленіямъ Бояна“, вноситъ въ „былины своего времени“ не мало „старыхъ словесъ“, старыхъ до того, что съ ними соединяются имена различныхъ существъ „миѳическихъ“... Очевидно, замѣчаетъ О. Миллеръ — и Боянъ и авторъ „Слова“ были люди свѣтскіе, „которые еще дорожили воспоминаніями о своей языческой старинѣ, какъ старинѣ“. Связанный миѳическими воспоминаніями съ этой стариной, авторъ „Слова“ тѣмъ не менѣе вполнѣ выполняетъ свое обѣщаніе — пѣть по „былинамъ сего времени“. Изображая своего героя, авторъ „Слова“ не только сознательно стремится представить подлиннаго, истиннаго Игоря, но и дѣйствительно достигаетъ этого. Вообще авторъ „Слова“ во всемъ своемъ изложеніи старается быть строго вѣрнымъ дѣйствительности. Вмѣстѣ съ вѣрностью исторіи, „Слово“ полно лиризма. Оно отъ начала до конца проникнуто личнымъ чувствомъ автора... Изслѣдователь какъ бы невольно и самъ увлекается этимъ авторомъ: „Самое прекрасное въ „Словѣ“, замѣчаетъ Миллеръ, — это самъ пѣвецъ...; пѣвецъ „Слова“ былъ уже личность, почувствовавшая потребность и способность сама себя высказать“... По мнѣнію Ор. Миллера, — „Слово“ представляетъ переходъ отъ чисто народнаго творчества къ личному и художественному.

Одновременно съ установкой новаго взгляда на общее значеніе „Слова“ и пріемы его изученія, изслѣдованіями Буслаева, Миллера, — въ наукѣ продолжаютъ заявляться отдѣльныя мнѣнія и замѣчанія о „Словѣ“, дѣлавшіяся мимоходомъ, но бывшія нерѣдко весьма цѣнными и оригинальными. Таковы были напр. мнѣнія и замѣчанія историка Соловьева, оріенталистовъ Эрдмана и Березина, нѣсколько позднѣе Срезневскаго. Эрдману и Березину принадлежали первые попытки указать въ „Словѣ“ слѣды восточныхъ языковъ. Подобныя попытки дѣлались и раньше, еще въ 20—30 гг., но отличались слишкомъ большимъ произволомъ. Впрочемъ, произвола еще не мало иногда и у Эрдмана: онъ пытается, напр., „азіатизмъ находить даже въ такихъ словахъ, какъ *куръ, дѣва,*

обида, милыя хоти, уши закладание и т. п. („Ж. М. Н. Пр.“. 184?, № 10). Болѣе удачными были сближенія Березина. Онъ указываетъ на туранское происхожденіе названій половецкихъ князей: *Гза* и *Кончакъ* — гусь и собака, *карна* — тазъ, *жля* — сѣдой, *кобякъ* — собака, *чага* — дикое дитя, *ортьма* — покрывало и др. „Самыя подробности похода, какъ они сохранились въ лѣтописяхъ, всего лучше показываютъ намъ, между прочимъ замѣчалъ Соловьевъ — интересъ, связанный въ древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость „Слова“... („Ист. Россіи“, III, 1953). Срезневскій [Извѣстія Ак. Наукъ, т. VI, 1858. стр. 337 sgg.], сопоставляя „Слово“ съ только что найденной передъ этимъ „Задонщиной“, высказалъ между прочимъ такой общій взглядъ на тотъ и другой памятникъ: „Задонщина“, это — поэма, въ родѣ великорусской былины или малорусской думы, но написанная прозой, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“; послѣднее напоминаетъ она и тономъ изложенія, и подборомъ подробностей въ содержаніи, и многими выраженіями, — напоминаетъ „какъ подражаніе подлинникъ“... И тотъ, и другой памятникъ — не чисто книжнаго происхожденія; можетъ быть, оба были достояніемъ памяти и „напѣвались, — какъ доселѣ напѣваются притчи и стихи. думы и былины“... „Кому покажется страннымъ, замѣчаетъ Срезневскій, какъ могли произведенія такого обширнаго размѣра удерживаться въ памяти, тотъ пусть вспомнитъ о русскихъ духовныхъ стихахъ, о Горѣ-Злосчастіи, или о сербскихъ пѣсняхъ“... Задонщина“ — подражаніе „Слову о полку Игоревѣ“, но не ему одному исключительно, а вообще тому роду поэмъ, къ которому принадлежало и это „Слово“: „Задонщина“ — одно изъ проявленій того же поэтическаго одушевленія, которымъ проникнутъ былъ и слагатель „Слова о полку Игоревѣ“... Срезневскій считаетъ возможнымъ предположить въ древней Руси существованіе особой литературной школы, съ особыми пріемами изложенія, слога и т. п., — школы, къ типу произведеній которой восходятъ и „Слово“ и „Задонщина“. Правда, подобныхъ

поэмъ, прибавляетъ Срезневскій, — „нѣтъ пока на лицо въ ихъ подлинномъ видѣ; это однако не значитъ, что ихъ никогда и не было: нѣтъ уже многаго, что прежде было. Ихъ нѣтъ; но есть то, что наводитъ на мысль о нихъ; есть частички ихъ такой же цѣнности, какъ частички пѣсенъ Баяна въ „Словѣ о полку Игоревѣ“... Эта мысль Срезневскаго позднѣе отчасти получила пожалуй и фактическое подтвержденіе: разумѣемъ найденный въ послѣднее время Хр. М. Лопаревымъ отрывокъ *Слова о погибели русской земли*... Взглядъ Срезневскаго отчасти раздѣляетъ и Пыпинъ въ своей „Ист. рус. литературы“.

Особенно крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ научнаго изученія „Слова о полку Игоревѣ“ было его изданіе, сдѣланное въ 1866—1868 гг. Тихонравовымъ. Изданіе Тихонравова представило рядъ весьма цѣнныхъ поправокъ текста на основаніи палеографической критики, а равно объясненій нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ „Слова“, къ которымъ здѣсь приведены параллели изъ древнихъ памятниковъ, — наконецъ, цѣлый рядъ сравненій поэтическихъ образовъ „Слова“ съ произведеніями народной поэзіи, преимущественно великорусской. Послѣднее, сближеніе „Слова“ съ великорусской поэзіей, было особенно цѣнно. Со времени Максимовича утвердилось мнѣніе, что „Слово о полку Игоревѣ“ представляетъ сходство лишь съ малорусскими думами; Тихонравовъ впервые доказалъ, что „Слово“ не менѣе близко и къ устной народной поэзіи великорусской. Чрезвычайно цѣннымъ было также небольшое палеографическое предисловіе, которымъ открывалось изданіе: Тихонравовъ впервые со всей научной строгостью подвергнулъ здѣсь тщательному обслѣдованію вопросъ о палеографическомъ характерѣ погибшей подлинной рукописи „Слова“. Ближайшимъ поводомъ къ изслѣдованію было вышедшее передъ этимъ подъ редакціей Пекарскаго (Спб., 1864) изданіе т. наз. екатерининской копіи погибшей рукописи. „Новый списокъ „Слова“, найденный въ бумагахъ императрицы Екатерины II, и несомнѣнно сдѣланный

съ той же рукописи, которую издалъ Мусинъ-Пушкинъ и сдѣланный притомъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ — объясняетъ намъ отчасти, говоритъ изслѣдователь, какъ поступали первые издатели, печатая знаменитый памятникъ". Тихонравовъ тщательно сличаетъ эти двѣ копіи съ одного рукописнаго оригинала, сдѣланныя подъ ближайшимъ наблюденіемъ одного и того же лица, — и приходитъ къ тому основному выводу, что Мусинъ-Пушкинъ, издавая „Слово", постоянно колебался въ буквахъ и знакахъ препинанія, постоянно смѣшивалъ написанія *ъ* и *ь*, *ъ* и *ь* съ *ѣ*, нерѣдко неразбиралъ и пропускалъ надстрочные знаки, стоявшіе въ рукописи, дѣлалъ нерѣдко невѣрную пунктуацію, произвольно поступалъ въ знакахъ препинанія. „Особенно затруднявшія Мусина-Пушкина буквы и прочитанныя имъ въ разное время различно могутъ дать намъ понятіе, говоритъ изслѣдователь — и о вѣкѣ, къ которому принадлежалъ утраченный манускриптъ памятника. Конечно, въ ясномъ и опредѣленномъ уставномъ письмѣ XIV вѣка или же въ полууставѣ начала XV вѣка, не начинавшемъ еще сбиваться на скоропись, нельзя было смѣшать *ъ* съ *ь*, *ѣ* съ *ы*, *ѣ* съ *ъ* и т. п. А между тѣмъ первые издатели почти постоянно принимаютъ *ъ* рукописи за *ь* и наоборотъ, — хотя въ екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и бо́льшею частію правильнѣе... Но *ъ* начинаетъ походить на *ь* уже въ почеркѣ писцовъ XVI вѣка, и то приближающемся къ скорописному, и принимаетъ почти вполнѣ одинаковое начертаніе съ *ь* въ скорописи XVII вѣка". Это обстоятельство заставляетъ изслѣдователя предположить, что подлинная рукопись „Слова", бывшая въ рукахъ первыхъ издателей, принадлежала — „не къ XIV или XV вѣку", какъ думали первые издатели, „а развѣ ко 2-й половинѣ XVI вѣка". Дальнѣйшія сличенія екатерининской копіи съ печатнымъ изданіемъ 1800 года еще болѣе подкрѣпляютъ вѣроятность этого предположенія. Смѣшивая *ъ* съ *ь*, первые издатели смѣшивали начертанія *ъ* и *ь* съ начертаніемъ буквы *ѣ*, — такъ что писали и *пѣснѣ* и *пѣснь*; *средѣ* и *средь*; читали *мужаимѣся*, когда

въ рукописи, вѣроятно, стояло: *мужаимъся; горъ,* когда въ рукописи должно быть *горѣ*... „Но эта трудность въ различеніи начертанія *ѣ* отъ начертанія *ъ* и *ь* — продолжаетъ Тихонравовъ — не существуетъ для рукописей XIV и XV вѣка, по самой ясности уставнаго и хорошаго полууставнаго письма“... Наконецъ, при раздѣленіи словъ въ рукописи одного отъ другого, при выводѣ словъ изъ подъ титлъ, при разстановкѣ знаковъ препинанія — издатели часто впадали совершенно въ такія же ошибки, какую Мусинъ-Пушкинъ указывалъ у кн. Щербатова: они читали вм. *мужаимъся — му жа имъ ся; сице и рати* вм. *сицеи рати; на ю* вмѣсто *наю; къ мети* вм. *къмети; похоти* вм. *по хоти*... „Такимъ же произволомъ отличалось и выведеніе словъ изъ подъ титлъ... Надстрочныя буквы бо̀льшею частью выпускались издателями“... Въ образецъ разстановки первыми издателями знаковъ препинанія Тихонравовъ приводитъ такое мѣсто: „О руская земле! уже за Шеломянемъ еси! Длъго. Ночь мркнетъ“... „Но и этого недостаточно“, прибавляетъ изслѣдователь: „Древнія формы рукописи издатели замѣняли новѣйшими! Списокъ, найденный въ бумагахъ императрицы Екатерины II, представляетъ тому прямыя доказательства“... На основаніи этихъ и подобныхъ соображеній, Тихонравовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію „Нѣтъ возможности относить пушкинскую рукопись „Слова“ къ концу XIV или началу XV вѣка. По всей вѣроятности, она относилась къ концу XVI вѣка“... Для бо̀льшаго подтвержденія этого вывода, само собой вытекающаго изъ тщательнаго палеографическаго изученія екатерининскаго списка сравнительно съ пушкинскимъ печатнымъ изданіемъ, Тихонравовъ въ заключеніе указываетъ на свидѣтельства о палеографическомъ характерѣ погибшей рукописи двухъ лицъ, которыя ее видѣли — Карамзина и типографщика Семена Селивановскаго: „Карамзинъ (пишетъ Калайдовичъ въ своемъ *Дневникѣ*) полагаетъ, что Пѣснь Игорева писана не въ концѣ XIV и не въ началѣ XV вѣка, но въ исходѣ сего столѣтія. Типографщикъ Селивановскій говорилъ мнѣ (продолжаетъ Калайдовичъ), что онъ видѣлъ

въ рукописи Пѣснь Игореву. Она написана, точно, въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, „бѣлорусскимъ письмомъ, — не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго“... (Слово о Полку Игоревѣ. Издано для учащихся Николаемъ Тихонравовымъ. М., 1868, стр. V—IX.)

Чрезвычайно точныя, отличающіяся филигранной тщательностью, изысканія Тихонравова до сихъ поръ сохраняютъ всю свою цѣнность, — такъ твердо стали на научную почву наши изученія съ „40-хъ гг.“, уже спустя 20 лѣтъ, къ концу 60-хъ гг.! Дальнѣйшія изученія знаменитаго памятника принадлежали уже позднѣйшимъ изслѣдователямъ — Вс. Ѳ. Миллеру, Барсову, Потебни...

Рядомъ съ изученіемъ древней письменности и народной поэтической старины, развивается особый интересъ къ литературѣ позднѣйшей. Около середины и конца пятидесятихъ годовъ у насъ впервые съ особенной силой обнаруживается научное вниманіе къ фактамъ новой русской литературы, XVIII и XIX вв., какъ отраженіе общихъ, болѣе широкихъ взглядовъ на задачи и цѣли историко-литературныхъ изученій, — помимо ослабленія, съ половины 50-хъ годовъ, и чисто внѣшнихъ, цензурныхъ ограниченій и стѣсненій для научныхъ изслѣдованій. Одновременно, цѣлымъ рядомъ изслѣдователей, начинаются внимательныя изученія новой, послѣ петровской литературы, XVIII в. и дальнѣйшей, XIX-го вѣка, — чѣмъ далѣе, тѣмъ все настойчивѣе и шире развивающіяся въ болѣе позднихъ трудахъ. Въ отношеніи къ изученію этой, болѣе поздней русской литературы громадное значеніе имѣли труды уже раннихъ нашихъ критиковъ конца 40—50 гг.: Бѣлинскаго, В. Майкова, Добролюбова, Чернышевскаго, Ап. Григорьева, Н. Страхова, Анненкова... Труды послѣднихъ были особенно многочисленны, занимая весьма видное мѣсто въ нашихъ историко-литературныхъ изученіяхъ и болѣе поздняго времени. Въ ряду начавшихся изученій спеціальнаго характера, — болѣе ранними и цѣнными были, рядомъ съ разнообразными изслѣдованіями Тихонравова и Пыпина — труды Перевлѣсскаго,

кн. Вяземскаго, А. Милюкова, Галахова, Булича, Лонгинова, Афанасьева, Н. А. Лавровскаго, Я. К. Грота, Пекарскаго, Геннади, Куника, Ефремова, — нѣсколько позднѣе Билярскаго, Ламанскаго, Ешевскаго, Сухомлинова, Будиловича, Неустроева и мн. др.

По изученію нашей болѣе поздней литературы — XVIII и нач. XIX вв. — чрезвычайно важнымъ фактомъ было предпринятое къ концу 40-хъ гг. образованнымъ тогдашнимъ нашимъ книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ [† 1857] *Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ*, начиная съ Ломоносова, Тредьяковскаго и кончая ближайшими предшественниками Пушкина. Это изданіе, первое у насъ въ этомъ родѣ — по широтѣ поставленной программы и ея фактическому выполненію и до сихъ поръ остается единственнымъ!.. Нѣтъ нужды говорить, — помимо значительной чисто фактической неполноты, изданіе это и вообще не лишено было другихъ, весьма существенныхъ, недостатковъ, даже прямыхъ промаховъ и искаженій, какъ въ свое время это и указано было нашей ученой критикой, преимущественно въ статьяхъ Тихонравова, Галахова и др.; но величайшее значеніе его состояло уже въ томъ, что оно съ одной стороны, „привлекло вниманіе къ старой литературѣ“, съ другой, — „вызывая поправки и дополненія, послужило исходнымъ пунктомъ разысканій, которыя въ первый разъ указывали историческій смыслъ литературы XVIII вѣка“... Изданіе имѣло громадную заслугу и общеобразовательную: впервые цѣлый рядъ русскихъ писателей становился доступнымъ русскому читателю въ компактномъ, недорогомъ видѣ! — собрать которыхъ въ старыхъ, чаще всего или очень дорогихъ или совсѣмъ исчезнувшихъ съ книжнаго рынка, изданіяхъ, было доступнымъ лишь отдѣльнымъ и немногимъ, очень богатымъ лицамъ...

Нельзя не прибавить, — помимо всего этого, Смирдинское изданіе русскихъ классиковъ въ общемъ ходѣ развитія нашихъ историко-литературныхъ изученій имѣло значеніе еще и потому, что изданія сочиненій нашихъ позднѣйшихъ

писателей и вообще — отдѣльно, по отношенію къ тому или другому отдѣльному писателю — до самаго послѣдняго времени были крайне случайны и рѣдки! Это объяснялось не только общими, упомянутыми выше, цензурными условіями [каковы были вообще эти условія, — вотъ примѣръ: въ 1819 г. въ „Журналѣ древней и новой словесности“ была напечатана записка Ломоносова *О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа;* одновременно разсужденіе это вышло и отдѣльной брошюрой (Спб., 1810), — и цензоръ Яковкинъ, пропустившій книжку журнала, чуть не былъ удаленъ за это отъ должности, самая же брошюра была запрещена и изъята изъ обращенія въ публикѣ!..], — но нерѣдко и тѣмъ національнымъ свойствомъ русскаго общества, которое подмѣчено было уже Пушкинымъ: „мы лѣнивы и не любопытны...“ Къ сожалѣнію, это случайно брошенное замѣчаніе остается вѣрнымъ и до сихъ поръ! — еще болѣе вѣрнымъ оно было 40—50 лѣтъ тому назадъ, — вѣрнымъ даже въ отношеніи къ такому великому писателю, какъ самъ Пушкинъ... Мимоходомъ, въ видѣ иллюстраціи, нельзя не упомянуть здѣсь, напр., о такъ наз. „посмертномъ изданіи“ сочиненій Пушкина, вышедшемъ въ 1838—1841 гг. По справедливому замѣчанію компетентнаго изслѣдователя, это изданіе вышло „по истинѣ безобразнымъ“, — хотя во главѣ его стоялъ ближайшій другъ Пушкина и одинъ изъ выдающихся представителей всей нашей тогдашней литературы, Жуковскій... Вскорѣ послѣ смерти Пушкина, Жуковскій заявлялъ въ печати: „Въ бумагахъ послѣ него (Пушкина) оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченаго; съ благоговѣйной любовью къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ, и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ“... Но въ вышедшихъ затѣмъ одиннадцати томахъ посмертнаго изданія (Спб., 1838—1841 г.) мы не видимъ не только „благоговѣйнаго“, но и вообще сколько-нибудь внимательнаго и обдуманнаго пользованія „драгоцѣнными остатками“, не только рукописными, но и уже напечатанными! О какой-либо полнотѣ изданія не можетъ быть и рѣчи; но

трудно услѣдить и вообще планъ, что-либо похожее на систему, въ самыхъ вырѣзкахъ, безчисленныхъ пропускахъ, — помимо искаженій и опечатокъ... Въ рукахъ издателей былъ богатѣйшій, во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не тронутый матеріалъ: въ очень и очень многихъ случаяхъ они не могли встрѣтить препятствій и со стороны цензуры, — и несмотря на это, издатели съ какой-то поражающей небрежностью и безсистемностью относятся не только къ находящимся передъ ними новымъ матеріаламъ, рукописнымъ сокровищамъ, но и къ тому, что́ было напечатано поэтомъ ранѣе, при своей жизни: заимствуемое изъ рукописей печатается съ пропусками, совершенно непонятными, или съ измѣненіями, дѣлаемыми посторонней рукой; многое, бывшее уже въ печати раньше, но разсѣянное по старымъ рукописямъ, совсѣмъ является пропущеннымъ въ изданіи; пропуски и купюры, трудно объяснимые, дѣлаются и въ томъ, что́ уже давно напечатано, — наконецъ, самые оригиналы берутся для изданія безъ всякаго вниманія къ ихъ относительному достоинству: оставляя въ сторонѣ лучшіе списки, издатели нерѣдко печатаютъ съ рукописей дурныхъ, случайно попавшихся! И т. д. и т. д. Кромѣ значенія историческаго и, какъ видимъ, самаго прискорбнаго, — „посмертное“ изданіе сочиненій Пушкина не можетъ въ настоящее время представлять никакого другого... Первымъ серьезнымъ трудомъ по изданію сочиненій Пушкина было изданіе, выполненное лишь въ концѣ 50-хъ гг. упомянутымъ выше П. В. Анненковымъ (въ 7-ми томахъ, Спб., 1855—1857). Это изданіе и вообще было для нашей науки событіемъ, — ярко характеризуя значительное все же измѣненіе общихъ условій ея положенія у насъ послѣ 40-хъ гг., особенно позднѣе, въ канунъ „великихъ реформъ“. Никто изъ издателей Пушкина, ни раньше, ни позже Анненкова — вплоть до настоящаго академическаго изданія — не относился къ своей задачѣ съ такой научной широтой, никто не изучалъ съ такимъ вниманіемъ дошедшихъ рукописей, вмѣстѣ съ относящимися сюда печатными текстами, никто не выказалъ такого труда и такой любви къ изученію его твореній и

ихъ историко-литературному и общественному освѣщенію — какъ Анненковъ... „Многимъ еще памятно, говоритъ современникъ, то сильное впечатлѣніе, которое произвело въ обществѣ и особенно въ литературныхъ кружкахъ изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году (первые шесть томовъ) подъ наблюденіемъ Анненкова. Среди однообразія тогдашней литературы, какою свѣжестью пахнуло отъ этихъ красиво напечатанныхъ страницъ, на которыхъ читатели, рядомъ съ давно знакомыми и давно любимыми произведеніями славнаго поэта, встрѣчали новыя, дотолѣ неизвѣстныя въ печати откровенія его музы и затерянныя въ старыхъ журналахъ яркія блестки его геніальнаго дарованія и могучаго ума! Какою драгоцѣнностью казались свѣдѣнія о жизни и творчествѣ Пушкина, собранныя во введеніи, которое авторъ-издатель скромно назвалъ „матеріалами для біографіи“ поэта. Что изданіе Анненкова не вполнѣ исчерпало литературное наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Пушкина, — объ этомъ стало извѣстно очень скоро, и самъ издатель поспѣшилъ пополнить, по возможности, пробѣлъ своего труда, выпустивъ въ 1857 году седьмой, дополнительный томъ къ шести, изданнымъ за два года передъ тѣмъ. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ, зависѣла не отъ новыхъ дополненій, а отъ того, что въ трудѣ Анненкова созданія поэта являлись впервые въ исправномъ, неиспорченномъ опечатками текстѣ, расположенныя въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ и умно объясненныя трудолюбивымъ и внимательнымъ біографомъ. На читателя благотворно дѣйствовало то благоговѣніе, съ которымъ издатель относился къ своему дѣлу. Если за Бѣлинскимъ остается заслуга первой полной критической оцѣнки Пушкина въ связи съ общимъ развитіемъ новой русской литературы, — то прекрасное начало научному истолкованію художнической дѣятельности поэта въ связи съ событіями его жизни положено было, безъ сомнѣнія, П. В. Анненковымъ“... Къ тексту каждаго произведенія присоединены были обширные комментаріи, „примѣчанія“, — гдѣ указываются рукописи, по которымъ издаются стихо-

творенія (къ сожалѣнію, самыя указанія на эти рукописи нѣсколько общи!), а также болѣе раннія первопечатныя изданія, — приводятся варіанты по другимъ редакціямъ, или дѣлаются тѣ или другія историко-литературныя поясненія и т. п. Все это въ общемъ давало совершенно новый и чрезвычайно обширный матеріалъ для изученія и личности поэта и его произведеній. Для своего времени особенно важными были громадныя пополненія къ предшествовавшему, „посмертному“ изданію, 1838—1841 гг., многочисленныя указанія на искаженія текста въ этомъ изданіи, и т. д. Фактическимъ распредѣленіемъ произведеній по годамъ впервые дѣлалась болѣе точная хронологія Пушкинскихъ произведеній, — хотя въ данномъ случаѣ приходилось вѣрить исключительно авторитету редактора, такъ какъ самыхъ основаній для хронологіи редакторомъ не приводилось... Впрочемъ, полное довѣріе къ этому авторитету читателемъ получалось съ первыхъ же страницъ изданія: все говорило о необыкновенной тщательности изученія редакторомъ-издателемъ всѣхъ подлежащихъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, — о глубокомъ сознаніи имъ важности принятаго имъ на себя дѣла, наконецъ, о томъ „благоговѣніи“, которое дѣйствительно проявлялось редакторомъ къ издаваемому имъ писателю...

Съ конца 60-хъ гг. рядъ писателей XVIII вѣка выходитъ подъ редакціей П. А. Ефремова [† 1902], — сочиненія Кантемира, Фонвизина, Лукина, Ельчанинова, Василія Майкова, Радищева [Спб., 1872; изданіе это было уничтожено цензурой еще до выхода!], — Лермонтова, Полежаева, Жуковскаго, Пушкина... Въ области изданія нашихъ позднѣйшихъ классиковъ П. А. Ефремову до самаго послѣдняго времени принадлежало и вообще самое первое мѣсто. Въ серединѣ 60-хъ гг. Ефремовымъ же переиздаются *Живописецъ* и *Трутень* Новикова. Всѣ эти изданія въ свое время были лучшими, а иногда и единственными, — по обширнымъ библіографическимъ примѣчаніямъ, прилагавшимся обыкновенно редакторомъ къ издаваемымъ текстамъ, и вообще по обширности непосредственныхъ, совершенно самостоя-

тельныхъ, изученій редакторомъ издаваевыхъ имъ писателей, — вслѣдствіе чего всѣ изданія Ефремова и до сихъ поръ остаются въ ряду самыхъ цѣнныхъ пособій по изученію нашей литературы XVIII вѣка и нач. XIX-го... Съ половины 60-хъ гг. начинаетъ выходить монументальное академическое изданіе сочиненій Державина, подъ редакціей акад. Грота, — трудъ законченный лишь черезъ двадцать лѣтъ [т. I—IX, Спб., 1864—1883].

На первыхъ порахъ, начавшіяся изученія нашей новой литературы, XVIII и XIX вв., носятъ еще нерѣдко характеръ узко біографическій или библіографическій. Особенно часто послѣдній. Библіографіи вообще часто отводится самое широкое мѣсто; многими изслѣдователями она понимается не какъ вспомогательная дисциплина, — напротивъ, сама по себѣ принимается какъ бы конечной цѣлью изслѣдованій... Это была, конечно, уже крайность. Извѣстенъ насмѣшливый отзывъ нашего знаменитаго критика объ этомъ научномъ направленіи. „Начали дорожить — замѣчаетъ мимоходомъ Добролюбовъ въ одной изъ своихъ статей — каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и даже библіографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ онѣ измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись *А* или *В* въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе, — вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любопытные предметы ея изслѣдованій, споровъ, сожалѣній!.. Цѣлыми годами труда самаго кропотливаго не добывалось ровно никакихъ результатовъ; публику душили ссылками на №№ и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, — а она часто и не знала даже, о чемъ идетъ дѣло! Мы помнимъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ двое ученыхъ — старый и молодой — ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина:

на четыре стóроны или *стороны;* помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ-за одного вздорнаго стихотворенія съ подписью *Д—гъ*, не зная, кому приписать его — Дельвигу или Дальбергу. Да мало что можно вспомнить изъ того времени, въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ отчаяніемъ скуки! И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій"... [„Соч." Добролюбова, т. I, С.-пб., 1871, стр. 1—3]. Нельзя не признать однако еще бóльшихъ крайностей въ этомъ послѣднемъ мнѣніи. Если бы нашему критику суждено было пожить подольше, онъ, вѣроятно, отказался бы отъ своихъ насмѣшекъ и своего заключенія... „Изъ этихъ споровъ и изслѣдованій", напротивъ, вышло очень много. Справедливо указывалось тогда же, что „библіографія вызывается движеніемъ литературы и науки, потребностью знать то, что́, когда и кѣмъ было писано и печатано, гдѣ что́ хранится, куда обращаться за источниками для ученыхъ работъ"... Какъ знаніе вспомогательное, библіографія „необходима для всѣхъ наукъ, — такъ какъ всякому ученому необходимо знать по крайней мѣрѣ бóльшую часть сочиненій въ области спеціальныхъ его занятій. Напротивъ того, незнакомство съ литературою библіографической можетъ быть причиной важныхъ ученыхъ ошибокъ, можетъ вызвать безполезное изслѣдованіе по предмету, о которомъ прежде было писано съ бóльшимъ успѣхомъ, можетъ породить пропуски, непростительные въ серьезномъ трудѣ, и — что́ всего хуже — есть корень невѣдѣнія литературной исторіи народа. Все это — продолжаетъ защитникъ библіографіи — чувствуется въ нашей литературѣ: правда, наша книжная старина начинаетъ помаленьку разрабатываться; но сколько разъ выдавалось у насъ за новость то, о чемъ было обстоятельно писано много лѣтъ тому назадъ въ какой-нибудь старой книгѣ, въ забытомъ нумерѣ давнишняго журнала, сколько разъ наши изслѣдователи являлись до-нельзя отсталыми относительно западной науки!.. И все это отъ того, что наши ученые подчасъ не знакомы со своею наукою библіографически"... [„Атеней", 1858, № 43,

стр. 53]. При всѣхъ крайностяхъ, въ которыя нерѣдко впадали наши тогдашнія біографическія и библіографическія разысканія, они дали и самые благотворные результаты. Изученіе — хотя иногда и слишкомъ узкое, тѣсное — „обратило вниманіе на массу явленій, которыя оставляла въ сторонѣ эстетическая критика, но которыя были исполнены интереса для внутренней исторіи общества и тѣхъ сложныхъ путей, какими шло его самосознаніе“... Слишкомъ мелочныя, повидимому, библіографическія разысканія — стояли на совершенно новой точкѣ зрѣнія на предметъ, исходили изъ интересовъ, совершенно чуждыхъ прежней, эстетической, оцѣнкѣ литературнаго факта. Многое, что̀ казалось совершенно неважнымъ и неинтереснымъ для историка-эстетика — часто представляло живѣйшій интересъ для историка образованія, нравовъ, быта... „Теперь, черезъ 30 лѣтъ — писалъ Пыпинъ въ 1891 г. — результаты этой работы оказываются крупнымъ пріобрѣтеніемъ, сильно измѣнившимъ наши историко-литературныя представленія. Изысканія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, раскрыли цѣлый рядъ любопытныхъ явленій внутренней жизни общества, съ начала XVIII вѣка и до новѣйшаго времени; точнѣе выясняется смѣна эпохъ и направленій, вліянія европейской литературы; собрано множество фактовъ для исторіи образованія и нравовъ, возстановлено множество фактовъ, оставшихся неизвѣстными, какъ напримѣръ обширная литература мемуаровъ прошлаго вѣка, впервые оцѣнено историческое значеніе дѣятелей, прежде едва упоминаемыхъ, какъ Новиковъ, значеніе масонства и т. д. Рядомъ съ этимъ развивался вообще интересъ къ старой исторіи“...

Прежде чѣмъ перейти къ позднѣйшимъ трудамъ по изученію нашей науки, начинающимся съ 70—80-хъ гг. XIX столѣтія, къ новому, позднѣйшему поколѣнію нашихъ научныхъ дѣятелей, въ значительной долѣ уже современному, — считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на трудахъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ выше ученыхъ, какъ на иллюстраціяхъ къ сдѣланной общей характеристикѣ на-

шего научнаго движенія съ 40—50 гг. до 70—80-хъ гг. Останавливаемся лишь на очень немногихъ отдѣльныхъ ученыхъ или на отдѣльныхъ трудахъ. Главнымъ образомъ имѣемъ въ виду важнѣйшіе труды въ области изученій русскаго языка, — далѣе труды по изученію славяно-русской миѳологіи и памятниковъ русскаго народнаго творчества, Аѳанасьева, наконецъ, особенно обширные и разнообразные труды Сухомлинова, Тихонравова и Пыпина въ области письменной русской литературы, древней и новой, а также вообще просвѣщенія и русской общественной мысли, — цѣликомъ вошедшіе въ нашу позднѣйшую науку...

V.

Расширеніе чисто филологическихъ изученій рядомъ съ трудами Буслаева. — Изслѣдованія въ области русскаго языка Павскаго и Каткова. — Н. И. Надеждинъ. — Труды Срезневскаго и Лавровскаго. — *Опытъ областного великорусскаго словаря* Академіи Наукъ. — *Толковый Словарь живого великорусскаго языка* В. И. Даля. — Изученія въ области славяно-русской миѳологіи и народнаго русскаго творчества. — *Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу* Аѳанасьева. — Труды по изученію русской литературы, древней и новой, по исторіи образованія и исторіи русской общественной мысли Сухомлинова, Тихонравова и Пыпина.

Какъ мы уже замѣтили, почти одновременно съ первыми филологическими трудами Буслаева явились *Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка* Г. П. Павскаго († 1863) и *Объ элементахъ и формахъ русскаго языка* М. Н. Каткова († 1887).

„Филологическія Наблюденія“ Павскаго (три „разсужденія“, Спб., 1841—1842; при второмъ изданіи — Спб., 1850 — 2-е „разсужденіе“ вышло въ двухъ выпускахъ) были замѣчательнымъ явленіемъ нашей тогдашней филологической науки, и при своемъ появленіи, произвели сильное впечатлѣніе. Всѣхъ поражала широкая эрудиція автора, его глубокія знанія языковъ классическихъ и еврейскаго;

нельзя было не видѣть также серьезнаго, внимательнаго изученія русскаго языка книжнаго, литературнаго. Востоковъ находилъ выводы изслѣдователя „вообще вѣрными и удовлетворительными“; по его отзыву, трудъ Павскаго представлялъ „полнѣйшій и ученѣйшій грамматическій обзоръ нашего языка, какой мы доселѣ (1844 г.) имѣемъ, и богатую сокровищницу разнообразныхъ свѣдѣній для всѣхъ занимающихся симъ языкомъ“ (Отч. о XIII прис. Демид. наградъ. Спб., 1844, стр. 41—50). Многимъ казалось даже, что этимъ трудомъ „начиналось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка“, что это изслѣдованіе „составило въ исторіи грамматики нашей эпоху“... (Учен. Зап. II Отд. Ак. Н., т. III, стр. XLIII—XLIV). Къ высокому уваженію присоединялось иногда какое-то благоговѣніе; Бодянскій, напр., и въ 1855 г. заявлялъ, что „не много до сихъ поръ (1855) принесли намъ пользы всѣ оспариванія положеній, выведенныхъ Павскимъ...; ни одинъ изъ препиравшихся съ нимъ не выросъ, говоря словами поговорки, ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ“... (О времени происх. слав. письменъ, М., 1855, стр. 303). Лучшую оцѣнку, для своего времени, труда Павскаго сдѣлалъ Буслаевъ въ рецензіи, написанной по поводу второго изданія „Фил. Наблюденій“ (*Отеч. Зап.*, 1852, апр. — май). Онъ указалъ дѣйствительное значеніе „Наблюденій“ и ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго языкознанія. По взгляду Буслаева, трудъ Павскаго являлся выраженіемъ переходной эпохи нашей тогдашней науки. Достоинства и недостатки „Наблюденій“, непослѣдовательность и частыя противорѣчія съ самимъ собой ихъ автора — результатъ общаго переходнаго состоянія тогдашняго русскаго языкознанія, перехода отъ старыхъ взглядовъ къ новымъ, отъ теорій Шишкова и др. къ взглядамъ В. Гумбольдта, Боппа, Я. Гримма. Павскій знакомъ съ этими новыми взглядами; но онъ воспитался еще въ сферѣ старой филологіи, и симпатіи его невольно влекутся въ ту сторону. Онъ хочетъ примирить старое съ новымъ; но послѣднее понимается имъ чисто внѣшнимъ образомъ. Сравни-

тельно-историческій методъ языкознанія, которому, повидимому, слѣдуетъ авторъ — имъ совершенно не выдерживается. Фонетика Павскаго построена на совершенно особыхъ началахъ: вся она коренится на своеобразной теоріи ъ и ь, — лишенной всякихъ историческихъ основаній! Чтобы доказать придыхательное значеніе ъ и ь, изслѣдователь допускаетъ формы: *дуъ, слуъ, съъ, смъъ, знаъ*, для того, чтобы произвести слова: *духъ, слухъ, съвъ, смѣхъ, знакъ;* допускаетъ формы: *корабьь, журавьь*, для объясненія словъ: *корабль, журавль;* строитъ формы: *тростьь, коньь, синьь*, для объясненія словъ: *тростей, коней, синій* и т. д. и т. д. Но всѣ эти *дуъ, слуъ, корабьь, синьь* и пр. — лишь собственныя измышленія изслѣдователя! Въ древнихъ памятникахъ нѣтъ ничего подобнаго. Повидимому, нѣкоторую услугу могутъ оказать автору „Наблюденій“ сербскія формы родительнаго множ. на *ьь: врѣменьь, апостольь, родительь* и т. п., встрѣчающіяся въ рукописяхъ XIV—XV вв.; но здѣсь удвоеніе буквы означаетъ совсѣмъ не тѣ явленія, которыя объясняетъ такимъ удвоеніемъ авторъ „Наблюденій“... Насколько вообще слаба фонетическая сторона въ трудѣ Павскаго, можно судить уже изъ того, что изслѣдователь совершенно игнорируетъ основной фонетическій законъ современной сравнительно-исторической лингвистики — о подъемѣ гласныхъ. Авторъ „Наблюденій“ очень часто сближаетъ слова русскія съ словами другихъ индо-европейскихъ языковъ; но сближенія эти чаще всего основываются на случайныхъ созвучіяхъ, лишены строгихъ, научныхъ основаній, и совершенно чужды всякимъ законамъ соотвѣтствія звуковъ одного языка звукамъ другого. Въ этомъ отношеніи изслѣдователь вполнѣ стоитъ еще на почвѣ прежнихъ, чисто внѣшнихъ, сближеній временъ Сумарокова, Шишкова... Историческій элементъ — продолжаетъ Буслаевъ — въ трудѣ Павскаго такъ же слабъ, какъ и сравнительный. Въ „Филол. Наблюденіяхъ“ нельзя найти „ни одного твердаго историческаго положенія, на сравненіи древнихъ формъ съ новѣйшими основаннаго и систематически проведеннаго по всѣмъ явленіямъ языка русскаго“.

Въ авторѣ „Наблюденій“ часто замѣчается прямое отсутствіе основательнаго знакомства съ древними памятниками русскаго языка, а равно и съ живыми областными его нарѣчіями. Онъ „весьма часто отказываетъ въ существованіи такимъ формамъ русскаго языка, которыя не только записаны въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, но и теперь существуютъ въ областныхъ нарѣчіяхъ, гдѣ старина долѣе сберегается“. Это особенно сказывается въ ученіи автора о глаголѣ; изслѣдователь почти исключительно основывается на языкѣ книжномъ... Разсматривая русскій языкъ въ отношеніи къ другимъ языкамъ индо-европейскимъ, авторъ даетъ слишкомъ большую роль внѣшнему вліянію одного языка на другой; въ своихъ объясненіяхъ изслѣдователь слишкомъ часто прибѣгаетъ, безъ всякой нужды, къ столь легкой теоріи механическихъ заимствованій, и вообще слишкомъ много мѣста отводитъ въ жизни языка внѣшнему, искусственному. Отсюда — многія, болѣе чѣмъ странныя, его объясненія различныхъ формъ языка русскаго. Такъ, по мнѣнію Павскаго, „одинаковое окончаніе *оста* въ имени *стар-оста*, безъ сомнѣнія, произошло отъ греч. и нѣм. окончаній *ист, ост*, — знака превосходной степени“..; „окончаніе *оша* въ именахъ *юноша, святоша* произошло, кажется, отъ окончанія литовской превосходн. степени *ausas*“; „въ имени *топоръ* буква *р*, если и производственная, то чужая“..; „подражая латинамъ, которые родительному пад. даютъ *is (nominis, semin-is)*, и мы стали говорить: *имени, сѣмени*, вм. старин. *имене, сѣмене*“..; „совѣстно показалось намъ (замѣчаетъ авторъ) винительный п. муж. именъ равнять всегда съ именительнымъ, и тѣмъ ставить муж. имена, наипаче имена одуш. существъ, наряду съ средними, — и чтобы отличить имена одушевл. существъ отъ прочихъ именъ, и особенно отъ именъ средняго рода, мы нынѣ согласились вмѣсто винительнаго п. употреблять родительный, когда говорится о существахъ одушевленныхъ“... Род. пад. множ. числа былъ сходенъ съ именительнымъ ед.; такъ какъ при произношеніи между этими падежами неслышно было никакой раз-

ности, — „то придумано наконецъ такое средство, по которому бы родительный отличался отъ именит. и на письмѣ и въ произношеніи“... „Русскіе старались избавиться отъ придуманнаго и принятаго болгарами двоечленія“ и т. д. и т. д. (Буслаевъ, — *Отеч. Зап.*, 1852, апр., стр. 50—76; май, стр. 21—48). Таковы общіе, основные недостатки изслѣдованія. Они не исключали однако многихъ цѣнныхъ замѣчаній и наблюденій автора, и вообще трудъ Павскаго не прошелъ безслѣдно въ русской тогдашней наукѣ; съ его мнѣніями приходилось бороться такимъ лингвистамъ, какъ Бетлингъ, Буслаевъ. По отзыву одного даже позднѣйшаго изслѣдователя, Павскій — „внесъ много свѣта въ теорію русскаго языка. Онъ оказалъ ей большую услугу особенно по словообразованію и словопроизводству, значительно подвинулъ пониманіе состава и свойствъ русскаго глагола“. Изслѣдователь отличался „рѣдкой способностью анализа, наблюдательностью и преимуществомъ простого, яснаго изложенія“ и т. д. [Я. Гротъ, „Фил. Раз.“, II, Спб. 1876, стр. 76]. Болѣе точную и опредѣленную характеристику научнаго значенія труда Павскаго находимъ въ слѣдующихъ словахъ акад. Ягича: „Авторъ пользовался въ 40-хъ гг. большимъ уваженіемъ. Онъ былъ знакомъ съ восточными языками, но примѣненіе этихъ свѣдѣній въ пользу русскаго языка вызвало въ сочиненіи его много невѣрныхъ соображеній. Напр., онъ считалъ гласныя *ъ* и *ь* въ подражаніе вокализму восточныхъ языковъ, за нѣчто неопредѣленное, хотя зналъ о сопоставленіи *ь* съ *i* по примѣру словъ *огнь, гость* и *ignis, hostis*. Окончанія род. падежа *—овъ, —евъ* онъ производилъ изъ *—ъъ, —ьь*, назвавъ это удвоеніе гласныхъ выдумкой писцовъ! Словамъ *ратай, чешуя* онъ назначалъ старшую форму съ *л: раталь, чешуля*, и т. д. [И. В. Ягичъ, — „Энциклопедія славянской филологіи“. Вып. I, Спб., 1910, стр. 485].

Если „Филол. Наблюденія“ Павскаго отражали на себѣ переходную ступень нашего языкознанія, то вышедшее почти одновременно съ ними изслѣдованіе Каткова: *Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка* (М., 1845) стояло уже

вполнѣ на той почвѣ позднѣйшаго сравнительно-историческаго метода, на которой коренились и труды Буслаева. Какъ и послѣдніе, книга Каткова была прямымъ пріобрѣтеніемъ нашей науки, и въ этомъ отношеніи сохраняетъ свое извѣстное значеніе и теперь. По отзыву акад. Грота, это изслѣдованіе — „въ бо́льшей части затронутыхъ имъ вопросовъ до сихъ поръ не утратило цѣны своей“... („Фил. Раз.“, II, стр. 83. Ср. Котляревскаго, „Соч.“, I, стр. 407). По отзыву акад. Ягича, — въ названномъ изслѣдованіи Каткова „и нынѣ еще читатель охотно отмѣчаетъ много свѣтлыхъ мыслей и любуется критическимъ остроуміемъ автора. Можно и теперь еще жалѣть, что обстоятельства заставили его покинуть эту спеціальность на первыхъ же порахъ“. [„Энцикл. слав. филол.“, Вып. I, стр. 915.]

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей старой науки въ области языка и вообще русской этнографіи былъ Н. И. Надеждинъ (1804—1856). Какъ справедливо замѣчаетъ ближайшій современникъ, ученая дѣятельность Надеждина была весьма разносторонней. „По многимъ и разнороднѣйшимъ отраслямъ науки, особенно касающимся Россіи, онъ былъ первымъ нашимъ спеціалистомъ; по многимъ другимъ, общимъ намъ съ западною Европою, равнялся съ лучшими нѣмецкими или французскими спеціалистами. Всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философіи до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удается изучить одну свою частную науку. Этимъ страшнымъ запасомъ знанія располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проницательный, — и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки ни касался, двигалъ ее впередъ. А писалъ онъ обо всемъ, отъ богословія до русской исторіи и этнографіи, отъ философіи до археологіи“... (*Очерки гоголевскаго періода* и пр., стр. 174 sqq). Въ области изученій русскаго языка Надеждину между прочимъ принадлежали самыя раннія попытки изученія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ живого, народнаго языка, — къ сожалѣнію, оставшіяся не развитыми, остано-

вившіяся на самыхъ первыхъ шагахъ, но вообще нерѣдко полныя весьма вѣрныхъ замѣчаній и чрезвычайно тонкихъ наблюденій. Нѣкоторыя замѣчанія и мысли, высказанныя въ сферѣ изученія живыхъ русскихъ говоровъ Надеждинымъ, позднѣе были развиты въ статьѣ акад. Бетлинга, извѣстнаго оріенталиста: *Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ* [см. Уч. Зап. Ак. Н., по I и III отд., I, Спб., 1852, стр. 58—124; первоначально — въ Bulletin de la classe des sciences hist., phil. et polit. de l'Acad. Imper. des Sciences de St-Petersb., IX, 1851]. Считаетъ не лишнимъ привести здѣсь общіе взгляды Надеждина на позднѣйшіе живые говоры русскаго языка и ихъ историческое развитіе — для своего времени весьма замѣчательные. Главная, относящаяся сюда, статья Надеждина — *Mundarten der russischen Sprache*, напечатанная въ 1841 г., въ вѣнскихъ „Jahrbücher der Literatur" [1841, Bd. XCI, s. 181—240] и написанная по настоятельному требованію Копитара — „обратила на себя общее вниманіе" [Ягичъ]. Излагаемъ здѣсь однако не эту, а болѣе раннюю статью Надеждина, какъ еще болѣе характерную для его ученыхъ взглядовъ, помѣщенную въ „Энцикл. Лексиконѣ" Плюшара [т. IX, Спб., 1837], — въ главномъ мало отличавшуюся отъ вѣнской, хотя послѣдняя подробнѣе и заключаетъ рядъ новыхъ цѣнныхъ мыслей и наблюденій.

„Языкъ великороссіянъ — пишетъ Надеждинъ — нельзя назвать нарѣчіемъ; это особая вѣтвь общей славяно-русской рѣчи. Онъ отличается отъ малороссійскаго и бѣлорусскаго не только грамматическими особенностями въ словопроизводствѣ и словосочиненіи, но даже рѣзкою своеобразностью въ самой физіологической организаціи звуковъ. Это послѣднее обстоятельство удостовѣрительно доказываетъ, что отдѣленіе великороссійскаго языка произошло не отъ случайной примѣси чуждыхъ, иноязычныхъ элементовъ, а было естественнымъ слѣдствіемъ вліянія сѣверной природы. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи лексикографическомъ, славяно-русская основа гораздо въ немъ чище; иноязычныхъ словъ несравненно больше въ

западно-южныхъ языкахъ, и именно: въ малороссійскомъ татарскихъ, въ бѣлорусскомъ литовскихъ, кромѣ польскихъ, которыми тотъ и другой равно наполнены. Отдѣленіе великороссійскаго языка воспослѣдовало очень рано, вѣроятно, съ самаго поселенія русскихъ колоній на сѣверо-востокѣ, между племенами финскими. Древнѣйшіе переписчики церковныхъ книгъ, составленныхъ на особомъ южно-славянскомъ языкѣ, часто просятъ прощенія у читателей, „яко мнози пословицы ноугородскія привнидоша“: это значитъ, что въ ихъ время, задолго еще до нашествія татарскаго на востокъ и литовскаго на западъ, въ Новгородѣ существовали особенности языка, больше несовмѣстныя съ церковно-славянскою письменностью, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ подобныхъ извиненій не дѣлалось. Вообще русская рѣчь отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ тѣмъ, что занимаетъ средину между двумя обширными вѣтвями, на которыя раздѣлилъ ихъ Добровскій и вслѣдъ за нимъ Шафарикъ. По крайней мѣрѣ, отличительные признаки обоихъ родовъ славянскихъ нарѣчій, юго-восточнаго и сѣверо-западнаго, исчисленные Добровскимъ, встрѣчаются совокупно въ языкѣ русскомъ, и нигдѣ это совмѣщеніе тѣхъ и другихъ признаковъ не обнаруживается ярче, какъ собственно у великороссіянъ, которые равно говорятъ и *издать* и *выдать*, и *земля* и *земь*, и *птица* и *птаха*. Вліяніе сѣверной природы на великороссійскій языкъ, обнаруживается въ физіологическомъ отношеніи разбавкою согласныхъ звуковъ гласными и меньшимъ придыханіемъ гортанныхъ звуковъ; онъ превращаетъ: *смрть, влкъ, градъ, пламя* въ *смерть, волкъ, городъ, поломя*, а при употребленіи гортанной, согласной *г*, любитъ твердѣйшій ея выговоръ, соотвѣтствующій латинскому *g*, котораго южные славяне вовсе не знаютъ, для котораго въ кирилловской азбукѣ не придумано и особой буквы. Это сближаетъ его болѣе съ сѣверо-западною системою славянскихъ языковъ. Но въ отношеніи грамматическомъ, онъ много сходенъ съ системою юго-восточною, и это, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе могущественнаго вліянія церковно-славянской письменности, которая, очевидно,

южнаго, Дунайскаго происхожденія. По причинѣ сосредоточенія первой книжной образованности въ духовенствѣ, распространявшемся на сѣверо-востокѣ съ юга, изъ Кіева, языкъ великороссійскій долго не былъ письменнымъ. Древнѣйшіе новгородскіе памятники житейской, мірской письменности обнаруживаютъ господствующее вліяніе южнославянскаго характера въ правописаніи и словосочиненіи, которое однако все болѣе и болѣе слабѣетъ, по мѣрѣ усиливающагося расторженія политическихъ связей восточной Руси съ Кіевомъ. Москва, сдѣлавшись средоточіемъ единства и самостоятельности для этой обширной половины русскаго міра, съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалась и колыбелью самобытнаго, своеобразнаго развитія великороссійскаго языка, какъ въ живой рѣчи, такъ и на письмѣ. Со временъ Дмитрія Донскаго, официальный языкъ грамотъ и другихъ гражданскихъ актовъ начинаетъ уже быть чисто великороссійскимъ, съ небольшими церковно-славянскими промолвками. Царствованіе Іоанна Грознаго, который самъ былъ первый словесникъ и витія своего времени, ознаменовано блестящими успѣхами народнаго языка: собственныя его посланія къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ, содержатъ въ себѣ образцы самороднаго великороссійскаго краснорѣчія. Послѣдующія смутныя времена не только не препятствовали, но еще содѣйствовали его укрѣпленію и распространенію; угрожаемая погибелью, народность тѣмъ могущественнѣе сомкнулась на Москвѣ, и безпрестанныя патріотическія воззванія, разлившіяся отсюда по всѣмъ концамъ Россіи, дали органу ея, народному слову, жизнь, огонь, силу. Но къ сожалѣнію, образованіе этого слова не могло довершиться окончательно по недостатку грамматики, безъ которой языкъ не можетъ возвыситься до благоустроенной литературной организаціи. Въ эти минуты весенняго цвѣта, великороссійская рѣчь развивалась безотчетно, не сознавая вовсе грамматическихъ знаковъ, или покорялась насильственному владычеству чужихъ грамматикъ. Первый ученый, отъ котораго Москва, сердце Великой Россіи, услышала имя грамматики, былъ Максимъ Грекъ, вос-

питанникъ Аѳона, Рима и Парижа; онъ не зналъ духа и идіотизмовъ не только великороссійскаго, но и вообще славянскаго языка, почему и съ неумѣренною ревностію держался формъ греческихъ, прилагая всѣ ихъ утонченности къ церковно-славянскому переводу священныхъ книгъ, который смѣшивалъ съ русскимъ. Это насиліе, вѣроятно, бывшее одною изъ причинъ общей недовѣрчивости къ Максиму, какъ еретику, очень ясно понималъ ученикъ его Силуянъ, который, будучи „не грекъ, но здѣшнія персти и русинъ", — говорилъ весьма основательно, что „нѣсть лѣпо всячески премудрѣйшему оному (греческому) послѣдовати языку; понеже обрящется сопротивно, ниже бо роды, ниже времена, ниже окончанія подобна ея имѣютъ, но вся премѣнена". Однако этотъ голосъ „русина", внушенный здравымъ смысломъ, не имѣлъ дѣйствія. Появившіяся вскорѣ полныя грамматики славяно-русскаго языка Зизанія (1596) и Смотрицкаго (1619), подняли его рѣшительно на греческую дыбу. Если въ первой половинѣ XVII в., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, на Москвѣ великороссійская рѣчь сохраняла еще самоцвѣтную чистоту и даже шла своимъ путемъ къ самобытному литературному совершенству въ писаніяхъ умныхъ дьяковъ, то это потому, что ученыя грамматики были изданы на русскомъ западѣ, отдѣленномъ отъ Великой Россіи. Когда же Малая и Бѣлая Россія составили съ ней одно государственное тѣло, когда Кіевская Академія сдѣлалась горниломъ всероссійской образованности, — западно-русскій элементъ, сопровождаемый уродливымъ смѣшеніемъ греческаго синтаксиса съ польско-латинскою фразеологіею, возобладалъ и въ московской письменности, особенно духовной. Учрежденіе въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи, копіи Кіевской, довершило это покореніе великороссійской рѣчи стихіямъ чуждымъ. При Петрѣ Великомъ отворилась широкая дверь новымъ элементамъ съ отдаленнѣйшаго европейскаго запада; это нанесло рѣшительный ударъ чистотѣ великороссійскаго языка не только въ письменномъ искуственномъ употребленіи, но и въ живомъ разговорѣ. Счастье было,

что великій Ломоносовъ родился въ отдаленнѣйшей глубинѣ сѣвера, куда не проникла еще новая цивилизація съ своей хаотической смѣсью. И этому самородному генію, возникшему на чисто великороссійской почвѣ, языкъ великороссійскій обязанъ тѣмъ, что сдѣлался основою нынѣшней русской словесности. Хотя собственное образованіе его началось подъ вліяніемъ грамматики Смотрицкаго и виршей Симеона Полоцкаго, продолжалось въ стѣнахъ Заиконо-Спасской и Кіевской Академій, окончилось вовсе въ чужихъ нѣмецкихъ краяхъ; но великороссійскій элементъ былъ въ немъ такъ глубоко укорененъ, что совершенное имъ преобразованіе, или лучше образованіе, языка основано на его условіяхъ и законахъ. Впрочемъ, со временъ Ломоносова, языкъ, или лучше литература, господствующая нынѣ въ Имперіи, должна уже называться не великороссійскою, а всероссійскою, или просто русскою: при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, она приняла въ себя много сторонних, чужеязычныхъ стихій, и теперь сдѣлалась книжнымъ языкомъ всей Россіи. Собственно же великороссійскій языкъ со всѣми идіотизмами, составляющими его отдѣльную самобытность, хранится не въ книгахъ, а въ устахъ народа, возвышаясь мало-по-малу на степень общаго языка образованныхъ сословій всей Имперіи, но исключительно господствуя только въ великороссійскихъ ея губерніяхъ“...

„Такъ какъ первую печать образованности на живой великорусскій языкъ положила Москва, то чистѣйшее и правильнѣйшее его нарѣчіе до сихъ поръ есть московское. Оно господствуетъ въ столицѣ и во всѣхъ великороссійскихъ городахъ между высшими образованнѣйшими классами дворянства, духовенства и купечества, но не въ деревняхъ, гдѣ простой, не бывалый нигдѣ народъ сохраняетъ еще печать мѣстныхъ различій, давшихъ происхожденіе многимъ областнымъ нарѣчіямъ. Всѣ эти нарѣчія можно возвести къ тремъ главнымъ родамъ. Первое владычествуетъ на сѣверовостокѣ отъ Москвы; его можно назвать новгородскимъ, потому что оно наполняетъ прежнія владѣнія Новагорода, распространяется отъ Торжка

до Устюга, и даже въ Сибирь, куда первая дорога лежала чрезъ эти владѣнія. Второе — на юго-западъ отъ Москвы, распространено по правому берегу Оки до Малороссіи; его можно назвать рязанскимъ, по причинѣ распространенія въ прежнихъ областяхъ Рязанскаго княжества. Наконецъ, третье, такъ называемое суздальское, господствуетъ вокругъ самой Москвы, и далѣе на юго-востокъ по древней Суздальской области, внизъ по Волгѣ. Въ новгородскомъ нарѣчіи, несмотря на вліяніе сѣвера, слѣды южнаго происхожденія всей вообще русской рѣчи сохраняются въ малороссійскомъ произношеніи буквы *ъ*, въ рѣзкомъ выговорѣ гласной *о*, въ удержаніи согласныхъ *ч* и *щ* въ ихъ полуденной густотѣ и плотности. Нарѣчіе рязанское напротивъ, превращаетъ *о* въ *а*, *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*, *ешто* вм. *еще*), *ъ* произноситъ какъ *е*; впрочемъ, и оно сохраняетъ печать юга въ томъ, что не знаетъ вовсе различія между *г* (*g* и *h*), употребляя одно только мягкое, превращаетъ *е* съ удареніемъ въ *ё*, не терпитъ твердаго окончанія *ъ* послѣ *т*: (*идетъ, стоитъ, дѣлаетъ*). Суздальское есть самое нечистое; оно, очевидно, образовалось подъ владычествомъ финскаго элемента, который не скоро проникся русскимъ; его отличительные признаки превращеніе *ч* въ *ц*, острый выговоръ гласной *ё*, пристрастіе къ твердому *г* (напр., *цего* вм. *чего*, которое на Рязани произносятъ *чаво*, а въ Новгородѣ *чёво*). Впрочемъ, эти различія теперь смѣшиваются между собою, заходятъ другъ въ друга. Московское нарѣчіе всего менѣе имѣетъ соприкосновеній съ суздальскимъ. Оно образовалось изъ соединенія новгородскаго съ рязанскимъ, и даже ближе къ послѣднему, особенно по превращенію *о* безъ ударенія въ *а*, что̀ составляетъ его отличительное свойство. Рѣзкій выговоръ на *о* есть уже знакъ отъявленнаго провинціализма; онъ называется въ простонародіи „высокою рѣчью“, или „рѣчью съ высока“. Вообще же характеръ московскаго нарѣчія состоитъ въ возможно полномъ и кругломъ произношеніи всѣхъ согласныхъ и гласныхъ буквъ. Что касается до синтаксическихъ отмѣнъ разныхъ нарѣчій, то ихъ невозможно подвести подъ общіе законы, да и кажутся онѣ

больше плодомъ своевольнаго уклоненія, безъ вліянія существенныхъ причинъ. Замѣчательно употребленіе причастія вмѣсто глагола *(я пришедши* вм. *я пришелъ)*, составляющее идіотизмъ петербургскаго разговора. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи московское нарѣчіе признается нормальнымъ. А какъ оно наиболѣе близко къ настоящей литературной конструкціи, то должно надѣяться, что при тѣснѣйшемъ сліяніи книжнаго языка съ разговорнымъ, оно сдѣлается основою образованной всероссійской рѣчи, какъ въ простомъ общежительномъ употребленіи, такъ и въ искусственныхъ произведеніяхъ собственно такъ называемой литературы"... [Статьи Надеждина — въ „Энциклопед. Лексиконѣ" Плюшара, т. IX, Спб., 1837, — ст.: „Великая Россія"; въ упомянутыхъ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1841, Bd. XCV, S. 181—240 (по поводу книги Копитара: Hesychii Glossographi discipulus etc., 1840), и еще въ „От. Зап.", т. XXXIV и XXXV, 1844, стр. 33—48, 17—32: разборъ „Филол. Наблюденій" Павскаго].

Выше мы уже упоминали о И. И. Срезневскомъ [† 1880]. Научные труды его начались собираніемъ и изданіями памятниковъ словацкой и малорусской поэзіи, — въ послѣднемъ отношеніи ему предшествовали опыты кн. Цертелева († 1869) и Максимовича (1804—1873). Въ 1832 г. Срезневскій издаетъ *Словацкія Пѣсни* (Харьковъ, 1832), двадцать словацкихъ пѣсенъ, записанныхъ имъ отъ заходившихъ въ Харьковъ словаковъ; въ 1833—1838 гг. сборникъ *Запорожская Старина:* сборникъ выходилъ отдѣльными небольшими книжками, — три первыхъ составили первую часть (Харьковъ, 1833—1834); три слѣдующихъ, съ четвертой по шестую, вторую (Харьковъ, 1834—1838); въ 1838 г. — *Украинскій Сборникъ* (Харьковъ, 1838). Изданія эти, впрочемъ, не превышали общаго уровня тогдашней нашей этнографической науки. Строго научнаго содержанія въ этихъ изданіяхъ было не много. И общій взглядъ собирателя на предметъ нерѣдко отзывался еще господствовавшимъ тогда туманнымъ романтизмомъ и самый матеріалъ этнографическій собирался и заносился въ книгу безъ

должнаго къ нему серьезнаго отношенія, — подлинное, народное, и здѣсь, какъ въ другихъ изданіяхъ того времени, часто еще замѣнялось не только сомнительнымъ, но прямо подложнымъ!.. Сборники Срезневскаго въ этомъ отношеніи стоятъ ниже даже сборниковъ Сахарова и Терещенка; позднѣйшими изслѣдователями указанъ, напр., цѣлый рядъ подд ѣ л о к ъ въ „Запорожской Старинѣ“!.. [См. Пыпина, Ист. рус. этн., III, стр. 100—104]... Совершенно другой характеръ, несравненно болѣе научный, носятъ работы Срезневскаго по изученію славяно-русской миѳологіи, написанныя имъ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, — гдѣ онъ пробылъ съ ноября 1839 по сент. 1842 г. Позднѣе научныя изысканія Срезневскаго почти исключительно сосредоточиваются въ области филологическихъ изученій славяно-русской письменности. Изъ бывшаго до тѣхъ поръ слависта-энтографа Срезневскій уже скоро дѣлается почти исключительно собирателемъ, описателемъ и издателемъ русско-славянскихъ древнихъ памятниковъ письменности. Это не значитъ, впрочемъ, что Срезневскій сталъ въ строгомъ смыслѣ слова филологомъ, — хотя между прочимъ уже рано появляется замѣчательный его трудъ: *Мысли объ исторіи русскаго языка* (Спб. 1849). Трудъ этотъ долгое время и послѣ не терялъ своего извѣстнаго значенія, какъ показываетъ его позднѣйшее изданіе (Спб., 1887). Но вообще Срезневскій не былъ изслѣдователемъ собственно языка; открываемые имъ и издаваемые памятники хотя обыкновенно сопровождались характеристикой ихъ языка, — эти характеристики не отличались, по замѣчанію Ягича, ни „глубиной, ни оригинальностью; важнѣе были палеографическія замѣтки и поясненія текстовъ по содержанію“. Въ общемъ такой же характеръ носили и „Мысли объ исторіи русскаго языка“, — „набросанныя смѣлой кистью“, но гдѣ авторъ „не вдавался въ какое-либо толкованіе грамматическихъ явленій. довольствуясь самыми общими замѣчаніями“ [Ягичъ]. Какъ общая программа, содержаніе небольшой книжки было, впрочемъ, чрезвычайно богатымъ, особенно для тогдашней нашей науки — касалось многихъ вопросовъ, и до сихъ

поръ еще не вполнѣ выясненныхъ. Приводимъ, для общей характеристики, содержаніе первыхъ страницъ книги:

I. У каждаго образованнаго народа должна быть своя народная наука. Главная обязанность ея — изслѣдовать свой собственный народъ, его народность, его прошлую исторію, прошлую культуру... Всего болѣе народъ выражаетъ самъ себя въ своемъ языкѣ. Народъ и языкъ — одинъ безъ другого не мыслимы. Поэтому изслѣдованія о родномъ языкѣ должны занять въ народной наукѣ первое или по крайней мѣрѣ видное мѣсто. Но языкъ народа. связанный нераздѣльно съ самимъ народомъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ переживаетъ и его исторію, его историческія судьбы: исторія народа отражается въ его языкѣ, создавая исторію языка. Для основательнаго изученія языка — необходимо изученіе и его исторіи, необходимо его изученіе историческое.

II. Первоначальное образованіе языковъ — тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается изысканіями. Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. „Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ. Темно, неопредѣленно, безотчетно выражаетъ языкъ жизнь и мысль народа, — столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и то же слово есть названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ, точно также какъ и въ умѣ народа все это остается неотдѣленнымъ“. Впрочемъ, и въ этомъ хаосѣ есть уже зачала, зародышъ жизни, и въ немъ совершается развитіе. Одинъ звукъ разлагается на нѣсколько, прежнія слова (корни) умножаются новыми. Фантазія младенствующаго народа придаетъ новыя силы возникающему языку, управляя словами его, какъ символами понятій. Присоединившись разъ къ языку, она уже не оставляетъ его во всей исторіи его развитія, продолжая увеличивать, распространять смыслъ

и значеніе словъ. Число понятій народа постепенно умножается, — въ умѣ народа они слагаются и разлагаются; сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. „Слова отдѣляются отъ корней: корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-корней являются во множествѣ слова не-корни, — образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленныя формально... Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная, сколь и сильная". Въ языкѣ возникаютъ и развиваются его формы. Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ дологъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать второй. „Этотъ второй — періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но, рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличенъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается надолго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль нерѣдко зависящая отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ,—

эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зараждается и крѣпнетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто наперекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно, — и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже, конечно, не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать сызнова путь своего развитія... Впрочемъ, только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрекшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполнѣ выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли“... Таковъ въ языкѣ второй періодъ его жизни — періодъ превращеній. Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не къ совершенно одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и то же: сначала накопленіе корней, словъ, постепенное образованіе формъ, затѣмъ превращеніе, ослабленіе послѣднихъ... — Каждый народъ начинаетъ свою культуру не вполнѣ самостоятельно: долгое время онъ живетъ общею жизнью всего своего племени, прежде чѣмъ начнетъ свою собственную единичную исторію; въ послѣднюю приноситъ уже много такого, что принадлежало общему умственному запасу прежней племенной жизни. Языкъ извѣстнаго народа не принадлежитъ ему вполнѣ своимъ развитіемъ: корни его теряются въ прежнемъ общемъ языкѣ всего племени. „Только со времени отдѣленія отъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь прежде уже бывшую, и отражаетъ ее въ языкѣ уже готовомъ къ этому, уже до нѣкоторой степени образованномъ“... Поэтому здѣсь передъ изслѣдователемъ прежде всего возникаетъ два вопроса: во-первыхъ, что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ часть племени, отдѣ-

лился сначала вмѣстѣ со всѣмъ племенемъ своимъ отъ семьи племенъ, и потомъ когда отдѣльный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени? во-вторыхъ, какъ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его собственному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней, какъ сохранялъ и распространялъ ее? — Два эти вопроса, впрочемъ — только двѣ половины одной и той же задачи.

III. Русскій народъ, принадлежа прежде всего къ племенамъ славянскимъ, вмѣстѣ съ ними принадлежитъ къ общей отрасли народовъ индо-европейскихъ. „Что былъ языкъ русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился, прежде, какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ индо-европейскихъ, — потомъ, какъ одно изъ нарѣчій славянскихъ, отъ другихъ нарѣчій своего племени?“ — вотъ главный, основной вопросъ, который прежде всего предлежитъ историку русскаго языка. Не останавливаясь на рѣшеніи первой половины вопроса, Срезневскій прямо переходитъ къ его второй части, — указываетъ черты древнѣйшаго языка, его особенности въ ту пору его исторіи, когда онъ только что выдѣлился изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ русскаго народа, переходитъ затѣмъ къ дальнѣйшей судьбѣ этихъ особенностей, собственно къ исторіи русскаго языка, и т. д.

Съ „Мыслями объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго тѣсно связано изслѣдованіе И. А. Лавровскаго: *О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей (1852)*. Изслѣдованіе является непосредственнымъ дополненіемъ къ „Мыслямъ“. Основной взглядъ и выводы — тѣ же; но болѣе поздній изслѣдователь даетъ имъ новыя научныя основанія въ болѣе подробномъ, детальномъ изученіи памятниковъ. Авторъ начинаетъ съ вопроса о древнихъ русскихъ нарѣчіяхъ. Останавливаясь на историческихъ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ отдѣленію сѣверной Руси отъ южной, а вмѣстѣ и нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и указывая вмѣстѣ

съ этимъ на отсутствіе въ спискахъ русскихъ лѣтописей XIV—XV вв. очевидныхъ признаковъ современнаго нарѣчія малорусскаго, — изслѣдователь приходитъ къ выводу (уже высказанному Срезневскимъ), что „русскій языкъ до XIII—XIV вѣка былъ одинъ, нераздѣльный“, что „кромѣ мѣстныхъ отличій въ немъ вовсе не было замѣтно распаденія на отдѣльныя нарѣчія“. Повторяя слова Срезневскаго, изслѣдователь говоритъ: „Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчіе сѣверное и южное — великорусское и малорусское; и если трудно опредѣлить точно и положительно время перваго появленія этихъ чертъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно восходитъ выше XIII—XIV столѣтія, что оно близко къ политическому отдѣленію южной Руси отъ сѣверной, и всеконечно, не мало зависитъ отъ послѣдняго“... Впрочемъ, прибавляетъ изслѣдователь, — „при всемъ единствѣ языка отечественнаго, общаго, до указанной эпохи, и для сѣвера и для юга, нельзя однакожъ не отличить въ немъ, уже и въ древности, оттѣнковъ, болѣе или менѣе отступающихъ отъ чертъ языка общаго и свидѣтельствующихъ о существованіи и въ древнее время говоровъ мѣстныхъ, областныхъ“... Изслѣдователь переходитъ далѣе къ опредѣленію отличительныхъ свойствъ древняго русскаго языка (т. е. языка до XIII—XIV ст.), опредѣленію свойствъ его фонетики, этимологіи и синтаксиса и т. д. Дальнѣйшія двѣ части труда Лавровскаго посвящены характеристикѣ свойствъ языка „стариннаго русскаго“, — подъ которымъ изслѣдователь разумѣетъ „языкъ, образовавшійся послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ и господствовавшій въ произведеніяхъ письменности отечественной съ XV вѣка“ (стр. 117—128), и характеристикѣ мѣстнаго нарѣчія новгородскаго (стр. 129—148). Между прочимъ уже въ этой монографіи Лавровскій затрогиваетъ вопросъ о русскомъ полногласіи; нѣсколько позже вопросу этому онъ посвятилъ спеціальную статью, — которую нельзя не отмѣтить (*О русскомъ полногласіи.* Матеріалы для слов. и грамматики, V, 1861, стр. 193—340). Статья эта хотя, вскорѣ по появле-

ніи, и вызвала радикальное опроверженіе со стороны Потебни (*О полногласіи.* „Филол. Зап.“, 1864, стр. 200—252),— позднѣе взглядъ Лавровскаго однако возстановленъ былъ Колосовымъ, по мнѣнію котораго названное изслѣдованіе „составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ ходѣ разработки этого вопроса“ (*Очеркъ звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV ст.* Варшава, 1872, стр. 28).

По поводу выводовъ, къ которымъ пришли Срезневскій и Лавровскій въ вопросѣ о древне-русскихъ нарѣчіяхъ мимоходомъ отмѣтимъ возраженія, сдѣланныя противъ этихъ выводовъ нѣсколько позднѣе В. И. Ламанскимъ въ трудѣ: *О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, (Спб., 1864).* Приводя множество выписокъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ XI—XII (*Супрасл. рук. Сборн. 1073 г., Псалт. Евген., XIII сл. Гр. Богосл.* и др.), Ламанскій замѣчаетъ: „Вышеприведенные примѣры достаточно опровергаютъ мнѣніе, изложенное особенно въ „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“, принятое и повторенное въ особомъ сочиненіи Лавровскаго, о томъ, что будто-бы періодъ превращенія формъ начинается для славянскаго языка только съ конца XIII и нач. XIV вѣка. Основательное изученіе памятниковъ отодвигаетъ начало этого періода ко временамъ до-историческимъ. Въ самомъ дѣлѣ исторія (IX—XI в.) застаетъ уже обособленность главнѣйшихъ нарѣчій славянскихъ, которыя отличаются между собою не только системою звуковъ, но и грамматическими формами... Разумѣется, съ теченіемъ времени число этихъ отличій возростало, обособленіе нарѣчій славянскихъ увеличилось. Тѣмъ не менѣе это обособленіе восходитъ ко времени до-историческому, а слѣдовательно тогда же зачалось и разрушеніе строгой формальности славянскаго языка, превращеніе и смѣшеніе формъ, ибо иначе не могли возникнуть и особенныя нарѣчія славянскія. Церковно-славянскій языкъ, изъ всѣхъ нарѣчій славянскихъ наиболѣе, единственно богатый древними письменными памятниками, въ XI—XII вѣкѣ представляется уже совершенно вступившимъ въ

этотъ періодъ превращенія формъ: для одной грамматической формы употребляются разныя окончанія, древнѣйшія и новѣйшія, однѣ рѣже, другія чаще, или для разныхъ формъ окончанія одинакія, указывающія на изчезновеніе изъ языка нѣкоторыхъ особенныхъ, прежде бывшихъ, флексій, — и при томъ обиліе, т. е. смѣшеніе окончаній, оскудѣніе формальности представляется въ церковно-славянскомъ языкѣ явленіемъ уже столь развитымъ, что его начало никакъ не относится къ X в., но гораздо ранѣе, тѣмъ болѣе, что извѣстно, съ какою медленностью совершается этотъ процессъ превращенія формъ въ языкахъ народовъ, не испытывающихъ какихъ-нибудь особенныхъ, чрезвычайныхъ погромовъ, напр. завоеваній, переселеній въ чуждыя области и т. д. Эта медленность очень легко обнаруживается при сличеніи напр. памятниковъ русскаго, чешскаго, сербскаго, польскаго нарѣчій XIII, XV, XVII в." [*О нѣкоторыхъ рукописяхъ* и пр., стр. 78—76].

Первымъ капитальнымъ трудомъ по изученію областного русскаго языка, по обширности и цѣнности собраннаго матеріала, далеко оставившимъ за собою все сдѣланное здѣсь ранѣе, — былъ *Опытъ областнаго великорусскаго словаря (Спб., 1852)*, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ И. Ак. Наукъ. Вскорѣ къ „Опыту" послѣдовало *Дополненіе (Спб., 1858)*. Содержаніе „Опыта", впрочемъ, не совсѣмъ отвѣчаетъ заглавію: съ одной стороны, въ словарѣ много лишняго; съ другой—онъ страдаетъ значительной неполнотой. Въ словарь отчасти внесены не только слова собственно областныя, слова принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ: но и слова вообще народныя, или вѣрнѣе простонародныя, употребляемыя великорусскимъ народомъ по всему или почти по всему пространству Россіи, и, наконецъ, слова общеупотребительныя, не чуждыя и языку образованныхъ сословій въ Великороссіи. Такимъ образомъ, изданный „Опытъ" въ собственномъ смыслѣ — не областной словарь, а словарь народнаго языка, или еще вѣрнѣе, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, словарь—не

полонъ, не только самъ по себѣ, въ отношеніи ко всему богатству областныхъ говоровъ русскаго языка, но и въ отношеніи предшествовавшей, существовавшей у насъ до него, печатной литературы предмета. Въ него не вошли по плану самихъ издателей—какъ это видно изъ предисловія—многія слова и реченія, уже прежде обнародованныя въ различныхъ спеціальныхъ этнографическихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, въ журналахъ, въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и т. п. Вошедшіе въ него матеріалы преимущественно собраны вновь, соотвѣтственно той программѣ, которая разсылалась отъ Академіи къ директорамъ училищъ, сельскимъ учителямъ и другимъ близко стоящимъ къ народу лицамъ,—или сборники, ранѣе нигдѣ не обнародованные; исключеніе сдѣлано лишь для „Сочиненій“ и „Трудовъ“ Моск. Общества любителей россійской словесности. Неполнота „Опыта“ относительно прежде-изданныхъ матеріаловъ, так. образомъ, по справедливому замѣчанію Буслаева, „съ избыткомъ вознаграждается свѣжестью доселѣ нетронутыхъ и необнародованныхъ“,—такъ что „чѣмъ погрѣшилъ бы полный словарь, тѣмъ опытъ словаря умѣлъ выиграть“... Несмотря на значительную неполноту „Опыта“,—совершенно избѣжать которую, при обширности, съ одной стороны, плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, съ другой, обширности географическаго пространства, въ которомъ они живутъ въ устахъ народа, не только трудно, но едва ли и возможно, — его появленіе „всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка“. Изданіе это—въ области изученія собственно областныхъ говоровъ—до сихъ поръ остается единственнымъ: одно это достаточно говоритъ о его неоцѣнимой научной важности, несмотря на всѣ недостатки. Какъ давно было указано, изученіе областныхъ и мѣстныхъ нарѣчій — существенное условіе для полнаго и основательнаго изученія всего языка народа. Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе; въ этомъ отношеніи областныя слова являются богатымъ и неисчерпаемымъ источникомъ. По-

средствомъ областныхъ словъ объясняются многія имена собственныя, совершенно непонятныя безъ сближенія съ областными: многія изъ собственныхъ лишь нарицательныя или имѣютъ корень въ языкѣ. Съ другой стороны, областныя слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Областныя слова служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникамъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Иногда областныя слова указываютъ на искаженіе, которому подвергалось то или другое слово въ языкѣ общеупотребительномъ, возстановляютъ его первоначальную, болѣе правильную форму. Помимо всего этого, областныя слова являются весьма существеннымъ пособіемъ при изученіи законовъ просодіи русскаго языка,—представляя здѣсь изслѣдователю ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то весьма отличныя. Не говоримъ о томъ, что областныя нарѣчія могутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ къ обогащенію общеупотребительнаго языка, давая часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ и т. д. (см. объ этомъ у Грота, Фил. Раз., I, 144—150; Буслаева, Ист. Оч., I, 151—156 sqq. и др.). Помимо значенія филологическаго и лингвистическаго, областныя слова имѣютъ необыкновенную важность въ отношеніи этнографическомъ: представляютъ очень часто драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа, особенностей края и населенія. Въ этомъ отношеніи, при самомъ своемъ появленіи, „Опытъ областного словаря“ далъ Буслаеву богатые матеріалы для новыхъ изученій и разысканій въ превосходной статьѣ: *Областныя видоизмѣненія русской народности* (Ист. Оч., I, 151—209).

Рядомъ съ названнымъ изданіемъ Академіи Наукъ и трудами Надеждина, первые, болѣе ранніе опыты изученія мѣстныхъ говоровъ русскаго народнаго языка принадлежали В. И. Далю (1801—1872).

Какъ извѣстно, самые первые литературные труды Даля были беллетристическіе. На литературное поприще Даль выступилъ книжкой: *Русскія сказки, изъ преданія народнаго изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ дѣлу житейскому приноровленныя и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый. С.-Петербургъ, 1832.* За ней послѣдовали: *Были и небылицы (1834);* позднѣе — *Сочиненія Казака Луганскаго (1846)* и т. д. Уже на первыхъ порахъ, въ сферѣ полу-беллетристическихъ произведеній, Далемъ высказаны были мнѣнія довольно оригинальныя. „Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде, конечно, были писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей; Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ! Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ исключительнымъ источникомъ русскаго языка народный. „Если, говорилъ онъ, въ книгахъ и въ высшемъ обществѣ не найдемъ, чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ, родникъ или рудникъ, но онъ за то неисчерпаемъ. Это — живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. Источникъ — одинъ языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства — старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія

нарѣчія“ (*Полтора слова* и пр. „Москвит.“, 1842, № 2, стр. 540). Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, — и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова“... Впрочемъ, между Далемъ и Шишковымъ было и существенное различіе. „Путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе. Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованныя у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. „Не сказки сами по себѣ, говоритъ онъ, „были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ“ (*Полтора слова* и пр., стр. 549—550).

Собственно научными болѣе ранними опытами изученій русскаго живого языка были между прочимъ слѣдующія статьи Даля: *Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ.* („Москвитянинъ“, 1842, № 2, стр. 532 — 566); — *Недовѣсокъ къ статьѣ: „Полтора слова“.* (ib., 1852, № 9. стр. 81—102) и *О нарѣчіяхъ русскаго языка.* По поводу „Опыта областного великорусскаго словаря“, изданнаго Вторымъ Отдѣленіемъ И. Ак. Наукъ (Вѣстникъ Имп. Русскаго Геогр. Общества, 1852, кн. 6, библіогр., стр. 1—72, и отдѣльно, Спб., 1852).

И болѣе ранніе литературные труды Даля и первыя, названныя сейчасъ, изысканія его въ области собственно изученія живого русскаго языка были лишь подготовительными къ основному, главному дѣлу всей его жизни — *Толковому словарю живого великорусскаго языка* [4 т., Спб.,

1861—1868]. Какъ справедливо и давно замѣчено, „Словарь“ Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство (Гротъ, Фил. Раз., I, 1876, стр. 8—9).

Научное достоинство капитальнаго труда Даля давно уже и достаточно опредѣлено. „Толковому Словарю“ посвящена была между прочимъ обширная статья акад. Я. К. Грота (въ Сборникѣ II отд. Ак. Н., III, 1870), — мы напомнимъ здѣсь главные ея выводы.

„Словарь“ Даля представляетъ собой самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ. Даль, „переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей“, — прибавилъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ. „По собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя, второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ“... Къ сожалѣнію, стремленіе въ полнотѣ не всегда сопровождалось научнымъ, теоретическимъ принципомъ. „Если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли найдемъ такое правило“. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п. Вообще въ „Толковомъ Словарѣ“ не всегда соблюдаются точныя границы между словаремъ общеупотребительнаго языка и словарями областными, — хотя такихъ мѣстныхъ словъ у Даля все же сравнительно не много. Въ „Словарь“ Даля попало также нѣсколько словъ церковнославянскихъ и старинныхъ русскихъ, уже вышедшихъ изъ употребленія, — хотя, „при тѣсной, неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, лексикографу живого языка, конечно, трудно, даже иногда совсѣмъ невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ“. Болѣе существеннымъ упрекомъ автору „Тол-

коваго Словаря“ можетъ быть тотъ, что — въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. По поводу этого упрека Даль самъ признаетъ, что „при толкованіяхъ, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а, можетъ быть, даже и не говорились“... „Въ переводахъ чужихъ словъ, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ сочиненныхъ мною словъ нѣтъ: въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова, читанныя или слышанныя имъ“... — Съ внѣшней стороны, въ отношеніи расположенія, порядка словъ, „Словарь“ Даля представляетъ значительную особенность: чисто азбучный порядокъ, въ которомъ каждое слово объясняется само по себѣ, казался автору „тупымъ и сухимъ“, а корнесловный, „подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень“, слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Даль придумалъ поэтому средній путь: онъ рѣшился собрать по семьямъ или гнѣздамъ всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы. „Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ, замѣчаетъ Гротъ, — но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія“. Задуманная система оказалась далеко не по силамъ и такому отличному практическому знатоку языка, какимъ былъ Даль. Онъ нерѣдко ошибается какъ въ распредѣленіи „гнѣздъ“, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или другомъ „гнѣздѣ“. Слова различнаго происхожденія иногда относятся имъ къ одному и тому же гнѣзду, и наоборотъ, слова близкія по корню и составу — разбрасываетъ по разнымъ „гнѣздамъ“. Вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ

обширномъ смыслѣ) составляетъ самую слабую сторону „Словаря“ Даля. Въ „предисловіи“ Даль, указывая на важность и трудность этимологическихъ изученій, замѣчаетъ: „Знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни“. И несмотря на это ясное пониманіе важности и трудности дѣла, авторъ нерѣдко и часто безъ всякой надобности, высказываетъ по этому предмету догадки, „которыхъ не можетъ одобрить наука“. Подобно корнесловію, и грамматика, по замѣчанію акад. Грота, „не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля“. Свой взглядъ на нее авторъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, „онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*), не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманія, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта, прибавляетъ онъ, основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ“... Отношеніе Даля въ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію, — между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ Гротъ, въ словарѣ менѣе удобно, чѣмъ гдѣ-либо, вводить новую орѳографію.

Относительно самаго толкованія словъ авторъ „Словаря“ въ предисловіи говоритъ: „При объясненіи и толкованіи слова вообще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а, напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностью. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно, вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко

можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово либо содержитъ болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя"... Так. образ. при объясненіи словъ Даль особенно заботится о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и о подборѣ возможно бо̀льшаго числа синонимовъ; эти стремленія, однако, не всегда имъ достигаются... Въ ряду „толкованій" особенно важны и цѣнны р е а л ь н ы я или в е щ е с т в е н н ы я толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ, къ естественнымъ наукамъ. Рядомъ съ общимъ богатствомъ запаса собранныхъ въ „Словарѣ" словъ и примѣровъ, эти реальныя толкованія составляютъ наиболѣе важную и цѣнную сторону разсматриваемаго труда. Вообще, подводя общій итогъ, Гротъ признаетъ, что — трудъ Даля поражаетъ своимъ богатствомъ содержанія, и л е к с и ч е с к а г о и в е щ е с т в е н н а г о. „Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго, говоритъ въ заключеніе своего разбора акад. Г р о т ъ — даютъ, цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи... Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы то ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ"... (*Фил. Раз.*, I, 1876, стр. 1—60).

„Въ области изученія памятниковъ русскаго народнаго творчества и вообще народной поэтической старины къ трудамъ Буслаева непосредственно примыкаютъ труды А. Н. А ѳ а н а с ь е в а (1826—1871). На трудахъ Аѳанасьева, впрочемъ, уже въ значительной степени сказываются болѣе поздніе изысканія послѣдователей Гримма,— Куна, Шварца, Манн-

гардта (его первыхъ трудовъ) и особенно Макса Мюллера, труды которыхъ направились на выясненіе самаго процесса созданія миѳовъ, ихъ возникновенія, развитія и упадка, значенія миѳологіи, какъ религіи, — ея отношенія къ „народной психологіи“, къ общимъ законамъ человѣческаго мышленія и т. д. Изслѣдованія М. Мюллера имѣли особенно сильное вліяніе и въ западной и въ нашей наукѣ. М. Мюллеръ принимаетъ въ древнѣйшей, до-исторической жизни народовъ четыре періода развитія: 1) рематическій, 2) періодъ діалектовъ, 3) миѳологическій и 4) періодъ народовъ. Въ первомъ, рематическомъ періодѣ происходило образованіе языка, — возникали корни словъ, возникали и развивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни, — постепенно вырабатывались грамматическія категоріи, „первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной (еще не запечатлѣнной народными и индивидульными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихъ формъ языка)“, — это періодъ „образованія словъ“ (rhematic period). Во второй, періодъ діалектовъ, нарѣчій (dialectical period), произошло обособленіе трехъ основныхъ семействъ языковъ: арійскаго, симитическаго и туранскаго, — въ теченіе этого періода „двѣ семьи языковъ оставили первую степень, агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохранили и въ нѣкоторыхъ случахъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что̀ дѣлаетъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ значительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики“. Въ третій періодъ, „миѳологическій“, предшествовавшій первымъ слѣдамъ національныхъ литературъ, происходило образованіе тѣхъ, на первый взглядъ, странныхъ, иногда нелѣпыхъ народныхъ

разсказовъ, которые извѣстны подъ названіемъ миѳовъ, и такъ какъ въ этомъ періодѣ арійское или индо-европейское семейство еще не разбилось на отдѣльные народы, то отсюда произошло чрезвычайное сходство, почти тождество, миѳовъ у народовъ этого семейства, — у индійцевъ, персовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ. За миѳологическимъ періодомъ слѣдовалъ четвертый, „періодъ народностей", во время котораго появляются самыя раннія черты народности въ языкѣ и литературѣ, возникаютъ первые зародыши національныхъ литературъ — Индіи, Греціи, Италіи, Германіи. Періодъ созданія миѳовъ „всего труднѣе, замѣчаетъ М. Мюллеръ, объяснить себѣ въ исторіи человѣчества". Необходимо сдѣлать большое усиліе — представить характеръ языка того времени и процессъ первичнаго образованія словъ. Языкъ періода созданія миѳовъ отличался конкретнымъ, чувственнымъ характеромъ, и былъ бѣденъ лексически. Онъ могъ выражать одни только внѣшнія впечатлѣнія, — понятій и словъ отвлеченныхъ, требующихъ сознательной работы мысли, еще не было; былъ совершенно чуждъ условности и отвлеченности современной рѣчи, — съ словами и выраженіями соединялись представленія „не о силахъ или свойствахъ, а о *существахъ*, съ извѣстными силами и свойствами"... Языкъ былъ полонъ поэзіи. „Первоначальное созданіе каждаго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ". На природу и все окружающее первобытный человѣкъ смотрѣлъ поэтически; это было время какъ бы „поэтовъ", — „которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живого образа, которые относятся къ языку не безразлично, и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы *μυθόλογοι*"... Наши праотцы, создавая языкъ, были „безсознательными поэтами". Отсюда — олицетвореніе явленій природы, годовыхъ и суточныхъ перемѣнъ, грозы и бури... Созданіе миѳовъ и объясняется этимъ свой-

ствомъ первобытнаго языка, его „пластической изобразительностью“. Къ этому присоединялись еще два явленія первобытнаго языка, также приводившія къ созданію миѳовъ: полюнимизмъ и синонимизмъ (polyonymy, многоименность, и synonymy, сонменность). Такъ какъ предметы назывались по внѣшнимъ признакамъ, а этихъ признаковъ могло быть много, то одинъ и тотъ же предметъ могъ получать много различныхъ названій, которыя въ этомъ случаѣ бывали синонимическими. Но въ то же время одинъ признакъ могъ принадлежать многимъ предметамъ, и они по этому общему признаку могли получать одно названіе. Многія изъ этихъ названій бывали метафорическими, и когда метафоры, съ теченіемъ времени, затемнялись и измѣнялось первоначальное значеніе словъ, то въ результатѣ нарицательныя слова дѣлались собственными, наприм., слово, означающее „небо“, превращалось въ имя небеснаго божества. Съ этимъ начинался миѳъ. Такимъ образомъ, для возникновенія миѳа, необходимо было, чтобы нѣкоторыя имена существительныя или цѣлыя выраженія потеряли свой коренной или первоначальный смыслъ, — слѣдовательно, „миѳологія есть болѣзнь языка“... Для анализа миѳа необходимо предварительно очистить его, т. е. выдѣлить его сущность отъ позднѣйшихъ приставокъ, поэтическихъ украшеній и т. п. и затѣмъ сущность миѳа выясняется или прямо изъ самаго языка того народа, которому онъ принадлежитъ (объясненіе собственнаго имени божества его нарицательнымъ значеніемъ), или, если въ самомъ языкѣ это слово затемнилось, сравненіемъ съ языками родственными. Отсюда — „сравнительная миѳологія“. — Что касается объективнаго содержанія миѳовъ, то въ этомъ отношеніи Мюллеръ является представителемъ такъ наз. солярной теоріи, въ противоположность другой, метеорологической, представителями которой были Кунъ и Шварцъ. Миѳологическія изслѣдованія М. Мюллера почти исключительно вращаются около солнца, какъ главнаго предмета первичныхъ миѳическихъ представленій. „Мои изслѣдованія, говоритъ онъ,

всегда приводили меня къ *зарѣ* и *солнцу,* какъ къ главной темѣ всѣхъ миѳическихъ поэмъ арійской расы"... Восходъ и закатъ солнца, ежедневная смѣна дня и ночи, борьба свѣта съ мракомъ, — вся эта „солнечная драма", какъ выражается Мюллеръ, со всѣми ея подробностями, драма, разыгрываемая каждый день, каждый мѣсяцъ, каждый годъ, на небѣ и на землѣ, служила основнымъ предметомъ древнѣйшихъ миѳическихъ представленій, а потомъ стала главнымъ содержаніемъ и древнѣйшихъ вѣрованій. Для первобытнаго человѣка закатъ, наприм., солнца вовсе не былъ явленіемъ постояннымъ, обычнымъ; провожая глазами закатывающееся солнце, онъ не былъ еще вполнѣ увѣренъ, что оно непремѣнно взойдетъ на другой день. Восходъ солнца былъ новой загадкой для первобытнаго дикаря и сильно возбуждалъ его умъ и фантазію"... Вотъ почему въ пѣсняхъ Ведъ такъ много обращеній къ зарѣ. Она была главнымъ источникомъ множества самыхъ поэтическихъ, самыхъ разнообразныхъ миѳовъ арійскихъ народовъ [М. Мюллера, *Сравнит. миѳологія.* „Лѣт. рус. лит.", V, отд. I, 1—121. *Наука о языкѣ,* пер. съ англ., в. I, 1868; прод.—въ „Фил. Зап.", 1869—1870]. По мнѣнію представителей другой теоріи, метеорологической, въ основѣ индо-европейскихъ миѳовъ лежитъ „не солнечная драма, а драма грозы и бури,—представленія быстро несущихся по небу облаковъ, застилающихъ солнце, грома и молнія, дождя, такъ оживляющаго землю, радуги... Эти явленія казались дикому, младенческому человѣку проявленіемъ неизвѣстныхъ, таинственныхъ существъ, и благодѣтельныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныхъ. Явленія, необычайныя по своему характеру, не ожиданно наступавшія и быстро проходившія, должны были затронуть въ гораздо сильнѣйшей степени младенчески впечатлительный умъ первобытнаго человѣка, — чѣмъ періодически повторяющіяся перемѣны дня и ночи, лѣта и зимы, восхода и захода солнца. По мнѣнію Шварца, самымъ могущественнымъ источникомъ индо-европейскихъ миѳовъ были бури, особенно равноденственныя. Все разнообразіе боговъ, говоритъ онъ, вытекаетъ только изъ явленій,

происходящихъ въ непогоду, изъ явленій молніи и грома, изъ облачныхъ образовъ, изъ радуги!".. [Schwartz, Der Ursprung der Mythologie. Berlin, 1860]. Обѣ теоріи, впрочемъ, легко могутъ быть примиримы, такъ какъ взаимно дополняютъ одна другую, и оба эти взгляда были выраженіемъ одной и той же теоріи, такъ наз. миѳологической, — въ отличіе отъ возникающей позднѣе так. наз. теоріи литературнаго заимствованія, Бенфея...

Важнѣйшій трудъ Аѳанасьева — *Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу* (3 т., М., 1865—1867—1869), писавшійся по частямъ въ теченіе почти 20 лѣтъ и увѣнчанный двумя уваровскими преміями. Обстоятельную оцѣнку этого труда сдѣлалъ А. А. Котляревскій въ „Отчетахъ о присужд. уваров. премій (см. „Отчеты" о X и XIII прис. нагр. гр. Уварова — Спб., 1868, стр. 39—81; Спб., 1872, стр. 334—373). Общая точка зрѣнія, на которой стоитъ Аѳанасьевъ — та же, на которой стоитъ и М. Мюллеръ. Его взглядъ на происхожденіе миѳологіи въ общемъ согласенъ съ теоріей Мюллера. Къ своему взгляду Аѳанасьевъ пришелъ однако независимо отъ М. Мюллера, и даже прежде его,—совершенно самостоятельно, развивая свою теорію уже въ мелкихъ статьяхъ по миѳологіи задолго до появленія изслѣдованій Мюллера. Получивъ поддержку со стороны знаменитаго европейскаго авторитета, нашъ ученый въ своемъ послѣднемъ трудѣ высказалъ свой взглядъ лишь съ бо́льшей рѣшительностью и опредѣленностью. Впрочемъ, между воззрѣніями Аѳанасьева и М. Мюллера есть и нѣкоторое различіе. По М. Мюллеру, поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: не пользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одинакіе термины и слова для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію Аѳанасьева — къ которому присоединяется и Котляревскій — метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами, сходными по производимому впечатлѣнію; она создавалась совершенно свободно, черпая изъ богатаго источника,—а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка. Изъ своего

взгляда Афанасьевъ могъ сдѣлать болѣе логическій выводъ — котораго однако не дѣлаетъ — что первоначальный источникъ миѳическихъ представленій лежалъ не въ исторической порчѣ языка, не въ забвеніи первоначальнаго значенія словъ, а въ самомъ способѣ воззрѣнія первобытнаго человѣка на природу и ея явленія. Именно на эту точку зрѣнія становится Котляревскій. По его мнѣнію, метафора являлась необходимостью: мысль и опытъ были еще не достаточно сильны для того, чтобы различить предметы, производившіе одинаковое впечатлѣніе: это была не только поэтическая, но и реальная форма мысли древнѣйшаго человѣчества, его способъ видѣть и понимать предметы. Народъ оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ именно потому, что живую природу и ея явленія онъ не могъ понять и представить иначе, какъ въ формахъ извѣстной ему жизни, какъ совокупность живыхъ, дѣйствующихъ существъ... Въ дальнѣйшей судьбѣ миѳа вліяющими причинами Аѳанасьевъ указываетъ раздробленіе миѳическихъ сказаній, низведеніе миѳовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ извѣстной мѣстности и историческимъ событіямъ и, наконецъ, нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній. Котляревскій соглашается, что всѣ эти обстоятельства — весьма важны въ историческомъ движеніи миѳа; но отмѣчаетъ и еще нѣкоторыя другія, оставленныя Аѳанасьевымъ безъ вниманія... Изложивши теорію происхожденія миѳовъ, Аѳанасьевъ останавливается на источникахъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о миѳическихъ вѣрованіяхъ народа. Сюда онъ относитъ: языкъ, письменные источники и различные памятники народной словесности, — загадки, примѣты, заговоры, сказки, легенды. Здѣсь Аѳанасьевъ главн. образ. слѣдуетъ Пиктé и М. Мюллеру. Послѣ этого Аѳанасьевъ переходитъ къ главному своему предмету, — къ объясненію „поэтическихъ воззрѣній“, поэтическихъ образовъ, созданныхъ народной фантазіей первобытныхъ славянъ при взглядѣ на жизнь и природу. Авторъ съ поэтическимъ одушевленіемъ говоритъ объ отношеніяхъ древнѣйшаго человѣка къ природѣ, обусловившихъ и обого-

твореніе ея, и различныя олицетворенія ея явленій и силъ. Соглашаясь съ взглядомъ М. Мюллера, что противоположность свѣта и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимняго омертвѣнія должна была особенно поразить наблюдающій умъ первобытнаго человѣка, — Аѳанасьевъ разсматриваетъ сначала вообще первобытное обожаніе неба, солнца, мѣсяца и звѣздъ, затѣмъ переходитъ къ объясненію образовъ, въ какихъ человѣческая фантазія рисовала явленія и факты природы: небесныя свѣтила, зарю, грозу, день и ночь, лѣто и зиму. Далѣе Аѳанасьевъ дѣлаетъ подробныя обслѣдованія частныхъ миѳическихъ представленій и образовъ: неба и земли, при чемъ останавливается на славянскихъ божествахъ Дива, Сварога и Святовита; — стихій свѣта, при чемъ разсматриваетъ метафоры солнца, облаковъ, дождя, молніи, сближеній небеснаго свѣта съ земнымъ огнемъ, миѳы о солнцѣ, мѣсяцѣ, огнѣ, зарѣ; при этомъ въ образахъ славянской Лады, Сивы, Пятницы и св. Недѣльки авторъ видитъ миѳическія представленія богини весеннихъ грозъ; — миѳическихъ представленій грозы, вѣтра, радуги; — первичнаго смысла миѳовъ и понятій о живой водѣ и вѣщемъ словѣ, миѳовъ о Перунѣ и его метаморфозъ, Ярилѣ и Ильѣ-громовникѣ, и Огненной Маріи, замѣнившей языческую богиню весеннихъ грозъ, далѣе разсматриваетъ баснословныя сказанія о птицахъ, въ связи съ ближайшими миѳами о яйцѣ, лебединой сорочкѣ, коврѣ-самолетѣ, шапкѣ-невидимкѣ и т. п., — миѳическія представленія облака, — баснословныя сказанія о звѣряхъ и небесныхъ стадахъ, при чемъ объясняется миѳическое значеніе Волоса, Егорья Храбраго, Полисуна и т. д. и т. д. Таково содержаніе перваго тома (гл. I—XIII); уже изъ него можно видѣть всю обширность охваченнаго изслѣдователемъ матеріала. Второй и третій томы состоятъ изъ слѣдующихъ главъ (нѣкоторыя по обширности являются цѣлыми монографіями!): Собака, волкъ, свинья. — Огонь. — Вода; жертвоприношенія у славянъ, кумиры, жертвенники и храмы, судебные поединки. — Древо жизни и лѣсные духи. — Облачныя скалы и перу-

новъ цвѣтъ. — Преданія о сотвореніи міра и человѣка. — Змѣй. — Великаны и карлики. — Нечистая сила. — Облачныя жены и дѣвы. — Души усопшихъ. — Дѣвы судьбы. — Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни. — Процессы о вѣдунахъ и вѣдьмахъ. — Народные праздники (гл. XIV—XXIII). Предметомъ изслѣдованія, какъ видимъ, являются не только „поэтическія воззрѣнія“ славянъ, но и ихъ религіозныя вѣрованія, — на сколько послѣднія вытекаютъ изъ первобытныхъ воззрѣній на явленія природы. При помощи сравненія съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ племенъ, изслѣдователь старается открыть утратившійся смыслъ этихъ старыхъ славянскихъ воззрѣній и вѣрованій, объяснить ихъ происхожденіе и постепенныя измѣненія. Авторъ указываетъ — говоритъ Котляревскій — какіе поэтическіе образы создавались умомъ и фантазіей древняго человѣка подъ вліяніемъ извѣстныхъ явленій природы, — разбираетъ при этомъ термины языка и выраженія народной рѣчи, сюда относящіеся, группируетъ и передаетъ родственныя представленія и миѳологическія сказанія разныхъ народовъ и, перелагая такимъ путемъ на языкъ науки наивныя метафоры миѳическаго міросозерцанія, вѣрованій и суевѣрныхъ обычаевъ, — пытается привести въ ясность причины ихъ существованія, источникъ и ихъ коренное значеніе. Объяснительные пріемы Аѳанасьева, по мнѣнію Котляревскаго, вообще должны быть признаны основательными: они вытекаютъ не изъ личной прихотливой мысли, но изъ самыхъ явленій; авторъ собираетъ факты не для подтвержденія какой-нибудь предвзятой теоріи, но ради объясненія ихъ, — и потому заботится о возможной полнотѣ и „совершенно свободенъ отъ недостатковъ теоретика, выбирающаго только то, что̀ ему пригодно, и уклоняющагося отъ противорѣчій“... По справедливому указанію Котляревскаго, важнымъ недостаткомъ труда Аѳанасьева является количественное несоотвѣтствіе славянскаго матеріала съ матеріаломъ родственныхъ народовъ: послѣдній иногда совершенно подавляетъ первый! И вообще въ книгѣ исчезаютъ этнографическія особенности.

Все разнообразіе племенныхъ элементовъ какъ будто живетъ одною жизнью; мы не видимъ передъ собою собственно славянской народной жизни: образы ея теряются въ массѣ другихъ, заслоняются болѣе величавыми и художественными... Относительно пріемовъ изслѣдованія, наиболѣе слабой и бѣдной, сравнительно съ другими, стороной труда является лингвистическая. „Самостоятельною частью здѣсь можно назвать подборъ словъ и выраженій, живописующихъ различные предметы и явленія природы и добросовѣстно извлеченныхъ авторомъ какъ изъ двухъ областныхъ русскихъ словарей и Толковаго Словаря Даля, такъ и изъ памятниковъ народной и письменной словесности; лингвистическія же собственно изслѣдованія авторъ оставилъ на долю своихъ преемниковъ и, въ большинствѣ случаевъ, скромно ограничился лишь передачей уже извѣстнаго". Весьма важный недостатокъ труда Аѳанасьева и вообще его изысканій въ области этнографіи — также отсутствіе историческаго элемента. Въ своихъ объясненіяхъ Аѳанасьевъ совершенно оставляетъ безъ вниманія историческую сторону предмета, воздерживается отъ всякихъ историческихъ поправокъ, замѣчаній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ стоитъ исключительно на отвлеченно-психологической почвѣ, — слѣдя за возникновеніемъ и развитіемъ миѳа, не принимаетъ во вниманіе, что послѣ того миѳъ прошелъ очень длинный историческій путь, подвергся многочисленнымъ вліяніямъ со стороны позднѣйшей исторической обстановки народа, со стороны его быта, словомъ, что миѳъ развивался, въ связи съ общимъ развитіемъ быта, жизни, исторіи народа. Изслѣдователь ссвершенно забываетъ объ этой исторической постепенности въ развитіи миѳическихъ воззрѣній и образовъ, и ставитъ рядомъ эпохи самыя различныя, сопоставляя и сравнивая воззрѣнія, принадлежавшія, очевидно, періодамъ времени далеко не одинаковымъ. Но самый существенный, основной недостатокъ труда Аѳанасьева и вообще всего направленія его ученыхъ работъ, какъ справедливо указываетъ въ своемъ разборѣ и Котляревскій —

крайнее пристрастіе къ миѳологическимъ толкованіямъ, стремленіе вездѣ и всюду, въ самыхъ мелкихъ чертахъ обряда, былины, сказанія — видѣть миѳъ, слѣды миѳическихъ воззрѣній! Изслѣдователь слишкомъ много даетъ силы и крѣпости народной памяти. „Онъ, повидимому, не допускаетъ въ ней, говоритъ Котляревскій, почти никакихъ уклоненій въ область фантазіи въ произведеніяхъ народнаго творчества, не признаетъ, напр., въ былинѣ никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ внѣшняго историческаго наслоенія. Онъ стремится возвесть къ миѳическому источнику и объяснить, какъ природную метафору, всѣ даже мельчайшія, частныя черты былины и все, что находитъ хотя какое-либо соотвѣтствіе съ другими преданіями“... Всѣмъ этимъ Аѳанасьевъ, конечно, гораздо ниже стоялъ своего ближайшаго учителя — Буслаева. Послѣднему онъ безусловно уступалъ по своей филологической подготовкѣ, — которая ему была особенно нужна при его исключительно миѳологическихъ симпатіяхъ! Какъ справедливо замѣчаетъ акад. Ягичъ, — „вслѣдствіе этого недостатка, соображенія Аѳанасьева выходили еще болѣе шаткими и неопредѣленными, чѣмъ вообще допускала теорія, которой онъ слѣдовалъ въ своихъ объясненіяхъ“ [„Ист. слав. филологіи“, I, стр. 315]. — Говоря о научныхъ трудахъ Аѳанасьева, нельзя не отмѣтить, что труды эти были если не прерваны, то въ значительной степени заторможены чисто внѣшнимъ образомъ: „онъ палъ жертвою тогдашняго полицейскаго режима, лишившаго его по пустому подозрѣнію удобнаго для научныхъ занятій положенія“... Повидимому совсѣмъ по чужой винѣ, онъ оказался прикосновеннымъ къ политическому дѣлу, — принужденъ былъ покинуть службу и заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и для семьи... Безъ сомнѣнія, отчасти вслѣдствіе этого, и основной трудъ Аѳанасьева остался не вполнѣ оконченнымъ: за изложеніемъ „поэтическихъ воззрѣній“ должно было слѣдовать изложеніе „древностей бытовыхъ“ [Ягича, „Ист. слав. фил.“, стр. 116. Пыпина, „Ист. рус. энт.“, II, 113).

Несмотря на указанные недостатки, трудъ Аѳанасьева

по изученію „поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу" былъ важнымъ шагомъ въ нашей этнографической наукѣ, и далъ богатые матеріалы для дальнѣйшихъ изученій въ этой области. Увлеченіе миѳологическими толкованіями — основной недостатокъ научныхъ изслѣдованій Аѳанасьева — было не столько его личнымъ взглядомъ, сколько общимъ направленіемъ этнографическихъ изученій въ то время. Книга Аѳанасьева была въ этомъ случаѣ только отраженіемъ тѣхъ общихъ увлеченій, которыя очень долго господствовали въ этой области научныхъ изысканій и у насъ и на западѣ. Аѳанасьеву съ полной справедливостью можно сдѣлать тотъ же упрекъ, какой сдѣлалъ акад. Веселовскій De-Gubernatis'y, разбирая его *Zoological Mithology* (1872): владѣя громаднымъ миѳологическимъ матеріаломъ, Аѳанасьевъ, такъ же какъ и Де-Губернатисъ — „самовольно наложилъ на себя руки, отказавшись отъ всякой попытки къ самостоятельнымъ выводамъ"... Этотъ упрекъ дѣйствительно какъ нельзя лучше подчеркиваетъ общее, господствовавшее тогда теченіе въ области историко-литературныхъ и энтографическихъ изученій. Это было время, когда — иронизируетъ Веселовскій — наукѣ сравнительной миѳологіи „не особенно счастливилось". Заявивши свое пришествіе въ семью другихъ, сродныхъ съ нею, наукъ книгой Куна, блестящими этюдами Макса Мюллера, — она на этомъ почти и остановилась! „Продолжатели послѣднихъ мало подвигали дѣло впередъ: большинство ихъ, работники второй руки, увѣровавши, закрывъ глаза, въ два-три положенія, высказанныя учителями, спѣшили приложить ихъ къ какой-либо спеціальной задачѣ, не заботясь о провѣркѣ принциповъ". Слѣдуя за М. Мюллеромъ или Куномъ,—„всѣ сравненія имѣли единственною цѣлью подтвердить либо солярную, либо метеорологическую теорію — и, зная заранѣе взглядъ изслѣдователя, читатель могъ быть вполнѣ увѣренъ, что всѣ детали, какія представляютъ разбираемые миѳы, будутъ въ концѣ концовъ приведены къ одному знаменателю: войдутъ въ поэтическую картину грозы или восхода солнца!.." Всякую обыденную исторію норовили обра-

тить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи. Ихъ думали объяснить иначе — либо заимствованіемъ, перенесеніемъ нѣкоторыхъ безразличныхъ подробностей изъ одного памятника въ другой, либо миѳомъ. Но заимствованіе приходилось бы доказать для каждаго даннаго случая, а гипотеза миѳа такъ удобна! Общія мѣста, мотивы, положенія, повторяющіяся тамъ и здѣсь, иногда на такихъ разстояніяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ, что между ними нѣтъ видимой, услѣдимой связи — что это такое, какъ не миѳы, какъ не осколки одного какого-нибудь общаго миѳа?.. Стоитъ только однажды стать на эту точку зрѣнія, а возсозданіе этого миѳа и объясненіе его — дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается миѳическая экзегеза. Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго и героя очень реальной chanson de geste, хотѣли не такъ давно обратить въ германскаго бога, потому что у того и другого нашлись сходныя черты“... Шварцъ не прочь былъ отыскивать миѳы въ пѣсняхъ Гейне, де-Губернатисъ отыскиваетъ ихъ у Рабле, у Гюго!.. (См. Веселовскаго, Сравнительная миѳологія и ея методъ. „Вѣст. Евр.“, 1873, окт., стр. 637—680. Вс. Миллера, Очерки арійск. миѳологіи. М., 1876, стр. II—V. 11. 183—190). Болѣе широкія изученія — позднѣйшаго времени — всей области народной поэзіи, въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской, и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, весьма значительно сузили область древней миѳологіи, и вообще самыя изслѣдованія поставили на совершенно другую дорогу. Именно на этотъ новый путь научныхъ изысканій въ области русскаго народнаго эпоса, народныхъ преданій, повѣрій, всей народно-поэтической старины — становятся труды позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ, акадд. Веселовскаго, Ягича, Жданова и другихъ еще болѣе позднихъ нашихъ изслѣдователей славяно-русскаго „фольклора“, многочислен-

ныя и разнообразныя научныя изслѣдованія которыхъ составляютъ пріобрѣтенія нашей науки позднѣйшаго времени.

Въ ряду ближайшихъ преемниковъ Буслаева по изученію древнерусской письменности, перешедшихъ потомъ къ изученію и болѣе позднихъ періодовъ нашей литературы, къ изученію исторіи русской литературы и образованія XVIII и отчасти даже XIX вв. — однимъ изъ старѣйшихъ былъ акад. М. И. Сухомлиновъ [род. 1828 г.; † 1901 г.].

Сынъ профессора харьковскаго университета, Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ первоначальное образованіе получилъ въ Харьковѣ; здѣсь же, въ 1848 г., окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ и въ 1850 году защитилъ магистерскую диссертацію по русской словесности: *Взглядъ на историческій ходъ русской драмы.* Для исторіи развитія нашихъ историко-литературныхъ изученій любопытны „положенія“ этой диссертаціи, — стоявшія почти всецѣло еще на старой эстетической точкѣ зрѣнія. Выписываемъ ихъ: „1. Драматическая поэзія возможна только у народовъ образованныхъ. 2. Трагедія и комедія одинаково важны для искусства. 3. Первыми драматическими представленіями были у насъ, какъ и во всей Европѣ, религіозныя и аллегорическія мистеріи. 4. Правильная русская трагедія начинается съ Сумарокова; комедія съ Сумарокова и Княжнина, — подъ вліяніемъ французской драматургіи. 5. Озеровъ довелъ подражательную трагедію, а Фонъ-Визинъ — комедію и сатиру до высокой степени совершенства. 6. *Борисъ Годуновъ* Пушкина и *Горе отъ ума* Грибоѣдова составляютъ переходъ отъ превосходной поэмы и сатиры къ истинной трагедіи и комедіи. 7. Драматическія произведенія Пушкина могутъ быть названы художественными. 8. Гоголь окончательно освободилъ русскую комедію отъ вліянія французской классической школы“. — Въ началѣ 1852 года Сухомлиновъ назначается

адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы въ петербургскій университетъ, — и навсегда переселяется въ Петербургъ. Въ 1856 году за диссертацію: *О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ,* Сухомлиновъ здѣсь же, въ петербургскомъ университетѣ, получаетъ степень доктора славяно-русской филологіи...

Ученая дѣятельность Сухомлинова уже рано принимаетъ совершенно другое направленіе, чѣмъ какое сейчасъ мы отмѣтили въ „положеніяхъ“ его магистерской диссертаціи. Подъ вліяніемъ общаго, происходившаго вокругъ молодого ученаго, научнаго движенія, его научные взгляды и стремленія быстро и радикально мѣняются, — покидаютъ эстетику и переходятъ на почву чисто историческихъ изученій памятниковъ литературы, сосредоточиваясь прежде всего на древнѣйшемъ періодѣ русской литературы, на изученіи ея древнѣйшихъ рукописей. Въ этомъ направленіи наиболѣе ранними печатными трудами Сухомлинова были двѣ статьи: *Вассіанъ, современникъ Іоанна III,* и *Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ* (обѣ помѣщены въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, т. II, Спб., 1853). Болѣе обширнымъ и по объему и по содержанію было изслѣдованіе: *О языкознаніи въ древней Россіи* („Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ“, I, 1854 г.). Въ высшей степени важнымъ трудомъ молодого ученаго было изслѣдованіе, явившееся въ слѣдующемъ (1855) году: *О псевдонимахъ въ древней русской словесности* („Извѣстія II Отдѣленія Академіи Наукъ“, IV, 1855 годъ). Изслѣдователь впервые ставитъ здѣсь вопросъ о подложности (псевдонимности) многихъ древнерусскихъ произведеній, приписывавшихся, въ заглавіяхъ, тѣмъ или другимъ отцамъ церкви, чаще всего Іоанну Златоусту, — въ дѣйствительности же бывшихъ болѣе или менѣе оригинальными, самодѣльными произведеніями русскихъ книжниковъ. Статья впервые затрогивала научнымъ изученіемъ остававшійся до того времени совершенно непочатымъ обширнѣйшій отдѣлъ древнерусской письменности — сочиненія патристическія, переводныя и оригинальныя, русскія, вызванныя вліяніемъ

первыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ самыя изученія древнерусскихъ рукописей ставились на почву, на которой подобныя изысканія только и могли быть плодотворны: ближайшаго сопоставленія подобныхъ памятниковъ древнерусской письменности съ произведеніями литературъ южно-славянскихъ и византійской... Окончательнымъ завершеніемъ начатыхъ Сухомлиновымъ въ этомъ направленіи работъ былъ упомянутый монументальный трудъ Сухомлинова, упомянутая его докторская диссертація: *О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ* („Уч. Зап. II Отд. Ак. Н.“, т. III, Спб., 1856, и отд.: Спб., 1856). Ни одинъ памятникъ нашей древней письменности не имѣлъ уже и въ то время столь обширной ученой литературы, какъ наша начальная лѣтопись. Исторія ея изученія шла съ Татищева († 1750 г.) и Миллера († 1783 г.), — продолжалась въ трудахъ Шлецера (доведшаго свои изученія до 980 года), Карамзина, Строева, Перевощикова, Бѣляева, Кубарева, Казанскаго, Розенкампфа, скептиковъ Каченовскаго и его послѣдователей, наконецъ въ трудахъ Погодина, Буткова, Соловьева и др. Всѣ эти труды — каждый въ свое время — были важны, вносили не мало новаго свѣта въ изученіе предмета; но всѣ они были бо́льшею частью или отрывочными, касались отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, или столь обширными, какъ у Шлецера, что оканчивались на началѣ! Но что̀ главное, всѣ они — за исключеніемъ замѣчательнаго *предисловія* Строева къ „Соф. Временнику“ [Спб., 1820] — чаще всего разсматривали лѣтопись почти исключительно, какъ источникъ историческій, игнорируя значеніе ея, какъ памятника литературнаго; искали въ ней исключительно указаній историческихъ, забывая о живомъ лицѣ ея автора, составителя, или даже цѣлаго ряда такихъ авторовъ. Трудъ Сухомлинова, примыкая въ извѣстной степени къ блестящей мысли Строева, — впервые подвергнулъ нашу древнюю лѣтопись изученію именно съ этой, чисто литературной, стороны. Сухомлиновъ впервые вполнѣ прочнымъ образомъ ввелъ нашу древнѣйшую лѣтопись въ общую область нашей начальной литера-

туры, — впервые поставилъ ее на ту литературную почву, на которой она выросла и которая ее создала, впервые точно и обстоятельно указалъ литературные источники лѣтописи, болѣе или менѣе близкую ея литературную генеалогію, связи и отношенія къ Византіи и т. д. Не лишнее привести „положенія“ этой знаменитой диссертаціи: достаточно сопоставить ихъ съ „положеніями“ первой работы Сухомлинова, чтобы видѣть, какъ радикально измѣнились и основная точка зрѣнія ученаго и вся постановка его научныхъ изысканій. „Лѣтописаніе въ Россіи — читаемъ въ этихъ „положеніяхъ“ — началось краткими отдѣльными замѣтками о случившихся происшествіяхъ. Краткія замѣтки съ теченіемъ времени отчасти замѣнялись, отчасти дополнялись извѣстіями подробными. Сверхъ того составъ лѣтописи увеличивался различнаго рода заимствованіями. Главнѣйшими источниками для древней лѣтописи были: книги Св. Писанія, сочиненія русскихъ писателей: Ѳеодосія, Іакова, Василія, — славянскія жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія, — *Исповѣданіе вѣры, слово Меѳодія Патарскаго, хроника Георгія Амартола, договоры съ Греками, Палея.* Въ древней лѣтописи ясно выражается личность ея составителя преподобнаго Нестора. Главнѣйшія особенности древняго лѣтописца нашего состоятъ въ здравомыслiи, безпристрастіи и умѣньи пользоваться различными источниками при составленіи стройнаго литературнаго произведенія. Изложеніе лѣтописи отличается опредѣлительностью и ровностью. Языкъ лѣтописи есть древній русскій; свойства лѣтописнаго языка объясняются присутствіемъ въ немъ разговорнаго элемента и синтаксическими особенностями письменнаго русскаго языка XI—XII в. Церковно-славянскій элементъ преобладаетъ въ заимствованіяхъ и размышленіяхъ, отдѣляясь довольно явственно отъ элемента русскаго, господствующаго собственно въ лѣтописномъ разсказѣ. Сравненіе Нестора съ другими европейскими лѣтописцами: Козьмою Пражскимъ, Ламбертомъ Гершфельдскимъ, Григоріемъ Турскимъ — показываетъ, что Несторъ сближается съ ними по духу и направленію образованности, но отличается

отъ нихъ по характеру ея источниковъ. Уступая западнымъ лѣтописцамъ въ занимательности содержанія лѣтописи, Несторъ превосходитъ ихъ точностью и простотою описаній, способомъ объясненія происшествій сомнительныхъ, искренностью разсказа и всего рѣшительнѣе и рѣзче — народностью языка“... — Какъ бы въ дополненіе, позднѣе, въ отдѣльной статьѣ, Сухомлиновъ первый коснулся и вопроса о народныхъ преданіяхъ въ нашей начальной лѣтописи (*О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи.* „Основа“, 1864, № 4). — что было для того времени также вопросомъ совершенно новымъ!.. Изысканія послѣдующихъ ученыхъ значительно раздвинули во всѣ стороны дѣло изученія нашихъ лѣтописей; самыя поздніе изслѣдованія весьма значительно измѣнили и основные результаты, къ которымъ пришелъ нашъ изслѣдователь, — но для своего времени результаты эти были громаднымъ пріобрѣтеніемъ науки: чрезвычайно ярко освѣщали одну изъ важнѣйшихъ областей нашей древней письменности, и полностью были приняты ученой критикой — надолго войдя и въ учебники по исторіи русской словесности.

Черезъ два года, въ 1858 году, явился новый обширный трудъ Сухомлинова въ области древнерусской литературы — изданіе *сочиненій Кирилла Туровскаго,* съ обширнымъ введеніемъ о литературной дѣятельности этого писателя [„Рукописи графа А. С. Уварова“, т. II, вып. I, Спб., 1858 г.]. Открытый Калайдовичемъ, Кириллъ Туровскій впервые былъ изданъ имъ же, но изданъ не полно и безъ историко-литературнаго обслѣдованія рукописей. Въ томъ и другомъ отношеніи новое изданіе неизмѣримо превосходило прежнее. Сухомлиновымъ открытъ былъ цѣлый новый рядъ неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній туровскаго проповѣдника, — и совершенно новымъ свѣтомъ освѣщены были не только самыя произведенія древнерусскаго писателя, но весь обширный отдѣлъ нашей древнерусской проповѣдной письменности, къ которому они принадлежали. Въ своемъ введеніи издатель впервые фактически указываетъ на

громадность византійскаго вліянія въ сочиненіяхъ нашихъ первыхъ писателей, — говоритъ о характерѣ и отличительныхъ свойствахъ этого вліянія, фактически, съ документами въ рукахъ, сближаетъ нашу древнюю письменность съ византійской, и вполнѣ опредѣленно характеризуетъ произведенія взятаго писателя. Указанія этого рода дѣлались и раньше; но большею частью въ формѣ гаданій, ни на чемъ не основанныхъ предположеній, безъ всякаго непосредственнаго, детальнаго изученія, — почему высказывались иногда мнѣнія болѣе чѣмъ крайнія и совершенно голословныя; нѣкоторые изслѣдователи называли Кирилла Туровскаго лишь переводчикомъ, чуть не переписчикомъ сочиненій Златоуста!.. Вслѣдъ за немногими другими изслѣдователями того времени, Сухомлиновъ впервые рѣшился обратиться непосредственно къ византійскимъ памятникамъ, и точными фактами указать ихъ отношенія къ нашей письменности. Вслѣдъ за Востоковымъ и одновременно съ разысканіями Горскаго и Невоструева, Сухомлиновъ своимъ изданіемъ, какъ и болѣе ранними, названными выше трудами — вопросъ о византійскомъ вліяніи на древнерусскую письменность впервые ставилъ на прочную почву строгаго научнаго изученія, выводя изъ сферы голословныхъ мнѣній и гаданій... Позднѣе продолжая свои изысканія въ области старой русской литературы, Сухомлиновъ одно время остановился на изученіи другого весьма важнаго факта нашей древней письменности: вліянія на нее симитическаго Востока. На литературной судьбѣ нашей древней народной повѣсти о *судѣ Шемяки* изслѣдователь доказываетъ всю значительность этого вліянія [Повѣсть о судѣ Шемяки. „Записки Академіи Наукъ“, т. XXII, Спб., 1873. Укажемъ здѣсь еще замѣтку Сухомлинова: Два семитическихъ сказанія, встрѣчающіяся въ памятникахъ русской литературы. „Сборникъ II Отд. Акад. Наукъ“, т. X], — оставаясь, однако, и здѣсь на строго научной почвѣ и не увлекаясь въ область фантазій, — которыя незадолго передъ тѣмъ довольно развязно стали заявляться въ нашей ученой литературѣ...

Какъ мы видѣли, и на первыхъ порахъ Сухомлиновъ не замыкался въ какой-либо одной области своего предмета. Въ 1855 г., по поводу монографіи Булича о Сумароковѣ [Спб., 1854], — въ „Извѣстіяхъ“ II Отд. Ак. Наукъ Сухомлиновымъ между прочимъ печатается замѣтка, гдѣ онъ справедливо указываетъ на одну черту литературной дѣятельности нашего сатирика XVIII вѣка, оставленную безъ вниманія изслѣдователемъ. Болѣе поздніе труды Сухомлинова окончательно сосредоточиваются въ области исторіи русской литературы и русскаго образованія XVIII и XIX вѣковъ.

Прежде всего сюда относится цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ и изслѣдованій Сухомлинова, довольно разнообразныхъ по темамъ, но все болѣе и болѣе захватывавшихъ явленія и факты русской литературы XVIII и начала, даже половины, XIX вв., — отмѣчаемъ важнѣйшія изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ въ печати:

— *Исторія о славномъ и храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ.* „Библ. для Чтенія“, 1858, ноябрь, стр. 1—8.

— *Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета.* „Рус. Вѣстн.“, 1861, янв., стр. 127—165.

— *О литературѣ переходного времени — конца XVII и нач. XVIII вѣка.* „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1862, № 4, стр. 34—70.

— *Н. И. Новиковъ, авторъ „Историч. словаря о русскихъ писателяхъ“.* „Зап. И. Ак. Наукъ“, т. VI, кн. 2, Спб., 1865, стр. 230—261.

— *Фр. Ц. Лагарпъ, воспитатель Императора Александра I.* „Жур. М. Н. Пр.“, 1871, № 1, стр. 47—75; № 2, стр. 155—278.

— *О трудахъ по исторіи русской литературы.* „Журн. М. Н. Пр.“, 1871, августъ, стр. 139—180.

— *Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году.* „Древняя и Нов. Россія“, 1877, кн. I, стр. 42—54.

— *Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.* Спб., 1879. Читано въ годичн. собр. И. Ак. Наукъ, 29 дек. 1878 г.

— *Изъ литературы 40-хъ и 50-хъ гг. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.* „Историч. Вѣстн.“, 1881, № 2.

— *А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“.* „Сборникъ Отд. русск. языка и словесности Ак. Н“., т. XXXII, Спб., 1883, № 6.

— *Полемическія статьи Пушкина.* „Ист. В.“, 1884, мартъ, стр. 463—505.

— *Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ“.* „Ист. В.“, 1886, № 3—4.

— *И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ.* „Ист. В.“, № 2. И нѣкот. др. Почти всѣ, перечисленныя сейчасъ, статьи вошли въ изданіе: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, М. И. Сухомлинова, — 2 тома, Спб., 1889 (во второмъ томѣ).

Далѣе, къ области исторіи русской литературы и образованія XVIII — полов. XIX вв. относятся наиболѣе капитальные труды Сухомлинова позднѣйшаго времени, — сосредоточивающіеся на исторіи петровской Академіи Наукъ, исторіи учрежденной императрицей Екатериной II „Россійской Академіи“ и на изученіи научной и литературной дѣятельности такого представителя нашей науки и литературы XVIII в., какъ Ломоносовъ. Таковы: *Исторія Россійской Академіи, Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ* и *изданіе сочиненій Ломоносова.* Сюда же относился тѣсно связанный содержаніемъ съ названными, но болѣе ранній трудъ Сухомлинова: *Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I.*

Послѣдній явился въ печати уже въ 1865—1866 гг., частью отдѣльными очерками, помѣщавшимися въ „Журн. М. Н. Пр.“ [1865, ч. CXXVIII, № 10, стр. 9—172: глава перв. и вторая; 1866, ч. CXXXII, № 11, стр. 1—112: главы седьмая и дальнѣйшія], частью отдѣльными оттисками [но безъ заглавнаго листа, — Спб., 1866, тип. Сущинскаго, и съ примѣчаніемъ: „первыя двѣ главы этого труда помѣщены въ октябрьской книжкѣ „Ж. М. Н. Пр.“; въ „Журналѣ М. Н. Пр.“ эти части труда, очевидно, не могли быть помѣщены!..].

Статьи тогда же обратили на себя общее вниманіе. Выйдя отдѣльнымъ изданіемъ, по цензурнымъ условіямъ много позднѣе [въ упомянутомъ выше изданіи: „Изслѣдованія и статьи“ и пр., въ первомъ томѣ], статьи составили обширный томъ, — каждая страница котораго являлась въ высшей степени драгоцѣнной для изученія исторіи нашего образованія и общественнаго развитія за время еще столь недавнее. Статьи составлены исключительно по даннымъ совершенно новымъ, дотолѣ остававшимся неизвѣстными, извлеченнымъ изслѣдователемъ изъ архивныхъ матеріаловъ министерства нар. просвѣщенія. Не только до того времени, но и много позднѣе, у насъ мало было историко-литературныхъ трудовъ, которые бы, при своей научной документальности, представляли столь живой общественный интересъ, бросали бы такой яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и настоящее... Наиболѣе существеннымъ дополненіемъ къ труду Сухомлинова и до сихъ поръ остаются здѣсь главн. образомъ лишь болѣе поздніе изслѣдованія Пыпина, относящіяся къ той же эпохѣ Александра I.

Въ 1871 г. Сухомлиновъ, избранный членомъ Академіи Наукъ, предпринимаетъ обширный трудъ *Исторіи Россійской Академіи.* Основанная императрицей Екатериною II въ 1783 году, „Россійская Академія“ просуществовала до 1841 года, — когда была присоединена къ Академіи Наукъ, съ наименованіемъ „Вторымъ Отдѣленіемъ“, или „Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности“. Охватывая весь этотъ періодъ, трудъ Сухомлинова состоитъ изъ 8-ми томовъ [Сборникъ II Отд. Ак. Н., XI, 1—427; ib., XIV, 1—584; ib., XVI, 1—453; ib., XIX, 1—522; ib, XXII, 1—432; ib., XXXI, 1—512; ib., XXXVII, 1—648; ib., XLIII, 1—494. Спб., 1874—1888], представляющихъ глубокій научный интересъ, не только въ смыслѣ изложенія дѣятельности ученаго учрежденія, но всей исторіи нашего образованія и литературы конца XVIII—начала XIX вѣковъ. Какъ въ самомъ началѣ учрежденіе Россійской Академіи было, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, отвѣтомъ на лите-

ратурныя требованія тогдашней эпохи, являлось осуществленіемъ мысли, издавна занимавшей русскихъ писателей, и вызывало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества, — такъ и во все дальнѣйшее время существованія исторія Академіи, вся ея дѣятельность, являлась неразрывно связанной съ общей исторіей русскаго образованія и литературы съ 80-хъ гг. XVIII в. по начало или даже пол. XIX вв. Въ составъ Академіи входили всѣ наличныя научныя и литературныя наши силы, отъ Державина и Фонвизина въ XVIII ст. до Карамзина и Востокова въ XIX-мъ — и подъ перомъ изслѣдователя исторія ученаго учрежденія является дѣйствительно исторіей всего нашего образованія и литературы за періодъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII и первыхъ XIX вв. Въ „Исторіи“ Сухомлинова передъ нами — цѣлый рядъ обширныхъ и блестящихъ монографій о дѣятеляхъ Академіи, съ массою въ высшей степени цѣнныхъ приложеній. Не говоря о деталяхъ, всѣмъ общимъ содержаніемъ трудъ представляетъ неисчерпаемый научный интересъ, по множеству новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ, данныхъ, обилію новыхъ матеріаловъ, которыми пользуется изслѣдователь, извлекая ихъ изъ цѣлаго ряда библіотекъ и архивовъ, — помимо академическаго, изъ государственнаго архива, синодскаго, московскаго архива министерства юстиціи, — библіотекъ Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Московскаго университета, С.-Петербургской духовной академіи и т. д. и т. д., съ присоединеніемъ сюда нѣкоторыхъ матеріаловъ иностранныхъ, между прочимъ, изъ архива Лейпцигскаго университета, въ которомъ учились нѣкоторые изъ будущихъ академиковъ, и др.

Къ труду надъ исторіей Россійской Академіи непосредственно примыкаетъ другой громадный трудъ Сухомлинова: *Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ*, являющійся какъ бы отчасти дополненіемъ, отчасти продолженіемъ извѣстнаго труда акад. Пекарскаго „Исторія Академіи Наукъ“ (вышло 2 тома, Спб., 1870—1873). „Матеріалы“ должны были въ подлинныхъ документахъ представить исторію дѣя-

тельности нашего высшаго ученаго учрежденія, съ самаго начала его возникновенія, — съ собственноручныхъ замѣтокъ Петра Великаго, знакомящихъ насъ со взглядами его на дѣло учреждаемой имъ въ Россіи академіи, за все дальнѣйшее время... Къ сожалѣнію, вышло лишь 10 томовъ: изложеніе доведено лишь до конца 1750 года (тт. I—X. Спб., 1885—1900). Приготовленные матеріалы для дальнѣйшаго XI-го тома, относящіеся къ первой половинѣ 1751 г., остались не напечатанными (П. К. Симони, Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій М. И. Сухомлинова. Спб., 1901, стр. 31).

Одновременно съ послѣднимъ многотомнымъ трудомъ шли работы Сухомлинова по подготовленію третьяго монументальнаго труда, изданію *сочиненій Ломоносова*, — котораго самому Сухомлинову удалось издать лишь четыре тома (Спб., 1891—1898); пятый, почти вполнѣ приготовленный, вышелъ уже послѣ смерти Сухомлинова (Спб., 1902). О пріемахъ изданія, которымъ слѣдовалъ Сухомлиновъ при этомъ трудѣ, можно судить между прочимъ по слѣдующимъ словамъ въ предисловіи къ I тому, — приводимъ въ извлеченіяхъ:

„Существенное условіе изданія литературнаго памятника заключается въ точномъ сохраненіи первоначальнаго текста, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, которыя дѣлались самимъ авторомъ. Разысканіе перваго изданія (editio princeps) многихъ изъ произведеній Ломоносова сопряжено было съ большими трудностями. А между тѣмъ именно въ этихъ изданіяхъ стихотворенія являются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ подъ пера автора и въ какомъ читали ихъ и восхищались ими его современники. Текстъ, принятый у Дамаскина, удерживался и отчасти искажался послѣдующими изданіями, да и въ превосходномъ изданіи Дамаскина многое и весьма многое напечатано не въ первой редакціи, а во второй, значительно уклоняющейся отъ первоначальной. Въ настоящемъ изданіи особенное вниманіе обращено на собственноручныя рукописи Ломоносова“...

„При каждомъ произведеніи обозначены въ нашемъ изданіи какъ текстъ, по которому оно печатается, такъ и соотвѣтствующіе варіанты. Въ литературной исторіи произведеній Ломоносова варіанты имѣютъ важное значеніе. Они знакомятъ съ авторскими пріемами вообще; ими же опредѣляется, въ иныхъ случаяхъ, отношеніе произведенія къ современной имъ дѣйствительности. Изученіе рукописей Ломоносова показываетъ, что онъ много работалъ надъ своимъ стихомъ. Независимо отъ многочисленныхъ поправокъ въ рукописи и въ корректурѣ, Ломоносовъ, приводя свои стихи въ томъ или другомъ прозаическомъ сочиненіи, обыкновенно дѣлалъ въ нихъ большія или меньшія измѣненія. При новомъ изданіи стихотвореній, онъ почти никогда не оставлялъ ихъ въ прежнемъ видѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣненія были такъ велики, что являлась новая редакція издаваемаго произведенія“.

„Вслѣдъ за варіантами помѣщены объяснительныя примѣчанія и приложенія. Общее свойство и самый объемъ примѣчаній опредѣляются историко-литературными соображеніями. Особенно подробны примѣчанія наши къ первымъ по времени стихотвореніямъ Ломоносова; при этомъ мы имѣли въ виду значеніе ихъ въ литературной дѣятельности Ломоносова вообще. Начало ея находится въ связи съ дѣятельностью Тредьяковскаго, — и двѣ первыя оды Ломоносова служатъ доказательствомъ побѣды богато одареннаго ученика надъ заслуживающимъ всякаго уваженія учителемъ. Вторая ода Ломоносова, ярко обнаруживая его сильный талантъ, опредѣлила тотъ путь, которымъ пошелъ въ литературѣ и самъ Ломоносовъ и его многочисленные подражатели. Спорные вопросы, возникавшіе по поводу знаменитой оды, не могли быть оставлены безъ разъясненія“...

„Къ переводамъ и подражаніямъ Ломоносова мы прилагаемъ и подлинники; способъ перевода, удержаніе тѣхъ и другихъ чертъ подлинника, и самый выборъ произведеній представляютъ несомнѣнный интересъ въ литературномъ отношеніи“...

„Изданіе сочиненій Ломоносова мы начинаемъ съ его *стихотвореній:* такой порядокъ опредѣляется значеніемъ ихъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка, и находитъ подтвержденіе въ примѣрѣ какъ самого Ломоносова, такъ и всѣхъ послѣдующихъ издателей его сочиненій. Стихотворенія Ломоносова расположены нами въ хронологической послѣдовательности. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ съ несомнѣнною точностью. Приходится поневолѣ ограничиваться приблизительнымъ опредѣленіемъ времени, когда они написаны"... И т. д.

Прекрасную общую характеристику позднѣйшихъ трудовъ Сухомлинова дѣлаетъ между прочимъ А. А. Шахматовъ въ своей рѣчи въ засѣданіи Академіи, посвященномъ памяти только что скончавшагося ученаго: „Исторія Петровской Академіи Наукъ и основанной Екатериною II Россійской Академіи — вотъ центры, избранные М. И. Сухомлиновымъ въ его историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ... Учрежденіемъ первой изъ этихъ Академій было, по словамъ М. И. Сухомлинова, предоставлено наукѣ право гражданства въ русскомъ обществѣ. Академія должна была служить не исключительно для примѣненія науки къ насущнымъ, матеріальнымъ потребностямъ, но также для того, чтобы расширить области знанія новыми изслѣдованіями и открытіями. „Въ этомъ сознаніи правъ науки — говорилъ М. И. Сухомлиновъ — заключался вѣрный залогъ для ея водворенія въ Россіи. Чѣмъ выше стоитъ наука, тѣмъ разумнѣе и плодотворнѣе ея примѣненіе; чѣмъ обширнѣе знанія людей, посвятившихъ себя дѣлу образованія, тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ просвѣтительной дѣятельности"... Учрежденіе Россійской Академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи: встрѣченная живымъ сочувствіемъ образованнаго общества, эта академія тѣснѣйшимъ образомъ связана своею болѣе чѣмъ полувѣковою дѣятельностью съ судьбами русскаго просвѣщенія, а черезъ это и со всѣми движеніями общественной жизни конца восемнадцатаго и

первой половины девятнадцатаго столѣтія. Идеи, положенныя въ основаніе обоихъ учрежденій, слившихся въ 1841 г. въ одно цѣлое; дѣятельность живыхъ силъ обѣихъ академій; труды, предпринятые академіями при совокупномъ участіи ихъ членовъ; исторія русской науки и русской общественности — вотъ что составляло предметъ изслѣдованія и всесторонней оцѣнки М. И. Сухомлинова... Результатомъ работъ М. И. Сухомлинова надъ исторіей Академіи явились не только восьмитомная *Исторія Россійской Академіи* (1874—1888 г.г.), не только изданные въ десяти томахъ *Матеріалы*, извлеченные изъ архива конференціи, но и цѣлый рядъ монографій и изслѣдованій въ области литературы двухъ послѣднихъ столѣтій. Исторія Академій — это только часть исторіи русскаго просвѣщенія, разработкѣ которой М. И. Сухомлиновъ отдается съ начала шестидесятыхъ годовъ... Съ этою центральною для его изслѣдованій эпохою М. И. Сухомлиновъ ставитъ въ связь изученіе выдающихся общественныхъ явленій предшествующаго и послѣдующаго времени: его одинаково занимаютъ Новиковъ и Радищевъ — эти предвѣстники того свѣжаго, весенняго воздуха, которымъ повѣяло въ первые годы девятнадцатаго столѣтія и въ литературѣ и въ жизни („Изсл. и ст.," II, 305); онъ изучаетъ Пушкина, Гоголя, князя Вяземскаго, Полевого — этихъ дѣятелей другой эпохи, когда литература подпала подъ усиленный надзоръ, и когда единственное противъ нея спасеніе видѣли въ цензурѣ, этой неутомимой спутницѣ литературы, связанной съ нею неразрывными узами („Изсл. и ст.", II, 460). Своими изслѣдованіями о славянофилахъ М. И. Сухомлиновъ расчищаетъ путь къ исторіи новѣйшей литературы"... [А. А. Шахматова, — „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ", т. XV, № 2, Спб., 1901, сентябрь, стр. XXI—XXV].

Н. С. Тихонравовъ [род. въ 1832 г.; † 1893] происходилъ изъ мѣщанъ; родился въ калужской губ., но уже рано, лѣтъ 2, привезенъ былъ въ Москву, гдѣ отецъ его получилъ небольшую службу. Учился сначала въ одной

изъ московскихъ гимназій, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 г.; потомъ, одинъ годъ, въ Петербургѣ, въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, — но тутъ преподаваніе не удовлетворяло его: „преподаваніе русской литературы и языка находилось, по его словамъ, ниже гимназическаго уровня!“ — и въ 1850 г. онъ переходитъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ университетѣ (1854), нѣсколько лѣтъ былъ преподавателемъ въ московскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, пока — въ 1859 году — не занялъ каѳедру русской литературы въ Московскомъ университетѣ. Занимая эту каѳедру, Тихонравовъ и умеръ, — 27 ноября 1893 года...

Научные труды Н. С. Тихонравова стали появляться въ печати еще до поступленія его въ студенты Московскаго университета (1850 г.). Ученымъ трудомъ — который былъ и первой его печатной работой — онъ долженъ былъ завоевать самое право на это поступленіе: благодаря представленной работѣ, Тихонравовъ былъ принятъ въ университетъ сверхъ комплекта. Представленная работа не только дала автору мѣсто въ университетѣ и немедленно была напечатана, но и сразу обратила вниманіе профессоровъ на ихъ новаго слушателя. При всемъ случайномъ характерѣ содержанія [*Нѣсколько словъ по поводу статьи Современника (1850, кн. 8): „Кай Валерій Катуллъ и его произведенія“.* „Москвитянинъ“, 1850, т. V], — статья по своей эрудиціи являлась весьма замѣчательной для 18-лѣтняго автора. Нужно замѣтить, — какъ разъ въ годъ окончанія Тихонравовымъ гимназіи (1849), передъ выпускомъ, вышло распоряженіе — опредѣлить для каждаго университета комплектъ студентовъ въ количествѣ 300 человѣкъ и, при наличности такой цифры на высшихъ курсахъ, прекратить пріемъ новыхъ слушателей, — и въ Московскомъ университетѣ свободныхъ вакансій не оказалось! Тихонравову пришлось поступить въ Главный Педагогическій Институтъ, хотя всѣ стремленія его были въ родную Москву, — гдѣ въ это время на филологическомъ факультетѣ были такіе профессора, какъ Буслаевъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ; помимо того, молодому Тихонравову хотѣлось

поскорѣе приступить къ самостоятельнымъ занятіямъ надъ рукописями Московской Синодальной библіотеки... Лишь черезъ годъ, случайно, открылась въ Московскомъ университетѣ свободная вакансія, для полученія которой требовалась, однако, почему-то особая научная работа, — эта работа немедленно и была написана Тихонравовымъ, и онъ былъ принятъ въ Московскій университетъ. Независимо отъ работы, переходомъ своимъ Тихонравовъ много былъ обязанъ также Шевыреву и Погодину...

Чрезвычайно характерны уже эти внѣшнія обстоятельства поступленія Тихонравова въ Московскій университетъ. Едва ли не еще болѣе характерными въ томъ же отношеніи являются два *письма* Тихонравова, сохранившіяся до насъ отъ его студенческой поры, написанныя по поводу случившейся съ нимъ бѣды [повидимому, вскорѣ по поступленіи], изъ-за которой онъ чуть было снова не вылетѣлъ изъ университета. Письма написаны къ прежнимъ ходатаямъ, Шевыреву и Погодину, и по содержанію сходны; письмо къ Шевыреву короче, оффиціальнѣе, — о томъ, „что случилось", Тихонравовъ пишетъ ему, „какъ декану" и „непосредственному начальнику"; письмо къ Погодину въ менѣе оффиціальномъ тонѣ и „случившееся" излагаетъ подробнѣе. Приводимъ одинъ изъ этихъ документовъ,—*письмо къ Погодину:*

„Я нахожусь теперь въ самомъ непріятномъ положеніи и принужденъ обратиться къ вамъ. Дѣло было вотъ какъ: вчера [въ пятницу] я пошелъ въ 5 часовъ къ Леонтьеву, поправить лекцію, а онъ продержалъ меня до 7 часовъ, потому что два раза перечитывалъ ее. Такимъ образомъ, совершенно невольно, не былъ вчера у всенощной, потому что надѣялся возвратиться въ университетъ къ 6 часамъ. Сегодня требуютъ къ инспектору, являюсь вмѣстѣ съ другими, начинаютъ укорами: гдѣ былъ? Я представилъ законное, какъ мнѣ кажется, оправданіе. И меня стали упрекать при двадцати человѣкахъ подобными словами: „Чортъ ли мнѣ пользы отъ васъ изъ-за того, что я принялъ васъ Христа ради на казенный счетъ?" Я сказалъ — и кажется былъ въ правѣ — что принятъ не Христа ради, для своей пользы, а

не для пользы другихъ, что это первая моя вина, что попечитель знаетъ меня [въ этомъ я надѣялся на то, что вы, представляя мою просьбу, сказали обо мнѣ] и что онъ разсудитъ мое дѣло. Эти слова приняты были съ страшнѣйшимъ негодованіемъ, приняты за грубость, за компрометированіе инспектора. Онъ отвезъ меня къ попечителю, — не знаю, что сказалъ ему, потому что я не былъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Попечитель приказалъ посадить меня подъ арестъ и исключить изъ университета. Теперь, скажите, что мнѣ дѣлать? Неужели одно неосторожное слово можетъ погубить меня. А инспекторъ сказалъ, что не быть мнѣ въ университетѣ. Не знаю отчего, но на меня всегда падаетъ что-то слишкомъ много отвѣтственности. И какіе проступки могъ онъ представить для моего обвиненія? Онъ самъ сказалъ, что одинъ разъ я былъ застегнутъ не на всѣ пуговицы, другой — что не былъ разъ въ церкви. Судите, много ли я виноватъ во всемъ этомъ дѣлѣ? И при всемъ томъ, мнѣ не хотятъ дать окончить курсъ, не принимаютъ даже никакихъ оправданій! Вамъ однимъ могу я повѣрить свое дѣло, и у васъ просить совѣта: скажите, что мнѣ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, когда не хотятъ выслушать даже моихъ оправданій? Въ восемь лѣтъ никто не имѣлъ случая на меня пожаловаться, ни И. И. Давыдовъ, ни Погорѣльскій, а еще благодарили меня за мое поведеніе и занятія. Неужели въ одинъ годъ я могъ совершенно испортиться? А если и испортился, то въ чемъ же могло выказаться это? Въ томъ, что не застегнулся на двѣ пуговицы, и въ томъ, что разъ не былъ въ церкви и осмѣлился сказать слово, когда мнѣ стали попрекать хлѣбомъ, который будто бы мнѣ давали Христа ради. Мнѣ нечего говорить объ себѣ и выхвалять себя, но сегодня даже при мнѣ помощникъ того же инспектора говорилъ, что я хорошо себя велъ. Говорю это для того, чтобы и вы не повѣрили какимъ-нибудь толкамъ обо мнѣ и не отказались помочь мнѣ въ моей крайней нуждѣ. Вотъ вамъ моя просьба: скажите, что мнѣ дѣлать? Но не просите попечителя, а, главное, не показывайте этого письма никому. Если вы бу-

дете просить его за меня и извинять чѣмъ-нибудь мои слова, опять будутъ говорить, что я виноватъ кругомъ. Нѣтъ, я бы желалъ не прощенія, а оправданія: я бы желалъ, чтобы по крайней мѣрѣ попечитель не считалъ меня такимъ негодяемъ, какимъ я, можетъ быть, представляюсь инспектору. Въ понедѣльникъ дѣло мое рѣшится. Пишите же, прошу васъ, ко мнѣ поскорѣе, и не въ глазную больницу, гдѣ никто не знаетъ объ этой катастрофѣ, а въ университетъ, въ № 22, гдѣ письмо передадутъ мнѣ. Да не забудьте, что, находясь подъ арестомъ, я лишенъ способа дѣйствовать самъ въ свою пользу. Вы одни можете мнѣ помочь, какимъ бы то ни было образомъ. Еще разъ прошу васъ, писать въ университетъ и не черезъ контору, которая можетъ ошибиться и передать письмо въ глазную больницу". („Соч." Тихонравова, I. — Въ глазной больницѣ въ это время служилъ и жилъ отецъ Тихонравова). Неизвѣстно, кто изъ нихъ, Шевыревъ или Погодинъ, или оба вмѣстѣ вступились за Тихонравова — но такъ или иначе, Тихонравовъ уцѣлѣлъ въ университетѣ...

Какъ студентъ-филологъ, Тихонравовъ считалъ себя ближайшимъ ученикомъ Шевырева и Буслаева. Заслуга перваго особенно заключалась въ томъ, что лекціи его ставили изученіе русской литературы на историческую почву. „Какъ профессору словесности въ Московскомъ университетѣ — писалъ впослѣдствіи Тихонравовъ въ статьѣ: „Памяти С. П. Шевырева" — Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе и силы своихъ слушателей къ историческому изученію языка и словесности. Если его „Исторія" древней русской литературы не свободна отъ сантиментальной идеализаціи древнерусской жизни и развитія, то не забудемъ, — она была первою и доселѣ (1864 г.) остается единственною попыткой представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности"!.. Несравненно бо̀льшимъ, въ своихъ занятіяхъ, конечно, былъ обязанъ Тихонравовъ Буслаеву. Послѣдній явился для него „ученымъ, ко-

тором русская литература наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности", — отъ Буслаева Тихонравовъ усвоилъ себѣ „тотъ современный сравнительно-историческій методъ изученія литературныхъ памятниковъ, который уже успѣлъ дать самые плодотворные результаты для исторической науки"... Какъ извѣстно, руководительствомъ и совѣтами Буслаева Тихонравовъ пользовался и послѣ, по окончаніи своего курса въ университетѣ. Вліяніе Буслаева было тѣмъ важнѣе, что Тихонравовъ никогда не бывалъ заграницей, „не имѣлъ случая воспріять новыя начала западной науки въ непосредственномъ общеніи съ западными учеными", — между тѣмъ Буслаевъ первые годы своей жизни провелъ заграницей, постоянно поддерживалъ и послѣ самыя тѣсныя связи съ западными учеными... Указываютъ также на сильныя вліянія со стороны Грановскаго, Забѣлина, Кавелина — но отдѣльные руководители играли все же второстепенную роль. Какъ справедливо замѣчаетъ Пыпинъ, то направленіе, какое принимали съ самаго начала труды Тихонравова по исторіи литературы, было отраженіемъ общаго научнаго движенія, въ основѣ своей связаннаго съ движеніемъ эпохи „сороковыхъ годовъ". Историческіе интересы быстро расширялись подъ самыми разнообразными вліяніями, — охвативъ, наконецъ, и исторію литературы. „Изученіе письменной древности выходило изъ стадіи внѣшнихъ „описаній" и старалось проникнуть во внутреннее содержаніе старыхъ вѣковъ. Изученія этнографическія, искавшія разрѣшенія загадки народной жизни, принимали все болѣе обширные размѣры и, въ свою очередь, приводили къ народной старинѣ. Изученія славянскія напоминали о цѣломъ племенномъ вопросѣ, и снова доставляли историческія, бытовыя и народно-поэтическія параллели. Давно господствовавшая въ Германіи новая школа истолкованія народной древности, въ лицѣ братьевъ Гриммовъ, проникла, наконецъ и въ нашу научную среду... Близившаяся эпоха освобожденія крестьянъ создавала возбужденіе, которое распространялось и въ эту, повидимому,

археологическую область... Такого рода умственныя теченія, которыя находятъ отголосокъ въ наукѣ и въ общественной жизни, происходятъ обыкновенно изъ источниковъ весьма разнообразныхъ; ихъ трудно подвести подъ какое-нибудь одно начало; а затѣмъ и въ самыхъ представителяхъ этихъ теченій — если они не уходятъ въ какую-нибудь спеціальность, почти всегда одностороннюю — мы можемъ услѣдить это разнообразіе возбужденій, которыя въ концѣ концовъ направляли ихъ дѣятельность и налагали на нихъ свой отпечатокъ" [Пыпинъ, Н. С. Тихонравовъ и его научная дѣятельность. „Сочиненія Н. С. Тихонравова", т. I, М., 1898, стр. XVI]... Именно такова была научная дѣятельность Тихонравова уже съ самаго начала.

Послѣ упомянутой статьи о *Катуллѣ*, новый рядъ статей, написанныхъ Тихонравовымъ за время пребыванія его въ университетѣ (1850—1853) и тогда же помѣщавшихся въ лучшихъ журналахъ, быстро выдвинулъ начинавшаго ученаго и прочно поставилъ его имя въ выбранной имъ спеціальности — исторіи русской литературы. Почти всѣ студенческія работы Тихонравова не утратили своего значенія и теперь. Отмѣтимъ изъ нихъ важнѣйшія:

— *Замѣтка о рѣдкой книгѣ.* „Моск. Вѣд.", 1851, № 150.

— *О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова.* „Моск. Вѣд.", 1852, №№ 46—48.

— *Замѣты по поводу Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ. Сочиненія Фонъ-Визина.* „Моск. Вѣд.", 1853, № 6.

— *Библіографическія поправки и дополненія къ статьѣ: „Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя".* „Отеч. Зап.", 1853, LXXXVI, кн. 2, стр. 109, „Моск. Вѣд.", 1853, № 51.

— *Матеріалы для біографіи Ломоносова.* „Москвитянинъ", 1853, I, № 3, стр. 17—26.

— *Замѣчанія на статью Гаевскаго о Дельвигѣ.* „Москвит.", 1853, II, № 6, стр. 64—98. Къ этой же студенческой порѣ жизни Тихонравова относилась въ значительной долѣ и обширная статья *О заимствованіяхъ русскихъ писателей*, оставшаяся почему-то не напечатанной, но о которой упоминается уже въ университетскомъ „Отчетѣ" за 1852—1853 г.;

тамъ же упоминается о какомъ-то рефератѣ Тихонравова *о Новиковѣ*, оставшемся также ненапечатанномъ, и т. д.

Научные труды Н. С. Тихонравова, по занятіи имъ профессорской каѳедры, на первыхъ порахъ сосредоточиваются на изученіи памятниковъ древней русской литературы, — къ которой онъ примѣняетъ новые и самые широкіе взгляды, взгляды, съ которыми въ то же время приступаетъ и къ изученію литературы позднѣйшей, XVIII—XIX вв. Въ древнерусскихъ литературныхъ памятникахъ, какъ и въ произведеніяхъ позднѣйшихъ русскихъ писателей, Тихонравовъ стремится искать — и находитъ — „живые глаголы“... Одинъ изъ учениковъ Тихонравова особенно подчеркиваетъ эту сторону научныхъ пріемовъ Тихонравова, которая одинаково проявлялась не только въ спеціальныхъ работахъ его, но и въ университетскихъ лекціяхъ, — и сравниваетъ эти пріемы съ пріемами Тэна. „На первомъ планѣ, замѣчаетъ А. Д. Карнѣевъ о научныхъ работахъ и лекціяхъ своего учителя — всюду стоитъ реальная, фактическая достовѣрность выводовъ, добытыхъ изъ массы критически очищенныхъ фактовъ, зачастую впервые имъ открытыхъ. Подобно Тэну, онъ любитъ точныя данныя, реальныя очертанія и опредѣленные размѣры; нравственныя качества, затаенныя желанія и духовныя силы народа, отпечатлѣнныя въ литературныхъ памятникахъ, принимаютъ осязательныя, видимыя формы и краски. Съ особымъ пристрастіемъ любилъ онъ задерживать вниманіе слушателей на мелкихъ, едва уловимыхъ отзвукахъ литературной старины, отзвукахъ наглядно рисующихъ настроеніе массы, ея сѣрыя, будничныя треволненія и заурядныя мечтанія. Накопляя мелкіе литературные факты, онъ оцѣнивалъ и взвѣшивалъ въ нихъ господствующее настроеніе эпохи и выслѣживалъ симптомы вновь обозначавшихся теченій... Тихонравовъ всегда старается прослѣдить, какими нитями каждый выдающійся писатель привязанъ къ своему времени, къ своей странѣ. Результаты литературной дѣятельности писателя онъ разсматриваетъ въ тѣсной связи съ исторіей его чувствъ, съ развитіемъ

его вѣрованій и убѣжденій, стараясь при этомъ выяснить, какъ извѣстная эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи: какіе современные вопросы нашли себѣ отраженіе въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи; какова среда, въ которой суждено было вращаться писателю, и какъ эта среда отразилась на личности автора... Рядомъ съ характеристикой писателя или литературнаго памятника, проходитъ передъ умственнымъ взоромъ слушателя (или читателя) пристальное изученіе отдѣльной эпохи, изученіе условій народной жизни: исторія литературы тѣсно сливается съ исторіей духовной жизни народа, съ культурной исторіей“... И въ основѣ всего, всегда и вездѣ — самое тщательное, самое кропотливое изученіе всѣхъ, такъ или иначе относящихся къ памятнику или писателю, историческихъ матеріаловъ! — не только собственно литературныхъ, но и бытовыхъ, общекультурныхъ, или даже чисто личныхъ, мемуаровъ, переписки и т. д. и т. д., всей печатной или рукописной архивной старины. „На его позднѣйшихъ чтеніяхъ о Ломоносовѣ и Сумароковѣ, особенно о Новиковѣ, Карамзинѣ и Жуковскомъ — вспоминаетъ г. Карнѣевъ о позднѣйшихъ университетскихъ курсахъ Тихонравова — на глазахъ увлеченнаго слушателя происходитъ буквально перекрестный допросъ литературныхъ памятниковъ, писемъ, автобіографій и воспоминаній, записокъ и мемуаровъ, альманаховъ, черновыхъ бумагъ и т. п. Каждый фактъ провѣряется другимъ, ни одна мелочь не обходится безъ строгой, критической оцѣнки“... Сравнивая пріемы научныхъ изученій Тихонравова съ пріемами Тэна, — А. Д. Карнѣевъ въ то же время не можетъ не замѣтить и другихъ ученыхъ связей Тихонравова: „на каждомъ шагу такъ и чувствуется убѣжденный послѣдователь А. В. Горскаго, автора „Описанія рукописей Синодальной библіотеки“... („Памяти Николая Саввича Тихонравова“. М., 1894, стр. 70. 72. 79. Университетскія чтенія Н. С. Тихонравова въ связи съ его научно-литературными идеалами, А. Д. Карнѣева).

При такихъ широкихъ взглядахъ на задачи и цѣли изу-

ченія исторіи литературы, естественно, не только всѣ эпохи ея, но и всѣ сколько-нибудь характерные памятники ея должны были быть одинаково важны и цѣнны въ глазахъ изслѣдователя. Именно такимъ разностороннимъ изслѣдователемъ древней русской литературы — впрочемъ, уже и здѣсь не одной только древней! — выступаетъ Тихонравовъ въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности*, первомъ, предпринятомъ имъ немедленно по занятіи каѳедры русской литературы въ московскомъ университетѣ, капитальномъ изданіи (вышло 5 большихъ томовъ, М. 1859—63). Въ „предварительномъ объявленіи“ объ этомъ изданіи (напеч. въ „Библіогр. Запискахъ“, 1859, т. II, № 2), молодой редакторъ дѣлаетъ превосходную характеристику новаго, только что начинавшаго прививаться у насъ направленія въ историко-литературныхъ изученіяхъ, — выше мы приводили эту характеристику. „Лѣтописи русской литературы и древности“ имѣли въ виду — „расширить кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій, знакомя съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до сихъ поръ несмотря на свое высокое значеніе, остаются неизданными и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію“. „Строго держась сравнительно-историческаго метода при изученіи литературы“, — журналъ ставилъ для себя цѣлью помѣщать на своихъ страницахъ: а) изслѣдованія по исторіи русской литературы и искусства; b) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку и т. п., насколько эти изслѣдованія содѣйствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; с) обозрѣніе древности и литературъ иностранныхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной... Въ журналѣ принимали участіе Буслаевъ, Забѣлинъ, Соловьевъ, Викторовъ и мн. др., — но болѣе всего онъ былъ обязанъ, конечно, трудамъ и энергіи молодого редактора и издателя: самому Тихонравову принадлежало не менѣе трети всѣхъ, помѣщенныхъ здѣсь текстовъ, матеріаловъ, изслѣдованій, замѣтокъ... По разнообразію и широтѣ постановки, въ то же время глубокой научности, — изда

ніе какъ нельзя лучше отражало на себѣ новые широкіе взгляды Тихонравова на задачи и цѣли изученія исторіи русской литературы, древней и новой. Область древнерусской апокрифической литературы, памятники свѣтской древнерусской повѣсти, памятники древнерусскаго театра, рядъ замѣчательныхъ древнерусскихъ поученій, цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи русской литературы и образованія XVIII и XIX вв.— все это, составляя главное содержаніе предпринятаго изданія, могло бы быть капитальнымъ вкладомъ и на Западѣ, не только въ нашей молодой, только что возникавшей, наукѣ исторіи русской литературы!.. Статьи, принадлежавшія самому издателю и редактору, едва ли не были и наиболѣе цѣнными. Чаще всего каждая статья Тихонравова, очень небольшая по объему, — являлась капитальнымъ пріобрѣтеніемъ науки, представляя собой или обнародованіе памятника, совершенно дотолѣ неизвѣстнаго, или обслѣдованіе произведенія, мало изученнаго, или, наконецъ, новое освѣщеніе предмета... Тихонравову принадлежали въ „Лѣтописяхъ“ между прочимъ слѣдующія изданія и изслѣдованія:

— *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*, съ предисловіемъ (т. I, отд. II, стр. 1—33).

— *Луцидаріусъ*, съ предисловіемъ (т. I, отд. II, стр. 1—33).

— *Повѣсть, какъ приходилъ греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ*, съ примѣчаніями (стр. 161—165).

— *Повѣсть о преніи живота съ смертью*, изслѣдованіе (стр. 183—193).

— *Русскія интерлюдіи перв. пол. XVIII в.*, съ предисл. (II, отд. II, 35—60).

— *Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ*, съ примѣчаніями (стр. 61—80).

— *Пренія литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ильею* (стр. 80—100).

— *Стихъ о книгѣ Голубиной* (стр. 64—69).

— *Повѣсть о Ѳедорѣ Жидовинѣ* (стр. 69—71).

— *Русская легенда XVII в. о образѣ Богородицы* (стр. 90—100).

— *Сказаніе о Индѣйскомъ Царствѣ* (100—103).

— *Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*, съ обширной вступительной статьей: *Начало русскаго театра* (т. III, стр. 7—66).

— *Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской*, съ пред. (III, 66—78).

— *Интермедія на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ* (III, 78—80).

— *Сказка объ Иванѣ Бѣломъ* (III, 8—15).

— *Слово іеромонаха Евѳимія*, съ примѣч. (III, 17—19).

— *Повѣсти о Вавилонскомъ Царствѣ* (III, 20—33).

— *Шемякинъ Судъ* (III. 34—38).

— *Новый списокъ Слова о Данінлѣ Заточникѣ* (III, 93—94).

— *Повѣсти о царѣ Соломонѣ*, съ примѣч. (IV, 112—153).

— *Рождественская Драма* (IV, 154—200).

— *Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ*, съ пред. и примѣчаніями (IV, 83—112).

— *Пять древнерусскихъ поученій*, съ примѣч. (V, отд. II, 90—103).

— *Нѣсколько народныхъ заговоровъ* (V, 111—112). Стр. 16, т. II, стр. 103—105).

— *Замѣтка для исторіи Стоглава* (V, 137—144).

— *Слово о злыхъ женахъ* (V, 145—147) и нѣкот. др.

Однимъ изъ мало обслѣдованныхъ вопросовъ въ исторіи древнерусской письменности долгое время, по причинамъ, отчасти и совершенно не зависѣвшимъ отъ науки, оставалась начальная раскольническая литература. Тихонравовъ уже въ ряду самыхъ первыхъ изслѣдователей приступилъ къ ея разработкѣ. Въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ находимъ цѣлый рядъ относящихся сюда изданій, принадлежавшихъ самому Тихонравову, — отмѣчаемъ важнѣйшія:

— *Автобіографія протопопа Аввакума* (III, отд. II, 117—173).

— *Стихъ объ антихристѣ* (III, 8—15).

— *Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ, Саввы Романова* (V, отд. II, 111—148).

— *Обличеніе на Никона патріарха, написанное для царя Алексѣя Михайловича* (V, II, 157—178).

— *Раскольничья сатира прошлаго вѣка* (V, II, 42—43).

— *О нападствованіи протопопа Аввакума* (V, II, 113—117.)

— *О заточеніи дьякона Ѳедора* (V, II, 117—120).

Изъ болѣе позднихъ трудовъ Тихонравова сполна или болѣе или менѣе отчасти сюда относились:

— *Боярыня Морозова*, съ приложеніемъ ряда писемъ Морозовой. „Рус. Вѣст.“, 1865, кн. 9, стр. 5—44.

— *Квиринъ Кульманъ*. „Русс. В.“, 1867, кн. 11, стр. 183—222; кн. 12, стр. 560—594.

— *Московскіе вольнодумцы нач. XVIII в. и Стефанъ Яворскій*. „Рус. Вѣст.“, 1870, кн. 9, стр. 5—61. 1871, кн. 2, стр. 667—720; кн. 6, стр. 399—446.

— *Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губерніи губернатору Каховскому въ 1791 году*. „Чтенія“ Моск. О-ва ист. и древ. рос., 1871, кн. II, стр. 26—79.

— *Записка о разговорѣ съ двумя духоборцами, архим. Евгенія, впослѣдствіи митр. Кіевскаго*. „Чтенія“ Моск. Общ. ист. и древ., 1874, кн. IV, стр. 137—145.

По исторіи русской литературы XVIII в. въ „Лѣтописяхъ“ Тихонравову принадлежали слѣдующія статьи, заключавшія въ себѣ очень цѣнные матеріалы:

— *Петрида кн. А. Д. Кантемира* (т. I, II, 16—22).

— *Вопросные пункты, предложенные Н. И. Новикову митрополитомъ Платономъ, и письма послѣдняго къ императрицѣ Екатеринѣ II* (I, II, 23—28). Ср. ib., т. II, 106—108.

— *Записки Ломоносова къ Штелину* и *Объ обязанностяхъ духовенства* (I, 193—198). Ср. ib., т. II, 105—106.

— *Замѣтки объ А. О. Аблесимовѣ* (II, 200—202).

— *М. И. Веревкинъ* (II, 108—116).

— *Предисловіе къ Новымъ свѣдѣніямъ о Н. И. Новиковѣ и членахъ Компаніи Типографической* (т. V, II, 3—10).

— *Записка И. Г. Шварца объ отношеніяхъ къ нему И. И. Мелиссино* (V, 96—110).

— *Элегія Ѳеофана Прокоповича и отвѣтъ на нее Антіоха Кантемира* (V, III, 37—47).

Главнымъ предметомъ изученій Тихонравова, впрочемъ, уже рано становится область русской „отреченной“ литературы и область древнерусскихъ свѣтскихъ повѣстей и сказаній. Древнерусскіе апокрифы, какъ уже было замѣчено, — была особая, весьма обширная область древнерусской письменности, чаще всего переводная, но быстро климатизировавшаяся, — „отреченная“, запрещенная церковью, строго преслѣдовавшаяся многочисленными „индексами“, и несмотря на то бывшая у насъ едва ли не наиболѣе распространенной въ древней книжной средѣ, — въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ питавшая своей оригинальной, своеобразной поэзіей и мысль и чувство древнерусскаго грамотника. Это былъ отдѣлъ письменности древней Руси, который — при всѣхъ церковныхъ запрещеніяхъ — могучимъ потокомъ проникалъ и въ произведенія нашихъ оригинальныхъ церковныхъ писателей, и въ произведенія такія, строго духовныя, какъ Прологъ, Четьи-Минеи, и въ безчисленныя древнерусскія, чисто-туземныя, „поученія“, носившія громкія заглавія „св. отецъ“, и древнерусское искусство, — а вмѣстѣ съ этимъ, и едва-ли не больше всего, въ область устнаго народнаго творчества. Послѣднее, подъ вліяніемъ этого рода письменности, какъ извѣстно, въ значительной части своей совершенно преобразовывается, выдѣляетъ изъ себя новый видъ творчества— духовные стихи...

Одновременно съ послѣдней книжкой „Лѣтописей“, вышелъ обширный спеціальный трудъ Тихонравова: *Памятники отреченной русской литературы* (2 большихъ тома, М., 1863). Изданіе представляло въ себѣ исключительно тексты древнерусскихъ апокрифическихъ памятниковъ и должно было быть приложеніемъ къ изслѣдованію: *Отреченныя книги древней Россіи*,—къ сожалѣнію, не изданному авторомъ; лишь отчасти этотъ трудъ, нужно думать, вошелъ въ литографированные курсы Тихонравова и въ нѣкоторыя его критическія статьи, а также въ читанные

имъ на археологическихъ съѣздахъ рефераты, оставшіеся также не напечатанными... Но и помимо неизданнаго изслѣдованія, „Памятники“ сами по себѣ были неоцѣнимымъ научнымъ вкладомъ. И до сихъ поръ, это — одно изъ капитальнѣйшихъ изданій по нашей древней литературѣ. „Не только подборъ, но и самое изданіе „Памятниковъ отреченной русской литературы“ сдѣлано было Тихонравовымъ — говоритъ позднѣйшій изслѣдователь нашей отреченной литературы — по строго опредѣленному плану. Онъ желалъ представить изслѣдователямъ славянской старины одинъ и тотъ же памятникъ въ различныхъ его редакціяхъ и въ различные періоды его литературной исторіи, конечно, если памятникъ дѣйствительно измѣнился и преобразовался на русской почвѣ. Если какая-нибудь отреченная статья мало была распространена на Руси и не подвергалась особенно важнымъ измѣненіямъ, — онъ ограничивался изданіемъ одного изъ ея списковъ, выбирая древнѣйшій и правильнѣйшій изъ всѣхъ ему извѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ онъ помѣщалъ: а) юго-славянскую редакцію памятника, отъ которой уже пошли послѣдующія; б) потомъ предлагалъ его по древнѣйшему изъ извѣстныхъ ему русскихъ списковъ, и в) въ заключеніе печаталъ его по новѣйшей редакціи, — такъ что можно было видѣть исходную точку памятника и потомъ окончательный видъ, какой онъ принялъ на Руси, и въ какомъ онъ часто хранится въ настоящее время въ заповѣдныхъ народныхъ тетрадкахъ и раскольничьихъ листахъ“... Относительно самыхъ пріемовъ изданія выбранныхъ памятниковъ, Тихонравовъ держался такого метода: „Онъ предлагалъ памятникъ, какъ нашелъ въ рукописи, не позволяя себѣ ни транскрипціи, ни сліянія нѣсколькихъ списковъ различныхъ вѣковъ въ одно цѣлое. Очевидныя описки онъ исправлялъ въ текстѣ или въ выноскахъ, но всегда представляя и буквальное чтеніе рукописи. Всѣ особенности манускрипта онъ сохраняетъ въ своемъ изданіи, кой-гдѣ давая въ выноскахъ свои коньектуры и объясненія“... [М. И. Соколовъ, Труды Н. С. Тихонравова по изданію памятниковъ литературы. „Памяти Н. С. Тихонравова“,

стр. 88—89]. Въ двухъ огромныхъ томахъ Тихонравовымъ собрано — по словамъ компетентнаго изслѣдователя — „больше половины обращавшихся на Руси апокрифовъ". Послѣ этого сборника найдены были лишь иные списки тѣхъ же апокрифовъ, хотя часто болѣе древніе и лучшіе, но послѣднее объяснялось, замѣчаетъ проф. Соколовъ, „тѣмъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ были крайне мало извѣстны рукописи юго-славянскія, давшія главный матеріалъ для пополненія собранія апокрифовъ. Эти же юго-славянскія рукописи бо́льшею частью впервые доставили тексты и тѣхъ апокрифовъ, которые тогда остались Н. С—чу неизвѣстными"... [М. И. Соколовъ, — „Памяти Тихонравова", стр. 88.] Ко всему этому нужно однако прибавить самое существенное и важное: сдѣланное Тихонравовымъ собраніе древнерусскихъ апокрифовъ далеко не исчерпывалось двумя вышедшими томами! Уже въ 1866—1867 году Тихонравовымъ былъ приготовленъ къ печати третій томъ „Памятниковъ отреченной литературы" [см. „Отчетъ" Моск. университета за 1867 годъ, стр. 20); тогда же, повидимому, обращался Тихонравовъ и ко II Отдѣленію Ак. Наукъ съ предложеніемъ напечатать этотъ „третій томъ", — но изданіе почему-то не состоялось. Любопытно сохранившееся *письмо* Тихонравова къ Срезневскому, къ которому онъ обратился съ просьбой оказать содѣйствіе изданію: изъ письма между прочимъ фактически видимъ, что напечатанное въ двухъ вышедшихъ томахъ „далеко не исчерпывало всего запаса" древнерусскихъ апокрифическихъ памятниковъ, который былъ къ этому времени „уже собранъ" Тихонравовымъ „въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ", — что напечатанное было лишь „небольшой частью собраннаго матеріала"... [Письмо сполна напечатано Пыпинымъ: „Памяти Н. С. Тихонравова", стр. LXXXIX — XCI]. „Впослѣдствіе, долго спустя, говоритъ Пыпинъ, Тихонравовъ снова началъ переговоры съ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о печатаніи этого третьяго тома, но и на этотъ разъ дѣло не было приведено къ концу, — и только послѣ его смерти небольшая часть этого третьяго

тома была издана въ „Сборникѣ русскаго отдѣленія“... [ib., стр. XCI]. Нужно думать, въ Отдѣленіи хранится и самая рукопись „третьяго тома“, — приготовленная Тихохрановымъ къ печати... Съ какой глубиной и обширностью уже рано изученъ былъ Тихонравовымъ отдѣлъ нашей древнерусской апокрифической литературы — показываетъ между прочимъ и его разборъ [напеч. въ „Рус. Вѣстн.“, 1862, кн. 1, стр. 415—427] явившагося въ 1861 г. собранія нашихъ апокрифическихъ произведеній въ изданіи гр. Кушелева-Безбородка, вышедшаго подъ редакціей Пыпина и Костомарова: „Памятники русской литературы“ [вып. III, Спб., 1861]. Для своего времени появленіе и этого собранія было большимъ пріобрѣтеніемъ для русской науки; но глубокаго знатока и спеціалиста это изданіе, какъ мы увидимъ ниже, совершенно не удовлетворило!..

Что касается свѣтскихъ повѣстей и сказаній, — Тихонравовъ шелъ здѣсь уже по слѣдамъ Буслаева и Пыпина, ранѣе выступившихъ на изученіе этой области древнерусской письменности; но и его собственныя изслѣдованія были нерѣдко чрезвычайно цѣнны. Сюда относится между прочимъ отмѣченный рядъ текстовъ, помѣщенныхъ въ „Лѣтописяхъ“, — оставшихся до того времени или совершенно неизвѣстными или мало обращавшихъ на себя вниманіе изслѣдователей, и иногда тѣмъ болѣе любопытныхъ, что по заглавію мало напоминали „свѣтскія“ повѣсти и сказанія, какъ напр. *Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской*, относящееся къ циклу сказаній о шутахъ и дуракахъ, которые при случаѣ могутъ провести „книжниковъ и ученыхъ философовъ“ или *Слово іеромонаха Евѳимія*, гдѣ приводятся, между прочимъ, различныя басни о волкѣ, ослѣ и т. п. Въ самое послѣднее время Тихонравовымъ былъ открытъ новый списокъ *Девгеніева Дѣянія:* замѣчательный рефератъ объ этомъ найденномъ спискѣ былъ прочтенъ имъ на VIII археологич. съѣздѣ въ Москвѣ, въ январѣ 1890 г., — но, по волѣ автора, рефератъ остался не напечатаннымъ (о рефератѣ была сдѣлана лишь небольшая замѣтка, просмотрѣнная Ти-

хонравовымъ, — („Занятія VIII Археол. съѣзда“, М., 1890, стр. 186—188).

Говоря о научныхъ трудахъ Тихонравова, по изученію апокрифической литературы и древнерусскихъ свѣтскихъ повѣстей и сказаній, какъ равно всего періода нашей старой, до-петровской письменности, нужно имѣть въ виду, что изученія эти Тихонравовымъ ставились всегда въ ближайшую связь съ изученіемъ литературныхъ произведеній, принадлежавшихъ собственно народной, или точнѣе простонародной литературѣ, — съ литературными произведеніями народныхъ массъ: эти связи именно и были особенно цѣнны въ глазахъ изслѣдователя! „Его привлекали, говоритъ Пыпинъ — не только извѣстные крупные памятники письменности, гдѣ новая рукопись могла доставить важные варіанты, но въ особенности такіе простые сборники, которыхъ одинъ растрепанный видъ, а иногда и малая грамотность — свидѣтельствовали о ихъ популярномъ происхожденіи и усердномъ чтеніи. Въ такихъ сборникахъ и тетрадкахъ Тихонравовъ находилъ тексты любопытныхъ произведеній полународной письменности, какъ напр. (названный сейчасъ) любопытный варіантъ „Девгеніева Дѣянія... „Эта полународная письменность доставляла матеріалъ для изученія старой легенды, апокрифическаго преданія, повѣстей и т. д. и указывала ихъ связь съ той популярной литературой, какая жила въ такъ наз. лубочныхъ картинахъ... Подобнымъ образомъ произведенія старой письменности установляли связь съ такими крупными и исключительными явленіями народной жизни, какъ расколъ, съ такими явленіями народной поэзіи, какъ современная легенда и народный стихъ и т. д. [Пыпинъ, — „Соч.“ Тихонравова, I, Спб. 1898, стр. XLVIII]. Во всемъ этомъ сказывались не только широкій научный интересъ, но и вѣянія быстро приближавшагося „народничества“. „Подобно И. С. Тургеневу, замѣчаетъ А. Д. Карнѣевъ — тамъ, гдѣ другіе находили успокоеніе и убѣжище эпоса, тамъ видѣлъ Тихонравовъ „трагическую судьбу племени, великую общественную драму“

[слова Тургенева въ *письмѣ къ Аксакову* объ односторонности славянофильскаго народолюбія, отъ 16 окт. 1852 г.]. Многія страницы „лекцій“ Тихонравова даютъ яркую картину многоразличныхъ переливовъ этой вѣковой драмы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ его курсъ о лѣтописяхъ, древнерусскихъ эпитимейникахъ и т. п.“. [Памяти Н. С. Тихонравова, стр. 77].—Изученіемъ произведеній собственно устной народной поэзіи, устнаго народнаго творчества, Тихонравовъ мало занимался; тѣмъ не менѣе и здѣсь ему принадлежали два замѣчательныхъ труда: *Рецензія на сборникъ Безсонова* „Калики Перехожіе“, напечатанная въ XXXIII прис. Демид. наградъ (Спб., 1864, стр. 193—229) и *Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка* [„Этногр. Обозрѣніе“, 1891, кн. VIII].

Почти исключительно трудамъ акад. Тихонравова обязана была своимъ первыми обслѣдованіемъ и область стариннаго русскаго театра. Первымъ опытомъ научнаго изученія этой, долго остававшейся въ тѣни, области нашей старой литературы была статья Пекарскаго: „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“, напечатанная въ „Современникѣ“ за 1857 г. (позднѣе, въ болѣе обработанномъ видѣ, статья вошла въ книгу: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.“, — 2 т. Спб., 1862). Предпринятый Тихонравовымъ цѣлый рядъ относящихся сюда изданій памятниковъ, вмѣстѣ съ ихъ обслѣдованіемъ, быстро подвинулъ изученіе малоизвѣстной дотолѣ области. Изъ болѣе раннихъ трудовъ Тихонравова рядъ относящихся сюда цѣнныхъ текстовъ мы видѣли уже въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“; особенно важнымъ трудомъ было изданіе *Жалостной комедіи объ Адамѣ и Евѣ*, — къ тексту которой, въ видѣ предисловія, приложена была обширная статья: *Начало русскаго театра*, долго служившая, вмѣстѣ съ статьей Пекарскаго, единственнымъ общимъ пособіемъ по изученію нашего стараго театра. Позднѣе Тихонравовымъ печатаются статьи: *Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра* (М., 1873), — *Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владимиръ“* [Ж. М. Н. Пр., 1879, ч. CCIII, кн. 5, стр. 52—96] и нѣкот. др

Въ 1874 году эти болѣе мелкія работы Тихонравова въ области стараго русскаго театра завершаются изданіемъ монументальнаго труда: *Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.* [два тома, Спб., 1874]. Передъ нами — почти полное собраніе нашихъ старыхъ драматическихъ произведеній, переводныхъ и оригинальныхъ, бывшихъ у насъ въ обращеніи въ концѣ XVII — нач. XVIII в. Тексты изданы съ полной научной строгостью, — по имѣющимся рукописямъ Имп. Публичн. Библіотеки, б-ки Академіи Наукъ, Московскаго Румянц. музея, Моск. Синод. б-ки, Московскаго Архива М-ва Иностр. Дѣлъ, Моск. Дух. Академіи, Моск. Успенскаго собора, Кіевск. Дух. Академіи и др. Изданіе, впрочемъ — лишь возможно полное. Подобныхъ пьесъ и въ древней и въ петровской Руси извѣстно было гораздо больше, — но многія видимо не сохранились! Такъ издателю не удалось найти ни *Есфири или Артаксерксова дѣйства*, ни *прохладной* (забавной) *комедіи о Товіи*, игранныхъ — какъ видимъ по прямымъ указаніямъ источниковъ — при дворѣ Алексѣя Михайловича, ни „комедій“ *объ Александрѣ Македонскомъ, о графинѣ Геновевѣ, о Франталпеѣ и Мирандонѣ* и др. Къ двумъ томамъ текстовъ приложена руководящая статья Тихонравова: *Репертуаръ русскаго театра въ первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія*, — статья, сравнительно небольшая по объему, но представляющая „замѣчательный вкладъ въ нашу ученую литературу по превосходному обозрѣнію драматической дѣятельности въ Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка“... [отзывъ Сухомлинова,—„Сборникъ II отд. Ак. Н“., т. X, стр. LII—LIII]. При всѣхъ имѣющихся на лицо достоинствахъ, изданіе было задумано гораздо шире: при текстахъ предполагались „примѣчанія“ и „словарь“. Въ примѣчаніяхъ имѣлось въ виду представить свѣдѣнія о рукописяхъ, по которымъ изданы пьесы, и спеціальныя историко-литературныя разысканія о происхожденіи и литературной исторіи каждой пьесы. Словарь долженъ былъ заключать въ себѣ новые матеріалы по исторіи русскаго литературнаго языка XVII — нач. XVIII в.; редакторъ между прочимъ имѣлъ въ виду по-

мѣстить здѣсь нѣкоторыя толкованія и объясненія словъ изъ такихъ памятниковъ, какъ *Лексиконъ* Памвы Берынды и русскіе *Азбуковники* XVII в., — а также „тѣ русскія рѣченія, варваризмы и неологизмы, которые употреблялись русскими переводчиками при передачѣ на родномъ языкѣ новой, неизвѣстной у насъ въ старину, литературной отрасли — драматической“... Къ сожалѣнію, ни „словарь“, ни „примѣчанія“, уже начатыя печатаніемъ и въ значительной долѣ напечатанныя, — не были окончены, и не могли войти въ изданіе! Растерянныя въ отдѣльныхъ листахъ, „примѣчанія“ имѣются лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, у самыхъ записныхъ библіографовъ... [см. Языкова, — „Памяти Н. С. Тихонравова, стр. 151]. Нельзя не пожалѣть, что столь цѣнныя „примѣчанія“ эти почему-то не помѣщены въ изданіи „Соч.“ [М., 1898] Тихонравова... Труды Тихонравова въ области стараго русскаго театра обнимаютъ собою почти наиболѣе цѣнное, сдѣланное наукой въ этой области почти до самаго послѣдняго времени. Рядомъ съ трудами Тихонравова здѣсь можно поставить лишь изслѣдованія проф. Веселовскаго [Старинный театръ въ Европѣ. М., 1870; Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater. Prag, 1876, и др.], и въ особенности капитальную монографію П. О. Морозова: Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII в. (Спб., 1888), къ которымъ примыкаютъ труды уже самаго послѣдняго времени, относящіеся къ исторіи русскаго театра — И. А. Шляпкина, М. И. Соколова, В. Н. Перетца, В. И. Рѣзанова, Н. М. Петровскаго и нѣкоторые другіе еще болѣе поздніе.

Выше мы подробно говорили о сдѣланномъ Тихонравовымъ изданіи *Слова о полку Игоревѣ:* трудъ былъ изданъ (М., 1866; вт. изд. — 1868) какъ учебное пособіе; но по цѣнности изысканій остается и до сихъ поръ весьма важнымъ чисто ученымъ изданіемъ... Незадолго до своей смерти Тихонравовъ открылъ новый памятникъ нашей старой письменности — *Хожденіе іеромонаха Варсонофія въ св. землю, въ 1466 году;* къ сожалѣнію, лишь краткое сообщеніе о па-

мятникѣ сдѣлано было въ „Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ“ [М., 1893, № 11].

Къ трудамъ по древней русской литературѣ принадлежитъ главнымъ образомъ и относящійся къ послѣднему періоду жизни и дѣятельности Тихонравова извѣстный трудъ его общаго характера: классическая *рецензія* на „Исторію русской словесности“ Галахова [„Отчетъ о XIX присужденіи наградъ гр. Уварова“, Спб., 1878, стр. 13—136]. Въ своемъ критическомъ разборѣ книги Галахова Тихонравовъ почти исключительно останавливается на той части труда, которая относится къ древнему, до-петровскому періоду исторіи русской литературы. Трудъ этотъ долженъ быть отнесенъ къ основнымъ общимъ пособіямъ по исторіи русской литературы. Въ скромной формѣ рецензіи ученый дѣлаетъ здѣсь превосходное обозрѣніе всего хода нашей древней литературы, сообщая мимоходомъ множество новыхъ фактовъ, представляя нерѣдко освѣщеніе не только отдѣльныхъ литературныхъ явленій и памятниковъ, но и цѣлыхъ отдѣловъ литературы, съ постановкой новыхъ научныхъ вопросовъ и т. д.

Очень важны были труды Тихонравова въ области новой русской литературы, — XVIII и XIX вв. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ этого рода, написанныхъ Тихонравовымъ еще на студенческой скамьѣ; болѣе поздними и болѣе важными его трудами здѣсь были многочисленныя изслѣдованія, замѣтки и матеріалы, относящіеся къ литературной дѣятельности Кантемира, Ѳ. Прокоповича, Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Карамзина, — въ области литературы XIX вв. Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Бѣлинскаго, цѣлаго ряда другихъ, менѣе замѣтныхъ дѣятелей въ исторіи русской литературы и образованія XVIII—XIX вв., и, наконецъ, въ особенности Гоголя. Помимо отмѣченныхъ выше, изъ напечатанныхъ трудовъ Тихонравова сюда относятся:

— *Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и литература въ 1812 году.* „Отеч. Зап.“, 1854, т. XCV, кн. 7, стр. 1—70.

— *Критическая статья о книгѣ М. А. Дмитріева:* „*Ме-*

лочи изъ запаса моей памяти". „Отеч. Зап"., 1855, ч. XCVIII, кн. 1, стр. 1—22.

— *Біографическіе очерки Баузе, Буле и Шварца.* „Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Моск. университета", т. I, М., 1855, стр. 68—89. 112—128 т. II, стр. 574—599.

— *Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира, съ пред.* „Библ. Зап."., 1858, № 3, стр. 65—74.

— *Кирьякъ Кондратовичъ, переводчикъ прошлаго столѣтія.* „Биб. Зап.", 1858, № 8, стр. 225—236.

— *Вступительная лекція, читанная 25 сент. 1859 года.* „Моск. Вѣд.", 1859, № 232. Первая лекція, которой открывалъ Тихонравовъ свои чтенія по исторіи русской литературы въ Моск. Университетѣ.

— *Письма профессоровъ Моск. университета къ попечителю Моск. учебнаго округа М. Н. Муравьеву.* „Чтенія Моск. О-ва ист. и древ. рос.", 1861, кн. 3, стр. 22—77.

— *Четыре года изъ жизни Карамзина, 1785—1788.* „Русск. Вѣстн.", 1862, кн. 4, стр. 732—749.

— *О литературной дѣятельности Ломоносова.* „Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова". М., 1855, стр. 78—88.

— *Критическая статья по поводу изданія П. А. Ефремова: „Матеріалы для ист. рус. литературы".* „Отеч. Зап.", 1867, ч. CLXXII, кн. 10, стр. 354—378.

— *Кіевск. митр. Евгеній Болховитиновъ.* „Рус. Вѣст.", 1869, кн. 5, стр. 1—38.

— *Письма М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову.* „Бесѣды въ Общ. любит. рос. словесности", 1871, т. III, стр. 72—86.

— *Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ, сочиненіе Попе, въ переводѣ Поповскаго.* „Рус. Архивъ", 1872, кн. 7—8, стр. 1311—1322.

— *Афиша временъ Петра Великаго.* „Рус. Стар"., 1875, т. XIII, стр. 436—437.

— *А. С. Пушкинъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Моск. Университета 6 іюня 1880 г.* „Вѣстн. Евр.", 1880, кн. 8, стр. 706—729.

— *Александръ Петровичъ Сумароковъ, современная его характеристика.* „Рус. Стар.“, 1884, кн. 3, стр. 609—618.

— *Приказъ Н. М. Карамзина своему бурмистру.* „Рус. Ст.“, 1884, кн. 7, стр. 114.

— *Ревизоръ, комедія Гоголя.* Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей, съ примѣчаніями, варіантами, приложеніями, со статьею: „Очеркъ исторіи текста комедіи *Ревизоръ*“ и снимки рисунковъ Гоголя. М., 1886.

— *Первое представленіе „Ревизора“ на московской сценѣ.* „Рус. Мысль“, 1886, кн. 5, стр. 84—105.

— *Н. В. Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щепкину.* „Рус. Стар.“, 1886, кн. 10, стр. 129—148.

— *„Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя, глава неизданной редакціи.* „Рус. Ст.“, 1887. кн. 3, стр. 711—731; кн. 4, стр. 63—89.

— *М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь.* „Артистъ“, 1890, кн. V, стр. 84—99.

— *Н. И. Новиковъ въ его перепискѣ съ кн. Н. Н. Трубецкимъ, 1816.* „Рус. Ст.“, 1890, кн. 9, стр. 457—467.

— *Законы „Дружескаго Литературнаго Общества“, основаннаго В. А. Жуковскимъ, 1801 года.* „Сборникъ О-ва Люб. Рос. Словесности“ на 1891 годъ“, М., 1891, стр. 1—14.

25) *„Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“, составленный Гоголемъ, и его повѣсть „Коляска“, въ первоначальномъ видѣ.* ib., стр. 24—54, 55—66.

— *Замѣтки о „Словарѣ“, составленномъ Гоголемъ.* ib., стр. 101—114.

— *Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка: рукописная сатира 1807 года.* „Рус. Ст.“, 1891, кн. 8, стр. 408—410.

— *Литературныя мелочи неурожайнаго 1786 года.* Сборникъ „Помощь голодающимъ“, М., стр. 535—556.

— *И. С. Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ, 1833—1834 гг.* „Вѣстн. Евр.“, 1894, кн. 2, стр. 708—724. Статья эта — „рѣчь“, произнесенная Н. С. Тихонравовымъ въ торжественномъ засѣданіи „Общ. Любит. Россійск. Словесности“, 31 октября 1893 г.. — менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до своей смерти...

— *Матеріалы для полнаго критическаго изданія сочиненій и переводовъ Д. И. Фонвизина.* Спб., 1894. Это — такъ наз. „Фонвизинскій Сборникъ“ Тихонравова, изданный Академіей Наукъ уже послѣ его смерти.

Къ позднѣйшимъ годамъ жизни и ученой дѣятельности Тихонравова относился монументальный трудъ его по изданію *Сочиненій Гоголя* (5 т., М., 1889—1890). Это — монументъ, вполнѣ достойный и великаго русскаго писателя, и вмѣстѣ — знаменитаго ученаго, съ такой лыбовью и такъ долго изучавшаго творенія писателя... Какъ въ свое время было замѣчено критикою, — изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное Тихонравовымъ, было „литературнымъ событіемъ“. Изданіе не только дало исправленный и дополненный текстъ, — результатъ многолѣтняго, самаго тщательнаго изученія оставшихся рукописей и печатныхъ изданій! — но вмѣстѣ съ этимъ, въ обширныхъ „примѣчаніяхъ“ редактора, представило подробную картину исторіи этого текста, исторію каждаго произведенія и всей литературной дѣятельности Гоголя, въ связи съ исторіей общаго внутренняго развитія самого писателя, — на столько все это возможно по имѣющимся на лицо рукописямъ или вообще оставшимся матеріаламъ. Передъ нами — не только сочиненія, но и самъ писатель, его внутренняя біографія, при отрывочности „примѣчаній“, правда, не имѣющая внѣшней послѣдовательности, какъ бы отрывочная, но вообще дающая такую массу новыхъ фактовъ, представленная съ такимъ знаніемъ, освѣщенная такою серьезною, тонкою критикою, что все это по своей научной важности не только безмѣрно превосходило все, сдѣланное дотолѣ по изученію Гоголя, но и вообще было для русской науки явленіемъ необычнымъ! Какъ важна и необходима была тщательная провѣрка — по рукописямъ и печатнымъ изданіямъ — самаго текста сочиненій Гоголя, можно видѣть уже изъ того, что изъ всѣхъ девяти предшествовавшихъ изданій только къ тремъ была приложена въ бо́льшей или меньшей степени редакторская работа, только при трехъ изданіяхъ печатавшійся текстъ хоть

нѣсколько — но далеко не въ достаточномъ размѣрѣ, крайне случайно, безъ всякой должной системы — свѣрялся съ рукописями, или вообще редакторъ выражалъ нѣкоторыя заботы объ установленіи правильнаго текста; во всѣхъ остальныхъ изданіяхъ текстъ лишь перепечатывался, — т. е. „опись (описка) прибавлялась къ описи и недописи", опечатки къ опечаткамъ. При такой системѣ изданія, естественно, каждое послѣдующее изданіе должно было быть хуже предыдущаго: къ чужимъ опечаткамъ и ошибкамъ неизбѣжно прибавлялись свои. Дѣйствительно послѣднее изъ прежнихъ изданій Гоголя — девятое — вышедшее за годъ до появленія изданія Тихонравова, было наихудшимъ... Тщательная ученая провѣрка была тѣмъ необходимѣе, что текстъ Гоголя, помимо обыкновенныхъ типографскихъ опечатокъ и искаженій, помимо очень значительныхъ искаженій цензурныхъ, — нерѣдко искажался намѣренно, видоизмѣнялся издателями, иногда пріятелями автора, иногда даже по его собственной просьбѣ... Вообще наиболѣе серьезнымъ предшественникомъ у Тихонравова былъ лишь Кулишъ *[Сочиненія и письма Н. В. Гоголя,* — семь томовъ, Спб., 1857—1859]. Вышедшее подъ его редакціей изданіе „сочиненій и писемъ" Гоголя было выполнено чрезвычайно тщательно и съ любовью къ писателю. Величайшей заслугой Кулиша было между прочимъ стремленіе къ возможно бо́льшему собранію рукописей сочиненій писателя, а также его писемъ и біографическихъ матеріаловъ — и прекрасный, для своего времени, провѣренный по рукописямъ, текстъ самыхъ сочиненій. Но изданіе Кулиша не было сколько-нибудь исчерпывающимъ въ отношеніи къ сличенію печатнаго текста съ рукописнымъ матеріаломъ, да и не могло быть таковымъ по самому времени своего появленія; особенно въ отношеніи къ письмамъ Гоголя, а равно и всѣмъ тѣмъ мѣстамъ его рукописей, гдѣ онъ самъ говоритъ что-либо о своихъ сочиненіяхъ. Изданіе было еще слишкомъ близко къ жизни писателя или лицъ, его окружавшихъ!.. „При тогдашнихъ условіяхъ, говоритъ В. И. Шенрокъ — Кулишъ долженъ

былъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны, приходилось на каждомъ шагу соображаться съ требованіями лицъ, ввѣрявшихъ ему документы, касающіеся Гоголя, съ другой стороны, прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированью именъ, наконецъ, приспособляться къ цензурнымъ условіямъ. Принимая все это въ соображеніе, можно только изумляться его замѣчательному искусству и энергіи, благодаря которымъ ему удалось дать изданіе, не превзойденное затѣмъ въ промежутокъ больше тридцати лѣтъ, напечатать письма, добываемыя съ бъ большимъ трудомъ и на стѣснительныхъ условіяхъ, наконецъ, составить цѣлый біографическій трудъ — въ то время, когда почти невозможно было подробно и откровенно говорить объ отношеніяхъ Гоголя къ разнымъ лицамъ, когда многіе факты и документы тщательно скрывались, а иные совсѣмъ не давали еще простора преждевременнымъ пока разъясненіямъ и изслѣдованіямъ"... Въ совершенно другихъ условіяхъ находился Тихонравовъ, — обратившій главное вниманіе на самую строгую, критическую свѣрку печатныхъ текстовъ съ рукописными матеріалами, на различныя видоизмѣненія текстовъ сочиненій Гоголя — въ зависимости или отъ ихъ внутренней отдѣлки, усовершенствованія, или отъ какихъ-либо другихъ, иногда совершенно постороннихъ, условій — и на историко-литературныя и автобіографическія комментаріи самыхъ сочиненій. Тихонравовъ поставилъ себѣ задачей — „пересмотрѣть всѣ рукописи Гоголя, какія только могли быть ему доступны, подробно сличить ихъ разнорѣчія (приводя безконечные, самые мелочные варіанты!), выдѣлить различныя редакціи каждаго произведенія — гдѣ было возможно — отъ первыхъ набросковъ до той формы, какую произведеніе Гоголя получило въ окончательной отдѣлкѣ; изъ рукописей Гоголя онъ хотѣлъ собрать все, что́ было написано великимъ писателемъ, до мелкихъ отрывочныхъ замѣтокъ въ записной книжкѣ; изготовляя текстъ сочиненій, онъ собиралъ малѣйшія разнорѣчія рукописныхъ копій и печатныхъ изданій,

исходившихъ отъ самого Гоголя"... Тщательность изученій нерѣдко доходитъ до подробностей, на первый взглядъ совершенно непонятныхъ, какъ бы даже совершенно излишнихъ и ненужныхъ: Тихонравовъ, напр., вездѣ между прочимъ обращаетъ вниманіе на качество почерка, на форматъ и клейма бумаги, на цвѣтъ и свѣжесть чернилъ, даже на типографскія опечатки или же описки писца... Но часто благодаря именно всему этому вноситъ существенныя поправки въ хронологію сочиненій Гоголя, — какъ извѣстно, довольно запутанную, запутанную иногда и не безъ участія самого автора"... [В. И. Шенрока, Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя. „Памяти Н. С. Тихонравова", стр. 95—96. 103. Пыпина. — „Соч." Тихонравова, I, стр. 92].

Нашъ очеркъ научной дѣятельности Тихонравова далеко не охватываетъ однако всего, сдѣланнаго Тихонравовымъ для науки исторіи русской литературы. Цѣлый рядъ его ученыхъ трудовъ остался ненапечатаннымъ, — иногда, повидимому, уже совершенно готовыхъ къ печати, не говоримъ о статьяхъ и изслѣдованіяхъ, почти законченныхъ, но печатаніемъ которыхъ онъ почему-либо медлилъ: не говоримъ, наконецъ, о длинномъ рядѣ его *университетскихъ курсовъ*, оставшихся лишь литографированными... Такъ, нельзя не пожалѣть, что осталось не напечатаннымъ уже его студенческое сочиненіе, за которое онъ получилъ золотую медаль: *О нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей*. — которое и вообще неизвѣстно, сохранилось ли; въ теченіе болѣе 30 лѣтъ оставался не напечатаннымъ другой ранній трудъ Тихонравова — *біографія Д. И. Фонъ-Визина*, написанная въ 1854—1855 гг. для задуманнаго Шевыревымъ и несостоявшагося юбилейнаго изданія: „Біографическая лѣтопись бывшихъ студентовъ Московскаго университета", — и напечатанная лишь послѣ смерти Тихонравова!.. Въ 1858—1859 гг. Тихонравовъ повидимому усиленно работалъ надъ біографіей Новикова, — которымъ онъ занимался, какъ мы видѣли, еще на студенческой скамьѣ: въ „Біографич. Запискахъ" уже въ 1858 г. редакціей сооб-

щалось: „Полная и отчетливая біографія Новикова требуетъ еще многихъ трудовъ и поисковъ; намъ пріятно сообщить, что надъ этой задачей работаетъ г. Тихонравовъ, съ прекрасными статьями котораго по исторіи русской словесности публика давно знакома“... Но этого труда мы не видимъ въ печати. О несостоявшемся третьемъ томѣ „Памятниковъ отреченной русской литературы“ мы уже говорили. Повидимому, около того же времени, по порученію „О-ва люб. рос. словесности“, Н. С—чемъ было приготовлено къ изданію *Собраніе сочиненій и переводовъ Кантемира*: но изданіе почему-то не состоялось. Въ 1863 г. Тихонравовымъ вмѣстѣ съ А. Е. Викторовымъ былъ приготовленъ къ изданію *Стоглавъ*, по списку XVI в. съ варіантами изъ мн. др. списковъ и приложеніемъ особой, оставшейся неизвѣстной, редакціи памятника, — но и это изданіе не вышло въ свѣтъ... Въ 1866 г. Тихонравовъ прочелъ *шесть публичныхъ лекцій по исторіи древней русской литературы*, а позднѣе, въ торжественномъ собраніи Московск. университета, рѣчь: *Карамзинъ въ исторіи русской литературы*, — какъ лекціи, такъ и рѣчь остались не напечатанными. Осталась не напечатанной и произнесенная Тихонравовымъ въ 1868 г. въ торжественномъ собраніи Моск. университета рѣчь *О Крыловѣ*. О „напечатанныхъ“ уже, по указанію Д. Д. Языкова, въ 1874 г. *примѣчаніяхъ* къ древнерусскимъ драматическимъ произведеніямъ — мы уже говорили... Въ 1874 году, на третьемъ археологическомъ съѣздѣ, въ Кіевѣ, Тихонравовъ прочелъ рефератъ: *Исторія статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, — но въ печати появилась лишь очень краткая замѣтка объ этомъ замѣчательномъ сообщеніи [„Труды III археол. съѣзда. Кіевъ, 1878, т. I, стр. LVIII—LIX]. Къ 1875 году относятся два, оставшихся ненапечатанными, реферата Тихонравова: *Черты народнаго русскаго быта въ до-петровскихъ памятникахъ духовной литературы*, прочитанный имъ въ засѣданіи этнографическаго отдѣла „О-ва любит. естествознанія“, и *Московская школьная драма въ первой половинѣ XVIII вѣка*, — въ засѣданіи „Общества любителей русской словесности“, и

т. д. и т. д. (См. Д. Д. Языкова: „Памяти Н. С. Тихонравова“, стр. 140, 141, 144, 147, 148—152, 155—157). Смерть застала знаменитаго ученаго среди самой усиленной научной дѣятельности. Помимо различныхъ открытій и рефераторовъ, относящихся къ самымъ послѣднимъ годамъ, даже, можно сказать, днямъ жизни ученаго, — въ 1892 г., за годъ до смерти, Тихонравовымъ было приготовлено къ изданію *Собраніе житій пр. Сергія Радонежскаго*, въ ихъ различныхъ редакціяхъ, а также чудесъ и похвальныхъ словъ святому (одно изъ нихъ было открыто самимъ Тихонравовымъ), съ историко-литературнымъ обзоромъ этихъ памятниковъ; въ томъ же 1892 году Тихонравовымъ начатъ былъ печатаніемъ упомянутый выше *Фонвизинскій Сборникъ*, какъ мы видѣли, вышедшій уже послѣ смерти автора...

Сравнительно съ ранѣе напечатаннымъ, — существенныя дополненія представляетъ посмертное изданіе *Сочиненій Тихонравова*, — М., 1898. Къ сожалѣнію, изданіе — далеко не полное! Почему-то сюда не вошли не только литографированные *университетскіе курсы* Тихонравова, часто превосходно обработанные, но и многое другое, какъ упомянутыя— уже „напечатанныя“ — *„примѣчанія“* Тихонравова къ древнерусскимъ драматическимъ произведеніямъ...

Плоды пятидесятилѣтней научной дѣятельности А. Н. Пыпина [род. 1833 г.; † 1904] столь обширны и разнообразны, что останавливаемся здѣсь лишь на важнѣйшихъ его трудахъ, относящихся собственно къ области исторіи русской литературы.

Научная дѣятельность Пыпина, какъ и Сухомлинова и Тихонравова — и по началу и по дальнѣйшему характеру, стояла въ тѣсной связи съ тѣмъ общимъ необычайнымъ подъемомъ во всей области нашей исторической науки, который съ такою силою обнаруживается у насъ съ конца „сороковыхъ годовъ“. Его труды возникаютъ

на широкой почвѣ тѣхъ новыхъ научныхъ взглядовъ, которые вырабатываются у насъ къ этому времени въ области „исторіи литературы“, какъ науки, и которые затѣмъ служатъ основнымъ русломъ всего послѣдующаго теченія всей русской исторической науки. Труды А. Н. Пыпина, рядомъ съ трудами цѣлаго поколѣнія другихъ, выступившихъ теперь молодыхъ научныхъ силъ — едва ли не составляли здѣсь наиболѣе сильную, могучую волну...

Разнообразіе научныхъ интересовъ, окружавшихъ молодого ученаго, могущественное вліяніе общаго научнаго возбужденія — сказывается уже на разнообразіи первыхъ работъ Пыпина. Эти работы одновременно, разомъ идутъ въ области русскаго языка, славяно-русской палеографіи, древнерусскихъ апокрифовъ, свѣтской повѣсти и сказаній, въ области памятниковъ народной поэзіи, въ области русской литературы XVIII вѣка, наконецъ — по самой теоретической постановкѣ вопросовъ изученія исторіи русской литературы. Таковы наиболѣе ранніе, быстро появляющіеся одинъ за другимъ въ печати, труды Пыпина: *Словарь къ первой новгородской лѣтописи* („Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русскаго языка“, т. II. СПб., 1854 ст. 34—99); — *Матеріалы для славянской палеографіи изъ „Опис. Румянц. Музеума“* Востокова („Уч. Записки Имп. Ак. Н.“, кн. II, СПб., 1856, стр. 1—58), сводъ палеографическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ трудѣ Востокова, до сихъ поръ не потерявшій значенія; — *Очерки изъ старинной русской литературы* („Отеч. Зап.“ (1855); — *О романахъ въ старинной русской литературѣ* („Соврем.“, 1854, декабрь, стр. 59—110); — *Старинные апокрифы* („Отеч. Зап.“, 1857, № 11); — критическая статья по поводу *„Русскихъ народныхъ сказокъ“ Афанасьева* („Отеч. Зап.“, 1856, №№ 4—5); — *Владиміръ Лукинъ*, кандидатская диссертація Пыпина, отрывки изъ которой, помѣщенные въ „Отеч. Зап.“ (1853, №№ 4—5), были первой печатной работой будущаго академика; — наконецъ, критическая статья Пыпина на книгу Милюкова: „Очеркъ исторіи русской поэзіи“ (СПб., 1848). Своимъ содержаніемъ всѣ эти работы говорили не только

о широкомъ пониманіи задачъ предмета, — но и о совершенно новой его постановкѣ. Уже въ этихъ первыхъ работахъ нельзя не видѣть постояннаго вниманія изслѣдователя къ историческому факту, стремленій къ выясненію историческаго значенія, внутренняго, органическаго развитія изучаемаго историко-литературнаго явленія, къ уясненію за наличностью факта его внутренняго значенія и смысла. Уже здѣсь изслѣдователь выдвигаетъ важное культурное значеніе нашей старой переводной повѣсти, поднимаетъ вопросъ о вліяніи Востока на древне русскую литературу, приступаетъ къ изученію русской журналистики XVIII вѣка, цѣлую монографію посвящаетъ выясненію литературной дѣятельности очень малоизвѣстнаго писателя... Критическая статья о книжкѣ Милюкова являлась любопытной иллюстраціей столкновенія старыхъ литературныхъ взглядовъ съ новыми. Милюковъ былъ представителемъ нашей старой эстетической школы, и въ своемъ „Очеркѣ“ въ сущности повторялъ взгляды, высказанные еще Бѣлинскимъ. Слабость историческаго начала, чтобы не сказать полное его отсутствіе, характеризующее взгляды нашей эстетической критики сороковыхъ годовъ, особенно типично сказывалась въ совершенномъ отрицаніи всякихъ связей новой, послѣ-петровской литературы съ старой письменностью — и въ вытекающей отсюда оцѣнкѣ и этой до-петровской письменности и всей нашей народной поэзіи. Въ своей статьѣ Пыпинъ главнымъ образомъ останавливается на разборѣ этихъ двухъ основныхъ пунктовъ старой критики. „Не ищите сходства въ „пирахъ“ князя Владимира — читаемъ въ книжкѣ Милюкова — ни съ пѣснями объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, ни съ поэмами о Карлѣ Великомъ, носящими на себѣ печать среднихъ вѣковъ, ни съ Нибелунгами, этой героической поэмой, вполнѣ проникнутой духомъ нѣмецкаго рыцарства и отличающейся обдуманной цѣлостію плана и изящнымъ выраженіемъ. Въ нашей пѣснѣ видимъ совершенно иной характеръ...“ — „Сходства съ Нибелунгами и поэмами о Карлѣ Великомъ и нельзя искать въ нашихъ пѣсняхъ, возражаетъ Пыпинъ, — потому что эти поэмы и

пѣсни о Владимировыхъ богатыряхъ — явленія, совершенно разнородныя: однѣ — литературныя произведенія, выросшія на почвѣ народной, но по исполненію болѣе или менѣе искусственныя; другія — непосредственныя проявленія поэтическаго чувства народа, не тронутыя и не собранныя въ одно цѣлое талантливой рукой образованнаго поэта..." Переходя ко второму пункту, Пыпинъ замѣчаетъ: „Быстрый успѣхъ реформы служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что реформа встрѣтила общество уже приготовленнымъ къ катастрофѣ, которая должна была похоронить старину навѣки. Люди, бывшіе усердными помощниками Петра, не все же были легкомысленные и пустые, которымъ ничего не стоило отступиться отъ старыхъ привычекъ; они могли сочувствовать цѣли, которую указывала имъ реформа... Мы не привыкли всматриваться въ литературныя явленія стараго времени, — мы могли бы замѣтить, что литература XVII вѣка довольно рѣзко отдѣляется отъ прежней письменности..." и т. д. („Атеней", 1858, № 25, стр. 555).

Спеціальныя изученія А. Н. Пыпина уже рано сосредоточиваются въ области древнерусской литературы, преимущественно въ двухъ, только что начавшихся тогда изученіемъ, ея областяхъ: древнерусскихъ апокрифовъ, древнерусскихъ „отреченныхъ книгъ", и въ области старинныхъ русскихъ повѣстей и сказаній.

Область древнерусскихъ апокрифовъ до самаго начала пятидесятыхъ годовъ оставалась совершенно незатронутой изученіями, — самые памятники оставались совершенно неизвѣстными. Все, что́ было сдѣлано здѣсь, ограничивалось отрывочными замѣчаніями, разбросанными въ „Описаніи Румянц. Муз." Востокова. Первыя серьезныя изслѣдованія, въ слѣдъ за Буслаевымъ, принадлежали здѣсь Тихонравову и Пыпину, труды которыхъ начались почти одновременно; впрочемъ, изслѣдованія Пыпина въ печати появились раньше... Статья Пыпина: *Древняя русская литература. I. Старинные апокрифы. II. Хожденіе Богородицы по мукамъ* („Отеч. Зап.", 1857, ноябрь) была первой спеціальной работой, посвященной древнерусской апокрифической письмен-

ности, первой попыткой указать историко-литературное значеніе славяно-русской апокрифической литературы. Авторъ особенно подчеркиваетъ значеніе этой области древнерусской литературы, — въ противовѣсъ увлеченіямъ миѳологической теоріей. Статья представляла общую характеристику древнерусскихъ „отреченныхъ“ памятниковъ, — съ присоединеніемъ спеціальнаго изслѣдованія одного изъ нихъ, до сихъ поръ столь популярнаго въ нашемъ народѣ, извѣстнаго „Хожденія Богородицы по мукамъ“. Въ послѣднемъ отношеніи статья — столь обстоятельна, что, по замѣчанію позднѣйшаго историка литературы, „и теперь, исключая мелочей, почти нечего прибавить къ общимъ соображеніямъ автора“...

Въ интересахъ научнаго изученія, необходимо было прежде всего фактическое, непосредственное знакомство съ вновь открытой областью, — и въ этомъ отношеніи наиболѣе значительный починъ принадлежалъ также Пыпину. Разумѣемъ изданныя подъ его редакціей *Ложныя и отреченныя книги русской старины* [СПб., 1862; одинъ изъ томовъ предпринятыхъ тогда на средства гр. Кушелева-Безбородко „Памятниковъ старинной русской литературы“: т. I—IV, СПб., 1860—1862]. Изданный томъ представлялъ довольно обширное собраніе произведеній древнерусской апокрифической литературы, тѣмъ болѣе цѣнное, что было первымъ собраніемъ этого рода произведеній нашей старой письменности, первымъ опытомъ обнародованія книжной области, лишь только что начинавшей быть извѣстною, да и то больше по слухамъ... Изданіе А. Н. Пыпина было встрѣчено необыкновенно суровой критикой Тихонравова („Рус. Вѣстн.“, 1862, январь, стр. 415—446). Обширная критическая статья указывала дѣйствительно на многіе существенные недочеты изданія. Тихонравовъ, какъ мы видѣли, самъ занимавшійся въ это время спеціальными изученіями въ области древнерусскихъ апокрифовъ, справедливо доказывалъ, что „въ основу исторіи отреченной русской литературы“ должна быть положена критическая разработка *индекса* запрещенныхъ книгъ. „Г. Пыпину — писалъ рецен-

зентъ — прежде всего слѣдовало выяснить себѣ объемъ и содержаніе русской „отреченной“ литературы, на основаніи русскаго „индекса“ и полемическихъ указаній въ другихъ памятникахъ русской литературы, — въ „Стоглавѣ“, „Домостроѣ“, писаніяхъ Максима Грека и др... Къ сожалѣнію, г. Пыпинъ въ своемъ изданіи часто оставлялъ руководство „индекса“ — и печаталъ въ своемъ сборникѣ такія книги, которыя русская старина не считала ни „ложными“, ни „отреченными...“ Г. Пыпинъ руководствуется какими-то особыми соображеніями при опредѣленіи истинности и ложности древнихъ русскихъ памятниковъ... Г. Пыпинъ не обращалъ особеннаго вниманія на составъ и значеніе тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ выписывалъ свои „отреченныя книги“, — и потому ни одинъ разъ сокращеніе и выписку принималъ за самую книгу... Бо́льшая часть ложныхъ книгъ, извлеченныхъ г. Пыпинымъ изъ „Палеи“ — продолжаетъ авторъ рецензіи — представляетъ памятники не въ настоящемъ, истинномъ видѣ ихъ, а въ самой обезображенной и изуродованной формѣ — то съ огромными посторонними наростами, то въ жалкихъ отрывкахъ. А между тѣмъ самой легкой критики рукописи достаточно было для того, чтобы избѣжать этого легкомысленнаго искаженія нашей старой отреченной литературы. Самое бѣглое, поверхностное сравненіе разныхъ списковъ „Палеи“ убѣдило бы г. Пыпина, что та редакціи „Палеи“, которою онъ пользовался, есть результатъ длинной литературной исторіи этого памятника на русской почвѣ...“ И т. д. и т. д. Мы не безъ цѣли привели эти выдержки изъ рецензіи: самая требовательность ихъ значительно подрывала ихъ справедливость. Безспорно, самой лучшей постановкой дѣла является то, когда изданію памятника предшествуетъ всестороннее его изученіе. Но это приложимо лишь къ отдѣльнымъ, единичнымъ памятникамъ, да и то бываетъ не всегда осуществимо; чаще всего изданіе матеріала по необходимости должно предшествовать спеціальному изученію, — обусловливаетъ его собою. Послѣднее является даже неизбѣжнымъ, въ случаѣ особой обширности матеріала, — какъ это и было

нменно здѣсь... Недостатки изданія Пыпина были результатомъ крайней недостаточности всей тогдашней научной разработки затронутой области, — результатомъ полнаго отсутствія такой разработки. Вновь открытая область была столь обширной и столь сложной для изученія, что быстро оріентироваться въ ней не было никакой возможности; приходилось поневолѣ идти ощупью и брать то, что̀ прежде всего попадалось подъ руку. Для науки было огромнымъ пріобрѣтеніемъ и то, что̀ давалась изданіемъ. Какъ уже мы замѣтили, это было первое болѣе или менѣе обширное собраніе у насъ подлинныхъ древнерусскихъ апокрифныхъ текстовъ, — и задачей лишь послѣдующихъ спеціальныхъ изученій могло явиться указаніе, гдѣ въ этихъ текстахъ „сокращеніе или выписки“ и гдѣ „самая книга“. Эти послѣдующія изученія, — какъ теперь мы видимъ изъ современнаго состоянія научной разработки этого вооруса, — фактически доказали, въ какой степени недостаточно было здѣсь „самой легкой критики...“ Въ послѣднемъ, впрочемъ, вѣроятно, уже скоро убѣдился и самъ суровый критикъ: предпринятое имъ изслѣдованіе „Отреченныхъ книгъ древней Руси“, приложеніемъ къ которому должны были быть изданные имъ въ 1863 г. „Памятники отреченной русской литературы“, какъ извѣстно, осталось не доконченнымъ... „Длинная литературная исторія Палеи“, при цѣломъ рядѣ изслѣдованій, начинаетъ фактически выясняться лишь въ самое послѣднее время... Нельзя въ значительной степени не согласиться и съ частнымъ возраженіемъ, которое дѣлалъ тогда же Пыпинъ на укоры Тихонравова въ недостаточномъ пользованіи указаніями „индекса“. Пыпинъ справедливо возражалъ, что „индексы“ не всегда и могутъ служитъ мѣриломъ апокрифовъ, такъ какъ, съ одной стороны, заключаютъ произведенія, не извѣстныя въ нашей письменности, съ другой — не представляютъ такихъ названій апокрифовъ, какія даетъ наша литература. Какъ историкъ культуры, а не теологъ, Пыпинъ и позволилъ себѣ ввести въ объемъ славяно-русской апокрифической литературы нѣсколько произведеній, не упоминаемыхъ въ „индек-

сахъ", другія отнести къ апокрифамъ не по заглавію, а по внутреннимъ признакамъ (Ср. Владимирова, Научное изученіе апокрифовъ-отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ, стр. 15). Нельзя мимоходомъ не замѣтить и того, что и самый „индексъ" древнерусскихъ отреченныхъ книгъ, на важности изученія котораго такъ настойчиво указывалъ въ рецензіи Тихонравовъ, — въ своей литературѣ наиболѣе обстоятельнымъ трудомъ, явившимся тогда же, обязанъ былъ А. Н. Пыпину (*Изслѣдованіе для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ*. „Лѣтопись занятій археогр. комиссіи", 1861, вып. I, стр. 1—55); болѣе подробное обслѣдованіе исторіи „индекса", предпринятое много позднѣе самимъ Тихонравовымъ, не было окончено или не получило обнародованія въ полномъ, законченномъ видѣ... Вообще, научное изученіе обширной области древнерусскихъ апокрифовъ на первыхъ порахъ фактически все же весьма многимъ обязано было раннимъ трудамъ А. Н. Пыпина, — которые не теряли всего своего серьезнаго значенія даже рядомъ съ трудами здѣсь такого знатока этой области, какимъ уже рано выступаетъ Тихонравовъ[1]).

Одновременно идутъ обширныя изслѣдованія молодого ученаго въ области древнерусскихъ свѣтскихъ повѣстей и сказаній. Отчасти мы уже упоминали относящіяся сюда его статьи: *О романахъ въ старинной русской литературѣ* („Современникъ", 1854, декабрь, стр. 59—110); *Очерки изъ старинной русской литературы*. I. *Сказка „Тысячи и одной ночи" въ русскомъ переводѣ XIII—XIV в.* („Отеч. Зап.", 1855, т. XCVIII, стр. 109—150); II. *Русскія редакціи средневѣковыхъ*

---

[1]) Кромѣ названныхъ, — сюда относились слѣдующія раннія работы Пыпина: *Народные стихи и пѣсни извлеченные изъ рукописей*. „Отеч. Зап.", 1858, т. CXVI, стр. 301—340. — *Ложныя и отреченныя книги русской старины*. „Рус. Слово", 1862, № 2. стр. 42—88. — *Замѣтки о рукописной литературѣ простого народа*. I. *Старовѣрческій стихъ объ Андреѣ Денисовѣ*. „Библ. Зап.", 1858, т. I, стр. 49—55. — *Громовникъ* (рукопись Имп. Вѣнской библіотеки). „Архивъ" Калачова, 1861, кн. I, стр. 8—12. — *Для исторіи ложныхъ книгъ*. (Трепетникъ. Дни добрые и злые. Раели). „Архивъ" Калачова, 1860, II, отд. V, стр. 15—27.

сказокъ объ Александрѣ („Отеч. Зап.“, 1855, т. CII, стр. 1—44); III. *Старинный переводъ „Римскихъ Дѣяній“*. IV. *Нѣсколько новеллъ Боккаччьо въ русской литературѣ XVII в.* („Отеч. Зап.“, 1857, т. CX, стр. 443—465); *Старинные сказки о царѣ Соломонѣ* („Извѣстія II отд. Ак. Наукъ“, т. IV, стр. 337—353; *Дополненіе къ названной статьѣ*, — т. V, 1856. стр. 61—64); *Шемякинъ судъ* („Архивъ историч. и практич. свѣд.“, Калачова, 1859 IV, стр. 1—10), — завершившіяся вскорѣ появленіемъ обширнаго классическаго труда: *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ* („Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ“, т. IV, СПб., 1858, и отдѣльно — СПб., 1857). Останавливаемся нѣсколько на послѣднемъ изслѣдованіи.

Авторъ начинаетъ съ общаго выясненія важности научныхъ изученій взятой имъ области, — до того времени совершенно вычеркивавшейся изъ общихъ рамокъ нашей литературной исторіи. „Въ литературѣ не развитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истинаго употребленія силъ — говоритъ изслѣдователь — иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленныя стремленія фантазіи, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапные порывы и лѣнивая неподвижность, — выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности безсознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародышей новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязнность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея

невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются *симптомы жизни* въ литературѣ, начинающей свое существованіе“... Рядомъ съ признаками жизни, свидѣтельствующими объ общемъ историческомъ развитіи въ сферѣ народной мысли, — изслѣдователь указываетъ и другія любопытныя стороны въ исторіи нашей старинной повѣсти: „Она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; она занимала читателя своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны, повѣсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала“... Авторъ такъ намѣчаетъ главныя вопросы своего изслѣдованія: „Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато расцвѣтшая въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? Насколько было въ ней начала самостоятельнаго, или — если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чужому вліянію и пользовалась чужими богат ствами — гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій?“...

Изслѣдователь прежде всего отмѣчаетъ особенную бѣдность въ этомъ отдѣлѣ нашей старой письменности произведеній „самобытно-русскихъ“, — указывая здѣсь же и причину этой бѣдности: отсутствіе въ нашей древней литературѣ, съ первыхъ же моментовъ ея возникновенія, тѣсной, органической связи съ произведеніями живой, устной народной поэзіи. „Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, — напротивъ, наша народная словесность, какъ болгарская и сербская, издавна заключилась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе... Извѣстныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль

литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободнаго выраженія началъ народно-поэтическихъ"... Отсутствіе повѣсти самобытно-русской, оригинальной — открывало тѣмъ бо́льшій просторъ произведеніямъ этого рода иноземнымъ, переводнымъ. Отсюда обширная популярность за весь древній періодъ нашей литературы произведеній этого рода переводныхъ, наплывъ въ ней разнаго рода иноземныхъ повѣстей и сказаній, въ которыхъ находили пищу любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ разсказамъ нашихъ древнихъ грамотниковъ. Первыми, болѣе ранними здѣсь были повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы, относившіяся къ древнѣйшему періоду нашей письменности. Византійская литература легко могла удовлетворять потребность старославянской письменности: она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и Востока. „Византія, съ одной стороны, сообщала арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы, творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Птоломея, Платона; съ другой — сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ. По связямъ съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанія западно-европейскія"... Для насъ ближайшую роль играло здѣсь посредничество южныхъ славянъ, — принесшихъ намъ на первыхъ же порахъ цѣлый рядъ подобныхъ произведеній.

Отличительная черта болѣе раннихъ древнерусскихъ повѣстей нашихъ (переходившихъ приблизительно до XIV—XV вѣковъ) состояла, по наблюденіямъ изслѣдователя въ томъ, что онѣ „принимаемы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей", и потому на нихъ уже скоро сказался „русскій оттѣнокъ"; „въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о рус-

скомъ бытѣ и съ выраженіями господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени"... Иной характеръ носитъ наша переводная повѣсть болѣе поздняго времени. „Произведенія письменности южно-славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ количествѣ, уже около XVI столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность. Читалось и списывалось только то, что̀ осталось отъ предыдущей эпохи... Поэтому XIV—XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки бо́льшею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, — обнаружившаго бо́льшую любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти. Оставаясь, какъ и прежде, переводною, по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе разсказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ грековъ, приносившихъ съ собой разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Взамѣнъ того, образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы"... Впрочемъ, прямыхъ, непосредственныхъ связей съ западной Европой и теперь почти не было: новая переводная повѣсть шла къ намъ съ Запада черезъ Польшу. Значеніе польской литературы въ этомъ отношеніи, сначала едва замѣтное, дѣлается все болѣе могущественнымъ къ XVII столѣтію, — являясь въ это время „такимъ же главнымъ источникомъ старинаго популярнаго чтенія, какъ прежде византійскій или южно-славянскій"...

Переходившіе къ намъ черезъ Польшу западные по-

вѣсти и романы, представляя для историка интересъ и сами по себѣ, по своей роли въ нашей литературѣ, — любопытны и по отношенію къ средневѣковой романтической литературѣ. Бо́льшая часть и византійскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежитъ къ кругу поэтическихъ созданій, такъ называемыхъ „странствующихъ“ (wandernde Dichtungen). При всемъ различіи происхожденія — восточнаго или западнаго, азіатскаго или европейскаго — „странствующіе разсказы“ сходны были въ одномъ: своей всеобщей извѣстности; каждое болѣе или менѣе интересное сказаніе или повѣсть расходились повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою физіономію, получали длинную литературную исторію, не лишенную характеристическихъ особенностей... „Памятники русской старинной письменности *еще на одну степень* раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи“. Иногда болѣе позднее русское сказаніе, относящееся къ этой области подтверждаетъ родственность того или другого памятника германскаго эпоса съ преданіями византійскими, — указываетъ на извѣстность въ византійской литературѣ тѣхъ или другихъ преданій Востока и т. д. Изученіе относящихся сюда русскихъ старинныхъ сказаній является, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ, иногда существеннымъ, общей литературной исторіи „странствующихъ разсказовъ“.

Попытки нашей самостоятельной повѣсти были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія между прочимъ и потому, что повѣсть постоянно подчинялась требованіямъ историческаго изложенія. Во множествѣ старинныхъ историческихъ повѣстей, жизнеописаній или сказаній о замѣчательныхъ событіяхъ, нерѣдко можно замѣтить участіе народно-поэтическаго преданія; но всегда оно затемняется рутинною сухостью изложенія, и смѣшанное съ чисто историческимъ разсказомъ, не получало отдѣльнаго развитія, такъ что эти сказанія имѣютъ почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повѣсти, при-

надлежащія вполнѣ области фантазіи — или составлены по чужимъ образцамъ или же безцвѣтны по мысли и изложенію, несмотря на нѣкоторые пріемы, свойственные народной поэзіи. Примѣровъ легкой, забавной повѣсти, взятой изъ русскаго быта, въ родѣ *Сказанія о Саввѣ Грудцынѣ*, *Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ* — до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляютъ цѣлаго направленія. „Эти повѣсти вообще любопытны по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣленны, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму".

Въ XVII отолѣтіи явилось желаніе воспользоваться и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повѣстями и сказаніями стали записывать и свои. Такъ, извѣстный *Стихъ о Голубиной книгѣ* уже встрѣчается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожалѣнію, подобныя попытки обнаруживались рѣдко и не передали намъ народныхъ сказаній въ той одеждѣ, какую носили они два вѣка тому назадъ и раньше: сказки и былины явились впервые въ XVIII столѣтіи въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, но за то пострадали отъ книжниковъ и передѣлывателей. Какъ много замѣчательныхъ подробностей могли бы сохранить старинные списки, можно судить по прекрасному тексту повѣсти *о Горѣ-Злочастіи*...

Связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ — во все продолженіе нашей древней литературы продолжала оставаться въ общемъ крайне слабой и случайной. „Народный эпосъ во всю эту эпоху сберегался только въ устахъ самого народа..." Впрочемъ, связи и отношенія все же были, — хотя чаще всего чисто внѣшнія. Какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по старинамъ сборникамъ, многое преобразовывалось въ иныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда. Чужія повѣсти иногда особенно привлекали къ себѣ вниманіе русскихъ читателей по какимъ-нибудь отдѣльнымъ чертамъ своего содержанія, получали особенную популярность, распространяясь въ массѣ списковъ, продол-

жавшихъ постоянно подновляться. При постоянномъ переписываніи, не только внѣшнія подробности сглаживались подъ русскія формы, но и самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. Въ большинствѣ случаевъ, усвоеніе переводной повѣсти на этомъ и останавливалось. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ усвоеніе чужого произведенія шло и гораздо дальше, — герои переводныхъ повѣстей изображались тѣми же красками, какъ богатыри народныхъ сказокъ и былинъ. Такъ, итальянскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ русскую народную *Сказку о Бовѣ королевичѣ*... Особенно много заимствованныхъ разсказовъ заключаютъ въ себѣ наши *лубочныя изданія*, — съ XVIII вѣка занимающія у насъ такое видное мѣсто въ народномъ чтеніи.

Съ другой стороны, чисто-народныя произведенія подвергались вліянію книжному. Въ произведенія народнаго творчества легко могли проникать тѣ или другія отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія, — повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ и т. п. содержаніе, столь привлекательное для народной фантазіи, которымъ полны были такіе средневѣковые сборники, какъ „Физіологъ“ и другія бывшія столь же популярными произведенія западной средневѣковой литературы, и которое легко переходило отсюда въ пѣсню, былину, сказку. Иногда народная поэзія заимствовала изъ книжныхъ преданій и повѣстей цѣлые сюжеты, — когда эти сюжеты слишкомъ близко затрогивали народное чувство, слишкомъ близко стояли къ общему религіозному настроенію народной массы. Отсюда — собраніе цѣлой области *духовныхъ стиховъ*. Наконецъ, на народную поэзію могла вліять и непосредственно *книжная* повѣсть. Этимъ объясняется, что въ нашихъ былинахъ Владимірова цикла рядомъ съ народными богатырями выступаютъ иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ „Полканъ-богатырь“, или встрѣчаются такія заносныя отдѣльныя черты, какъ „мечъ-кладенецъ“ въ сказкахъ и т. п.

Какъ видимъ изъ изложеннаго, изслѣдователь захва-

тываетъ матеріалъ „старинной русской повѣсти“ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По плану изслѣдователя, въ область „старинной русской повѣсти“ должны бы были войти два главные вопроса: одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмѣщавшаго въ себѣ различныя сказанія среднихъ вѣковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Въ виду крайней недостаточности матеріаловъ (въ то время) по отношенію къ эпосу чисто-народному, — изслѣдователь „ограничивается“ въ своихъ изслѣдованіяхъ „только“ матеріалами старинной рукописной литературы повѣстей или популярнаго чтенія... Нѣтъ нужды замѣчать объ обширности взятыхъ границъ. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ содержаніемъ труда: передъ нами подробное обслѣдованіе всего рукописнаго матеріала нашихъ старинныхъ повѣстей и сказаній, — насколько послѣдній былъ извѣстенъ въ то время, обширная и документальная его исторія, въ связи съ предшествовавшими судьбами каждой взятой повѣсти въ литературѣ западно-европейской. Авторъ начинаетъ съ повѣстей византійскихъ и южно-славянскихъ, съ сказаній *объ Александрѣ Македонскомъ* и *повѣстей о Троянской войнѣ;* далѣе переходитъ къ *Слову объ Акирѣ премудромъ, Сказанію объ Индійскомъ царствѣ,* къ *сказаніямъ о Вавилонскомъ царствѣ,* обширному циклу *сказаній о Соломонѣ,* — къ *Слову о 12-ти снахъ Мамеря царя,* къ *Исторіи Варлаама и Іосафата,* вообще притчамъ религіозно-нравственнаго содержанія, далѣе къ *баснямъ Бидпая* или *Стефаниту и Ихнилату,* переводамъ Эзопа, — къ такимъ сборникамъ, какъ *Зрѣлище житія человѣческаго,* представляющимъ крайнее развитіе морализаціи въ области старой западно-европейской басни, когда мораль уже „не слѣдитъ строго за сохраненіемъ разсказа и дѣлаетъ примѣненія, которыя вовсе не вытекаютъ изъ басни“, — далѣе къ *Римскимъ Дѣяніямъ* и отдѣльнымъ разсказамъ изъ того же сборника, *Зерцалу Великому* и вообще историческимъ разсказамъ нравоучительнаго содержанія. Авторъ затѣмъ переходитъ къ обширному отдѣлу рыцарскихъ романовъ, — *книгѣ о Мелюзинѣ, Исторіи Петра Златые-Ключи, Аполлонѣ королѣ Тир-*

скомъ. Исторіи о Бовѣ королевичѣ. — къ такимъ переводнымъ произведеніямъ, переходившимъ къ намъ одновременно съ первыми, какъ *Семь Мудрецовъ. Апофегматы.* обширный отдѣлъ „смѣхотворныхъ повѣстей“ и „фацецій“... Передъ нами чуть не вся средневѣковая западно-европейская беллетристика, — насколько она отразилась въ русской старинной „повѣсти“! Останавливаясь съ особыми подробностями на ея западно-европейской генеалогіи, изслѣдователь не забываетъ постоянно указывать ея чисто-русскія примѣненія, русскія интерполяціи и варіанты, нерѣдко весьма характерные. Здѣсь же по пути изслѣдуются произведенія болѣе оригинальнаго происхожденія, а отчасти и чисто-русскія, — или стоявшія болѣе или менѣе въ зависимости отъ приходившаго иноземнаго матеріала или бывшія только параллельными ему, болѣе или менѣе самостоятельные „опыты русской повѣсти“, какъ *сказаніе о Саввѣ Грудцынѣ, повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ*... Въ заключеніе авторъ удѣляетъ нѣсколько страницъ произведеніямъ народной словесности, *сказкамъ* и *былинамъ*, попавшимъ въ наши старыя рукописи, – нашимъ первымъ записямъ подобныхъ произведеній; сюда же присоединяетъ цѣлый рядъ такихъ произведеній, какъ *повѣсть о Горѣ-Злочастіи, Шемякинъ судъ, повѣсть о Еремѣ и Олмѣ*, — о которыхъ нельзя не замѣтить, что они могли бы съ бо́льшимъ правомъ занять свое мѣсто въ предшествовавшихъ частяхъ очерка... Огромность обслѣдованнаго матеріала, повидимому, подъ конецъ нѣсколько утомила изслѣдователя: послѣднія страницы его классическаго „Очерка“ производятъ впечатлѣніе добавочныхъ черновыхъ замѣтокъ, обработать которыя, повидимому, не успѣлъ авторъ...

Трудъ Пыпина сдѣлалъ эпоху въ изученіи взятаго отдѣла нашей старой литературы. Передъ русской наукой разомъ открылась цѣлая невѣдомая область, — одновременно подвергнутая и самому тщательному, документальному изученію. По обширности захваченнаго къ изученію матеріала, по эрудиціи и тщательности изученія, — трудъ Пыпина являлся событіемъ и для всей тогдашней нашей

науки, только что начинавшей становиться на ноги, совсѣмъ не пріученной къ подобнаго рода изслѣдованіямъ! „Очеркъ“ Пыпина не только во все послѣдующее время являлся исходнымъ пунктомъ для каждой спеціальной работы въ области нашей старинной повѣсти, — но продолжаетъ вполнѣ сохранять это значеніе и до сихъ поръ; сохранитъ, повидимому, и на очень еще долгое время...

Наиболѣе ранней работой А. Н. Пыпина въ области новой русской литературы была упомянутая его кандидатская диссертація: *Владиміръ Лукинъ* („Отечественныя Записки“, 1853, № 4—5). Монографія и до сихъ поръ остается лучшимъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ этому второстепенному, но любопытному писателю нашего XVIII вѣка (позднѣе статьи Пыпина были перепечатаны, съ небольшими сокращеніями, при изданіи „Соч.“ Лукина, — СПб., 1867). Изслѣдованіе, какъ оно было помѣщено въ „Отечественныхъ Запискахъ“, — открывается общими, новыми для того времени, соображеніями о необходимости изученія не только однихъ „великихъ“ писателей, но и второстепенныхъ. „Для полнаго пониманія развитія нашей литературы — говоритъ авторъ — недостаточно останавливаться на тѣхъ только писателяхъ, которые считаются представителями извѣстныхъ ея періодовъ. Конечно, произведенія ихъ могутъ дать намъ общее понятіе о состояніи литературнаго и умственнаго движенія въ эти періоды, но тѣмъ не менѣе это понятіе будетъ общее, не совсѣмъ опредѣленное, и для бо́льшей его точности и отчетливости мы должны обращаться и къ тѣмъ писателямъ, которые стоятъ на второмъ, даже на третьемъ планѣ. Нельзя и несправедливо было бы думать, что изслѣдованія о такихъ писателяхъ безплодны и неинтересны; напротивъ, часто въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ факты очень любопытные, разработка которыхъ можетъ объяснить для насъ въ подробностяхъ то, что̀ мы прежде знали только въ общихъ чертахъ... Стоя отдѣльно, эти явленія кажутся чѣмъ-то случайнымъ ничтожнымъ; собранные, поставленные на ряду съ другими подобными фактами, они представляютъ такую же характеристическую особенность

своего времени, какъ и многое важное въ исторіи литературы, потому что они произошли изъ тѣхъ же дѣйствующихъ причинъ, того или другого состоянія общественнаго образованія. Фактическое изученіе литературы, не оставляющее безъ вниманія самыхъ мелкихъ подробностей, много расширитъ наши свѣдѣнія и объ исторіи нашей литературы и вообще нашего образованія". Справедливо замѣчая, что немного еще сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи, — авторъ изслѣдованія намѣчаетъ въ области новой, русской литературы цѣлый рядъ вопросовъ, выдвигавшихся новымъ направленіемъ историко-литературныхъ изученій. „Поприще для такихъ изысканій еще очень обширно. Мы не имѣемъ *исторіи русской критики,* не имѣемъ полной *исторіи театра;* не появлялась даже и мысль о томъ, чтобы нарисовать картину *старинныхъ нашихъ литературныхъ нравовъ, театральныхъ обычаевъ* — этой обыденной стороны въ жизни и старыхъ и нестарыхъ нашихъ писателей; мы вообще жалуемся на недостатокъ *біографическихъ* свѣдѣній о нихъ и проч., — а между тѣмъ, оставляемъ неразработаннымъ то, что̀ есть еще у насъ подъ руками, оставляемъ безъ вниманія то, что̀ можно еще слышать отъ живыхъ свидѣтелей далекихъ литературныхъ эпохъ, и не думаемъ о томъ, что преданія гибнутъ безъ возврата, а старыя книги исчезаютъ мало-по-малу изъ обращенія. Вопросы о разныхъ частностяхъ исторіи нашей литературы остаются все еще безъ отвѣта и для ихъ-то разрѣшенія должно быть основаніемъ фактическое изученіе литературы. Нужно ближе, нежели сколько было до сихъ поръ, ознакомиться съ массой нашей литературы, изслѣдовать ее *библіографически,* — только не по старой методѣ, выставлявшей заглавіе книги и годъ напечатанія и оставлявшей въ сторонѣ содержаніе, то-есть самое главное: нужно привыкнуть быть въ этой массѣ, освоиться съ тѣми *идеями, которыя въ разное время въ ней господствовали*"... Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ дѣлаетъ любопытную иллюстрацію болѣе раннихъ нашихъ изученій въ области новой литературы, полнаго отсутствія въ нихъ всякой научной критики, — указывая на труды

одного изъ такихъ изслѣдователей, нѣкоего Макарова, предшественника Пыпина по изученію Лукина. Упоминая о статьѣ Макарова, посвященной Лукину, — А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ, что онъ „почти ничего“ не могъ почерпнуть изъ нея, и продолжаетъ: „Статьи Макарова о русскихъ писателяхъ прошедшаго столѣтія вообще такого рода, что ими чрезвычайно трудно пользоваться; то же надобно сказать и о статьѣ, имѣющей предметомъ Лукина. Въ ней даже, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, господствуютъ обыкновенные недостатки Макарова: невѣрности, неточности, противорѣчія самому себѣ. Нерѣдко онъ ошибался даже тамъ, гдѣ ошибиться очень трудно: переиначивалъ факты, о которыхъ есть положительныя свѣдѣнія, извѣстныя ему самому, перемѣшивалъ ихъ, такъ что безъ другихъ извѣстій трудно понять его разсказы, соединялъ два разные факта въ одинъ, или одинъ разлагаетъ на два и т. п. Тому, кто знакомъ съ его методой, очень естественно сомнѣваться, вѣрно ли передаетъ онъ и то, о чемъ говоритъ: „слышалъ отъ такого-то“...

Послѣ изслѣдованія о Лукинѣ, А. Н. Пыпинъ возвратился къ изученію новой русской литературы лишь много лѣтъ спустя, съ началомъ своихъ работъ въ „Вѣстникѣ Европы“, съ которымъ труды нашего ученаго связаны вообще самымъ неразрывнымъ образомъ: всѣ они, почти безъ исключенія, съ возникновеніемъ этого журнала (1866 г.), печатались здѣсь, въ видѣ журнальныхъ статей. Наиболѣе ранними были изслѣдованія по русскому масонству. Вопросъ этотъ сталъ предметомъ научныхъ изученій сравнительно поздно, и до сихъ поръ остается обслѣдованнымъ лишь эпизодически. Въ ряду историковъ литературы А. Н. Пыпинъ первый указалъ важное историческое значеніе русскаго масонства, — какъ на „одно изъ первыхъ самостоятельныхъ проявленій нашего общества въ смыслѣ увлеченій нравственной тенденціей, обнимавшее весьма значительную часть общества, упорно державшееся въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ“... Вмѣстѣ съ немногими другими, изслѣдованія Пыпина были здѣсь наиболѣе цѣнными, — не только

по своей документальности, но и общей широтѣ научныхъ выводовъ[1]). Изслѣдованія Пыпина предшествовались здѣсь главнымъ образомъ обширной монографіей Лонгинова: „Новиковъ и московскіе мартинисты“ (М., 1867), отчасти статьями историка С. Н. Ешевскаго. М. Н. Лонгиновъ былъ извѣстный знатокъ нашей литературы, особенно новой, XVIII и XIX в.: ему принадлежалъ цѣлый рядъ документальныхъ историческихъ статей о нашихъ писателяхъ XVIII и XIX в., — между прочимъ имъ собрана масса матеріаловъ для изданій полныхъ собраній ихъ сочиненій. Названная сейчасъ его монографія о русскихъ „мартинистахъ“ и до сихъ поръ остается весьма цѣннымъ вкладомъ по вопросу о русскомъ масонствѣ и въ частности въ литературѣ о Новиковѣ. Но всѣ эти труды — преимущественно внѣшняго, почти исключительно библіографическаго характера. Лонгиновъ мало интересуется внутренней стороной изучаемыхъ имъ литературныхъ явленій, — или попытки его въ этомъ отношеніи чаще всего лишены должной научной широты. И въ названной книгѣ о „мартинистахъ“, стараясь объяснить историческое происхожденіе

---

[1]) Разумѣемъ статьи Пыпина: *Русское масонство до Новикова* („Вѣстн. Евр.“, 1868 г., № 7); *Русское масонство въ XVIII вѣкѣ* (ib., 1867 г., № 2) и особенно *Матеріалы для масонскихъ ложъ въ Россіи* (ib., 1872 г., янв., февр. и іюль). Послѣдне изслѣдованіе представляетъ собой изученіе обширнаго рукописнаго матеріала, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ и Румянцевскомъ и Московскомъ музеяхъ, относящагося къ русскому масонству и остававшагося до того времени почти нетронутымъ научными изученіями. Трудъ представляетъ въ себѣ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ, документальныхъ данныхъ по исторіи русскаго масонства — какъ стараго, въ XVIII вѣкѣ, такъ и новѣйшаго, въ царствованіе императора Александра I, до момента запрещенія масонскихъ ложъ, въ 1826 г. Между прочимъ, въ статьяхъ Пыпина сполна приводятся любопытныя *письма* Новикова, лишь мелькомъ указанныя Ешевскимъ. Указывая на богатство затронутыхъ матеріаловъ, Пыпинъ замѣчаетъ, что своими статьями онъ имѣлъ въ виду сдѣлать лишь „общее указаніе“ на ихъ интересъ и важность; матеріалы эти однако и теперь, спустя 40 лѣтъ, остаются изученными лишь въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это сдѣлано „общимъ указаніемъ“ А. Н. Пыпина...

масонства и его значеніе, Лонгиновъ подробно говоритъ о разныхъ франкмасонахъ, мистикахъ, теософахъ, алхимикахъ, иллюминатахъ; касаясь алхимиковъ, — начинаетъ съ „древней“ Греціи, съ элевзинскихъ таинствъ, съ еврейскихъ ессеевъ, говоритъ объ „аравитянахъ“, разныхъ Алманзорахъ, Рамзесахъ; переходя къ среднимъ вѣкамъ и добираясь, наконецъ, собственно до „масоновъ“, Лонгиновъ съ полнымъ довѣріемъ ведетъ происхожденіе ихъ таинствъ и всей ихъ мудрости отъ луча свѣта, который озарялъ рай, и который освѣтилъ Адама въ странѣ изгнанія, разсказываетъ о построеніи Соломонова храма, о томъ, какъ — около X вѣка — „образовалась корпорація изъ художниковъ и рабочихъ каменьщиковъ, имѣвшая сходство съ существовавшею при постройкѣ Соломонова храма, и, подобно послѣдней, признаваемая многими за учрежденіе, *положившее основаніе* новѣйшему франкъ-масонству“... Въ томъ же родѣ, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина — у Лонгинова и новѣйшая исторія масонства. Онъ набираетъ именъ и кличекъ, прибавляетъ какіе-нибудь эпитеты, и это объясняетъ ему все: одинъ — истинный масонъ и порядочный человѣкъ; другой — ложный масонъ и потому негодяй; третій — иллюминатъ и, слѣдовательно, извергъ и т. д. „Направленія“ у Лонгинова происходятъ очень просто: „является неизвѣстно откуда человѣкъ и выдумываетъ направленіе, и затѣмъ набираетъ послѣдователей, какъ набираютъ грибы“... Излагая масонскую дѣятельность Новикова, — Лонгиновъ весьма старательно собираетъ факты, нерѣдко даже нагромождаетъ ихъ цѣлыми кучами; но очень мало заботится о томъ, чтобы такъ или иначе уловить ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Онъ даже какъ будто не чувствуетъ и надобности въ этомъ. Цѣлые десятки страницъ книги Лонгинова заняты тщательными перечнями нашей масонской печатной литературы конца XVIII вѣка; каталогъ этотъ въ данномъ отношеніи и до сихъ поръ остается едва ли не наиболѣе подробнымъ и обстоятельнымъ, — и это, конечно, заслуга, имѣетъ цѣну, какъ имѣютъ цѣну всякіе обстоятельные каталоги. Но въ книгѣ Лонгинова

оставлены совсѣмъ незатронутыми вопросы, которые должны являться наиболѣе существенными для историка литературы, и которые именно ставитъ здѣсь задачей своихъ изученій Пыпинъ: „Какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ, столь мало развитомъ и только что разбуженномъ реформой, еще съ половины прошлаго столѣтія могло начаться движеніе, которое могло пріобрѣсти при Новиковѣ такіе обширные размѣры? Какой былъ смыслъ этого движенія, что привлекало въ немъ людей русскаго общества и привязывало къ нему? Какіе были его результаты и какіе могли бы явиться еще, если бы оно не было прервано? Вообще, къ какому роду общественной дѣятельности принадлежали стремленія Новикова, и были ли они, въ цѣломъ, полезны или вредны?..." Эти и подобные вопросы, относящіеся къ внутренней исторіи русскаго общества — и не затрогиваются обширной книгой Лонгинова!.. Между тѣмъ именно на эту широкую общественно-историческую почву вопросъ о масонствѣ ставятъ впервые труды Пыпина, — и именно въ этомъ отношеніи отчасти предшественникомъ Пыпина былъ здѣсь Ешевскій. Но относящіяся сюда работы послѣднія имѣли, случайный характеръ...

Внутреннее, духовное развитіе русскаго общества, развитіе въ немъ „національнаго самосознанія", въ широкомъ смыслѣ этого слова, насколько это „самосознаніе" выражается въ развитіи просвѣщенія, науки, поэтической литературы, публицистики, въ общемъ ходѣ и расширеніи общественной мысли — вотъ вообще главная, основная точка зрѣнія историко-литературныхъ изученій А. Н. Пыпина. Въ своихъ научныхъ изысканіяхъ — А. Н. Пыпинъ съ особой силой выдвигаетъ мысль о ближайшей связи литературы народа съ общей исторіей его общественнаго и политическаго развитія. „Исторія литературы" въ работахъ нашего знаменитаго ученаго чаще всего является исторіей общественнаго развитія, исторіей общаго національнаго роста; литературное произведеніе въ его глазахъ прежде всего и больше всего важно, какъ отраженіе того или другого теченія въ исторіи развитія общественныхъ понятій, какъ

фактъ культурно-политическаго развитія народа. Въ своихъ обширныхъ трудахъ Пыпинъ нерѣдко и теоретически указываетъ на это общественное значеніе литературы, на эту неразрывную связь ея съ общественной жизнью, съ характеромъ и складомъ общественности; настаивая на необходимости изученія нашей литературы именно съ этой стороны, онъ справедливо указываетъ на измѣненія въ этомъ отношеніи и въ самомъ характерѣ литературныхъ произведеній позднѣйшаго времени. „Исторія литературы, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, входитъ въ цѣлую исторію общества, и на литературѣ мы имѣемъ возможность слѣдить возрастаніе общественнаго самосознанія. И безъ сомнѣнія, эта сторона предмета и имѣетъ наибольшую историческую важность. Въ наше время литература рѣдко поднимается до высшаго совершенства художественной красоты, гдѣ произведеніе является широкой объективной картиной человѣческой природы или цѣлаго общества, картиной, имѣющей болѣе прочное значеніе, чѣмъ временный интересъ обыкновенныхъ явленій литературы. Литература больше связана теперь съ непосредственными явленіями общественной и политической жизни; она подаетъ объ нихъ свой голосъ въ поэтическомъ произведеніи, какъ въ публицистикѣ. Любимой формой изящной литературы сталъ романъ и повѣсть, — вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая жизнь изображается прямо, внѣ области фантазіи, въ публицистикѣ, которая высказываетъ ея интересы, служитъ отголоскомъ ея борьбы, и отсюда, въ литературѣ поэтической, элементъ реальный становится еще сильнѣе. Если и чисто художественное, объективное произведеніе должно служить не только идеѣ красоты, но и идеѣ добра и правды, и слѣдовательно быть орудіемъ общественнаго улучшенія; то произведенія менѣе объективныя связываются съ общественной жизнью еще болѣе тѣснымъ образомъ: онѣ, быть можетъ, дѣйствуютъ менѣе возвышенными средствами, но съ бо̀льшей страстью, съ бо̀льшей силой убѣжденія и съ бо̀льшимъ непосредственнымъ вліяніемъ на умы. Общественныя и поэтическія достоинства писателя и произведенія

могутъ не всегда совпадать, и легко могутъ имѣть различную цѣну для той исторіи литературы, о какой мы говоримъ, — исторіи съ общественной точки зрѣнія. Это сопоставленіе литературы съ непосредственной жизнью, собственно говоря, только и можетъ указать дѣйствительное значеніе историческаго прогресса литературы". Для оцѣнки этого историческаго прогресса, историкъ литературы долженъ брать въ разсчетъ — „цѣлыя условія существованія литературы, общественную обстановку, въ которой ей приходилось дѣйствовать, ея дѣйствительный (часто, за полной невозможностью, не высказанный на словахъ) смыслъ. Только опредѣленіе этихъ общихъ условій указываетъ настоящую жизненную цѣну литературы, указываетъ ея объемъ, возможность и размѣры ея вліянія и т. д.".

Съ точки зрѣнія такого изученія литературы особенно замѣчательными являются труды Пыпина: *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I* [„В. Евр.", 1870—1871; отд. изданіе — СПБ., 1872; второе изданіе — СПБ., 1885: третье — СПБ., 1900], — *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ гг. до 50-хъ* [„В. Евр.", 1872—1873; отд. изд. — СПБ., 1873; 2-ое изд. — СПБ., 1890] и — *Бѣлинскій, его жизнь и переписка* [„В. Евр.", 1874—1875; отд. изд. — СПБ., 2 т., 1876]. Двѣ первыя, по своему содержанію, тѣсно связаны между собой, представляя въ общемъ довольно цѣльную исторію нашего литературнаго и общественнаго развитія за первую половину XIX вѣка.

Въ *Исторіи общественнаго движенія при Александрѣ 1* — авторъ подробно говоритъ о томъ новомъ направленіи, которое приняла вся наша общественняя мысль съ вступленіемъ на престолъ императора Александра I, — о тѣхъ широкихъ планахъ преобразованій и дѣйствительныхъ реформъ, которыми полна была первая половина этого царствованія и которыя встрѣтили въ русскомъ обществѣ два совершенно противоположныхъ теченія: прогрессивное, сочувствовавшее предпринятымъ реформамъ и предначертаніямъ, и теченіе консервативное, совершенно имъ враждебное, отрицавшее или совсѣмъ ихъ полезность или въ значительной степени

ее ограничивавшее. Представителемъ перваго былъ Сперанскій; второго — Карамзинъ. Съ чрезвычайною яркостью, можно сказать, художественностью, и вмѣстѣ полной научной документальностью рисуетъ изслѣдователь передъ читателемъ борьбу этихъ противоположныхъ направленій, страстную борьбу столкнувшихся теперь противоположныхъ общественныхъ мнѣній и взглядовъ, — того общаго глубокаго броженія, которое совершалось во всемъ русскомъ обществѣ, въ его высшихъ слояхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и въ душѣ юнаго монарха, можетъ быть, лучшаго, наиболѣе типичнаго представителя современнаго ему русскаго образованнаго общества и всего переживавшагося страной историческаго момента. Передъ читателемъ съ необычайной рельефностью возстаетъ рядъ историческихъ событій и случайныхъ обстоятельствъ, давшихъ подъ конецъ такой рѣшительный перевѣсъ одному изъ боровшихся направленій, — это необычайное возбужденіе умовъ въ періодъ отечественной войны и послѣ 12-го года, широкое общественное возбужденіе послѣ 1815 года и, какъ результатъ всего этого — характеръ послѣднихъ годовъ царствованія... Время было болѣе чѣмъ когда либо „переходное“, — и гдѣ, на чьей сторонѣ, была „правда“, даже на отдаленіи историческаго промежутка сказать не всегда легко въ отношеніи къ такимъ историческимъ моментамъ; тѣмъ труднѣе разобраться современникамъ, переживавшимъ событія... Для изслѣдователя, впрочемъ, нѣтъ колебаній. Оканчивая свой трудъ, Пыпинъ замѣчаетъ: „Либеральное направленіе, созрѣвшее къ концу этого періода, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаніи. Люди, представлявшіе либеральное движеніе, испытали трагическую судьбу въ катастрофѣ 1825 года: противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе; цѣлое поколѣніе исчезло изъ общества, — но идеалы его остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали жить и развиваться въ ихъ средѣ. Періодъ, наступившій теперь, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ,

слишкомъ неблагопріятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его... Но внутри работа мысли продолжалась: идеалы предыдущаго поколѣнія сохранили свою привлекательность и пріобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и новаго практическаго опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя симпатіи, которыя усиливали интересъ къ ихъ идеямъ. Несмотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, нравственное сознаніе общества выростало и укрѣплялось, такъ что, въ пятидесятыхъ годахъ, новое царствованіе встрѣтило въ умахъ подготовленную почву для общественныхъ реформъ, которыя были имъ начаты. Возвратившіеся „декабристы“ должны были увидѣть исполненіе многихъ желаній, которыя они питали въ свою молодую пору. Два далекія одно отъ другого поколѣнія и два далекіе періода сближались въ новыхъ явленіяхъ, совершавшихся въ русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, судебное преобразованіе, возникновеніе земской самодѣятельности, начатки свободной печати — были исторической нитью, которая связывала съ нашимъ временемъ этихъ людей начала столѣтія. Исторія признаетъ за ними заслугу общественно-политическаго пониманія, которое указывало имъ эти и другіе вопросы нашего внутренняго развитія; немногіе представители освободительныхъ идей въ свое время, они мало могли сдѣлать для ихъ практическаго осуществленія, но они приготовляли будущее, потому что вызывали вниманіе къ нуждамъ народа, указывали на средства общественнаго преобразованія и, наконецъ, своимъ нравственнымъ мужествомъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ давали примѣръ искренности и глубины убѣжденія“...

Внутренней важности и интересности взятой эпохи вполнѣ отвѣчаютъ достоинства научной обработки. Передъ нами не только цѣлый рядъ совершенно новыхъ освѣщеній, но и новыхъ фактовъ, дотолѣ остававшихся неизвѣстными не только публикѣ, „образованной массѣ“ читателей, но и спеціалистамъ. Содержаніе „очерковъ“ чаще всего оперируетъ надъ матеріаломъ, который только что начиналъ

тогда появляться у насъ къ печати, притомъ въ спеціальныхъ, мало кому доступныхъ, или даже извѣстныхъ, изданіяхъ; очень мало извѣстный, чаще совсѣмъ не извѣстный, значительно обогащенный самостоятельными изученіями и изслѣдованіями автора, историческій матеріалъ — разомъ являлся теперь сгруппированнымъ въ такой широкой и яркой картинѣ, съ такимъ широкимъ пониманіемъ дѣла, что трудъ представлялъ собой все значеніе научной новизны, являясь и „сводомъ фактовъ“ и громаднымъ запасомъ „обобщеній“ и программой для дальнѣйшихъ изученій... „Цѣль наша — замѣчалъ авторъ мимоходомъ въ одномъ мѣстѣ о своей книгѣ — была только выставить первые общіе очерки вопросовъ, которые должны нѣкогда стать передъ публикой; мы хотѣли способствовать распространенію необходимыхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ образованной массѣ читателей. Это не больше, какъ первыя приготовленія къ будущему вполнѣ научному рѣшенію этихъ вопросовъ“... Эти указанія слишкомъ скромны въ отношеніи къ собственному труду — и слишкомъ преувеличенны въ смыслѣ выраженныхъ здѣсь ожиданій касательно быстроты хода нашихъ научныхъ изученій, вообще русской исторической науки... „Первые общіе очерки вопросовъ“, „первыя приготовленія“, „необходимыя свѣдѣнія“ — и теперь, черезъ 40 лѣтъ, для русскаго образованнаго читателя остаются почти единственнымъ научнымъ трудомъ, изъ котораго онъ можетъ обстоятельно познакомиться съ цѣлой эпохой, столь близкаго къ нему историческаго прошлаго, — и до сихъ поръ составляютъ собою въ научной литературѣ вопроса почти все, чтб вообще извѣстно и доступно „образованной массѣ читателей“ по затрогиваемымъ въ книгѣ вопросамъ. Трудъ А. Н. Пыпина могъ бы быть капитальнымъ пріобрѣтеніемъ и во всякой другой наукѣ, несравненно болѣе богатой и быстрѣе развивающейся, чѣмъ русская; тѣмъ бóльшее значеніе онъ имѣлъ у насъ, въ наукѣ вообще бѣдной самостоятельными изученіями, несвободной и туго двигающейся. И теперь, спустя 40 лѣтъ по своемъ появленіи, книга Пыпина въ рядѣ новыхъ послѣдующихъ

изданій — продолжаетъ сохранять все свое значеніе и не имѣетъ около себя ничего, что могло бы ее хоть сколько-нибудь замѣнить „для образованной массы читателей“...

Сказанное нами сейчасъ о первой изъ трехъ названныхъ книгъ академика Пыпина въ весьма значительной долѣ относится и ко второй. О нашей литературѣ за періодъ съ 20-хъ по 50-е годы писалось не мало; но все это чаще всего лишено было широкаго историческаго освѣщенія, трактовалось почти исключительно на почвѣ чисто литературной, при чемъ самые литературные факты разсматривались чаще всего съ такъ называемой эстетической точки зрѣнія. А. Н. Пыпинъ, какъ изслѣдователь-историкъ, впервые съ особой яркостью указалъ, что литературное развитіе имѣетъ и другіе интересы, помимо эстетики, — что „исторія литературы входитъ въ цѣлую исторію общества, и на литературѣ мы имѣемъ возможность слѣдить возростаніе общественнаго самосознанія“... *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ* представляютъ первую попытку изложить наши „литературныя мнѣнія“ 20—50 гг., какъ показатель именно этого „возрастанія общественнаго самосознанія“. Авторъ прежде всего останавливается на романтизмѣ, преимущественно его тенденціяхъ общественныхъ, гдѣ онъ являлся направленіемъ у насъ почти исключительно консервативнымъ; далѣе переходитъ къ подробной характеристикѣ такъ называемой системы „оффиціальной народности“, — наиболѣе рѣзкой формулировкѣ окончательно сложившихся къ этому времени нашихъ общественно-консервативныхъ понятій; затѣмъ довольно подробно говоритъ о тѣхъ наиболѣе раннихъ обнаруженіяхъ критическаго и прогрессивнаго направленія нашей литературы и общественной мысли, представителями которыхъ у насъ сначала выступилъ Чаадаевъ, нѣсколько позднѣе „западники“ и „славянофилы“, еще позднѣе — Бѣлинскій, литературныя мнѣнія котораго получили окончательную выработку тоже не вдругъ, но которыя подъ конецъ уже вполнѣ опредѣленно поставили задачи литературнаго и общественнаго развитія. Парал-

лельно и въ связи съ развитіемъ мысли теоретической — шло развитіе литературы художественной. Изслѣдователь подробно отмѣчаетъ возникавшія у насъ, тамъ и здѣсь, условія, которыя въ концѣ концовъ завоевали болѣе прочное положеніе и для нашей литературы и для развитія всей общественной мысли... „Ходъ того направленія литературы, за которымъ мы въ особенности слѣдили въ настоящихъ очеркахъ — говоритъ въ концѣ своей книги авторъ — былъ весьма послѣдовательнымъ развитіемъ одной основной идеи: постепенно выроставшаго общественнаго сознанія, критики существующаго порядка вещей, интереса къ народной массѣ, какъ основанію національнаго цѣлаго... Литература съ различныхъ сторонъ приходила къ мысли о народѣ: она проникалась любопытствомъ и сочувствіемъ къ его исторіи, къ его настоящему; хотѣла сблизиться съ нимъ и на первое время старалась ознакомиться съ нимъ по крайней мѣрѣ тѣми средствами, какія были для нея возможны... Это было возвращеніе тѣхъ же идей, какія одушевляли лучшихъ людей двадцатыхъ годовъ, — но идей, очищенныхъ временемъ и развитыхъ новыми изученіями; онѣ были теперь болѣе или совершенно независимы отъ вліяній европейскаго либерализма, были болѣе свободны отъ платонической романтики, направлялись на дѣйствительные вопросы народнаго блага, пріобрѣтали общественный смыслъ“... („Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. СПБ., 1873, стр. 475).

Съ „Характеристиками литературныхъ мнѣній“ тѣсно связанъ третій изъ названныхъ нами обширныхъ трудовъ А. Н. Пыпина по исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія первой половины XIX вѣка — *В. Г. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка.* (2 т., СПБ., 1876 г.). Трудъ посвященъ изученію личности и литературной дѣятельности Бѣлинскаго; но общее содержаніе его далеко не исчерпывается этой спеціальной задачей. Біографическій матеріалъ вставленъ здѣсь въ такую широкую рамку, что біографія на многихъ страницахъ превращается въ исторію всей ли-

тературной эпохи. Впрочемъ, по многимъ причинамъ, зависившимъ отъ самаго характера трактуемыхъ вопросовъ,— многое остается невыясненнымъ и недоконченнымъ: изслѣдователь не могъ имѣть полной свободы въ распоряженіи біографическими матеріалами, и извѣстныя части картины „должны были неизбѣжно остаться бѣлымъ пятномъ“... „Біографія Бѣлинскаго — писалъ въ 1876 году въ предисловіи къ своему труду Пыпинъ — еще не допускаетъ ни полноты фактовъ, ни даже полноты теоретической характеристики... Литература до сихъ поръ еще не могла вполнѣ изобразить тѣхъ временъ, ни даже назвать историческихъ лицъ“... Къ сожалѣнію, это замѣчаніе сохраняетъ значеніе отчасти и до сихъ поръ. Главными матеріалами Пыпину служили *письма* Бѣлинскаго, — матеріалъ, бывшій до того времени совершенно не доступнымъ для печати, который оставался неизданнымъ вполнѣ до самаго послѣдняго времени, и который впервые былъ собранъ Пыпинымъ. Уже однимъ этимъ опредѣляется научное значеніе труда. Послѣднее опредѣлится еще болѣе, если припомнить, что послѣдующія почти 40 лѣтъ, истекшія со времени появленія разсматриваемаго труда — очень мало прибавили къ тому, что́ было дано уже тамъ... Только въ самые послѣдніе годы стало выходить „полное собраніе“ сочиненій Бѣлинскаго, съ весьма обстоятельными примѣчаніями, нерѣдко значительно освѣщающими и личность писателя и его сочиненія, — къ сожалѣнію, изданіе еще не окончено.

Рядомъ съ тремя названными сейчасъ трудами А. Н. Пыпина, необходимо поставить четвертый, едва ли не самый монументальный — *Исторію русской этнографіи* [четыре тома, С.-Пб., 1890—1892]. Необходимо имѣть въ виду то чрезвычайно широкое развитіе „этнографіи“, какъ отдѣльной, самостоятельной отрасли знанія, какое стали пріобрѣтать этнографическія изученія въ составѣ другихъ наукъ за послѣднее время, — чтобы вполнѣ оцѣнить содержаніе и характеръ названнаго труда. Какъ замѣчено было въ отзывѣ Бестужевымъ-Рюминымъ, этнографія принадлежитъ къ числу такихъ отраслей знанія, которыя развились

преимущественно въ XIX вѣкѣ, — когда вліяніе возраждающагося чувства національности, сказавшагося въ романтизмѣ, вниманіе къ интересамъ массъ и т. п. быстро усилили этого рода изученія, а общее научное движеніе придало ему научную форму. Въ XIX вѣкѣ этнографія вступаетъ въ тѣсную связь съ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ отраслей знанія: *лингвистикою*, указывающей связь развитія языка съ развитіемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, — *археологіею*, изучающею въ вещественныхъ памятникахъ древніе обычаи и вѣрованія, слѣдъ которыхъ нерѣдко сохраняется въ современности, — *исторіею*, которая все болѣе и болѣе стремится обратиться въ изображеніе народной жизни въ вѣковыхъ ея измѣненіяхъ, — съ только что возникающею теоріею развитія общества [*соціологіею*]; являются попытки основать эту послѣднюю исключительно на этнографіи; наконецъ этнографія тѣсно сплачивается съ *антропологіею* — естественной исторіей человѣка, и т. д. Взаимодѣйствіе разныхъ отраслей знанія вноситъ въ каждую изъ нихъ свѣжую струю и усиливаетъ требованіе научности въ каждой изъ нихъ. Съ своей стороны и этнографія, изучая народы въ ихъ настоящемъ состояніи, даетъ матеріалъ для всѣхъ этихъ наукъ, и безъ ея помощи не могутъ существовать ни лингвистика, ни антропологія, ни соціологія, ни наконецъ исторія, коль скоро пониманіе народнаго духа въ его развитіи, во времени становится главною ея цѣлью. („Отчетъ о тридцать четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова“. С.-Пб., 1892, стр. 2—3). Съ этой широкой точки зрѣнія на задачи своего труда смотритъ и самъ авторъ. „Матеріалъ этнографіи, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Пыпинъ — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея — путь къ опредѣленію народности. Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія... Въ трудахъ по этнографіи особенно обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ — говоритъ онъ въ заключеніи своего труда — что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нрав-

ственно-общественное и національное самосознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло". Съ этой точки зрѣнія, широкое распространеніе того, что добыто этнографіей, обобщеніе ея результатовъ — составляетъ безспорно насущную потребность и науки и общественной жизни, и сознаніе этого составляетъ особую заслугу А. Н. Пыпина, предпринявшаго обширный трудъ — обозрѣть историческое развитіе *русской этнографіи*, представить въ общей исторической картинѣ ходъ общественнаго и національнаго самосознанія, развитіе русской народности... Въ ближайшемъ смыслѣ задачей было — изложить развитіе русской науки и литературы въ связи съ состояніемъ общества. Такимъ образомъ основная задача и этого труда — въ общемъ та же, которая ставилась авторомъ и въ трехъ предшествовавшихъ, болѣе раннихъ его трудахъ. Чтобы нагляднѣе видѣть обширность охваченнаго матеріала, широту задачи, поставленной себѣ изслѣдователемъ, необычайную эрудицію автора при ея выполненіи — приводимъ самое сжатое обозрѣніе содержанія труда, его двухъ первыхъ томовъ, посвященныхъ изложенію этнографіи великорусской (третій томъ посвященъ Малороссіи; четвертый — Бѣлоруссіи и Сибири).

Авторъ устанавливаетъ прежде всего общій взглядъ на значеніе научнаго просвѣщенія, принесеннаго къ намъ въ началѣ XVIII вѣка, въ развитіи народнаго самосознанія, дѣлая общее обозрѣніе развитія этнографическихъ изученій съ начала XVIII вѣка, давшихъ въ конечномъ результатѣ болѣе или менѣе значительное сближеніе общества съ народомъ, и подробно характеризуетъ существовавшія у насъ въ XVIII вѣкѣ „понятія о народности". Далѣе, выходя изъ того положенія, что отношеніе науки къ жизни было „раціоналистическое и утилитарное", авторъ слѣдитъ за развитіемъ того и другого, преимущественно раціоналистическаго; представителей послѣдняго онъ видитъ между прочимъ въ Татищевѣ и Болтинѣ, въ трудахъ которыхъ изслѣдователь тщательно отмѣчаетъ вліяніе европейской науки. Очерчиваетъ дѣятельность кн. Щербатова и Миллера и

характеризуетъ дѣятельность академическихъ и столичныхъ ученыхъ. Затѣмъ, далѣе, съ особой обстоятельностью излагается исторія нашего литературнаго языка со времени реформы, — подробно говорится о трудахъ Ломоносова, Тредьяковскаго, прот. Алексѣева и тогдашнихъ ученыхъ учрежденій: характеристика занимаетъ цѣлую отдѣльную главу, которая, какъ справедливо замѣчаетъ въ отзывѣ Бестужевъ-Рюминъ, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги. Здѣсь собраны и провѣрены наблюденія, уже сдѣланныя, съ цѣлымъ рядомъ новыхъ, самостоятельныхъ соображеній самого автора. Глава заканчивается общими выводами о вліяніи науки на русское общество XVIII вѣка. Переходя къ временамъ Александра I, авторъ особенно останавливается на Карамзинѣ, сравнивая его взгляды на народъ съ взглядами Радищева. Осуждая воззрѣнія Карамзина, общественныя и историческія, авторъ ставитъ Карамзина, какъ историка, выше Щербатова. Переходя къ романтизму Жуковскаго, авторъ даетъ подробную характеристику стремленій къ „народности“ въ поэзіи этого писателя, — указывая, въ какой степени народный элементъ, къ которому такъ стремился Жуковскій, измѣнялся у него подъ вліяніемъ романтическихъ взглядовъ. Конецъ главы посвященъ обзору дѣятельности историковъ и археологовъ, составлявшихъ кружокъ гр. Румянцева; авторъ съ особой подробностью останавливается на Калайдовичѣ. Въ дальнѣйшихъ главахъ разсматривается дѣятельность Надеждина, Сахарова, Снегирева, Пассека, Даля и цѣлаго ряда другихъ болѣе мелкихъ представителей нашей этнографіи въ періодъ 20—40-хъ годовъ. Особенно подробно характируется дѣятельность Надеждина. Послѣдняя глава I-го тома трактуетъ объ „этнографическихъ элементахъ въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ“. Изслѣдователь имѣетъ въ виду отраженіе этнографическихъ изученій и взглядовъ въ нашей поэзіи и беллетристикѣ 20—40 годовъ, преимущественно въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя. Общіе взгляды автора формулируются приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Народная стихія, которая являлась у Пушкина, какъ ин-

стинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, а въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ, затѣмъ у Гоголя укрѣпляется въ могущественномъ реализмѣ, — у преемниковъ ихъ выражается въ любящемъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка".

Второй томъ начинается характеристикой 40-хъ годовъ. Въ первой главѣ авторъ останавливается на дѣятельности отечественныхъ ученыхъ, возвратившихся въ ту пору изъза границы, — на вліяніи европейской школы, исторической и филологической, при чемъ въ частности разсматривается дѣятельность Соловьева, Кавелина, Калачова, Забѣлина, Буслаева, Аѳанасьева. Слѣдующая глава посвящена характеристикѣ 50-хъ гг.; авторъ говоритъ объ общемъ расширеніи къ этому времени научныхъ изученій, о дѣятельности Бодянскаго, Рыбникова, Якушкина, Шейна, Максимова, — съ особой подробностью останавливаясь затѣмъ, въ слѣдующей главѣ, на трудахъ Буслаева, и въ новой, дальнѣйшей, на трудахъ Афанасьева. Пятая глава представляетъ общіе выводы о движеніи нашихъ историко-литературныхъ изученій съ конца 40-хъ и 50-хъ годовъ; затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ дѣятельности Тихонравова, А. А. Котляревскаго, Потебни, В. В. Стасова, П. А. Лавровскаго. Дальнѣйшая глава трактуетъ о „новой исторической литературѣ по отношенію къ изученію народности", заключая въ себѣ довольно полный обзоръ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣдніе годы русскую историческую науку: о первоначальномъ бытѣ русскаго племени, происхожденіи русскаго государства, характерѣ московскаго періода, значеніи реформъ Петра Великаго и т. д. Слѣдующая глава посвящена спеціально дѣятельности К. С. Аксакова. Дальнѣйшія три посвящены „новымъ изслѣдованіямъ" и „спорнымъ вопросамъ о русскомъ народномъ эпосѣ", — характеристикѣ трудовъ акад. А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича, общему

обзору изученій народной жизни за послѣднія десятилѣтія и подведенію добытыхъ результатовъ. Наконецъ, въ двухъ послѣднихъ главахъ II-го тома авторъ переходитъ опять къ литературѣ, къ изображенію народа въ области нашихъ позднѣйшихъ художественныхъ произведеній. Съ особой подробностью изложеніе останавливается на „народничествѣ“, — на произведеніяхъ Мельникова, Кохановской, изъ позднѣйшихъ, — Успенскаго и Златовратскаго...

Передъ нами — вся позднѣйшая исторія нашей науки и литературы! — подробная исторія русской „народности“, развитія русскаго общественнаго, національнаго самосознанія, насколько оно выразилось въ наукѣ и художественной литературѣ. Ученой критикой указаны были въ трудѣ Пыпина и весьма существенные недостатки, — значительная мѣстами неполнота, иногда невѣрность въ общемъ освѣщеніи излагаемыхъ фактовъ, нѣкоторыя личныя симпатіи и антипатіи автора и т. п. [см. обширную критическую статью акад. А. И. Соболевскаго, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1891, № 2, стр. 412—430]. Но въ трудѣ, охватывающемъ такой обширный предметъ, къ тому же излагающемъ его впервые — подобныхъ недочетовъ, конечно, и не могло не быть. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ недочетахъ, нельзя не подивиться колоссальному труду, подавляющей эрудиціи автора — съ какими трудъ этотъ, совершенно новый по задачамъ и замыслу, былъ выполненъ...

Другія, болѣе широкія, популярныя задачи преслѣдуетъ *Исторія русской литературы* (4 тома, С.-Пб., 1898—1899: 2-е изд., С.-Пб., 1902—1903). Трудъ не представляетъ собой строго-научной, систематической „исторіи литературы“, полнаго строго-научнаго пересмотра всего литературнаго матеріала и систематическаго его изложенія. Книга не даетъ „итоговъ“ въ точномъ, строгомъ смыслѣ слова [1]). Какъ рядъ „очерковъ“, помѣщавшихся въ журналѣ на протяженіи болѣе 20-ти лѣтъ, трудъ, конечно, и не могъ дать этого,

[1]) Ниже, въ приложеніяхъ, мы помѣщаемъ подробный разборъ, сдѣланный нами въ свое время I-го тома „Исторіи русской литературы“ Пыпина.

хотя при отдѣльномъ изданіи очерки были вновь пересмотрѣны и пополнены. Авторъ, впрочемъ, и ставитъ себѣ задачи другія. Его цѣлью было не столько произвести такой новый пересмотръ всему научному матеріалу, подвести строго-научный „итогъ“ всему сдѣланному, — сколько познакомить широкую публику съ общимъ характеромъ производящихся здѣсь работъ и изысканій, помочь ориентироваться въ нихъ образованному читателю, перенести ихъ результаты изъ кабинета спеціалиста въ среду „образованной массы читателей“. Какъ справедливо было замѣчено, исторія литературы — „наука для многихъ“; но ея „серьезная популяризація“ можетъ быть выполнена лишь серьезнымъ ученымъ, лишь глубокимъ ученымъ и знатокомъ дѣла, обладающимъ къ тому же всѣмъ изяществомъ легкаго, популярнаго изложенія. Именно такой „серьезной популяризаціей“ является разсматриваемый трудъ А. Н. Пыпина. Общій характеръ своихъ „очерковъ“ указываетъ самъ авторъ въ предисловіи къ послѣднему тому. „Я имѣлъ въ виду — замѣчаетъ онъ здѣсь — читателя, болѣе или менѣе приготовленнаго, и предполагая основные факты извѣстными, въ особенности считалъ задачей — установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событіями жизни государства, народа и общества. Этимъ опредѣлялось и расположеніе историческаго матеріала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я старался дать указанія о настоящемъ положеніи главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ“... Излишне прибавлять, что эти „внутреннія соотношенія“ и „связи“ указываются въ разсматриваемыхъ очеркахъ съ полной глубиной научныхъ знаній и изученій предмета. Излагая въ своемъ цѣломъ, въ своихъ обширныхъ четырехъ томахъ, общій ходъ нашего литературнаго развитія, ходъ русской литературы отъ ея древнѣйшихъ, примитивныхъ зачатковъ, до позднѣйшаго, послѣ-гоголевскаго періода, полнаго ея художественнаго разцвѣта, — „Исторія русской литературы“ А. Н. Пыпина намѣчаетъ лишь въ общихъ, широкихъ контурахъ главные

пункты этого длиннаго пути, даетъ общую картину историческаго движенія и роста, стараясь указать главнѣйшія, основныя черты совершавшагося движенія, — въ связи съ общимъ ходомъ исторической жизни страны, разнообразными и сложными условіями ея общественной жизни, „съ событіями жизни государства, народа и общества". Дѣлаемыя характеристики — какъ это понятно и само собой — не всегда представляютъ результатъ какихъ-либо новыхъ, самостоятельныхъ изученій и изслѣдованій; но всегда полны высокихъ достоинствъ сами по себѣ, всегда отличаются рельефностью и яркостью, — нерѣдко 2—3-мя страницами даютъ необычайно яркое освѣщеніе цѣлой эпохѣ, цѣлому литературному періоду... И вообще среди другихъ имѣющихся у насъ общихъ курсовъ исторіи литературы, — трудъ Пыпина занимаетъ совершенно особое, отдѣльное мѣсто, рѣзко отличаясь отъ нихъ и своимъ общимъ характеромъ, направленіемъ, отчасти и самымъ объемомъ содержанія, доводя изложеніе до 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Предоставляя этимъ курсамъ (разумѣемъ, главнымъ образомъ, книги Галахова и Порфирьева) фактическую сторону предмета, — трудъ Пыпина старается дать собранному литературному матеріалу широкое прагматическое освѣщеніе, указать „внутреннее соотношеніе" фактовъ и явленій. Въ этомъ отношеніи „Исторія русской литературы" Пыпина является въ высшей степени цѣннымъ и существеннымъ ихъ дополненіемъ, — не только для образованнаго читателя, но и для каждаго начинающаго спеціалиста. Особенно цѣннымъ является трудъ въ послѣднихъ томахъ, въ изложеніи литературы XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ общимъ характеромъ, основными задачами, которыя здѣсь поставлены, — эти послѣдніе томы труда А. Н. Пыпина напоминаютъ книгу Тэна по исторіи англійской литературы. Впрочемъ, нашъ авторъ хорошо сознаетъ крайности тэновской критики, — сознаетъ справедливость возраженій, сдѣланныхъ противъ него позднѣйшими историками литературы... Въ началѣ своего труда А. Н. Пыпинъ, указывая на ту сложность, которую приняли въ позднѣйшее время историко-

литературныя изученія, — замѣчаетъ: „Множество новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ предметовъ, которые найдено было нужнымъ привлечь къ „историко-литературному“ изученію, было таково, что старыя рамки этого изученія уже вскорѣ оказались слишкомъ тѣсными и непригодными“. Съ необычайнымъ расширеніемъ объема предметовъ, мало-по-малу потребовавшихъ себѣ мѣста въ изученіи литературы, — „необходимо измѣнилась самая постановка ея исторіи. На ея мѣсто становилось теперь *что-то новое, далеко превышавшее ея прежніе размѣры;* но это новое было такъ широко и разнообразно, что ученая критика и до сихъ поръ не выработала точнаго разграниченія отраслей новаго знанія и его цѣльнаго опредѣленія... Историко-литературная критика различнымъ образомъ вступала на *новые пути,* что̀ указываетъ несомнѣнно на будущее глубокое измѣненіе цѣлаго метода...“ „Исторія русской литературы“ Пыпина общимъ своимъ характеромъ и направленіемъ старается поставить русскаго читателя именно на эти „новые пути“, — и въ этомъ ея особая научная заслуга.

Къ названнымъ обширнымъ трудамъ примыкалъ цѣлый рядъ [1]) болѣе или менѣе случайныхъ, небольшихъ статей

---

[1]) Отмѣчаемъ нѣкоторыя въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

Крыловъ и Радищевъ. Кто писалъ въ „Почтѣ Духовъ“? Вопросъ изъ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія. „Вѣстн. Евр.“, 1868, май, стр. 419—436. — *Россійское Библейское Общество (1812—1826).* „Вѣстн. Евр.“, 1868, августъ, стр. 639—712; сентябрь, стр. 231—297; ноябрь, стр. 222—285; декабрь, стр. 708—768. — *Г-жа Крюднеръ.* „Вѣстн. Евр.“, 1869, августъ, стр. 588—663; сентябрь, стр. 207—252. — *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его противники.* „Вѣстн. Евр.“, 1869, іюнь, стр. 791—818. — *Русскія отношенія Бентама.* „Вѣстн. Евр.“, 1869, февраль, стр. 784—819. — *Времена реакціи.* „Вѣстн. Евр.“, ноябрь-декабрь, стр. 247—277, 740—777. — *Библейская секта двадцатыхъ годовъ.* „Вѣстн. Евр.“, 1871, мартъ, стр. 248—282. — *Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ.* „Вѣстн. Евр.“, 1872, августъ, стр. 707—737. (Письма А. И. Тургенева). — *Малорусско-галицкія отношенія.* „Вѣстн. Евр.“, 1881, январь, 407—437. — *Къ спорамъ объ украйнофильствѣ.* „Вѣстн. Евр.“. 1882, май. — *Константинъ Аксаковъ.* „В. Евр.“, 1884, мартъ, стр. 145—177; апр. 589—618. — *Беллетристъ и народникъ шестидесятыхъ годовъ. И. Левитовъ.* „Вѣстн. Евр.“, 1884, августъ. — *Новый во-*

А. Н. Пыпина, относящихся къ исторіи нашей литературы и общественной мысли XVIII и XIX в. — впрочемъ, иногда и эти случайныя статьи принимали объемъ цѣлыхъ монографій. Такъ не можемъ между прочимъ не отмѣтить двухъ статей, посвященныхъ Щедрину, составившихъ потомъ въ отдѣльномъ изданіи книгу *(М. Е. Салтыковъ.* С.-Пб., 1890. Первонач. — въ „Вѣст. Евр.“, 1889 г.). Трудъ излагаетъ главн. образ. критическую дѣятельность Щедрина въ періодъ 1863—1864 г. очень мало извѣстную, но чрезвычайно любопытную не только для характеристики самого писателя, но и по своей общей исторической цѣнности — „для пониманія общественныхъ настроеній въ эпоху реформъ, частью тогда совершившихся, частью ожидаемыхъ...“ При крайне бѣдной научной литературѣ, посвященной нашимъ 60-мъ годамъ, уясненію ихъ общественнаго и литературнаго характера, — книга Пыпина является особенно интересной, и желаніе напомнить рядъ статей знаменитаго писателя, почти совершенно забытыхъ (въ „полное“ собраніе сочиненій Щедрина статьи эти обыкновенно не вносятся), является большой научной заслугой. Излагаемыя статьи Салтыкова тѣмъ болѣе характерны и любопытны, что относятся къ тому моменту въ знаменитой „эпохѣ великихъ реформъ“, когда и въ правительствѣ, и въ обществѣ обнаружились первые признаки колебаній, „утомленія или недовѣрія“, — „когда люди без-

---

просъ о Петрѣ Великомъ, „Вѣстн. Евр.“, 1886, май, стр. 317—351. — *Допетровское преданіе въ XVIII вѣкѣ.* „Вѣст. Евр.“, 1886, іюнь, іюль, стр. 680—717; 306—345. — *Славянскій вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова.* „Вѣстн. Евр.“, 1886, августъ, стр. 763—807. — *Русскій романъ за границей.* „Вѣстн. Евр.“, 1886, сентябрь, стр. 301. — *Исторія текста сочиненій Пушкина.* „Вѣстн. Евр.“, февраль, стр. 780—802. — *Павелъ Васильевичъ Анненковъ.* „Вѣстн. Евр.“, 1887, апрѣль стр. 884—892. — *Новыя объясненія Пушкина.* „Вѣстн. Евр.“, 1887, октябрь, 632—675; ноябрь, стр. 279—321. — *Новые мемуары объ александровской эпохѣ.* „Вѣстн. Евр.“, 1887, декабрь, стр. 668—714. — *Русскія сочиненія Шевченка.* „Вѣстн. Евр.“, 1888, мартъ, стр. 246. — *Забытый поэтъ.* „Вѣстн. Евр.“, 1889, мартъ, стр. 153 sqq. И т. д. и т. д.

характерные усомнились въ собственныхъ вчерашнихъ восторгахъ...“ Въ короткій промежутокъ времени 1861—1862 годовъ нашъ „общественный барометръ“ пошелъ сильно назадъ. „Вопросы, еще недавно вызывавшіе въ литературѣ оживленные толки, отступаютъ на второй планъ; задорныя фразы о „нашемъ времени, когда“ и т. д., — смѣняются разсудительными объясненіями о вредѣ излишней поспѣшности въ общественныхъ преобразованіяхъ, о преимуществахъ постепенности, о томъ, какъ полезно было бы дорожить опытами прошедшаго, которое было не такъ дурно и, наконецъ, ожесточенными нападеніями на либерализмъ и вольнодумство; Тургеневъ подсказалъ тогда извѣстный терминъ „нигилизма“, которому обрадовались, какъ находкѣ, озлобленные люди, не умѣвшіе сами опредѣлить, что̀ собственно вызываетъ ихъ вражду въ новѣйшемъ критическомъ и отрицательномъ направленіи. Салтыковъ больше чѣмъ многіе другіе стоялъ въ средѣ самого вопроса...“ Статьи Салтыкова касаются вопросовъ, больше всего занимавшихъ тогда общественное мнѣніе, составлявшихъ предметъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ толковъ, — напр., первыхъ студенческихъ волненій въ началѣ 60-хъ годовъ, извѣстныхъ петербургскихъ пожаровъ въ 1862 году, возникшихъ тогда же въ литературѣ безконечныхъ толковъ о „нигилистахъ“ и „мальчишкахъ“, болѣе или менѣе сомнительныхъ теченій, которыя уже тогда начали обнаруживаться въ нашей журналистикѣ, и т. д. и т. д. Всѣ эти литературные толки имѣютъ теперь, конечно, лишь историческій интересъ, — и въ этимъ отношеніи, какъ справедливо замѣчается Пыпинымъ, „изъ первой половины шестидесятыхъ годовъ нельзя назвать другого писателя, который доставилъ бы столько этого историческаго матеріала какъ Щедринъ, въ разсматриваемыхъ его публицистическихъ статьяхъ...“

Въ заключеніе упомянемъ о позднѣйшемъ капитальномъ трудѣ Пыпина, предпринятомъ имъ въ самые послѣдніе годы и столь быстро доведенномъ почти до конца — *академическомъ изданіи сочиненій императрицы Екате-*

рины II. По быстротѣ работы этотъ трудъ — едва ли не единственный въ нашей ученой литературѣ: въ теченіе одного года вышло восемь обширныхъ томовъ!.. Изданіе поставило своей задачей — „собрать по возможности въ полномъ составѣ сочиненія императрицы Екатерины II, до сихъ поръ далеко не вполнѣ извѣстныя, возстановить по подлиннымъ рукописямъ ихъ настоящій текстъ и такимъ образомъ опредѣлить ея литературную дѣятельность“... Величайшая заслуга изданія — не только провѣрка „по подлиннымъ рукописямъ“ текста сочиненій, но цѣлый рядъ открытій въ самой области этихъ „подлинныхъ рукописей“. Въ Государственномъ Архивѣ А. Н. Пыпинымъ найдена была въ автографахъ цѣлая масса литературныхъ произведеній императрицы, остававшихся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными. Вновь открытые автографы заключаютъ въ себѣ тексты нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ, вполнѣ законченныхъ, вмѣстѣ съ массой отрывковъ, рядъ отдѣльныхъ сочиненій, историческихъ и литературныхъ, наконецъ, матеріалы автобіографическіе. Въ отношеніи къ сочиненіямъ, уже ранѣе бывшимъ извѣстными и напечатанными, — Пыпинымъ найдено здѣзь же множество автографовъ, дающихъ или рядъ важныхъ варіантовъ или вообще любопытныя указанія о способѣ работы императрицы, о роли ея секретарей, переписывавшихъ ея труды, и т. п. Нельзя не пожалѣть, что изданіе, полагая свою главную задачу въ собраніи самого состава сочиненій и опредѣленіи текста — заранѣе устранило болѣе или мемѣе обширные историко-литературные комментаріи; но послѣдніе, конечно, значительно задержали бы выходъ сочиненій. Впрочемъ, каждое издаваемое произведеніе сопровождается въ изданіи особыми *примѣчаніями* редактора, не рѣдко весьма обширными, и вообще — весьма цѣнными. Въ примѣчаніяхъ указываются соотвѣтствующія рукописи и первопечатныя изданія, имѣющіеся иностранные переводы, приводятся варіанты, сравнительно съ печатающимся текстомъ по имѣющимся автографамъ, бѣловымъ или черновымъ, и другимъ сохранившимся спискамъ, дѣлаются за-

мѣтки библіографическія и отчасти историко-литературнаго характера, приводятся относящіеся къ печатаемыхъ текстамъ матеріалы изъ различныхъ современныхъ изданій, изъ писемъ императрицы, изъ „Дневника“ Храповицкаго, дѣлаются замѣтки по языку и т. д. и т. д. Особенно цѣнны приводимые въ примѣчаніяхъ сполна тексты автографовъ, соотвѣтствующіе печатающимся текстамъ, а равно и другіе рукописные или печатные матеріалы, найденные Пыпинымъ и имѣющіе ближайшее отношеніе къ издаваемымъ произведеніямъ, иногда весьма обширные. Помимо „примѣчаній“, въ первомъ томѣ находится обширное *введеніе*. посвященное характеристикѣ особыхъ условій касательно литературной дѣятельности Екатерины II и обзору имѣющейся научной разработки вопроса о ея сочиненіяхъ; въ седьмомъ — спеціальное изслѣдованіе о томъ, „кто былъ авторомъ *Антидота*“. Помимо всего, — въ концѣ труда редакторомъ предполагалось „собрать впечатлѣнія и выводы, которые представляются при изученіи этого необычайнаго историческаго матеріала“... Изданіе не было доведено до конца, — среди работъ надъ нимъ А. Н. Пыпинъ скончался...

Какъ мы уже въ началѣ замѣтили, въ настоящемъ очеркѣ мы вовсе не имѣли въ виду, да и не могли — хоть сколько нибудь полно и всесторонне очертить научную дѣятельность академика Пыпина, болѣе или менѣе обстоятельно характеризировать научное значеніе его обширныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ ученыхъ трудовъ. Мы оставили въ сторонѣ даже такіе монументальные его труды, какъ *Исторія славянскихъ литературъ* (2 тома, 1886), — не упоминаемъ обширныхъ и многочисленныхъ статей его по изученію славянства, цѣлый рядъ другихъ статей, помѣщавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“, отчасти и въ другихъ изданіяхъ; не упоминаемъ длиннаго ряда его переводовъ и т. д. [1]). Мы надѣемся, однако, что и сказаннаго здѣсь вполнѣ

[1]) Изъ переводовъ А. Н. Пыпина отмѣтимъ между прочимъ переводъ *Исторія всеобщей литературы XVIII в.* Геттнера (Спб., 1866—1872, 3 т.).

достаточно, чтобы видѣть общій характеръ ученыхъ трудовъ нашего знаменитаго ученаго, — ихъ обиліе, разнообразіе, ихъ громадную важность не только въ смыслѣ спеціально-научномъ, въ спеціальной области научныхъ изученій собственно исторіи русской литературы, но и въ болѣе широкомъ, чисто общественномъ, — ихъ значеніе въ общемъ поступательномъ движеніи нашего общественнаго развитія, столь неразрывно связанномъ съ расширеніемъ въ обществѣ образованія и серьезныхъ знаній, — въ общемъ развитіи того „національнаго, общественнаго самосознанія“, вопросъ о которомъ всегда занимаетъ такое видное мѣсто въ научныхъ изслѣдованіяхъ академика Пыпина. Къ трудамъ нашего великаго ученаго и публициста съ гораздо бо̀льшимъ, намъ кажется, правомъ можетъ быть отнесено сказанное имъ самимъ объ одномъ изъ позднѣйшихъ нашихъ ученыхъ дѣятелей: „Онъ не спеціализировался на какомъ либо одномъ вѣкѣ, одной области литературы; напротивъ, его интересы шли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, — и вездѣ онъ искалъ въ произведеніяхъ литературы *отголоски жизни*, и не только жизни такъ называемого общества, но и народной массы“... [Слова А. Н. Пыпина о Н. С. Тихонравовѣ, — „Соч.“ Тихонравова, I, стр. XCVI].

VI.

Общее разширеніе за послѣднія десятилѣтія научныхъ изученій въ области славянской филологіи на Западѣ; подъемъ научныхъ интересовъ и смягченіе цензурныхъ условій, въ связи съ „эпохой великихъ реформъ“, въ Россіи.

Научная дѣятельность акад. И. В. Ягича.

Позднѣйшія изученія въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества. Новыя собиранія и новыя изученія. — А. Н. Веселовскій и его обширныя изысканія въ области „литературнаго общенія Востока и Запада“, въ области русскаго фольклора и разнообразныхъ связей послѣдняго съ памятниками средневѣковой литературы западно-европейской, письменностью древнеславянской, византійской литературой и т. д. — *Происхожденіе русскихъ былинъ* В. В. Стасова. — Выводы научныхъ изысканій Г. Н. Потанина. — Труды Л. З. Колмачевскаго, А. Н. Кирпичникова, Н. Ѳ. Сумцова, И. П.

Созоновича, И. Н. Жданова, В. Н. Мочульскаго и др. — Увлеченія и крайности „бенфеистовъ"; общій ходъ дальнѣйшихъ изученій. — Продолжающіеся труды „миѳологовъ" — Позднѣйшія изученія А. А. Потебни. — Старый трудъ Л. Н. Майкова и усиленіе за позднѣйшее время „историческаго" направленія въ изученіи памятниковъ русскаго народнаго творчества. —*Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ* Н. П. Дашкевича. — Изслѣдованія М. Е. Халанскаго, С. К. Шамбинаго и др. — „Замѣтки" А. И Соболевскаго. — Развитіе научныхъ изученій и взглядовъ Вс. Ѳ. Миллера; его *Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса* и *Очерки русской народной словесности.* — Изслѣдованія и методологическіе взгляды Н. П. Дашкевича. — Позднѣйшіе труды А. М. Лободы, А. В. Маркова, А. М. Смирнова, В. Н. Перетца, М. Н. Сперанскаго, Ю. А. Яворскаго, А. Н. Ветухова, Д. К. Зеленина, А. В. Рыстенко и др. — *Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ, приметахъ* А. С. Ермолова. — Сводные труды по русскому народному эпосу О. Ѳ. Миллера, П. В. Владимирова, Пыпина и др.

За послѣднія десятилѣтія, начиная съ 70—80 гг., изданія и изслѣдованія въ области русской литературы продолжаютъ быстро увеличиваться и въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Расширенію рамокъ нашихъ научныхъ изученій больше всего способствуетъ общее расширеніе филологической науки на Западѣ, равно и собственно славянской филологіи — съ успѣхами которой, конечно, ближайшимъ образомъ связано развитіе изученій и въ области собственно русской литературы, особенно древней — и тотъ общій подъемъ научныхъ изученій, который наступаетъ у насъ, какъ ближайшій результатъ „эпохи великихъ реформъ". Какъ уже было нами выше замѣчено, — въ связи съ разнообразіемъ и сложностью вопросовъ, выдвинутыхъ за послѣднія десятилѣтія въ области не только собственно историческихъ, но и обще-соціологическихъ наукъ, подъ наплывомъ новыхъ изученій этнографическихъ, естественно-историческихъ, психологическихъ и др., — за послѣднее время въ западной наукѣ значительно измѣнились научные взгляды на „исторію литературы", ея задачи и цѣли. Къ изученіямъ собственно историко-литературнымъ привлечено такое множество „новыхъ точекъ зрѣнія", „новыхъ предметовъ", — что старыя рамки „исторіи лите-

ратуры“ оказались слишкомъ тѣсными и непригодными!.. Одновременно безконечно расширились и старыя точки зрѣнія при изученіи самыхъ литературныхъ произведеній. Все это не могло не отразиться самымъ существеннымъ образомъ и на судьбахъ славянской филологіи, на ея внутреннемъ расширеніи, а затѣмъ и на самомъ признаніи ея въ качествѣ самостоятельной, равноправной научной дисциплины. Именно въ послѣднемъ ей долгое время отказывали на западѣ. Теперь, съ 70—80-хъ гг., въ этомъ отношеніи происходитъ рѣзкая перемѣна: „славянская филологія“ твердо становится на ноги, входитъ въ семью западно-европейскихъ наукъ, — привлекая въ свою область замѣтное число и собственно западныхъ научныхъ силъ. Какъ указываетъ позднѣйшій историкъ славянской филологіи, — условія для ея полнаго преуспѣянія растутъ „съ каждымъ десятилѣтіемъ“. Число славянскихъ университетовъ увеличивается; значительно расширяется дѣятельность славянскихъ академій наукъ и ученыхъ обществъ; быстро увеличивается число спеціальныхъ періодическихъ изданій, посвященныхъ изученію славянскихъ языковъ, литературы и вообще цѣлямъ филологическимъ и историко-литературнымъ; во всѣхъ концахъ славянскаго міра видимо обнаруживается широкая филологическая, историко-литературная и этнографическая дѣятельность (Ягичъ, Ист. слав. фил., I, 878 sqq.)... Дѣло еще болѣе выигрывало отъ того, что съ общимъ расширеніемъ и развитіемъ изученій языковъ и литературъ славянскихъ совпадаетъ возникновеніе въ западной наукѣ цѣлой новой научной области — византологіи, изученіе языка и литературы средневѣковой Византіи, съ культурной и литературной исторіей которой такъ тѣсно связана исторія древне-славянскихъ литературъ. Въ связи съ указаннымъ, — особенно важнымъ фактомъ и чрезвычайно характернымъ было появленіе за послѣднія десятилѣтія въ западно-европейской научной литературѣ двухъ спеціальныхъ ученыхъ періодическихъ изданій: „Archiv für Slavische Philologie“ Ягича и „Byzantinische Zeitschrift“ Крумбахера; для нашихъ изученій, конечно, было осо-

бенно важно появленіе перваго. Основанный И. В. Ягичемъ въ 1876 году, „Archiv für Slav. Philologie“, по своей программѣ и общей научной постановкѣ не имѣвшій и не имѣющій въ славянской наукѣ соперниковъ, — остается и до сихъ поръ наиболѣе важнымъ спеціальнымъ журналомъ по славянской филологіи, сосредоточиваетъ вокругъ себя лучшія силы и русской и западно-славянской филологической науки, представляя въ каждомъ своемъ томѣ богатое и разнообразное содержаніе, постоянно обогащая разные отдѣлы славистики новыми капитальными изслѣдованіями или цѣнными матеріалами, являясь вообще въ строгомъ смыслѣ „европейскимъ“ спеціально-ученымъ журналомъ. Все это имѣло тѣмъ бо́льшее значеніе, что, помимо собственно научной, здѣсь была и другая весьма существенная и важная сторона: благодаря высокимъ научнымъ достоинствамъ нѣмецкаго журнала акад. Ягича, за послѣднія десятилѣтія быстро совершается какъ бы общая реабилитація славянства, „славянской филологіи“, въ глазахъ ученой Европы, — и изученіе славянства заняло прочное мѣсто въ европейской наукѣ. Совершилось объединеніе славянской науки съ западно-европейской. Въ этомъ отношеніи для славяновѣдѣнія, для упроченія и развитія въ Европѣ славистики, И. В. Ягичемъ сдѣлано было то же, что́ сдѣлано было упомянутымъ знаменитымъ К. Крумбахеромъ для византологіи, основаніемъ *Byzantinische Zeitschrift*. Журналъ, основанный Ягичемъ, болѣе чѣмъ что другое, способствовалъ паденію и окончательному истребленію въ глазахъ ученой Европы научнаго предразсудка, что старославянская письменность и ничтожна и бѣдна, лишена всякаго самостоятельнаго значенія и не заслуживаетъ серьезнаго изученія. Предразсудокъ былъ столь силенъ, держался столь упорно, что опроверженіе его съ каѳедры Вѣнскаго университета еще въ 1886 году даже для многихъ профессоровъ было „откровеніемъ“, — и въ этомъ отношеніи вступительная лекція акад. Ягича, прочитанная имъ въ 1886 г. въ стѣнахъ Вѣнскаго университета, при открытіи здѣсь своихъ университетскихъ чтеній — въ которой открыто вы-

сказаны были авторитетнымъ славистомъ эти взгляды — являлась какъ бы историческимъ событіемъ... Одновременно съ внѣшнимъ упроченіемъ, — въ области славянской филологіи, подъ вліяніемъ общаго разширенія историко-литературныхъ изученій, совершается значительное расширеніе и внутреннее. Она начинаетъ гораздо шире, глубже понимать и ставить свои задачи, — и послѣднее совершается опять главн. образ. въ связи съ научными трудами акад. Ягича. Общій научный характеръ, приданный славянской филологіи Ягичемъ, весьма замѣтно отличался отъ того направленія научныхъ изученій, которое господствовало въ этой области сравнительно еще такъ недавно, — когда главнымъ представителемъ славистики на западѣ былъ извѣстный Миклошичъ († 1891), предшественникъ Ягича въ Вѣнскомъ университетѣ, оставившій каѳедру здѣсь въ 1885 г. и указавшій своимъ преемникомъ Ягича. Заслуги Миклошича въ славянской филологіи были, конечно, неоспоримы; „ученые труды его еще надолго останутся необходимыми, иногда единственными пособіями для всякаго занимающагося или интересующагося вопросами славянскаго языкознанія“. Но вообще научные интересы Миклошича были слишкомъ односторонни. Въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ исключительное мѣсто онъ отводилъ языку, грамматикѣ; вопросы общей славянской культуры и литературнаго развитія какъ-то мало его занимали. Направленіе ученыхъ трудовъ акад. Ягича несравненно шире, разнообразнѣй. Задачи слависта Ягичъ понимаетъ несравненно многостороннѣе; по мѣткому выраженію акад. Веселовскаго, — вмѣстѣ съ Як. Гриммомъ, Ягичъ хочетъ „не только строить дома, но и жить въ нихъ“... Область *языка* находитъ въ акад. Ягичѣ столь же ревностнаго изслѣдователя, какъ и область памятниковъ *собственно литературныхъ*, область произведеній *письменности*, произведеній *устной народной поэзіи*, народной *миѳологіи*, изслѣдованія *археологическія* и т. д. Подъ терминомъ „славянская филологія“ акад. Ягичъ понимаетъ такую же широкую совокупность цѣлаго ряда различныхъ научныхъ дисциплинъ,

какая въ нераздѣльной цѣльности и единствѣ этихъ — самихъ по себѣ отдѣльныхъ — спеціальностей обнимается, „какъ нѣчто единое и цѣлостное („als ein Ganzes“) — и соотвѣтствующими терминами: „нѣмецкая филологія“, „романская филологія“ и т. п. Въ упомянутой сейчасъ вступительной лекціи въ Вѣнскомъ университетѣ акад. Ягичъ со всею опредѣленностью высказалъ именно эти основные взгляды на характеръ, который должна была отнынѣ носить въ себѣ „славянская филологія“, какъ наука...

Въ виду довольно близкихъ связей, въ которыя съ 40-хъ гг. стала русская наука къ западно-европейской, уже и эти, отмѣченныя сейчасъ, общія условія расширенія за послѣднее время византійско-славянскихъ изученій на западѣ не могли не имѣть существеннаго значенія и въ отношеніи къ собственно русской историко-литературной наукѣ. Но помимо того, были и еще особыя условія, въ свою очередь могущественно способствовавшія расширенію и поднятію собственно русскихъ изученій въ области исторіи русской литературы: разумѣемъ общій подъемъ нашей науки, наступившій съ 60-хъ гг., какъ ближайшій результатъ отчасти совершившихся уже, отчасти совершавшихся „великихъ реформъ“ въ государственной и общественной жизни страны. Съ начала 60-хъ гг. у насъ поднялось вдругъ, разомъ, множество самыхъ различныхъ „вопросовъ“, — о которыхъ нельзя было и помыслить еще наканунѣ! — „вопросовъ о самыхъ существенныхъ сторонахъ нашего государственнаго и общественнаго бытія: о расширеніи просвѣщенія, о самодѣятельности общества, гласности, преобразованіи суда и администраціи, о народной школѣ, положеніи печати и т. д. и т. д. Все это не могло тотчасъ же и самымъ существеннымъ образомъ не отразиться и на положеніи въ странѣ науки, — особенно науки о прошломъ страны, науки вообще исторической, историко-литературной, тѣмъ болѣе, что само правительство дѣлало теперь значительныя усилія (хотя и далеко не всегда послѣдовательныя!) къ расширенію и поднятію въ обществѣ этого рода интересовъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важное значеніе имѣло

чисто мѣстное условіе: наступившее съ „эпохи великихъ реформъ“ значительное смягченіе цензурныхъ стѣсненій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ дѣятельностью русскихъ ученыхъ. Послѣ такъ долго продолжавшагося цензурнаго гнета, достигшаго подъ конецъ „цензурнаго террора“, по выраженію одной оффиціальной бумаги, — наша цензура въ эпоху реформъ значительно смягчается. Правда, и теперь цензура въ общемъ была еще очень сурова; иногда, по временамъ, она и теперь обращалась въ того „чернаго медвѣдя“ — выраженіе Карамзина! — который прежде нерѣдко лежалъ на пути къ свободной дѣятельности даже передъ такими писателями, какъ Карамзинъ, — но въ общемъ все же съ 60-хъ гг. времена стали не тѣ... Послѣднее тотчасъ и сказывается. Сравнительное ослабленіе цензурныхъ и другихъ стѣсненій тотчасъ же открываетъ для науки огромную массу неизвѣстнаго ранѣе или только предполагаемаго матеріала, — даетъ ученымъ и другимъ возможность широкой работы въ государственныхъ архивахъ, въ библіотекахъ различныхъ учрежденій, вызываетъ открытіе новыхъ ученыхъ обществъ, возникновеніе новыхъ періодическихъ — популярныхъ и спеціальныхъ — ученыхъ изданій и т. д. и т. д. Прежде всего особенно расширяется издательская и вообще ученая дѣятельность Императорской Академіи Наукъ, — которой предпринимается теперь цѣлый рядъ различныхъ научныхъ изданій по различнымъ областямъ исторіи русской литературы, древней и новой, памятниковъ русскаго народнаго творчества, вообще фольклора и т. д. Подъ ближайшимъ вліяніемъ совершившихся или ожидавшихся реформъ, нерѣдко при ближайшемъ содѣйствіи правительства, особенно усиливаются этнографическія, статистическія, археологическія и др. изученія, — вызывающія открытіе „обществъ“, „комитетовъ“ и т. п., чаще всего съ особыми спеціальными періодическими учеными изданіями. Между прочимъ уже въ 1864 г. при Москов. Унив. возникаетъ Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; въ 1865 г., по иниціативѣ гр. А. С. Уварова, возникаетъ Московское Археологи-

ческое Общество, — почти тотчасъ же „Обществомъ“ начинаются устраиваться періодическіе археологическіе съѣзды, съ широкой постановкой изученія русскихъ древностей не только собственно археологическихъ; уже съ 1865 г. „Обществомъ“ начинаетъ издаваться спеціальный журналъ *[Древности. Труды Москов. Археологическаго Общества* и пр.]; особый рядъ *Трудовъ* начинаетъ издаваться возникающей позднѣе при „Обществѣ“ Славянской комиссіей, — длинный рядъ новыхъ *Трудовъ*, представляющихъ нерѣдко цѣнныя изслѣдованія и въ области собственно историко-литературной, является результатомъ упомянутыхъ, устраивавшихся „Обществомъ“, „археологическихъ съѣздовъ“ и т. д. Въ 1866 г. въ Петербургѣ основывается Русское Историческое Общество, — почти тотчасъ же начинающее издавать свой *Сборникъ*, посвященный изданію историческихъ документовъ самой первостепенной важности. Въ 1877 г., въ Петербургѣ возникаетъ, по иниціативѣ кн. П. П. Вяземскаго († 1888), Общество любителей древней письменности, — предпринимающее изданіе цѣлаго ряда великолѣпныхъ *Изданій* и *Памятниковъ*. Нѣсколько позднѣе возникаетъ Православное Палестинское Общество, — съ своими въ высшей степени цѣнными изданіями въ области древнерусской литературы путешествій; еще ранѣе, въ Москвѣ, въ 1863 г., возникаетъ Общество любителей духовнаго просвѣщенія, начинающее позднѣе издавать свои *Чтенія*... Рядъ ученыхъ „Обществъ“ возникаетъ по провинціямъ, особенно въ университетскихъ городахъ. Отмѣтимъ Кіевское Историческое Общество Нестора Лѣтописца, возникающее въ Кіевѣ въ 1873 г., — Общество археологіи, исторіи и этнографіи въ Казани, въ 1877 г., — Историко-филологическое Общество въ Харьковѣ и т. д. Этнографическія, археографическія и др. изученія изъ столицы быстро переносятся и въ провинцію, на мѣста. Возникаютъ мѣстные отдѣлы Петербургскаго „Русскаго Географическаго Общества“: кавказскій, западно-сибирскій (въ Омскѣ), восточно-сибирскій (въ Ир-

кутскѣ), оренбургскій, юго-западный (въ Кіевѣ), — предпринимающіе энергичную работу по собиранію и изученію мѣстныхъ этнографическихъ матеріаловъ, въ особенности памятниковъ народнаго творчества, — и рядъ собственныхъ спеціальныхъ изданій. Рядомъ съ центральной, столичной Археографической Комиссіей, возникшей еще въ 40 гг., — возникаетъ по губерніямъ рядъ археографическихъ комиссій провинціальныхъ: виленская, кіевская и др. Усиленную дѣятельность началъ обнаруживать и возникшій у насъ еще въ 30-хъ гг. при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ Центральный Статистическій Комитетъ: при немъ быстро возникаетъ длинный рядъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ и т. д. и т. д. Какъ уже замѣчено, всѣ эти провинціальные „отдѣлы", „комиссіи", „комитеты" начинаютъ издавать свои собственные „Труды", „Записки", „Памятныя книжки" — нерѣдко съ изслѣдованіями или матеріалами въ высшей степени цѣнными для мѣстныхъ изученій края, этнографическими, обще-историческими, историко-литературными и др. Все это разомъ и необычайно высоко сравнительно еще съ недавнимъ прошлымъ поднимаетъ въ странѣ „науку" и общіе научные интересы,— тѣмъ болѣе, что все это сопровождается, какъ мы уже замѣтили, значительнымъ смягченіемъ цензуры. Для научныхъ изученій дѣлаются доступными теперь впервые цѣлые новые отдѣлы въ отечественной исторіи, еще столь недавно совершенно запретные,—напр. весь XVIII вѣкъ, который начинаетъ изучаться только теперь, за эти позднѣйшія десятилѣтія. Необычайно и въ самыхъ различныхъ направленіяхъ — вслѣдствіе тѣхъ же цензурныхъ смягченій — расширяется и самая постановка въ изученіи научныхъ вопросовъ. Строго говоря, серьезная постановка всѣхъ этихъ „вопросовъ" дѣлается возможной только теперь, — и всѣ они теперь возникаютъ вдругъ, разомъ, почти разомъ, одновременно вызывая рядъ самыхъ первостепенной важности научныхъ изслѣдованій, разысканій, матеріаловъ. Рядомъ съ „вопросомъ крестьянскимъ" тутъ же возникаетъ „вопросъ дворянскій", вопросъ объ историческомъ развитіи

крѣпостного права, — далѣе вопросы объ „общинѣ“, о бытовомъ и юридическомъ обычаѣ, или такъ наз. „обычномъ правѣ“, о русской артели, расколѣ и т. д. и т. д. Какъ отраженіе общаго научнаго оживленія, общаго расширенія и поднятія научной жизни страны, быстро развивающагося въ связи съ реформами, а также и ослабленіемъ цензуры, — быстро возникаетъ рядъ новыхъ періодическихъ изданій, помимо уже названныхъ, и спеціальныхъ и болѣе популярнаго характера; впрочемъ, часто и въ послѣднихъ печатаются обширные и въ высшей степени цѣнные, чисто научные труды. Уже въ 1859 г. возникаетъ въ Петербургѣ *Русское Слово;* въ 1863 г. въ Москвѣ — *Русскій Вѣстникъ* Каткова и *Русскій Архивъ* П. И. Бартенева, въ Воронежѣ *Филологич. Записки* Хованскаго; въ 1866 г. — *Вѣстникъ Европы* въ Петербургѣ; въ 1867 г. — *Чтенія въ Обществѣ любителей россійской словесности* въ Москвѣ; въ 1868 г. — *Дѣло* въ Петербургѣ, здѣсь же — *Заря*, подъ редакціей Кашпирева. Въ 1870 г. возникаютъ въ Петербургѣ *Русская Старина* М. И. Семевскаго и *Знаніе;* въ 1871 г. — *Бесѣда* въ Москвѣ; въ 1875 г. — *Древняя и Новая Россія* въ Петербургѣ; въ 1876 г. здѣсь же — *Дневникъ Писателя* Достоевскаго. Въ 1879 году возникаютъ — *Русскій Филологическій Вѣстникъ* въ Варшавѣ, *Критическое Обозрѣніе* въ Москвѣ, *Русская Рѣчь* и *Историческій Вѣстникъ* въ Петербургѣ. Въ 1880 г. — *Русское Богатство* въ Петербургѣ; *Русская Мысль* въ Москвѣ. Въ 1881 году — *Заграничный Вѣстникъ* въ Петербургѣ; въ 1882 г. здѣсь же — *Наблюдатель*, въ Кіевѣ — *Кіевская Старина.* Въ 1884 г. въ Петербургѣ возникаютъ *Колосья;* въ 1885 г. здѣсь же — *Сѣверный Вѣстникъ;* въ 1888 г. — *Пантеонъ Литературы* и *Сѣверъ.* Въ 1889 г. въ Москвѣ — *Артистъ;* въ 1890 г. въ Петербургѣ — *Ежегодникъ Императорскихъ театровъ;* въ томъ же году въ Москвѣ — *Русское Обозрѣніе;* въ 1892 г. въ Петербургѣ — *Міръ Божій;* въ 1897 г. здѣсь же — *Старина и Новизна.* Въ 1889—1890 гг. въ Петербургѣ и Москвѣ возникаютъ два спеціальныя этнографическія изданія: *Этнографич. Обозрѣніе*

(въ Москвѣ, съ 1889 г.) и *Живая Старина* (въ Петербургѣ, съ 1890 г.); въ 1902 г. въ Петербургѣ — *Литературный Вѣстникъ* и т. д. и т. д. Не говоримъ о продолжающихся и теперь прежнихъ періодическихъ изданіяхъ — литературныхъ и спеціально научныхъ — такихъ, какъ „Отеч. Записки", „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", упоминавшійся уже нами, возникающій въ 1867 г. „Сборникъ II Отдѣленія Академіи Наукъ", — рядомъ съ которымъ, съ 1896 г., съ вступленіемъ въ члены Академіи А. А. Шахматова, возобновляются старыя *Извѣстія русскаго языка и словесности И. Ак. Наукъ*, а нѣсколько ранѣе передъ тѣмъ, въ 1894 г., спеціальный органъ по византологіи — *Византійскій Временникъ*... Не упоминаемъ о рядѣ возникающихъ теперь „Ученыхъ Записокъ" или „Извѣстій", начинающихъ выходить при университетахъ, — нѣкоторыхъ вновь возникающихъ духовныхъ журналахъ, такихъ, какъ *Духовный Вѣстникъ* въ Харьковѣ, *Труды Кіевской Духовной Академіи* въ Кіевѣ, *Богословскій Вѣстникъ* въ Москвѣ, или тамъ же возникающія *Православное Обозрѣніе, Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія,* посвященное изученію раскола *Братское Слово,* наконецъ, такихъ отдѣльныхъ сборниковъ, какъ *Славянскій Сборникъ,* выходящій въ Петербургъ въ 1875—1877 гг. подъ редакціей Гильдебрандта, *Славянскій Ежегодникъ,* возникающій въ 1876 г. въ Кіевѣ подъ редакціей Задерацкаго, *Вѣстникъ Славянства* (1888—1896) Вл. Качановскаго, или изданій спеціально библіографическихъ: въ 1885 г. возникаетъ *Библіографъ,* „вѣстникъ литературы, науки и искусства", подъ ред. Н. М. Лисовскаго, — позднѣе *Библіографич. Записки, Русскій Библіофилъ* и т. д. и т. д. Научные интересы быстро дѣлаются столь всеобщими, поднимаются такъ высоко въ обществѣ, что — не говоря объ изданіяхъ спеціальныхъ — даже изданія чисто литературныя, какъ мы замѣтили, часто представляли въ себѣ въ высшей степени цѣнные, чисто научные труды, матеріалы, спеціальныя изслѣдованія и т. п. Въ этомъ отношеніи достаточно припомнить, что почти вся научно-литературная дѣятельность Пыпина прошла неразрывно связанной съ

„Вѣстн. Европы“, — на страницахъ котораго съ 1866 г. печатаются всѣ наиболѣе цѣнные его труды. Такимъ же образомъ многіе труды Скабичевскаго первоначально печатались въ „Отеч. Зап., Сухомлинова — въ „Историч. Вѣстникѣ“ и т. д. „Русскія Пѣсни“ Якушкина, какъ извѣстно, первоначально напечатаны были въ „Отеч. Зап“., — тамъ же одно время собирался печатать и свои „Русскія Сказки“ Афанасьевъ... Въ отношеніи спеціально историко-литературныхъ матеріаловъ особенно много даютъ „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“. Возникновеніе этихъ изданій, можно сказать, производитъ полный переворотъ въ нашихъ историческихъ и историко-литературныхъ изученіяхъ, особенно въ отношеніи популяризаціи этихъ изученій въ обществѣ и общаго подъема въ обществѣ научныхъ и общественно-историческихъ интересовъ. Изданія П. И. Бартенева и М. И. Семевскаго, безъ преувеличенія, можно сказать, совершаютъ въ извѣстной степени то же, что сдѣлано было нѣкогда „Исторіей“ Карамзина: „открываютъ“ передъ русскимъ читателямъ столь мало бывшее ему извѣстнымъ его недавнее историческое и литературное прошлое, — открываютъ ему факты, событія, цѣлыхъ писателей и другихъ общественныхъ дѣятелей, вызываютъ на свѣтъ необозримую массу „записокъ“, „мемуаровъ“, „воспоминаній“, цѣлые архивы офиціальныхъ бумагъ, частной переписки, подлинные тексты цѣлаго ряда — остававшихся дотолѣ извѣстными лишь по слухамъ, или совсѣмъ не извѣстными — въ высшей степени цѣнныхъ произведеній русскихъ писателей XVIII и XIX вв., относящіеся къ нимъ обильные матеріалы біографическіе, автобіографическіе и т. д. и т. д.

Общее значительное разширеніе замѣчается, по слѣдамъ западной науки, и въ самыхъ пріемахъ научнаго изученія — въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Въ общемъ продолжаются традиціи, данныя еще 40—50-ми годами: господствуетъ выработанный въ концѣ 50-хъ гг. сравнительно-историческій методъ изслѣдованія. Но самое разширеніе научныхъ матеріаловъ, теперь особенно увеличивающееся, масса

новыхъ дѣлающихся доступными наукѣ источниковъ — все это значительно вліяетъ на измѣненіе какъ общихъ научныхъ взглядовъ и заключеній, такъ и самыхъ точекъ зрѣнія при изученіи матеріаловъ, на методъ изученія, особенно въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣламъ или вопросамъ. Методъ въ общемъ пріобрѣтаетъ бо́льшую глубину и разносторонность, получаетъ въ деталяхъ видоизмѣненія, — тѣмъ самымъ нерѣдко значительно дополняя или видоизмѣняя прежніе научные взгляды. Очень нерѣдко научные выводы и заключенія, подъ вліяніемъ вновь открываемыхъ матеріаловъ — не только дополняются или видоизмѣняются, но подвергаются и существенному „пересмотру“; въ зависимости отъ массы новыхъ матріаловъ, только теперь дѣлающихся извѣстными, иногда совершенно ниспровергаются выводы и заявленія, еще такъ недавно казавшіеся непоколебимыми, окончательными... Въ смыслѣ такого „пересмотра“ особенно сильная ломка происходитъ въ области изученій памятниковъ народной поэзіи и вообще всей народной поэтической старины... Многое предпринятое позднѣйшими изученіями выступаетъ пока лишь отдѣльными сторонами, часто лишь въ самыхъ общихъ, неясныхъ очертаніяхъ, или даже только намѣчается, едва лишь брежжится на научномъ горизонтѣ, и въ конечныхъ результатахъ, можетъ быть, дастъ гораздо меньше или совсѣмъ не то, что́ ожидается; тѣмъ не менѣе начавшіяся за позднѣйшее время въ различныхъ областяхъ нашей науки въ бо́льшей или меньшей степени дополненія, видоизмѣненія или даже цѣлые „пересмотры“ прежнихъ мнѣній и выводовъ — въ общемъ приняли столь широкіе размѣры, что за послѣднее время, какъ мы видѣли, существеннымъ образомъ начали видоизмѣняться самые взгляды на задачи и цѣли „исторіи литературы“, какъ науки...

Позднѣйшіе, идущіе съ 70-хъ гг., труды по изученію исторіи русской литературы, какъ вслѣдствіе необычайнаго расширенія самыхъ матеріаловъ, подвергнутыхъ теперь изученію, такъ и примѣненія новыхъ болѣе широкихъ точекъ

зрѣнія при ихъ изученіи — безъ сомнѣнія, важнѣйшее, наиболѣе цѣнное, что пріобрѣтено нашей науки за послѣднее время, „итогъ“ всего сдѣланнаго пока наукой. Вся современная научная разработка исторіи русской литературы, особенно болѣе позднихъ ея періодовъ, главнымъ образомъ, а иногда и исключительно — наука позднѣйшихъ 30—40 лѣтъ. Конечно, намъ нѣтъ никакой возможности хоть сколько нибудь подробно остановиться здѣсь на всѣхъ относящихся сюда научныхъ трудахъ; мы будемъ имѣть въ виду главн. образ. лишь общее, самое бѣглое обозрѣніе нашихъ позднѣйшихъ изученій, — лишь изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, касаясь нѣкоторыхъ подробностей, частностей. Будемъ говорить о трудахъ преимущественно русскихъ ученыхъ, да они являются въ данномъ случаѣ и наиболѣе существенными, — хотя теперь, за послѣднія 20—30 лѣтъ, изученіе русской литературы, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, начинаетъ привлекать вниманіе и западныхъ ученыхъ, особенно послѣ того, какъ они познакомились съ „русскимъ романомъ“... Въ отношеніи внѣшняго порядка изложенія, какъ и выше, останавливаемся прежде всего на изученіи памятниковъ русскаго народнаго творчества, вообще народно-поэтической старины, русскаго folklore'a; далѣе переходимъ къ изученіямъ въ области древнерусской литературы; далѣе — къ изученіямъ литературы новой, XVIII вѣка, начиная съ Петра В. и захватывая первыя десятилѣтія XIX-го, „кануна Пушкина“; наконецъ — къ изученіямъ новѣйшей русской литературы, съ Пушкина и Гоголя. Изученія въ области русскаго языка мы оставимъ въ сторонѣ, какъ превратившіяся за послѣднее время въ совершенно отдѣльную, самостоятельную научную дисциплину, самостоятельную и по своему содержанію, матеріалу, и по своимъ пріемамъ, задачамъ изученія; мы отмѣтимъ лишь немногіе отдѣльные труды, — главнымъ образомъ связанные съ памятниками древней русской литературы и вообще относящіеся къ исторіи русскаго языка и выработкѣ нашего позднѣйшаго языка литературнаго.

Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію этихъ позднѣйшихъ

нашихъ изученій, считаемъ необходимымъ предварительно остановиться на трудахъ уже упоминавшагося нами знаменитаго слависта, акад. И. В. Ягича. Труды послѣдняго, посвященные преимущественно памятникамъ древнѣйшей славянской письменности, стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ изученія собственно исторіи русской литературы; но вообще должны быть поставлены во главѣ всей современной славянской филологіи. Ученые труды акад. Ягича начинаются уже съ половины 60-хъ гг. только что истекшаго столѣтія и, охватывая собою все послѣднее полустолѣтіе исторіи славянской филологіи, какъ бы фактически связываютъ болѣе раннихъ представителей нашей науки съ позднѣйшими и современными ея дѣятелями. Съ другой стороны, Ягичъ — представитель не только русской, но въ полномъ смыслѣ и западно-европейской науки, — не только по высокому научному достоинству и цѣнности своихъ работъ, но и по самымъ внѣшнимъ условіямъ своей жизни и дѣятельности. Родомъ хорватъ (род. въ Вараджинѣ, въ Хорватіи, въ 1838 г.), высшее образованіе свое И. В. Ягичъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ; начавши свою оффиціальную дѣятельность преподавателемъ въ Загребской гимназіи (въ 1860 г.), Ягичъ послѣдовательно является профессоромъ славянской филологіи въ Одессѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, наконецъ въ Вѣнѣ, — гдѣ остается и до сихъ поръ; одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Петербургской Академіи Наукъ, И. В. Ягичъ въ то же время дѣятельный членъ академій наукъ Вѣнской и Берлинской; славянинъ-хорватъ, бывшій русскій профессоръ, какъ природный русскій говорящій и пишущій по русски, — И. В. Ягичъ въ то же время основатель и редакторъ чисто европейскаго, по своимъ научнымъ достоинствамъ, нѣмецкаго журнала, посвященнаго интересамъ славянской филологіи...

Наиболѣе капитальные труды акад. Ягича сосредоточиваются въ области старославянскаго языка и дошедшихъ до насъ памятниковъ самой ранней общеславянской литературы, — памятниковъ той славянской письменности, ко-

торая непосредственно примыкала по своему возникновенію и развитію къ эпохѣ перевода на славянскій языкъ книгъ св. Писанія и ближайшихъ къ этому вѣковъ. Изученіе старославянскаго языка, этого „санскрита“ славянской филологіи, полагается Ягичемъ въ основу всего, — и въ этомъ отношеніи онъ одинъ изъ первыхъ съ особой настойчивостью указалъ на необыкновенную важность этого рода изученій для всѣхъ другихъ отдѣловъ и спеціальныхъ вопросовъ славянской филологіи. Онъ справедливо ставилъ на видъ, что чѣмъ больше отводится мѣста въ филологическихъ изслѣдованіяхъ изученію „славянскаго санскрита“, тѣмъ шире и плодотворнѣе дѣлаются получаемые результаты изученій; „чѣмъ дольше занимаются въ той или другой области славянства изученіемъ старославянскаго языка, тѣмъ глубже и содержательнѣе становится пониманіе и соотвѣтствующаго живого славянскаго нарѣчія“. „Матеріалъ старославянской рѣчи“ вездѣ и всюду является для результатовъ изслѣдованія — наиболѣе плодотворнымъ и цѣннымъ. Съ изученіемъ языка старославянскаго неразрывно соединяется затѣмъ изученіе живыхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ, — славянская діалектологія и т. д. Особенно важными являются труды Ягича по изданію памятниковъ. И. В. Ягичу принадлежатъ самыя капитальныя изданія въ области древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, выполненныя со всей научной строгостью и тщательностью,— наиболѣе цѣнныя изданія, какими только владѣетъ въ настоящее время славянская филологическая наука, и наряду съ которыми могутъ быть поставлены лишь очень немногіе подобные труды другихъ ученыхъ. Какъ извѣстно, рядомъ съ знаменитымъ *Остромировымъ Евангеліемъ*, изданнымъ Востоковымъ (весьма существенныя поправки къ этому изданію въ Archiv'ѣ Ягича), памятникомъ кирилловской древнерусской письменности, — наиболѣе древними, извѣстными доселѣ, евангельскими текстами въ славянской письменности являются три глаголическіе кодекса: 1) такъ называемое *Ассеманіево Евангеліе*, 2) *Маріинское* и 3) *Зографское Еван-*

геліе; всѣ три кодекса относятся къ X—XI вѣкамъ. Всѣ эти три наиболѣе драгоцѣнныя для изслѣдователя рукописи образцовымъ образомъ изданы или при ближайшемъ участіи акад. Ягича, — какъ Евангеліе Ассеманіево [издано въ 1865 г. Ягичемъ вмѣстѣ съ Rački: *Assemanov ili Vatikanski Evangelistar.* Zagreb, 1865], или непосредственно имъ самимъ, — какъ кодексы Зографскій и Маріинскій *[Quatuor Evangeliorum, codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879. — Памятникъ глаголической письменности. Маріинское Четвероевангеліе. С.-Пб., 1883].* При всѣхъ трехъ памятникахъ къ изданнымъ текстамъ присоединены обширныя руководящія статьи, „введенія“ и примѣчанія, принадлежащія акад. Ягичу, гдѣ дѣлаются самыя тщательныя изученія издаваемаго памятника въ отношеніи языка и вообще лингвистическихъ особенностей. Уже въ обширномъ „введеніи“, приложенномъ къ *Ассеманіеву Евангелію,* Ягичемъ между прочимъ впервые бросался свѣтъ на взаимныя отношенія древнѣйшихъ дошедшихъ текстовъ славянскаго Евангелія — кирилловскихъ и глаголическихъ — насколько объ этомъ можно было судить въ то время, по имѣвшимся на лицо текстамъ, когда не были еще извѣстны ни *Зографское Евангеліе,* ни *Маріинское.* Между прочимъ акад. Ягичъ впервые намѣтилъ здѣсь отличія этого глаголическаго текста, со стороны лексикологіи, отъ древнѣйшихъ евангельскихъ текстовъ кирилловскихъ, — указалъ цѣлый рядъ словъ, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ болѣе или менѣе отличительные признаки глаголическаго евангельскаго текста сравнительно съ евангельскимъ текстомъ кирилловскихъ рукописей, наприм., *Евангелія Остромирова* и вообще наиболѣе ранняго славянскаго перевода Евангелія сравнительно съ его болѣе поздними продолжателями: точка зрѣнія, которая тщательно разрабатывается затѣмъ дальнѣйшими изслѣдователями, при чемъ въ этихъ позднѣйшихъ изысканіяхъ новыми данными подтверждается многое изъ того, что уже было высказано Ягичемъ въ „введеніи“. Дальнѣйшія изученія въ томъ же направленіи ведутся и самимъ Ягичемъ — въ примѣчаніяхъ

къ названнымъ сейчасъ текстамъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Рядомъ съ тремя названными монументальными трудами акад. Ягича, нельзя не назвать четвертаго, тѣсно съ ними связаннаго — изданія древнѣйшаго дошедшаго до насъ славянскаго кодекса богослужебнаго, текста *древнерусскихъ Служебныхъ Миней 1096—1097 гг.* Трудъ изданъ нашей Академіей Наукъ *[Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводѣ, по русскимъ рукописямъ 1096—1097 гг. С.-Пб., 1886]* — и, безъ преувеличенія, можетъ быть названъ „образцовымъ", писалъ въ свое время акад. А. Ѳ. Бычковъ. Въ обширномъ введеніи, которое предпосылается тексту, Ягичъ даетъ подробное палеографическое описаніе издаваемыхъ памятниковъ, излагаетъ исторію состава нашихъ Служебныхъ Миней, начало которыхъ относится къ концу IX в., — указываетъ на разнобразіе ихъ состава, что объясняется значительной еще свободой въ X—XI вв. въ отношеніи церковныхъ пѣснопѣній, — говоритъ объ авторахъ этихъ пѣснопѣній, наконецъ, о самомъ языкѣ перевода Миней, отчасти тѣхъ искаженіяхъ, которыя уже въ древности нерѣдко наблюдаются въ нашихъ переводныхъ минейныхъ пѣснопѣніяхъ, дѣлаетъ опыты исправленій и т. п. На послѣднее редакторомъ между прочимъ положено не мало труда, — такъ какъ древніе переводчики часто буквально передавали греческія слова славянскими, нисколько не вникая въ смыслъ подлиннаго текста, вслѣдствіе чего и переводъ выходилъ иногда темнымъ, а иногда и совсѣмъ непонятнымъ; впрочемъ, и самый греческій текстъ пѣснопѣній, вошедшихъ въ Служебныя Минеи — то возвышенно-поэтическихъ, то цвѣтистыхъ, большею частію иносказательныхъ и обилующихъ пояснительными вставками — представляетъ нерѣдко трудности къ точному его уразумѣнію. И вообще по выводамъ акад. Ягича — „Служебныя Минеи въ главномъ своемъ составѣ представляютъ два различныхъ славянскихъ перевода: одинъ старый, бывшій въ употребленіи съ XI вѣка, другой новый, встрѣчающійся впервые въ сербскихъ рукописяхъ съ конца XIV столѣтія. Старый переводъ, сдѣланный въ самомъ

концѣ X-го или въ первой половинѣ XI-го вѣка у южныхъ славянъ въ Болгаріи или, можетъ быть, на Аѳонѣ, а отсюда перешедшій въ Россію, сохранился преимущественно въ многочисленныхъ рукописяхъ древнерусской письменности и въ немногихъ памятникахъ древне-болгарскихъ и древнесербскихъ. Съ конца XIV вѣка встрѣчаются Минеи сербскаго письма, представляющія новый переводъ текста каноновъ и стихиръ, несравненно исправнѣе стараго. Этотъ переводъ въ теченіе XV и XVI столѣтій распространился по Славянскому Югу и по Россіи. У насъ онъ, незначительно измѣненный подъ вліяніемъ стараго перевода, попалъ въ старопечатныя Минеи и съ нѣкоторыми поправками продолжаетъ свое существованіе до настоящаго времени...“ [А. Ѳ. Бычковъ, — Отчеты И. А. Н. по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866—1891 годы. Спб., 1893, стр. 609—611]. Изъ болѣе позднихъ трудовъ этого рода акад. Ягича отмѣтимъ его ближайшее участіе въ изданіи *Мирославова Евангелія,* — знаменитаго сербскаго памятника XII вѣка, имѣющаго значеніе не только въ исторіи старѣйшихъ текстовъ славянскаго Евангелія, но также и въ исторіи древнѣйшаго юго-славянскаго искусства [рукопись украшена множествомъ великолѣпныхъ миніатюръ!], — и позднѣйшій трудъ по обслѣдованію рукописи такъ назыв. *Добромирова Евангелія,* также XII вѣка, пріобрѣтеннаго въ 1900 году нашей Императорской Публичной Библіотекой *[Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache XII Jahrhunderts. I—II. Wien, 1898.* Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Band CXL]. Путемъ подробнаго сличенія этого памятника съ другими древнѣйшими славянскими изводами евангельскаго текста, акад. Ягичъ приходитъ къ выводу, что *Добромирову Евангелію* принадлежитъ выдающееся мѣсто среди памятниковъ церковно-славянской письменности, какъ списку съ одного изъ наиболѣе древнихъ изводовъ церковно-славянскаго перевода Евангелія: оригиналъ *Добромирова Евангелія* находится въ ближайшемъ родствѣ съ текстами *Ассеманіева, Зографскаго* и *Маріинскаго Евангелій,* — отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ

южно-славянскаго оригинала нашего *Остромирова Евангелія*. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Ягича, указываетъ на болгарскій источникъ, — между тѣмъ какъ *Добромирово Евангеліе* и сходныя съ нимъ глаголическія евангелія восходятъ къ македонскому оригиналу; восточные или болгарскіе изводы легли въ основаніе русскихъ, а западные или македонскіе — въ основаніе сербскихъ и хорватскихъ евангельскихъ текстовъ. Этотъ позднѣйшій трудъ Ягича даетъ новыя подтвержденія для тѣхъ мнѣній и выводовъ, которые уже были высказаны нашимъ знаменитымъ изслѣдователемъ въ упомянутомъ нами выше его „введеніи“ къ *Ассеманіеву Евангелію* (Загребъ, 1865). Отмѣтимъ, наконецъ, позднѣйшій классическій трудъ по изданію *Болонской Псалтыри* [Vindobonae, 1907]. Не упоминаемъ сдѣланныхъ Ягичемъ изданій менѣе обширныхъ славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, — такихъ его трудовъ, какъ изданіе отрывковъ изъ *Глаголической книги* апостольскихъ чтеній, сравнительно съ другими списками (1867), какъ чрезвычайно цѣнный провѣрочный трудъ его по изданной Срезневскимъ *Саввиной Книгѣ* (Archiv, 1881, V), какъ извѣстные его „Образцы“ церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ, глаголическимъ и кирилловскимъ (С.-Пб., 1871), куда вошло не мало новыхъ, ранѣе бывшихъ неизданными текстовъ, — или цѣлаго ряда древнихъ текстовъ хорватскихъ, сербскихъ и болгарскихъ, изданныхъ и обслѣдованныхъ Ягичемъ въ Starine'хъ, и т. д. и т. д. Нельзя не отмѣтить здѣсь, однако, одного изъ наиболѣе раннихъ трудовъ акад. Ягича общаго характера, до сихъ поръ сохраняющаго все свое значеніе, — извѣстной его *Исторіи сербско-хорватской литературы*, написанной авторомъ еще въ 1867 году (u Zagrebu, 1867) по-хорватски и въ 1871 году переведенной на русскій языкъ проф. М. П. Петровскимъ (Казань, 1871). Въ трудѣ этомъ между прочимъ сдѣлана была первая попытка возстановить — по даннымъ языка — древнѣйшую первобытную культуру славянъ, культуру ихъ общей, совмѣстной жизни въ Европѣ въ моментъ выдѣленія ихъ отъ другихъ общеарійскихъ пле-

менъ,—литовцевъ, германцевъ и т. д. Къ страницамъ, посвященнымъ въ „Исторіи“ Ягича этому трудному вопросу, и теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ, въ сущности, прибавлено не много...

Изъ спеціальныхъ изслѣдованій И. В. Ягича въ области древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ отмѣтимъ извѣстныя его *Четыре палеографическія статьи* (С.-Пб., 1884), посвященныя разъясненію наиболѣе темныхъ вопросовъ въ исторіи начальной общеславянской письменности, — и превосходный, вышедшій позднѣе, критическій трудъ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія: *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache* (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Classe, Bd. XLVII. Wien, 1900), гдѣ авторитетный изслѣдователь, въ виду наступленія новаго столѣтія, подводитъ итогъ всѣмъ, накопившимся въ славянской филологической наукѣ на протяженіи истекшаго столѣтія вопросамъ, болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ съ дѣятельностью свв. братьевъ по переводу св. Писанія и вообще съ ихъ литературной дѣятельностью, подвергая добытые по этимъ вопросамъ научные результаты вновь здѣсь же строгому критическому анализу.

Помимо изданій и изслѣдованій, относящихся къ памятникамъ древнѣйшимъ, цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ изданій и изслѣдованій акад. Ягича относится къ болѣе позднимъ, средневѣковымъ эпохамъ славянскихъ литературъ, къ памятникамъ славянской культуры и письменности XIV—XVI вѣковъ, къ области средневѣковыхъ славянскихъ апокрифовъ, свѣтскихъ повѣстей и сказаній, къ такимъ памятникамъ славянской средневѣковой письменности, какъ *Физіологъ*, *Изреченія Менандра*, къ памятникамъ научно-грамматическаго содержанія, весьма значительно развивающимся въ юго-славянской и древнерусской литературахъ XIV—XVI вѣковъ, и т. д. и т. д. Изысканія въ области памятниковъ юго-славянскихъ здѣсь ближайшимъ образомъ сливаются съ изученіемъ литературы древнерусской; въ то же время изданія и научныя обслѣдованія памятниковъ, бывшихъ уже отчасти извѣстными, — здѣсь

нерѣдко сопровождаются обслѣдованіемъ и обнародованіемъ произведеній, совершенно неизвѣстныхъ, вообще открытіемъ новаго цѣннаго матеріала. Изъ этого рода трудовъ акад. Ягича отмѣтимъ:

— Cirilski Zbornik XVI—XVII st. u biblioteci Kukuljevićévoj. Opis s izvadcima (Književnik, III, u Zagrebu, 1866). Здѣсь между прочимъ помѣщенъ въ отрывкахъ сербскій текстъ *Физіолога*, позднѣе изданный сполна акад. Ягичемъ въ Starine'хъ, XI.

— Primeri starohérvatskoga jezika iz glagolitskich i cirilskich književnih starinah (u Zagrebu, 1864—1866). Изданіе — до сихъ поръ остающееся въ высшей степени цѣннымъ. Рядомъ съ отрывками изъ древнѣйшихъ текстовъ глаголическихъ и кирилловскихъ, здѣсь помѣщено не мало памятниковъ болѣе поздней юго-славянской письменности XIII, XIV—XVI вѣковъ, характера законодательнаго, изъ литературы житійной, изъ хроникъ, изъ Александріи и т. п.

— Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga (u Zagrebu, 1868): рядъ памятниковъ юго-славянской апокрифической литературы, съ подробнымъ ихъ обслѣдованіемъ.

— Zivot Aleksandra Velikoga (Starine, кн. III, u Zagrebu, 1871): сербско-хорватскій текстъ средне-вѣковаго перевода по разнымъ спискамъ.

— Opisi i izvodi iz nikoliko juznoslavinskih rukopisa (U Zagberu. I—IV, 1873—1878). Рядъ новыхъ, до того времени или совершенно неизвѣстныхъ или мало обслѣдованныхъ памятниковъ, преимущественно апокрифическихъ, изъ юго-славянской письменности, съ подробнымъ ихъ изученіемъ.

— Die südslavischen Sagen von dem Grabançiaš djak und ihre Erklärung. Archiv für slav. Phil., II, 1876.

— Разборъ изслѣдованія проф. М. И. Соколова: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ (М., 1888), въ „Отчетѣ о XXXIII-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (С.-Пб., 1893). Къ обширному критическому разбору присоединено изданіе новыхъ текстовъ.

— Zur Apokryphen-Litteratur. Archiv für slav. Phil., V (по поводу изданія Попова: „Книга бытія небесе и земли". М., 1881).

— Slavische Beiträge zu dem biblischen Apokryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adamsbuches. Wien, 1893 (Denkschriften Вѣнской Академіи Наукъ).

— Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. С.-Пб., 1894 (разборъ книги Карнѣева: „Физіологъ". С.-Пб., 1890).

— Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Uebersetzung. Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien. Bd. CXXVI, 1892.

— Rasum i filosofla iz srpskih književnih starina. Споменик, т. XIII. Бѣлградъ, 1892. Двѣ послѣднія статьи представляютъ цѣнный матеріалъ по вопросу о такъ назыв. древнеславянскихъ *Пчелахъ* и вообще сходныхъ съ ними по характеру древнеславянскихъ, въ томъ числѣ и древнерусскихъ, переводныхъ сочиненій.

Отдѣльно долженъ быть поставленъ монументальный трудъ акад. Ягича, изданный II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, — по изученію и изданію южно-славянскихъ и древнерусскихъ грамматическихъ текстовъ: *Разсужденія южно-славянской и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ* (С.-Пб., 1885—1895 гг.). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ юго-славянской и древнерусской письменности, содержаніемъ своимъ трактующихъ, съ современной имъ точки зрѣнія, научные вопросы по древне-славянскому языку, — отчасти историческаго, отчасти грамматическаго характера, по исторіи славянскаго алфавита, по переводу на славянскій языкъ книгъ св. Писанія, особенно по орѳографіи, съ изложеніемъ различныхъ современныхъ грамматическихъ системъ и т. д. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ между прочимъ и извѣстный трудъ Димитрія Герасимова, „Мити Малаго, толмача латинскаго", какъ онъ называется въ одной рукописи — переводъ средневѣкового *Донатуса*. Къ изданнымъ текстамъ присоединены обшир-

ныя поясненія и примѣчанія — проливавшія значительный свѣтъ въ совершенно необслѣдованной дотолѣ области нашихъ грамматическихъ текстовъ и вообще старославянской и древнерусской филологіи, предшествовавшей *Грамматикѣ* Смотрицкаго...

Наконецъ, мы должны отмѣтить только что начинающійся новый капитальный трудъ акад. Ягича, предпринятый имъ по порученію Академіи Наукъ — редактированіе *Энциклопедіи славянской филологіи*. Нѣсколько выпусковъ послѣдней уже вышло и въ томъ числѣ трудъ, принадлежащій самому редактору: *Исторія славянской филологіи* (Спб., 1910), — опять трудъ монументальной цѣнности...

Съ изученіемъ письменности старо-славянской и древнерусской тѣсно связываются изслѣдованія акад. Ягича въ области древне-славянскаго и русскаго эпоса. Относящіеся сюда труды не были многочисленны и обширны, — отчасти носили даже какъ бы случайный характеръ, такъ какъ стояли сравнительно слишкомъ далеко отъ спеціальныхъ интересовъ знаменитаго слависта. Передъ нами здѣсь — лишь двѣ-три небольшихъ работы, и рядъ мелкихъ замѣтокъ, критическихъ рецензій и т. п.: но это нисколько не уменьшаетъ высокой научной важности этого рода экскурсовъ нашего изслѣдователя. Небольшія случайныя работы Ягича въ области памятниковъ славянской народной поэзіи, русскихъ былинъ, духовныхъ стиховъ — были замѣчательны по той новой точкѣ зрѣнія, новому методу, пріемамъ изученія, которые были положены авторомъ въ ихъ основу, и которые ставили эти работы въ ближайшую связь съ начавшимися здѣсь нѣсколько ранѣе болѣе спеціальными трудами въ томъ же направленіи акад. А. Н. Веселовскаго. Частичныя, случайныя изысканія Ягича какъ нельзя лучше усиливали и поддерживали новое съ началомъ 70-хъ гг. возникающее въ нашей наукѣ движеніе, вполнѣ обосновавшееся къ 80-мъ гг., во главѣ котораго стоялъ Веселовскій, — и которое давало совершенно новую постановку въ изученіи устныхъ народныхъ произведеній, „совершало преобразованіе въ цѣломъ пони-

маніи древняго русскаго эпоса", выдвигая здѣсь совершенно новый критическій пріемъ — „реальной критики". Вмѣстѣ съ спеціальными трудами Веселовскаго, экскурсы Ягича открывали собою здѣсь то направленіе науки, которое въ общемъ блестяще оправдалось всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ нашихъ изученій въ этой области. Нѣсколько ниже мы будемъ говорить подробно объ этомъ направленіи въ нашей наукѣ; здѣсь дѣлаетъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній — въ связи съ относящимися сюда экскурсами акад. Ягича.

Время, когда стали появляться въ наукѣ первые труды Веселовскаго, къ которымъ вскорѣ примкнули упомянутыя работы Ягича, было временемъ, когда молодой, сравнительно недавно передъ тѣмъ возникшей и развившейся, наукѣ „сравнительной миѳологіи" и у насъ и на западѣ „не особенно счастливилось"... Какъ было уже замѣчено выше,— это было время наиболѣе крайнихъ увлеченій и на западѣ и у насъ миѳологической экзегезой. Изслѣдователи „самовольно накладывали на себя руки", отказываясь отъ всякой попытки къ самостоятельнымъ выводамъ, хоть сколько-нибудь выходившимъ изъ рамокъ миѳологическаго шаблона. Большинство продолжателей Куна и Макса Мюллера, увѣровавши закрывъ глаза въ два-три положенія, высказанныя учителями, спѣшили приложить ихъ къ какой-либо спеціальной задачѣ, — не заботясь о провѣркѣ принциповъ. Мы видѣли, — увлеченія теоріей были самыя крайнія! Всякую обыденную исторію норовили обратить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи. Все это прежде всего вело къ крайней общности, своего рода трафарету, самыхъ научныхъ изысканій и выводовъ. Слѣдуя за Куномъ или Максомъ Мюллеромъ, всѣ изысканія въ концѣ концовъ приводились „къ одному знаменателю", — къ поэтической картинѣ грозы (Кунъ) или восхода солнца (Максъ Мюллеръ)... „Илья Муромецъ — молнія, а Соловей Разбойникъ — грозовая туча; Добрыня

Никитичъ — тоже молнія, а Тугаринъ Змѣевичъ — тоже туча и т. д. Сами изобрѣтатели этой миѳологіи, замѣчаетъ Пыпинъ, не въ состояніи были дать никакого осязательнаго доказательства, почему это такъ, а не иначе, почему для одного и того же явленія природы понадобилось столько тожественныхъ выраженій, и куда дѣвать все остальное содержаніе сказаній, не идущее ни къ молніи, ни къ тучѣ"... Съ другой стороны, — продолжавшіяся болѣе широкія изученія области народной поэзіи, въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, и сами по себѣ, фактически, не могли не измѣнять общаго характера такихъ шаблонныхъ научныхъ изслѣдованій. Какъ-то незамѣтно весьма значительно сузилась область древней миѳологіи, значительно урѣзались выводы старыхъ миѳологическихъ изученій — и научныя изученія обратились въ другую сторону. При дальнѣйшихъ болѣе разносторонніхъ изысканіяхъ, многое въ старыхъ изученіяхъ, получало совершенно другое освѣщеніе, иное толкованіе: въ обширномъ изслѣдуемомъ матеріалѣ очень скоро выступили стороны, остававшіяся до того времени почти незамѣченными. „Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ въ сравненіи ихъ между собой и съ живымъ современнымъ „фольклоромъ" указало уже очень скоро внѣ всякаго сомнѣнія, съ одной стороны, обильные запасы книжнаго заимствованія въ средніе вѣка, факты международной передачи сказаній и продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ современной народной памяти: съ другой, въ отношеніи къ послѣднему, обнаружилось, что многое, что̀ могло бы показаться чисто народнымъ миѳомъ, бывало не болѣе, какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ" (Пыпинъ)... Такова именно была та новая точка зрѣнія, на которую постепенно стали въ своихъ изслѣдованіяхъ представители новаго направленія въ изученіи памятниковъ народнаго творчества въ нашей и западной наукѣ — Бенфей († 1881) и Веселовскій († 1906). На той же почвѣ стояли и относящіеся сюда этюды Ягича. По самому времени своего по-

явленія, его изслѣдованія этого рода навсегда сохранятъ выдающееся мѣсто въ общей исторіи нашихъ историко-литературныхъ изученій. Такова замѣчательная статья, посвященная выдѣленію христіанскихъ наслоеній въ русскомъ эпосѣ: *Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik* (Archiv für Slav.Philol, I, 1875) — или столь же цѣнное въ общемъ ходѣ историко-литературныхъ изученій изслѣдованіе объ историческомъ развитіи славянской и русской народной поэзіи: *Gradja za historiji slovinske narodne poesije* (Rad jugosl. Akademije znanosti i umjetnosti, t. XXXVII, 1876). Новая точка зрѣнія открывала совершенно новые пути для объясненія сущности и развитія народнаго эпоса. „Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, говоритъ Пыпинъ, тѣмъ обильнѣе были открытія и тѣмъ ярче выступало значеніе, во-первыхъ, того запаса восточно-эпическаго матеріала, который переходилъ черезъ Византію въ міръ южнославянскій и русскій, съ другой — въ западную Европу; во-вторыхъ, христіанской легенды и апокрифическихъ сказаній“... Выдвинуть на видъ эту сторону изучаемаго матеріала было одной изъ важнѣйшихъ и существенныхъ заслугъ новаго направленія научныхъ изученій. Ставя научныя изысканія на почву болѣе поздней и близкой къ намъ исторической жизни народа и вообще временъ позднѣйшихъ, — новая теорія разомъ устраняла всю ту произвольность въ научныхъ толкованіяхъ, столь широкое поле для которыхъ давала старая миѳологическая теорія... Сами по себѣ, своими фактическими выводами, названныя изысканія акад. Ягича со стороны нѣкоторыхъ авторитетныхъ изслѣдователей вызывали и возраженія [ср. отзывъ акад. Соболевскаго: „Ж. М. Н. Пр.“, 1891, февр., стр. 429—430]; но здѣсь особенно важны были методологическіе пріемы, — крутой поворотъ отъ старыхъ миѳологическихъ толкованій на совершенно иной путь. Въ виду шаблонныхъ крайностей, превращавшихъ научныя изслѣдованія въ арену лишь фантазій и домысловъ, — блестящія сопоставленія различныхъ чертъ народной поэзіи съ памятниками письменности, которыми полна первая изъ названныхъ сейчасъ

статей акад. Ягича, цѣлый рядъ чисто фактическихъ сближеній русскихъ былинъ съ упоминаніями и указаніями лѣтописными, дѣлаемыхъ имъ во второй, были не только новыми научными пріобрѣтеніями, но — главное — имѣли общее методологическое значеніе: разрѣжали слишкомъ спертую quasi-ученую атмосферу господствовавшаго направленія изученій!... Въ этомъ отношеніи не лишены значенія и слѣдующія заключительныя замѣчанія здѣсь акад. Ягича: „Въ тѣсной рамкѣ тѣхъ пѣсенъ, гдѣ слѣдовало принимать вліяніе христіанско-миѳологическихъ сюжетовъ, главное доказательство я старался основать на параллельность между уцѣлѣвшими еще рукописными разсказами и соотвѣтствующими ихъ пѣснями. При этомъ естественно я долженъ былъ предполагать, что содержаніе этихъ рукописныхъ разсказовъ было извѣстно первымъ слагателямъ народныхъ пѣсенъ. Этимъ обусловливалось далѣе другое предположеніе, что первыми начинателями этихъ народныхъ пѣсенъ былъ не народъ въ обширномъ смыслѣ слова, но опредѣленная и ограниченная часть его, именно люди хорошо знакомые съ содержаніемъ священнаго писанія, безчисленныхъ легендъ и многихъ благочестивыхъ, но апокрифическихъ сказаній, и которые пріобрѣли это знаніе отчасти странствованіями и посѣщеніемъ знаменитыхъ святынь, отчасти прилежнымъ чтеніемъ благочестивыхъ книгъ. Этимъ великорусская эпика отличается отъ эпической поэзіи всѣхъ другихъ славянъ. Нигдѣ христіанство не соединялось съ національнымъ такъ тѣсно, какъ здѣсь. Это должно принять въ соображеніе и научное изслѣдованіе. Надо ожидать, что новыя открытія и новыя изданія средневѣковыхъ русско-славянскихъ текстовъ — пополнятъ иные пробѣлы, обнаружатъ еще новыя параллельныя данныя“... (Пыпинъ, Ист. рус. этн., II, 289.)

Переходимъ къ обзору трудовъ русскихъ ученыхъ, — и прежде всего къ изученіямъ въ области памятниковъ народнаго творчества.

Отмѣченныя нами выше, особенно увеличившіяся у насъ за послѣднія десятилѣтія этнографическія изученія

прежде всего сказываются на пріобрѣтеніи громадной массы совершенно новыхъ матеріаловъ въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества. Появляется цѣлый рядъ чрезвычайно обширныхъ и въ высшей степени важныхъ новыхъ собраній и изданій общаго пѣсеннаго матеріала, особенно обрядовыхъ пѣсенъ и соединяющихся съ ними народныхъ обрядовъ, всей бытовой обстановки — великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Въ области великорусской пѣсенной поэзіи особенно цѣнные новые матеріалы собираются П. В. Шейномъ († 1900) и Е. В. Барсовымъ. Свои матеріалы П. В. Шейнъ начинаетъ печатать уже съ 1859 г., въ „Чтеніяхъ“ Моск. О-ва ист. и древ.; въ 1870 г. выходитъ уже довольно обширный сборникъ: *Русскія народныя пѣсни* [т. I, М., 1870; первонач. — въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“]. Совершенно переработанное, съ обширными новыми дополненіямъ, это собраніе выходитъ позднѣе въ изданіи Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: *Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.* [пока вышелъ лишь I т., въ 2 большихъ выпускахъ, — Спб., 1898—1900]. Заглавіе сборника гораздо шире сравнительно съ тѣмъ, что онъ даетъ, особенно съ тѣмъ, что помѣщено въ I, до сихъ поръ вышедшемъ, томѣ. Весь собранный матеріалъ, который предназначался для сборника, собиратель раздѣлилъ на два отдѣла: „первый отдѣлъ долженъ былъ начинаться пѣснями колыбельными и дѣтскими — потѣшными [куда входятъ и игры съ пѣсенными прибаутками], за которыми слѣдуютъ пѣсни хороводныя и плясовыя, далѣе — „бесѣдныя“, распадающіяся на любовныя, семейныя, сатирическія, юмористическія, скоморошныя и пародіи. Далѣе должны были слѣдовать пѣсни обрядовыя, подраздѣляющіяся на: а) пѣсни обрядовыя праздничныя, б) пѣсни обрядовыя свадебныя и в) обрядовыя погребальныя [причитанія]. Пѣсни обрядовыя праздничныя располагались по календарю: въ началѣ — пѣсни святочныя, колядныя; затѣмъ масляничныя, весеннія, троицкія и духовскія, то-

лочныя и жнивныя. Всѣ группы пѣсенъ предполагалось обставить относящимися къ нимъ обрядами, обычаями, играми"... Все это вошло въ томъ же самомъ порядкѣ въ первый вышедшій томъ [Спб., 1898—1900]. Дальнѣйшій, второй томъ долженъ былъ начинаться „пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны", — далѣе слѣдовали „рекрутскія, солдатскія, казацкія, бурлацкія, извозчичьи, воровскія, разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернечскія". За чисто-народными пѣснями должны были быть помѣщены „небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церковной книжности", и небольшая коллекція пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., — пѣсенъ новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ"... [т. I, стр. VI—X]. Второй томъ собранія до сихъ поръ не вышелъ, — да врядъ ли и выйдетъ, такъ какъ матеріалы, относящіеся сюда, кажется, недостаточно богаты, особенно сравнительно съ помѣщенными въ первомъ, а также съ тѣми, которые въ настоящее время уже появились въ печати. Нужно замѣтить, тѣмъ же первымъ отдѣломъ матеріаловъ ограничился и первый сборникъ Шейна, вышедшій въ 1870 г., — котораго явился также лишь I томъ. Въ позднѣйшее изданіе вошли сполна не только болѣе ранній сборникъ 1870 года, не только все, напечатанное Шейномъ въ „Чтеніяхъ" въ 1859—1877 гг., но и многое, собранное имъ послѣ, а также значительныя коллекціи пѣсенъ, собранныя для него другими лицами въ различныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Особенно богатъ изданный томъ описаніями свадебныхъ обрядовъ: описанія эти собраны изъ 22 великорусскихъ губерній. Разумѣется, помѣщенныя записи не всѣ одинаковаго достоинства, но все же представляютъ возможность прослѣдить великорусскій свадебный ритуалъ исторически, начиная съ 50 годовъ... [Шейнъ, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ,

легендахъ и т. п., т. I, вып. I, стр. VI, VII, IX—X; вып. II, 822, 822].

Е. В. Барсову принадлежало изданіе народныхъ матеріаловъ, бывшихъ дотолѣ особенно мало извѣстными: „похоронныхъ причитаній“ и „рекрутскихъ заплачекъ“ *[Причитанья сѣвернаго края. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. — Ч. II. Плачи завоенные рекрутскіе и солдатскіе. М., 1882].* „Причитанія“ Барсова собраны тамъ же, гдѣ — какъ доказано трудами Рыбникова, Гильфердинга и позднѣйшихъ, современныхъ собирателей — и доселѣ „бьетъ ключомъ“ народная поэзія; лишь — нѣсколько „плачей“ присоединено изъ губерній Новгородской и Тверской. Въ первомъ томѣ собрано 22 плача или причитанія, — изъ которыхъ нѣкоторые очень обширны! Какъ извѣстно, причитанія надъ умершими представляютъ одинъ изъ наиболѣе поэтическихъ отдѣловъ нашей народной поэзіи, — заключая въ себѣ въ то же время богатый матеріалъ для характеристики народнаго міросозерцанія. „Въ нихъ можно найти, съ одной стороны, слѣды до-историческихъ вѣрованій и представленій народа относительно духовнаго бытія, смерти и посмертнаго существованія; съ другой — черты исторически сложившихся народныхъ нравовъ и понятій народа о своемъ частномъ и даже отчасти общественномъ бытѣ“ [Майковъ]. Съ причитаніями надъ умершими въ тѣсную связь ставитъ собиратель и плачи или причитанія рекрутскіе. „Они зиждутся на тѣхъ же эпическихъ основахъ, отражаютъ въ себѣ тотъ же эпическій складъ и связаны отчасти съ тѣми же вѣрованіями и преданіями, относящимися къ смерти и загробному существованію“ — замѣчаетъ Барсовъ. „Провожая сыновей своихъ въ военную службу..., отцы и матери оплакиваютъ сыновей своихъ-новобранцевъ, какъ живыхъ мертвецовъ, съ которыми свиданіе, быть можетъ, предстоитъ лишь въ будущей жизни“... Страшно-тяжелыя условія старой солдатской службы, продолжавшіяся до самаго позднѣйшаго времени, дѣйствительно дѣлали эту службу тяжелѣе смерти, — и чувство разставанія родныхъ съ ново-

бранцами какъ нельзя лучше выразилось въ „плачахъ" словами: „жива эта разлука пуще мертвой!.." Въ обоихъ сборникахъ — послѣ обширныхъ предисловій и вслѣдъ за самыми причитаніями — слѣдуютъ обширныя пояснительныя статьи собирателя. Въ первомъ сборникѣ: „Погребальные обычаи на сѣверѣ Россіи" (стр. 299—313), свѣдѣнія о „вопленницахъ", отъ которыхъ записаны причитанія (стр. 313—397), сѣверно-русскій словарь съ замѣчаніями о языкѣ причитаній (стр. 1—33); во второмъ — рекрутскій обрядъ (стр. 262—276), свѣдѣнія о „вопленницахъ", отъ которыхъ записаны плачи (стр. 276—286), народные разсказы о бѣглыхъ рекрутахъ, сказка о солдатѣ и смерти, замѣчанія о языкѣ плачей и опять сѣверно-русскій словарь. „Нужно сознаться, писалъ акад. Майковъ по поводу второго сборника, — у насъ не часто издаются памятники народной поэзіи такъ обстоятельно, какъ это сдѣлалъ почтенный Е. В. Барсовъ" [Ж. М. Н. Пр., 1882, сент., стр. 434]. Замѣчаніе это вполнѣ приложимо и къ первому собранію.

Рядомъ съ весьма обширными, появляется рядъ болѣе мелкихъ собраній великорусскихъ обрядовыхъ и бытовыхъ пѣсенъ по мѣстностямъ; особенно много собирается и записывается пѣсенъ и обрядовъ свадебныхъ. Отмѣтимъ относящіяся сюда собранія того же Е. В. Барсова [„Олонецкія бытовыя пѣсни". Олон. Губ. Вѣд., 1867—1868], — В. Варенцова [Сборникъ пѣсенъ самарскаго края. Спб., 1862], — А. Савельева [Сборникъ донскихъ нар. пѣсенъ. Спб., 1366]. — М. Халанскаго [Рус. нар. пѣсни, записанныя въ щигровскомъ уѣздѣ курской губ. „Рус. Фил. В.", 1879—1880], — Можаровскаго [Святочныя пѣсни, игры и гаданья казанской губерніи. Казань, 1873], — В. Попова [Народныя пѣсни, записанныя въ чердынскомъ уѣздѣ, пермской губ. М., 1880], — „Матеріалы" М. А. Колосова [„Сборникъ II Отд. Ак. Н., т XVII, Спб., 1877]. Отмѣтимъ здѣсь же труды Гильтебранта [Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Вып. I, Вильна, 1866], — такія изданія, представлявшія въ себѣ въ большемъ или меньшемъ объемѣ относящійся сюда

матеріалъ, какъ „Труды Ярославскаго Губерн. Статист. Комитета“ [вып. I, Ярославль, 1866], — „Памятная Книжка Олонецкой губ. на 1866 г.“, — „Памятная Книжка Тамбовской губ. на 1866 г.“, — „Новгородскій Сборникъ“ [Новгородъ, 1866] и т. д. [См. объ этихъ изданіяхъ въ обширныхъ статьяхъ О. Ѳ. Миллера, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1867, I]. Здѣсь же отмѣтимъ болѣе позднее помѣстное собраніе *Пѣсенъ Оренбургскихъ казаковъ* [4 ч., Спб., 1910], гдѣ, хотя и безъ особой научности, собрано огромное количество пѣсенъ и другихъ народныхъ поэтическихъ матеріаловъ; для того, чтобы полнѣе представить міровоззрѣніе и бытъ оренбургскихъ казаковъ, въ IV части приведены циркулирующіе въ казачьей средѣ апокрифы, заговоры и народная комедія *Царь Максимиліанъ*, даны описанія нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, и т. п.

Въ области малорусскаго народнаго творчества особенно важными были матеріалы, собранные Чубинскимъ — семь громадныхъ томовъ вышедшихъ подъ его редакціей *Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край.* [*Матеріалы и изслѣдованія*, 7 томовъ, Спб., 1872—1878]. Собранные здѣсь матеріалы главн. образомъ относятся къ области малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ и сказокъ. Характеръ этихъ матеріаловъ, ихъ полнота, задачи, которыя при этомъ особенно преслѣдовалась собирателемъ [или собирателями: у Чубинскаго былъ цѣлый рядъ лицъ, облегчавшихъ ему его задачи] и т. п. указываются отчасти самимъ собирателемъ въ предисловіи къ изданнымъ „матеріаламъ и изслѣдованіямъ“. „Въ поѣздкахъ моихъ — пишетъ онъ здѣсь — я старался не упустить ни одной изъ сторонъ народной жизни; въ особенности обращалъ вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя наименѣе были обслѣдованы. Такъ я вездѣ слѣдилъ за фонетическими и грамматическими особенностями говора, измѣненіями въ бытовой обстановкѣ; изъ памятниковъ народнаго творчества я обращалъ вниманіе особенно на *обрядовыя пѣсни и сказки миѳическаго содержанія;* описывалъ обряды, разсматривалъ рѣшенія волостныхъ судовъ, собиралъ свѣдѣнія касательно экономическаго состоянія

крестьянъ... Обрядовыхъ пѣсенъ записано мною до 4000. Родины, крестины и похороны записаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; свадьба описана болѣе чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ; сказокъ записано до 300"... [т. I, вып. I, стр. XII 599]. „Передъ такой громадной работой, справедливо замѣчаетъ Веселовскій въ своемъ разборѣ „Трудовъ" Чубинскаго — рука критика должна опуститься стыдливо"... Дѣйствительно „Труды" Чубинскаго въ самомъ строгомъ смыслѣ были капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей фолклористической науки. Веселовскій сравнивалъ ихъ съ извѣстнымъ классическимъ трудомъ Кольберга: „Людъ" [„Отчетъ" о 22-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб., 1880, стр. 229—230]...

Съ 70-хъ гг. съ особой энергіей начинаютъ собираться памятники народнаго творчества — бѣлорусскіе. Болѣе ранними здѣсь были сборники П. А. Безсонова [Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая, всего быта, М., 1874], — Н. И. Носовича [Бѣлор. пѣсни, Спб., 1874] и упоминавшагося П. В. Шейна [Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній. Спб., 1874]. Позднѣе появляются сборники А. С. Дембовецкаго [довольно обширное собраніе пѣсенъ въ книгѣ: „Опытъ описанія Могилевской губерніи". Могилевъ на Днѣпрѣ, 1882], — Зинаиды Радченко [Гомельскія народныя пѣсни, бѣлорусскія и малорусскія. Записки И. Р. Геогр. О-ва по отд. этногр., т. XIII, вып. 2, Спб., 1888] и новый обширный трудъ П. В. Шейна: *Матеріалы для изученія быта и языка сѣверо-западнаго края* [т. I—III. Спб., 1887—1903, — „Сборникъ II Отд. Ак Н.", т. XLI, LI, LVII и LXXII; послѣдній, IV т. вышелъ уже послѣ смерти собирателя, подъ редакціей проф. Карскаго]. Въ ряду позднѣйшихъ трудовъ особенно важны многотомный *Бѣлорусскій Сборникъ* Е. Р. Романова [вып. I—III, VII, Кіевъ, 1885] и обширный трудъ В. Н. Добровольскаго: *Смоленскій Этнографическій*

Сборникъ [4 т., Спб., 1891—1903; изъ „Записокъ“ И. Р. Г. О-ва, т. XX, Спб., 1891; т. XXIII, Спб., 1894; т. XXVII, М., 1903]. Подробную оцѣнку всѣхъ этихъ изданій находимъ въ позднѣйшемъ превосходномъ трудѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго: *Бѣлоруссы, т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности* [Варшава, 1903]. Изъ болѣе позднихъ отмѣтимъ А. Розенфельда, *Бѣлорусскія народныя пѣсни* [Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. LXXVII, Спб., 1904] и С. Малевича, *Бѣлорусскія народныя пѣсни* (ib., т. LXXXII, Спб., 1907).

Особую цѣну имѣетъ обширное собраніе новаго матеріала „славянофила-малоросса и романтика“, Я. Ѳ. Головацкаго [† 1888]: *Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси*, съ предисловіемъ и объясненіями, печатавшіяся въ теченіе пятнадцати лѣтъ въ „Чтеніяхъ“ Московск. О-ва ист. и древн. 1863—1877 гг., и въ 1878 г. вышедшія отдѣльно, — въ 4 большихъ томахъ [М., 1878].

Рядомъ съ собираніемъ и изданіемъ новыхъ матеріаловъ, идетъ не менѣе цѣнное собираніе и изданіе матеріаловъ „хорошо забытыхъ“ старыхъ, — памятниковъ великорусской пѣсенной поэзіи, или уже ранѣе появлявшихся въ печати въ различныхъ, особенно многочисленныхъ у насъ, идущихъ съ XVIII вѣка, „пѣсенникахъ“, позднѣе и въ мѣстныхъ „сборникахъ“, провинціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и т. п. — или лишь собранныхъ ранѣе, но оставшихся далеко не вполнѣ использованными, какъ бы дѣйствительно забытыми. Капитальными вкладами въ нашу научную литературу въ этомъ отношеніи являются: многотомное изданіе, вышедшее на средства в. кн. Георгія Михаиловича, подъ редакціей акад. А. И. Соболевскаго: *Великорусскія народныя пѣсни* [7 т., Спб., 1895—1902], — предпринятое въ послѣднее время „О-вомъ любителей россійской словесности при Московск. Университетѣ“ изданіе: *Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Новая серія*, подъ редакціей акад. Вс. Ѳ. Миллера и проф. М. Н. Сперанскаго [вып. I: пѣсни обрядовыя. М., 1911], и недавно начатое Академіей Наукъ изданіе *Сочиненій М. Д. Чулкова*, въ I-й томъ котораго вошли первыя части знаменитаго „Чул-

ковскаго Пѣсенника" [Сочиненія М. Д. Чулкова. Изданіе Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т. I: *Собраніе разныхъ пѣсенъ*, части I—III съ „прибавленіемъ" 1770—1773 гг. Спб., 1913]. Появленіе названныхъ изданій имѣло тѣмъ бо́льшее научное значеніе, что соотвѣтствующихъ сводныхъ собраній для великорусскаго пѣсеннаго творчества собственно и не было, — за исключеніемъ упомянутыхъ сборниковъ Шейна и не говоря о старомъ, совершенно неудовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ, сборникѣ Сахарова. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Е. Ѳ. Будде, — „бытовая, частная, семейная сторона жизни нашего народа гораздо полнѣе, чѣмъ въ былинахъ, отразилась въ произведеніяхъ такъ называемаго „низшаго" эпическаго и лирическаго народнаго творчества. Пѣсни круговыя (хороводныя), плясовыя, протяжныя, разгульныя, удалыя, фабричныя, наконецъ, семейныя и свадебныя представляютъ изъ себя такой богатый матеріалъ для изученія русскаго народнаго быта, даютъ возможность настолько прослѣдить пути развитія и распространенія въ русскомъ народѣ извѣстнаго обычая, обряда, наконецъ, также до такой степени опредѣляютъ духовную связь между различными сосѣдними племенами и народами, связавшими свою судьбу съ исторіей народа русскаго, что пріобрѣтаютъ въ глазахъ историка литературы и этнографа значеніе незамѣнимаго матеріала"... Все это между прочимъ фактически иллюстрируетъ на вновь издаваемыхъ пѣсняхъ Кирѣевскаго и проф. Вс. Ѳ. Миллеръ [„Пѣсни" и пр., стр. 4—10].

Въ изданіи акад. Соболевскаго не имѣется никакихъ новыхъ записей, впервые появляющихся въ печати, но это и не входило въ его задачи. Редакторъ исключительно имѣетъ въ виду старый печатный матеріалъ, — главнымъ образомъ наши старые печатные „пѣсенники" [самый ранній изъ нихъ — 1780 года, позднѣйшій — 1829 г.], и выборка этихъ, остававшихся не только совершенно недоступными, но зачастую и совершенно неизвѣстными, пѣсенныхъ текстовъ и составляетъ его особую научную заслугу. Въ слѣдующихъ словахъ акад. Соболевскій опредѣляетъ ха-

рактеръ своего изданія, составъ матеріаловъ и самые пріемы изданія: „Благодаря щедрости Его Императорскаго Высочества, въ виду существованія у насъ большихъ сборниковъ былинъ, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, я рѣшился составить сборникъ тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которымъ не можетъ быть дано ни одно изъ только что приведенныхъ названій, и которыя также не принадлежатъ къ числу обрядовыхъ [какъ, напримѣръ, свадебныя], иначе говоря, я ограничился пѣснями — по обычной терминологіи — низшими эпическими, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими. Печатный пѣсенный матеріалъ, находящійся въ старыхъ „пѣсенникахъ“, въ разнаго рода сборникахъ, или уже давно вышедшихъ изъ продажи, или никогда не поступавшихъ въ продажу, въ разнаго рода ученыхъ филологическихъ и музыкальныхъ трудахъ, назначенныхъ лишь для малочисленныхъ спеціалистовъ, въ разнаго наименованія провинціальныхъ изданіяхъ, мало кому извѣстныхъ и еще менѣе доступныхъ, оказался такъ обиленъ и разнообразенъ, а вмѣстѣ такъ мало знакомъ даже людямъ посвятившимъ себя изученію русской народной поэзіи, что мнѣ пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться рукописными матеріалами [кромѣ, впрочемъ, нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII столѣтія]. Такимъ образомъ настоящій сборникъ представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала, сводъ — должно оговориться — неполный, такъ какъ я не призналъ ни полезнымъ, ни удобнымъ перепечатывать матеріалъ изъ изданій новѣйшихъ, пока еще общедоступныхъ (за ничтожными исключеніями) и такъ какъ мнѣ, безъ сомнѣнія, не удалось, при недостаточности существующихъ библіографическихъ пособій, воспользоваться въ надлежащей полнотѣ „губернскими“ и вообще провинціальными вѣдомостями... При перепечаткѣ пѣсеннаго матеріала, я заботился сохранить всѣ варіанты, даже сильно искаженные, даже обрывки, если они представляютъ свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указанія на террито-

ріальное распространеніе пѣсни. Затѣмъ я старался удерживать раздѣленіе пѣсенъ на стихи, находящееся въ моихъ источникахъ, такъ какъ оно часто болѣе ясно при пѣніи пѣсенъ, чѣмъ при чтеніи, впрочемъ, съ исключеніями, въ виду небрежности или неопытности нѣкоторыхъ собирателей. Но въ томъ, что касается обычныхъ діалектическихъ особенностей, я позволилъ себѣ отступить отъ источниковъ. Пѣсенъ, записанныхъ вполнѣ фонетически, въ источникахъ оказалось крайне мало; пѣсенъ, записанныхъ съ кое-какими діалектическими особенностями, проведенными однако безъ послѣдовательности, — больше, но вообще сравнительно немного; огромное большинство пѣсенъ было издано съ обыкновенной нашей орѳографіей. Въ виду этого я нашелся вынужденнымъ, сохранивъ вполнѣ словарныя и синтаксическія особенности языка пѣсенъ, а также тѣ діалектическія особенности, которыя важны для правильнаго чтенія пѣсенъ [*у* вмѣсто *в* и наоборотъ, формы творительнаго падежа множественнаго числа на *мъ* и т. п.], ввести въ настоящемъ сборникѣ однообразную орѳографію. Подъ каждою пѣснею читатель найдетъ, кромѣ обозначенія источника, изъ котораго взята мною пѣсня, также указанія на изданія, гдѣ эта пѣсня была перепечатана, но я не заботился объ особенной полнотѣ этихъ послѣднихъ" [т. I, стр. I—III]. Первый томъ изданія заключаетъ въ себѣ „низшія эпическія пѣсни": этимъ терминомъ акад. Соболевскій называетъ пѣсни повѣствовательнаго характера, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются не личности исторически извѣстныя и не герои былеваго эпоса, а разные, бо́льшею частью безыменные „добрые молодцы", „красныя дѣвицы", „молодыя вдовы", „молодыя монашенки" и т. п., и которыя онъ противополагаетъ пѣснямъ „семейнымъ", „любовнымъ", „рекрутскимъ", „солдатскимъ", „разбойничьимъ", наконецъ, „юмористическимъ" и „сатирическимъ" — всѣмъ имъ посвящены слѣдующіе шесть томовъ. Второй томъ и третій заключаютъ въ себѣ семейныя пѣсни, — именно бо́льшую часть тѣхъ пѣсенъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ положеніе женщины въ семьѣ; одни

изъ нихъ рисуютъ отношенія дѣвушки къ отцу и членамъ отцовской семьи, требованія ея по отношенію къ жениху и степень ея участія въ выборѣ послѣдняго; другія посвящены отношеніямъ жены къ мужу и членамъ мужниной семьи, наконецъ — пѣсни, имѣющія своимъ предметомъ положеніе въ семьѣ мужчины. Четвертый томъ и пятый содержатъ любовныя пѣсни. Одни изъ нихъ рисуютъ идеалъ возлюбленнаго или возлюбленной; другія посвящены болѣе или менѣе счастливой любви, говорятъ о признаніяхъ, свиданіяхъ, подаркахъ и т. п. или, наконецъ, посвящены болѣе или менѣе несчастной любви: говорятъ о разлукѣ, измѣнѣ, смерти и т. п. Въ шестомъ — рекрутскія, солдатскія, казацкія, полоняничныя (о плѣнныхъ), разбойничьи и темничныя (арестантскія) пѣсни, съ прибавленіемъ 1) очень немногихъ матросскихъ, фабричныхъ, бурлацкихъ и лакейскихъ и 2) также очень немногихъ общаго характера, съ молодцомъ въ главной роли. Седьмой т. заключаетъ въ себѣ пѣсни юмористическія сатирическія, часть игровыхъ, наконецъ — „смѣсь“ и небольшое число „дополненій“.

Огромный собранный матеріалъ въ изданіи расположенъ по содержанію, по основнымъ темамъ: „мужъ губитъ не любимую жену“, „братъ жениться по невѣдѣнію на сестрѣ“ и т. п. Обычное распредѣленіе народныхъ пѣсенъ по группамъ: „бесѣдныя“, „хороводныя“, „игровыя“, „плясовыя“, „протяжныя“ и т. п. Соболевскій признаетъ совершенно не соотвѣтствующимъ цѣли, — принципомъ лишь кажущимся, въ дѣйствительности же очень мало или даже совсѣмъ ничего не говорящимъ. Названія: „хороводная“ и „круговая“ — замѣчаетъ онъ — означаютъ одно и то же [„кругъ“ — хороводъ]; названія: „бесѣдная“, „вечеричная“, „вечорковая“, „посидѣлочная“, также имѣютъ одно значеніе; наконецъ, нѣтъ разницы между пѣснями: „протяжною“, „проголосною“, „тягольною“... Такъ, извѣстнѣйшая пѣсня: „Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвѣтъ...“, находящаяся во II-мъ томѣ, въ одномъ варіантѣ помѣчена „хороводною“ [№ 268], въ одномъ „обыденною“

[№ 264] и въ двухъ „протяжною“ [№№ 163, 266]: или хотя очень извѣстная пѣсня: „Размолодчики вы молоденьки, да дружки мои“, помѣщенная въ III-мъ томѣ, въ одномъ варіантѣ значится „хороводною“ [№ 81], въ одномъ „бесѣдною“ [№ 82], въ одномъ „науличною“ [№ 73], въ трехъ „протяжною“ [№№ 75, 77] „проголосною“ [№ 79]. Пѣсня: „Молодка, молодка, молодая“, помѣщенная въ V-мъ томѣ, въ двухъ варіантахъ носитъ названіе „хороводной“ [№ 393, № 396], въ трехъ — „протяжной“ [№№ 394, 398], „проголосной“ [№ 397]. Сверхъ того, самое значеніе отмѣтокъ „хороводная“ и т. п., по нашему мнѣнію — прибавляетъ А. И. Соболевскій — указываетъ единственно на то, что она поется въ хороводѣ; послѣднее нисколько не мѣшаетъ ея употребленію въ „бесѣдѣ“, на свадьбѣ и вообще во всякомъ собраніи молодежи. Если пѣсня записана, какъ „плясовая“, это вовсе не значитъ, что она при пѣніи непремѣнно сопровождается пляскою; иначе говоря, она имѣетъ также право на названіе „хороводной“, „бесѣдной“ и т. д. Понятно, при такомъ положеніи дѣла, распредѣленіе пѣсенъ по группамъ невозможно“...

Любопытны дѣлаемыя редакторомъ замѣчанія объ общемъ современномъ положеніи въ народѣ старой пѣсенной поэзіи: „Теперь господствуетъ убѣжденіе — замѣчаетъ А. И. Соболевскій — что великорусская народная поэзія близка къ гибели, что старыя пѣсни забываются, и ихъ мѣсто занимаютъ фабричныя пѣсни, болѣе или менѣе нескладныя и неблагопристойныя... Безъ сомнѣнія, старыя пѣсни понемногу выходятъ у насъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто новымъ, народнымъ или искусственнымъ: явленіе происходящее всегда и вездѣ, неизбѣжное при какихъ угодно условіяхъ...; но тѣмъ не менѣе народная поэзія у насъ еще достаточно сильна и разсказы объ ея исчезновеніи лишены достаточнаго основанія“. Любителямъ и теперь при желаніи удается составить „порядочные сборники старыхъ пѣсенъ, нисколько не хуже тѣхъ, которые были составлены лѣтъ пятьдесятъ назадъ... Что касается до спеціально фабричныхъ пѣсенъ, соста-

вленныхъ фабричными и поющихся по преимуществу на фабрикахъ, то несмотря на наши старанія, намъ не удалось отыскать этихъ губительницъ старыхъ пѣсенъ въ сколько-нибудь достаточномъ числѣ. Все, что намъ было сообщено подъ названіемъ фабричныхъ пѣсенъ, оказалось или варіантами обычныхъ старыхъ пѣсенъ, правда, болѣе или менѣе плохими, но не имѣющими въ себѣ ничего спеціально фабричнаго, и по степени благопристойности ничѣмъ не отличающимися отъ деревенскихъ, — или такъ называемыми „частушками", коротенькими пѣсенками, въ два, четыре, шесть стиховъ, которыя хорошо распространены по всей Россіи. „Частушки" признаются за продуктъ новѣйшаго народнаго творчества; но старшія ихъ записи, въ небольшомъ, къ сожалѣнію, числѣ, относятся еще къ XVIII вѣку, и мы имѣемъ вѣское свидѣтельство ихъ относительной древности... Относясь скептически къ свидѣтельствамъ объ отчаянномъ состояніи великорусской народной поэзіи, мы тѣмъ не менѣе — прибавляетъ акад. Соболевскій — должны признать, что въ нашемъ сборникѣ пѣсни старыхъ записей вообще выше во всѣхъ отношеніяхъ пѣсенъ новѣйшихъ записей. Но тутъ состояніе народной поэзіи ни-причемъ. Старыя записи сдѣланы знатоками и любителями народной пѣсни; новѣйшія принадлежатъ всего чаще „этнографамъ", народнымъ учителямъ, ученикамъ разныхъ школъ, которые приступаютъ къ записыванію, не будучи сколько-нибудь знакомы съ пѣснями, и записываютъ, что придется, отъ перваго попавшагося парнишки, не обращая вниманія на то, что онъ имъ диктуетъ нѣчто во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительное, перепутывая пѣсни, не досказывая конца, коверкая стихъ" и т. д. [т. VII, стр. 1—3].

Современная научная критика, отнесшаяся къ изданію вообще въ высшей степени сочувственно, между прочимъ особенно важную научную сторону видѣла въ изданіи въ томъ отношеніи, что здѣсь приводились сполна всѣ имѣющіеся на лицо варіанты той или другой пѣсни. Возражая противъ высказывавшагося мнѣнія, что достаточно было бы издавать лишь наиболѣе расходящіеся между

собою варіанты одного сюжета, а болѣе мелкія отличія двухъ или болѣе варіантовъ указывать внизу, въ сноскахъ, выбравъ одинъ изъ нѣсколькихъ текстовъ за основной, — Вс. Ѳ. Миллеръ справедливо замѣчалъ: „Достаточно сравнить между собою нѣсколько даже близкихъ другъ къ другу варіантовъ одной пѣсни, чтобъ убѣдиться, какъ сильно они расходятся между собою въ мелкихъ деталяхъ — замѣнѣ одного слова другимъ, перестановкѣ словъ, прибавкахъ или урѣзкахъ и т. п., и какъ трудно было бы издателю во многихъ случаяхъ выбрать изъ такихъ варіантовъ одинъ, какъ основной. Если бы ему и удалась такая работа, то едва ли читателю было бы легко разобраться въ длинномъ столбцѣ подстрочныхъ примѣчаній, сопровождаемыхъ каждое указаніемъ мѣста записи сравниваемаго варіанта. Думаю, что удобство научныхъ наблюденій достигается скорѣе послѣдовательнымъ чтеніемъ всѣхъ варіантовъ пѣсни, напечатанныхъ цѣликомъ въ извѣстномъ порядкѣ“... А затѣмъ и практически, при самыхъ изученіяхъ изданныхъ матеріаловъ, — передъ нами прежде всего возможность „составить себѣ понятіе объ относительной популярности того или другого сюжета и о географическомъ районѣ его распространенія“. Затѣмъ, детальное сличеніе варіантовъ какой-нибудь старинной пѣсни, сохранившейся въ записяхъ прошлаго столѣтія и извѣстной доселѣ въ народѣ [напр. *Ванька-ключникъ*] можетъ повести „къ цѣлому ряду интересныхъ наблюденій надъ процессомъ ея переработки въ теченіе многихъ лѣтъ ея жизни въ пѣсенномъ народномъ репертуарѣ. Укажу, напр., переходъ безыменной пѣсни въ именную или обратно, смѣну старинныхъ историко-географическихъ именъ новыми (напр., замѣну Литовскаго короля Шведскимъ или Прусскимъ), старинной бытовой обстановки современною (особенно часто въ костюмѣ), перенесеніе мѣста дѣйствія въ другой городъ, иногда въ тотъ, который болѣе знакомъ пѣвцу, внесеніе мотивовъ изъ пѣсенъ другого сюжета, введеніе 1-го лица вмѣсто 3-го особенно въ зачало пѣсни, проявленіе личнаго чувства пѣвца въ передачѣ событія, сгущеніе красокъ или, наоборотъ, смягченіе ихъ, из-

мѣненіе пѣсеннаго размѣра и т. п. Для подобныхъ историко-литературныхъ наблюденій, конечно, необходимо изученіе множества варіантовъ одной и той же пѣсни“... Чисто литературная сторона пѣсни — ея техника и мотивы — также сравнительно мало еще изучена, — и „обширный матеріалъ для такихъ изслѣдованій представляетъ именно разсматриваемый сборникъ“... [Вс. Ѳ. Миллеръ,— „Извѣстія отд. русскаго языка и словесности И. Ак. Н., III, Спб., 1898, стр. 230—231, 231—232]. При всѣхъ достоинствахъ изданія, лишь одинъ упрекъ, намъ кажется, можно ему сдѣлать: редакторъ слишкомъ скупъ на пояснительныя примѣчанія къ издаваемымъ текстамъ!..

Какъ мы упоминали выше, уже съ начала 30 гг. началась энергичная дѣятельность П. В. Кирѣевскаго († 1856) по собиранію русскихъ народныхъ пѣсенъ. Пушкину справедливо казалось, что дѣло находится въ „надежныхъ рукахъ“, — Кирѣевскій быстро привлекъ къ дѣлу собиранія не только своихъ личныхъ близко знакомыхъ лицъ, поэтовъ и писателей, не только чуть не всѣхъ московскихъ писателей и ученыхъ, но — черезъ ихъ посредство — предпріятіе очень скоро нашло откликъ на всемъ пространствѣ Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ. А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь, Н. М. Языковъ, А. В. Кольцовъ, В. И. Даль, И. М. Снегиревъ, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Вадимъ Пассекъ, П. И. Якушкинъ, А. Ѳ. Вельтманъ, А. Х. Востоковъ, С. А. Соболевскій, кн. Н. А. Костровъ, Д. А. Валуевъ и т. д. и т. д. — всего около 50 человѣкъ — явились твердыми помощниками Кирѣевскаго. Болѣе или менѣе извѣстно, какимъ блестящимъ успѣхомъ увѣнчалось это предпріятіе: собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго быстро стало извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей, — имъ интересуются Шафарикъ, Ганка... Въ печати появившилась, однако, при жизни самого собирателя лишь ничтожная часть собранія. Кирѣевскій слишкомъ медлилъ съ обнародованіемъ собранныхъ матеріаловъ, — и вся громада этихъ матеріаловъ оставалась при немъ почти не тронутой

печатаніемъ! Кирѣевскій успѣлъ издать лишь небольшой сборникъ духовныхъ стиховъ (въ „Чтеніяхъ“ 1848 г.] и около 15-ти лирическихъ пѣсенъ, — между тѣмъ какъ все собраніе заключало въ себѣ отъ 10 до 15 тысячъ!.. Послѣ смерти Кирѣевскаго, — какъ это всегда бываетъ съ подобными матеріалами, собраніе его уже скоро обнаружило въ себѣ „недочеты“; кромѣ того, пропало не мало бумагъ, оставленныхъ Кирѣевскимъ въ Москвѣ... Правда, вскорѣ же была составлена и весьма тщательная опись собранныхъ матеріаловъ, — значительная часть ихъ была приготовлена и къ печати; но неизвѣстно почему все же печатаніе не состоялось, и въ началѣ 1860 года рукописи Кирѣевскаго, все собраніе сполна, было передано наслѣдниками, съ правомъ изданія, Московскому Обществу любителей россійской словесности при Моск. Университетѣ. Обществомъ, на основаніи этого собранія, вскорѣ и издаются подъ редакціей Безсонова: извѣстныя *Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ* [10 ч., М., 1860—1874], *Калѣки перехожіе* [6 вып., М., 1861—1864] и *Бѣлорусскія пѣсни* [М. 1871]. Названныя изданія далеко, однако, не исчерпывали всего матеріала! — сюда лишь вошли историческія пѣсни, духовные стихи и бѣлорусскіе матеріалы; да и это все въ печати „оказалось разбавленнымъ иными, собранными самимъ Безсоновымъ матеріалами, его добавленіями и неумѣренно многорѣчивыми, напыщенными разсужденіями“. Особенно отрицательной стороной названныхъ изданій, въ особенности „Пѣсенъ Кирѣевскаго“ — были эти „разсужденія“ редактора; здѣсь Безсонову дѣйствительно часто принадлежала совсѣмъ „новая наука“ [ср. статью Н. Ѳ. Сумцова, — „Кіев. Ст.“, 1897, январь], — въ которой чего, чего только нѣтъ! — въ кратцѣ невозможно и перечислить, — и все это „на основаніи отчаяннѣйшаго словопроизводства“, какъ остроумно замѣчаетъ Ягичъ. Такимъ образомъ подъ руководствомъ Безсонова трудъ Кирѣевскаго, хотя и издавался якобы „по мысли его“, — вышелъ далеко не въ подлинномъ видѣ. И въ той долѣ собранія Кирѣевскаго, которая вошла въ трудъ П. А. Без-

сонова, „не все было исчерпано, не все было принято во вниманіе. Безсоновъ преувеличилъ въ увлеченіи своей ролью редактора трудности изданія; онъ характеризовалъ собраніе Кирѣевскаго, какъ „кучу съ тысячью листковъ и сотнею тетрадей, бо́льшею частью разнородныхъ рукъ, гдѣ *только мы одни,* по памяти нашихъ бесѣдъ, въ состояніи отличить мѣста и лицъ, гдѣ и кѣмъ что-либо записано". Собраніе и теперь далеко не такъ хаотично, какъ представлялъ его П. А. Безсоновъ, — а изъ 1000 съ небольшимъ свадебныхъ пѣсенъ 900 слишкомъ могли быть опредѣлены на основаніи данныхъ либо самого Кирѣевскаго, либо его корреспондентовъ; то же надо сказать и относительно историческихъ пѣсенъ" [М. Н. Сперанскій, — „Пѣсни" и пр., I, стр. LXI]. Большой заслугой Безсонова, впрочемъ, было уже то, что онъ интересовался наслѣдіемъ Кирѣевскаго. Когда Безсоновъ — въ 1878 г. — уѣхалъ изъ Москвы въ Харьковъ, рукописи Кирѣевскаго совсѣмъ остались въ забросѣ... Правда, изъ „знакомаго для всѣхъ желтаго чемодана", въ которомъ и самъ Кирѣевскій, а потомъ и Безсоновъ возили „пѣсни" при своихъ переѣздахъ, — послѣднія въ концѣ 60-хъ гг. перемѣщены были въ особый, сдѣланный спеціально для нихъ, „прекрасный шкапъ", который былъ помѣщенъ въ Моск. Публич. Музеѣ „для храненія"; но, съ отъѣздомъ Безсонова, хранители повидимому очень скоро позабыли и про пѣсни и про шкапъ!.. Лишь счастливая случайность охраняла рукописи Кирѣевскаго въ теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ, съ 1878-го по 1899-й, — когда, въ виду юбилея Пушкина, „прекрасный шкапъ" сталъ разыскиваться въ Музеѣ В. Ѳ. Миллеромъ, и когда, „въ первое время", о существованіи этого шкапа точныхъ свѣдѣній „не могли дать"! „Только внимательные поиски (!!..), замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ, — открыли его въ полной сохранности"... [„Пѣсни" и пр., I, стр. 3]. „Полная сохранность", однако, въ дѣйствительности оказалась довольно относительной, — какъ это видимъ теперь изъ обстоятельнаго описанія, сдѣланнаго М. Н. Сперанскимъ, современнаго состоянія рукописей

Кирѣевскаго [ib., стр. LXII—LXXII]. Въ собраніи между прочимъ находилась *тетрадь*, данная Кирѣевскому Пушкинымъ, съ 50-ю записанными имъ самимъ пѣснями: въ настоящее время этой тетради-автографа въ собраніи уже не имѣется! — „тетрадь считается пропавшей...“ [Объ этихъ пѣсняхъ, собранныхъ Пушкинымъ, см. обстоятельную статью М. Н. Сперанскаго: „Къ исторіи пѣсенъ, собранныхъ А. С. Пушкинымъ.“ М., 1913]. Не находится при собраніи въ настоящее время и упомянутой выше, сдѣланной вскорѣ послѣ смерти Кирѣевскаго, подробной *описи* его бумаги [Сперанскій, „Пѣсни“ и пр., стр. XLVI. LX]. Тѣмъ не менѣе и теперь, послѣ всѣхъ „мытарствъ“, собраніе Кирѣевскаго все еще остается въ отношеніи новизны весьма обширнымъ: по приблизительному подсчету Вс. Ѳ. Миллера, въ собраніи — какъ оно теперь находится въ Рум. Музеѣ, въ „прекрасномъ шкапу“, — имѣется до 5000 №№ не изданныхъ еще пѣсенъ; остаются не изданными *обрядовыя пѣсни* [главн. образ. свадебныя] и большое количество *пѣсенъ лирическихъ* [ib., стр. XLIV. LXII]. Изданный томъ заключаетъ въ себѣ ок. 1170 пѣсенъ — обрядовыхъ-свадебныхъ (1043), обрядовыхъ-праздничныхъ: „святочныхъ“ „подблюдныхъ“, „весеннихъ“, „лѣтнихъ“ (1044—1100), обрядовыхъ — „колыбельныхъ“ (1100—1108), „хороводныхъ“ (1109—1149), „игорныхъ“ и „плясовыхъ“ (1150—1160) и нѣкоторыхъ др. под. (1161—1172). Пѣсни расположены по губерніямъ и мѣстностямъ, сопровождаются описаніемъ обрядовъ, соотвѣтствующими, приводимыми у Кирѣевскаго, варіантами, имѣющимися на рукописяхъ тѣми или другими его помѣтками и т. п. Тексту пѣсенъ предшествуютъ — вводная статья къ изданію, Вс. Ѳ. Миллера, обстоятельный біографическій очеркъ Кирѣевскаго, написанный М. О. Гершензономъ, и спеціально посвященная самому собранію пѣсенъ статья М. Н. Сперанскаго: *П. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсенъ* [стр. XLIII—LXXII].

Какъ справедливо замѣчается въ предисловіи къ названному академич. изданію, — „почти всѣ труды и изданія Чулкова уже очень давно, даже слѣдуетъ сказать

почти съ самаго выхода ихъ въ свѣтъ, сразу пришедшись какъ-то особенно по вкусу публики по своей новизнѣ и занимательности, стали, что называется, „зачитываться“ и быстро исчезать съ книжнаго рынка и изъ общественныхъ библіотекъ“... Изданія Чулкова „зачитывались“ до такой степени, что *четвертой* части перваго изданія „Чулковскаго Пѣсенника“ [1770—1774 гг.] до сихъ поръ нигдѣ не нашлось, — эту часть мы имѣемъ лишь въ перепечаткѣ въ Новиковскомъ изданіи: *Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ* [6 ч., М., 1780, — такъ наз. „Новиковскій Пѣсенникъ“]. Въ I-й томъ начавшаго выходить изданія, какъ уже замѣчено, вошли первыя три части *Собранія разныхъ пѣсенъ* Чулкова, съ прибавленіями къ послѣдней части въ 1770—1773 гг.; во второй томъ должны войти 4-я часть „Пѣсенника“ Чулкова, въ перепечаткѣ Новикова 1780 года, и дальнѣйшія части, V-я и VI-я, того же собранія Новикова, — какъ естественное продолженіе пѣсенника Чулкова. Къ этому II-му тому будутъ приложены соотвѣтствующія историко-библіографическія описанія всѣхъ изданій и перепечатокъ Чулковскаго Пѣсенника, а равно подробныя соотвѣтствующія сличенія пѣсенниковъ Чулковскаго и Новиковскаго. Такимъ образомъ, по отпечатаніи II-го тома „Собранія сочиненій“ Чулкова, въ рукахъ у читателя окажутся оба слитые въ одно цѣлое два рѣдчайшихъ Пѣсенника Чулкова [1770 гг.] и Новикова [1780 гг.]; общая численность обращавшихся у любителей пѣнія романсовъ и пѣсенъ отдѣльныхъ нумеровъ въ нихъ дойдетъ до 1200“. Въ III-мъ и дальнѣйшихъ томахъ „Собранія сочиненій“ Чулкова намѣчено помѣстить всѣ остальныя сочиненія Чулкова: *Русскія Сказки* [10 ч., М., 1780—1783] и т. д. Къ изданію будетъ приложена *автобіографія* М. Д. Чулкова, или, собственно, замѣчанія его на „Опытъ историч. словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова [1772], и нѣкоторые вновь собранные біографическіе матеріалы о немъ, характеристика его литературной и общественной дѣятельности и т. п. Наблюденіе за самымъ изданіемъ принадлежитъ акад. А. И. Соболевскому, а приготовленіе къ пе-

чати собираемыхъ матеріаловъ, редактированіе ихъ и веденіе всего изданія — П. К. Симони.

Нельзя не отмѣтить здѣсь же еще одно, болѣе раннее, изданіе Академіи Наукъ: *Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ* [Спб., 1908, — изданы Г. П. Георгіевскимъ, вып. 2-й изданія: „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя (сборникъ)", 3 вып., Спб., 1907—1908—1909]. Самъ по себѣ, по собраннымъ здѣсь матеріаламъ, сборникъ пѣсенъ Гоголя не представляетъ большого значенія, особенно въ отдѣлѣ великорусскихъ пѣсенъ [вторая, бо́льшая часть собранія, изданнаго Г. П. Георгіевскимъ, занята пѣснями малорусскими] и замѣчателенъ главнымъ образомъ по знаменитому имени своего собирателя. Впрочемъ, Гоголь, какъ извѣстно, долгое время и очень настойчиво занимался собираніемъ пѣсенъ, главнымъ образомъ малорусскихъ; по собственнымъ словамъ Гоголя, собраніе его одно время заключало въ себѣ до 1000 пѣсенъ... Но судьба этого собранія пока остается еще мало выясненной. Во всякомъ случаѣ, изданное Г. П. Георгіевскимъ далеко не представляетъ собой „все гоголевское собраніе малороссійскихъ пѣсенъ", — какъ замѣчаетъ о своемъ сборникѣ г. Георгіевскій: уже скоро проф. Сперанскій издалъ, напр., еще новыхъ 46 такихъ пѣсенъ... [См. М. Н. Сперанскаго, Къ исторіи собранія пѣсенъ Н. В. Гоголя, Нѣжинъ, 1912].

Въ области былевой поэзіи особенно драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки было появленіе классическихъ *Онежскихъ былинъ* (Спб., 1873) А. Ѳ. Гильфердинга, собранныхъ имъ лѣтомъ 1871 года и оплаченныхъ, можно сказать, жизнью самого собирателя: среди своихъ этнографическихъ поѣздокъ Гильфердингъ заразился тифомъ и преждевременно скончался († 1872)... А. Ѳ. Гильфердингъ — „одинъ изъ важнѣйшихъ славянофиловъ новаго поколѣнія", стоявшій въ своихъ болѣе раннихъ чисто филологическихъ, а отчасти и вообще историческихъ, изученіяхъ, къ сожалѣнію, „auf einem von der Sprachwissenschaft längst überwundenen Standpunkt", но вообще одинъ изъ „самыхъ блестящихъ представителей перваго поколѣнія ученыхъ,

воспитанныхъ въ русскихъ университетахъ послѣ водворенія славяновѣдѣнія“ (Ягичъ), — для изученій русскаго былиннаго творчества далъ особенно цѣнный матеріалъ, при чемъ впервые обратилъ должное вниманіе на самыхъ хранителей этого матеріала въ настоящее время, — современныхъ „сказителей“, былинныхъ пѣвцовъ. Сдѣланныя въ этомъ отношеніи Гильфердингомъ наблюденія и до сихъ поръ остаются наиболѣе существенными. Сборникъ Гильфердинга ближайшимъ образомъ связанъ съ Рыбниковскимъ, и въ этомъ отношеніи прежде всего представлялъ то значеніе, что подтверждалъ, критически провѣрялъ собраніе Рыбникова. Какъ извѣстно, богатство эпическихъ матеріаловъ, собранныхъ Рыбниковымъ, было столь велико и такъ неожиданно для тогдашней нашей науки, что вызвало сомнѣнія въ самой подлинности собраннаго... Новыя записи Гильфердинга окончательно опровергли эти сомнѣнія. Онъ доказалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкаго края былевой эпосъ въ его время находился еще въ цвѣтущемъ состояніи, — „ключомъ бьетъ“, писалъ собиратель. „Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ, и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ, и жена охотники пѣть былины и поютъ разныя“ и т. д. [„Он. был.“, стр. XVIII—XIX].... Заслуга эта была, впрочемъ, больше внѣшняя; гораздо важнѣе было то, что эти записи не мало прибавляли новаго въ томъ же матеріалѣ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно цѣнно было подавляющее обиліе приведенныхъ Гильфердингомъ варіантовъ. Наконецъ, „Онежскія былины“ Гильфердинга особенно важны были по самымъ пріемамъ, которые собирателемъ впервые были здѣсь примѣнены: почти всѣ записи Гильфердинга сдѣланы были „по пѣтому“. „Записывая былину, Гильфердингъ пріучалъ пѣвцовъ не пересказывать ее по

словесно, какъ это они дѣлали для другихъ записывателей, а пѣть, только съ такою разстановкой между каждымъ стихомъ, чтобы можно было успѣть записать; напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, и былина выходила на бумагѣ такою, какою она дѣйствительно пѣлась въ народѣ"... [Лобода.] Необходимость подобнаго пріема отчасти сознавалась уже Рыбниковымъ, но примѣнить его вполнѣ онъ какъ-то не сумѣлъ.

Очень цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ былъ трудъ П. С. Ефименка: *Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи* [ч. II-я. Народная словесность. Труды этнографическаго отдѣла И. О-ва Любит. естествозн., антропол. и этнографіи при Моск. Университетѣ. Кн. V, вып. II, М., 1878]. Въ вышедшей за годъ передъ этимъ, „I-й части" П. С. Ефименкомъ описанъ былъ внѣшній и внутренній бытъ русскаго населенія Архангельской губерніи; настоящая, II-я часть посвящалась народной словесности, — заключаетъ въ себѣ былины, духовные стихи, пѣсни, игры, заговоры, сказки, пословицы, наконецъ, словарь мѣстныхъ словъ. Особенно цѣнны былины и заговоры; между прочимъ, нѣкоторые изъ помѣщенныхъ здѣсь заговоровъ отличаются не только внѣшней полнотой, но и замѣчательной эпической свѣжестью, картинной изобразительностью... Отдѣлу былинъ предпослана статья о нихъ Квашнина-Самарина.

Въ самое послѣднее время русскій былинный матеріалъ неожиданно обогащается цѣлымъ рядомъ новыхъ очень важныхъ записей, собранныхъ также на русскомъ сѣверѣ,— разумѣемъ собранія А. В. Маркова: *Бѣлорусскія былины* [съ предисловіемъ проф. Вс. Ѳ. Миллера. Этнографическій Отдѣлъ И. О. Любителей Естествознанія, Антр. и Этногр., М., 1901. Стр. 617, XIII], — Н. Е. Ончукова: *Печорскія былины* [Спб., 1904 г., XIV, 424 стр. „Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи", т. XXX, и отдѣльно], — *Архангельскія былины и историческія пѣсни,* собранныя А. Д. Григорьевымъ, въ 1899—1901 гг. [Съ напѣвами, записанными посред-

ствомъ фонографа. Томъ I, М., 1904; т. III, Спб., 1910. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Второй томъ не выходилъ].

Особую цѣнность собраніе А. В. Маркова представляетъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы находимъ нѣсколько вполнѣ новыхъ былинъ, не встрѣчавшихся прежнимъ собирателямъ, — совершенно новый матеріалъ нашего былевого эпоса. Таковы обширная былина о томъ, какъ *Идолище сватается за племянницу князя Владимира,* Марѳу Митревну, и какъ она, отъѣзжая съ нимъ на кораблѣ, хитростью избавляется отъ ненавистнаго жениха, — былина *о новгородскомъ князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ* и его столкновеніи съ Маринкой, — *Камское побоище,* — *Женитьба Добрыни* и нѣкот. др. Кромѣ совершенно новыхъ, дотолѣ остававшихся неизвѣстными, собирателю удалось записать нѣсколько былинъ, встрѣчающихся сравнительно очень рѣдко. Помимо того, имъ записанъ цѣлый рядъ превосходныхъ варіантовъ историческихъ пѣсенъ изъ цикла Ивана Грознаго, о Михаилѣ Скопинѣ, объ осадѣ Соловецкаго монастыря и др. „Интереснѣйшій unicum“ среди историческихъ пѣсенъ представляетъ между прочимъ пѣсня: *Семейная жизнь Петра I-го.* Въ этой обширной пѣснѣ (въ 316 стиховъ) мы находимъ — замѣчаетъ акад. Вс. Ѳ. Миллеръ — въ своеобразной народной переработкѣ біографическія данныя: рожденіе Петра I-го, женитьбу его на Настасьѣ-королевичнѣ (Евдокіи), рожденіе царевича Ѳедора (Алексѣя), столкновеніе отца съ сыномъ, являющимся сторонникомъ старой вѣры, смерть царевича, постриженіе его матери въ монастырь, занятіе Петра плотничествомъ, знакомство съ Екатериной Алексѣевной и вторичную женитьбу. Вообще мы увѣрены — писалъ Миллеръ — „Бѣломорскія былины“ по разнообразію содержанія и новизнѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ займутъ выдающееся мѣсто среди сборниковъ эпическихъ пѣсенъ и дадутъ изслѣдователямъ-спеціалистамъ новый и обильный матеріалъ для разработки“... Самыя записи отличаются отчетливостью и добросовѣстностью: „лучшихъ записей былинъ, не исключая и записей Гильфердинга,

мы не имѣемъ, замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ [„Бѣл. был.“, стр. VII—XIII]. Текстамъ былинъ предшествуетъ обширная вводная статья собирателя: „Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря“, — гдѣ А. В. Марковъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ общемъ состояніи былевого эпоса въ этой мѣстности, бытовыхъ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сохраненію здѣсь „старинъ“, о сказителяхъ, сказительницахъ и т. д. Собраніе Маркова взаимно дополняется собраніями Ончукова и Григорьева. И эти собранія прежде всего фактически подтвердили замѣчаніе, сдѣланное уже Гильфердингомъ, что народная поэзія на нашемъ сѣверѣ по мѣстамъ еще „бьетъ ключомъ“. По указанію г. Ончукова, „вездѣ, по... всѣмъ мѣстамъ Печоры, къ „старинщикамъ“ [сказителямъ] относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору. Мало понятно, какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ“... Послѣднее, впрочемъ, нѣсколькими строками ниже объясняется самимъ собирателемъ: „Большой новостью — говоритъ г. Ончуковъ — мои открытія десятковъ былинъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, — между которыми есть цѣлыхъ два дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинъ на Печорѣ!“... Старая истина, подмѣченная еще Пушкинымъ: „лѣнивы и не любопытны!...“ Указывая на крайнюю случайность почти всѣхъ нашихъ былинныхъ записей, — совершенно справедливо по этому поводу замѣчаетъ проф. Лобода: „Такъ до самаго недавняго времени шло у насъ собираніе лучшаго нашего достоянія въ области народной поэзіи, и, право, слѣдуетъ еще удивляться, что собрано столько. Строгой, выдержанной системы не было, и очень многое зависѣло отъ простого случая, подчасъ отъ „независящихъ обстоятельствъ“... [„Ж. М. Н. Пр.“, 1905, сент.]. Чрезвычайно интересны наблюденія, которыя дѣлаетъ по

поводу этихъ новыхъ сборниковъ былинъ сейчасъ названный изслѣдователь, — касательно сравнительнаго, такъ сказать, статистическаго отношенія различныхъ былинъ въ современномъ народномъ репертуарѣ. Болѣе древнія былины вообще уступаютъ свое мѣсто былинамъ съ болѣе поздними сюжетами. „Замѣтно преобладаютъ, особенно у г. Григорьева, былины-фаблью, былины-новеллы, тѣ неопредѣленныя пѣсни, иногда былевыя по складу, иногда приближающіяся къ такъ называемымъ низшимъ эпическимъ, то пріуроченныя къ тѣмъ или инымъ именамъ, то безымянныя, содержаніе которыхъ сосредоточивается на развитіи не историко-этической, а психологической черты. Такъ, 36 поморскихъ записей г. Григорьева распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 6 приходится на несправедливый оговоръ жены и ея смерть [„Князь, княгиня и старицы“]; по 4 — на „князя Дмитрія и его невѣсту Домну“ [месть за презрѣніе] и бой Ильи съ сыномъ; 3 — на Грознаго съ сыномъ; по 2 — на сюжеты: гибель жены князя Михайлы, двѣ поѣздки Ильи [встрѣча съ разбойниками и съ королевичной], Добрыня въ отъѣздѣ; нашествіе французовъ въ 12 г. Въ единичныхъ пересказахъ: сватовство Владимира, Соловей Будимировичъ, Козаринъ, продажа Ивана Гостинаго матерью, Дунай и Настасья-королевична, Оника-воинъ, братья разбойники и ихъ сестра, вдова съ дочерью и сыновьями корабельщиками [изъ пѣсенъ о кровосмѣшеніи], графъ Паскевичъ и смерть генерала. Среди 176 пинежскихъ записей на долю жены князя Михайлы приходится 32 номера (18%), на долю князя Дмитрія съ Домной — 18 (10%), братьевъ разбойниковъ и сестры — 9 [5%], князя Романа — 8 [4%], Козарина — 11 [6%]; изъ былинъ про Илью наибольшимъ распространеніемъ пользуется встрѣча его съ разбойниками — 8 вар. [4,5%]; Алеша Поповичъ наичаще выступаетъ въ похожденіи съ сестрой Бродовичей, Петровичей и под. — 9 вар. [5%] и т. д.“. Грань между былиной-стариной и простой пѣснью становится почти неуловимой, — изъ „старины“, „старинной были“ нерѣдко исчезаетъ не только „старинная обстановка, но часто даже

„старинный“ размѣръ, складъ: послѣдній иногда оказывается въ такой формѣ:

... Питеръ, въ Москву проѣжжали,
Во деревню заѣжжали,
Ко вдовушки приставали;
Ко вдовушки приставали,
Подъ окошкомъ колотились... И т. д.

Характерную черту пинежско-кулойско-мезенской группы составляетъ присутствіе значительнаго количества былинъ скоморошьяго склада сравнительно съ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ; изъ 83 пинежскихъ и кулойско-мезенскихъ сюжетовъ 12 или 14% рѣзко запечатлѣны творчествомъ скомороховъ... Въ этомъ отношеніи былины разсматриваемыхъ районовъ — замѣчаетъ проф. Лобода — ближе всего напоминаютъ сборникъ Кирши Данилова, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые скоморошьи сюжеты повторяются здѣсь и тамъ“ [А. М. Лобода, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1905, сентябрь, стр. 162—165, 172—174, 176—179]. Весьма цѣннымъ приложеніемъ къ сборнику г. Григорьева являются 56 былинныхъ напѣвовъ, записанныхъ при посредствѣ фонографа и переложенныхъ на ноты съ возможною точностью. Эта сторона народной поэзіи — музыкальное народное творчество — до послѣдняго времени почти отсутствовала въ нашихъ изученіяхъ, — хотя самый вопросъ былъ поставленъ на видъ уже давно: былевые напѣвы записываетъ уже неизвѣстный составитель знаменитаго сборника Кирши Данилова... Относящіяся сюда научныя изученія болѣе широкимъ образомъ поставлены лишь въ самое послѣднее время, — разумѣемъ капитальное изданіе: *Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки* [Труды музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при Этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. I, М., 1906], — къ сожалѣнію, остановившееся пока на I томѣ...

Стремленіе изучать произведенія народнаго творчества въ связи съ памятниками письменной литературы вызы-

ваетъ особое вниманіе изслѣдователей къ тѣмъ книжнымъ записямъ, которыя уцѣлѣли до насъ. Въ этомъ отношеніи очень важнымъ было изданіе: *Русскія былины старой и новой записи* (М., 1894), вышедшее подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. Въ изданіи особенно цѣнны старыя записи былинъ и статья Тихонравова: „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка". Въ ряду 70 былинъ „новой записи", — болѣе 30 появлялось въ печати въ первый разъ. Въ связи съ послѣднимъ изданіемъ отмѣтимъ ранѣе появившееся въ печати и не вошедшее въ это изданіе — *Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили въ Царьградъ и побивали цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь*, найденное и изданное по сп. нач. XVII в. Е. В. Барсовымъ [Сборн. II Отд. А. Н., т. XXVIII, № 3, Спб., 1881].

Весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ въ области собиранія и вообще обогащенія былинныхъ матеріаловъ были строго научныя изданія — знаменитой рукописи *Сборникъ Кирши Данилова*, предпринятое И. П. Библіотекой и вышедшее подъ редакціей П. Н. Шеффера [Сборникъ Кирши Данилова. Изданіе И. П. Библіотеки, Спб., 1901], — и еще болѣе ранней записи — пѣсенъ, записанныхъ для Ричарда Джемса въ 1619—1620 гг. — изданной Академіей Наукъ подъ редакціей П. К. Симони [Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Приготовилъ къ печати и снабдилъ объяснительными замѣчаніями Павелъ Симони. Выпускъ II, 1. Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг. Съ 15-ю таблицами снимковъ съ рукописи XVII столѣтія. Спб., 1907]. Какъ извѣстно, старое изданіе Кирши Данилова [Спб., 1818] позднѣе было переиздано [*Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ*. Изданіе третье, Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію, съ нотами, М., 1878]. Изданіе представляло точное воспроизведеніе текста 1818 года, — ничего не прибавивъ къ нему и по своему научному аппарату, который совершенно отсутство-

валъ [См. Л. Н. Майкова, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1878, октябрь]. Изданіе П. П. Б—ки воспроизводитъ текстъ рукописи „буква въ букву, знакъ въ знакъ“, безъ всякихъ исправленій [оставлены неприкосновенными самыя описки писца!]. Точностью текста отличалось и изданіе Калайдовича; но тамъ многое все же было пропущено, — по цензурнымъ и другимъ соображеніямъ не напечатанъ былъ цѣлый рядъ народныхъ произведеній; кромѣ того, въ изданіи Калайдовича сглажены были діалектическія черты, рѣзко выступающія на общемъ фонѣ орѳографіи сборника“ [Шеффера]. Теперь рукопись впервые издавалась вся сполна. Имѣя въ виду научный характеръ изданія, спеціальной комиссіей, завѣдывавшей изданіемъ, рѣшено было при печатаніи не замѣнять точками даже наивно-грубыхъ мѣстами выраженій оригинала. Впрочемъ, напечатать все сполна, цѣликомъ, все же оказалось невозможнымъ! Двѣ пѣсни оказались совершенно недопустимыми къ печати, — эти мѣста рукописи [въ изданіи страницы 23 и 183—187] напечатаны въ двухъ видахъ: съ бо̀льшимъ количествомъ пропусковъ (для общедоступныхъ экземпляровъ) и съ меньшимъ (для ста нумерованныхъ экземпляровъ, которые не должны были поступать въ продажу). Къ тексту приложено обстоятельное руководящее „предисловіе редактора“, П. Н. Шеффера. Изданіе, вышедшее подъ редакціей г. Симони, представляетъ 15 особыхъ фотографическихъ снимковъ съ подлинной рукописи, хранящейся въ Оксфордѣ, — построчную транскрипцію этихъ таблицъ и разложеніе ея на стихи; далѣе слѣдуетъ чтеніе пѣсенъ, предложенное акад. Ѳ. Е. Коршемъ, — съ его примѣчаніями о ихъ ритмѣ и метрикѣ, ихъ особенностей въ этомъ отношеніи и т. п. Въ началѣ — подробное описаніе самой книжки Джемса, въ которой находятся знаменитыя пѣсни. Любопытны здѣсь же, въ предисловіи, сообщаемыя П. К. Симони свѣдѣнія о первомъ изданіи этихъ пѣсенъ И. И. Срезневскимъ въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ“ 1852 г., — довольно странномъ для ученаго изданія...

По поводу обилія позднѣйшихъ нашихъ собраній фоль-

клористическаго матеріала нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ весьма нежелательныхъ чертъ, которыя иногда обнаруживались при этомъ. „Нельзя сказать — писалъ уже въ 1894 году акад. Соболевскій — чтобы у насъ появлялось мало сборниковъ великорусскихъ лирическихъ и низшихъ эпическихъ пѣсенъ; но должно признаться, что наши новѣйшіе сборники, какія бы цѣли они ни преслѣдовали, по своему пѣсенному матеріалу, за ничтожными исключеніями — или посредственны, или совсѣмъ плохи. Это происходитъ отъ того, что собиратели и мало знакомы съ пѣснями, и заботятся лишь о томъ, чтобы что-нибудь собрать, мало обращая вниманіе на качество собираемаго матеріала. Для нихъ какъ будто все равно, кто передъ ними ни поетъ и что ни поется; они записываютъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и отъ хорошо знающаго пѣсни пѣвца, и отъ плохо знающаго, и хорошій пѣсенный текстъ, и обрывокъ пѣсни или соединенные вмѣстѣ нѣсколько отрывковъ. Кажется, иногда они не даютъ пѣвцу даже припомнить слова пѣсни даже общеизвѣстной, такъ что послѣдняя у нихъ является то безъ начала, то безъ конца, то съ какимъ-нибудь искажающимъ смыслъ пропускомъ. Едва ли кто-нибудь изъ новѣйшихъ собирателей даже думалъ о томъ, чтобъ разыскать хорошаго пѣвца или хорошіе, осмысленные тексты“... [„Этногр. Обозр.“, 1894, № 3, стр. 165]. Замѣчаніе это высказано было по поводу появившагося въ этомъ году новаго сборника великорусскихъ пѣсенъ А. Васнецова: *Пѣсни сѣверо-восточной Россіи. Пѣсни, величанія и причеты* [Записаны А-ромъ Васнецовымъ въ Вятской губерніи. М., 1894]. По отзыву акад. Соболевскаго, собраніе Васнецова принадлежитъ именно къ такого рода позднѣйшимъ изданіямъ: „Хорошіе пѣсенные тексты въ немъ сравнительно очень немногочисленны; большое число №№ не имѣютъ или начала, или конца, или нѣсколькихъ стиховъ изъ средины; еще большое число — обрывки или соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ отрывковъ, часто совсѣмъ лишенные смысла“ [ib., стр. 165—170]... „Разбираясь въ русской этнографической литературѣ, замѣчаетъ

другой изслѣдователь, нѣсколько позднѣе и по поводу другого собранія, — приходится констатировать тотъ прискорбный фактъ, что почти каждый издатель произведеній народной словесности портитъ свою книгу или неумѣстными или крайне тенденціозными предисловіями и замѣтками". Приведенное замѣчаніе принадлежитъ А. В. Маркову и высказано [„Этн. Обозр.", 1899, кн. 1—2, стр. 359] по поводу небольшихъ собраній М. Е. Соколова: *Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи* [Петровскъ, 1896] и *Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губерніи* [Саратовъ, 1898]. Въ первомъ сборничкѣ былины являются въ отрывочномъ и скомканномъ видѣ, — и въ то же время въ объявленіи (!..) объ этомъ сборничкѣ самъ авторъ, на обложкѣ (!) другой книги, безъ стѣсненій заявляетъ: „Введеніе къ этому сборнику является опроверженіемъ украйнофильства и всякаго рода русскаго (?) сепаратизма"... Второй, очень тощій сборничекъ свадебныхъ пѣсенъ авторомъ также снабжается очень претенціознымъ предисловіемъ... Впрочемъ, гораздо больше обѣщали, чѣмъ давали, иногда и изданія, выходившія подъ флагомъ даже спеціальнаго, строго ученаго общества. Именно большимъ „этнографическимъ пустоцвѣтомъ", по справедливому замѣчаютъ акад. В. Н. Перетца [Ж. М. Н. Пр., 1894, ноябрь, стр. 201—213], были во многихъ отношеніяхъ *Пѣсни русскаго народа,* — текстъ которыхъ записанъ былъ Ѳ. М. Истоминымъ, а напѣвы Г. О. Дютшемъ *[Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы Г. О. Дютшъ.* Изданы Русскимъ Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованныя. Спб., 1894 г.]. Гораздо содержательнѣе былъ второй сборникъ *Пѣсенъ русскаго народа,* принадлежавшій тому же Ѳ. М. Истомину и С. М. Ляпунову, бывшій результатомъ второй подобной же поѣздки, вышедшій нѣсколько позднѣе *[Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году.* Записали: слова Ѳ. М. Истоминъ,

напѣвы С. М. Ляпуновъ. Спб., 1899]. Какъ и въ первомъ сборникѣ, наибольшій интересъ представляли и здѣсь напѣвы, приложенные къ каждой пьесѣ. Впрочемъ, не лишены нѣкотораго значенія и тексты вошедшихъ сюда 9-ти духовныхъ стиховъ, одной былины, 5 колядныхъ пѣсенъ, ок. 20 причетовъ, болѣе 40 свадебныхъ пѣсенъ, ок. 100 пѣсенъ хороводныхъ, плясовыхъ, обрядныхъ, „протяжныхъ“ и т. п.

Въ области малорусскихъ историческихъ пѣсенъ появляется лучшій сборникъ новыхъ, относящихся сюда памятниковъ — изданіе Антоновича и Драгоманова: *Пѣсни малорусскаго народа* [I, Кіевъ, 1873; II, вып. 1, Кіевъ, 1875]. Изданіе, къ сожалѣнію, осталось незаконченнымъ.

Въ области русскихъ народныхъ сказокъ первенствующее мѣсто попрежнему удерживаетъ за собой обширное собраніе Аѳанасьева, которое теперь выходитъ въ новыхъ улучшенныхъ изданіяхъ, — второе еще при жизни самого собирателя [4 т., Спб., 1873], 3-е и 4-е послѣ его смерти, подъ ред. А. Е. Грузинскаго [2 т., М., 1897 г., съ біографіей Аѳанасьева и указателями; въ 5 т. — М., 1914 г.]. Рядомъ съ сборникомъ Аѳанасьева идутъ, однако, и новыя собиранія и изданія. Послѣднія начинаются отчасти еще при жизни Аѳанасьева, какъ, напр., небольшое, но цѣнное собраніе Худякова [3 вып., М., 1860—1862]. Отмѣтимъ далѣе собраніе Д. Н. Садовникова: *Сказки и преданія Самарскаго края* [Спб., 1884], — сборникъ сказокъ Булгакова [*Русскія и инородческія сказки и преданія Енисейской и Томской губерній.* Записки Красноярскаго подъотдѣла Восточно-сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. О-ва, т. I, вып. 2, Томскъ, 1906] и особенно цѣнныя *Сѣверныя сказки* Н. Е. Ончукова [„Записки И. Р. Г. О-ба по отд. этн., т. XXXIII, и отд.: Спб., 1908]. Въ собраніе г. Ончукова вошли матеріалы, впрочемъ, далеко не исключительно сказочнаго характера. „Озаглавивъ сборникъ „сказками“, я только для краткости — замѣчаетъ собиратель — обобщилъ этимъ названіемъ разные разряды народнаго творчества, вошедшіе въ книгу. Въ сборникѣ, правда, преобладаютъ сказки

въ собственномъ смыслѣ слова; но въ немъ напечатаны записи и такого рода, которыя и сами сказочники отнюдь не считаютъ сказками. Въ сборникъ вошли, напр., историческія преданія, легенды: обильны въ немъ разсказы про клады, про мертвецовъ, колдуновъ, вѣдьмъ, различнаго рода оборотней, чертей, лѣшихъ, водяныхъ и домовыхъ. Все это вѣрованія въ міръ злыхъ или болѣе или менѣе безразличныхъ къ людямъ духовъ. Записаны разсказы о событіяхъ изъ жизни разсказчиковъ или ихъ однодеревенцевъ, съ указаніями времени, мѣста происшествія и именами дѣйствующихъ лицъ. Записаны наблюденія русскихъ надъ инородцами или надъ русскими же, но сосѣднихъ, нѣсколько отличающихся, бытомъ волостей, и проч.". Помѣщена даже одна народная комедія — *Ѣздокъ и Конёвалъ*, или *Конь*, и т. п. Съ другой стороны, въ сборникъ вошли матеріалы, собранные не только самимъ г. Ончуковымъ, но и другими, — довольно обширный отдѣлъ въ сборникѣ составляютъ, напр., сказки, записанныя акад. А. А. Шахматовымъ [стр. 201—354]; далѣе слѣдуютъ записи учителя Д. Н. Георгіевскаго [стр. 355—405], записи М. М. Пришвина [стр. 409—469] и др. Всѣ эти записи сдѣланы въ различное время и помѣщены въ сборникѣ довольно путанно: въ самомъ началѣ идутъ архангельскія записи г. Ончукова, сдѣланныя имъ въ 1902 году; далѣе слѣдуютъ сказки изъ архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 70—80 гг. прошлаго столѣтія [стр. 170—200]; далѣе записи А. А. Шахматова, сдѣланныя въ 1884 г., записи Д. Н. Георгіевскаго — 1890 г., записи М. М. Пришвина — 1906 г., затѣмъ олонецкія сказки Н. Е. Ончукова записи 1903—1904 гг., чердынскія записи — 1900 г., наконецъ, новыя архангельскія записи 1907 г. По указанію собирателя, изданный имъ матеріалъ весьма различенъ и въ отношеніи самой точности записей. „По тщательности записей, замѣчаетъ онъ, на первомъ мѣстѣ, конечно, должны быть поставлены сказки академика А. А. Шахматова. Г. Пришвинъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ своихъ записей подвергъ литературной обработкѣ... Сказки, извлеченныя изъ архива Геогра-

фическаго Общества и Рукописнаго Отдѣленія Академіи Наукъ [стр. 170—200]... — также записаны съ явнымъ стремленіемъ изложить ихъ книжнымъ языкомъ и подвергнуть явной литературной обработкѣ. Что касается моихъ записей, то они сдѣланы не равномѣрно — одни лучше, другія хуже. Я всегда старался записывать непосредственно отъ сказочниковъ и добросовѣстно старался соблюдать всѣ особенности мѣстнаго говора, но мнѣ это не всегда удавалось“... Нѣкоторыя сказки, вслѣдствіе невозможности записать ихъ своевременно, явились даже лишь пересказомъ слышаннаго [пред., ст. XIV—XV]... По поводу послѣдняго, собиратель дѣлаетъ любопытное замѣчаніе вообще о сказочникахъ, ихъ манерѣ разсказывать собирателямъ: „Говоря о сказочникахъ вообще, нужно отмѣтить слѣдующее. Почти всѣ сказочники думаютъ, что собирателю не нравится ихъ мѣстный, „мужицкій“ говоръ, что разсказывать сказку „по-мужицки“ некрасиво. Поэтому очень часто приходится много и долго убѣждать сказочника, что именно сказка, разсказанная просто, и требуется для записи“... [ib., стр. XV]. Изданный сборникъ далеко не исчерпываетъ всего матеріала, которымъ могъ располагать собиратель: многое онъ не могъ записать по недостатку времени, многое записывалъ „между дѣломъ“ [сказки на Печорѣ], — помимо того, „я намѣренно игнорировалъ очень распространенныя на Печорѣ сказки, изданныя Афанасьевымъ подъ названіемъ „завѣтныхъ“. Между тѣмъ сказокъ этихъ на Печорѣ, какъ и вообще на Сѣверѣ, не мало. Не возстановилъ и не записалъ я также нѣсколькихъ очень интересныхъ сказокъ, слышанныхъ мной то въ дорогѣ, то при условіяхъ, когда записывать было невозможно“... И вообще — прибавляетъ собиратель — „ни одна изъ областей, гдѣ я записывалъ сказки, не использована мной въ сказочномъ отношеніи въ полной мѣрѣ. Сказки составляютъ огромную научную цѣнность во многихъ отношеніяхъ“... [Пред., ст. XVIII]. Самый матеріалъ въ разсматриваемомъ сборникѣ Н. Е. Онучукова расположенъ по той же системѣ, какую впервые Гильфердингъ примѣнилъ къ записямъ былинъ, — по сказителямъ, ска-

зочникамъ, при чемъ собирателемъ сдѣланы и аналогичныя наблюденія: какъ и Гильфердингъ въ отношеніи былинъ, и г. Ончуковъ въ отношеніи къ сказкамъ подмѣчаетъ слѣды не малаго вліянія личности сказителя, или сказочника. Въ этомъ отношеніи очень цѣнна приложенная къ сборнику статья собирателя: „Сказки и сказочники на сѣверѣ“.

Отмѣченныя сейчасъ нами новыя научныя изданія относятся къ сказкамъ великорусскимъ; въ области сказокъ малорусскихъ прежде всего нужно назвать сборникъ И. Я. Рудченка: *Народныя южнорусскія сказки* [2 вып. Кіевъ, 1869—1870], впервые значительно расширившій бывшій дотолѣ извѣстнымъ матеріалъ, и особенно весь второй томъ, занимающій около 700 стр., *Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край* Чубинскаго [Спб.. 1876]. Объ этихъ „Трудахъ“ мы уже говорили выше. Около того же времени выходятъ *Малорусскія народныя преданія и разсказы* [„Записки“ Юго-западнаго отдѣла И. Р. Географическаго О-ва, т. III, и отд.: Кіевъ, 1876] М. И. Драгоманова. Помимо собственно сказокъ въ сборникѣ занимаютъ мѣсто различные повѣрья, загадки, заговоры, молитвы и т. п.: кромѣ того, къ собственно сказкамъ здѣсь же присоединены легенды. Все это дѣлаетъ собраніе довольно пестрымъ по содержанію, къ тому же и съ внѣшней стороны собранный матеріалъ расположенъ въ системѣ довольно своеобразной, съ которой далеко не всегда можно согласиться. Вотъ отдѣлы, на которые искусственно разбиваетъ редакторъ свой богатый матеріалъ: „I) Представленія и разсказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ; II. Примѣты и повѣрья; III. Знахарство, молитвы, заговоры и пародіи ихъ; IV. Вѣрованія и разсказы о людяхъ; V. Разсказы о мертвецахъ; VI. Вѣрованія и разсказы о чертяхъ съ чудесною силою; VII. О кладахъ; VIII. Разсказы о церковныхъ лицахъ и явленіяхъ; IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной; X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ; XI. Преданія о мѣстностяхъ; XII. Былины; XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія“...

„Нельзя признать — справедливо замѣчалось въ современной критикѣ — чтобы установленіе такихъ отдѣловъ проявляло собою строгую систематизацію матеріала. Сходное разнесено нерѣдко по разнымъ отдѣламъ, а несходное, наоборотъ, иногда соединено въ одинъ. Особенно странно соединеніе въ послѣднемъ отдѣлѣ сказокъ („фантастическихъ“) и „игра словъ, остроумія“... [„Рус. Фил. Вѣст.“, 1879, № 1]. Все это искупалось, однако, общимъ богатствомъ матеріала и его новизной. Бо́льшая часть помѣщеннаго въ книгѣ являлось въ печати въ первый разъ; перепечатаны были разсказы и сказки лишь изъ „такихъ матеріаловъ, которыми пользоваться весьма затруднительно, особенно въ Россіи“...

Какъ извѣстно, очень скоро по возникновеніи, уже въ 1876 г., „Юго-западный отдѣлъ“ Р. Г. О-ва былъ „временно“ (!..) закрытъ навсегда, — въ связи съ этимъ, „по независящимъ обстоятельствамъ“, надолго прекращается и собираніе памятниковъ малорусскаго народнаго творчества, возобновляющееся лишь въ 90-хъ гг. истекшаго столѣтія. Починъ принадлежалъ „Харьковскому Историко-Филологическому Обществу“, — вообще много сдѣлавшему для украинской этнографіи съ 90-хъ гг. Изъ опубликованныхъ О-мъ матеріаловъ особенно цѣннымъ является собраніе И. И. Манжуры: *Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ* [„Сборникъ“ О-ва, т. II, Харьковъ, 1890]. Массу новаго матеріала дали затѣмъ *Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣдней съ ней губерніяхъ*, Б. Д. Гринченко [Черниговъ, 1895—1900], — *Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору* А. Н. Малинка [Черниговъ, 1902] и др. Съ 90-хъ гг. начинается систематическое собираніе и печатаніе сказокъ въ галицкой Украйнѣ, Буковинѣ, Угорской Руси...

Русскія народныя пословицы, поговорки, притчи и т. п. стали собираться и издаваться у насъ ранѣе, чѣмъ какіе-либо другіе памятники народной поэзіи: первый печатный сборникъ пословицъ относится къ 70-мъ гг. XVII ст. *[Собраніе 4291 древнихъ россійскихъ пословицъ. М., 1770].*

Позднѣе пословицы собираетъ, по совѣту Жуковскаго, Кольцовъ [собранный имъ небольшой сборникъ напечатанъ въ „Воронежской Бесѣдѣ“, 1861], — рядомъ идутъ спеціальные сборники великорусскихъ пословицъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ: Снегирева, Буслаева, Закревскаго, нѣсколько позднѣе Даля, — Номіса [Украиньски приказни, присливъя и таке инше. Спб., 1864. Записки И. Р. Г. Общества по отд. этнографіи, II, Спб., 1869; сводн. сборникъ пословицъ, запис. въ Галицкой и Угорской Руси]. — Носовича [Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ. „Сборникъ II Отд. Ак. Н.“, XII, Спб., 1874], — Чубинскаго [„Труды этногр.-стат. эксп.“ и пр., I, вып. 2, Спб., 1877: малорусскія пословицы и поговорки]. Наиболѣе обширнымъ и цѣннымъ остается трудъ Даля: *Рус. народныя пословицы* (М., 1862; предварительно печатался въ „Чтеніяхъ“ Московскаго О-ва ист. и древн. рос., 1859—61). Изъ относящихся сюда изданій болѣе позднихъ нужно отмѣтить трудъ Л. Н. Майкова: *Рукописный сборникъ пословицъ XVII—XVIII в.*, напечатанный имъ въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (Спб., 1880, IV), — І. И. Иллюстрова „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа. Опытъ систематическаго, по отдѣламъ права, собранія юридическихъ пословицъ и поговорокъ русскаго народа“ (М., 1885; позднѣйшее значительно перераб. и дополненное изданіе — Спб. 1910), предпринятый съ цѣлью извлеченія изъ имѣющихся на лицо собраній пословицъ матеріаловъ юридич. содержанія, — Е. А. Ляцкаго, *Матеріалы для изученія творчества и быта Бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки* [М., 1898 изъ „Чтеній“ Моск. О-ва ист. и др.], — и въ особенности важный трудъ П. К. Симони: *Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій* [Выпускъ первый, съ приложеніемъ XIII-ти таблицъ снимковъ съ рукописей. I—II. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н., Спб., 1899]. Въ предпринятомъ изданіи предполагалось собрать „въ хронологическомъ порядкѣ всѣ доступные издателю старинные сборники русскихъ пословицъ, погово-

рокъ, загадокъ и т. д., начиная съ XVII столѣтія, какъ рукописные, такъ и печатные, съ воспроизведеніемъ ихъ цѣликомъ, и вообще въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ подлинникѣ до нашего времени". Въ первомъ, вышедшемъ, выпускѣ помѣщены: 1) *Повѣсти или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту,* извлеченныя изъ рукописнаго сборника XVII столѣтія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [№ 250, по стар. каталогу № 455, изъ собранія кн. М. А. Оболенскаго № 28], и 2) Текстъ *рукописнаго сборника конца XVII—начала XVIII вѣка* (безъ заглавія), заключающій въ себѣ пословицы, народныя поговорки и присказки, доставленный Обществу Любителей Древней Письменности около двадцати лѣтъ тому назадъ акад. Л. Н. Майковымъ [сборникъ этотъ, какъ указано выше, уже былъ напечатанъ Майковымъ въ IV выпускѣ „Памятниковъ"]. „Впослѣдствіи — замѣчаетъ П. К. Симони — подлинная рукопись была подарена Л. Н. Майковымъ извѣстному ученому юристу и знатоку обычнаго права южныхъ славянъ, В. В. Богишичу. Въ настоящемъ изданіи полный текстъ сборника пословицъ воспроизведенъ по возможности въ болѣе совершенномъ видѣ, — чему способствовало какъ полученное мною отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и, въ частности отъ предсѣдателя послѣдняго, графа С. Д. Шереметева, любезное разрѣшеніе перепечатать изъ изданій Общества текстъ пословицъ, такъ и то счастливое обстоятельство, что В. В. Богишичъ любезно представилъ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ упомянутую подлинную рукопись, принеся ее въ даръ Академіи. Такимъ образомъ мнѣ представилась возможность обнародовать текстъ упомянутаго сборника въ болѣе точномъ и полномъ видѣ" [Предисловіе, стр. 1—2]. Чрезвычайно цѣнны приводимыя здѣсь же свѣдѣнія о другихъ 30-ти рукописныхъ и печатныхъ сборникахъ, которые подготовлены П. К. Симони для дальнѣйшихъ выпусковъ изданія [стр. II—IX]. Къ тексту сборниковъ предполагается присоединить и изслѣдованіе; послѣднее пока не вышло, и вообще изданіе остановилось

пока на I-мъ выпускѣ. Любопытны замѣчанія, которыя дѣлаетъ П. К. Симони о первыхъ нашихъ сборникахъ пословицъ: „Сборники собственно пословицъ и поговорокъ появляются у насъ впервые въ XVII вѣкѣ, но послѣднія и тутъ не отдѣляются еще отъ текстовъ духовно-нравственнаго содержанія; въ то же время въ эти сборники, параллельно съ пословицами, вносятся тексты изъ лубочныхъ картинокъ, изъ смѣхотворныхъ повѣстей, пѣсенъ, сказокъ, сонниковъ, различныхъ народныхъ листовъ и тетрадокъ, довольно часто и обильно почерпавшихъ свое занимательное разнообразіе изъ западно-европейскихъ, особенно польскихъ, источниковъ. Въ томъ же XVII столѣтіи появляются въ переводѣ съ польскаго извѣстные *Апофегмы,* столь полюбившіеся у насъ, что сверхъ обращавшихся экземпляровъ рукописныхъ текстовъ понадобилось вскорѣ и печатное ихъ изданіе [первое изданіе вышло въ 1711 году, пятое въ 1781 году]. Такіе тексты, какъ „Апофегмы“ и проч., вмѣстѣ съ забавными повѣстями, анекдотами, народными пословицами, пѣснями (не исключая и солдатскихъ) и проч., издаются въ Санктпетербургѣ Н. Г. Кургановымъ въ 1769 году, сперва подъ названіемъ *Универсальной Грамматики,* а затѣмъ извѣстнаго *Письмовника.* Изданія его тянутся до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, болѣе десяти разъ повторяясь и распространяя свое занимательное содержаніе, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто разнымъ другимъ сборникамъ, пришедшимъ ему на смѣну“... [ib., Спб., 1899, стр. I—II. XIV—XV].

Значительныя новыя пріобрѣтенія за послѣднее время дѣлаются въ области русскихъ народныхъ легендъ — малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Разумѣемъ относящіеся сюда матеріалы, собранные въ упоминавшемся уже изданіи Драгоманова: *Малорусскіе народные преданія и разсказы* (Кіевъ, 1876), и относящійся сюда отдѣлъ въ *Бѣлорусскомъ Сборникѣ* Е. Р. Романова [вып. IV, Витебскъ, 1891], озаглавленный собирателемъ: „сказки космогоническія и культурныя“, и заключающій въ себѣ довольно значительное собраніе бѣлорусскихъ легендъ. Что касается народныхъ легендъ соб-

ственно великорусскихъ, — здѣсь собранный матеріалъ главнымъ образомъ ограничивается и до сихъ поръ старымъ сборникамъ Аѳанасьева: *Русскія народныя легенды* (М., 1859), который недавно былъ перепечатанъ снова, какъ „и до сихъ поръ не утратившій своего интереса и значенія“ (М., 1914, подъ редакціей С. К. Шамбинаго].

Не видимъ особенно замѣтныхъ пріобрѣтеній и въ области русскихъ духовныхъ стиховъ: *Калѣки Перехожіе* [6 вып., М., 1861—1863] П. А. Безсонова вмѣстѣ съ небольшимъ собраніемъ Варенцова [Спб., 1860] и до сихъ поръ остаются главными и важнѣйшими собраніями относящихся сюда матеріаловъ. Въ вышедшихъ за позднѣйшее время собраніяхъ памятниковъ русскаго народнаго творчества встрѣчаются лишь болѣе или менѣе незначительныя и случайныя къ нимъ добавленія, — отмѣтимъ тексты, изданные М. Н. Сперанскимъ [Духовные стихи въ Курской губерніи. „Энтогр. Обозр.“, кн. 50, — Духовные стихи, записанные въ Тульской губ. въ 1843 г. „Чтенія въ О-вѣ ист. и древн., 1908 г.], и нѣкр. др.

Русскіе народные заговоры стали собираться и появляться въ печати у насъ еще съ 40—50 гг., вмѣстѣ съ собираніемъ другихъ памятниковъ народной поэзіи, но крайне случайно, и запасъ, относящихся сюда матеріаловъ долгое время былъ очень незначительнымъ. Въ 70 гг. появляются спеціальные сборники — Л. Н. Майкова: *Великорусскія Заклинанія* [Спб. 1869; изъ „Записокъ“ Р. Г. О-ва, т. II] и П. С. Ефименко: *Сборникъ малороссійскихъ заклинаній* [М., 1874, — изъ „Чтеній“, I]. Въ послѣднее время относящійся сюда матеріалъ значительно обогащается: для великорусскихъ заговоровъ появляется довольно обширное собраніе Н. Н. Виноградова: *Заговоры обереги, спасительныя молитвы и проч. По старинным рукописямъ и современнымъ записямъ* [2 вып., Спб., 1907—1909]; для бѣлорусскихъ — Е. Р. Романова: *Бѣлорусскій Сборникъ* [вып. V, Витебскъ, 1901].

Прежнія незначительныя и случайныя собранія русскихъ загадокъ, имѣвшіяся въ изданіяхъ Сахарова,

Худякова, Ефименка, Е. В. Барсова, пополняются позднѣе двумя обширными собраніями — великорусскихъ загадокъ Садовникова: *Загадки русскаго народа* [Спб., 1875] и малорусскихъ Сементовскаго: *Малорусскія загадки* [Кіевъ, 1872].

Классическимъ трудомъ по изученію русскихъ лубочныхъ картинъ является изданіе Д. А. Ровинскаго: *Русскія народныя картинки* [5 т., Сборн. II Отд. И. А. Н., тт. XXIII—XXVII. Спб., 1881; особымъ приложеніемъ къ этому является *Альбомъ*, собраніе самыхъ картинъ, въ 4 томахъ].

Трудъ Ровинскаго — результатъ болѣе чѣмъ 25-лѣтнихъ работъ въ данной области — при чемъ авторъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни усилій, ни весьма значительныхъ, бывшихъ неизбѣжными, чисто матеріальныхъ издержекъ. По своимъ общимъ научнымъ достоинствамъ, между прочимъ по своей исчерпывающей полнотѣ, трудъ могъ бы быть необычайнымъ даже для западной науки, тѣмъ болѣе таковымъ являлся онъ въ нашей, вообще и до сихъ поръ остающейся сравнительно еще очень бѣдной, наукѣ. „Въ настоящее время — писалъ при появленіи труда Ровинскаго В. В. Стасовъ — наврядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лубочная картинка, напечатанная до 1839 года [то-есть до того времени, когда вся лубочная литература подверглась дѣйствію цензуры и, вслѣдствіе того, окончательно утратила прежній національный, самобытный и историческій характеръ], — такая, повторяю, русская лубочная картинка, которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключенія и есть, то они могутъ быть только малочисленны: слишкомъ много было произведено розысковъ, сношеній для открытія всего таящагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи [не говоря уже о большихъ центрахъ]. Такимъ же образомъ мало остается вѣроятности, чтобъ еще много неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала могло быть открыто впослѣдствіи. Общій итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинскаго, доходитъ до 4700 листовъ; если же включить

въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8000 листовъ"... При описаніи картинъ Ровинскій слѣдуетъ пріемамъ самымъ раціональнымъ, вполнѣ удовлетворяющимъ научныя требованія: самымъ точнымъ образомъ списывается заглавіе и текстъ [если имѣется], подробно указываетъ размѣръ картины, ея мѣстонахожденіе, способъ и качество гравированія, имѣющіяся изданія, наконецъ, краткое изложеніе того, что изображено. Какъ уже замѣчено, къ тексту описаній приложенъ 4-томный атласъ. По отзыву Стасова, атласъ представляетъ „выборку изъ всего наиважнѣйшаго, наизначительнѣйшаго и наилучшаго, что только видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку собиратель по части русскихъ лубочныхъ картинокъ", — „богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи нашей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древнерусской культуры. Авторъ совершенно правъ, когда говоритъ въ предисловіи: „Въ атласѣ скопировано все, что̀ могло представлять интересъ для русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи". Дѣйствительно, здѣсь появляются и — въ первый разъ спустя лѣтъ полтораста послѣ перваго напечатанія ихъ — богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать, въ видѣ настоящихъ картинъ [Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д.]. Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ; здѣсь важнѣйшую роль играютъ листы раскольничьи на сюжеты историческіе, каковы, напр., *Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ*, *Мыши кота погребаютъ* — обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такія юмористическія изображенія, какъ *Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ*, *Шемякинъ судъ*, смѣхотворная *Просьба Калязинскихъ монаховъ*, *Нѣмка верхомъ на старикѣ*, *Судъ мужика съ дворяниномъ* и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ войнъ прошлаго столѣтія съ пруссаками и турками, почти полное собраніе карикатуръ на

Наполеона I и французовъ, карикатуръ, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 года, а также юмористическіе листы на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ историческій или бытовой, — каковы, напр.: *Казнь убійцъ Жуковыхъ, Прививаніе оспы, Масляница, Кулачные бойцы, Пляска, Пирушка,* изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саняхъ и колесахъ, цѣлая лицевая комедія, съ изображеніемъ древняго русскаго театра и публики XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольшее мѣсто отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религіознымъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣленій заняло бы здѣсь обширное мѣсто. Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, воспроизведенныхъ различными способами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіей; тѣ же, которыя представляли болѣе художественнаго достоинства, выполнены посредствомъ фотолитографіи или даже фотогравюры"... [Стасовъ, — „Ж. М. Н. Пр.", 1882 г., октябрь, стр. 312—401]. Громадный матеріалъ Ровинскаго такъ расположенъ по содержанію и сюжетамъ: 1) сказки и забавные листы; 2) листы историческіе, календари и буквари; 3) притчи и листы духовные [первые три тома]; въ IV томѣ — „примѣчанія" и дополненія: въ V — „заключеніе" и алфавитный указатель именъ и предметовъ. Въ предисловіи Ровинскій скромно замѣчаетъ: „Примѣчанія", напечатанныя въ IV томѣ, и „Заключеніе" [замѣняющее обычное „предисловіе"], помѣщенное въ V томѣ, имѣютъ чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было здѣсь почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо

меньше"... Въ дѣйствительности — передъ нами рядъ въ высшей степени обстоятельныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, которыя далеко не исчерпываются лишь сводомъ уже извѣстныхъ въ наукѣ свѣдѣній и матеріаловъ, напротивъ, „обогащаютъ исторію русскаго народнаго художества и русской національной культуры новыми и многообразными результатами" [Стасовъ]. Все это дѣлаетъ трудъ Ровинскаго, по справедливому замѣчанію названнаго критика, „изданіемъ истинно монументальнымъ, которое на вѣки сохраняетъ для науки и исторіи громадный національный матеріалъ, до сихъ поръ разсѣянный по Россіи и почти вовсе неизвѣстный, — матеріалъ, который послужитъ для многочисленныхъ изслѣдователей прочною исходною точкою для очень разнообразнаго изученія народнаго искусства, творчества и національнаго духа нашего народа" [Стасовъ, — „Ж. М. Н. Пр." 1882 г., октябрь, стр. 312—313].

Значеніе игръ въ достаточной степени обстоятельно выяснено въ обширномъ трудѣ Е. А. Покровскаго: *Дѣтскія игры преимущественно русскія, въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигіеной* [М., 1895]. Этнографическій интересъ представляютъ игры потому, что — какъ указалъ Тейлоръ — „многія изъ нихъ составляютъ лишь шуточныя подражанія серьезному жизненному дѣлу; подобно тому, какъ дѣти новѣйшихъ цивилизованныхъ временъ играютъ въ обѣдъ, верховую ѣзду, хожденіе въ церковь, такъ главной забавой дикихъ дѣтей бываетъ подражаніе тѣмъ дѣламъ, которыми они будутъ заниматься серьезно нѣсколько годами позднѣе"... Хорическое дѣйство, хоровая пѣсня-игра — древнѣйшій, доступный историко-сравнительному изученію, типъ произведеній народно-поэтическаго творчества. Сочетаніе ритмованныхъ, орхестическихъ движеній съ пѣсней — музыкой и элементами слова, этотъ синкретизмъ — отличительная особенность первобытной поэзіи... Хоровыя пѣсни-игры имѣли и имѣютъ мѣсто въ безыскусственной поэзіи разныхъ народностей. Въ основѣ ихъ — потребность „дать выходъ, облегченіе, выраженіе накопившейся физической и психической

энергіи путемъ ритмически-упорядоченныхъ звуковъ и движеній". Съ теченіемъ времени пѣсня-игра развивается въ пѣсно-обрядъ, обрядъ переходитъ въ культъ: съ паденіемъ, устраненіемъ культа, обрядъ, удерживаясь, сохраняетъ память о культѣ, является переживаніемъ. Дальнѣйшая исторія обряда, когда пониманіе значенія его утрачивается, низводитъ его опять на степень игры, забавы, развлеченія, при чемъ и текстъ пѣсни и подробности дѣйства носятъ уже на себѣ слѣды вліянія новѣйшихъ эпохъ, старые элементы перестаютъ пониматься и повторяются лишь безсознательно или же вытѣсняются, уступая свое мѣсто элементамъ новымъ. Замѣчается паденіе народной символики, забвеніе истиннаго значенія пѣсенныхъ символовъ. „На этой именно степени развитія — насколько мнѣ удалось наблюдать, замѣчаетъ проф. Рѣзановъ — и стоитъ въ настоящее время бо́льшая часть такъ называемыхъ обрядовыхъ и игорныхъ великорусскихъ пѣсенъ. Пѣсня-игра, въ которой изученіе открываетъ разрушенный древній обрядъ, имѣвшій серьезное бытовое значеніе, связь съ культомъ и т. п., теперь продолжаетъ жить въ подновленной, искаженной формѣ, совершенно утративъ свое прежнее значеніе. Не отвѣчая уже серьезнымъ потребностямъ быта, эта пѣсня-игра перестаетъ интересовать взрослыхъ и остается достояніемъ молодежи, подростковъ, дѣтей" [Вл. Рѣзановъ, Три пѣсни-игры, записанныя въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губерніи, стр. 115—117]. Наиболѣе цѣннымъ въ этомъ отношеніи собраніемъ матеріаловъ является сборникъ Иванова: *Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ* [Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. II, Харьковъ, 1890, — съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова].

Въ самое послѣднее время начинаетъ подвергаться обнародованію и научному изученію новая область русскаго folklore'a, до сихъ поръ остававшаяся совершенно въ тѣни, — область народной драмы: разумѣемъ относящіеся сюда тексты, собранные и приготовленные къ печати Н. Н. Виноградовымъ, изданные съ предисловіемъ акад. Собо-

левскаго въ „Сборникѣ II Отд. Ак. Н.“ [т. XC, Спб., 1914]: *Народная драма Царь Максимильянъ*...

Какъ мы видѣли изъ вышеприведенныхъ замѣчаній акад. Соболевскаго, — уже съ XVIII вѣка у насъ можно прослѣдить исторію такъ наз. частушекъ. Но, безъ сомнѣнія, „частушки“ въ своей теперешней массѣ — продуктъ нашей позднѣйшей деревенской „цивилизаціи“, — того глубокаго соціальнаго переворота, который совершился въ нашей „деревнѣ“ за послѣднія 40—50 лѣтъ, въ связи съ паденіемъ крѣпостного права и быстрымъ развитіемъ нашей заводской и фабричной промышленности. „Если сравнивать частушку съ старинными былинами, историческими пѣснями, духовными стихами, пѣснями свадебнаго и похороннаго ритуала, замѣчаетъ Н. О. Лернеръ по поводу сборника Симакова, — она окажется во всѣхъ отношеніяхъ на послѣднемъ мѣстѣ; но лучше этого не дѣлать, такъ какъ частушка — особый родъ народнаго творчества, несомнѣнно существующій давно, и когда-то скромно уживавшійся съ болѣе высокими проявленіями музыкальнаго и поэтическаго чувства въ народѣ. Музыкальность въ частушкѣ самая элементарная, форма однообразна и бѣдна, но зато легко усваиваема и податлива, и кругъ интересовъ, принятыхъ частушкой въ свое вѣдѣніе, огроменъ. Глѣбъ Успенскій говорилъ, что, „собравъ частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа“... И не одной нравственной, можно прибавить — замѣчаетъ Н. О. Лернеръ — но и о матеріальной и о политической. Ни одна изъ частушекъ, несмотря на мелькающую подчасъ талантливость безвѣстныхъ авторовъ, не представляетъ собою „перла“, ни одна сама по себѣ не заслуживаетъ безсмертія, но жанръ въ цѣломъ очень проченъ. Частушка нервна, экспансивна, рождается быстро, вспыхиваетъ и гаснетъ, какъ искра, — тѣмъ нужнѣе

подхватывать эти искорки, собирать ихъ и не давать имъ пропасть. Частушка бываетъ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ перемѣнъ въ правосознаніи и гражданскомъ быту народа... Это — неприхотливая, но вѣрная моментальная фотографія народныхъ чувствъ и думъ"... Изученіе „частушекъ" начинается въ самое послѣднее время; но, какъ видъ народной поэзіи, частушка была замѣчена уже давно, — о ней, напр., говоритъ уже Костомаровъ въ 1872 г. [„Бесѣда", IV: „В. Евр." 1872 г.], позднѣе Гл. Успенскій [„Рус. Вѣд", 1889, № 110]. За позднѣйшіе годы о „частушкахъ" передъ нами уже цѣлая „литература", — объ обширности которой можно судить, напр., по списку относящихся сюда трудовъ, приведенныхъ въ концѣ позднѣйшаго изданія В. И. Симакова: *Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній* [Ярославль, 1913, стр. 663—670]. Здѣсь же, въ началѣ сборника, приведенъ и цѣлый рядъ ученыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ печати на „частушки", начиная съ 1872 года. Изъ имѣющихся на лицо изданій „частушекъ" отмѣтимъ труды Д. К. Зеленина: *Пѣсни деревенской молодежи, записаны въ Вятской губерніи* [Вятка, 1903 г.: болѣе 500 част.], — его же: *Сборникъ частушекъ Новгородской губерніи* [„Этногр. Обозрѣніе", 1905 г., № 2—3: болѣе 600 част.], — И. Копаневича: *Частушки.* [Труды Псковскаго Археологич. О-ва за 1903—1904 гг., Псковъ: болѣе 1000 част.], — Д. Маркова: *Этнографич. матеріалы. Частушки, собранныя въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губ.* [„Извѣстія О-ва арх., ист. и этн. при И. Каз. Университетѣ, 1907, вып. 2: 380 част.], — Н. Я. Никифоровскаго: *Бѣлорусскія пѣсни-частушки* [Вильна, 1911 г.: болѣе 2300 част.], — В. Князева: *Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки* [Спб, 1913 г.: болѣе 1650 частушекъ] и т. д. и т. д. Позднѣйшимъ собраніемъ является упомянутый выше сборникъ В. И. Симакова [Ярославль, 1913]. „Въ предлагаемый сборникъ — пишетъ въ предисловіи собиратель — вошли частушки, записанныя въ сѣверныхъ губерніяхъ Евро-

пейской Россіи за послѣднія 10—15 лѣтъ. Записи произведены какъ лично мною, такъ и другими любителями народной лирической поэзіи... Сборникъ составленъ изъ очень большого запаса собранныхъ частушекъ; выбраны изъ нихъ только тѣ, которыя по содержанію своему болѣе подходятъ къ тѣмъ отдѣламъ, на какіе подраздѣленъ сборникъ. Весь матеріалъ, не подходящій подъ избранныя рубрики, остался не напечатаннымъ по недостатку мѣста; по той же причинѣ многіе отдѣлы пришлось сократить. Весь вошедшій въ сборникъ матеріалъ расположенъ по двумъ системамъ: въ первой части частушки распредѣлены по содержанію, во второй половинѣ — по общему характеру. Такое дѣленіе я предпочелъ, чтобы не дробить частушки на очень мелкіе подотдѣлы, отчего сборникъ проигралъ бы въ картинности... Особенности мѣстныхъ говоровъ въ записяхъ соблюдены; но бо̀льшая часть собраннаго матеріала была записана въ мѣстностяхъ, близко лежащихъ къ крупнымъ городскимъ центрамъ, гдѣ, конечно, благодаря постоянному общенію города съ деревней, народная рѣчь до нѣкоторой степени утратила свою былую своеобразность и очень приблизилась къ языку литературному... Съ точки зрѣнія языка, печатаемыя частушки интереснѣе въ синтаксическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, нежели въ фонетическомъ“... [стр. V—VI]. Всего собрано въ сборникѣ около трехъ съ половиною тысячъ частушекъ; группы или рубрики, на которыя разбитъ этотъ матеріалъ, хотя и отличаются все же значительной дробностью, отъ которой хотѣлъ уберечь себя составитель, но вообще намѣчены съ большой обдуманностью.

Выше мы видѣли, къ какимъ крайностямъ пришли наши изученія на почвѣ „миѳологической теоріи“; эти самыя крайности быстро свели на нѣтъ самую теорію, когда, при общемъ расширеніи изученій, прежніе выводы стали подвергаться „пересмотру“.

Какъ мы уже замѣтили, — особенно рѣшительному „пересмотру“ и ранѣе всего подверглись изученія въ

области памятниковъ народнаго творчества. Столь быстро принятая западной наукой, казавшаяся столь блестящей, гриммовская миѳологическая теорія не менѣе быстро стала уступать свое мѣсто въ наукѣ новой точкѣ зрѣнія, такъ наз. теоріи „литературнаго заимствованія“. О послѣдней отчасти мы уже говорили. Мы видѣли, — болѣе широкія изученія позднѣйшаго времени всей области народной поэзіи, въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской, и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, какъ то незамѣтно, само собой, весьма значительно сузили область древней миѳологіи и самыя изученія поставили на совершенно другую дорогу. „Въ прежнее время, предположеніе исконной старины того или другого народнаго сказанія, суевѣрія и т. п. вело прямо къ заключеніямъ о древней (общей) миѳологіи: на днѣ каждаго преданія видѣлся первобытный миѳъ; по указаніямъ болѣе или менѣе выработанныхъ миѳологій принималось какое-либо натуралистическое толкованіе миѳа (напр., почитаніе солнца, олицетвореніе тучи и грозы и т. п.) и такъ какъ можно было предполагать для древнѣйшихъ стадій развитія народовъ одного племенного корня одни психологическія основанія миѳологическаго творчества, то казалось естественнымъ объяснять содержаніе миѳа по тѣмъ же основамъ, какія считались доказанными для другой, чужой миѳологіи. Такъ древняя русская миѳологія объяснялась на основаніи германской. Теперь оказывалось нѣчто иное. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ, въ сравненіи ихъ между собою и съ живымъ современнымъ фольклоромъ — указало внѣ всякаго сомнѣнія, во первыхъ, обильные факты книжнаго заимствованія въ средніе вѣка, факты международной передачи сказаній, и, во вторыхъ, что очень многое, что̀ прежде казалось чисто народнымъ миѳомъ, было лишь развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ“... Какъ мы уже замѣтили, — на эту новую почву ранѣе другихъ сталъ въ своихъ изученіяхъ народной поэзіи въ западной наукѣ Бенфей († 1881), знаменитый оріенталистъ и филологъ, въ

своемъ „введеніи“ къ переводу Pantschatantra (— 2 т., Лейпцигъ, 1859). Бенфей главн. образ. имѣлъ въ виду сказочные сюжеты, — и всѣ ихъ призналъ по происхожденію индійскими. „Новеллы.. , особенно сказки, оказываются изначала индійскими“, — писалъ онъ въ упомянутомъ „введеніи“. „До X ст. ихъ сравнительно немного перешло на Западъ, и кажется, путемъ лишь устной передачи... Съ X столѣтія — вслѣдствіе непрерывныхъ вторженій и завоеваній магометанскихъ народовъ — въ Индіи началось все болѣе и болѣе усиливающееся знакомство съ послѣдней. Съ этого времени устная передача уступаетъ мѣсто литературной. Индійскія повѣствовательныя произведенія были тогда переведены на персидскій и арабскій языки, и отчасти они сами, отчасти ихъ содержаніе распространилось сравнительно быстро по мусульманскимъ государствамъ Азіи, Африки и Европы, а вслѣдствіе частыхъ сношеній мусульманъ съ христіанскими народами — по христіанскому Западу. Въ послѣднемъ отношеніи узловыми пунктами были Византія, Италія и Испанія. Въ еще бо̀льшей степени три упомянутаго рода индійскихъ концепцій (т. е. сказки, новеллы, басни) — отчасти еще ранѣе — распространились въ странахъ, лежащихъ къ востоку и сѣверу отъ Индіи, — въ Китаѣ... Тибетѣ... Изъ Тибета перешли они вмѣстѣ съ буддизмомъ къ монголамъ... Монголы, почти 200 лѣтъ властвовавшіе въ Европѣ, открыли широкую дверь вторженію индійскихъ концепцій въ Европу. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мусульманскіе, съ другой — буддійскіе народы осуществили распространеніе индійской сказки по всему почти міру. Какъ легко подобныя концепціи распространяются, съ какимъ удовольствіемъ и страстью они слушаются и пересказываются, можетъ подтвердить каждый по собственному опыту. По своему внутреннему совершенству индійскія сказки вытѣснили, кажется, все, что̀ въ этомъ родѣ существовало, быть можетъ, у тѣхъ народовъ, къ которымъ они проникали; лишь отдѣльныя черты могли уцѣлѣть, войдя въ быстро присвоенныя и національзованныя чужія произведенія. Измѣненія,

которымъ подверглись сказки — въ особенности при распространеніи въ устахъ народа — заключаются, помимо національзаціи, лишь въ калейдоскопо-образсмѣшеніи формъ, чертъ и мотивовъ, первоначально независимыхъ“ [I, XXII—XXVI. Ср. В. Клингера, Сказочные мотивы въ исторіи Геродота. Кіевъ, 1903, стр. 11 sqq]. Въ западной наукѣ къ точкѣ зрѣнія Бенфея ранѣе другихъ примкнули Либрехтъ († 1890), Маннгардтъ († 1880), сначала ревностный послѣдователь теоріи Я. Гримма, а потомъ наиболѣе сильный его противникъ; какъ мы уже замѣчали, у насъ — А. Н. Веселовскій и И. В. Ягичъ. Къ представителямъ новой школы скоро присоединился и авторъ замѣчательнаго труда общаго характера: Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden [Graz, 1874; второе, значительно распространенное и переработанное изданіе — Graz, 1887], южно-славянскій ученый G. Krek († 1895), стоявшій, впрочемъ, вообще ближе къ Я. Гримму, чѣмъ къ Бенфею.

Изслѣдованія Веселовскаго, Ягича и цѣлаго ряда вскорѣ примкнувшихъ къ нимъ позднѣйшихъ изслѣдователей русскаго „фольклора“ дали совершенно новую постановку изученіямъ памятниковъ русскаго народнаго творчества и вообще всей нашей поэтической старины, не только какъ она была извѣстна по прежнимъ матеріаламъ, но и на почвѣ позднѣйшихъ, вновь обнаружившихся, относящихся сюда обширныхъ матеріаловъ и источниковъ. Новая точка зрѣнія, какъ уже замѣчено, открывала совершенно новый путь для объясненія сущности, всего состава, характера дошедшихъ до насъ остатковъ нашего народнаго эпоса. Какъ уже было замѣчено, — въ виду всѣхъ крайностей старой „миѳологической“ школы, превращавшихъ научныя изслѣдованія въ арену всевозможныхъ фантазій и домысловъ, блестящія сопоставленія различныхъ чертъ народной поэзіи съ памятниками письменности, которые внесены были въ науку позднѣйшими изслѣдованіями, цѣлый рядъ, напр., фактическихъ сближеній русскихъ былинъ съ упоминаніями и указаніями лѣтописными, съ обшир-

нымъ матеріаломъ западнымъ — средневѣковымъ — и восточнымъ — византійскимъ, южно-славянскимъ, наконецъ, первобытно-азіатскимъ — индійскимъ и буддійскимъ — которыя дѣлаются у насъ вскорѣ болѣе поздними изслѣдователями — все это было не только въ высшей степени важнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, но — имѣя и общее чисто методологическое значеніе — совершало самый рѣшительный общій переворотъ въ направленіи нашихъ позднѣйшихъ изученій памятниковъ народнаго творчества.

Нужно замѣтить, идея Бенфея позднѣе въ западной наукѣ была значительно расширена: теорія получила значительныя видоизмѣненія и поправки, сглажена была излишняя односторонность, крайности увлеченій Индіей, — хотя рядъ другихъ послѣдователей Бенфея эту сторону даже еще болѣе усилилъ: возникла группа „индіанистовъ“, которые — иронически замѣчалъ Драгомановъ — не успокоивались въ своихъ научныхъ поискахъ до тѣхъ поръ, пока не отыскивали всѣми правдами и неправдами для изучаемыхъ сюжетовъ или произведеній „предка“, или хоть „внучатнаго родственника“, въ Индіи... Но вообще увлеченія „индіанистовъ“ были скоро сознаны наукой; западные ученые уже скоро вполнѣ сознали необходимость признать возможность, даже неизбѣжность, и обратнаго перехода, — съ Запада на Востокъ, изъ старой Европы, рано уже обогнавшей Востокъ въ своемъ умственномъ развитіи, въ Азію, очень скоро совершенно остановившуюся въ своемъ культурномъ ростѣ. Между прочимъ оказалось необходимымъ признать могущественное значеніе — въ смыслѣ литературныхъ вліяній — классической Греціи, ея богатой миѳологіи, на сказанія и все литературное творчество Востока; обнаружилось, что очень многія сказанія, сдѣлавшіяся позднѣе международными, „бродячими“ повѣстями, исходный источникъ свой имѣли не въ Индіи, а въ миѳологическихъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ древнихъ грековъ вообще первоначально шли изъ Греціи. Классическій и болѣе ранній трудъ въ этомъ отношеніи принадежалъ E. Rohde († 1898), — разумѣемъ его *Der griechische Roman und seine Vorläufer*

(1876). Выводы въ этомъ направленіи въ позднѣйшее время получаютъ особое развитіе въ относящихся сюда изученіяхъ, — рядомъ и въ противоположность взглядамъ „индіанистовъ“. Одновременно почти возникающія изслѣдованія въ области египтологіи, съ своей стороны, указали на существованіе сказокъ, новеллъ и т. п. задолго до указанной Бенфеемъ поры перехода на Западъ подобныхъ „концепцій“ индійскихъ... Всѣ эти поправки и видоизмѣненія теоріи сдѣланы были постепенно отчасти уже самими „бенфеистами“, по мѣрѣ болѣе тщательнаго изученія самыхъ матеріаловъ. Но рядомъ съ этимъ, и уже довольно рано, въ западной наукѣ къ теоріи Бенфея сдѣлана была и совершенно особая, принципіальная поправка, одно время грозившая теоріи самымъ существованіемъ. Уже въ началѣ 70-хъ гг. Тейлоромъ выдвинута была теорія антропологическая, или этнографическая, теорія самозарожденія, „психологіи народовъ“. Теорія, въ противоположность господствовавшимъ взглядалъ „заимствованія“, указывала на возможность возникновенія одинаковыхъ миѳовъ, сказаній у различныхъ народовъ, помимо всякихъ „заимствованій“, совершенно самостоятельно, независимо, на почвѣ общихъ всему человѣчеству законовъ психической жизни человѣка, — такъ какъ „природа человѣка, его психика единообразны на всемъ земномъ шарѣ“... Новая теорія отчасти была развитіемъ взглядовъ, высказывавшихся уже „миѳологами“. Еще В. Гриммъ писалъ: „Существуютъ положенія, которыя такъ просты и естественны, что они всюду снова повторяются, точно также, какъ существуютъ мысли, которыя возникаютъ самостоятельно; поэтому въ различныхъ странахъ могли возникать одинаковыя или очень схожія сказки независимо другъ отъ друга“... Теперь — въ теоріи антропологической — этой мысли приданъ былъ несравненно болѣе широкій смыслъ; частное замѣчаніе Гримма получило видъ философской системы, стремленія на почвѣ „мысли и вѣрованій“ объяснить происхожденіе сказаній, возникающихъ среди человѣческихъ племенъ, „законовъ“ ихъ возникновенія и роста, за-

коновъ вообще миѳосозидающаго процесса, присущаго всѣмъ человѣческимъ племенамъ и народамъ. Тейлоромъ выдвинута была, какъ основная, исходная идея, теорія такъ наз. „анимизма“; изложенію послѣдняго посвящена бо̀льшая часть его важнѣйшаго труда: *Primitive Culture* (1871); трудъ былъ вскорѣ переведенъ и у насъ [„Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ“. 2 т., Спб. 1872—1873]. Новая теорія Тейлора иногда сближается и съ Максомъ Мюллеромъ и съ Шварцемъ, — съ другой стороны, въ свою очередь, отчасти даетъ исходные пункты и для позднѣйшаго такъ наз. тотемизма [о послѣднемъ см. обстоятельную статью Л. Штернберга, въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона, т. XXXIII, стр. 657—662, а также отрывочныя замѣтки у А. Н. Веселовскаго: „Соч.“, II, 1. Спб., 1913, стр. 33 sqq.]. Подобно представителямъ миѳической теоріи, и Тейлоръ въ миѳахъ видитъ источникъ всего „ирраціональнаго“, не пріемлемаго для ума элемента сказокъ. „Миѳосозидающій“ періодъ нельзя относить только къ эпохѣ праэтническаго единства арійцевъ, — онъ держался значительно дольше, отчасти держится и теперь. Не своеобразной „болѣзнью языка“, рѣчи, слѣдуетъ объяснять возникновеніе миѳовъ, а скорѣе — болѣзнью мысли, недоразвитостью умственныхъ способностей, которой подвержены всѣ народы, не вышедшіе еще изъ эпохи первобытнаго варварства, — словомъ всѣ дикари. „Ирраціональный элементъ миѳовъ“, по теоріи — ничто иное чаще всего, какъ пережитокъ (survivance): періодъ того состоянія человѣческаго ума, отъ котораго дошелъ до насъ этотъ нелѣпый элементъ, есть тотъ періодъ, когда не было еще самыхъ элементарныхъ идей о границахъ возможности, когда все еще было понимаемо совершенно иначе, чѣмъ теперь, и періодъ этотъ — дикость“... Одно время теорія антропологическая почти совсѣмъ готова была оттѣснить теорію „заимствованія“; дальнѣйшія изученія однако и здѣсь довольно скоро умѣрили первоначальные выводы, — и теорія Бенфея осталась торжествующей, хотя

границы ея владѣній, сравнительно съ прежними, теперь были значительно урѣзаны!.. Крайности „индіанистовъ“, стремившихся во что бы то ни стало искать себѣ „предковъ“ на Востокѣ, тѣмъ не менѣе продолжались, — и позднѣе вызываютъ новый натискъ на „бенфеистовъ“: разумѣемъ вышедшую лѣтъ 20 тому назадъ книгу Бедье [Bedièr]: *Les Fabliaux* [Paris, 1893]. Бедье обрушивается главнымъ образомъ противъ „индіанистовъ“; но здѣсь же выступаетъ съ рѣшительнымъ протестомъ и вообще противъ „теоріи заимствованія“, — приходя къ выводу, что эта теорія права лишь постольку, поскольку она доказываетъ распространеніе изучаемаго матеріала посредствомъ заимствованій вообще; но она совершенно падаетъ — какъ скоро хочетъ доказать, что первоисточникъ этого матеріала — Индія: этого доказать нельзя!.. Бедье зло подсмѣивается надъ укоренившейся манерой „индіанистовъ“ — да и вообще „бенфеистовъ“ — собирать всевозможныя „параллели“ и „аналогіи“, при чемъ изслѣдователи чаще всего и не задаются никакими другими цѣлями, какъ только такого собиранія и подбора параллелей. „Одинъ ученый — пишетъ Бедье — собралъ 10 варіантовъ даннаго сюжета [дѣло идетъ о сказкахъ], другой прибавилъ еще 10, но вотъ еще ученый — и еще новые варіанты! Набравъ 50 варіантовъ, ученый старательно пересказываетъ ихъ въ журналѣ, — и читатель долженъ перелетать въ слѣдъ за изслѣдователемъ изъ Норвегіи въ Аравію, изъ Италіи въ Малороссію, изъ Арменіи въ Бретань. Но въ слѣдующемъ же номерѣ журнала новый ученый указываетъ новые варіанты; въ слѣдующемъ — еще новые, и такъ безъ конца!.. Что хотятъ доказать эти ученые?...“ Собирать лишь матеріалъ и только собирать — значитъ слѣдовать теоріи: работай и не думай; такое собираніе матеріала для матеріала Бедье сравниваетъ съ коллекціонированіемъ почтовыхъ марокъ... Изъ теоріи Бенфея Бедье сохраняетъ лишь мысль о странствованіи сказокъ отъ народа къ народу, изъ страны въ страну. Мысль же объ индійскомъ ихъ происхожденіи рѣшительно отвергаетъ, какъ

основанную на очевидномъ софизмѣ: „post hoc, ergo propter hoc“! Изъ того, что древнѣйшія по записи формы нашихъ сказокъ отысканы въ Индіи, выводится заключеніе, что индійскія формы — и основныя, наиболѣе древнія, всѣ же остальныя — позднѣйшія... Противъ теоріи литературнаго заимствованія Бедье выдвигаетъ теорію полигенезиса сказокъ, ихъ самозарожденія, т. е. примыкаетъ къ пользовавшейся въ это время большимъ авторитетомъ теоріи „антропологической“. Единственно возможная теорія по Бедье — это то, что каждый народъ, созидая чисто національныя сказанія, составляющія его личную, неотчуждаемую собственность, обладаетъ въ то же время *способностью къ созиданію болѣе общихъ мотивовъ*, которые именно въ силу этого свойства становятся общимъ достояніемъ всего человѣчества... Возникновеніе и существованіе одновременно и рядомъ отмѣченныхъ сейчасъ научныхъ теченій уже само собой вело къ извѣстному взаимному ихъ самоограниченію, взаимнымъ уступкамъ, примиренію, — и послѣдняя тенденція, стремленіе къ объединенію, взаимному примиренію различныхъ взглядовъ и теорій, ранѣе высказанныхъ слишкомъ исключительно, отчасти дѣйствительно намѣчается въ позднѣйшихъ трудахъ западныхъ ученыхъ по фольклору. Этотъ эклектизмъ, напр., видимъ уже у Bedier: онъ признаетъ съ „миѳологами“ присутствіе въ сказкахъ *обломковъ древнихъ миѳовъ*, вмѣстѣ съ „антропологами“ — слѣды *первобытнаго варварства*, заимствуетъ у „индіанистовъ“ мысль о *странствованіи* сказокъ изъ области въ область и отъ народа къ народу, — вообще видимо стремится къ синтезу предшествующихъ теорій. „Ловкой рукой вылавливаетъ онъ изъ нихъ все солидное и существенное и укладываетъ въ стройную систему, — какъ бы осуществляя еще ранѣе выставленное требованіе Густава Мейера: въ изслѣдованіи сказокъ не довольствоваться какимъ-нибудь „единственнымъ принципомъ объясненія [Essays und Studien zûr Sprachgeschichte und Uolkkûnde 1885]“ и т. д. [См. В. Клингера: „Сказочные мотивы въ исторіи Геродота, Кіевъ, 1903, стр. 11—17. Довольно под-

робное изложеніе выводовъ Бедье, съ указаніемъ вызванной его книгой обширной полемики — у С. В. Савченко: „Русская народная сказка". Кіевъ, 1914, стр. 486—494].

Само собой разумѣется, указанныя сейчасъ направленія и взгляды, возникшія за послѣднее время въ западной наукѣ, такъ или иначе ограничивавшія теорію Бенфея, дополнявшія ее, уничтожавшія въ ней первоначальную рѣзкость, дѣлавшія ее чуждой прежнихъ ея крайностей и исключительности — и тѣмъ самымъ еще болѣе научно твердой — мы видимъ и въ трудахъ нашихъ ученыхъ позднѣйшаго времени, примкнувшихъ въ своихъ изученіяхъ къ изслѣдованіямъ А. Н. Веселовскаго, стоявшаго неизмѣнно во главѣ всего относящагося сюда движенія нашей науки послѣдняго времени. Отмѣченные выше факты западныхъ изученій, безспорно, сказывались весьма замѣтно и въ русской наукѣ; безспорно, были и ближайшія вліянія, подражанія... Теорія „заимствованія", конечно, и въ этомъ случаѣ нерѣдко имѣла широкое примѣненіе!.. Но столь же безспорно, — многое высказывалось и у насъ вполнѣ самостоятельно, независимо и даже ранѣе: словомъ и здѣсь, во многихъ случаяхъ, особенно въ приложеніи къ болѣе „сильнымъ организмамъ", всѣ свои права сохраняла и „теорія самозарожденія"...

Обращаемся къ важнѣйшимъ представителямъ возникшаго движенія — и прежде всего къ его главному основателю.

Александръ Николаевичъ Веселовскій [† 1907], по справедливому отзыву акад. Ягича, „одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ второй половины XIX вѣка, не только Россіи, но и цѣлой Европы, — въ своихъ изученіяхъ поражаетъ какъ необычайной многочисленностью, разнообразіемъ трудовъ, такъ и замѣчательнымъ богатствомъ эрудиціи, необычайной обширностью привлеченныхъ имъ къ изученію матеріаловъ, — западныхъ, средневѣковыхъ, болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, принадлежащихъ самымъ различнымъ западно-европейскимъ народамъ, — и восточныхъ, византійскихъ и славянскихъ,

древнихъ, южныхъ и болѣе позднихъ, русскихъ. Въ послѣднемъ отношеніи Веселовскій имѣлъ существенное преимущество передъ западными коллегами, — для которыхъ русскіе, старо-славянскіе и византійскіе матеріалы чаще всего оставались совершенно неизвѣстными... „Останавливаясь на русскомъ легендарномъ преданіи, на той или другой подробности эпоса — Веселовскій обставляетъ ихъ множествомъ сравненій и аналогій, заимствованныхъ отовсюду. Ему послужатъ древнее византійское житіе или церковные каноны, западная латинская легенда, скандинавская сага, нѣмецкая и французская средневѣковая поэма, западно-славянское преданіе, румынская или новогреческая пѣсня, сказанія восточныхъ народовъ, преданія русскихъ полудикихъ инородцевъ — словомъ, громадный матеріалъ, раскиданный на огромномъ пространствѣ географіи и хронологіи, гдѣ однако отыскиваются общія нити народнаго миѳа и поэзіи“ [Пыпинъ, Ист. этн., II, 262]... Эта необычайная эрудиція, привлеченіе къ изученію русскаго народнаго эпоса громадныхъ массъ совершенно новаго матеріала, принадлежащаго самымъ различнымъ странамъ и народамъ, въ особенности западнымъ, средневѣковымъ, византійскимъ и славянскимъ — прежде всего и составляла величайшую заслугу изысканій Веселовскаго. Изслѣдователь открывалъ русской наукѣ въ области изученій національнаго эпоса совершенно новый міръ, — міръ самыхъ широкихъ литературныхъ связей и взаимоотношеній, міръ, частью затронутый уже изученіями Буслаева и Пыпина, но теперь, новымъ изслѣдователемъ, охваченный не только въ несравненно болѣе широкихъ рамкахъ, но и твердо устанавливавшійся на совершенно новой почвѣ широкаго „литературнаго общенія Востока и Запада“, — въ частности, на почвѣ международной христіанской легенды и книжности. Міръ русскаго народнаго эпоса освѣщался впервые совершенно новымъ свѣтомъ; передъ наукой впервые вскрывалась внутренняя, органическая жизнь этого эпоса, его ближайшія, реальныя связи съ семьей остальныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, общее богатство его

внутренняго содержанія, широта, разнообразіе этого содержанія, — вмѣсто прежнихъ однообразныхъ варіацій все однихъ только „тучъ“ да „молній“... Особенно важны и цѣнны были эти вскрывавшіяся изслѣдователемъ международныя связи и отношенія, — съ Византіей, южнымъ славянствомъ, средневѣковой западной Европой. Совершенно новой, дотолѣ почти не предполагавшейся, была и та почва, на которой изучались теперь эти отношенія и связи, — христіанской легенды и книжности. Изслѣдованія Веселовскаго прежде всего и болѣе всего направились именно въ эту область христіанской легенды, апокрифическаго сказанія, книжной повѣсти — иноземной-переводной или своей, туземной — какъ источниковъ русскихъ эпическихъ произведеній и вообще всего русскаго folklore'a. Таково основное содержаніе уже первой классической работы Веселовскаго „изъ исторіи литературнаго общенія“ Востока и Запада: *Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ* [Спб., 1872].

Отношенія Веселовскаго къ Бенфею были, однако, вполнѣ самостоятельны, — и вообще Веселовскій выступалъ въ нашей наукѣ не только представителемъ теоріи „литературнаго заимствованія“, но и ближайшимъ „ученикомъ“ своихъ мѣстныхъ, туземныхъ учителей, Пыпина и Буслаева...

Пыпинъ, характеризуя научные труды Веселовскаго, защищаетъ его противъ „писателей миѳологической школы“, которые „причислили“ Веселовскаго къ послѣдователямъ Бенфея. „И безъ теоріи Бенфея — возражаетъ Пыпинъ — достаточно было широкаго, критически обставленнаго сличенія фактовъ, чтобы принять между народами „литературное общеніе“, найти въ немъ источникъ многихъ эпическихъ преданій и сказаній, которыя прежде приписывались самобытному творчеству даннаго народа или сходство которыхъ у разныхъ племенъ относимо было въ отдаленныя эпохи до-историческаго единства. Теперь оказывалось, что къ этимъ ссылкамъ на до-историческія времена во многихъ

случаяхъ не было никакого основанія, и что вопросъ ближе и проще рѣшался реальными фактами литературныхъ воздѣйствій и устной передачи въ христіанскія времена" [ib., II, 264—265]... Намъ кажутся прежде всего напрасными эти старанія отмежевать имя Веселовскаго отъ имени Бенфея. Безспорно, научныя изысканія Веселовскаго были столь поражающе обширны, отличались такой, необычной даже для лучшихъ западныхъ ученыхъ, эрудиціей, что ихъ трудно вмѣстить въ рамки вообще какого-либо „послѣдователя"; тѣмъ не менѣе научная преемственность, безъ сомнѣнія, все же на-лицо. Не надо забывать, — Веселовскій писалъ еще свою кандидатскую диссертацію *De lupi et canis in mythologia graeca et romana symbolis* (1858 г.), — когда Бенфей заканчивалъ уже работы надъ *Панчатантрой* (1859). Само собой разумѣется, преемственность научныхъ идей никоимъ образомъ не препятствуетъ полной научной самостоятельности, совершенной независимости научныхъ работъ. Въ отношеніи къ Веселовскому, полная независимость отъ Бенфея между прочимъ сказывалась уже въ указанной выше эрудиціи русскаго ученаго. Но была еще и совершенно другая сторона, фактически указывавшая на ту же самостоятельность. Веселовскій былъ „послѣдователемъ" не только теоріи „литературнаго заимствованія", но и старой „миѳологической школы". Разумѣемъ выдвинутый Веселовскимъ чуть не съ первой печатной работы, еще ранѣе изслѣдованія „о Соломонѣ и Китоврасѣ", вопросъ о „позднѣйшей миѳологіи" — миѳологіи, „стоящей на почвѣ христіанства и книжности". Это была совершенно новая мысль, и не только для нашей науки, но и для Запада — и именно здѣсь Веселовскій выступалъ не столько „послѣдователемъ" Бенфея, сколько реформаторомъ старой миѳологической школы, — почему его изысканія такъ и привѣтствовалъ лучшій представитель школы, Буслаевъ. Послѣдній не только всецѣло присоединился къ идеѣ ученика, но тутъ же развилъ его мысль и дальше, придалъ ей болѣе широкое значеніе [см. „Отчетъ", о 16 прис. наградъ гр. Уварова, стр. 24—66]. Помимо всякихъ „литературныхъ общеній

Востока и Запада", — въ изысканіяхъ Веселовскаго чрезвычайно важной была та общая, основная точка зрѣнія, съ которой изслѣдователь подходилъ къ изученію этихъ „литературныхъ общеній". Веселовскій впервые указываетъ — и въ этомъ заключалась особая важность его новыхъ методологическихъ пріемовъ — на возможность возникновенія и развитія „миѳовъ" и на болѣе поздней, христіанской и книжной почвѣ. „Не всегда — замѣчаетъ онъ — старые боги сохранились въ полуязыческой памяти средневѣкового христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ, удерживая за собою свою власть и аттрибуты. Образы и вѣрованія средневѣкового Олимпа могли слагаться еще другимъ путемъ: ученія христіанства принимались неприготовленными къ нему умами внѣшнимъ образомъ; евангельскіе разсказы и легенды, чѣмъ далѣе шли въ народъ, тѣмъ болѣе прилаживались къ такому пониманію, искажались; обряды, мелочи церковнаго обихода производили формальное впечатлѣніе, слово принималось за дѣло, всякому движенію приписывалась особая сила, — и по мѣрѣ того, какъ исчезалъ внутренній смыслъ, внѣшность давала богатый матеріалъ для суевѣрій, заговоровъ, гаданій и т. п. Повѣсть о подвижничествѣ христіанскихъ просвѣтителей обращалась въ фантазіи европейскихъ дикарей въ героическую сагу, святые становились героями и полубогами. Такимъ путемъ долженъ былъ создаться цѣлый новый міръ фантастическихъ образовъ, — въ которомъ христіанство участвовало лишь матеріалами, именами, а содержаніе и самая постройка выходили языческія. Такого рода созданіе ничуть не предполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе миѳологіи. Ничего такого могло и не быть — достаточно было особаго склада мысли, никогда не отвлекавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни и всякую абстракцію низводившей до ихъ уровня. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ — они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, миѳомъ! Не разглядѣвъ ихъ генезиса, мы легко

можемъ признать ихъ за таковые"... *(Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ* и пр., Спб., 1872, стр. XII—XIII). Какъ мы уже замѣтили, Буслаевъ въ своемъ разборѣ монографіи Веселовскаго не только всецѣло примкнулъ здѣсь къ Веселовскому, но и развилъ его мысль дальше, далъ ей болѣе широкое освѣщеніе, указывая, что „миѳологія позднѣйшая", „стоявшая на почвѣ христіанства и книжности", въ весьма значительной степени — произведеніе не только собственно „европейскихъ дикарей", о которыхъ говорилъ Веселовскій, но и всей той „образованной среды раннихъ вѣковъ христіанства въ болѣе цивилизованныхъ областяхъ западной и восточной Римской Имперіи, откуда шли къ варварамъ христіанскіе просвѣтители", что „позднѣйшую миѳологію" Веселовскаго необходимо расширить на „древнѣйшую" и „позднѣйшую". „Уже само христіанское ученіе — писалъ Буслаевъ — будучи основано на Писаніи, открывало народностямъ новые пути, черезъ которые они должны были подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ литературнаго свойства. Съ одной стороны, маститыя сказанія Ветхаго Завѣта вносили въ исторію цивилизаціи далекіе отголоски отжившей культуры древняго Востока; съ другой стороны, античный классицизмъ, распространенный по лицу земли завоеваніями римскаго оружія, пріуготовлялъ историческую почву, на которой посѣивалось новое ученіе евангельское"... [Отчетъ о 16 прис. нагр. гр. Уварова. Спб., 1874, стр. 53]. Выдвигая эту, болѣе широкую точку зрѣнія, — Буслаевъ тѣмъ сильнѣе возражаетъ здѣсь же противъ мысли Веселовскаго касательно „путей" литературнаго общенія Востока и Запада: этими „путями" было не „богомильство", вообще дуалистическія христіанскія секты, какъ „гадательно" полагалъ въ своемъ изслѣдованіи Веселовскій, — а общій складъ понятій всего средневѣковаго христіанства, восточнаго и западнаго, общій характеръ идей, воззрѣній, пріемовъ, господствовавшій въ средневѣковомъ христіанствѣ. Типичнымъ отраженіемъ всего этого была обширная апокрифическая литература, —

въ пристрастіи къ которой были повинны далеко не одни только „еретики“, но которая часто свободно распространялась и самой церковью... Эти болѣе широкія толкованія „учителя“ не только были всецѣло приняты „ученикомъ“, но — что особенно характерно! — послѣдній пришелъ къ нимъ и самъ, вполнѣ самостоятельно, еще до появленія въ печати взглядовъ учителя. Послѣднее подчеркиваетъ самъ Буслаевъ въ рецензіи, цитируя позднѣйшую статью Веселовскаго [Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2], — гдѣ тотъ говорилъ: „Я разумѣю подъ апокрифомъ не только подложныя, тенденціозныя сочиненія, которыя назначены были выражать ученія какого-нибудь полухристіанскаго толка, но и тѣ отреченныя книги, которыя, не заключая въ себѣ ничего опредѣленно еретическаго, несмотря на это наводили на народъ тьму нехристіанскаго суевѣрія: *Физіологи*, *Phylacteria* и т. п. Этимъ вліяніемъ на массу я объясняю себѣ апокрифическіе книжные слѣды въ такихъ произведеніяхъ народнаго слова, въ которыхъ до сихъ поръ мы были пріучены видѣть произведенія народной фантазіи“... [Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2, стр. 148]. Приведя эти слова, Буслаевъ заключаетъ: „Это мнѣніе, противъ котораго я ничего не имѣю сказать, до того очищено отъ крайностей увлеченія теоріею о ересяхъ, что я полагаю его самымъ лучшимъ выводомъ изъ выше предложенныхъ мною замѣчаній о крайностяхъ этого увлеченія“ [„Отчетъ“ и пр., стр. 51].

Но реформаторомъ „миѳологической школы“ Веселовскій выступилъ не только въ смыслѣ расширенія рамокъ „миѳологіи“, присоединяя къ первобытной миѳологіи еще „позднѣйшую“; онъ дѣлаетъ существенныя поправки и въ области этой, первобытной. Правда, чѣмъ дальше шли его изслѣдованія, тѣмъ дальше уходилъ онъ отъ этой первобытной миѳологіи въ область позднѣйшихъ христіанско-книжныхъ сказаній и передачъ; но вообще какъ на первыхъ порахъ, такъ и потомъ — и „миѳъ“ и „миѳологія“ далеко не изгоняются совершенно изъ сферъ научныхъ изученій Веселовскаго. Онъ признаетъ извѣстное

значеніе и за старой миѳологической теоріей; онъ возстаетъ лишь — какъ это подчеркиваетъ и самъ Веселовскій — „противъ узкаго миѳологическаго толкованія, а не противъ миѳологической экзегезы вообще въ ея приложеніи ко всему поэтически-народному творчеству христіанской поры. Миѳологическій процессъ присущъ человѣческой природѣ, какъ всякое другое психологическое отправленіе“... Первоначально каждое слово было миѳомъ, — „въ той мѣрѣ, въ какой оно выдвигаетъ впередъ одну какую нибудь единичную черту предмета и возводитъ ее въ опредѣленіе цѣлаго, въ его жизненный символъ“. Позднѣе „частные миѳы сводятся, сличаются; между ними открывается генетическая связь, связь причинъ и слѣдствій, — частные миѳы уступаютъ группамъ миѳовъ, и мы подходимъ къ миѳологіи“... Такова первая поправка, болѣе внѣшняя; за нею слѣдуетъ другая, внутренняго характера и болѣе существенная. Въ древнѣйшую, первобытную миѳологію Веселовскій въ значительной долѣ вводитъ реальный, бытовой фактъ, — урѣзывая имъ старыя владѣнія „грозы“ и „тучи“. По мнѣнію Веселовскаго — нельзя всю область „миѳологіи“ ограничивать лишь небесными миѳами. „Облачные миѳы, замѣчаетъ Веселовскій, играютъ большую роль при началѣ разныхъ миѳологій; это одни изъ основныхъ миѳовъ, но не существенные“. Рядомъ съ миѳами неба были миѳы животныхъ и растеній. Разные миѳологическіе циклы возникали самостоятельно и существовали совмѣстно, хотя и развивались неровно. Животныя сказки, напр., вовсе не могутъ быть привязаны къ облачному миѳу; Веселовскій никакъ не соглашается, чтобы продѣлки нашей Лисы Патрикѣевны когда либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ. Раньше миѳической коровы или другого миѳическаго животнаго, раньше борьбы небесной — человѣкъ зналъ простыхъ, земныхъ, животныхъ, и видѣлъ борьбу враговъ земныхъ. Если небесные миѳы образовались по отношеніямъ земной жизни, то первоначально усмотрѣны были эти, земныя, отношенія. „Миѳъ, правда, закрѣплялъ обыденныя отношенія въ болѣе широкіе образы; но

эти отношенія могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ, кромѣ миѳа. Народная память сохраняла разсказъ о набѣгѣ одного племени на другое, о единоборствѣ двухъ витязей, о кровавой драмѣ въ семьѣ старшины, — и готовъ былъ эпическій разсказъ, зародышъ народнаго эпоса. Этотъ разсказъ могъ имѣть сходныя черты съ мотивами облачнаго миѳа; но это сходство могло состояться безъ всякой генетической связи между ними. И если миѳъ религіозный съ теченіемъ времени обезцвѣчивался и дѣлался *сказкой* то могло то же самое случиться и съ реальнымъ эпическимъ разсказомъ: историческія имена забывались, мѣстныя черты отпадали — и точно также являлась *сказка*. Такимъ образомъ не все въ сказкѣ принадлежитъ миѳу, — многое возникло изъ реальныхъ, житейскихъ отношеній. Иначе придется отрицать возможность зарожденія пѣсни и эпическаго разсказа по поводу факта, случившагося на землѣ, а не на небѣ"... Вообще въ настоящее время мы имѣемъ дѣло чаще всего съ миѳами, прошедшими цѣлую длинную исторію разъединенія, смѣшенія и осложненія подъ вліяніемъ сліянія родовъ и племенъ, измѣненія понятій и бытовыхъ отношеній. Подобныя явленія совершались и въ области эпическихъ сказаній, — которыя также имѣли свою исторію и которыя мы имѣемъ теперь передъ собою въ этомъ смѣшанномъ и осложненномъ видѣ. Вопросъ толкованія состоитъ въ томъ, чтобы отличить эти позднія приставки отъ того, что́ можно считать кореннымъ и не случайнымъ... Особенно многимъ должна древняя миѳологія поступиться въ пользу позднѣйшихъ международныхъ заимствованій, христіанскихъ и вообще книжныхъ вліяній. Многое изъ того, что относилось миѳологами прежней школы въ до-историческій миѳъ, въ арійскую древность, — при болѣе широкихъ позднѣйшихъ изученіяхъ оказывается вовсе не столь глубоко-миѳическимъ и далеко не столь древнимъ. Мнимо до-историческое оказывается средневѣковымъ, арійское — не арійскимъ, напр., еврейскимъ, древне-языческое — христіанскимъ и т. д. Чѣмъ дальше идутъ изслѣдованія, тѣмъ все обильнѣе и ярче выступаетъ значеніе того огромнаго

запаса восточно-эпическаго матеріала, который переходилъ изъ Византіи въ міръ южно-славянскій и русскій и въ западную Европу, въ формѣ христіанской легенды, апокрифическихъ сказаній, всякаго рода „бродячихъ“ повѣстей и сюжетовъ... Именно въ эту область Веселовскій и направляетъ исключительно свои изученія, — указывая здѣсь присутствіе нерѣдко еще болѣе обширной и сложной „миѳологіи“, чѣмъ первобытная: „миѳологіи позднѣйшей, стоящей на почвѣ христіанства и книжности“, вообще относящейся уже ко временамъ далеко не до-историческимъ...

Въ виду всего изложеннаго, нѣтъ нужды прибавлять, въ какой степени во всемъ этомъ русскій ученый былъ самостоятеленъ и независимъ въ отношеніи къ западному творцу „теоріи заимствованія“.

Общія симпатіи Веселовскаго къ миѳологической школѣ въ позднѣйшее время были значительно подкрѣплены, точнѣе сказать, разширены вліяніемъ школы антропологической, самозарожденія, — къ которой довольно замѣтно склоняется Веселовскій въ нѣкоторыхъ своихъ и болѣе раннихъ и позднѣйшихъ работахъ (напр., при разсмотрѣніи былиннаго сюжета о боѣ отца съ сыномъ и нѣкр. др. под.). „Намъ кажется — писалъ Веселовскій въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ статей — что въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ средневѣкового суевѣрія, при непремѣнномъ желаніи добраться во что бы то ни стало до миѳическаго зерна (даже тамъ, гдѣ оно не существуетъ), обращается слишкомъ мало вниманія на физіологію народнаго творчества, и тѣмъ самымъ упускаются изъ виду очень многіе жизненные его процессы. Упущена изъ виду та пластическая сила, которая творитъ въ сказкѣ, пѣснѣ, легендѣ, не столько развивая ихъ внутреннее содержаніе (что, собственно, и подлежитъ миѳологической экзегезѣ), сколько ихъ чисто формальную сторону. Въ сказкѣ, пѣснѣ, заговорѣ не все имѣетъ миѳическій смыслъ; многія подробности, эпизодическія вставки, повторенія и общія мѣста, переполняющія произведенія подобнаго рода, могутъ быть объяснены единственно тою силою фантазіи, которая

творитъ ради самаго творчества, безъ всякаго отношенія къ развитію затаенной внутри миѳической основы. Чѣмъ болѣе теряется сознаніе этой основы, чѣмъ чаще мѣняется миѳологическая почва, напримѣръ, при смѣнѣ одной религіозной системы другою, тѣмъ болѣе открывается простора самостоятельному дѣйствію этой пластической силы, не связываемой болѣе внутреннею потребностью точно выразить содержаніе поблекшаго миѳа; тѣмъ осторожнѣе надо прибѣгать къ миѳологической экзегезѣ при толкованіи такихъ памятниковъ народнаго суевѣрія, которые, выдержавъ нѣсколько переходовъ религіознаго сознанія, далеко отошли отъ своей первоначальной почвы... Миѳическій процессъ присущъ человѣческой природѣ, какъ всякое другое психологическое отправленіе. Какъ въ былыя времена онъ произвелъ богатство языка и натуралистическаго миѳа, такъ онъ продолжаетъ творить и въ вѣка позднѣйшіе на другихъ почвахъ, отправляясь уже не отъ первичныхъ впечатлѣній и непосредственнаго знанія, а отъ того богатства объективнаго знанія, которое накопилось въ человѣчествѣ вѣками; но, во всякомъ случаѣ, миѳическій процессъ творитъ при сходныхъ условіяхъ и отливается въ одинаковыхъ формахъ“... Ит. д. „Зарождаются ли сказочныя схемы самостоятельно и ихъ сходство слѣдуетъ объяснить тожествомъ психическаго акта, въ нихъ выразившагося? — ставитъ вопросы Веселовскій въ одной изъ болѣе позднихъ своихъ статей: допустить ли въ объясненіе сходства гипотезу переселенія сказокъ изъ одной области въ другую? — или искать этого объясненія въ сохранности древнѣйшихъ типовъ миѳическаго мышленія? Несомнѣнна для меня связь перваго пункта съ третьимъ и необходимость восхожденія „отъ нашихъ дней къ древности“. Сказки, записанныя въ наши дни, представляютъ гораздо болѣе прочный и достовѣрный матеріалъ для характеристики миѳоэпической дѣятельности мысли, чѣмъ однородные или предполагающіеся таковыми памятники древности, какъ фонетическія показанія живого нарѣчія важнѣе теоретическихъ соображеній о фонетическихъ процессахъ

отжившаго языка. Отъ первыхъ вѣрнѣе заключить къ вторымъ, чѣмъ наоборотъ; миѳоэпическій процессъ не прекратился, повтореніе, усвоеніе сказки предполагаетъ его точно также, какъ и ея созданіе. Аналитическое изученіе современной сказки дастъ намъ рядъ обобщеній, которыя можно будетъ вмѣнить древнѣйшей стадіи миѳоэпическаго развитія. Значеніе странствующихъ сказокъ, какъ вообще вопросъ перенесенія, поставится самъ собою, какъ относительно внѣшній и несущественный, потому что чужое усвояется лишь въ формахъ туземной мысли. Собственно, странствующія повѣсти, сказки, пѣсни — объектъ не для миѳолога, а для историка литературы, изслѣдующаго международныя теченія образованности и пути вліяній. Эти вліянія могли рѣзче опредѣлить извѣстные вкусы, дать болѣе яркую форму тому, что́ уже существовало въ поэтическомъ сознаніи народа, какъ невыясненное или только потенціальное. Народный эпосъ заполоненъ пришлыми сюжетами, оставаясь тѣмъ не менѣе народнымъ и по психическимъ посылкамъ усвоенія, и по вѣковой работѣ, неустанно претворяющей это усвоенное. Для того, чтобы поднять вопросъ о перенесеніи повѣствовательныхъ сюжетовъ, необходимо, поэтому, запастись достаточными критеріями. Необходимо принять въ расчетъ фактическую возможность вліянія и его внѣшніе слѣды въ собственныхъ именахъ, въ остаткахъ чуждаго быта, въ совокупности подобныхъ признаковъ, потому что каждый въ отдѣльности можетъ быть обманчивъ. Труднѣе установить такой критерій для поэзіи народнаго обряда. Крестьянинъ, естественно, извлекаетъ свою метеорологическую мудрость изъ мѣстныхъ наблюденій, тамъ и здѣсь пріурочивая начало зимы и весны, появленіе морозовъ и дождя къ тому или другому дню народныхъ святцевъ, наконецъ, къ условіямъ чисто топографическимъ“ и т. д. Какъ видимъ, здѣсь, какъ и въ др. мм., Веселовскій дѣлаетъ значительныя уступки въ пользу теоріи „замозарожденія“ противъ теоріи „заимствованія“... [См. А. Н. Веселовскаго, Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго

эпоса (по поводу итальянскихъ сказокъ). „Ж. М. Н. Пр.“ 1868 г., ноябрь, 281—359. Его же, Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы. ib., 1873 г., февраль, стр. 148 sqq. Его же, Сравнительная миѳологія и ея методъ. „Вѣстн. Евр.“ 1873, октябрь. Его же, Новые журналы по народной словесности и миѳологіи. „Ж. М. Н. Пр.“ 1882, сентябрь, стр. 209—221].

Въ направленіи, данномъ классическимъ изслѣдованіемъ „о Соломонѣ и Китоврасѣ“, — шли и дальнѣйшія изысканія Веселовскаго. Отмѣтимъ *Опыты по исторіи развитія христіанской легенды* [„Ж. М. Н. Пр.“, 1875, апр., май; 1876, февр.—апр., іюнь; 1877, февр., май] и позднѣйшія *Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ* [„Сборникъ II Отд. Ак. Н.“, т. XX, стр. 1—22; XXI, стр. 1—228; XXVIII, стр. 1—50; XXXII, 1—461; XLVI, стр. 1—376 + 106, прилож.; LIII, стр. 1—230; + 174, прил., Спб., 1880—1892]. Сюда же по содержанію ближайшимъ образомъ примыкаетъ трудъ: *Изъ исторіи романа и повѣсти* [2 т., — „Сборн. II Отд. Ак. Н.“, тт. XL, XLIV, Спб., 1886 — 1888], а также безчисленныя отдѣльныя болѣе мелкія статьи, печатавшіяся съ 80-хъ гг. въ „Ж. М. Нар. Пр.“, въ „Сборникѣ II Отд. А. Н.“, въ „Archiv für Slav. Philologie“, въ позднѣйшихъ „Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов.“ и др. изданіяхъ. Между прочимъ отмѣтимъ статьи, относящіяся къ *Александріи*, къ которой Веселовскій возвращался не разъ [см. Ж. М. Н. Пр., 1884, іюнь, сент.; 1885, окт.; „Archiv für Slav. Phil“. XI, 1—56; „Виз. Временникъ“, 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 533—587 и др.]. Цѣлый рядъ обширныхъ изысканій посвящается Веселовскимъ спеціально области русской былевой поэзіи. Важнѣйшіе, относящіеся сюда его труды — *Южно-русскія былины* [„Сборникъ Ак. Н.“, т. XXII, 1—78; т. XXXIV, 1—411, Спб., 1881—1888], — *Мелкія замѣтки къ былинамъ* [Ж. М. Н. Пр., 1885, дек., стр. 166—198; 1888; май, 74—90; 1889, май, 32—46; 1890, мартъ, 1—55; май, 56—73, 1896, авг., 235—270], рядъ отдѣльныхъ мелкихъ статей, этюдовъ, критическихъ замѣтокъ и т. п., появляющихся уже съ 1875 г.: *Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ* [„В.

Евр.“, 1875, стр. 750—755; „Слав. Сборникъ“, II, 1876, стр. 122—165; Russische Revue, IV, стр. 539—570; Archiv für Slav. Phil., II, 129—143. 308—333: статьи посвящены указаніямъ на вліянія въ русскомъ эпосѣ византійскихъ сказаній о Дигенисѣ, Вавилонскомъ царствѣ, объ Армури и т. п.], — *Параллель между красавицей въ теремѣ и одной русской былиной* [Ж. М. Н. Пр., 1878, апр., 183—238], — *Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса де Кастильо* [ib., 1884, 216—220], — *Былины о Потокѣ и Сорока каликахъ съ каликою* [Ж. М. Н. Пр., 1905, апр., 303—313] и мн. др. Было бы крайне трудно, точнѣе, прямо невозможно, кратко передать здѣсь все необозримое разнообразіе вопросовъ и сюжетовъ, которыхъ касается Веселовскій въ названныхъ трудахъ. Памятники христіанской легенды и апокрифической литературы, западно-европейскія и восточныя, византійскія и славянскія, эпическія сказанія и преданія самыхъ различныхъ народовъ, все необозримое содержаніе „фольклора“ славянскаго и не-славянскаго, здѣсь же — румынъ, новогрековъ и т. д.; обрядовыя пѣсни, сказки и т. д.; русскіе духовные стихи въ ихъ неразрывной связи съ апокрифами и другими письменными памятниками славянскими, византійскими и западными, и т. д. и т. д. О всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ Веселовскаго можно лишь повторить здѣсь слова акад. Ягича: „Какъ во всѣхъ своихъ разысканіяхъ онъ стоялъ на широкой такъ сказать международной точкѣ зрѣнія, стараясь прежде всего прослѣдить тихія культурныя сношенія между славянскимъ, германскимъ и романскимъ міромъ, такъ и въ русскихъ эпическихъ преданіяхъ онъ открывалъ слѣды вліянія или какого-либо соприкосновенія съ сосѣдями то на Востокѣ, то на Западѣ... Онъ зорко слѣдилъ не только за богатымъ домашнимъ сказочнымъ матеріаломъ въ собраніяхъ русскихъ, но и вся прочая еле обозримая фольклористика была постоянно предметомъ его внимательнаго изученія. Слѣды его изумительно широкаго знакомства со сказочной литературой видны въ каждомъ изъ его изслѣдованій“... („Ист. слав. филол.“, I, 1, стр. 847—849).

Впрочемъ, „писатели миѳологической школы“, отъ которыхъ Пыпинъ защищалъ Веселовскаго — все же не безъ основаній называли его „бенфеистомъ“... Какъ мы уже замѣтили, научныя изысканія Веселовскаго, дѣлаемыя имъ параллели и сличенія, поражаютъ своимъ разнообразіемъ, обширностью обозрѣваемаго горизонта, подавляющей эрудиціей; поражаетъ и чисто внѣшняя плодовитость научныхъ работъ — одно перечисленіе ихъ, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, составило цѣлую книжку!.. Но при этомъ нельзя не согласиться и съ замѣчаніями, давно уже высказывавшимися въ наукѣ, что „параллели“ и „сличенія“ Веселовскаго и дѣлаемые имъ выводы — часто не даютъ никакихъ въ сущности результатовъ... Чаще всего Веселовскій лишь ставитъ тѣ или иные вопросы, или предлагаетъ по нимъ свои соображенія. Какъ глубокій ученый, это хорошо чувствовалъ повидимому и самъ авторъ, — почему и самъ настаиваетъ на провѣркѣ своихъ соображеній. Вообще въ разысканіяхъ Веселовскаго весьма часто нельзя не видѣть крайнихъ увлеченій какъ бы самымъ процессомъ всяческихъ сопоставленій и сравненій: часто послѣднія „грозятъ стать механическими, внѣшними, — лишь затемняя собою другіе факторы въ развитіи народной поэзіи, кромѣ литературнаго заимствованія“... (А. М. Лобода, Русскій богатырскій эпосъ, стр. 194). Оперируя громадными, ему только доступными по объему и разнообразію, матеріалами, и на такой необозримо широкой международной почвѣ, выставивши, какъ принципъ, положеніе, что „народный эпосъ всякаго историческаго народа — по необходимости международный“, Веселовскій въ своихъ изысканіяхъ этому „народному эпосу“ почти совсѣмъ и не даетъ мѣста!.. Изысканія Веселовскаго почти совсѣмъ не сходятъ съ почвы литературныхъ „заимствованій“: лишь изрѣдка обращается онъ и къ точкѣ зрѣнія чисто исторической, — изслѣдуетъ старинныя записи, приводитъ историческія свидѣтельства, такъ или иначе относящіяся къ лицамъ и сюжетамъ изслѣдуемыхъ имъ былинъ, и т. п. Но все это дѣлается Ве-

селовскимъ въ общемъ крайне рѣдко, мимоходомъ, — съ цѣлью какъ бы лишь дополненія къ занимающимъ главное и исключительное мѣсто въ его работахъ интернаціональнымъ сравненіямъ и параллелямъ. Вообще историческіе экскурсы Веселовскаго, какъ подчеркиваетъ это и Ягичъ, являются лишь „мимоходными указаніями“, и относятся главнымъ образомъ къ позднѣйшему времени. Таковы отдѣльныя статьи и замѣтки въ „Южно-русскихъ былинахъ“ [*Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ въ письмѣ XVI вѣка* и др.], — въ „Мелкихъ Замѣткахъ“ *[Финскіе варіанты былины объ Ильѣ Муромцѣ. — Кто такой Бравлинъ въ житіи Св. Стефана Сурожскаго? — Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ]* и нѣкр. др. его сопоставленія. Въ отношеніи къ обширнымъ и необыкновенно разнообразнымъ научнымъ разысканіямъ Веселовскаго вообще нельзя не отмѣтить значительной разницы между его изученіями, касающимися международной области письменныхъ памятниковъ, средневѣковыхъ-европейскихъ, славянскихъ и византійскихъ, — и изслѣдованіями, посвященными изученію собственно памятниковъ народнаго творчества: послѣднія значительно слабѣе первыхъ!... Ставя въ заслугу Веселовскому осторожность его другихъ научныхъ выводовъ, акад. Ягичъ справедливо видитъ у того же Веселовскаго и очень большой недостатокъ: груды дѣлаемыхъ имъ сравненій и сличеній въ области русскаго и западноевропейскаго folklore'а часто не даютъ никакихъ результатовъ!.. „Иногда при очень многочисленныхъ параллеляхъ, приводимыхъ для объясненія даннаго вопроса, въ концѣ концовъ все-таки не знаешь, какъ понимать это накопленіе параллелей, какое придавать имъ по замыслу автора значеніе, — такъ что разбираемый и анализируемый сюжетъ, несмотря на яркое освѣщеніе его, полученное стараніемъ автора, остается вопросомъ нерѣшеннымъ...“ [„Ист. слав. фил.“, I, 1, стр. 845]. Эта слабая сторона научныхъ изысканій Веселовскаго, какъ подчеркиваетъ и Ягичъ, особенно относится именно къ его изысканіямъ въ области фольклора и русской народной поэзіи. Въ этомъ отноше-

ніи — нельзя не подчеркнуть — Веселовскій не воспользовался тѣми предостереженіями, которыя дѣлалъ Буслаевъ уже по поводу первой обширной его работы [„о Соломонѣ и Китоврасѣ“], — и въ послѣдующихъ изысканіяхъ нерѣдко допускалъ у себя тѣ же недостатки, которые были подмѣчены его знаменитымъ рецензентомъ уже и въ наиболѣе раннемъ этомъ трудѣ. Вполнѣ раздѣляя въ принципѣ требованія бенфеевской теоріи, Буслаевъ указывалъ и опасную сторону бенфеевской теоріи: легкую возможность для изслѣдователя ко всяческимъ литературнымъ увлеченіямъ. „Необходима самая строгая воздержность — предостерегалъ Буслаевъ — чтобы не перейти въ своемъ сужденіи за черту, въ точности отмѣченную чужой спеціальностью“, — чтобы знать, гдѣ поставить грань всякимъ „аналогіямъ“ и „параллелямъ“.. Какъ мы уже замѣтили, — этимъ именно особенно и страдаютъ многія работы Веселовскаго по русскому эпосу! Какъ ни твердо поставленъ въ теоріи принципъ литературнаго заимствованія, тогда же и по тому же поводу писалъ Буслаевъ — „все же наука въ этомъ дѣлѣ стоитъ еще на такой низкой ступени, что очень часто можетъ приблизительно указать фактъ заимствованія, но далеко не всегда тѣ пути, которыми заимствованіе передавалось“... Къ сожалѣнію, и многочисленныя изслѣдованія Веселовскаго, въ своей массѣ, относящейся къ области русскаго folklore'а, русской былины, духовныхъ стиховъ — въ противоположность изученіямъ памятниковъ письменности — далеко не всегда намного поднимались надъ этой, указываемой Буслаевымъ, „низкой ступенью“ науки: не шли дальше механически нагроможденныхъ „аналогій“ и „параллелей“. Передъ нами нерѣдко — груды литературныхъ подробностей, безъ всякаго дальнѣйшаго освѣщенія собраннаго матеріала; груды фактовъ — и почти никакого вывода!.. Тотъ же Буслаевъ, по поводу той же работы, указывалъ еще двѣ слабыя стороны въ изслѣдованіяхъ Веселовскаго: слабость „лингвистики“ и недостаточное знакомство съ областью средневѣковой христіанской иконографіи, — къ которой не-

рѣдко принужденъ прибѣгать изслѣдователь, работая въ области древнехристіанской и средневѣковой апокрифической литературы. Области иконографіи Веселовскій потомъ совсѣмъ не касался; лингвистики же избѣгнуть не могъ, — и здѣсь опять нерѣдко слабый пунктъ его изысканій...

Слабыя стороны теоріи „литературнаго заимствованія", проявлявшіяся не рѣдко у насъ въ работахъ даже такого представителя ея, какимъ былъ акад. Веселовскій, — должны быть отмѣчены тѣмъ болѣе, что они очень нерѣдко, какъ увидимъ сейчасъ, повторялись и въ работахъ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдователей. Къ чести нашей науки, однако, нужно прибавить, — эти крайности — въ принципѣ — всегда и сознавались ею! Мы отмѣтили сейчасъ предостереженія уже Буслаева; чрезвычайно цѣнны были въ этомъ отношеніи замѣчанія, принадлежавшія и другому — болѣе позднему — ученому. Мы приведемъ ихъ здѣсь, такъ какъ они представляютъ очень мѣткую характеристику и вообще нашихъ „бенфеистовъ". „Теорія заимствованія — писалъ акад. Соболевскій — впервые широко поставленная и подтвержденная рядомъ фактовъ Бенфеемъ въ введеніи къ переводу сказокъ Панчатантры, у нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, и въ числѣ ихъ у г. Веселовскаго, получаетъ значительное расширеніе. Бенфей изслѣдовалъ исторію повѣствовательныхъ сюжетовъ въ литературныхъ произведеніяхъ востока и запада, и ихъ переходъ отъ одного народа къ другому; его послѣдователи распространяютъ изслѣдованіе на сюжеты и подробности устной народной поэзіи, на повѣрья и т. п. То, что̀ Гриммъ и Буслаевъ считали общимъ достояніемъ родственныхъ между собою по крови и по языку народовъ, — бенфеисты почти безъ оговорокъ объявляютъ заимствованіемъ одного народа у другого, несмотря на отсутствіе доказательствъ или хотя бы слѣдовъ заимствованія. Поиски оригиналовъ производятся ими по бо́льшей части внѣ какихъ бы то ни было патріотическихъ цѣлей; русскіе изслѣдователи великодушно признаютъ свои сюжеты копіями съ нѣмецкихъ, греческихъ, монгольскихъ, а нѣмцы, наоборотъ, иногда не прочь

польстить намъ признаніемъ заимствованія чего-нибудь у насъ. При этомъ легко можетъ статься, что въ то время, какъ г. Веселовскій видитъ въ стихѣ объ Аникѣ-воинѣ русскій отголосокъ средне-греческаго эпоса и ставитъ нашихъ змѣевъ-горынычей въ связь съ малоазійскими драками-разбойниками, — какой-нибудь греческій ученый найдетъ въ пѣсняхъ о Дигенисѣ слѣды вліянія русскаго эпоса и объяснитъ своихъ драковъ изъ нашихъ змѣевъ. И оба могутъ считать себя правыми... Вопросъ величайшей важности, какъ и гдѣ возникъ повѣствовательный сюжетъ или подробность, по бо̀льшей части обходится бенфеистами; такъ, г. Веселовскій хранитъ молчаніе относительно возникновенія сюжета о битвѣ богатыря со смертью... Вообще говоря, бенфеисты имѣютъ большія заслуги. Они въ своихъ поискахъ за источниками выясняютъ многое въ народной поэзіи; они даютъ рядъ важныхъ поправокъ къ тому, что̀ сдѣлала школа Гримма. Къ сожалѣнію, не для всѣхъ изъ нихъ ясно, гдѣ должна начинаться и кончаться ихъ роль. Академикъ Веселовскій принадлежитъ къ числу увлекающихся. Многочисленные труды А. Н. Веселовскаго по русской народной поэзіи поражаютъ обиліемъ данныхъ, результатомъ необыкновенной начитанности въ литературахъ всѣхъ странъ Европы и отчасти Азіи, на сколько они доступны не-оріенталисту; но нельзя сказать, чтобы выводы изъ данныхъ были дѣйствительно выводами. Субъективный элементъ въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго такъ силенъ, что бросается въ глаза. Если онъ вѣритъ, что всѣ мелкія подробности нашего стиха о Егоріи Храбромъ основаны на чемъ-нибудь книжномъ, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ. Что, напримѣръ, можетъ быть болѣе несомнѣнною собственностью русскаго стиха, чѣмъ эпитетъ царицы, матери Егорія: *благовѣрная?* А г. Веселовскій предлагаетъ сличить этотъ эпитетъ съ именемъ матери Георгія въ какой-то эѳіопской легендѣ: *Тэйобеста*, то-есть, *Ѳеопи́ста, боговѣрная* [Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II, 148]. Или, разъ Веселовскому пришла мысль, что у насъ въ былинахъ между заѣзжими богатырями должны быть роман-

цы, онъ не затрудняется ихъ розыскать. Кажется, нѣтъ ничего общаго между именемъ отца нашего богатыря гостя-сурожанина *Пленка* и татарско-турецкимъ словомъ *френгъ* = франкъ. Если Пленко былъ франкъ по происхожденію, зачѣмъ было ему именоваться у русскихъ татарско-турецкимъ названіемъ, а не своимъ собственнымъ — *франкъ*, или русскимъ — *фрягъ?* А г. Веселовскій, увлеченный небольшимъ звуковымъ сходствомъ между нашимъ *Пленко* и турецкимъ *френгъ*, рѣшительно настаиваетъ на тожествѣ этихъ двухъ словъ („Разысканія", VII, 289). Вообще ничтожная близость въ звукахъ не разъ подаетъ г. Веселовскому поводъ къ длиннымъ изслѣдованіямъ и позволяетъ ему дѣлать очень широкіе выводы, связывая *Марену, Маржану* съ св. *Мариною*, камень *латырь* съ *алтаремъ*, крестъ *Леванидовъ* съ греческимъ прилагательнымъ *λιβανίτις*, *Суровца* — суздальца съ городомъ *Судакомъ*, Илью *Муромца* съ княземъ *Бравлиномъ* и т. п"... И вообще какъ ни „важны" труды бенфеистовъ, — „все-таки теорія заимствованія даже въ болѣе блестящемъ видѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ теперь она существуетъ, можетъ быть лишь дополненіемъ къ другимъ болѣе важнымъ теоріямъ — теоріямъ возникновенія и потому не имѣетъ права на первую роль въ наукѣ"... [А. И. Соболевскій, — критическая статья по поводу „Ист. рус. этн." Пыпина. „Ж. М. Н. Пр.", 1891, февр., стр. 427—430].

Крайности увлеченій, особенно подъ конецъ, едва ли отчасти, косвенно, не доказываются и самимъ Веселовскимъ — въ томъ фактѣ, который не безъ ироніи, хотя очень благодушно, подчеркиваетъ акад. Ягичъ, указывая какъ-бы на нѣкоторую „усталость", явившуюся подъ конецъ въ самомъ изслѣдователѣ отъ этихъ безконечныхъ сличеній, сопоставленій, паралелей, на пространствѣ всѣхъ странъ и народовъ... „Подъ конецъ онъ какъ-бы усталъ — пишетъ Ягичъ — не въ научной дѣятельности вообще, а въ разысканіяхъ, относящихся къ русскому былевому эпосу... Онъ его бросилъ, — сбѣжалъ отъ него въ другую, какъ ему казалось, болѣе благодарную область, перенесъ

свою лабораторію на почву исторіи литературы, не то итальянской (Боккаччьо), не то русской (Жуковскій), не то общей (поэтика). Но этотъ поворотъ совершался у него медленно въ концѣ девяностыхъ годовъ, — послѣ того, какъ въ теченіе цѣлой четверти столѣтія занимался главнымъ образомъ предметами средневѣковой романтики и народнаго творчества"... (ib, I, 1, 845).

Въ своемъ мѣстѣ мы остановимся на трудѣ о Жуковскомъ; что касается упоминаемой въ приведенномъ замѣчаніи акад. Ягича „поэтики", теоретическихъ вопросовъ, относящихся къ области поэтическаго народнаго творчества, — то Веселовскій, кажется, „сбѣжалъ" сюда и не по одному тому, что „подъ конецъ какъ бы усталъ" отъ своихъ собственныхъ аналогій и параллелей: причиной тому, намъ кажется, былъ особый складъ ума Веселовскаго, — тотъ особый интересъ къ философскому, въ частности, психологическому освѣщенію литературныхъ вопросовъ, который сказывался у него уже и въ самомъ началѣ его научныхъ работъ, когда — рядомъ съ теоріей „литературнаго заимствованія" — онъ углубляется въ вопросы первобытной миѳологіи, анализируетъ „исторію миѳа", его позднѣйшихъ развѣтвленій, мѣстнаго пріуроченіи и т. д. Кажется, позднѣйшія изученія Веселовскаго въ области „исторической поэтики" были въ основѣ лишь отраженіемъ интересовъ того же порядка. Вліяла, безъ сомнѣнія, и самая масса вновь открывшихся, добытыхъ за послѣднія десятилѣтія, новыхъ матеріаловъ въ области и русскаго и западно-европейскаго folklore'a, — уже рано начавшихъ своей массой видоизмѣнять или совсѣмъ передѣлывать болѣе ранніе пріемы изученія памятниковъ народнаго творчества, открывавшихъ вообще широкое поле для всякихъ обобщеній, для каждаго философски-направленнаго ума въ области „народной психологіи"... Начавшіяся здѣсь изысканія Веселовскаго, какъ и все имъ предпринимавшееся, были очень цѣнны; къ сожалѣнію, работы эти не были доведены до конца. Онъ и самъ смотрѣлъ на нихъ, лишь какъ на гипотезы, далеко не вполнѣ обработанныя; многое осталось и

совсѣмъ лишь въ черновыхъ наброскахъ. Тѣмъ не менѣе изученія были очень упорны, идутъ отчасти уже съ самаго начала научной дѣятельности, захватывая въ области поэтическаго „слова и мысли“ цѣлый рядъ теоретическихъ вопросовъ. Безусловный поклонникъ сравнительно-историческаго изученія народнаго творчества, обрядовыхъ преданій, обычаевъ, общенародныхъ сказочныхъ темъ и т. д., — Веселовскій уже рано начинаетъ указывать на шаткость миѳической гипотезы, на преемство первообразовъ народнаго творчества въ словѣ и миѳѣ позднѣйшими формами сознательной литературы, на условія историческаго и мѣстнаго пріуроченія миѳа, вообще усиленно ставитъ на видъ, что религіозный обрядовой миѳъ имѣлъ свою, иногда длинную, исторію [*Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса.* „Ж. М. Н. Пр.“, 1868, ноябрь, стр. 281—359; *Сравнительная миѳологія и ея методъ.* „В. Евр.“, 1872, окт., стр. 637—680]; доказываетъ, что народное творчество сказывается чаще всего не столько въ изобрѣтеніи новыхъ сюжетовъ, сколько въ претвореніи старыхъ [*Опыты по исторіи развитія христіанской легенды.* „Ж М Н Пр.“, 1876, май, стр. 128—130]; возобновляетъ мысль Кавелина о возстановленіи по современнымъ народнымъ обычаямъ и пѣснямъ прежнихъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній [„Ж М Н Пр.“, 1879, сент., стр. 112—124]; выдвигаетъ критерій литературно-стилистическій, въ противовѣсъ миѳологическимъ гипотезамъ, — говоритъ объ обособленіи исторіи отъ миѳа и зарожденіи личнаго творчества [„В. Евр.“, 1882, апр.], объ „эпическихъ повтореніяхъ“ [„Ж М Н Пр.“, 1885, апр. 245—253], — „эволюціи народной лирики въ художественную“, параллелизмѣ народной пѣсни, усвоеніи народнымъ эпосомъ захожихъ сюжетовъ [„Ж М Н Пр.“, 1886, мартъ, стр. 186—195. 205—208. 216—218], вообще отношеніяхъ народнаго творчества къ даннымъ литературы, вносимымъ извнѣ въ народную жизнь [*Разысканія въ области рус. дух. стиховъ.* „Сборн. А. Н.“, т. XXI, стр. 150—160], — о „психологическомъ параллелизмѣ, его формахъ въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“ [„Ж. М. Н. Пр.“ 1898, мартъ,

стр. 1—80] и т. д. и т. д., — пока, наконецъ, въ своихъ послѣднихъ работахъ, не углубляется окончательно въ вопросы „исторической поэтики", вступая въ состязаніе на этомъ [кажется, мало благодарномъ!] поприщѣ съ рядомъ другихъ, болѣе раннихъ, западноевропейскихъ изслѣдователей тѣхъ же вопросовъ [*Три главы исторической поэтики* и др. Всѣ указанныя сейчасъ работы см. въ акад. изд. „Соч." Веселовскаго — т. I, Спб., 1913; т. II, вып. 1, Спб., 1913].

Труды А. Н. Веселовскаго составляли основную, наиболѣе сильную волну въ развитіи нашихъ научныхъ изученій въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества за послѣднія десятилѣтія. Рядомъ идутъ изслѣдованія цѣлаго ряда другихъ ученыхъ, примкнувшихъ къ нему съ своими изысканіями, отчасти стоявшихъ самостоятельно, отчасти выступившихъ уже подъ ближайшимъ его вліяніемъ — труды В. В. Стасова, Вс. Ѳ. Миллера, Г. Н. Потанина, Л. З. Колмачевскаго, А. Н. Кирпичникова, И. Н. Жданова, Н. Ѳ. Сумцова, В. И. Мочульскаго, И. П. Созоновича, М. Е. Халанскаго...

Ближайшимъ родоначальникомъ нашихъ „бенфеистовъ" былъ собственно не Веселовскій, а В. В. Стасовъ (†1906), который выступаетъ у насъ наиболѣе раннимъ „индіанистомъ" въ своемъ упоминавшемся уже нами изслѣдованіи: *Происхожденіе русскихъ былинъ* [„В. Евр.", 1868 кн. I—IV, VI—VII. „Соч.", Спб., т. III, стр. 948—1620]. Изслѣдованіе было премировано нашей Академіей Наукъ; за нимъ и вообще многіе справедливо видятъ ту большую заслугу, что оно заставило строже оглянуться на прежнія толкованія нашего эпоса, умѣрило жаръ „миѳологовъ" и способствовало устраненію сантиментальныхъ и аллегорическихъ теорій [Пыпинъ]. Но вообще, какъ научный трудъ, оно было почти лишено серьезнаго содержанія, — по своимъ пріемамъ, методу изслѣдованія, не далеко уходя отъ пріемовъ, практиковавшихся еще Шишковымъ [отзывъ Вс. Ѳ. Миллера]. Не новы были для русской науки и самые выводы: Снегиревъ, Шевыревъ и особенно нѣкій Макаровъ давно уже приходили къ тѣмъ же заключеніямъ!..

Названный Макаровъ, напр., еще въ 30-хъ гг. разсуждалъ: „Въ нашихъ царевичахъ съ *ягами* и вообще въ разсказахъ о подсолнечныхъ королевичахъ есть что-то такое, что пахнетъ берегами Ганга... Эта древность могла быть подновлена монголами и татарами уже во времена гораздо того позднѣйшія, а впослѣдствіи совсѣмъ передѣлаться на русскіе нравы... Чисто къ монгольскимъ сказкамъ принадлежатъ всѣ наши Иваны-царевичи... Сказка о Еруслань Лазаревичѣ и другія ей подобныя не дошли ли къ намъ отъ новѣйшихъ славянскихъ народовъ?.. Бова Корлевичъ — повѣсть итальянско-французская“ и т. д. [„Моск. Телеграфъ“, 1831, № 21, стр. 157. Ровинскаго, Рус. нар. картинки, IV, 116]. Всѣ эти домыслы были отзвуками обычныхъ у насъ — уже съ XVIII вѣка — воззрѣній, въ силу коихъ Востокъ, давшій міру знаменитый сборникъ фантастическихъ разсказовъ *[Тысяча и одна ночь]*, считался и у насъ и на западѣ, какъ бы специфическимъ источникомъ всякихъ баснословныхъ, вообще фантастическихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи теорію „литературнаго заимствованія“ можно возводить уже къ XVII вѣку, — къ трактату епископа Daniel Huet'a: *Traité de l'origine des romans* (1670), въ 80 гг. XVIII вѣка переведеннаго и у насъ... Въ началѣ XIX в. является знаменитая книга John Dunlop'a: *History of fictions* [Edinb., 1814], обработанная позднѣе Либрехтомъ [Berlin, 1851]... Все это были отдаленные предшественники Бенфея...

По заявленію самого Стасова, къ своей теоріи онъ пришелъ независимо отъ Бенфея; впервые свою мысль вскользь высказываетъ онъ въ 1864 г., — въ названномъ изслѣдованіи онъ обставлялъ ее уже „научно“... Теорія Стасова хорошо извѣстна; по его выводамъ, „наши былины не заключаютъ въ коренной основѣ своей никакихъ дѣйствительныхъ „былей“, — нѣтъ въ ихъ основѣ и ничего русскаго“. Наши былинные богатыри — „ни что иное, какъ носители разнообразныхъ миѳовъ, легендъ и сказокъ древняго Востока, измѣненныхъ до извѣстной степени въ содержаніи и характерѣ, пріуроченныхъ въ болѣе или менѣе

объемистомъ составѣ къ извѣстнымъ личностямъ съ русскими именами"... Словомъ „происхожденіе" русскихъ былинъ — „вовсе не русское"; наши былины въ сущности — „послѣдняя глава изъ исторіи восточныхъ поэмъ и пѣсенъ". Мало того — „глава" совершенно испорченная, „кастрированная": „какъ въ отношеніи состава, такъ и подробностей, наши былины — довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ"; въ нашихъ былинахъ „уже затеряны побудительныя пружины, на которыхъ вертится все дѣло; вся душевная, вся духовная и человѣческая сторона, всѣ внутренніе мотивы совершающихся дѣйствій и событій не имѣютъ для былины никакого интереса; бо́льшая часть описаній утрачена, народъ отсутствуетъ" и т. д. и т. д. Изслѣдованіе Стасова вызвало, какъ извѣстно, возраженія со стороны чуть не всѣхъ тогдашнихъ нашихъ спеціалистовъ; особенно обстоятельны были опроверженія со стороны Буслаева [Отчетъ о 12-мъ прис. наградъ гр. Уварова. Спб., 1870, стр. 25—83], — А. Н. Веселовскаго [М. Н. Пр., 1868, ноябрь], — Розова [„Труды Кіев. Дух. Ак.", 1871], — О. Ѳ. Миллера [въ изслѣдованіи: „Илья Муромецъ и богатырство кіевское". Спб., 1869, passim], и др. Въ ряду противниковъ Стасова энергично выступилъ и Вс. Ѳ. Миллеръ [„Бесѣды въ Об-вѣ любит. росс. словесности", III, М., 1871, стр. 143—174]... Несмотря на всѣ возраженія, несмотря на то, что Стасовское „происхожденіе русскихъ былинъ" въ корнѣ было „раскритиковано, — общее впечатлѣніе отъ изслѣдованія было сильное; домыслы Стасова, какъ сейчасъ увидимъ, не только и потомъ иногда варіировались даже такими представителями науки, какъ Вс. Ѳ. Миллеръ, но въ лицѣ Г. Н. Потанина дожили и до нашихъ дней...

Ниже мы подробно остановимся на изслѣдованіяхъ Вс. Ѳ. Миллера; здѣсь прежде всего отмѣчаемъ труды сейчасъ упомянутаго наиболѣе крайняго нашего „индіаниста", превзошедшаго и Стасова — Г. Н. Потанина. Какъ въ болѣе раннихъ примѣчаніяхъ къ собранному имъ огромному сборнику сказокъ сибирскихъ и китайскихъ инород-

цевъ: *Очерки сѣверо-западной Монголіи* [т. IV, Спб., 1883], такъ и дальнѣйшемъ длинномъ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ и этюдовъ, собранныхъ имъ позднѣе въ обширной книгѣ: *Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ* [М., 1899] — Г. Н. Потанинъ не только безъ всякихъ достаточныхъ къ тому основаній воскрешаетъ старыя разсужденія Стасова, но пытается придать имъ и новую, якобы научную, основу, — до невозможныхъ предѣловъ утрируя мысль Стасова. По теоріи г. Потанина, съ Востока, изъ Азіи, пришли не только русскія былины, сказки и т. п., но и вообще чуть не весь средневѣковой эпосъ западной Европы. Вліяніе Запада, по его мнѣнію, было ничтожно; напротивъ, постоянное движеніе народовъ съ Востока на Западъ заставляетъ думать, что и поэтическій матеріалъ шелъ исключительно въ томъ же направленіи: отъ не-арійскаго Востока къ арійскому Западу. „Заимствованія съ Востока“ поэтому — не только въ русскомъ эпосѣ, но и во всѣхъ почти „бродячихъ повѣстяхъ“ Запада. Поэмы, напр., ломбардскаго цикла свои источники, думаетъ Г. Н. Потанинъ, имѣютъ въ азіатской ордѣ; едва ли не тамъ же, на Востокѣ, въ Азіи, источникъ и гомеровскаго эпоса... Что касается собственно русскихъ былинъ, они — отголосокъ одного восточнаго культа (Арья-Бало), возникшаго нѣкогда въ средней Азіи и съ передвиженіемъ племенъ на западъ перешедшаго къ русскимъ. Наши былины, по этой теоріи — даже не компиляція, какъ доказывалъ Стасовъ: это прямо культовыя легенды, принесенныя съ культомъ!.. И т. д. и т. д. Огромный, собранный изслѣдователемъ въ Азіи матеріалъ инородческаго эпоса имѣетъ, конечно, неоспоримое значеніе; но трудно говорить о какой-либо научной цѣнности подобныхъ выводовъ... Изслѣдователь совсѣмъ не обращаетъ, напр., вниманія на финскій эпосъ; мало или даже совсѣмъ не обращаетъ вниманія и на самую мозаичность народныхъ сказаній, въ которыхъ зачастую сливаются самые разнородные сюжеты... Не довольствуясь сопоставленіемъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ мотивовъ, авторъ сравниваетъ

сложныя произведенія, въ которыхъ слито нѣсколько сюжетовъ, и, на основаніи частичнаго сходства, нерѣдко заключаетъ о сходствѣ всего произведенія. Не малое значеніе придаетъ авторъ сходству собственныхъ именъ: встрѣтивъ персонажъ, носящій одно и то же имя въ различныхъ сказаніяхъ, онъ какъ-бы уже заранѣе располагается въ пользу сходства самыхъ сюжетовъ и т. д. [А. Н. Максимовъ, — „Этногр. Обозрѣніе“, 1899, кн. 3, стр. 188—189). Вообще, по отзыву другого спеціалиста-изслѣдователя — „пріемы изслѣдованія и данныя, къ которымъ пришла современная наука, возраженія, разъясненія и указанія, сдѣланныя по поводу теоріи Стасова — для г. Потанина какъ бы не существуютъ!.. Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ литературы; но изъ нея онъ беретъ лишь то, что такъ или иначе подходитъ къ его гипотезѣ, — да выдергиваетъ отдѣльные выводы, которые смѣло отвергаетъ, не провѣривъ ихъ основаній и замѣняетъ своими, основанными на сплошныхъ предположеніяхъ и гаданіяхъ“... (А. М. Лобода, Рус. богат. эпосъ, Кіевъ, 1896, стр. 208).

Съ „сплошными предположеніями и гаданіями“ г. Потанина не могутъ быть, конечно, и сравниваемы тѣ научные выводы, которые получались въ изслѣдованіяхъ „такихъ „бенфеистовъ“, какъ Кирпичниковъ, Ждановъ, Сумцовъ, Халанскій, Созоновичъ и мн. др. Несравненно бо́льшая плодотворность научныхъ изученій въ трудахъ этихъ изслѣдователей объяснялась не только тѣмъ, что они обернулись совершенно въ другую сторону, чѣмъ куда упорно смотрѣлъ Г. Н. Потанинъ, но и оперировали въ значительной степени надъ другимъ матеріаломъ, въ значительной долѣ, если не исключительно, письменнымъ, книжнымъ, стараясь главнымъ образомъ на немъ строить свои конечные выводы и заключенія. Независимо отъ того, — плодотворность выводовъ въ научныхъ трудахъ названныхъ ученыхъ въ не малой степени обусловливалась и тѣмъ, что въ самыхъ гипотезахъ своихъ они держались болѣе широкихъ точекъ зрѣнія, не смотрѣли такъ исключительно узко, — представляя въ своихъ трудахъ,

съ бо́льшей или меньшей степенью самостоятельности отраженія тѣхъ же теченій, которыя возникали за послѣднее время, какъ мы видѣли, въ западной наукѣ и помимо теоріи Бенфея...

Съ несравненно бо́льшимъ научнымъ аппаратомъ и на почвѣ дѣйствительно строго-научнаго сравнительно-историческаго метода, а, главное, совершенно безъ тѣхъ угловатостей и крайностей, которыхъ такъ много примѣшивалось ко всякимъ изслѣдованіямъ Стасова, хотя все же „бенфеистомъ“ чистой воды — выступилъ рано умершій Л. З. Колмачевскій († 1889) въ своемъ до сихъ поръ очень цѣнномъ трудѣ: *Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ* [Казань, 1882]. Какъ было указано современной критикой, трудъ представлялъ крупный вкладъ въ нашу тогдашнюю науку: выдавался строгостью метода, богатствомъ привлеченнаго къ изученію матеріала, тщательностью научнаго изученія, — все это остается за нимъ и теперь; но общая точка зрѣнія, безпорно, должна быть признана слишкомъ крайней. Авторъ выступаетъ слишкомъ большимъ „индіанистомъ“, — слишкомъ часто и слишкомъ поспѣшно обращается къ Востоку, удѣляя сравнительно очень мало самостоятельному творчеству Европы!..

Научные труды А. Н. Кирпичникова († 1903) представляютъ собой отчасти примѣръ быстраго перехода отъ „антропологической“, или даже „миѳологической“ теоріи, къ теоріи „литературнаго заимствованія“, отчасти чисто внѣшняго эклектизма. „Всякая теорія имѣетъ свою долю истины; всякая теорія въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ стоитъ на прочномъ основаніи достовѣрности. Миѳическія пѣсни древней Эдды, миѳы Греціи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ миѳологамъ; ихъ выводы несокрушимы; съ другой стороны, также несокрушимы выводы Бенфея относительно многихъ данныхъ средневѣковой литературы Запада“... Но — продолжаетъ изслѣдователь — сходство можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно быть объяснено инымъ путемъ. „Понятіе о бракѣ емли съ небомъ могло явиться только тогда, когда бракъ, въ какой бы то ни было

формѣ, давно уже существовалъ на землѣ; божественный женихъ могъ только тогда освобождать невѣсту изъ власти злыхъ демоновъ, когда на землѣ человѣческій женихъ не разъ освобождалъ дѣвушку изъ рукъ враговъ. Эти бытовыя отношенія накладывали свои рамки и на миѳъ, и на дѣйствительныя происшествія. Такимъ образомъ изъ дѣйствительной жизни, условія которой до нѣкоторой степени одинаковы во всѣхъ концахъ міра, выработались такія общія рамки, такія темы, въ которыхъ должна вращаться народная поэзія, что бы ни легло въ ея основу: воззрѣніе или фактъ, миѳъ или исторія. Эти формулы у всѣхъ народовъ сходны, — и не только отъ сходства быта, но и потому, что душа у человѣка всегда одна и та же и понятіе о возвышенномъ и низкомъ, о поэтическомъ и непоэтическомъ въ общихъ чертахъ одно и то же. Весь многообразный матеріалъ народныхъ эпическихъ преданій можно распредѣлить сравнительно на небольшое количество формулъ“... Но формулы — лишь „скелетъ безъ мяса и кожи; одѣть плотью этотъ скелетъ должны эпическіе пріемы“ и т. д. [„Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы ломбардскаго цикла“. М., 1873, предисловіе, стр. II—VIII]. Выясненіе этихъ общихъ „темъ“, „эпическихъ пріемовъ“ и другихъ подобныхъ чертъ произведенія, основывающихся „на одинаковости развитія психологическихъ началъ“ — и составляетъ конечныя задачи изслѣдователя. О „заимствованіи“ не поднимается и рѣчи. Названная работа Кирпичникова почти исключительно стоитъ на точкѣ зрѣнія антропологической теоріи, хотя авторъ и дѣлаетъ оговорки; связи изслѣдователя съ миѳологической школой нельзя не видѣть, однако, въ самомъ эпиграфѣ, который онъ ставитъ къ изслѣдованію, и который беретъ изъ В. Гримма (выше нами приведены эти слова). Исходя изъ мысли В. Гримма, Кирпичниковъ развиваетъ теорію самостоятельнаго возникновенія памятниковъ народнаго творчества — „вслѣдствіе одинаковыхъ условій жизни, сходныхъ поэтическихъ темъ, формулъ и эпическихъ пріемовъ“ (стр. V—X; 147—160). Теорія самоза-

рожденія болѣе всего примѣнима, однако, къ области сказочнаго матеріала, да и здѣсь почти тотчасъ же должна отступать или передъ элементомъ, врывавшимся въ сказочный эпосъ народа извнѣ, путемъ всяческихъ „заимствованій“ или — иногда еще скорѣе — передъ элементами чисто туземными, мѣстно-бытовыми, тотчасъ же, съ первыхъ моментовъ возникновенія, охватывающими произведенія народнаго творчества. Еще менѣе приложимой, плодотворной въ смыслѣ дальнѣйшихъ изученій памятника, теорія эта можетъ быть въ отношеніи къ произведеніямъ былевой, исторической поэзіи народа: они еще ближе, неразрывнѣе связаны съ чисто мѣстными условіями жизни народа — прежде всего „былевой“, исторической, затѣмъ и всѣхъ другихъ сторонъ жизни народа: бытовой, общекультурной и т. д. Отсюда понятно, почему выводы Кирпичникова оказались въ отношеніи и къ „западному“ и къ „русскому“ эпосу довольно безсодержательными: и тотъ и другой эпосъ остался въ сущности въ предѣлахъ недосягаемости для теоріи... Несравненно плодотворнѣе была позднѣйшая работа Кирпичникова, въ которой онъ — перейдя на почву христіанской легенды — выступаетъ у насъ однимъ изъ лучшихъ выразителей теоріи заимствованія. По широтѣ и цѣнности выводовъ, основательности пріемовъ изслѣдованія — работу Кирпичникова о „св. Георгіи и Егорьѣ Храбромъ“ [Спб., 1879] можно сравнить лишь съ классическимъ трудомъ Веселовскаго о „Соломонѣ о Китоврасѣ.“ Исходнымъ пунктомъ изысканій Кирпичниковъ беретъ здѣсь различныя греческія, латинскія и славянскія житія св. Георгія, сказанія о его мученіяхъ, и столь же разнообразные разсказы о его борьбѣ съ змѣемъ. Относящіеся сюда матеріалы разсматриваются во всемъ разнообразіи ихъ редакцій, рукописныхъ и печатныхъ. Послѣ анализа этихъ письменныхъ источниковъ, изслѣдователь сосредоточивается на относящихся сюда русскихъ народныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ, пословицахъ, заговорахъ, легендахъ; далѣе — на русскихъ духовныхъ стихахъ. Письменные источники, изъ которыхъ исходитъ изслѣдователь въ самомъ началѣ сво-

ихъ изученій, и тотъ не менѣе фактическій матеріалъ русскаго folklore'а, надъ которымъ оперируетъ отъ во второй половинѣ своего труда — все это даетъ изслѣдователю и тамъ и здѣсь прочную почву, съ которой онъ и не сходитъ... При изученіи собственно русскихъ духовныхъ стиховъ, Кирпичниковъ порываетъ всякія связи съ миѳологіей. „Искать въ духовныхъ стихахъ слѣдовъ миѳическаго міросозерцанія — замѣчаетъ Кирпичниковъ въ одной изъ своихъ статей — видѣть въ нихъ мостъ между старою и новою религіей было бы также странно, какъ изучать съ подобными цѣлями произведеніе средневѣкового монаха, переложившаго въ вирши Золотую Легенду или книгу Исхода“ [„Ж. М. Н. П.“, 1877, окт., стр.]... И вообще въ своихъ позднѣйшихъ работахъ Кирпичниковъ является однимъ изъ лучшихъ, наиболѣе серьезныхъ представителей у насъ теоріи „заимствованія“.

Чрезвычайно разнообразны по своимъ сюжетамъ, пріемамъ изслѣдованія и исходнымъ точкамъ зрѣнія, которыхъ держится при этомъ изслѣдователь, труды по изученію памятниковъ русскаго народнаго творчества и всего русскаго фольклора проф. Н. Ѳ. Сумцова. По исходнымъ пунктамъ и пріемамъ изслѣдованія, самымъ выводамъ, — труды эти представляютъ частью переходъ, частью объединеніе различныхъ, заявлявшихся и у насъ и на Западѣ, научныхъ теорій: миѳологической, теоріи литературнаго заимствованія и антропологической. Трудно сказать, которая изъ этихъ теорій является господствующей. Н. Ѳ. Сумцовъ, конечно, всецѣло — сторонникъ теоріи заимствованія; какъ увидимъ сейчасъ, онъ иногда доводитъ эту теорію даже до крайнихъ границъ, примѣняя тамъ, гдѣ она не даетъ и не можетъ дать никакихъ осязательныхъ результатовъ. И при всемъ томъ, теорія эта у проф. Сумцова очень нерѣдко тутъ же и значительно урѣзывается или дополняется теоріей антропологической или еще болѣе ранней — миѳологической. Симпатіи къ миѳологическимъ объясненіямъ особенно часто просвѣчиваютъ, хотя вообще эти толкованія обыкновенно стоятъ у Н. Ѳ. Сумцова чаще

всего на почвѣ уже болѣе широкой — антропологической. Какъ особенно цѣнную черту научныхъ работъ проф. Сумцова, нужно отмѣтить его изысканія по отдѣльнымъ предметамъ или сюжетамъ, — пріемъ, выдвинутый съ особой настойчивостью въ послѣднее время финскимъ фольклористомъ K. Krohn'омъ. Изъ трудовъ проф. Сумцова въ этомъ направленіи отмѣтимъ: *Воронъ въ народной словесности* (М., 1890), — *Туръ въ народной словесности* (Кіевъ, 1887), — *Заяцъ въ народной словесности* (М., 1891), — подобные же этюды о „мышѣ", „лягушкѣ" и др. Въ работахъ этого рода уже видимо проглядываетъ стремленіе къ объединенію, примиренію различныхъ теорій. Въ изслѣдованіи, напр., „Заяцъ въ народной словесности" проф. Сумцовъ приходитъ къ убѣжденію, что рядомъ съ „литературными мотивами" — здѣсь, на днѣ, скрывается „первобытный религіозно-миѳическій образъ злого духа" или „первобытный, повидимому, общечеловѣческій космогоническій миѳъ", такъ какъ заяцъ въ языческія времена былъ однимъ изъ жертвенныхъ животныхъ... Въ болѣе раннихъ своихъ работахъ: *О свадебныхъ обрядахъ* [Харьковъ, 1881], — *Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ* (Харьковъ, 1885) и др. — Н. Ѳ. Сумцовъ почти исключительно держится теоріи миѳологической; позднѣе все сильнѣе склоняется къ теоріи заимствованія или становится на точку зрѣнія антропологическую и культурно-историческую. Уже въ 1886 году, замѣчая, что миѳологическая школа ученыхъ внесла цѣнные вклады въ науку о языкѣ и народной поэзіи („собрана была масса сырого матеріала, объяснено много загадочныхъ явленій народнаго быта" и т. д.), что затѣмъ, позднѣе, въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій и сказаній (результатъ которой — „болѣе или менѣе точное опредѣленіе греческихъ, монголо-тюркскихъ и финскихъ вліяній на русскую поэзію и бытъ"), — проф. Сумцовъ пишетъ: „Въ настоящее время ни одинъ изслѣдователь народнаго быта и поэзіи не можетъ обойтись безъ пособія той и другой теоріи, миѳологической и заимствовательной и, смотря по свойству изслѣдуемаго матеріала, становится то на точку зрѣнія натуралистическую, то

на точку зрѣнія культурно-психологическую, то смотритъ на предметъ съ точки литературнаго или бытового заимствованія" *[Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу.* Кіевъ, 1886, стр. 2 sqq]. При изученіи пѣсенъ и обрядовъ, напр., приходится держаться различныхъ методовъ, — „согласно съ различіемъ историческаго развитія пѣсенъ и обрядовъ, по внутреннему ихъ существу и характернымъ ихъ природнымъ свойствамъ. Обрядъ, разсматриваемый въ качествѣ архаическаго проявленія народной жизни, прежде всего подлежитъ именно объясненію миѳологическому, если представляются къ тому достаточныя внутри его лежащія данныя, и затѣмъ объясненію историко-бытовому, въ тѣсномъ, матеріальномъ смыслѣ слова „бытъ". Иначе стоитъ дѣло съ пѣснями. Здѣсь главная точка зрѣнія, отъ которой отправляется изслѣдователь — не миѳологическая, а этнографическая, и отчасти историко-литературная"... (Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ и пр., стр. 4—5.) Конечно, чаще всего Н. Ѳ. Сумцову приходится имѣть дѣло съ теоріей литературнаго заимствованія. Становясь на почву послѣдней, проф. Сумцовъ — сторонникъ Запада, но не Востока. Таковы его изслѣдованія: *Легенда о грѣшной матери* (Кіевъ, 1893), — *Мужъ на свадьбѣ своей жены* (М., 1893), — *Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ* (Кіевъ, 1894), — *Легенда о благочестивомъ живописцѣ* (Кіевъ, 1894) и мн. др. Нерѣдко изслѣдователь какъ-бы колеблется между двумя теоріями: самобытной, народно-бытовой, и теоріей заимствованія, — таково его названное выше изслѣдованіе „о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу" (Кіевъ, 1886). Справедливо замѣчая въ самомъ началѣ изслѣдованія, что „всѣ славянскія свадьбы въ основныхъ своихъ чертахъ сходны и могутъ быть возведены къ одному цѣльному древне-славянскому свадебному ритуалу", — что „всѣ славянскія свадьбы народны, по связи своей со всѣмъ бытомъ народнымъ, по своей зависимости отъ общихъ народныхъ понятій о жизни общественной и семейной", — проф. Сумцовъ въ концѣ того же из-

слѣдованія, увлекаясь пунктами „сходства славянской, преимущественно малорусской свадьбы съ свадьбой древнеклассической, преимущественно римской“, насчитывая 19 пунктовъ такого „сходства“, заноситъ въ это число и такія, какъ „свадебный обѣдъ“, „пиршество“, „обрядное соединеніе рукъ молодыхъ“, „пѣснопѣнія“, „пирушка въ домѣ родителей жениха нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы“ и т. д., какъ бы забывая объ упомянутой имъ самимъ выше теоріи „культурно-психологической“... О послѣдней проф. Сумцовъ вообще забываетъ нерѣдко и, слѣдуя теоріи заимствованія, впадаетъ въ очевидныя преувеличенія, тѣмъ самымъ ставя самую теорію на основанія слишкомъ зыбкія. Таковы изслѣдованія Н. Ѳ. Сумцова: *Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ* (М., 1890), — *Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ* (Харьковъ, 1898) и др. „Разысканій“ въ послѣднемъ трудѣ собственно нѣтъ никакихъ; передъ нами собственно одни „параллели“, — настолько небезукоризненныя, что изъ нихъ и самъ изслѣдователь не считаетъ возможнымъ сдѣлать какіе-либо выводы: параллели такъ и остаются параллелями, не давая ничего больше!.. По поводу этихъ „разысканій“, проф. Кирпичниковъ замѣчаетъ, что названный трудъ — „подборъ матеріала для будущихъ изслѣдователей“, не больше; собственно научнаго какого-либо „изслѣдованія“ здѣсь нѣтъ, — и „вина въ этомъ случаѣ лежитъ не столько на авторѣ, сколько на положеніи дѣла: фольклоръ слишкомъ еще юная наука, — и браться за такія широкія задачи она пока лишена возможности“ (Отчетъ о 42 присужд. нагр. гр. Уварова. Спб., 1902, стр. 173). Намъ думается, — и „будущимъ изслѣдователямъ“ съ подобными матеріалами дѣлать нечего! Именно здѣсь, думается намъ, въ приложеніи къ подобнаго рода матеріаламъ, всѣ свои права получаетъ теорія „антропологическая“, „народной психологіи“, теорія самозарожденія, „полигенезиса“, — точка зрѣнія, какъ мы видѣли, въ послѣднее время снова выдвинутая Бедье. Первая, напр., изъ названныхъ сейчасъ работъ „объ искусномъ стрѣлкѣ“ могла-бы быть даже

особенно типичной иллюстраціей къ мысли Бедье: мотивъ о „стрѣлкѣ“ не только „общій“ народамъ чуть не всѣхъ странъ и вѣковъ, — но тутъ же имѣетъ у себя и живые, чисто реальные факты! Самъ Н. Ѳ. Сумцовъ свое изслѣдованіе начинаетъ съ указанія одного малорусскаго „фамильнаго преданія“ о нѣкоемъ Данилѣ Ханенко, жившемъ въ концѣ XVII вѣка; далѣе здѣсь же сообщаетъ: „Извѣстны многочисленные случаи чрезвычайно мѣткой и смѣлой стрѣльбы, особенно среди народовъ воинственныхъ, напр., черногорцевъ, черкесовъ, американскихъ индѣйцевъ... Въ 1853 г. въ Рейнскомъ Пфальцѣ одинъ ткачъ приговоренъ былъ судомъ къ тюремному заключенію на 5 дней и къ штрафу въ 7 гульденовъ за „неразрѣшенную закономъ стрѣльбу“, — которая состояла въ томъ, что ткачъ сначала стрѣлялъ въ кусокъ бумаги, которую держалъ его сынъ, потомъ сбилъ при свидѣтеляхъ картофелину, положенную на голову мальчика, — при чемъ мальчикъ держалъ въ рукѣ фонарь (!), такъ какъ дѣло было вечеромъ, въ сумерки (!!.). [„Къ исторіи сказаній“ и пр., стр. 2]. И рядомъ съ этимъ — здѣсь же слѣды сильныхъ симпатій изслѣдователя къ старымъ миѳологическимъ выводамъ, — встрѣчающіеся вообще нерѣдко въ трудахъ Н. Ѳ. Сумцова. Приводя, напр., длинный рядъ разсказовъ „объ искусномъ стрѣлкѣ“, извѣстныхъ у различныхъ народовъ, проф. Сумцовъ тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ сдѣлать здѣсь же и такое предположеніе: „Сказанія объ искусномъ стрѣлкѣ заключаютъ въ себѣ, повидимому, кое-какія миѳологическія черты“ (?!..) (ib., стр. 8). Гораздо болѣе плодотворными являются изысканія Н. Ѳ. Сумцова въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, оставаясь на почвѣ теоріи заимствованія, оперируетъ исключительно памятниками письменными, средневѣковыми, западно-европейскими, особенно произведеніями, принадлежащими къ христіанской апокрифической литературѣ. Таковы *Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ* [Кіевъ, 1888], — упомянутое выше изслѣдованіе *Легенда о грѣшной матери* (Кіевъ, 1893), — вообще обращенія его къ изученію апо-

крифовъ, при чемъ, въ противоположность бенфеистамъ-„индіанистамъ“, отыскивавшимъ себѣ „предковъ“ непремѣнно на Востокѣ, въ Индіи, выдвигаетъ христіанскій Востокъ, христіанскую книжность, особенно апокрифическую, указывая здѣсь же на возможность фактовъ совершенно обратныхъ: вліянія христіанской Европы на монгольскую или буддійскую Азію. Такова его въ послѣднемъ отношеніи очень цѣнная работа: *Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ* (М., 1890). Между прочимъ здѣсь изслѣдователь совершенно справедливо заявляетъ: „Можно предвидѣть, что на основаніи новыхъ добытыхъ наукой фактическихъ данныхъ послѣдуетъ ограниченіе вліянія древней индѣйской словесности, повидимому, нѣсколько преувеличеннаго въ ущербъ другихъ возможныхъ вліяній, и затѣмъ на очереди стоитъ сокращеніе размѣровъ вліянія богомильской литературы. Взамѣнъ этихъ ограниченій, все съ бо́льшей и бо́льшей рельефностью выдвигается дѣйствительно громадное вліяніе христіанской канонической и апокрифической литературы, проникавшее въ древности на отдаленный Сѣверъ и Востокъ“... („Отголоски“ и пр., стр. 1). Проф. Сумцовъ указываетъ здѣсь же на попытку извѣстнаго лингвиста проф. Софуса Бугге — „объяснить саги скандинавской Эдды христіанскими преданіями, проникавшими во времена викинговъ на отдаленный сѣверъ, при посредствѣ христіанскихъ проповѣдниковъ-монаховъ Британскихъ острововъ“... По объясненіямъ Бугге, Локи — Люциферъ, и т. д. Это было, конечно, уже крайностью; но вообще нашъ изслѣдователь какъ будто забываетъ, что на громадномъ вліяніи апокрифовъ настаивалъ уже Буслаевъ, въ рецензіи на книгу Веселовскаго о „Соломонѣ и Китоврасѣ“... Очень цѣнны въ трудахъ проф. Сумцова изысканія въ направленіи историко-бытовомъ — памятниковъ малорусской поэзіи, мѣстныхъ, встрѣчающихся въ Малороссіи, географическихъ названій, собственныхъ именъ и т. п. Научныя изученія въ этомъ направленіи въ нѣмецкой наукѣ усиливаются уже съ конца 50 г.; у насъ они имѣли приложеніе между прочимъ въ работахъ Л. Н. Май-

кова и Квашнина-Самарина. Изъ относящихся сюда работъ проф. Сумцова отмѣтимъ: *Малорусская географическая номенклатура* (Кіевъ, 1886), — *Мѣстныя названія въ украинской народной словесности* (Кіевъ, 1886) и др. Проф. Сумцовъ указываетъ въ этихъ названіяхъ на слѣды вліянія печенѣговъ, половцевъ, татаръ, Литвы и т. д. Въ связи съ этими историко-бытовыми изысканіями, въ научныхъ трудахъ проф. Сумцова замѣтно выступаетъ стремленіе вообще услѣдить въ изучаемомъ матеріалѣ „печать духа народнаго", подчеркнуть такъ или иначе проникающее народныя поэтическія произведенія „народное начало". Таково между прочимъ цѣнное изслѣдованіе его, посвященное малорусскимъ колядкамъ: *Научное изученіе колядокъ-щедривокъ* (Кіевъ, 1886), — гдѣ изслѣдователь, критически останавливаясь по отношенію къ изучаемому матеріалу на имѣющихся въ нашей фольклористической литературѣ опытахъ объясненія колядокъ съ точки зрѣнія теорій: „миѳологической", теоріи „заимствованія", „антропологической" и др., между прочимъ замѣчаетъ: „При сравнительно-литературномъ изученіи колядокъ и щедривокъ, опирающемся на сопоставленіи сходныхъ колядочныхъ мотивовъ разныхъ народовъ, — въ сторонѣ, въ тѣни, остается проницающее ихъ народное начало, своеобразныя черты народности, краевыя особенности. Между тѣмъ, національная окраска колядокъ и щедривокъ, выражающаяся въ своеобразіи поэтическихъ, нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ, представляетъ большой разносторонній интересъ, какъ выраженіе того, чѣмъ живетъ и держится нынѣ колядка. Печать духа народнаго лежитъ на общемъ складѣ колядокъ и щедривокъ, и на отдѣльныхъ ихъ подробностяхъ. Отъ степени народности пѣсни зависитъ степень ея нравственной убѣдительности и поэтической силы. Проникающимъ колядки народнымъ началомъ часто скрадывается недостатокъ разработки взятаго мотива и сложный составъ колядки изъ элементовъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ"... [„Научное изученіе" и пр., стр. 25].

Г. Н. Потанинъ, какъ знаменитый путешественникъ.

повидимому, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своихъ продолжительныхъ пребываній въ Азіи такъ исключительно увлекся азіатскимъ, восточнымъ эпосомъ. Большинство другихъ нашихъ изслѣдователей болѣе подходящимъ для русскаго народа находили западное родство, — указывая „параллели“ и „заимствованія“ на Западѣ. Эту противоположность особенно и ранѣе другихъ подчеркнулъ проф. И. П. Созоновичъ, которому принадлежало здѣсь нѣсколько цѣнныхъ работъ, хотя мѣстами страдающихъ большими недочетами въ методѣ: *Пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ* [Варшава, 1886], — *Поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, собиравшейся выйти замужъ за другого* [Варшава, 1898] и др. Авторъ выступаетъ противникомъ „увлеченій старой Бенфеевской теоріей, указывавшей на Востокъ, какъ на колыбель европейской народной поэзіи“, стремленія нѣкоторыхъ ученыхъ доказывать, что первоисточники, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ русскихъ былинъ, могутъ быть открыты на Востокѣ, — тогда какъ разнообразное богатство западно-европейскаго средневѣковаго поэтическаго творчества, могущее освѣтить не одинъ темный пунктъ въ поэтическомъ достояніи русскаго народа, въ недостаточной мѣрѣ принимается ими къ сравненію“... По мнѣнію изслѣдователя, — „западноевропейское средневѣковое творчество, принятое къ сравненію, скорѣе разъяснитъ намъ процессъ образованія нашихъ былинъ, чѣмъ восточныя параллели, привлеченіе которыхъ къ изученію этого вопроса во всякомъ случаѣ полезно“... [И. П. Созоновичъ. Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Варшава, 1898, стр. XVII—XVIII—XIX]. На основаніи изученія сюжетовъ о дѣвушкѣ-воинѣ, о мужѣ, присутствующемъ на свадьбѣ своей жены, и др., авторъ названныхъ изслѣдованій старается доказать, наоборотъ, „западное вліяніе на славянскую и русскую поэзію“. Останавливаясь на русскихъ былинахъ о Ставрѣ и его женѣ, о Добрынѣ и Алешѣ, о возвращеніи Добрыни ко времени свадьбы его

жены, разсматривая эти сюжеты въ связи съ цѣлымъ рядомъ родственныхъ имъ западныхъ сказаній, — проф. Созоновичъ доказываетъ, что русскія былины примыкаютъ къ западно-европейскимъ обработкамъ данныхъ сказаній чрезъ посредство соотвѣтствующихъ славянскихъ народныхъ произведеній; западно-европейскія, въ частности славянскія вліянія — нерѣдко идутъ далѣе, къ древнеклассическимъ источникамъ: такъ мотивъ возвращенія мужа на свадьбу своей жены, въ концѣ концовъ, долженъ быть пріуроченъ къ извѣстному греческому сказанію о возвращеніи Одиссея. „Возникнувъ... на основѣ классическаго разсказа о возвращеніи Одисея къ Пенелопѣ, сказаніе это подвергалось неоднократнымъ воспроизведеніямъ, переходя изъ одной литературы въ другую, всюду получая свою мѣстную обработку, облекаясь всякій разъ въ формы національнаго литературнаго творчества данной народности, получая прикрѣпленія къ цѣлому ряду или дѣйствительно историческихъ лицъ, или такихъ, о которыхъ имѣлись уже болѣе древнія сказанія или упоминанія въ письменныхъ источникахъ“... На античную Грецію у насъ указывалъ какъ извѣстно, уже Буслаевъ; на посредство южныхъ славянъ — О. Ѳ. Миллеръ, позднѣе въ обширныхъ, спеціальныхъ изысканіяхъ проф. Халанскій; къ Западу отъ Востока обратился уже А. Н. Кирпичниковъ... Проф. Созоновичъ эти положенія доказываетъ новыми фактами, съ довольно обширной и разнообразной эрудиціей. Возставая противъ теоріи Бенфея, „указывавшей на Востокъ“, — онъ не противъ вообще теоріи „заимствованія“; но одну послѣднюю онъ считаетъ недостаточной, и соединяетъ ее съ теоріей самобытнаго, національнаго эпоса, или, по-крайней мѣрѣ, стремится къ этому, считая наиболѣе плодотворнымъ путемъ средній путь между этими теоріями. „Изучая пѣсенный мотивъ, мы съ особой старательностью — замѣчаетъ авторъ уже въ первой своей работѣ — будемъ присматриваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтическій образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, которыя происходили въ ком-

позиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чужой обстановки"... „Методъ не новый — писалъ тогда же въ своемъ разборѣ труда проф. Созоновича Веселовскій — но имъ надо пользоваться умѣючи, памятуя, что онъ не исключительный, и что когда бытового критерія не хватаетъ, необходимо браться за другой"...

Въ томъ же направленіи, въ какомъ выполнены были лучшія работы Веселовскаго, шли труды и болѣе поздняго представителя школы, акад. И. Н. Жданова [† 1902]. Работы свои по пріемамъ изученія онъ ставитъ даже нѣсколько шире, разностороннѣе, — хотя, къ сожалѣнію, иногда и впадаетъ въ тѣ же увлеченія, какъ и его знаменитый „учитель"...

Научная дѣятельность Жданова обнимаетъ собой около 25 лѣтъ, считая его лишь печатныя работы, и съ внѣшней стороны, количествомъ изданныхъ изслѣдованій, не была особенно обильной; покойный ученый не любилъ „печататься", вообще печаталъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы, въ виду постоянныхъ своихъ кабинетныхъ трудовъ. Но немногочисленные по числу напечатанные труды И. Н. Жданова являются необыкновенно цѣнными по своимъ внутреннимъ качествамъ. Почти каждая изъ напечатанныхъ имъ работъ была важнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки, болѣе или менѣе существеннымъ вкладомъ въ литературу затрогиваемаго вопроса — по документальности изслѣдованія, точности, критичности метода изслѣдованія, по необычайной осторожности въ научныхъ выводахъ. Всѣми этими качествами весьма не обширная научная дѣятельность покойнаго академика оставила глубокій слѣдъ въ разработкѣ исторіи русской литературы. Мы отмѣтимъ ниже работы Жданова въ области древней русской литературы и позднѣйшей, XIX вѣка; здѣсь останавливаемся лишь на трудахъ, относящихся собственно къ области русскаго народнаго эпоса. Таковыми были два его изслѣдованія: *Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи* (Кіевъ, 1881) и *Русскій былевой эпосъ* (Спб., 1895). Послѣднее, болѣе обширное, заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ

изслѣдованій. Главныя достоинства изслѣдованій Жданова въ области русскаго эпоса — на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ памятниками письменности, не вдаваясь въ область „параллелей“... Именно такой характеръ имѣетъ первое изслѣдованіе, посвященное разсмотрѣнію литературныхъ отношеній и связей „пренія живота со смертью“, стиха обо Аникѣ-воинѣ и былинъ о Самсонѣ и Святогорѣ. Пріемы, общее направленіе работъ Жданова особенно близко напоминаютъ труды Веселовскаго: то же богатство содержанія, то же широкое знакомство съ средневѣковой легендарной литературой, тѣ же остроумныя соображенія, а равно и основная идея, которая лежитъ у того и другого въ основѣ изысканій — стремленіе указать, какъ въ составѣ современнаго, дошедшаго до насъ, русскаго былевого эпоса отражались проникавшіе въ народную среду тѣ или другіе посторонніе сюжеты чисто литературнаго происхожденія. Небольшое „предисловіе“ къ первому изъ названныхъ изслѣдованій какъ нельзя лучше характеризируетъ общее направленіе ученыхъ разысканій изслѣдователя въ области русскаго эпоса, общую точку зрѣнія его на предметъ. „Теперь все больше и больше — замѣчаетъ здѣсь между прочимъ авторъ — накопляется фактовъ, съ очевидностью указывающихъ на то могущественное вліяніе, которое оказывала „книга“ на „пѣсню“, памятники письменности — на устную словесность . . . Въ своемъ небольшомъ трудѣ я привожу нѣсколько такихъ именно фактовъ литературнаго общенія между книжнымъ и некнижнымъ людомъ. Проникаетъ въ народъ библейско-апокрифное сказаніе о Самсонѣ. Сказаніе нравится; появляется былевая пѣсня о могучемъ богатырѣ Самсонѣ-Святогорѣ... Съ конца XV вѣка начинаются у насъ болѣе живыя, болѣе частыя сношенія съ Западомъ. Стали тогда появляться въ русской письменности переводы съ латинскаго, съ нѣмецкаго; появляется между прочимъ переводъ одного нѣмецкаго поучительнаго діалога. Проходитъ немного времени, и этотъ переводный діалогъ передѣлывается въ народную повѣсть, становится однимъ изъ самыхъ любимыхъ, самыхъ популяр-

ныхъ на Руси памятниковъ. Мало того — переводный діалогъ оказываетъ вліяніе на одинъ изъ памятниковъ устной народной поэзіи... Вовсе нельзя представлять себѣ народъ — продолжаетъ изслѣдователь — „яко аспида глуха и затыкающаго уши свои“, — какъ какое-то сказочное существо, которое умѣетъ только беречь свой старый, Богъ знаетъ какимъ образомъ накопившійся, кладъ... Народъ умѣетъ не только хранить, но и наживать „словесное“ добро. Его мысль открыта для образовательныхъ вліяній. Онъ совсѣмъ не знаетъ раздора между книгой и пѣснью... Русская былевая пѣснь рисуетъ ловкаго, умѣлаго пѣвца въ такихъ чертахъ:

Сталъ тутъ Ставёръ гу́селокъ нала́живать,
Гу́селокъ нала́живать, стру́нокъ натя́гивать,
Стру́ночку натя́гивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя́-града,
Тре́тью отъ Еросо́лима,
Припѣвки то припѣва́лъ изъ-за синя́-моря...

„Пѣсня — быль. Этотъ Ставръ — самъ народъ. Это онъ умѣетъ налаживать свои струны на разные лады, это онъ умѣетъ пѣть разныя пѣсни... Теряла ли что-нибудь игра Ставра отъ того, что онъ умѣлъ повторять на своихъ гусляхъ не только кіевскіе, но и заморскіе мотивы? Лишается ли русская народная поэзія самостоятельнаго историческаго значенія, если въ памятникахъ этой поэзіи открываются слѣды разнообразныхъ литературныхъ вліяній? Пусть отвѣтитъ на это сознаніе каждаго изъ насъ, кто только работалъ —

. . съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой“...
[„Къ лит. ист.“ и пр., стр. VI—VIII.]

Такъ называемыя заимствованія не только не нарушаютъ цѣльности эпоса, не лишаютъ его національнаго характера, напротивъ, придаютъ эпосу полноту, разносторонность и особенную историко-литературную цѣнность. „Въ составѣ русскаго былевого эпоса — читаемъ въ „положеніяхъ“ ко второму изслѣдованію Жданова — кромѣ напластованій

историческо-бытоваго характера, могутъ быть различаемы слои собственно литературные... Эпосъ былевой предполагаетъ историческую основу. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ эта историческая основа обнаруживается съ замѣчательной ясностью. Но отраженіе въ поэзіи историческихъ событій не объясняетъ всѣхъ явленій, всѣхъ разновидностей былевой пѣсни. Рядомъ съ пѣснями, сложившимися на историческо-былевой основѣ и удерживающими эту основу и въ позднѣйшихъ пересказахъ, находимъ такія произведенія эпической поэзіи, въ которыхъ историческія воспоминанія замѣняются инымъ литературнымъ матеріаломъ. Матеріалъ этотъ заимствуется изъ сказокъ, бытовыхъ побывальщинъ, легендъ, захожихъ псевдо-историческихъ сказаній... Отношеніе историческаго преданія къ литературнымъ наслоеніямъ въ эпосѣ не одинаково. Сказки и легенды, побывальщины и притчи могутъ проникать въ былины или путемъ литературнаго замѣщенія, или путемъ бытового пріуроченія. Эти явленія замѣщенія и пріуроченія различаются не только способомъ соединенія эпическихъ элементовъ, но и нѣкоторой историко-литературной послѣдовательностью. Повѣствованія, чуждыя первоначально нашему эпосу, могли получать русскую историческую окраску въ томъ только случаѣ, если пѣсни былевыя по основѣ, послѣ постепенной переработки, стали утрачивать строго-историческую опредѣленность, стали смѣшиваться съ повѣствованіями изъ круга сказокъ и легендъ. Русская быль, принявшая черты захожей легенды или сказки, открывала путь и для обратнаго превращенія: захожая легенда передѣлывалась въ русскую быль... Раздѣленіе былинъ на двѣ группы не предрѣшаетъ вопроса о литературной цѣнности пѣсенъ той или другой группы. Пѣсни съ былевой основой послѣ ряда замѣщеній и передѣлокъ могутъ потерять и историческую, и литературную опредѣленность. Пѣсни же сказочно-легендарныя получаютъ иногда такую яркую историческую окраску, которая придаетъ имъ значеніе замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старо-русской поэзіи“... („Соч.“ Жданова, акад. изд., I, стр. 813. 816—817).

Всѣ эти положенія, вполнѣ вѣрныя теоретически, не всегда однако съ достаточной научной убѣдительностью доказывались имъ практически, въ самыхъ изысканіяхъ и научныхъ выводахъ. Иногда выводы и сближенія Жданова не могли не вызывать возраженій. Между прочимъ критика указывала на шаткость, или даже совершенную невѣрность нѣкоторыхъ его сближеній во второмъ изъ названныхъ трудовъ [„Русскій былевой эпосъ". Спб., 1895], — гдѣ авторъ сближаетъ, напр., новгородскія былины о Васильѣ Буслаевѣ съ западными средневѣковыми сказаньями о Робертѣ-Дьяволѣ, въ тѣхъ и другихъ видитъ „несомнѣнное сходство"... И все это дѣлается при помощи „своеобразнаго толкованія былинъ", „произвольнаго подбора варіантовъ", — при чемъ „само собою разумѣется, полное различіе типовъ симпатичнаго пѣвцамъ Василья, широкой русской натуры, и дьявольскаго отродья Роберта авторомъ игнорируется" [Соболевскій—Ж. М. Н. Пр., 1895, № 10, стр. 354—363] и т. п.

Если теорія „литературнаго заимствованія" въ отношеніи своего практическаго приложенія при научныхъ изслѣдованіяхъ, представляла иногда опасность различныхъ увлеченій и вообще ошибокъ даже въ рукахъ такихъ изслѣдователей, какъ Веселовскій, Ждановъ, — тѣмъ болѣе скользкой являлась она въ работахъ другихъ, обладавшихъ меньшей подготовкой, изслѣдователей. Едва ли не наиболѣе слабыми въ этомъ отношеній были изысканія проф. В. Н. Мочульскаго, — разумѣемъ даже важнѣйшія, наиболѣе крупныя его работы: *Литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ* [Варшава, 1887] и *Слѣды народной Библіи въ славянской и древне-русской письменности* [Одесса, 1893]. Лучшей работой является первая, — хотя и она далеко не удовлетворила ученую критику... Изслѣдованія проф. Мочульскаго сами по себѣ всегда отличались большой эрудиціей; каждый взятый къ изслѣдованію вопросъ захватывается имъ обыкновенно очень широко, къ рѣшенію привлекается масса рукописнаго матеріала, славянскаго и византійскаго, — но эта самая масса привлеченныхъ къ изу-

ченію матеріаловъ здѣсь же и подавляетъ изслѣдователя! Тѣмъ болѣе, что поставленную себѣ задачу онъ обыкновенно самъ же, и съ первыхъ же шаговъ, осложняетъ множествомъ побочныхъ вопросовъ, которые опять берутся имъ съ такой широтой, „по каждому вопросу дѣлается такое множество сопоставленій, сближеній, сравненій разныхъ предметовъ, — что каждый вопросъ могъ бы быть предметомъ особаго изслѣдованія“... [Порфирьевъ, — Отчетъ о 31-мъ прис. наградъ гр. Уварова. Спб., 1890, стр. 102]. Къ этому присоединяются колебанія изслѣдователя въ критическихъ пріемахъ — и общая не всегда достаточная подготовка къ обслѣдованію тѣхъ, часто очень спеціальныхъ, пунктовъ, которые затрагиваются при изученіи, наконецъ — и едва ли это не самое главное! — крайняя сложность, трудность, самыхъ темъ, за рѣшеніе которыхъ брался изслѣдователь, — темъ, и до сихъ поръ остающихся въ самыхъ главныхъ частяхъ очень мало обслѣдованными... Изслѣдованіе, напр., о „Голубиной книгѣ“ авторъ начинаетъ обширнымъ введеніемъ, гдѣ говоритъ о предшествовавшихъ изученіяхъ памятника и пріемахъ самаго изученія. Въ послѣднемъ отношеніи проф. Мочульскій видитъ три направленія, по которымъ и распредѣляетъ своихъ предшественниковъ: 1) „идеальное“, 2) „срединное“ и 3) „реальное“. Къ первому относятся Аѳанасьевъ, Безсоновъ, отчасти Буслаевъ, Орестъ Миллеръ; называя это направленіе „идеальнымъ“, авторъ опредѣляетъ его по тѣмъ патріотическимъ стремленіямъ, какими проникнуты относящіяся сюда работы: оно стремится расширить область умственнаго достоянія русскаго народа, возвысить родную старину, относя черты разсматриваемаго памятника къ арійской прастаринѣ. Второе, „срединное“, направленіе старается указать, главнымъ образомъ, книжные источники стиха о Голубиной книгѣ, — сюда принадлежатъ изслѣдованія Тихонравова, Пыпина, Буслаева, Ягича, Срезневскаго, Порфирьева. Третье направленіе, „противоположное первому“, выражающееся „въ холодномъ анализѣ фактовъ“, — по словамъ проф. Мочульскаго, „смѣло

можно назвать реальнымъ". Сюда относятся труды Веселовскаго и Кирпичникова. Авторъ далѣе прибавляетъ, что онъ въ своемъ изслѣдованіи держится также „реальнаго направленія"... Уже эти „направленія", ихъ характеристика, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе, — не говоря о томъ, что они и по существу, по своей рѣзкости, не вѣрны... Самое содержаніе изслѣдованія посвящается разсмотрѣнію книжныхъ источниковъ стиха о Голубиной книги, главнымъ образомъ, его отношеній къ такъ наз. *Бесѣдѣ трехъ святителей:* изслѣдователь доказываетъ ближайшую зависимость стиха отъ „Бесѣды", развивая уже ранѣе высказанные относительно этого взгляды Буслаева, Кирпичникова и Порфирьева, и въ сущности мало добавляя здѣсь что-либо новаго отъ себя, или если и добавляя, то — по его собственному указанію — лишь „предположенія"... Изслѣдованіе загромождается множествомъ побочныхъ, детальныхъ соображеній и экскурсовъ, охватываетъ массу самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ и источниковъ, славянскихъ и греческихъ, — но по существу основного вопроса даетъ мало или даже ничего не даетъ, — такъ какъ основной, кординальный въ данномъ случаѣ вопросъ о составѣ и происхожденій самой „Бесѣды", о ея многочисленныхъ видахъ и редакціяхъ, авторъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ!.. Такимъ образомъ всѣ, дѣлаемыя здѣсь, очень длинныя и нерѣдко обстоятельныя, авторскія сличенія и сопоставленія „Голубиной книги" съ различными редакціями „Бесѣды" — оказываются построенными „на пескѣ"... Какъ справедливо было замѣчено современной критикой, — „уже одно то обстоятельство, что автору въ вопросѣ о происхожденіи и составѣ „Бесѣды", по его собственнымъ словамъ, пришлось „пока ограничиться одними лишь предположеніями", лишаетъ его изслѣдованіе научнаго значенія, тѣмъ болѣе, что эти предположенія и не особенно основательны... Мы вполнѣ согласны съ авторомъ — продолжаетъ критикъ — что вопросу о книжныхъ источникахъ интереснаго стиха о Голубиной книгѣ надо дать болѣе научное обоснованіе, и его изслѣдованіе въ

этомъ случаѣ могло быть весьма полезнымъ и плодотворнымъ, если бъ онъ научно доказалъ справедливость своего основного положенія, что „Бесѣда“ дѣйствительно такой сложный памятникъ, что имъ можно объяснить и формальный составъ и матеріальное содержаніе стиха о Голубиной книгѣ. Но онъ отложилъ научное обоснованіе своего положенія до другого раза; въ настоящемъ же изслѣдованіи ограничился весьма сомнительными предположеніями, — такимъ образомъ вопросъ о книжныхъ источникахъ стиха попрежнему остался „невыясненнымъ“, требующимъ новаго изслѣдованія... [С. Н. Брайловскій, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1888, окт., стр. 344—355]. Еще слабѣе, безрезультатнѣе, второе названное изслѣдованіе о „народной Библіи“, — какъ это указывали въ свое время Веселовскій [Ж. М. Н. Пр., 1894, февраль], проф. Н. К. Никольскій [„Странникъ“, 1894, май — іюль], акад. В. М. Истринъ („Этногр. Обозр.“, 1894] и др.

Слабость многихъ изъ послѣдователей теоріи литературнаго заимствованія не должно, конечно, смѣшивать со слабыми сторонами самой теоріи, — тѣмъ болѣе, что послѣднихъ теорія имѣла и сама по себѣ достаточно... Увлеченія „восточной экзегезой“ — переходимъ къ дальнѣйшему ходу изученій — уже по самымъ крайностямъ, до которыхъ доходили такіе изслѣдователи, какъ Стасовъ или Потанинъ, особенно бросались въ глаза; но вообще всяческихъ крайностей и увлеченій не мало было и среди бенфеистовъ-„западниковъ“ — и даже, какъ мы видѣли, иногда у лучшихъ изъ нихъ, какъ акад. Ждановъ. И тамъ и здѣсь часто было не мало и „своеобразія толкованій“ и „произвольнаго подбора“; тѣ и другіе — и „западники“ и „индіанисты“ — нерѣдко одинаково поражали и „оригинальностью“ взглядовъ и „неожиданностью выводовъ“, и всего этого было тѣмъ больше, что теорія — при указанныхъ выше позднѣйшихъ расширеніяхъ — и въ томъ и въ другомъ направленіи давала самое необозримое поле для всякаго „своеобразія“ и „неожиданностей“... Въ виду этого, при всѣхъ блестящихъ пріобрѣтеніяхъ, которыя были сдѣланы для

науки теоріей заимствованія, — въ изслѣдованіяхъ „бенфеистовъ“ нерѣдко чувствовалось какая-то внутренняя слабость, отстутствіе твердой почвы. Выводы, а иногда и самыя разысканія, дѣлались часто слишкомъ субъективно, поспѣшно, изъ слишкомъ недостаточнаго или случайнаго матеріала! Это именно и вело часто къ общей какой-то шаткости, неустойчивости выводовъ. Съ этими выводами сплошь и рядомъ не соглашались не только другіе, столь же компетентные изслѣдователи, — иногда чуть не тотчасъ же, въ ближайшей же книжкѣ журнала, отъ нихъ отступался и самъ ихъ творецъ, сдѣлавшій эти выводы изслѣдователь... Отсюда — эта нерѣдкая пестрота, разноголосица научныхъ мнѣній. То, что̀ однимъ изслѣдователемъ выводилось съ Запада, — другимъ, не менѣе компетентнымъ, выводилось съ Востока; то, что̀ русскій ученый старался объяснить въ русскомъ эпосѣ вліяніемъ Византіи, — византологъ, напротивъ, объяснялъ, какъ вліяніе на Византію эпоса русскаго, — и „оба были правы“, потому что одинаково ни у того, ни у другого не было подъ ногами твердой почвы! Каждымъ выводы дѣлались слишкомъ субъективно, поспѣшно, выводились изъ слишкомъ недостаточнаго или случайнаго матеріала... Еще въ концѣ 40-хъ гг., по поводу ученыхъ мнѣній нашихъ тогдашнихъ этнографовъ, К. Д. Кавелинъ не безъ иронiи писалъ: „Замѣтилъ ли изслѣдователь какое-нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ, онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ отъ евреевъ; съ греческимъ или римскимъ — отъ грековъ и римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ — отъ персовъ, индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобы вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, — все равно какого: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія“ [„Соч.“, IV, стр. 39]. Эти слова Кавелина, сказанныя 50—60 лѣтъ тому назадъ, уже скоро стали какъ нельзя болѣе подходить и ко многимъ позднѣйшимъ выводамъ нашихъ бенфеистовъ, вообще давали превосходную характеристику

многихъ позднѣйшихъ изученій въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества и русскаго folklore'a, — настолько вѣрную, что одинъ изъ лучшихъ современныхъ изслѣдователей нашего былиннаго эпоса, характеризуя „современные методы“ въ изученіи былинъ, приведенныя слова Кавелина беретъ эпиграфомъ къ своей характеристикѣ этихъ „современныхъ методовъ“... „Не мала литература, вызванная стремленіемъ выяснить происхожденіе и смыслъ былинъ — дѣлаетъ онъ общій выводъ относительно этихъ „методовъ“ — но положительныхъ, безспорныхъ выводовъ здѣсь очень и очень немного. Стоитъ взять какую-нибудь былину или даже отдѣльный эпизодъ, — и сразу приходится натолкнуться на цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, а иногда и противорѣчивыхъ взглядовъ“... Изслѣдователь приводитъ и образчики такой ученой разноголосицы [А. М. Лобода, Русскія былины о сватовствѣ. Кіевъ, 1904, стр. 1—51]. Тотъ же изслѣдователь и десятью годами раньше съ неменьшей справедливостью писалъ: „Сравнительные пріемы сослужили намъ великую службу тѣмъ, что собрали обширный матеріалъ, разнообразнѣйшій по своему содержанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится отмѣтить, что нерѣдко сравненія дѣлаются ради сравненій, въ вопросѣ о заимствованіи упускаются изъ виду внутреннія основанія, необходимыя для послѣдняго; одностороннее увлеченіе чисто внѣшнимъ сходствомъ повело къ тому, что почти нѣтъ вопроса, по которому хотя нѣсколько человѣкъ высказались бы одинаково. Въ погонѣ за частнымъ — изученіе котораго необходимо и плодотворно лишь пока оно не переходитъ въ крайность — мы теряемъ свою путеводную нить и теряемся въ лабиринтѣ мелочей, утративъ представленіе о томъ, какое отношеніе имѣютъ эти частности къ общему“ [Лобода, Рус. бог. эпосъ. Кіевъ, 1896, стр. 215]. Теперь — спустя почти 20 лѣтъ — къ сказанному можно бы прибавить и болѣе поразительные факты, гдѣ разнорѣчіе, а иногда и прямая противоположность въ выводахъ проявлялись не только въ трудахъ различныхъ ученыхъ, но иногда и одного и того же изслѣдователя... Отмѣченное

явленіе далеко не было явленіемъ только нашей науки; въ весьма значительной долѣ то же можно видѣть и въ позднѣйшихъ фольклористическихъ изученіяхъ Запада. Въ западной наукѣ крайности бенфеистовъ, какъ мы видѣли, одно время вызвали даже открытый принципіальный протестъ противъ всей теоріи, — разумѣемъ появленіе упоминавшейся выше книги Бедье [*Les Fabliaux*. Paris, 1893]. Все это указывало на слабость самой теоріи, — на тѣ ограниченія, съ коими она должна прилагаться къ научнымъ изысканіямъ, на невозможность, недостаточность пользоваться исключительно ею одною при этихъ изысканіяхъ. Все это сравнительно скоро сознано было и на западѣ и у насъ, — сознано благодаря самымъ крайностямъ послѣдователей теоріи... Въ развитіи собственно нашихъ научныхъ изученій, — эти крайности и увлеченія имѣли, впрочемъ, и свою полезную сторону. Они давали прежде всего широту, свободу научнымъ изысканіямъ, — здѣсь же неизбѣжно порождая — при всѣхъ увлеченіяхъ — и извѣстное критическое отношеніе къ теоріи; крайности бенфеистовъ, какъ предостерегающія вѣхи, время отъ времени постоянно, на всемъ протяженіи изученій, предостерегали нашихъ изслѣдователей отъ слишкомъ рѣзкихъ увлеченій, — каковыхъ у насъ и дѣйствительно далеко не было въ такой степени, какъ на Западѣ [Савченко, Руская народная сказка. Кіевъ, 1914, стр. 500]. Съ другой стороны — и это было особенно важно — крайности бенфеистовъ — тѣмъ самымъ — не смотря на общее господство теоріи, давали — рядомъ съ ней — нѣкоторое мѣсто и для другихъ теченій. Прежде всего, старая миѳологическая теорія, хотя тотчасъ же почти совершенно оттѣсняется, уходитъ на задній планъ, тѣмъ не менѣе не исчезаетъ совершенно, — напротивъ, не только, какъ мы видѣли, въ извѣстной степени удерживается самимъ главой нашихъ „бенфеистовъ“, но имѣетъ и самостоятельныхъ представителей, какъ Буслаевъ († 1897) или А. А. Потебня († 1891). Послѣдній до конца жизни держится въ сторонѣ отъ теоріи заимствованія, идя въ своихъ научныхъ изученіяхъ совер-

шенно особымъ, самостоятельнымъ путемъ. Въ трудахъ этихъ позднѣйшихъ представителей теорія не мало способствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и общему углубленію нашихъ научныхъ изученій — особенно важны были изученія Буслаева, позднѣе то направленіе, какое принимаютъ позднѣйшіе труды Потебни... Но вообще на смѣту миѳологической школы — рядомъ съ теоріей Бенфея — уже скоро выступаетъ и у насъ теорія антропологическая, — пріобрѣтающая чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сторонниковъ. Впрочемъ, взгляды „антропологовъ“ въ своей исключительной формѣ не находятъ у насъ вообще большого числа поклонниковъ, — тѣмъ болѣе, что и на западѣ антропологическая теорія въ исключительномъ примѣненіи уже скоро сдаетъ свои позиціи... Способствуя невольно бо́льшей научной терпимости, увлеченія и крайности нашихъ бенфеистовъ уже скоро приводятъ и къ прямому, положительному пріобрѣтенію нашей фольклористической науки: въ общемъ довольно быстро способствуютъ возрожденію и развитію въ нашихъ научныхъ изученіяхъ направленію чисто-историческому и бытовому... Исключительная погоня за „аналогіями“ и „параллелями“ подъ конецъ начинаетъ какъ-бы утомлять и самихъ „бенфеистовъ“; тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе — рядомъ съ теоріей „заимствованій“ — пробивается указанное сейчасъ направленіе „историческое“, „бытовое“, давно уже заявленное у насъ, но совершенно оттѣсненное бенфеистами. Чѣмъ далѣе, тѣмъ направленіе это сдѣлается болѣе и болѣе устойчивымъ, постепенно отвоевывая у теоріи „заимствованія“ все бо́льшее поле для примѣненія. Особенно характернымъ является въ этомъ отношеніи постепенный ходъ научныхъ изученій Вс. Ѳ. Миллера... Довольно длинный историческій ходъ научныхъ изученій, крайности различныхъ направленій, возникавшихъ на почвѣ самой теоріи „заимствованія“, возникновеніе рядомъ различныхъ новыхъ точекъ зрѣнія, стремившихся такъ или иначе къ ограниченію этой теоріи, наконецъ, все болѣе усиливающееся подъ конецъ направленіе „бытовое“-„историческое“ — все это, служа какъ бы взаимнымъ коррективомъ, само собой

приводитъ, съ одной стороны, къ сознанію необходимости нѣкотораго „согласованія“, примиренія, различныхъ научныхъ теорій, высказывавшихся до сихъ поръ чаще всего съ излишней исключительностью; съ другой — и это главнымъ образомъ — къ установкѣ самой теоріи „заимствованія“ на началахъ болѣе устойчивыхъ и прочныхъ: ближайшаго изученія главн. обр. письменныхъ текстовъ. Само собой разумѣется, все это не только не опровергаетъ теоріи литературнаго заимствованія, — напротивъ, еще болѣе ее укрѣпляетъ; вводя теорію въ рамки болѣе узкія, дополняя и ограничивая ее другими точками зрѣнія, въ то же время ставитъ всю теорію на почву несравненно устойчивую и прочную. Вмѣстѣ съ тѣмъ, — въ отношеніи къ изученіямъ собственно памятниковъ народнаго творчества — теорія дѣлаетъ ту же существенную поправку: обращается къ особенно внимательному собиранію и изученію имѣющихся письменныхъ текстовъ памятниковъ народной поэзіи, а равно имѣющихся варіантовъ этихъ произведеній.

Таковъ общій ходъ нашихъ дальнѣйшихъ изученій въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества, — до современныхъ, позднѣйшихъ представителей этихъ изученій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи остановимся прежде всего на трудахъ А. А. Потебни, отчасти — А. А. Котляревскаго, О. Ѳ. Миллера и самого Буслаева. Въ ряду представителей „историко-бытового“ направленія отмѣтимъ труды Л. Н. Майкова, Н. П. Дашкевича, М. Е. Халанскаго и нѣкот. др. Сюда же въ общемъ примыкаютъ отдѣльныя мелкія замѣтки акад. А. И. Соболевскаго: владѣя поразительной начитанностью въ старо-славянскомъ и древне-русскомъ рукописномъ матеріалѣ, стоя на почвѣ самыхъ строгихъ чисто филологическихъ и лингвистическихъ изученій, акад. Соболевскій въ своихъ — обыкновенно очень небольшихъ, краткихъ, но въ высшей степени цѣнныхъ — „замѣткахъ“ дѣлаетъ чаще всего существенныя разъясненія и поправки къ общему ходу изученій памятниковъ русскаго эпоса, — одинаково важныя, по своей категорической документальности,

и для „миѳологовъ“ и для „бенфеистовъ“ и для „историковъ“, сводя выводы и тѣхъ и другихъ и третьихъ на почву фактическихъ, чисто реальныхъ данныхъ... На путь, съ одной стороны, объединенія, примиренія теорій, съ другой, чисто историческаго и бытового направленія въ позднѣйшее время съ особой рѣшительностью выступаетъ Н. П. Дашкевичъ. На почвѣ тѣхъ же двухъ — въ послѣднее время замѣтно выдѣляющихся у насъ теченій — стоятъ и позднѣйшіе представители нашихъ фольклорическихъ изученій, въ общемъ держась объединяющаго, примирительнаго направленія, — съ особой силой лишь выдвигая болѣе внимательное, фактическое изученіе какъ относящихся сюда письменныхъ матеріаловъ, такъ и самыхъ варіантовъ того или другого, живущаго еще въ устахъ народа, поэтическаго памятника. Именно въ этомъ направленіи идутъ новѣйшія изслѣдованія проф. А. М. Лободы, Н. Н. Трубицына, акад. В. Н. Перетца, А. В. Маркова, А. М. Смирнова, проф. М. Н. Сперанскаго, А. В. Рыстенка, Н. Н. Виноградова и др.

Несмотря на блестящія пріобрѣтенія [при всѣхъ увлеченіяхъ!..] нашихъ изученій на почвѣ теоріи литературнаго заимствованія, труды нашихъ старыхъ „миѳологовъ“, какъ мы уже замѣтили, продолжались, — занимая свое почетное мѣсто въ общемъ развитіи нашихъ позднѣйшихъ изученій, хотя и стояли въ сторонѣ отъ главнаго русла. Въ этомъ отношеніи особенно важны были прежде всего продолжавшіяся изслѣдованія Буслаева. Выше мы уже говорили о всемъ томъ значеніи, какое имѣли труды этого геніальнаго ученаго на весь ходъ русской историко-филологической науки, начиная съ 40-хъ гг.; но вліяніе это продолжалось и много позднѣе. Мы видѣли, какъ тѣсно переплетаются первыя работы Веселовскаго съ поправками Буслаева, — и въ какой степени было бы важно для перваго вполнѣ воспользоваться этими поправками... Но вліяніе Буслаева, какъ представителя миѳологической школы, шло и глубже. Не можемъ не привести здѣсь слѣдующихъ, мимоходомъ дѣлаемыхъ, замѣчаній

Бестужева-Рюмина, — какъ нельзя лучше дополняющихъ то, что было сказано выше о научныхъ трудахъ Буслаева. „Кто вчитается — замѣчаетъ онъ — въ труды Буслаева, тотъ пойметъ, почему народившееся тогда стремленіе къ замѣнѣ исторіей народа исторіи государственной, представителемъ которой являлся тогда С. М. Соловьевъ, нашли себѣ опору въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева. Мы теперь ясно видимъ, что конечная цѣль исторической науки — не замѣна второго понятія первымъ, а ихъ сліяніе и взаимное дополненіе. Мы теперь ясно видимъ, что внесеніе народнаго элемента объясняетъ и самый характеръ исторіи государственной, и ея ходъ; но этому мы выучились въ трудахъ того же Буслаева... Хотя изученія византійскія стояли тогда не такъ высоко, какъ они стоятъ теперь — Буслаевъ и тогда не былъ безусловнымъ противникомъ византійскаго вліянія; въ своей же рѣчи о народной поэзіи высказалъ, что съ литературной стороны Византія имѣла на насъ и хорошее вліяніе. Теперь, благодаря трудамъ В. Г. Васильевскаго, А. Н. Веселовскаго, Е. В. Барсова, Ѳ. И. Успенскаго и др., мы вполнѣ убѣждены въ этомъ“... Возникающее у насъ съ 40—50-хъ гг. понятіе „отвлеченной общеарійской народности“, изъ которой возникло „общеарійское просвѣщеніе, долженствующее стать общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ“ — эта новая у насъ точка зрѣнія прежде всего и главнымъ образомъ была „результатомъ сравнительнаго историческаго изученія народной поэзіи, изученія, въ кругъ котораго Ѳ. И. Буслаевъ внесъ и русскій языкъ, и русскую народную поэзію. Этою стороной молодыя направленія конца пятидесятыхъ годовъ отличались отъ воззрѣній Бѣлинскаго и его современниковъ. Для западниковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ существовала новая Европа съ ея привлекательными взглядами, изрѣдка только имъ вспоминались корни европейской образованности въ средневѣковой Европѣ и объединяющей власти папства. Этотъ послѣдній взглядъ принадлежитъ почти исключительно Чаадаеву; но оба они сходились въ сознаніи коренного различія за-

падной Европы отъ восточной: на западѣ — свѣтъ и прогрессъ, на востокѣ мракъ и застой. Новое поколѣніе открыло общую почву развитія для востока и запада; Гриммовская школа послужила ей исходною точкой. Этимъ она ближе даже самихъ славянофиловъ двигала къ пониманію русской народности; въ этомъ ея высокая заслуга и право на благодарность слѣдующихъ поколѣній"... [Бестужевъ-Рюминъ, — Ж. М. Н. Пр., 1889, іюль, стр. 159—161, 161—163].

Какъ быстро прогрессировала „миѳологическая теорія" въ собственно научномъ отношеніи въ своихъ лучшихъ представителяхъ — показываетъ между прочимъ критическій разборъ со стороны Буслаева извѣстнаго труда Ор. Ѳ. Миллера: *Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское* [Спб., 1869—1870], — отчасти многія страницы и этого самаго труда. Буслаевъ, самъ представитель миѳологической школы, укоряетъ изслѣдователя, что онъ, „загромоздивъ историческое поприще нашихъ былинъ массою сравненій съ миѳологическими и эпическими мотивами чужеземными, упустилъ изъ виду то органическое цѣлое національнаго русскаго эпоса, которое ясно даетъ о себѣ разумѣть изъ суммы данныхъ, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ, собственно русскимъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ", что вообще нужно „сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ" [Нар. поэзія. „Сборникъ" А. Н., т. 42, Спб., 1887, стр. 260, 284]. Эту „прикрѣпу" отчасти и пытается произвести превосходная статья самого Буслаева: *Бытовые слои русскаго эпоса* [ib., стр. 245—284; первонач. напеч. въ „Ж. М. Н. Пр.", 1871, апрѣль]... Буслаевъ указываетъ рядъ происшедшихъ отсюда существенныхъ недостатковъ въ названномъ изслѣдованіи, а равно и другія крайности миѳологическихъ увлеченій автора [Отчетъ о 14 прис. нагр. гр. Уварова, Спб., 1872, стр. 66—88]. Но здѣсь же компетентный критикъ подчеркиваетъ — и рядъ самыхъ важныхъ научныхъ заслугъ изслѣдователя-миѳолога.

Не упоминая о другихъ, одной изъ величайшихъ такихъ заслугъ была между прочимъ чрезвычайно тщательная критика текста изучаемыхъ былинъ. Ближайшей задачей труда О. Ѳ. Миллера было между прочимъ „обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и варіантовъ каждой былины“, — заслуга, составляющая и донынѣ одну изъ болѣе цѣнныхъ сторонъ монументальнаго труда О. Миллера! Здѣсь трудъ этотъ до сихъ поръ остается едва ли не единственнымъ... Какъ и въ то время, 40—50 лѣтъ тому назадъ, такъ и до послѣдняго времени — „изслѣдователи не брали на себя тяжелаго труда критически разсмотрѣть всѣ извѣстныя редакціи и варіанты каждой былины, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ случайностью личнаго вкуса“ [Буслаевъ, Отчетъ о 14 прис. и пр., стр. 66]. Другими словами, прибавимъ — тѣмъ или другимъ произвольнымъ, чисто субъективнымъ подборомъ былинныхъ варіантовъ... На важное значеніе варіантовъ при изученіи памятниковъ русскаго народнаго творчества указывалъ уже П. И. Якушкинъ († 1872), — который требовалъ, чтобы при изданіи пѣсенъ, напр., варіанты печатались всѣ, „во всей цѣлости и неприкосновенности“; надлежащимъ образомъ на эту сторону дѣла обратилъ вниманіе лишь О. Ѳ. Миллеръ. Онъ считаетъ необходимымъ собирать всѣ пересказы былинъ, распредѣляя ихъ по изводамъ и пѣвцамъ. Цѣлью пересказовъ должно быть, во-первыхъ, именно опредѣленіе того, что обязательно проходитъ повсюду, т. е. по возможности точное установленіе основы сказанія. Вслѣдъ за тѣмъ, такою уже полученною основою могутъ быть провѣряемы тѣ черты, которыя попадаются лишь кое-гдѣ: если они совершенно въ духѣ общей основы, служатъ вполнѣ подходящими къ ней подробностями, они могутъ смѣло признаваться подлинными; въ противномъ случаѣ слѣдуетъ относиться къ нимъ недовѣрчиво, — пока какія-нибудь новыя эпическія открытія не прольютъ на нихъ свѣта. При оцѣнкѣ такихъ, одиноко стоящихъ, чертъ опять очень важно

обращать вниманіе на относительную степень умѣлости, такъ сказать, наслышанности, а также и на личный вкусъ того пѣвца, въ пересказѣ котораго они встрѣтились, кромѣ того — и на самое состояніе строя пѣсни". При изученіи такихъ, „одиноко стоящихъ, чертъ" — иногда необходимо обращаться и къ другимъ отдѣламъ народнаго эпоса; иногда въ какой-нибудь *побывальщинѣ* или *сказкѣ* могутъ встрѣтиться „уцѣлѣвшими такія черты, которыхъ уже нѣтъ въ соотвѣтствующихъ былинахъ и которыми самымъ подходящимъ образомъ пополняются въ этихъ послѣднихъ черезъ то самое обнаруживающіеся пробѣлы"... [„Илья Муромецъ" и пр., введеніе, стр. IV—X и др. мм.]. Все это — такія методологическія требованія, которыя во всей строгости и до послѣдняго времени рѣдко примѣнялись нашими изслѣдователями. На критику варіантовъ былинъ, пѣсенъ, сказокъ и т. п. иногда не обращали должнаго вниманія даже такіе изслѣдователи, какъ И. Н. Ждановъ, у котораго иногда — „произвольный подборъ варіантовъ"; какой-либо критики текста былинъ, съ выдѣленіемъ — путемъ этой критики — основныхъ версій, „основы сказанія", чего требовалъ О. Ѳ. Миллеръ — еще меньше въ трудахъ Веселовскаго или Вс. Ѳ. Миллера!.. Вопросъ о необходимости критики былинныхъ варіантовъ, вообще критики текстовъ памятниковъ народнаго творчества, тщательно-критическомъ изученіи этихъ варіантовъ — выдвигается на видъ лишь въ самое послѣднее время. Акад. Соболевскій въ разборѣ книги Жданова [„Русскій былевой эпосъ". Спб., 1895], укоряя автора въ произвольномъ подборѣ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ, между прочимъ замѣчаетъ: „Пѣсенные варіанты подлежатъ такой же сравнительной оцѣнкѣ, какъ и варіанты старыхъ текстовъ. Варіанты, напр., былины о Васильѣ со старчищемъ-пелегримищемъ, одѣтымъ въ колоколъ, несомнѣнно древнѣе варіантовъ съ старцемъ, крестовымъ батюшкой и т. п.; позднѣйшіе пѣвцы могли замѣнить пелегримища — старцемъ и проч., но не могли произвести обратной замѣны" [Ж. М. Н. Пр., 1895, кн. 10, стр. 356]. Какъ мы ви-

дѣли, на эту сторону обращается особенное вниманіе Соболевскимъ и въ изданіи „Великорусскихъ пѣсенъ“. Акад. Соболевскому въ этомъ отношеніи принадлежитъ также цѣнная замѣтка: *Къ изученію русскихъ народныхъ пѣсенъ* [Жив. Ст., 1906, I], — которая фактически доказываетъ всю важность такого сравнительнаго изученія варіантовъ народныхъ пѣсенъ, дѣлая, на основаніи имѣющихся на лицо варіантовъ, любопытныя поясненія къ столь извѣстной пѣснѣ: *А мы просо сѣяли* и еще другой... Въ отношеніи къ сказкамъ ту же мысль недавно подчеркивалъ А. М. Смирновъ [*Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ.* „Извѣстія“ И. Р. Г. О-ва, 1911, т. 47, стр. 371—387). При самыхъ записяхъ русскихъ былинъ на эту сторону дѣла особое вниманіе обращаетъ и одинъ изъ позднѣйшихъ собирателей русскихъ былинъ — А. Д. Григорьевъ, посвящая обзору варіантовъ записанныхъ имъ былинъ особыя обстоятельныя статьи [„Архангельскія былины“ и пр., т. I, М., 1904, стр. 695—705, т. III., Спб., 1910, стр. 689—707].

Изъ трудовъ нашихъ старыхъ „миѳологовъ“ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ до сихъ поръ очень цѣнныхъ работъ А. А. Котляревскаго († 1881). Котляревскій и вообще далеко не былъ миѳологомъ „чистой воды“. Его критическій умъ уже нерѣдко заставлялъ его какъ бы невольно чувствовать крайности миѳологической теоріи, хотя онъ и считалъ себя самъ ея ревностнымъ сторонникомъ. Такъ онъ видитъ крайности толкованій у Аѳанасьева, — что тотъ часто „ищетъ миѳическаго начала тамъ, гдѣ его нѣтъ“ („Соч.“, II, 341), — что, напр., „стрѣлы“ Ильи Муромца могли быть и не „молніями“, а самыми обыкновенными, дѣйствительными стрѣлами, или что въ сказкахъ многое можетъ объясняться и позднѣйшими, чисто бытовыми условіями жизни русскаго народа, что „многія сказки переходили“ отъ одного народа къ другому и путемъ книжной литературы и путемъ устной передачи (теорія Бенфея), — многое можетъ объясняться въ нихъ и просто „единственно движеніемъ воображенія или фантазіи разказчика“, что вообще сказка „болѣе, чѣмъ прочія произведенія народной

поэзіи, подвержена свободной обработкѣ сказателя и постороннимъ случайнымъ прибавкамъ“ [„Соч.“, II, 342 и др.: разборъ Котляревскаго „Поэтич. воззрѣній“ Аѳанасьева]. Въ статьѣ *Русскія народныя сказки* [„Рус. Вѣд.“, 1864], написанной по поводу появленія сборника сказокъ Аѳанасьева [М., 1855—1863], рядомъ съ сказками собственно „миѳическими“, сохранившими въ себѣ тѣ или другіе „остатки миѳовъ“, Котляревскій выдѣляетъ особую группу сказокъ „литературныхъ“, — не имѣющихъ никакого отношенія къ миѳамъ, и заимствованныхъ „нашими книжниками“ изъ какихъ-нибудь „книжныхъ источниковъ“. Котляревскій указываетъ здѣсь же начатыя уже на западѣ разысканія въ этомъ отношеніи, „разработку исторіи литературной сказки“ Бенфея, Либрехта и другихъ, — „труды которыхъ, значительно расширяя наши понятія объ этомъ предметѣ, въ то же время даютъ чувствовать и трудность его, и необходимость самой тщательной осторожности въ конечныхъ выводахъ и результатахъ“... [„Соч.“, II, 47.] Указанія на эти „трудности“, требованіе „осторожности“ въ научныхъ выводахъ именно и составляло главную заслугу трудовъ Котляревскаго, какъ „миѳолога“, — вообще гораздо ближе примыкавшаго къ широкимъ взглядамъ Буслаева, чѣмъ къ узко-миѳологическимъ толкованіямъ Аѳанасьева, Ореста Миллера и др. Не можемъ не отмѣтить между прочимъ также замѣчательную статью Котляревскаго: *Скандинавскій корабль на Руси* [„Древности“, Труды Моск. Археол. О-ва, т. I; „Соч.“, II, стр. 555—569]. Замѣчательна здѣсь въ самомъ началѣ статьи уже общая характеристика русскаго народнаго эпоса: „Передъ нами лежитъ огромная масса разновременнаго матеріала, части котораго сплотились между собою въ разнообразныя, причудливыя сочетанія, — возлѣ воспоминаній, если можно такъ выразиться, вчерашняго дня стоятъ и воспоминанія глубокой старины“ и т. д... Останавливаясь на описаніи корабля въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, авторъ видитъ здѣсь вліяніе скандинавское, и полагаетъ, что „вліяніе сѣверныхъ мореходцевъ на русскую жизнь не огра-

ничивалось областью суровой, практически-торговой или военной дѣятельности; оно шло глубже, вторгаясь въ житейскій обиходъ и производя тамъ нѣкоторыя измѣненія и привычки въ новомъ духѣ заморской моды"... [„Соч.", II, 569]. Мысль сама по себѣ — вполнѣ вѣрная, хотя самый корабль былины, можетъ быть, давалъ для нея мало основаній, какъ это и было указано современной критикой. Эти критическія замѣчанія, сдѣланныя на статью Котляревскаго въ такомъ журналѣ, какъ „Вѣстн. Европы", опять чрезвычайно характерны, — показывая, какъ тѣсно переплетались нерѣдко различныя теченія въ изученіяхъ нашего эпоса. „Хоть море и было удалено отъ общей жизни громады русскаго народа — возражаетъ Котляревскому неизвѣстный критикъ журнала — однако знакомство съ нимъ никогда не прекращалось до того, чтобъ онъ не слышалъ о морѣ и не имѣлъ о немъ никакого представленія. Въ удѣльный періодъ югъ Россіи не прекращалъ сношеній съ Византіей посредствомъ плаванія по Днѣпру и Черному морю, пока татары не отрѣзали черноморскихъ береговъ; на сѣверѣ новгородцы вели моремъ торговыя сношенія съ западомъ; потомъ, разселившись до Ледовитаго океана, русскіе плавали по немъ. Когда возникъ Соловецкій монастырь и распространилось къ нему уваженіе, всѣ многочисленныя паломничества къ нему совершались моремъ. На югѣ воинственные походы запорожцевъ на Черное море были чрезвычайно часты. На юго-востокѣ Россіи совершались торговыя и военныя плаванія по Каспійскому морю. Бывшіе на морѣ разносили о немъ вѣсти, и эти вѣсти доходили до глубины материка. При томъ же корабль не значитъ исключительно морское судно, но также и рѣчное, а по большимъ рѣкамъ и озерамъ постоянно плавали русскіе въ виду всего своего народа... Авторъ сопоставляетъ эпитеты въ пѣснѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, касающіеся корабля, съ корабельными украшеніями скандинавскими. Но эпитеты эти — такого рода, что могли возникнуть безъ всякаго посторонняго вліянія. Напримѣръ:

Корму въ немъ строилъ по гусиному (или: по змѣиному)...
А носъ въ немъ строилъ по орлиному,
Бока взведены по туриному (или: по звѣриному).

Въ этихъ образахъ — простое уподобленіе предметовъ. Значитъ, корма была вытянута и напоминала змѣю или гусиную шею, носъ былъ загнутъ и напоминалъ орлиный носъ, а бока выпуклые напоминали бока жирнаго тура, который, какъ извѣстно, водился въ старину на Руси въ изобиліи. Для того, чтобы найти сравненіе въ предметахъ, знакомыхъ народу по жизненной обстановкѣ, не нужно испытывать чужого вліянія... Намъ кажется, прежде чѣмъ признавать вообще важность скандинавскаго вліянія посредствомъ судоходства, надобно перенестись на практическую почву и рѣшить нѣсколько вопросовъ, при этомъ возникающихъ. Варяги-скандинавы плавали по русскимъ рѣкамъ на своихъ морскихъ или на особыхъ рѣчныхъ судахъ? На тѣхъ судахъ, на которыхъ удобно было плавать по морю, по нашимъ небольшимъ рѣкамъ нельзя плавать; и въ такомъ случаѣ не вѣроятнѣе ли предположить, что варяги пріобрѣтали у туземцевъ суда, на которыхъ могли предпринять путешествіе по рѣкѣ?..“ Далѣе — „какъ поступали варяги на волокахъ: всегда ли таскали свои суда съ собою или брали на мѣстѣ готовыя? Намъ кажется, было послѣднее... Намъ кажется, что варяги по русскимъ рѣкамъ, можетъ быть, начиная съ Ладоги или съ волховскихъ пороговъ и навѣрное уже съ Новгорода, плыли на русскихъ ладьяхъ... Предстоитъ и еще вопросъ: варяги-скандинавы первые ли начали плавать по русскимъ рѣкамъ или жители, обитавшіе на русскомъ материкѣ, прежде были знакомы съ этимъ занятіемъ? По здравому разсудку, необходимо принять послѣднее... Нужда давно должна была научить славянъ дѣлать суда, а, умѣя ихъ дѣлать для своихъ рѣкъ, естественно они не могли первоначально научиться этому искусству отъ варяговъ-скандинавовъ, и послѣдніе никакъ не могли явиться цивилизаторами славянъ въ этомъ отношеніи. Единственно, что они могли оставить во время своихъ переходовъ черезъ Россію,

это научитъ славянъ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ судостроеніи для морскихъ плаваній. Но пѣсня о Соловьѣ Будимировичѣ только украшаетъ цвѣтами поэзіи корабль, который самъ по себѣ могъ остаться и въ первобытномъ видѣ, и въ улучшенномъ; изъ нея едва ли можно выжать слѣды дѣйствительныхъ признаковъ улучшенной постройки: судно какъ судно; такъ описано могло быть и варяжское, и славянское, и греческое судно"... [„Вѣстн. Евр.", 1866, II, стр. 2—5.]

Особенно замѣчательными являются подъ конецъ научныя изысканія А. А. Потебни († 1891), въ общемъ значительно углубившія старыя миѳологическія толкованія или даже въ значительной степени ихъ совершенно переработавшія самостоятельно. Изысканія Потебни въ области „миѳа" уже рано тѣсно слились съ изысканіями въ области „языка" и вообще человѣческаго мышленія: отъ частнаго лингвистическаго факта восходятъ къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ трудомъ была его книга, явившаяся уже въ 1862 г.: *Мысль и языкъ* [Харьковъ, 1862; 3-е изд. — Харьковъ, 1913], — въ свое время оставшаяся незамѣченной и лишь сравнительно недавно обратившая на себя вниманіе. Вообще А. А. Потебня былъ не столько „миѳологомъ", столько „языковѣдомъ и мыслителемъ", — являясь въ этомъ отношеніи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ филологовъ послѣдняго времени „по глубокомысленному пониманію явленій языка и по философской проницательности" [Ягичъ]. Къ этому присоединялась любовь къ искусству, поэзіи, — особенно къ народной поэзіи, соединяющимся съ нею народнымъ обрядамъ, повѣрьямъ, всему folklore'у, особенно малорусскому, къ малорусской пѣснѣ, обрядамъ, повѣрьямъ. Какъ мы замѣтили, изученія русскаго folklore'а у Потебни шли съ самаго начала параллельно и въ тѣсной связи съ изученіями языка, — нерѣдко нераздѣлимо переплетаясь въ одномъ и томъ же трудѣ, при выясненіи одного и того же научнаго явленія или факта. Въ отношеніи къ памятникамъ на-

роднаго творчества. Потебня до конца жизни остается „миѳологомъ“, — равнодушно или даже враждебно относясь къ теоріи „заимствованія“, сосредоточивая свои изученія преимущественно или даже исключительно на выясненіи „поэзіи и прозы“, какъ „явленій языка“, въ гумбольдтовскомъ смыслѣ, какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ самъ Потебня. Именно изъ этого начала выходилъ онъ и въ своихъ толкованіяхъ памятниковъ роднаго творчества. Въ основѣ каждаго памятника онъ видитъ первичный художественный образъ, символъ, — въ миѳологическомъ или бытовомъ приложеніи. „Символъ“, въ томъ или другомъ толкованіи, съ тѣми или другими примѣненіями — основной пунктъ, съ котораго смотритъ Потебня на памятники роднаго творчества, — который выдвигается имъ уже въ первой его, сравнительно слабой, работѣ: *О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи [Харьковъ, 1860]*, и которому остается вѣренъ до самыхъ позднѣйшихъ, наиболѣе основательныхъ и лучшихъ своихъ изслѣдованій. Потебня отчасти примыкалъ здѣсь къ самымъ раннимъ теченіямъ миѳологической теоріи, — отраженіемъ которыхъ были на западѣ такіе труды, какъ Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen (Leipzig, 1810—1824) Крейцера († 1858); у насъ книга Костомарова *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи* (Харьковъ 1843). Подъ вліяніемъ послѣдней именно была написана названная сейчасъ работа Потебни. Но у Потебни символизмъ принялъ несравненно болѣе широкую постановку, — поставленъ на почву широкаго научнаго изученія какъ языка, такъ и самыхъ памятниковъ народной поэзіи; при этомъ изслѣдователь своими подавляющими лингвистическими и фольклористическими матеріалами пользуется съ примѣненіемъ самаго строгаго научнаго метода. Таково между прочимъ позднѣйшая работа Потебни, печатавшаяся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ: *Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ* [„Рус. Фил. В.“, 1883—1887, и отд: 2 т., Варшава, 1883—1887]. „Трудно, почти невозможно дать коротенькій ана-

лизъ этихъ объясненій — замѣчаетъ о трудѣ ак. Ягичъ: тутъ не идетъ только рѣчь о связи съ миѳологіей или бытовымъ значеніемъ, а также и объ художественной формѣ и поэтическомъ символизмѣ. Наблюденія Потебни выходятъ изъ южно-русской народной поэзіи, но параллели къ отдѣльнымъ мотивамъ и поэтическимъ образамъ онъ беретъ съ удивительно широкими познаніями изъ всѣхъ прочихъ славянскихъ поэзій. Въ толкованіи поэтическихъ образовъ, символики и языка Потебня приближался болѣе къ Буслаеву, чѣмъ къ А. Н. Веселовскому"... [„Ист. слав. фил.", I, 553]. Послѣднее кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: ни у Буслаева, ни у Веселовскаго мы не видимъ такого широкаго, исключительнаго вниманія къ символикѣ, какъ у Потебни... Изысканія послѣдняго въ этомъ направленіи заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ символъ, аллегорія, всякаго рода сравненія дѣйствительно имѣютъ широкое приложеніе въ языкѣ, народной поэзіи, обрядахъ, повѣрьяхъ и т. д. Символикой полно все древнерусское искусство; символикой полны многіе памятники нашей древней письменности, — не говоря о древнеславянскихъ и византійскихъ апокрифахъ, легендахъ, не говоря о средневѣковомъ западномъ искусствѣ, христіанскомъ, церковномъ или свѣтскомъ — въ миніатюрахъ, живописи и т. д. и т. д. Въ собственно русской народной поэзіи символика проникаетъ всюду; особенно богаты ею пѣсни, свадебные обряды, повѣрья, въ особенности малорусскія пѣсни, малорусскіе обряды и повѣрья. Отсюда — высокая научная важность того направленія научныхъ изысканій, которое господствуетъ въ обширныхъ изученіяхъ Потебни. Къ сожалѣнію, самая огромность привлекаемаго матеріала, необычайная эрудиція автора какъ бы подавляютъ и читателя и изслѣдователя! Тѣмъ болѣе, что послѣдній какъ будто и намѣренно воздерживается отъ объединенія привлекаемыхъ къ изученію матеріаловъ какою-либо одной связующей мыслью: цѣлые груды ихъ оставляетъ въ сыромъ, нетронутомъ видѣ, ограничиваясь лишь ихъ собраніемъ... Больше всего, впрочемъ, мѣшаютъ старыя сим-

патіи къ миѳологіи. Символику Потебня изучаетъ почти исключительно на почвѣ древняго, исконнаго миѳа, — оставляя совершенно безъ вниманія дальнѣйшія, болѣе поздніе его приложенія въ произведеніяхъ письменности и искусства, вообще болѣе поздней исторической жизни народа. Сказывается и отмѣченное выше равнодушіе Потебни къ теоріи литературнаго заимствованія, — въ частности, совершенное невниманіе его къ той области, гдѣ символика едва ли не больше всего имѣла приложеніе: къ средневѣковымъ славяно-русскимъ и древнерусскимъ апокрифамъ. Укоръ, который былъ сдѣланъ Потебни П. А. Лавровскимъ по поводу упомянутаго одного изъ самыхъ первыхъ его изслѣдованій, — что авторъ „придаетъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало обращаетъ вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную, а, слѣдовательно, и на миѳическія воззрѣнія“; что, увлекшись исключительно миѳологическими толкованіями, Потебня не обратилъ вниманія на болѣе поздніе, чисто христіанскіе элементы и наслоенія, вообще проявляетъ полное невниманіе къ взглядамъ и повѣрьямъ народныхъ массъ, сложившимся уже на позднѣйшей христіанской, въ частности, книжно-апокрифической почвѣ; что Потебня какъ бы совершенно не знакомъ съ „литературой отреченной“, ни однимъ звукомъ, ни однимъ намекомъ не коснулся этого готоваго матеріала, — безъ котораго не слѣдовало-бы заводить въ настоящее время и рѣчи о славянской миѳологіи“ и т. д. [см. П. А. Лавровскаго: *Разборъ изслѣдованія А. А. Потебни о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ*. М., 1866, стр. 98. 13], — эти упреки всецѣло примѣнимы и ко всѣмъ вообще дальнѣйшимъ трудамъ Потебни!.. Изъ сказаннаго понятно, почему Потебня очень мало интересовался памятниками древнерусской письменности. Кажется, единственнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ было *Слово о полку Игоревѣ*, — къ которому, напротивъ, особенно часто обращается онъ въ своихъ изученіяхъ, которому посвящаетъ превосходное спе-

ціальное изслѣдованіе, и теперь, черезъ 40 лѣтъ, не утратившее своего значенія [въ „Фил. Записках“, 1877—1878, и отдѣльно: Воронежъ, 1878]. Это исключительное вниманіе было вполнѣ естественно: своимъ поэтическимъ элементомъ памятникъ слишкомъ много давалъ изслѣдователю въ его любимыхъ символическихъ толкованіяхъ! — и въ своемъ трудѣ Потебня не только даетъ подробные комментаріи ко всему „Слову“, но подробно изучаетъ все его содержаніе въ связи съ произведеніями русской народной поэзіи, особенно малорусской... Полное пренебреженіе къ господствовавшему научному теченію — теоріи заимствованія — еще болѣе бросавшееся въ глаза игнорированіе письменныхъ, христіанско-книжныхъ, особенно апокрифическихъ, источниковъ, излишнія нерѣдко крайности увлеченій символизмомъ, наконецъ, самая глубина лингвистическо-философскаго, филологическаго анализа, нерѣдко и довольно туманнаго — всѣ эти черты научныхъ изученій Потебни были причиной, что эти изученія не получили у насъ особенно широкаго примѣненія...

Мы упоминали выше о явившейся уже въ 1863 г. небольшой книжкѣ Л. Н. Майкова († 1900): *О былинахъ Владимірова цикла* [Спб., 1963], магистерской диссертаціи только что начинавшаго тогда свои спеціальныя изученія молодого ученаго. Для своего времени книжка была въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ нашей науки; въ извѣстной степени она не потеряла своего значенія и теперь — по той здравой, чисто исторической точкѣ зрѣнія, которую выдвигаетъ авторъ. Общее, основное направленіе труда и его выводы такъ формулируются самимъ изслѣдователемъ [приводимъ ихъ съ нѣкоторой подробностью, въ виду библіографической рѣдкости теперь книги Майкова и — значенія ея въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ научныхъ изученій]:

„Содержаніе былинъ Владимирова цикла, хотя и вымышленное, но представляется въ обстановкѣ, заимствованной изъ положительной исторіи, и потому хотя между сюжетами былинъ есть и такіе, которые можно возвести къ

эпохѣ до-историческаго сродства индо-европейскихъ преданій, тѣмъ не менѣе все содержаніе былинъ, а въ томъ числѣ и эти древнѣйшія преданія, представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть пріурочена только къ положительно-историческому періоду“... Этотъ историческій періодъ — кіевскій удѣльный періодъ. Содержаніе былинъ, связанныхъ съ именемъ Владимира, вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вв., а установилось не позднѣе XIV-го. Былины Владимирова цикла представляютъ Русь христіанскою, сосредоточенною подъ властью великаго князя кіевскаго Владимира, въ постоянныхъ сношеніяхъ, преимущественно враждебныхъ, съ татарами. Дѣйствіе былинъ происходитъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ или около него; изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичъ-Волынскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ. Напротивъ того, въ былинахъ Владимирова цикла не видно преобладанія Москвы, ни какъ великаго княжества, ни тѣмъ болѣе какъ царства; Москва даже никогда въ нихъ не упоминается, есть только московскія сторожевыя заставы... Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Владимирова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчевого періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчевого періода, вѣка XIII и XIV“... Былины, какъ особый родъ эпоса, существовали въ нашей народной поэзіи уже въ XII вѣкѣ; содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности, — „подобнымъ образомъ по живымъ слѣдамъ событій могли сложиться и былины о великомъ князѣ Владимирѣ, Добрынѣ Рязаничѣ, Алешѣ Поповичѣ и проч. Но татарское нашествіе замѣнило именемъ татаръ имена

прежнихъ степныхъ враговъ Кіева, безъ сомнѣнія, упоминавшіяся въ этихъ былинахъ, и къ содержанію послѣднихъ присоединило цѣлый рядъ новыхъ эпизодовъ, изображающихъ такія явленія жизни, которыя раньше татарскаго нашествія не были возможны [таковы осада Кіева татарами въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Василіи Игнатьевичѣ, отвозъ даней-выходовъ въ орду, плѣненіе татарами русской дѣвицы], и только въ соединеніи съ этой примѣсью дошло до насъ содержаніе былинъ Владимирова цикла. Потому мы и обозначили XIV вѣкомъ предѣлъ, когда оно могло установиться"... Разсматривая содержаніе былинъ Владимирова цикла въ отношеніи историческомъ, видимъ, что они, несмотря на значительныя позднѣйшія наслоенія, представляютъ довольно полное изображеніе народнаго быта и народныхъ понятій Руси въ тотъ періодъ, когда они сложились. Былины Владимирова цикла выражаютъ собою то именно время изъ прошедшаго Руси, когда русскіе славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и, подъ охраной его, впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность передъ натискомъ иноплеменниковъ; чтобы защитить и сохранить эту независимость, потребовалась крѣпкая воинская сила, тѣсно связанная съ высшею властью государственною, — и таковою явилась дружина, окружающая князя. Дѣятельность дружины, выраженная въ подвигахъ ея представителей богатырей — и есть предметъ былинъ... Народное творчество не только вполнѣ сочувствуетъ богатырямъ, но даже пристрастно къ нимъ. Такъ какъ война есть важнѣйшее дѣло богатырей, то совокупность воинскихъ доблестей и есть главная особенность, первое отличіе богатыря. А какъ войны, въ которыхъ участвуютъ дружинники-богатыри, имѣютъ важное народное значеніе, то и въ былинахъ воинской дѣятельности дружинниковъ-богатырей приданъ высокій характеръ патріотическій и даже религіозный. Народное творчество, всевозможными средствами стараясь выразить свое сочувствіе къ этимъ лицамъ, старается, такъ сказать, поднять ихъ надъ дѣйствительностью, идеализи-

ровать; поэтому оно придаетъ всевозможныя совершенства ихъ природѣ. Такъ до очевидно гиперболическаго представленія доводитъ оно тѣ физическія свойства, которыя оказываются вполнѣ соотвѣтствующими быту эпохи и дѣятельности дружины, если мы ихъ примемъ въ размѣрахъ обыкновенныхъ... Самое сильное проявленіе идеализаціи богатырей-дружинниковъ народнымъ творчествомъ заключается въ томъ, что оно окружаетъ ихъ существами сверхъестественными и даже иногда въ собственную жизнь богатырей вводитъ событія чудесныя. Этотъ элементъ чудеснаго въ нашихъ былинахъ не есть случайный вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, зависящій отъ личнаго произвола ихъ фантазіи; онъ порожденъ тою особенностью общенароднаго міросозерцанія, по которой многое, что совершается въ дѣйствительномъ мірѣ — во внѣшней ли природѣ, какъ ея явленіе, или въ человѣкѣ, какъ явленіе его духа — народъ, за недостаткомъ точныхъ понятій и по естественному стремленію, воображаетъ и объясняетъ себѣ въ видѣ миѳа или представленія сверх-естественнаго, при чемъ однако къ сему послѣднему относится съ полной вѣрой, какъ явленію самой осязательной дѣйствительности... Чудесныя явленія былинъ никогда не исходятъ изъ лица самихъ богатырей, какъ высшихъ существъ, могущихъ распоряжаться судьбою людей по своему произволу; а такимъ образомъ и въ соприкосновеніи съ чудомъ богатыри остаются простыми людьми. Сохраняя эту человѣческую природу богатырямъ, былины, очевидно, придаютъ главное значеніе нравственнымъ ихъ свойствамъ. И дѣйствительно — нравственный характеръ нѣкоторыхъ изъ богатырей очерченъ народнымъ творчествомъ довольно подробно и болѣе или менѣе сочувственно, такъ что эти лица являются какъ бы идеальными типами, въ которыхъ народъ олицетворилъ свои нравственныя идеи.... Главное лицо между богатырями-дружинниками, окружающими Владимира, — Илья Муромецъ, знаменитѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья-разбойника и Идолища, заступникъ князя Владимира передъ татарскимъ нашествіемъ.

Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному; его подвиги — не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ... Это религіозное освященіе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ бо́льшею полнотою воплотило лучшія нравственныя понятія и стремленія русскаго народа и потому естественно не могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религіозными убѣжденіями... Добрыня по происхожденію — княжичъ, лицо изъ высшаго сословія общества, богачъ. Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время... Не одинъ Добрыня служитъ въ былинахъ представителемъ высшаго зажиточнаго и образованнѣйшаго класса: таковы же бояринъ Ставръ Годиновичъ и княж. ловчанинъ Данило Денисьевичъ, оба извѣстные въ былинахъ по своимъ вѣрнымъ женамъ; таковы и молодые бояре Дюкъ Степановичъ, Чурила Пленковичъ, Хотенъ Блудовичъ. Не такъ славны они своими подвигами, какъ богатствами или житьемъ-бытьемъ, — черта, напоминающая о той роскошной, богатой жизни, которою славился Кіевъ XI—XII вѣковъ даже на западѣ... Алеша Поповичъ, подобно Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу — одно изъ главныхъ лицъ среди круга былинныхъ героевъ. Эти три богатыря — братья-названные между собою... Но между тѣмъ, какъ былины въ Ильѣ и Добрынѣ изображаютъ два вполнѣ сочувственныя народу лица, Алешу они противополагаютъ этимъ богатырямъ, какъ воплощеніе нѣсколькихъ свойствъ порочныхъ. Эти пороки былины представляютъ отчасти какъ особенности его личнаго характера, отчасти признаютъ отличительными чертами того сословія, къ которому принадлежитъ Алеша по происхожденію... „Уже отъ XII, XIII и XIV вѣковъ сохранились въ нашей литературѣ обличенія противъ пороковъ церковнослужителей; именно противъ корыстолюбія и мздоимства направлены были упреки митр. Кипріана и протестъ новгородскихъ и псковскихъ стри-

гольниковъ. Нельзя не видѣть связи этихъ заявленій съ сатирическими намеками нашего эпоса, нашедшими себѣ еще бо́льшее подтвержденіе во времена позднѣйшія"... Рядомъ съ разнохарактерными лицами, составляющими, по былинамъ богатырскую дружину Владимира и являющимися представителями различныхъ классовъ народа, рядомъ съ этими мужскими лицами, здѣсь же — рядъ лицъ женскихъ. „Женскія лица не многочисленны и взяты изъ одного только класса народа: они принадлежатъ или къ княжеской семьѣ или къ семьямъ дружинниковъ; поэтому въ женскихъ лицахъ не указаны слѣды общественныхъ различій, столь очевидныя въ лицахъ богатырей-дружинниковъ. Въ своихъ женскихъ лицахъ былины изображаютъ преимущественно общія черты женской природы, при чемъ подчиняютъ ихъ строгой нравственной оцѣнкѣ... Подобно знаменитому слову Данила Заточника, былины очень опредѣленно различаютъ между прочимъ нравственные типы жены злой и доброй"... Подвиги и приключенія Владимировыхъ богатырей-дружинниковъ — „по бо́льшей части вымышленные, но побужденія, ихъ создающія, самый образъ дѣйствія былинныхъ героевъ такъ близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась въ отдѣльное государственное тѣло, что общій смыслъ богатырской дѣятельности, а слѣдовательно и смыслъ эпоса о ней — уже историческій, и былины Владимирова цикла имѣютъ для народа значеніе какъ воспоминаніе, конечно, вполнѣ достовѣрное на его взглядъ, объ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ родной земли, воспоминаніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно представляетъ родную старину въ яркихъ краскахъ и самыми привлекательными чертами. Этимъ объясняется та живучесть и свѣжесть, съ которою отъ глубоко-древней эпохи до нашего времени былины сохранились въ народной памяти. Значеніе нашихъ былинъ становится еще шире и полнѣе благодаря прочному нравственному смыслу ихъ содержанія. Независимо отъ условій поэтическаго воспроизве-

денія дорогой народной старины, былины Владимирова цикла поучительны для народа, какъ рядъ разнообразныхъ картинъ житейскихъ явленій и людскихъ отношеній: въ былинахъ народъ съ умиленіемъ видитъ образцы высокихъ доблестей общественныхъ, образцы нѣжной супружеской привязанности, образцы любви къ слабому и угнетенному, кротости, прямодушія, благоразумія, твердости, самопожертвованія, — и рядомъ имѣетъ случай справедливо осудить проявленія хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости... И всѣ эти картины и образы тѣмъ выше становятся въ нравственномъ отношеніи, что они представляютъ собою не лирическое заявленіе личнаго мнѣнія, не протестъ отдѣльныхъ лицъ противъ гнетущаго зла и несправедливости, но истинно эпическое высшее начало примиренія добра со зломъ, которое въ своемъ приговорѣ по дѣламъ воздаетъ каждому человѣку и спокойно, безпристрастно, но не равнодушно, не безстрастно, изображаетъ дѣла человѣческія"... [*О былинахъ Владимірова цикла. Спб., 1863,* стр. 21—22, 22—23, 23—27, 29, 29—30, 42, 94, 95, 97, 100—101, 112, 113, 119, 120, 120, 120, 123, 126, 127, 130—131, 137, 138—139.] Все изложенное отвѣчаетъ главной основной цѣли, которую намѣчаетъ для себя изслѣдователь — „разсмотрѣть достоинства былинъ, какъ произведеній народной поэзіи времени не нашего, а минувшаго". Эта цѣль сама собой намѣчаетъ два основные вопроса: къ какому именно времени относится сложеніе взятыхъ былинъ? — и каково ихъ значеніе, какъ памятниковъ народной поэзіи? — вопросы, которые постоянно и имѣетъ въ виду въ своемъ трудѣ авторъ. Въ отношеніи собственно методологическомъ, — по взгляду изслѣдователя, изучая русскія былины, необходимо отличать пересказы каждой отдѣльной былины отъ общаго имъ основного содержанія, и главн. образ. послѣднее подвергать научному обслѣдованію, въ цѣляхъ выясненія ихъ древнѣйшей исторіи. Въ изслѣдованіи особенно цѣнны чисто фактическія сближенія русскихъ былинъ съ упоминаніями и указаніями лѣтописей, стремленіе выдѣлить въ былинномъ

содержаніи матеріалъ историко-бытовой, чисто мѣстный, народный и т. п.

Къ сожалѣнію, время появленія книги Л. Н. Майкова было временемъ наибольшихъ увлеченій у насъ миѳологической теоріей, — и замѣчательный трудъ остался не оцѣненнымъ! „Миѳологи", и въ ихъ ряду даже такіе, какъ А. А. Котляревскій — даже упрекали автора, что онъ, погнавшись за историческимъ содержаніемъ былинъ, совершенно упустилъ изъ виду ихъ главный, „основной элементъ" — миѳологическій... Вскорѣ начавшіяся не менѣе крайнія увлеченія наши теоріей „литературнаго заимствованія", полемика по поводу книги Стасова — все это надолго отодвинуло въ сторону точку зрѣнія чисто „историческаго" изученія нашего былиннаго эпоса. Направленіе это тѣмъ не менѣе продолжало время отъ времени возобновляться, — чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе получая для себя подкрѣпленіе въ научныхъ изысканіяхъ. Особенно важны были въ этомъ отношеніи — рядомъ съ относящимися сюда нѣкоторыми изслѣдованіями Буслаева — замѣтки Соловьева [Ист. Рос., X, М., 1863], при всей ихъ односторонности въ пользу казачества, — труды Кавшнина-Самарина [„Русскія былины въ историко-географич. отношеніи". „Бесѣда", 1871, кн. IV и V; „Рус. Вѣсти"., 1874, кн. 9—10], — Костомарова [Преданія первоначальной русской лѣтописи. „Вѣс. Евр.", 1873, янв. — мартъ], въ особенности И. В. Ягича, — разумѣемъ упоминавшуюся уже нами его статью *О славянской народной поэзіи*, напечатанную въ спеціальномъ хорватскомъ изданіи и тогда же переведенную у насъ [„Слав. Ежегодникъ", Н. Задерацкаго, Кіевъ, 1878, стр. 140—270], первую часть, гдѣ особенно цѣнны были „историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ славянскихъ народовъ", и собственно въ отношеніи къ нашимъ изученіямъ — „свидѣтельства о пѣніи пѣсенъ у русскихъ". Изученіе матеріала ведется въ томъ же направленіи, какъ это сдѣлано было уже Майковымъ, — хотя трудъ послѣдняго Ягичу не былъ извѣстенъ... Впечатлѣніе, произведенное изслѣдованіемъ Ста-

сова, было, однако, въ общемъ такъ сильно, что всякія подобныя изысканія многимъ казались малоубѣдительными; многіе даже историки продолжали отрицать историческую основу былинъ, а если и признавали ее, какъ Соловьевъ, то „въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ", видѣли лишь „пѣсни казацкія, о казакахъ"... Другіе ученые, какъ Срезневскій, смотрѣли на дѣло еще осторожнѣе: „не нахожу силы настаивать — замѣчалъ онъ, напр., въ одномъ мѣстѣ — ни на древности былинъ, прославляющихъ богатырей русскихъ, ни на древности богатырей этихъ былинъ"... [„Фил. Зап.", 1873, I, стр. 23—24.] И т. д. „Историческое направленіе", какъ мы видѣли, не играетъ никакой роли въ изслѣдованіяхъ даже столь крупнаго представителя нашей позднѣйшей фольклористической науки, какъ Веселовскій... Направленіе это видимо усиливается у насъ лишь послѣ появленія блестящаго изслѣдованія Н. П. Дашкевича: *Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей* [Кіевъ, 1883].

Небольшое по объему изслѣдованіе акад. Дашкевича производило тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе, что ставило вопросъ принципіально. Анализъ взятыхъ былинъ долженъ былъ подтвердить общій взглядъ изслѣдователя на основной характеръ нашего былиннаго эпоса и пріемы изученія, которые должны здѣсь примѣняться. Этотъ основной характеръ былинъ — доказываетъ авторъ — историческій. Русскія былины прикрѣплены къ русской исторіи, — и должны изучаться главн. образ. на почвѣ этой исторіи. Уже въ началѣ XII вѣка, говоритъ Дашкевичъ, были несомнѣнно у насъ пѣсни о „старомъ Владимирѣ", „старомъ Ярославѣ", „храбромъ Мстиславѣ" и др., — и „съ той поры у насъ не умолкала историческая народная пѣсня. Она откликалась на всѣ важнѣйшія событія нашей исторической жизни. Сохраняя постоянно сказанія о времени нашей народной юности, о дняхъ Владимира Краснаго Солнышка, поминая въ лицѣ богатырей тѣхъ „храбрыхъ", которые грудью стояли за русскую землю и охраняли ее отъ

печенѣговъ, половцевъ и затѣмъ легли костьми въ тяжелую годину татарскаго нашествія, наша народная эпика присоединяла и примѣняла къ этому начальному повѣствованію воспоминанія о временахъ позднѣйшихъ, о татарскомъ лихолѣтьѣ, о Грозномъ царѣ, о смутномъ времени, о подвигахъ южнорусскаго казачества въ борьбѣ съ татарами, о невзгодахъ, пережитыхъ южной Русью, о великомъ преобразователѣ Россіи и т. д. Такъ составилось довольно полное повѣствованіе о судьбахъ нашей земли, доселѣ живущее въ памяти народа, — лѣтопись, какою не можетъ похвалиться никакая другая нація; ни у какого другого народа нѣтъ эпики, которая совмѣщала бы въ живой передачѣ всѣ важнѣйшіе моменты народной жизни, начиная съ основанія національнаго государства, которая помнила бы всѣ главнѣйшія событія столькихъ вѣковъ многострадальной народной и государственной жизни“... Но если нашъ былевой эпосъ и сохранилъ въ обиліи „несомнѣнно живыя историческія воспоминанія“, — „они переданы въ духѣ, отличающемъ въ бо́льшей изъ меньшей степени всякую народную эпику“. По общему закону народнаго творчества, продолжаетъ изслѣдователь — историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ, напротивъ, тотчасъ же подвергается переработкѣ, подъ общимъ вліяніемъ окружающей среды, въ которой вращается эпосъ, общаго народнаго міросозерцанія, измѣненій въ этомъ міросозерцаніи, подъ вліяніемъ массы другихъ, вращающихся среди народа, устныхъ произведеній, особенно произведеній иноземныхъ, приходящихъ или путемъ устной передачи или изъ книгъ, и изъ которыхъ многія „вростаютъ въ народный былевой эпосъ и содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, съ другой — искаженію ея“... Словомъ, при всей крѣпости своей чисто исторической основы, дошедшій до насъ, современный намъ былевой эпосъ — все же сплавъ весьма различныхъ элементовъ, „сплавъ различныхъ стихій“. Этотъ „сплавъ“, однако, не

даетъ и не долженъ давать права „на односторонніе заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, — которыми переполнены будто бы наши былины“ *[Былины объ Ал. Поп., стр. 1—6]*. Вотъ основная, исходная точка зрѣнія, которую выдвигаетъ акад. Дашкевичъ уже въ первомъ своемъ трудѣ, — и которую позднѣе онъ, съ одной стороны, все болѣе подкрѣпляетъ тѣми или другими фактическими данными, съ другой — сильнѣе развиваетъ высказанныя сейчасъ вскользь общія положенія. Въ томъ и другомъ отношеніи существенныя пополненія высказанныхъ ранѣе взглядовъ представляютъ особенно двѣ дальнѣйшія работы Дашкевича: разборъ „Экскурсовъ“ Вс. Ѳ. Миллера [„Отчетъ“ о 36-мъ прис. нагр. гр. Уварова. Спб., 1902] и небольшой этюдъ: „Вопросъ о происхожденіи и развитіи эпоса о животныхъ“ (Кіевъ, 1904). Къ этимъ работамъ Дашкевича мы вернемся нѣсколько ниже; здѣсь продолжимъ рѣчь о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ работахъ въ томъ же историко-бытовомъ направленіи, — быстро принимавшемъ у насъ все болѣе широкое и глубокое примѣненіе.

Новыя, дальнѣйшія изученія въ томъ же направленіи и въ то же время новую, болѣе широкую почву для такихъ изученій представляли между прочимъ изслѣдованія М. Е. Халанскаго († 1910): разумѣемъ два относящіеся сюда его труда: *Велико-русскія былины кіевскаго цикла* [Варшава, 1885, — изъ „Рус. Фил. В.“] и *Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Сравнительныя наблюденія въ области героическаго эпоса южныхъ славянъ и русскаго народа* [3 т., Варшава, 1893—1895; первонач. также въ „Р. Ф. В.“]. Первый трудъ представляетъ дальнѣйшія изученія „великорусскихъ былинъ кіевскаго цикла“ въ направленіи, указанномъ Майковымъ и Дашкевичемъ. Впрочемъ, съ первымъ изслѣдователь не соглашается во многихъ существенныхъ пунктахъ, — спеціальную же работу послѣдняго оставляетъ какъ-то въ сторонѣ. Вотъ выводы, къ которымъ приходитъ Халанскій въ своемъ первомъ трудѣ:

„Въ древней Руси существовало нѣсколько област-

ныхъ эпосовъ. Былины кіевскаго цикла представляютъ собою народный эпосъ великоруссовъ, сложенный на основаніи различныхъ областныхъ сказаній, между которыми главнѣйшее мѣсто принадлежитъ сказаніямъ сѣверо-восточнымъ, — ростовскимъ, муромскимъ, рязанскимъ и московскимъ, а затѣмъ кіевскимъ и др. Наблюденія надъ составомъ великорусскаго эпоса приводятъ къ мнѣнію, что такъ называемый Владимировъ или кіевскій кругъ былинъ не однороденъ ни по мѣсту, ни по времени происхожденія составляющихъ его сказаній. Онъ — не развившійся одинъ мѣстный эпосъ, а соединеніе трехъ, можетъ быть, и четырехъ областныхъ эпосовъ, именно: суздальскаго, старо-кіевскаго, чернигово-сѣверскаго и московскаго... Въ Добрынѣ Никитичѣ отразились народныя воспоминанія о двухъ историческихъ личностяхъ: кіевскомъ Добрынѣ, дядѣ Володимира, и рязанскомъ хоробрѣ Добрынѣ или Тимонѣ-Золотой поясъ... Былины объ Иванѣ (Михайлѣ) Даниловичѣ относятся къ кіевскому хоробру XIII в. Ивану Даниловичу... Лѣтописныя сказанія о переяславскомъ богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ стоятъ въ родственной связи съ нѣкоторыми мотивами *былинъ объ Ильѣ Муромцѣ* и *Суханѣ*... Въ *былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ* отражаются областныя ростовскія сказанія о мѣстномъ хоробрѣ Александрѣ Поповичѣ, жившемъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка... Борьба съ татарами — героическій періодъ въ исторіи великорусской народности — нашла себѣ яркое отраженіе какъ въ книжно-народныхъ сказаніяхъ [напр., въ *Сказаніи о нашествіи Батыя*], такъ и въ *былинахъ объ Идолищѣ Поганомъ, Ильѣ Муромцѣ, Василіи Игнатьевичѣ* и др. Въ основаніи былины *о гибели богатырей* лежитъ сочетавшееся съ историческими пѣснями о гибели русскихъ силъ въ періодъ татарскаго нашествія *книжно-церковное сказаніе* объ участіи небеснаго воинства въ битвахъ людей... *Былина объ Иванѣ Годиновичѣ* вошла въ русскій эпосъ путемъ заимствованія сюжета отъ южныхъ славянъ... Жидовинъ — не „богатырь изъ земли Хазарской“, а образъ книжнаго происхожденія... Въ *былинѣ про*

Тугарина Зміевича нѣтъ ничего историческаго: она одного происхожденія съ юго-славянскими сказаніями о змѣяхъ и змѣевичахъ... *Былина о Дюкѣ Степановичѣ*, при несомнѣнно книжномъ происхожденіи сюжета, заключаетъ въ себѣ много подробностей московскаго быта... *Былина о Соловьѣ Будимировичѣ*, въ цѣломъ и частяхъ, стоитъ въ связи съ символикой свадебныхъ пѣсенъ... Объединеніе разнородныхъ по времени и мѣсту происхожденія былинъ въ Кіевскій или Владимировъ кругъ совершалось постепенно въ сѣверо-восточной Руси, закончившись къ XVI вѣку въ Московскомъ государствѣ. Объединяющими именами стали стольный городъ Кіевъ и Владимиръ, князь стольно-кіевскій, вслѣдствіе пѣсенной традиціи, поддержанной какъ историческими воспоминаніями, такъ и религіозными связями московской Руси съ Кіевомъ... Старо-кіевскій былевой эпосъ, не успѣвъ сложиться въ строгій эпическій циклъ, частью слился органически съ былинами, составившими въ московской Руси кіевскій циклъ, частью вошелъ въ составъ малорусскихъ думъ, колядокъ и прозаическихъ сказаній"... *[Великорусскія былины кіевскаго цикла — „положенія"]*. Какъ видимъ, уже въ первомъ своемъ изслѣдованіи Халанскій мѣстами вводитъ новый элементъ въ изученіе русскаго эпоса: южно-славянскіе эпическіе матеріалы; этотъ элементъ является главнымъ и основнымъ во второмъ его трудѣ: „Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ" и пр. [3 т., Варшава, 1893—1895]. Обращеніе къ южно-славянскому эпосу было большимъ и существеннымъ пріобрѣтеніемъ: оно разомъ и необычайно счастливо обогащало изучаемый матеріалъ, — давая новыя, свѣжія доказательства плодотворности изученія русскаго эпоса на чисто исторической основѣ. Первыя такого рода сближенія принадлежали уже Ор. Ѳ. Миллеру; но матеріалы, которыми онъ могъ располагать здѣсь, были еще слишкомъ незначительны, „крупицы", въ сравненіи съ матеріалами, которые были въ распоряженіи Халанскаго. Основной выводъ, къ которому пришелъ Халанскій, сопоставляя русскій эпосъ съ южно-славянскимъ — тѣсное обще-

ніе южно-славянскихъ и русскихъ народныхъ преданій — былъ вполнѣ принятъ наукой, хотя сближенія, которыя дѣлаетъ изслѣдователь между Ильей Муромцемъ и Кралевичемъ Маркомъ, страдаютъ все же большими увлеченіями. Большимъ увлеченіемъ, мало обоснованнымъ, являлось и это стремленіе изслѣдователя вывести нашего Илью Муромца не только отъ южныхъ славянъ, но провести его еще и черезъ нѣмецкія земли, — какъ это и было въ свое время указано ученой критикой. „Въ изслѣдованіи г. Халанскаго — писалъ, между прочимъ, въ своей рецензіи на второй трудъ Халанскаго проф. Сумцовъ — выдвинута такая сторона, которая не привлекала къ себѣ вниманія ученыхъ — взаимодѣйствіе германскаго и славянскаго пѣснотворчества... Несомнѣнная заслуга автора, что онъ вводитъ новую точку зрѣнія на нѣкоторыя эпическія теченія и, главное, на двухъ-трехъ мотивахъ основательно доказываетъ внутреннюю связь между германскимъ и сѣверно-великорусскимъ эпосомъ. Но главныя положенія автора о переходѣ южнорусскихъ сказаній объ Олегѣ на германскій сѣверъ, переработкѣ ихъ въ сказанія объ Elegast'ѣ, Eligas'ѣ, Ilias'ѣ изъ Reussen и затѣмъ переходѣ послѣднихъ въ сѣверную Русь и передѣлкѣ въ былины объ Ильѣ Муромцѣ — всѣ эти положенія, или точнѣе предположенія, представляются весьма шаткими и возбуждаютъ разныя сомнѣнія и недоразумѣнія. Здѣсь у автора гипотезы нанизываются одна на другую, и въ итогѣ получается нѣчто совсѣмъ гадательное“ [„Записки Харьк. Университета“, 1895, III, стр. 2—37]. Во всякомъ случаѣ, основная мысль изысканій проф. Халанскаго была тѣмъ плодотворнѣе, что изслѣдователь развиваетъ ее на широкой почвѣ литературныхъ общеній южно-славянскаго и русскаго эпоса съ эпическими сказаніями западныхъ народовъ, до древне-классическихъ включительно, — стараясь въ то же время удержать и мѣстныя, національныя, черты эпоса каждаго отдѣльнаго народа. „Нужно окончательно отказаться — энергично возражаетъ Халанскій Вс. Ѳ. Миллеру — отъ методическихъ пріемовъ разработки русскаго эпоса,

вытекающихъ изъ ложнаго воззрѣнія на него, какъ на „колоду картъ“, — въ которой, „при устной передачѣ, въ теченіе вѣковъ отдѣльные мотивы, нѣкогда принадлежавшіе одной масти, перетасовываются между собою такъ же случайно, какъ карты въ колодѣ“ [„Экскурсы“, стр 75]... Несомнѣнно, позднѣйшія контаминаціи, наслоенія, измѣненія древняго содержанія, иногда искажающія образы, возникавшія въ средѣ болѣе культурной, существуютъ въ русскомъ героическомъ эпосѣ. Но вообще говоря, сравнительное изученіе русскихъ былинъ и южно-славянскихъ юнацкихъ пѣсенъ приводитъ къ утѣшительнымъ воззрѣніямъ на крѣпость народной славянской памяти, хорошо (сравнительно, конечно) сохранившей многія устныя словесныя произведенія средневѣковыхъ сказителей, и на несомнѣнное присутствіе творчества въ случаяхъ усвоенія славянскимъ эпосомъ захожихъ иноземныхъ сюжетовъ. Правда, это творчество не достигало до степени созданія новыхъ, оригинальныхъ по замыслу и исполненію, сложныхъ по содержанію, произведеній, хотя бы на основаніи обращавшихся уже въ обиходѣ пѣвцовъ пѣсенъ. Это послѣднее возможно при бо́льшей высотѣ культуры и особенно въ томъ случаѣ, если въ помощь поэту-пѣвцу является грамота [ср. *Пѣснь о Нибелунгахъ*, *Кудруна* и др. произведенія средне-вѣкового эпоса]. Творчество славянскихъ пѣвцовъ-поэтовъ ограничивалось лишь, такъ сказать, поэтическими элементами, главнымъ образомъ созданіемъ поэтическаго языка; въ области же содержанія наши пѣвцы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не выходили изъ тѣхъ рамокъ, какія давались оригиналомъ“... „Изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующій — продолжаетъ изслѣдователь — методологическій принципъ разработки русскаго и южно-славянскаго устнаго эпоса: сравнительное изученіе былинъ должно исходить отъ факта устойчивости мотива въ устной передачѣ; сравнительныя изысканія должны имѣть въ виду сходство содержанія, плана, собств. именъ устно-поэтическихъ произведеній, а затѣмъ ихъ формы... „Ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго былиннаго эпоса“ (слова

В. Ѳ. Миллера) открывается въ безпристрастномъ изученіи цѣлой совокупности условій и вліяній, подъ которыми слагалась древнерусская культурная жизнь и, какъ продуктъ ея, древнерусская устная дружинная поэзія. На общемъ фонѣ перекрестно дѣйствовавшихъ различныхъ культурныхъ взаимодѣйствій и воздѣйствій, безъ которыхъ вообще немыслима жизнь культурнаго народа, въ русскомъ былевомъ эпосѣ ярко выдѣляется и вполнѣ научно опредѣляется поэтическое вліяніе западно- и южно-европейское, — а не азіатское, будетъ ли то ордынское, татарское или иранское, процѣженное черезъ тюркскую среду... Сравнительно-историческое изученіе мотивовъ славянскаго героическаго эпоса — продолжаетъ изслѣдователь — привело насъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ тому выводу, что древнѣйшія версіи ихъ принадлежатъ изложеніямъ др.-классическихъ писателей. Въ большинствѣ случаевъ славянскія версіи соотвѣтствующихъ классическихъ сюжетовъ сближаются съ ними не непосредственно, а черезъ книжное или устно-поэтическое посредничество зап.-европейскихъ варіантовъ. И здѣсь, въ области зап.-европейской словесности, повидимому, существовала извѣстная послѣдовательность и преемственность въ разработкѣ древне-классическихъ поэтическихъ сюжетовъ и дальнѣйшей ихъ устной передачѣ отъ пѣвцовъ одного народа или страны, ранѣе культивировавшихъ искусство пѣнія и сказыванья, къ пѣвцамъ другой страны и другого народа, позднѣе вступившаго на историческій путь прогресса. Въ этомъ отношеніи, вѣроятно, пѣвцамъ англо-саксонскимъ принадлежитъ главная и важная роль въ древнѣйшемъ періодѣ [VI—VIII в.] развитія устной эпической поэзіи европейскихъ народовъ... Присутствіе и переживаніе классическихъ сюжетовъ въ поэзіи новыхъ народовъ есть лишь фактъ словесной преемственности между древними и новыми народами, столь обычный, а главное, всегда опредѣлимый и несомнѣнный, въ исторіи литературы. Вліяніе греко-римской поэзіи, содержавшей пересказы, перепѣвы мотивовъ, непосредственно

примыкавшихъ, въ качествѣ варіантовъ, книжныхъ, а можетъ быть иногда и устныхъ, къ большимъ литературнымъ эпическимъ цикламъ, какъ *Иліада, Одиссея, Метаморфозы*, на средневѣковой европейскій героическій эпосъ есть лишь одно изъ выраженій могучаго воздѣйствія греко-римской цивилизаціи на всю сумму проявленій культурной жизни ново-европейскихъ народовъ"... Въ частности, въ отношеніи собственно къ русскимъ и южно-славянскимъ эпическимъ сказаніямъ, — „изученіе поэтической біографіи Кралевича Марка, заключаетъ Халанскій, дало намъ возможность одновременно подвергнуть сравнительному изслѣдованію многіе мотивы великорусскаго былевого эпоса. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, опредѣляемыхъ сходными сюжетами Маркова эпоса, разсмотрѣны былины о Добрынѣ, Алешѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Ставрѣ, Иванѣ Годиновичѣ и др. Въ наибольшей полнотѣ и цѣльности намъ удалось разсмотрѣть эпическую біографію Дуная и Ильи Муромца. Почти всѣ мотивы поэтической исторіи послѣдняго содержатся въ циклѣ сказаній о Кралевичѣ Маркѣ, такъ что изслѣдованіе сюжетовъ Маркова эпоса является и изслѣдованіемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ"... И т. д. [*Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса*, III, стр. 510—511, 544, 697, 697, 698, 742].

Чрезвычайно цѣнна статья С. К. Шамбинаго: *Древнерусское жилище по былинамъ* [Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера. М., 1900, стр. 129—149]. Свой весьма содержательный этюдъ авторъ самъ ставитъ въ ближайшую связь съ предшествовавшими трудами въ томъ же направленіи Л. Н. Майкова и М. Е. Халанскаго. Статья представляетъ очень тщательный, детальный сводъ соотвѣтствующаго матеріала былиннаго и историческаго. Авторъ задался цѣлью — представить, на основаніи былинныхъ описаній, картину древнерусскаго жилища и сравнить ее съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ Забѣлинымъ для исторіи царскаго дворца XVII вѣка въ извѣстномъ трудѣ: *Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ*

[2 т., М., 1862—1869]. „Сопоставленіе былиннаго описанія съ историческими свидѣтельствами заставляетъ придти — дѣлаетъ выводы авторъ — къ такимъ заключеніямъ: Во-первыхъ, былинныя описанія, если мы отбросимъ ихъ нѣкоторую гиперболичность, совпадаютъ, даже въ малѣйшихъ деталяхъ, съ исторической дѣйствительностью. Во-вторыхъ (обращаемъ вниманіе, что всѣ приведенныя нами документальныя данныя относятся къ XVII вѣку), былинное описаніе жилища представляетъ описаніе царскихъ или вообще боярскихъ палатъ XVI—XVII вѣка. Къ этому времени относится расцвѣтъ русской архитектуры. Ея начало принадлежитъ временамъ очень отдаленнымъ. Еще слишкомъ за 60 лѣтъ до нашествія татаръ, владимирцевъ прозывали каменьщиками, а это значило, что они были уже пресловутые мастера своего дѣла... При Алексѣѣ Михайловичѣ русское зодчество достигаетъ своего окончательнаго расцвѣта; при Петрѣ и постройкамъ были даны новые, иноземные образцы. Покровскій соборъ XVI и Коломенскій дворецъ XVII вв. (описаніе котораго сохранилось) наглядно свидѣтельствуютъ, что вычурность, пестрота раскраски, блескъ позолоты — составляющіе основу былинныхъ описаній — были непремѣннымъ условіемъ зодчества XVI—XVII вѣка. Былинное изображеніе жилища вѣрно исторической дѣйствительности еще потому, что, если откинуть разницу въ убранствѣ, просторѣ и украшеніяхъ жилища, — „царскій дорецъ XVI и XVII вв., по замѣчанію Забѣлина, есть небольшое видоизмѣненіе крестьянской избы, которая, въ свою очередь, съ самыхъ давнихъ временъ и до сихъ поръ нисколько не измѣнилась...“ Сказителямъ легко было сохранять въ памяти основу своихъ описаній: она была у нихъ всегда передъ глазами“. Вообще такое детальное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное изображеніе „наряда“ хоромъ — „непремѣнно должно было составиться подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго великолѣпія. Къ XVI—XVII вѣкамъ относится также и процвѣтаніе скомороховъ. Роль послѣднихъ въ процессѣ созданія былинъ уже выяснена достаточно... Не трудно

представить себѣ, что и сохраненіемъ подробностей русской архитектуры XVI—XVII в.в. мы обязаны именно все тѣмъ же бахарямъ, гуслярамъ, домрачеямъ, которые были непремѣнными гостями царскаго дворца, а на половинѣ царицы и царевенъ — не переводились. Несомнѣнно, что ими затронута не одна только вышеизложенная бытовая черта. Такимъ образомъ, скоморохи были окончательными редакторами былинныхъ описаній, и если послѣднія рисуютъ бытъ XVI—XVII вв., то эту эпоху можно считать временемъ, къ которому русскій эпосъ вылился въ окончательную художественную форму. Если создавались новые сюжеты, то имъ уже были готовыя рамки. Съ XVIII вѣка начинается періодъ лишь запоминанія и преемственной передачи былинъ. Богатырскій эпосъ уже не развивается: сказители изъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ, стараясь „слова не выкинуть", поэтическое наслѣдіе XVII вѣка..." [ib., стр. 148—149].

Нельзя не отмѣтить чрезвычайно остроумной замѣтки, помѣщенной въ томъ же сборникѣ, принадлежащей П. Н. Милюкову: *Что такое „море Вирянское" и городъ Леденецъ?* упоминаемые въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ. Статья даетъ чисто реальныя объясненія, — въ свою очередь прикрѣпляя русскую былину къ окружающей, мѣстной географіи и топографіи. „Прежде всего, это море — читаемъ въ замѣткѣ — за которымъ находится по былинѣ „славный городъ Леденецъ", носитъ названіе „Вирянскаго"... Другіе варіанты даютъ иныя, болѣе банальныя пріуроченія. По основному принципу филологической критики, болѣе трудное и непонятное чтеніе скорѣе могло замѣниться болѣе легкимъ и понятнымъ, чѣмъ наоборотъ, — по этому принципу мы должны считать варіантъ съ „Вирянскимъ" (по другому чтенію „Веряйскимъ") моремъ болѣе первоначальнымъ"... „Названіе Вирянское, или Веряйское, конечно, есть позднее искаженіе имени Варяжское", замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ: съ такимъ отожествленіемъ не согласенъ изслѣдователь. „Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о Балтійскомъ морѣ или, точнѣе говоря, о Финскомъ заливѣ; но названіе его „Ви-

рянскимъ“ вовсе не есть искаженное, напротивъ, очень близкое къ подлинному. Какъ извѣстно, ближайшая часть Эстляндіи, на лѣвомъ берегу р. Наровы, отъ ея истока изъ Пейпуса до впаденія въ Финскій заливъ, носила въ древности названіе Vironia или Virland. Конечно, это названіе извѣстно было русскимъ, которые жителей Вироніи называли „вируянами“, а, слѣдовательно, и примыкающее море могли назвать „Вирянскимъ“ или „Вирейскимъ“ [см. Новгор. IV лѣтопись, подъ 1268 годомъ: „Домонтъ ... вируянъ плѣни и до моря“ (П. С. Р. Л. IV, стр. 41). Соф. Врем. ч. I, стр. 280: „иде на вируяны и плѣни землю ихъ и до моря“. Воскресенская, idem (П. С. Р. Л., стр. 168)]. Отправляясь по этому „морю“ изъ Невы, т. е. на западъ, къ какому „славному граду Леденцу“ можно было пріѣхать?“ — продолжаетъ авторъ замѣтки: „Простая историко-географическая справка даетъ намъ отвѣтъ, столь же неожиданный, сколько, на нашъ взглядъ, и удовлетворительно рѣшающій вопросъ. Ближайшій „славный градъ“, гдѣ должны остановиться суда, слѣдуя этимъ путемъ, и въ наше время — есть Ревель. Древнѣйшее укрѣпленіе Ревеля, построенное датскимъ королемъ Вальдемаромъ II, стояло на скалистой горѣ (Domberg), гдѣ прежде того стоялъ старинный замокъ эстовъ, носившій названіе Lyndanissa. Нельзя не признать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ того предположенія, которое само собой напрашивается при сопоставленіи этихъ именъ въ ихъ топографической связи: древняя эстонская „Линданисса“ и есть „славный градъ Леденецъ“ нашей былины...“ Третье географическое названіе былины можетъ найти себѣ естественное объясненіе, по мнѣнію автора, въ топографической связи съ двумя предыдущими, т. е. съ „Вирейскимъ“ моремъ и съ городомъ „Леденцомъ“. „Въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины корабли приходятъ не изъ славнаго града Леденца, а „изъ-за того Кодольскаго (или Кодойлова) острова“. Предыдущіе изслѣдователи не пытались отыскивать этого острова на картѣ и вообще объяснять его появленіе въ былинѣ. Только В. Ѳ. Миллеръ пробовалъ поставить въ связъ это имя съ нарицательнымъ словомъ кодолы (тол-

стые канаты), встрѣчающимся въ той же былинѣ. Если будетъ, однакоже, найдено вѣроятнымъ наше объясненіе, данное выше, то и для „Кодольскаго отрова“ найдется мѣсто между Ревелемъ и устьемъ Невы. Это, всего скорѣе, „Котлинскій островъ“, — Ketlingen, русскій Котлинъ, „изъ-за“ котораго, дѣйствительно, и должны были появляться въ устьѣ Невы корабли, плывшіе Финскимъ заливомъ отъ славной Линданиссы“... [П. Н. Милюковъ, — ib., стр. 315].

Идя параллельно съ „международными“ изученіями Веселовскаго, пробиваясь все сильнѣе, — „историческое направленіе въ изученіи памятниковъ русскаго народнаго творчества временами усиливается настолько, что захватываетъ своей волной и другихъ русскихъ ученыхъ, помимо собственно спеціалистовъ-филологовъ: разумѣемъ чрезвычайно характерные въ данномъ случаѣ этюды зоолога Сергѣя Усова *Единороги* [Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 янв. 1877 г. М., 1877] и юриста П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго *О древне-русской дружинѣ по былинамъ* [Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи того же университета 12-го января 1897 года. М., 1897]. Первый останавливается на легендарныхъ сказаніяхъ о „единорогахъ“, между прочимъ „индрикѣ-звѣрѣ“ *Голубиной книги*, — и приходитъ къ выводамъ, что для образованія этихъ легендарныхъ сказаній матеріалами послужили „каффрскій быкъ, индійскій носорогъ, антилопа сѣверо-восточной Африки, рогозубъ и, наконецъ, мамонтъ, — четыре еще живущихъ нынѣ животныхъ и одно ископаемое... Изъ этихъ животныхъ только носорогъ индійскій имѣетъ одинъ рогъ; два — двуроги и два вовсе не имѣютъ роговъ. Ошибки происходили лишь отъ малаго знакомства съ міромъ животныхъ, по недостаточному или вѣрнѣе ошибочному толкованію фактовъ естественно историческихъ, но тѣмъ не менѣе фактовъ дѣйствительныхъ, истекающихъ изъ наблюденій, но непосредственныхъ...“ Если выбрать изъ своднаго стиха Голубиной книги соотвѣтствующіе признаки — заключаетъ изслѣдователь — получимъ: „Индрикъ [*„Инрогъ, Индрогъ, Едино-*

рогъ, Индрикъ — одно и то же слово"...] очень большой звѣрь, съ рогомъ или рогами, живущій подъ землею и прорывающій себѣ рогомъ подземные ходы, и тѣмъ самымъ открываетъ ключи, и проводитъ или пропускаетъ рѣки. На свѣтъ не выходитъ и потому его никто въ глаза не видалъ. Такой разсказъ подходитъ вполнѣ къ легендамъ, сложившимся у разныхъ сѣверныхъ народовъ о мамонтѣ (Elephas primigenius)"... [С. Усовъ, „Единороги", стр. 43—44, 35, 33]. — „Мы не можемъ пренебречь — писалъ Мрочекъ-Дроздовскій — не постараться, по крайней мѣрѣ, привести въ ясность тѣ историко-юридическія данныя, которыя найдутся и находятся въ эпической поэзіи, въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ и т. д. Мы не имѣемъ права обходить вниманіемъ и самыя краткія, отрывочныя свѣдѣнія о прошломъ страны, о древностяхъ народнаго быта. Тѣмъ бо́льшаго вниманія отъ насъ заслуживаетъ наша былина. Изслѣдователю исторіи русскаго народа былина доставляетъ весьма много данныхъ — если не въ смыслѣ дѣйствительныхъ событій, то въ смыслѣ народныхъ понятій о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ; эти понятія несомнѣнно отразились въ былинныхъ образахъ. Какъ бы ни произошли, откуда бы ни взялись типы нашихъ былинныхъ дѣятелей съ ихъ подвигами и отличительными чертами, — эти типы получили мѣстную окраску, стали выразителями тѣхъ началъ, которыя легли въ основу русской жизни. Въ форму — вынесенную ли изъ далекой общей родины или заимствованную у иныхъ народовъ при сношеніяхъ съ ними — вложено мѣстное содержаніе, народная старина. Русскій былинный эпосъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для исторіи русскаго права, какъ одинъ изъ ея источниковъ. Кіевская исторія, съ ея лѣтописью, былиной — несомнѣнный истокъ исторіи владимиро-московской, и въ ней, а не гдѣ-либо за моремъ или за степью, слѣдуетъ искать сѣмена московскаго уряда и искать ихъ не только въ письменности, но и въ древнихъ былинныхъ повѣстяхъ. Много крупнаго, цѣннаго для изученія былины сдѣлали и дѣлаютъ наши филологи..., — еще ничего не сдѣлали для

былины историки отечественнаго права. Между тѣмъ, въ былинахъ находятся весьма любопытныя и важныя данныя, разработкою которыхъ могутъ и должны заняться наши историки-юристы, приложивъ и къ этому дѣлу свои силы и знанія"... [О древнерусской дружинѣ по былинамъ. М., 1897, стр. 3—4, 5, 88, 89.) И спеціалистъ по исторіи русскаго права свою актовую рѣчь посвящаетъ „разсмотрѣнію былины относительно одного изъ крупныхъ вопросовъ исторіи русскаго государственнаго права — вопроса о дружинѣ"...

Въ двухъ отмѣченныхъ сейчасъ этюдахъ, кажется, было не мало ученой фантазіи [ср. между прочимъ отзывъ другого юриста-спеціалиста о цитированной сейчасъ „рѣчи" проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, — „Этнографич. Обозр.", 1897, № 3, стр. 198—201]... Совсѣмъ иное значеніе — въ смыслѣ упроченія усиливавшагося теперь историко-бытового направленія въ изученіи русскаго народнаго эпоса — имѣли упомянутыя нами выше небольшія „замѣтки" акад. А. И. Соболевскаго. Дѣлавшіяся какъ бы мимоходомъ, случайно, замѣтки эти представляли весьма цѣнный вкладъ въ общее поступательное движеніе нашихъ изученій, такъ какъ каждая вносила или новый фактъ или новое освѣщеніе того или другого спеціальнаго вопроса въ области нашего народнаго творчества, русскаго folklore'а или даже вообще русской археологіи. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ внесены авторомъ въ вышедшее позднѣе собраніе его статей: *Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи* [Сборникъ II отд. И. Ак. Н., т. LXXXVIII, Спб., 1910]. Нельзя не пожалѣть, однако, что — лишь только нѣкоторыя. Очень многія изъ этого рода статей и замѣтокъ акад. Соболевскаго продолжаютъ оставаться разбросанными — какъ онъ самъ замѣчаетъ въ предисловіи къ названному собранію — по такимъ изданіямъ, „которыя даже библіофиламъ малодоступны"... „Большинству обыкновенныхъ читателей" эти, чаще всего микроскопическія по объему, статейки и замѣтки остаются дѣйствительно совершенно „не извѣстными"!.. Изъ помѣщенныхъ въ названномъ

собраніи статей въ настоящемъ случаѣ къ намъ относятся: *Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи* [„Жив. Старина“, 1893, вып. IV, — указываемъ, какъ здѣсь, такъ и далѣе, время первоначальнаго появленія статей, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ въ названномъ изданіи, и что между тѣмъ не лишено значенія для исторіи постепенной разработки въ данномъ направленіи нашего folklore'a], — *Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ* [„Жив. Ст.“, 1890, вып. II], — *Волосъ и Власій* [„Рус. Фил. В.“, 1886, т. XVI], — *Груша и Дуня* [„Ж. Ст.“, 1890, вып. I], — *Купало* [„Р. Ф. В.“, 1889, № 4], — *Ярило* [„Сборникъ II Отд. Ак. Н.,“ т. LXXXVIII], — *Два слова о вилахъ* [ib. т. LXXXVIII], — *Навье и Верзіулово коло* [Р. Ф. В., 1890, № 1], — *Тризна* [Сборникъ II Отд. А. Н., т. LXXXVIII]. Изъ другихъ замѣтокъ Соболевскаго, относящихся сюда, отмѣтимъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ печати: *Славянское миса* [„Р. Ф. В.“, 1884, № 4], — *Славянское тысяча* [ib., 1885, № 1], — *На канину* [ib., 1885, № 4], — *Къ исторіи русскихъ былинъ* [Ж. М. Н. Пр., 1889, № 7], — *Къ вопросу о прозвищѣ былиннаго Ильи* [„Этн. Обоз.“, 1890, № 3], — *Камень латырь* [„Этн. Об.“, 1891, № 1], — *О типѣ Ильи Муромца*, по поводу книги Вс. Ѳ. Миллера: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“ [Ж. Ст., 1892, в. II], — *Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя* [„Ж. Ст.“, 1893, в. I], — *Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ*, по поводу книги Житецкаго: „Мысли о малорусскихъ думахъ“ [„Ж. Ст.“, 1893, в. II], — рецензію на книгу Д. И. Иловайскаго: „Богатырь-казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо“ [„Ж. Ст., 1893, вып. II], — рецензію на книгу Кирпичникова: „Къ вопросу о древнерусскихъ скоморохахъ [Ж. Ст.“, 1893, вып. II], — рецензію на книгу архим. Бориса: „О сравнительной миѳологіи Макса Мюллера“ и пр. [„Ж. Ст.“, 1894, вып. III—IV], — *Новыя вѣянія въ народной поэзіи* [„Лит. Вѣстн.“, 1902, т. III, кн. 3], — упоминавшуюся выше рецензію на книгу Пыпина и статью *Къ изученію русскихъ народныхъ пѣсенъ*, — *Былина о Ставрѣ Годиновичѣ по сп.*

пол. XVII вѣка [Изв. II От. А. Н., 1911, кн. 1] и т. д. Отмѣтимъ выводы нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ „замѣтокъ".

Въ статьѣ о значеніи для исторической науки названій населенныхъ мѣстъ (городовъ, деревень) — чѣмъ такъ нерѣдко ученые пользовались, приходя на основаніи этихъ названій къ тѣмъ или другимъ, часто очень большимъ, выводамъ — акад. Соболевскій дѣлаетъ относительно этого существенную поправку, указывая, что „значеніе названій для науки должно быть ставимо въ связь со способомъ ихъ образованія". Только руководясь тщательнымъ изученіемъ послѣдняго, можно понять, почему нерѣдко въ одной и той же губерніи, напр., въ Ярославской, мы находимъ рядомъ поселенія съ самыми разнообразными названіями: *Чудиново, Мерино, Мещерино, Муромцево, Прусово, Козариново, Лядово, Нѣмцево* и т. д. Многія названія происходили отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ, — или давались окружавшимъ русскимъ населеніемъ лишь отдѣльнымъ небольшимъ поселеніямъ, которыя случайно занимались почему-либо отдѣльными инородцами, т. е. группой людей болѣе или менѣе отличныхъ въ этнографическомъ отношеніи отъ окрестнаго русскаго населенія, — таково, напр., названіе московской мѣстности *Грузины*. Сверхъ того не нужно забывать о частыхъ переселеніяхъ крестьянскаго населенія въ старой Руси, какъ русскаго, такъ и инородческаго... Останавливаясь въ статьѣ о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ между прочимъ, на имени пресловутаго Соловья-разбойника, — изслѣдователь замѣчаетъ: „Употребленіе названій животныхъ разнаго рода въ качествѣ личныхъ именъ свойственно едва ли не всему человѣчеству. Древняя Русь знала его издревле. Такъ, намъ извѣстенъ Чьгълъ, соколъ-чегликъ, писецъ Словъ Григорія Богослова XI в., Воронъ — писецъ Житія Саввы Освященнаго XIII—XIV вв. Документы XV—XVIII вв., особенно московскіе, имѣютъ подобныя имена въ большомъ числѣ. Въ нихъ упоминаются Баранъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ,

Заяцъ Захарьинъ, Кречетъ Микулинъ, Куликъ Котовъ, Овца Владимировъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ... XV—XVII вв. были временемъ сильнаго распространенія у насъ этихъ именъ, которыя въ эту пору стали уже нерѣдко принимать значеніе прозвищъ и употребляться рядомъ съ христіанскими именами"... По поводу миѳологическихъ божествъ *Купало, Ярило*, — изслѣдователь указываетъ на общій характерный фактъ: „По изображенію бо́льшей части миѳологовъ и тѣхъ изъ нашихъ историковъ, которые касаются миѳологіи, Олимпъ русскихъ язычниковъ былъ населенъ двумя рядами божествъ. Одинъ рядъ извѣстенъ древнерусскимъ писателямъ и почти совсѣмъ неизвѣстенъ современному русскому народу: онъ состоитъ изъ Перуна, Хорса, Дажьбога, Велеса-Волоса, Стрибога; другой, наоборотъ, совершенно неизвѣстенъ въ древнерусской письменности, но будто бы хорошо знакомъ современному народу; это — Купало, Ярило, Овсень, Коляда. Что Перунъ и прочія несомнѣнно древнерусскія божества теперь въ народѣ неизвѣстны, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: они забыты, какъ забыто очень многое древнерусское; но отсутствіе въ древнерусскихъ литературныхъ памятникахъ упоминанія о Купалѣ и ему подобныхъ языческихъ божествахъ наводитъ на размышленіе: если имя Купала даже теперь хорошо знакомо народу, то въ древности, во времена близкія къ язычеству, оно должно было пользоваться огромною извѣстностью и не могло быть пропущено, напримѣръ, въ лѣтописномъ перечнѣ древнерусскихъ языческихъ божествъ"... И затѣмъ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ доказываетъ, что „слова *Купала, Купанья* были названіями народнаго лѣтняго праздника, подобными названіямъ *Семикъ, Радуница*, и вели свое происхожденіе изъ глубокой языческой древности", — что „изъ того, что́ мы знаемъ о *Ярилѣ*, можно вывести только то заключеніе, что первоначально *Яриломъ* называлось большое весеннее или лѣтнее игрище, или народный праздникъ" и т. д. Въ отношеніи главнаго героя русскихъ былинъ, Ильи Муромца — по поводу нерѣдко дѣлавшихся у

насъ сближеній русскаго богатыря съ упоминаемыми въ германской поэмѣ героями Ilias von Riuzen и въ норвежской сагѣ Ilias af Greka, — акад. Соболевскій замѣчаетъ: „Дѣйствительно, въ сагѣ называются Русь, Новгородъ (Holmgard), Полоцкъ (Palteskia), король Владимиръ; и сага и поэма говорятъ также, при томъ много, о Греціи и о томъ, что́ не имѣетъ къ Руси ни малѣйшаго отношенія. Герой... носитъ имя въ поэмѣ Ilias von Riuzen, въ сагѣ Ilias af Greca, имя, которое, конечно, близко по звукамъ къ имени нашего богатыря, но отнюдь съ нимъ не тожественно. Это нѣмецкое *Ilias* XIII вѣка не можетъ быть передачею русскаго *Илья;* его конечное *s*, отсутствующее въ русскомъ имени, не могло явиться на нѣмецкой почвѣ; оно указываетъ на греческій оригиналъ *Ἰλίας*. Послѣднее заставляетъ насъ признать, что въ германской поэмѣ и находящейся съ нею въ тѣсной связи норвежской сагѣ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ, а съ греческимъ именемъ, съ однимъ изъ отзвуковъ не древнерусскихъ былинъ, а какихъ-то византійскихъ сказаній, что *Ilias* въ сагѣ недаромъ называется af Greka, „греческимъ“, что на основаніи данныхъ объ Ilias'ѣ нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно типа Ильи Муромца“... Здѣсь же изслѣдователь останавливается на былинномъ прозваньѣ Ильи Муромца „старый казакъ“: „Дѣйствительно, этотъ эпитетъ придается Ильѣ въ былинахъ, записанныхъ въ разное время въ разныхъ мѣстахъ, что́ свидѣтельствуетъ объ его древности. Но какъ понимать этотъ эпитетъ? Если бы слово *казакъ* въ былинахъ употреблялось въ его современномъ значеніи [какъ полагаетъ проф. Миллеръ], то, безъ сомнѣнія, оно примѣнялось бы въ нихъ не къ одному Ильѣ, а и къ его молодымъ товарищамъ по стоянію на заставѣ — къ Добрынѣ, Алешѣ: они были бы тоже казаки; между тѣмъ они казаками никогда не называются. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ понимать слово *казакъ* не въ современномъ его значеніи, а въ старомъ великорусскомъ. Наши предки, съ XIV по XVII в., называли казакомъ работника, батрака, по преимуществу сельскаго... Эпитетъ „старый казакъ“

вполнѣ подтверждаетъ указаніе былинъ на крестьянское происхожденіе нашего богатыря" [„Ж. Ст.", 1892, вып. II, стр. 118—119]. По поводу прозвища „Муромецъ", Соболевскій и ранѣе уже ставилъ на видъ, что „правильное рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ древнѣе, *Муромецъ* или *Моровецъ*, *Муровецъ*, — въ значительной степени зависитъ отъ рѣшенія другого вопроса: подъ какимъ названіемъ былъ извѣстенъ въ Кіевѣ стараго времени великорусскій городъ *Муромъ*?".. [Этн. Обозр., 1890, № 3, стр. 230—231]. Возвращаясь къ тому же вопросу въ рецензіи на книгу Вс. Ѳ. Миллера, Соболевскій — замѣчаетъ: „Мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе старымъ (южно-русскимъ по преимуществу) прозваніямъ Ильи: Муровецъ, Моровецъ, такъ какъ на югѣ Руси (гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій звучали: Моровскъ, Муровецъ, Муравскій шляхъ) сѣверный городъ Муромъ былъ называемъ: Муровъ и сѣверное прозваніе Муромецъ легко могло превратиться въ Муровецъ, Моровецъ, подобно тому, какъ въ средней Руси (гдѣ было общеизвѣстно мѣстное названіе Муромъ) южно-русскій городъ Моровскъ или Моровескъ былъ именуемъ Муромескъ [въ книгѣ Большаго Чертежа 1626 года (по печатному изданію): „Отъ Чернигова внизъ по Деснѣ 60 верстъ градъ Муромескъ", стр. 86], а южно-русскій Муравскій шляхъ-Муромскій"... Такъ какъ тамъ же Миллеръ — въ доказательство своихъ соображеній — подчеркиваетъ „странность" пути, черезъ Черниговъ, которымъ ѣдетъ Илья изъ Мурома въ Кіевъ, — Соболевскій возражаетъ: „Стоитъ намъ взглянуть въ лѣтописи, чтобы увидѣть, что въ древности ѣздили изъ средней Руси въ Кіевъ и обратно приблизительно тѣмъ путемъ, какимъ ѣдетъ Илья. Кіевская лѣтопись по Ипатскому списку..., Новгородская лѣтопись первая"... [приводятся соотвѣтствующія цитаты изъ названныхъ лѣтописей]. И заключаетъ: „Эта естественность рисуемаго былиною пути изъ Мурома въ Кіевъ, вмѣстѣ съ несомнѣнною древностью его топографическихъ названій (особенно „Брынскіе" лѣса), не позволяетъ намъ сомнѣваться въ томъ, что уже древніе пересказы былины гово-

рили о Муромѣ, какъ пунктѣ отправленія Ильи, а не о Моровскѣ или Моровейскѣ. Послѣдній, какъ видно изъ лѣтописей и изъ приведенной выше цитаты изъ книги Большаго Чертежа, находился между Черниговымъ и Кіевомъ, на пути изъ Чернигова въ Кіевъ, во всякомъ случаѣ очень недалеко отъ Кіева, и чтобы попасть изъ него въ Кіевъ черезъ лѣса Брынскіе и Черниговъ да еще черезъ рѣчку Смородину, нужно бы сдѣлать не большой, а огромный и ничѣмъ не вызванный, крюкъ... Проф. Миллеръ признаетъ Илью уроженцемъ черниговскаго княжества. Это не подлежитъ сомнѣнію: Муромъ, вмѣстѣ съ Рязанью, въ теченіе всего до-монгольскаго періода или принадлежалъ къ волости черниговскаго князя, или управлялся младшими родственниками черниговскихъ князей"... (ib., стр. 120—121). Очень цѣнны дѣлаемыя здѣсь же замѣчанія Соболевскаго по поводу общаго вопроса, который ставитъ въ своей книгѣ В. Ѳ. Миллеръ: „Былъ ли Илья Муромецъ лицомъ историческимъ?" — и обычныхъ сближеній Ильи Муромца съ Рустемомъ. По мнѣнію Миллера, — „типъ Ильи Муромца и основныя сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и пріобрѣли историческую окраску въ теченіе времени"... „Намъ кажется — возражаетъ Соболевскій — проф. Миллеръ даетъ слишкомъ мало посылокъ и слишкомъ много заключеній... По нашему убѣжденію, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, чтобы лицо съ именемъ Ильи Муромца никогда не существовало. Это могъ быть герой „чистаго поля" въ древнемъ смыслѣ этого слова, воинъ, стоявшій на „заставѣ" передъ степью, производившій разъѣзды по степи и бившійся съ одиночными „нахвальщиками" тюрками и съ мелкими грабительскими партіями тюрковъ. Подвиги Ильи, слишкомъ маловажные для того, чтобы имъ попасть въ лѣтопись, были воспѣты восхищеннымъ ими народомъ, при чемъ къ нимъ, какъ это бываетъ зачастую, были съ теченіемъ времени присоединены еще такіе, которые въ разное время, раньше и позже, приписывались другимъ богатырямъ, съ другими именами, и которымъ даже подобныхъ Илья никогда не совершалъ. Однимъ

и вмѣстѣ основнымъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые могли принадлежать историческому Ильѣ, должно было быть „побіеніе имъ на поединкѣ какого-то страшнаго степного врага“... Что касается сходства русскаго Ильи съ персидскимъ Рустемомъ, — Соболевскій замѣчаетъ: „Мы признаемъ большое сходство подвига Ильи съ подвигомъ Рустема, но также признаемъ не малое сходство подвига Рустема съ подвигами нѣмецкаго Гильдебранда и кельтскаго Клизамора. Если проф. Миллеръ не находитъ возможности видѣть въ Гильдебрандѣ и Клизаморѣ „перелицовку“ Рустема, — почему онъ считаетъ себя вправѣ видѣть въ Ильѣ „перелицовку“ Рустема? Почему онъ думаетъ, что у нѣмцевъ и кельтовъ могло быть свое, независимое отъ иранскаго, но къ нему близкое, сказаніе о боѣ богатыря съ сыномъ, а у славянъ не могло?“.. [Живая Старина, 1892 г., выпускъ II, стр. 120, 122]. И т. д. и т. д.

Выше мы уже не разъ упоминали имя акад. Вс. Ѳ. Миллера [† 1913]. Считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на трудахъ этого замѣчательнаго изслѣдователя въ области изученій русскаго folklore'a.

Изслѣдованія Вс. Ѳ. Миллера — когда они перешли къ области русскаго народнаго эпоса — долгое время напоминали крайности выводовъ и самые пріемы изученія Стасова, а равно начавшіяся позднѣе многочисленныя изысканія Г. Н. Потанина; но въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ В. Ѳ. Миллеръ быстро и вполнѣ опредѣленно перешелъ къ направленію совершенно иному, несравненно болѣе плодотворному. Въ болѣе позднихъ своихъ изысканіяхъ по изученію памятниковъ русскаго народнаго эпоса Вс. Ѳ. Миллеръ, примыкая къ общему историко-сравнительному методу изученія народной поэтической старины, — сравнительно со многими изъ названныхъ выше изслѣдователей становится въ положеніе нѣсколько особое, вполнѣ самостоятельное, напоминающее отчасти болѣе раннія подобныя же изысканія Буслаева, Л. Н. Майкова, Н. П. Дашкевича, отчасти даже прямо переходя на ту почву, которую такъ блестяще защищалъ передъ нимъ послѣдній

въ своей рецензіи на его „Экскурсы“... Какъ бы подъ вліяніемъ именно этой рецензіи, Вс. Ѳ. Миллеръ въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ все рѣшительнѣе и рѣзче выдвигаетъ въ области памятниковъ русской народной поэзіи элементъ этнографическо-бытовой, историческій, мѣстно-народный, — насколько онъ обусловливался не только широкими международными связями и взаимодѣйствіями великорусскаго племени съ другими разнообразными племенами и народностями, какъ ближайшими, такъ иногда и весьма отдаленными, — но и условіями чисто мѣстными, исторіко-бытовыми, мѣстной, національной жизнью самого русскаго народа.

Первыя изученія акад. Вс. Ѳ. Миллера относились къ области санскрита, сравнительнаго языкознанія и арійской древности. Изученія санскрита Миллеръ начинаетъ еще до поступленія своего въ студенты московскаго университета, продолжаетъ ихъ студентомъ и заканчиваетъ за границей, подъ руководствомъ Вебера въ Берлинѣ, Людвига въ Прагѣ и Рота въ Тюбингенѣ. Результатомъ этихъ трудовъ были вскорѣ напечатанные Миллеромъ *Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой* (М., 1876), — шедшіе уже значительно въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда миѳологическими толкованіями, выдвигая болѣе трезвую точку зрѣнія: изученіе миѳологіи въ связи съ общекультурными и историческими условіями жизни народа... Впрочемъ, пока В. Ѳ. Миллеръ не останавливается на этой точкѣ зрѣнія, — уже очень скоро увлекаясь спеціальными изученіями памятниковъ народнаго творчества и всего быта иранскихъ племенъ Кавказа, вообще кавказской этнографіей. Эти изученія сразу принимаютъ столь широкіе размѣры, такую научную глубину, что быстро открываютъ ученой Европѣ совершенно новую, неизвѣстную дотолѣ, область: осетинскій языкъ, народное творчество осетинъ *[Осетинскіе этюды.* 3 ч., М., 1881—1887 г.], — гдѣ Миллеръ между прочимъ съ новыми, болѣе твердыми основаніями старается установить фактъ культурныхъ и литературныхъ вліяній Востока на

Европу. Быстрое расширеніе лингвистическихъ и этнографическихъ интересовъ Миллера, почти одновременно усиливающееся изученіями археологическими — которыя онъ производитъ въ Крыму и на Кавказѣ — уже рано особенно тѣсно связываютъ ученую дѣятельность Миллера съ московскимъ „Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“. Труды Вс. Ѳ. Миллера главнымъ образомъ сосредоточиваются теперь на изученіи этнографіи русской и инородческой. Между прочимъ главнымъ образомъ, благодаря энергіи Миллера, съ 1889 года при Обществѣ возникаетъ спеціальное изданіе: „Этнографическое Обозрѣніе“, — около котораго объединяется цѣлый рядъ молодыхъ научныхъ силъ, выступающихъ на изученіе русской и инородческой этнографіи... Въ связи съ обширными этнографическими изысканіями этого времени, — къ 1892 году Вс. Ѳ. Миллеръ постепенно изъ санскритолога превращается въ историка русской литературы.

Первыя научныя занятія Миллера областью русскаго народнаго эпоса относились также еще къ студенческому времени. Въ годъ окончанія Миллеромъ университета, имъ печатается довольно обстоятельный разборъ только что нанашумѣвшаго тогда изслѣдованія Стасова: *Происхожденіе русскихъ былинъ*, — гдѣ Миллеръ выступаетъ рѣзкимъ противникомъ Стасова! Указывая на „механичность“ сопоставленій Стасова, замѣчая, что его сравненія, основывающіяся якобы на почвѣ сравнительнаго языкознанія, въ дѣйствительности таковы же, какъ и у Шишкова, — „не имѣютъ ничего научнаго и могутъ служить лишь хорошимъ упражненіемъ въ игрѣ остроумія“; указывая на исключительную зависимость сравненій Стасова отъ восточнаго матеріала, на „неточности“ Стасова въ передачѣ какъ русскихъ, такъ и восточныхъ матеріаловъ, и т. д. и т. д., — „главный недостатокъ“ труда Стасова Миллеръ видитъ въ „желаніи изслѣдователя лишить русскія былины всего русскаго, національнаго“... [„Бесѣды въ О-вѣ любит. рос. словесности“, ч. III, М., 1871, стр. 172]. Послѣдовавшія затѣмъ, отмѣченныя выше, обширныя изученія Мил-

лера въ области народныхъ сказаній племенъ Кавказа, однако, уже очень скоро и самымъ рѣшительнымъ образомъ мѣняютъ дальнѣйшіе ученые взгляды молодого изслѣдователя. Особенно большую роль имѣли въ этомъ отношеніи, повидимому, „Осетинскіе этюды". Сами по себѣ изученія эти были чрезвычайно важны; подвергали обнародованію и научному освѣщенію иногда совершенно невѣдомый дотолѣ наукѣ матеріалъ. Нерѣдко важны были они и въ отношеніи къ изученію памятниковъ собственно русскаго народнаго творчества: „кавказско-русскія параллели", которыми теперь увлекался В. Ѳ. Миллеръ, иногда представляли дѣйствительно любопытныя аналогіи къ лицамъ и сюжетамъ русскихъ былинъ. Въ отношеніи къ развитію изученій, особенно цѣнными здѣсь могли быть указанія Миллера на древнѣйшіе пути, которыми, по его мнѣнію, шли къ намъ отъ кавказскихъ племенъ „мотивы богатаго иранскаго эпоса", — указанія, напр., на вліянія здѣсь степныхъ тюркскихъ племенъ, съ которыми вела столь продолжительную и упорную борьбу начальная кіевская Русь [отмѣтимъ между прочимъ превосходную статью Миллера: *Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ*]. Но общая точка зрѣнія, на которую теперь становится Миллеръ, была совершенно ложной! Это была старая точка зрѣнія Стасова, — противъ которой такъ горячо ратовалъ Миллеръ въ своей студенческой работѣ... Работы этого періода собираются имъ въ его типичныхъ *Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса* [М., 1892]. Въ этихъ „Экскурсахъ" В. Ѳ. Миллеръ доказываетъ, что былинный кн. Владимиръ — индійскій эпическій царь Кейкаусъ, современникъ иранскаго богатыря Рустема; княгиня Евпраксія — Судабэ, жена царя Кейкауса; Илья Муромецъ — иранскій богатырь Рустемъ; онъ же — и хазарскій богатырь Иліасъ, и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, черезъ 20 лѣтъ, будучи уже извѣстнымъ ученымъ, Миллеръ не только возвращается къ теоріи Стасова, но едва ли не доводитъ ее еще до бо́льшихъ крайностей, — доказывая теорію съ такими научными аппаратами, о которыхъ не могъ и мечтать Стасовъ! Какъ

справедливо замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, — между „Экскурсами“ В. Ѳ. Миллера 1892 года и дальнѣйшими, позднѣйшими его изысканіями въ области русскаго былевого эпоса — цѣлая „бездна“... Не останавливаемся на самыхъ „Экскурсахъ“: о нихъ будетъ сейчасъ подробная рѣчь въ рецензіи на эту книгу Н. П. Дашкевича.

Названныя сейчасъ позднѣйшія изслѣдованія акад. Вс. Ѳ. Миллера — длинный рядъ журнальныхъ статей — самимъ авторомъ собраны были въ двухъ томахъ *Очерковъ русской народной словесности:* первый томъ „Очерковъ“ выходитъ въ 1897 г., второй въ 1910 [I, М. 1897; II, М., 1910] „Бездна“, сравнительно съ прежнимъ направленіемъ изученій, обнаруживается дѣйствительно уже съ первыхъ страницъ перваго тома, — съ предисловія автора, гдѣ онъ говоритъ о пріемахъ, методѣ своихъ позднѣйшихъ изученій, и отличіи этого метода отъ господствующаго сравнительно-историческаго. Въ послѣднемъ, или, точнѣе говоря, въ обычныхъ, чаще всего практикуемыхъ примѣненіяхъ послѣдняго — Вс. Ѳ. Миллеръ видитъ уже нѣкоторыя слабыя стороны, почему и ставитъ себя къ этимъ пріемамъ въ нѣсколько особое, самостоятельное отношеніе; здѣсь же онъ указываетъ, въ чемъ именно состоятъ ближайшія задачи и цѣли, которыя предслѣдуются имъ въ издаваемыхъ „Очеркахъ“ и вообще въ его собственныхъ изученіяхъ. Въ этомъ характерномъ предисловіи изслѣдователя передъ нами звучитъ нотка какъ бы уже значительнаго разочарованія въ современныхъ методахъ изученія области русскаго былевого эпоса, — представителемъ которыхъ такъ долго былъ Веселовскій [пока „не бросилъ“, не сбѣжалъ отъ нихъ“, по остроумному замѣчанію Н. В. Ягича!], — а равнымъ образомъ и онъ самъ, Вс. Ѳ. Миллеръ...

„Современная научная разработка нашего былевого эпоса — читаемъ въ предисловіи — все еще не даетъ, на мой взглядъ, возможности отвѣтить на нѣкоторые вопросы по его исторіи и построить ученіе, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ. Отдаленныя основы эпоса сокрыты отъ насъ густою завѣсою длиннаго ряда вѣковъ, которая,

по отсутствію или крайней скудости письменныхъ документовъ, до сихъ поръ была приподнимаема только при посредствѣ смѣлыхъ догадокъ и гипотезъ, не находившихъ всеобщаго признанія. Ни предполагавшіяся миѳологическія основы эпоса, ни теорія доисторическаго индоевропейскаго и общеславянскаго наслѣдія, ни гипотеза восточнаго происхожденія сюжетовъ нашихъ былинъ не разъяснили удовлетворительно зарожденія и древнѣйшаго періода развитія былевого эпоса. Бо́льшіе успѣхи для правильной оцѣнки былинъ достигнуты указаніями историческихъ пластовъ и слѣдовъ, которые въ нихъ оказываются, и сказочныхъ странствующихъ сюжетовъ или литературныхъ отголосковъ, вошедшихъ въ составъ былевыхъ пѣсенъ въ силу процессовъ циклизаціи и историзаціи. Особенное вниманіе въ послѣднія десятилѣтія было обращено на изученіе обширной литературы европейскаго и азіатскаго фольклора, собираніе такъ наз. „параллелей“ и приложеніе сравнительнаго метода къ изученію состава нашихъ былинъ. Но нельзя возлагать чрезмѣрныхъ надеждъ на эти „параллели“; нельзя думать, что детальный разборъ разныхъ странствующихъ сказочныхъ сюжетовъ, устанавливая ихъ генетическую классификацію, можетъ уяснить во всѣхъ случаяхъ и пути ихъ перехода отъ народа къ другому. Конечно, я и теперь считаю сравнительный методъ въ высшей степени плодотворнымъ для уясненія той общей сказочной пищи, которою питалось въ теченіе многихъ столѣтій воображеніе и западнаго европейца, и русскаго, и нашихъ инородцевъ, и жителей азіатскаго востока. Уже эта общность множества сюжетовъ даетъ намъ возможность смотрѣть болѣе правильно на творчество каждаго отдѣльнаго народа, на сколько оно проявилось въ усвоеніи и переработкѣ общаго бродячаго духовнаго добра. Но, къ сожалѣнію, какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ слѣды всѣхъ пройденныхъ государствъ. Уловить пути распространенія

устной сказки за многіе вѣка ея блужданія все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ. Какъ бы близки между собою ни были какіе-нибудь два варіанта одного и того же сюжета, сравнительно съ прочими, мы все же въ большинствѣ случаевъ не можемъ заключать, что это сходство опредѣляется ихъ ближайшимъ родствомъ, объясняющимся географическимъ сосѣдствомъ. Нерѣдко два варіанта, наиболѣе удаленныя другъ отъ друга географически, совпадаютъ въ бо́льшемъ числѣ деталей, чѣмъ два сосѣдніе. Да при неисчислимыхъ и непредвидимыхъ случайностяхъ устной передачи это представляется и вполнѣ естественнымъ. Поэтому если, изслѣдуя источникъ какой-нибудь былины, содержащей либо былинную обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической пѣсни подъ воздѣйствіемъ такой фабулы, мы ставимъ вопросъ, откуда странствующій сюжетъ явился на русскую почву, то этотъ вопросъ равносиленъ тому, гдѣ и отъ кого услыхалъ эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Волокита. Другими словами, вопросъ сводится къ біографіи неизвѣстнаго слагателя, которая, какъ и онъ самъ, представляетъ самое широкое поле для гаданій. Сомнѣваясь въ успѣшности такихъ гаданій, которыя неизбѣжны, если мы не имѣемъ письменныхъ литературныхъ источниковъ для былины, я въ „Очеркахъ“ рѣдко пользуюсь сравнительнымъ методомъ для заключеній о пути проникновенія въ нашъ былевой эпосъ того или другого былиннаго сюжета“... Подчеркнувши выше, что при этихъ сравнительныхъ изученіяхъ для него особенно важно „творчество каждаго отдѣльнаго народа, насколько оно проявилось въ усвоеніи и переработкѣ общаго бродячаго духовнаго добра“, — Миллеръ продолжаетъ: „Я больше занимаюсь исторіей былинъ и отраженіемъ исторіи въ былинахъ, начиная первую не отъ временъ до-историческихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои былины, не представляя той загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены

и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины. Такъ, иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошьей передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній. Для уясненія исторіи былины я старался изъ сопоставленія варіантовъ вывести наиболѣе архаическій ея изводъ и, изслѣдуя историко-бытовыя данныя этого извода, опредѣлить по возможности періодъ его сложенія и районъ его происхожденія. Иногда на основаніи письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ, или, такъ сказать, внутренняго вѣроятія, не только можно, но и должно предполагать, что за этимъ древнѣйшимъ, реставрируемымъ изъ варіантовъ, типомъ лежитъ еще болѣе древній, — но здѣсь мы опять уже входимъ въ область гаданій, вообще наполняющихъ древній періодъ нашего эпоса“... [„Очерки рус. нар. слов.“, т. I, М., 1897, стр. III—V.]

Уже въ этомъ констатированіи общей нѣкоторой безплодности позднѣйшихъ изученій, ихъ крайней непрочности, особенно въ этомъ отзывѣ о весьма относительной научной цѣнности всяческихъ „параллелей“, отысканіемъ которыхъ такъ много занимался передъ этимъ и самъ Миллеръ, — наглядно видимъ, какъ быстро и рѣшительно сошелъ онъ теперь съ точки зрѣнія, на которой, повидимому, такъ прочно стоялъ за 5—6 лѣтъ до этого, въ своихъ „Экскурсахъ“... Впрочемъ, при всей быстротѣ и рѣзкости, — переходъ не могъ совершиться сразу, во всѣхъ деталяхъ. Старая любовь къ „параллелямъ“ изрѣдка сказывается еще и въ I томѣ „Очерковъ“. Таковы сближеніе новгородскаго Садко съ финскимъ богомъ-пѣвцомъ Вейнемейненомъ, или эта „параллель“, которую В. Ѳ. Миллеръ пытается установить въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ съ однимъ эпизодомъ поэмы объ Александрѣ Македонскомъ нѣкоего персидскаго поэта XII в., Низами, и т. п. Сравнительно съ подобными „параллелями“, несравненно бо́льшую цѣну имѣетъ

основная мысль I-го т. „Очерковъ“, которую съ особой настойчивостью проводитъ авторъ въ книгѣ, — о „новгородскомъ происхожденіи“ разсматриваемыхъ былинъ. При всѣхъ увлеченіяхъ и натяжкахъ, въ какія нерѣдко при этомъ впадаетъ изслѣдователь, — здѣсь особенно цѣннымъ является стремленіе изслѣдователя такъ или иначе прикрѣпить наши былины все же къ русской, туземной почвѣ, не гоняясь за „параллелями“, — отъ довольно безплодныхъ „пасьянсовъ“ и „коллекціонированія марокъ“ перейти на реальную почву русской исторіи... Какъ показатель этихъ новыхъ стремленій изслѣдователя, чрезвычайно характерны уже въ I томѣ между прочимъ тѣ страницы книги, которыя посвящаются анализу нѣкоторыхъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ; очень интересенъ въ этомъ отношеніи между прочимъ эскизъ объ одномъ мотивѣ, прикрѣпляемомъ въ нѣкоторыхъ былинныхъ записяхъ къ имени Ильи Муромца, — гдѣ В. Ѳ. Миллеръ видитъ слѣды въ былинѣ чисто историческихъ событій русскаго XVI—XVII вв. и т. п.

Стремленіе изслѣдователя отъ болѣе или менѣе безплодныхъ „параллелей“ перейти на реальную, живую почву мѣстной исторіи и быта, стремленіе выдвинуть въ своихъ изысканіяхъ особенно историко-бытовой элементъ, туземно-этнографическій, столь рѣшительно выступающее уже въ I томѣ, — окончательно дѣлается господствующимъ въ изысканіяхъ Миллера, вошедшихъ во II-ой т. „Очерковъ“ (М., 1910). Вполнѣ опредѣленно указывается это опять самимъ авторомъ въ предисловіи. Авторъ здѣсь прямо заявляетъ: „Не отрицая высокаго значенія изслѣдованія бродячихъ сюжетовъ путемъ сравнительнаго метода, я вижу главный интересъ нашихъ былинъ въ національзаціи этихъ сюжетовъ, стараюсь прослѣдить исторію былины въ народныхъ устахъ и отмѣтить наслоенія, отложившіяся на ней отъ разныхъ эпохъ“... Такимъ образомъ, послѣ цѣлаго ряда научныхъ блужданій, авторъ возвращается къ мысли, которую онъ высказывалъ еще въ студенческой работѣ, — видя основной недостатокъ изысканій Стасова въ стремленіи „лишить русскія

былины всего русскаго, національнаго"... Научныя работы В. Ѳ. Миллера совершили какъ-бы цѣлый кругъ: начавши противникомъ теоріи Стасова, Миллеръ вскорѣ, увлекшись своими изысканіями въ области народныхъ сказаній осетинскихъ и другихъ кавказскихъ, дѣлается однимъ изъ рѣшительныхъ ея послѣдователей, — пока затѣмъ, путемъ дальнѣйшихъ изысканій въ области санскрита, устнаго творчества племенъ Кавказа, наконецъ, собственно русскаго былиннаго эпоса, — не возвращается постепенно къ тому же, съ чего и началъ: къ изученію памятниковъ русской народной поэзіи съ точки зрѣнія „національзаціи", присутствія въ ней русскаго историческаго и бытового элемента... Всѣ стремленія изысканій Миллера направляются теперь къ тому, чтобы отыскать въ русскихъ былинахъ слѣды этого „русскаго, національнаго", — наслоенія бытовыя и историческія. Анализируя во II-мъ т. „Очерковъ" дошедшія до насъ русскія былины на почвѣ русской исторіи и быта, — изслѣдователь указываетъ въ нихъ слѣды половецкаго періода, отраженія періода суздальской Руси и особенно эпохи Смутнаго времени, вообще XVI—XVII вѣковъ. Особенно цѣнны въ этомъ послѣднемъ отношеніи помѣщенныя во II-мъ томѣ „Очерковъ" бывшія уже ранѣе напечатанными, изслѣдованія: *Къ статьѣ о Камскомъ побоищѣ* (1902), — *Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ* (1906) и *Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ* (1908). Въ этихъ статьяхъ авторъ между прочимъ доказываетъ, что „Смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, — не только въ отдѣльныхъ чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинъ, но и въ характерахъ и дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца"... Относительно послѣдняго, — Миллеръ между прочимъ высказываетъ мнѣніе, что „любимый русскій богатырь сталъ казакомъ въ тотъ періодъ, когда его личностью овладѣли казаки, сдѣлали его своимъ собратомъ и защитникомъ голи кабацкой, т. е. въ періодъ казацкаго броженія въ Смутное время"...

Выше мы видѣли взглядъ на „казачество" Ильи Муромца, выставленный акад. Соболевскимъ; тѣмъ не менѣе въ общемъ Вс. Ѳ. Миллеръ стоялъ теперь уже на прочной, реальной почвѣ... Что нѣкоторыя изъ нашихъ былинъ принадлежали, по происхожденію, не кіевскому и вообще не до-татарскому періоду, а временамъ гораздо болѣе позднимъ, XVI—XVII вѣкамъ, — мысль объ этомъ была высказана уже ранѣе Вс. Миллера, уже М. Е. Халанскимъ, позднѣе это подчеркивалъ Д. И. Иловайскій; тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, — Вс. Ѳ. Миллеръ „первый, кто во всей полнотѣ разсмотрѣлъ вопросъ объ отраженіи тяжелой смуты начала XVII вѣка на пѣсенномъ творчествѣ вообще и въ частности на былинахъ"... Не можемъ не привести и слѣдующихъ заключительныхъ словъ акад. Шахматова, которыми онъ заканчиваетъ свой этюдъ о научныхъ трудахъ В. Ѳ. Миллера: „Постепенное развитіе его взглядовъ на русскій эпосъ является прекрасной иллюстраціей его научнаго безпристрастія и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнаго стремленія постигнуть истину. Слѣдя за послѣдовательнымъ ходомъ его работъ, мы имѣемъ передъ собой постепенное развитіе научныхъ взглядовъ не одного В. Ѳ. Миллера: въ его трудахъ ясно обнаруживается общее поступательное движеніе русской ученой мысли. В. Ѳ. Миллеръ былъ ея вѣрнымъ и постояннымъ выразителемъ"... [А. А. Шахматовъ, — Извѣстія II. Ак. Наукъ, 1914, стр. 92]. Дѣйствительно, выводы, къ которымъ пришелъ Миллеръ, были выводами и всей нашей науки, насколько она относилась за послѣднее время къ обширному отдѣлу русскаго народнаго творчества и всей народной поэтической старины. Общій ходъ нашихъ научныхъ изученій памятниковъ русскаго folklore'а за послѣднія десятилѣтія подъ конецъ также отъ безплодныхъ „параллелей" и всяческихъ „аналогій" обратился къ реальной почвѣ русскаго быта и исторіи. „Любопытнѣйшая эволюція", которую подчеркиваетъ акад. Шахматовъ въ развитіи научныхъ взглядовъ В. Ѳ. Миллера въ области русскаго эпоса, является въ высшей степени характерной иллюстра-

ціей ко всему движенію нашей позднѣйшей фольклористической науки...

Немногочисленныя по числу, работы Н. П. Дашкевича († 1908) особенно важны съ методологической стороны, — и въ этомъ отношеніи, безспорно, оказали существенное вліяніе на указанный сейчасъ общій поворотъ въ развитіи нашихъ изученій въ области памятниковъ народнаго творчества, замѣчаемый у насъ въ послѣдніе годы въ трудахъ большинства изслѣдователей folklore'a. Критическій методъ изслѣдованій Дашкевича, думается намъ, не остался безъ вліянія, какъ мы замѣтили уже, на эволюцію и изложенныхъ выше, относящихся сюда, взглядовъ, всего направленія позднѣйшихъ работъ одного изъ важнѣйшихъ представителей нашей фольклористической науки позднѣйшаго времени — Вс. Ѳ. Миллера...

Относящіеся сюда труды акад. Дашкевича, какъ замѣчено, весьма не многочисленные, исчерпываются слѣдующими работами: *Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей* (Кіевъ, 1883): выше мы говорили уже объ этой монографіи, — *Отзывъ о сочиненіи Вс. Ѳ. Миллера: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса"* [„Отчетъ о 36-мъ прис. нар. гр. Уварова". Спб., 1895], — *Вопросъ о происхожденіи и развитіи эпоса о животныхъ по изслѣдованіямъ послѣдняго тридцатилѣтія* [Кіевъ, 1903] и *Олексій Поповичъ, думы про бурю на Черному морю* [Сборникъ статей въ честь В. Б. Антоновича, Кіевъ, 1905]. Останавливаемся на второй и третьей.

Разборъ „Экскурсовъ" начинается характеристикой общаго положенія нашихъ современныхъ изученій въ области былины, указаніемъ общей шаткости, неустойчивости этихъ изученій, общаго хаотическаго здѣсь состоянія, — хотя въ то же время и сдѣланы нѣкоторыя частныя цѣнныя пріобрѣтенія. „Подъ вліяніемъ постоянно возрастающаго накопленія сравнительныхъ данныхъ и вслѣдствіе недостатка при этомъ осторожнаго, трезваго и строгаго метода во многихъ разысканіяхъ, — происходитъ, читаемъ

здѣсь, наплывъ и столкновеніе разнообразныхъ теорій и гипотезъ, и въ изученіи русскаго эпоса и въ настоящее время замѣчается все еще много неустойчивости, такъ что оно далеко отъ положительныхъ выводовъ. Изслѣдователи часто не уясняютъ себѣ, какъ слѣдуетъ, общаго процесса возникновенія былевыхъ эпосовъ, либо неполно и односторонне подбираютъ данныя сравненій. Изъ подыскиванія же параллелей и отдѣльныхъ сходныхъ мотивовъ, а также группъ мотивовъ, выходитъ мало толку, такъ какъ отмѣчаемыя изслѣдователями параллели и сходства не раскрываютъ ближайшимъ образомъ процесса сложенія конечнаго цѣлаго, какое представляютъ собою былины, и въ большинствѣ случаевъ этотъ процессъ остается недостаточно выясненнымъ. Въ результатѣ получаются искусственныя теоріи и самыя разнородныя объясненія, затемняющія и заслоняющія имѣющіеся уже опыты правильнаго и основательнаго истолкованія, возникаютъ скороспѣлыя гипотезы, которыя тормозятъ рѣшеніе вопроса и иногда лишь нѣсколько способствуютъ ему подборомъ матеріала. Гипотезы, которыя, казалось, были отодвинуты въ сторону, возрождаются за тѣмъ съ новою силою, и къ нимъ обращаются даже тѣ изслѣдователи, которые ранѣе относились къ нимъ отрицательно"... [„Отчетъ", стр. 71—72]. Своему разбору и здѣсь критикъ придаетъ общій характеръ, — такъ какъ хочетъ, путемъ его, „нѣсколько разобраться въ томъ хаосѣ, въ которомъ все еще нерѣдко пребываетъ изученіе нашего былевого эпоса" Рецензентъ начинаетъ съ разсмотрѣнія „основныхъ теоретическихъ положеній Миллера, его „метода", — и видитъ здѣсь или крайнюю односторонность или также и непослѣдовательность, противорѣчія. Дашкевичъ разсматриваетъ частные, отдѣльные взгляды и сопоставленія Вс. Ѳ. Миллера относительно князя Владимира, княгини Евпраксіи, богатырей Добрыни и Ильи Муромца, выдвигаемые Миллеромъ „кавказско-русскія параллели" — и дѣлаетъ общее заключеніе, что „Экскурсы" по своей основной идеѣ не новы, что въ этомъ отношеніи они представляютъ какъ

бы развитіе слѣдующаго замѣчанія акад. Шифнера въ отзывѣ о книгѣ Стасова: „Инородцы тюркскаго происхожденія также обмѣнивались съ русскими. Разсказы восточные переходили къ намъ изъ Персіи черезъ посредство тюркскихъ племенъ“ и т. д. [Отчетъ о 12-мъ прис. нагр. гр. Уварова. Спб., 1870: отзывъ о книгѣ Стасова, стр. 193—194]. Но Вс. Ѳ. Миллеръ эту исходную мысль и вообще сравненія, начатыя другими, — дополнилъ, развилъ, тщательно сопоставилъ русскій былевой эпосъ съ иранскимъ, указалъ и оттѣнилъ восточныя параллели къ нашимъ былинамъ, ускользавшія отъ полнаго вниманія изслѣдователей, ранѣе привлекавшихъ для сравненія употребляемый имъ теперь въ дѣло матеріалъ иранскаго и кавказскаго эпоса. Къ сожалѣнію, Миллеръ преувеличилъ значеніе этихъ, выдѣленныхъ имъ, данныхъ и создалъ теорію происхожденія русскаго былевого эпоса, — „сливъ во едино свои набдюденія о распространеніи иранскаго эпоса на Кавказѣ, тезисъ Стасова о вліяніи восточныхъ сказаній на русскія былины и поправку ак. Шифнера, замѣчанія Е. В. Барсова о борьбѣ со степными кочевниками, какъ предметѣ нашей древней былевой поэзіи, и собранныя въ книгахъ Голубовскаго и др. свѣдѣнія о вліяніи сосѣдства половцевъ и другихъ кочевыхъ племенъ на русскую жизнь. Миллеръ оттѣнилъ при этомъ особенно ярко степной колоритъ нашего эпоса. Гипотеза эта, хотя стройна и не такъ неумѣренна, какъ Стасовская, — не обоснована надлежащимъ образомъ и почти столь же одностороння, какъ и мнѣніе, противъ котораго возстаетъ Миллеръ“ (ib., стр. 109—111)... Наиболѣе цѣнными страницами изслѣдованія Миллера критикъ признаетъ преимущественно тѣ, гдѣ изслѣдователь „обращается не только къ историко-сравнительному, но отчасти и къ чисто-историческому методу“. „Нельзя не одобрить этого пріема — замѣчаетъ рецензентъ — такъ какъ исторической критикою должно вообще начинаться изслѣдованіе остова былевого сказанія, очищеннаго отъ наслоеній и эпическихъ прикрасъ, и лишь за вычетомъ

или полнымъ устраненіемъ исторической основы изслѣдователь можетъ заняться розыскомъ иныхъ источниковъ"... Одной изъ лучшихъ главъ „Экскурсовъ" Дашкевичъ признаетъ главу о Добрынѣ,—гдѣ Миллеръ „пользуется правильнымъ сочетаніемъ различныхъ методовъ"... (ib., стр. 95). Къ сожалѣнію, чаще всего, обычно. изслѣдователь держится въ своей книгѣ метода совершенно другого.

Методъ этотъ, по опредѣленіи самого Миллера, состоитъ въ „сопоставленіи одиночныхъ мотивовъ иранскихъ и русскихъ, — хотя бы повидимому другія обстоятельства, ихъ окружающія, имѣли между собой мало общаго. Если—продолжаетъ Миллеръ—мы прибѣгаемъ къ этому сопоставленію отдѣльныхъ лоскутьевъ, представляющемуся, повидимому, не вполнѣ научнымъ, то именно въ виду того, что при устной передачѣ въ теченіе вѣковъ отдѣльные мотивы, нѣкогда принадлежавшіе одной масти, перетасовываются между собой такъ же случайно, какъ карты въ колодѣ. А такую колоду картъ нерѣдко напоминаетъ собою какая-нибудь сводная обширная русская былина" и т. д. „Эти слова достаточно говорятъ сами за себя — справедливо замѣчаетъ критикъ — и нѣтъ надобности распространяться о томъ, можно ли найти прочные устои при такой работѣ" — и, въ противоположность сопоставленіямъ Ильи Муромца съ Рустемомъ, которыя дѣлаетъ, пользуясь своимъ методомъ Миллеръ, указываетъ на выводы проф. Халанскаго, который, „не убѣдившись доводами В. Ѳ. Миллера", напротивъ, Илью Муромца сближаетъ съ героемъ нѣмецкой саги о Тетлейфѣ *(Тидрекъ-сага)*, тамъ и здѣсь видитъ „сходство до поразительнаго совпаденія въ планѣ, подробностяхъ содержанія и самомъ характерѣ главныхъ героевъ"... [„Южно-слав. сказ. о кралевичѣ Маркѣ" и пр., III, 307—308, 312]. По поводу такихъ, совершенно противоположныхъ, сближеній — Дашкевичъ замѣчаетъ: „Для вѣскости приведенія извѣстныхъ сказаній въ генетическую связь необходимо совпаденіе этихъ сравниваемыхъ сказаній не только въ схемѣ и планѣ, но и въ весьма

значительномъ количествѣ мелкихъ подробностей, да и тогда еще, при отсутствіи другихъ данныхъ, изслѣдователь не можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ родствѣ фабулъ, обнаруживающихъ, повидимому, признакъ родства. Близость же сказаній лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ и частностяхъ, либо въ общей схемѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія, потому что можетъ быть находима довольно легко. Придавая ей важность, можно съ удобствомъ дѣлать самыя разнообразныя сближенія. Примѣняя такой именно методъ, и впадали до сихъ поръ во множество промаховъ въ построеніяхъ и выводахъ, отличавшихся произвольностью" (102—103). Производя свои разысканія, Миллеръ пользуется методомъ сближенія сходныхъ частностей и схемъ преимущественно въ одномъ направленіи, обращается для сравненія былинныхъ повѣствованій лишь къ восточнымъ, почти исключительно иранско-кавказскимъ сказаніямъ или изрѣдка къ тюркскимъ родичамъ послѣднихъ. Лишь изрѣдка, „по временамъ", въ эту общую свою теорію Миллеръ включаетъ и совершенно другіе домыслы, добытые чаще всего другими изслѣдователями, и стоящіе на почвѣ чисто историческаго метода. Какъ уже выше отмѣчено, таковы соображенія Миллера о Добрынѣ, — гдѣ вообще „Миллеръ отступаетъ отъ обычнаго пріема выискивать въ былинахъ пересказы преимущественно восточныхъ фабулъ и обращается не только къ историко-сравнительному, но отчасти и къ чисто историческому методу"; таковы же его соображенія о черниговскомъ происхожденіи Ильи Муромца и нѣкр. др. Но подобныя попытки являются у Миллера какими-то внѣшними, — и часто онъ здѣсь кончаетъ тѣмъ, чѣмъ нужно было бы начать. Таковы именно, напр., упомянутыя сейчасъ очень вѣрныя соображенія его касательно черниговскаго происхожденія Ильи Муромца, хотя самая мысль высказана была другими... Что касается собственно „кавказско-русскихъ параллелей" — сами по себѣ, какъ таковыя, они представляютъ интересъ; но отсюда еще никакъ нельзя выводить — какъ дѣлаетъ это Миллеръ, „по нѣкоторымъ географическимъ и историческимъ

соображеніямъ“ — будто „именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверо-кавказскими народностями“. Область науки, въ которую входитъ здѣсь Миллеръ — „еще очень темна, и научная осторожность не позволяетъ ставить утвердительно такія заключенія. Затрогиваемый Миллеромъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ совмѣстнаго сравнительнаго разсмотрѣнія не только кавказскихъ, но и другихъ параллелей къ русскому эпосу. Даже если бы признать, что кавказско-русскія параллели занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду аналогій, которыя могутъ быть подысканы къ нашимъ былинамъ въ другихъ эпосахъ, — для уясненія этихъ параллелей должно было бы принять во вниманіе весьма древнія *прямыя* сношенія Руси съ Кавказомъ, между прочимъ черезъ Тмутаракань, о значеніи которыхъ говоритъ самъ Миллеръ въ первомъ приложеніи“. Но вообще — „исторія взаимныхъ международныхъ вліяній только недавно обратила на себя вниманіе науки, и кто знаетъ, къ какимъ она приведетъ выводамъ“... [„Отчетъ о 36-мъ прис. нагр. гр. Уварова. Спб., 1895, стр. 108].

Отчасти уже приведенныя сейчасъ, общія методологическія замѣчанія указываютъ намъ характеръ метода, къ которому склоняется самъ критикъ. Но стремясь, разобраться „въ хаосѣ“ нашихъ позднѣйшихъ изученій, — Дашкевичъ на вопросахъ о методѣ нерѣдко останавливается здѣсь же и подробнѣе, при разборѣ тѣхъ или другихъ частныхъ мнѣній разсматриваемыхъ „Экскурсовъ“. Уже въ самомъ началѣ, подчеркивая „основную идею“, которую имѣютъ „Экскурсы“, по словамъ самого Миллера — уяснить вліяніе восточныхъ иранскихъ сказаній на нашъ эпосъ — Дашкевичъ замѣчаетъ: „Такая односторонность основной идеи „Экскурсовъ“ произошла отчасти отъ неполноты вниманія автора къ процессу постепеннаго возникновенія народнаго эпоса. Вспомнимъ, что такое былевой эпосъ

по своему происхожденію. Теоріи историческая, миѳологическая, заимствованія, самостоятельно возникающихъ аналогій въ разныхъ эпосахъ — не исчерпываютъ и не уясняютъ всѣхъ явленій зарожденія и развитія былевого эпоса, даже если бы были прилагаемы совмѣстно къ объясненію послѣдняго. Основа и исходный пунктъ эпоса — историческіе, либо въ тѣсномъ смыслѣ отправленія первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица и событія, либо въ широкомъ смыслѣ изображенія бытовой картины, имѣющей связь, хотя бы и отдаленную, съ жизнью той среды, въ которой слагается и развивается эпосъ. Но историческая или бытовая основа эпоса облекается въ значительной степени въ формы, становящіяся шаблонными, осложняется поэтическими мотивами или подробностями, широко распространенными по свѣту: они часто вплетаются въ эпосъ не только вслѣдствіе прямого и сознательнаго или безсознательнаго заимствованія, которое не разъ можетъ имѣть мѣсто, но также и потому, что возникаютъ иной разъ безсознательно, въ силу той или иной ассоціаціи представленій, изъ хранящагося въ народной памяти запаса выработанныхъ уже въ отдаленную пору развитія человѣчества или вообще ходячихъ фабулъ, представленій и пріемовъ поэтическаго воспѣванія или изображенія. Сверхъ того въ средѣ, въ которой слагается и живетъ извѣстный эпосъ, обращаются, кромѣ историческихъ пѣсенъ, и другія сказанія въ пѣсенной, анекдотической и сказочной формѣ, заступающія мѣсто повѣствовательной литературы и представляющія то или иное соприкосновеніе съ сюжетами былевого эпоса; эти сказанія также легко могутъ проникать въ эпосъ. Сходныя шаблонныя фабулы, входящія въ эпосъ разныхъ народовъ, составляются не только изъ миѳовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о послѣднихъ миѳологи, но и изъ устойчивыхъ пріемовъ передачи, иногда вывѣтривающихся и утрачивающихъ первоначальный живой смыслъ, и, тѣмъ не менѣе, крѣпко держащихся въ коллективномъ творчествѣ

и распространившихся по свѣту не только въ историческое время, но и во времена, которыхъ не знаетъ хорошо и точно исторія, и путями, пока неуловимыми и неуяснимыми. Основа нѣкоторыхъ изъ этихъ шаблонныхъ фабулъ бываетъ не исключительно миѳическая; въ иныхъ случаяхъ она — бытовая, въ чемъ до извѣстной степени права такъ называемая антропологическая система истолкованія подобныхъ сказаній. Наконецъ, могутъ проникать въ эпосъ и нѣкоторыя данныя изъ литературныхъ и вообще книжныхъ источниковъ. Со всѣми этими условіями и составными элементами и долженъ считаться изслѣдователь былевого эпоса, обязанный вмѣстѣ съ тѣмъ принимать во вниманіе, кромѣ чисто народныхъ сказаній, старинныя литературныя записи ихъ и отдѣльныхъ эпическихъ мотивовъ. Распредѣливъ на основаніи сравненія старыхъ и новыхъ изводовъ и по инымъ даннымъ сказанія эпоса на основныя, первичныя, и столь обычныя позднѣйшія и второстепенныя варіаціи первоначальныхъ темъ, изслѣдователь долженъ выбрать изъ первообразныхъ сказаній прежде всего черты народно-шаблоннаго творчества той среды, въ которой эпосъ пребывалъ въ моменты записи, при чемъ былевыя пѣсни подлежатъ сопоставленію съ иными пѣснями и сказками, бывшими въ ходу въ той же средѣ; затѣмъ изслѣдователю эпоса надлежитъ выдѣлить то, что̀ принадлежало къ шаблоннымъ, или ходячимъ, пріемамъ и содержанію творчества среды, въ которой эпосъ былъ передаваемъ на предыдущей ступени своего развитія [для русскаго эпоса такою средою, предшествовавшею послѣдней — крестьянской, должно считать между проч. среду казачества и старыхъ сказителей — скомороховъ, пѣвцовъ духовныхъ стиховъ и т. д.]. Лишь одновременно съ этимъ, либо послѣ того уже можно приступить къ сравненію сказаній извѣстнаго эпоса со сходными сказаніями у другихъ народовъ, съ цѣлью опредѣленія причинъ этого сходства и для уясненія составныхъ элементовъ разсматриваемаго эпоса. При этомъ необходимо имѣть

въ виду, что иногда сходство даже въ ситуаціяхъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ можетъ возникать и независимо отъ заимствованій“ [„Отчетъ“, стр. 74—75]. Критикъ ничего не имѣетъ и собственно противъ вліяній Востока на нашъ эпосъ. Въ силу нѣкоторыхъ раскрытыхъ наукою фактовъ, ни возможности проникновенія, ни самаго вліянія на русскій былевой эпосъ „восточныхъ сказаній“ — отрицать нельзя; „но, во первыхъ, должно научно доказать то и другое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а, во вторыхъ, все дѣло въ объемѣ и значеніи восточнаго вліянія, если бы послѣднее было доказано“ (ст. 78). Въ наукѣ не разъ говорилось о восточномъ воздѣйствіи также на эпосъ западныхъ народовъ; въ послѣднее время стали говорить о вліяніи, въ частности, персидскаго эпоса. Существеннаго подспорья все это для изученій западнаго эпоса, однако, не оказало. По мнѣнію критика, — „роль, доставшаяся этимъ указаніямъ въ западной наукѣ, не лишена интереса, при сопоставленіи съ ними аналогическихъ объясненій многаго въ нашемъ эпосѣ“. „Бродячія и захожія сказанія — продолжаетъ Дашкевичъ — несомнѣнно есть въ русскихъ былинахъ, какъ и въ эпосѣ другихъ народовъ; но все дѣло въ томъ, какъ они примѣнены къ общему содержанію, — важны окраска, полученная ими, духовное достояніе народности, внесенное въ нихъ, и мѣсто, принадлежащее имъ въ общемъ складѣ нашего эпоса... Само по себѣ указаніе заимствованія и реминисценцій еще не объясняетъ возникновенія эпическихъ сказаній: надо раскрывать сверхъ того внутреннія основанія заимствованій“... (стр. 83). При отыскиваніи всякихъ „заимствованій“, изслѣдователю болѣе всего нужно заботиться о томъ, чтобы стоять всегда „на фактической почвѣ, а не въ области гипотезъ и домысловъ.“ Между прочимъ Дашкевичъ указываетъ на необходимость ограниченія разныхъ „заимствованій“ или „сходствъ“ въ народныхъ сказаніяхъ съ той стороны, на которую указывалъ и Веселовскій въ одной изъ наиболѣе раннихъ своихъ статей [„Ж. М. Н. Пр., 1868, № 11] — „только въ смыслѣ исконнаго единства эпи-

ческихъ мотивовъ, къ которымъ народная фантазія продолжала обращаться свободно и независимо, какъ только на поверхность исторіи всплывала черта, которой удобно было выразиться въ готовой эпической формѣ" (стр. 92). Общія принципіальныя свои методологическія замѣчанія критикъ здѣсь же иллюстрируетъ на частныхъ примѣрахъ. Такъ для объясненія встрѣчающихся въ нашихъ былинахъ не симпатичныхъ чертъ въ обрисовкѣ князя Владимира — объясняемыхъ Миллеромъ вліяніемъ на нашъ эпосъ восточныхъ сказаній — Дашкевичъ указываетъ на гораздо болѣе близкія, чисто историческія условія: отчасти, м. б., уже въ древней Руси параллельно существовали сказанія о Владимирѣ, изображавшія его различно, смотря по тому, въ какой сложились мѣстности и какое время его правленія имѣли въ виду — до принятія христіанства или послѣдующее; нѣкоторыя пѣсни о Владимирѣ могли получить своеобразную окраску въ Галичинѣ и на такихъ окраинахъ русской земли, гдѣ замѣчалось отрицательное отношеніе къ авторитету Рюриковичей, и оттуда зайти на сѣверъ; наконецъ, на личность Владимира могли наслоиться нѣкоторыя черты московскаго царя-деспота въ родѣ Ивана Грознаго, и вообще „воздѣйствія впечатлѣній, какія оставляло въ народной памяти позднѣйшее время родной исторіи"... Вообще — прибавляетъ критикъ — „единства тона во всѣхъ изображеніяхъ одной и той же личности нельзя требовать отъ былевого эпоса, живущаго въ многообразной передачѣ и отражающаго не разъ особенности мѣстъ и временъ, которымъ принадлежали сказители"... (Отчетъ и пр., Сбп., 1895, стр. 93—94).

Нѣкоторыя дальнѣйшія дополненія къ высказанымъ сейчасъ положеніямъ касательно метода изученія памятниковъ народнаго творчества находимъ, наконецъ, въ позднѣйшемъ изслѣдованіи Н. П. Дашкевича: *Вопросъ о происхожденіи и развитіи эпоса о животныхъ по изслѣдованіямъ послѣдняго тридцатилѣтія* (Кіевъ, 1904). Излагая исторію изученія западнаго средневѣковаго эпоса о Лисѣ, рядъ разныхъ теорій, возникавшихъ въ западной наукѣ

для объясненія относящихся сюда сказаній, ихъ характера и исторіи ихъ возникновенія и развитія, — Дашкевичъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Уже Я. Гриммомъ высказана была нѣкогда знаменитая теорія о первобытной индо-германской животной сагѣ *(Tier Sage]*, — лучше всего сохранившейся, развившейся съ особой полнотой, эпической закругленностью, въ глубинѣ древнихъ германскихъ лѣсовъ; именно отголоски преимущественно этой саги слышатся въ народной германской „животной эпопеѣ“. Хотя кое-что привнесено сюда позднѣе изъ Индіи — разсказы, содержащіе главныя очертанія животной саги въ цѣломъ, составляютъ исключительную принадлежность саги нѣмецкой и сѣверо-восточной и не встрѣчаются ни у грековъ, ни у индійцевъ *(Reinhart-Fuchs. Berl., 1834)*. Позднѣе, въ срединѣ 50-хъ гг., теорія эта стала вызывать возраженія. Стали доказывать особую роль въ созданіи и развитіи названнаго эпоса басни античной и восточной; особенно выдвигалась въ этомъ случаѣ эзопическая басня. Указывали также на вліяніе т. наз. *Физіолога*. Еще позднѣе, въ половинѣ 60-хъ гг., стали говорить о вліяніи книжной учености средневѣковыхъ clerc'овъ; еще позднѣе — въ 80-хъ гг. — о вліяніи семитическихъ памятниковъ, — такъ какъ на счетъ происхожденія самой эзопической басни къ этому времени вопросъ оказался спорнымъ: эллинское происхожденіе ея стало многими совершенно отрицаться... Позднѣе отдѣльные, указанные „источники“ стали объединяться; наконецъ, въ самое послѣднее время многіе изслѣдователи опять вернулись „къ старой гипотезѣ Гримма“, — значительно лишь видоизмѣнивъ ее и допустивъ долю истины и въ другихъ отмѣченныхъ выше теоріяхъ (ib., стр. 15—32). На точку зрѣнія старой гипотезы Гримма становится и самъ Дашкевичъ, — дѣлая въ ней лишь нѣкоторое, но весьма существенное пополненіе. Говоря объ исконной индо-германской сагѣ и ближайшемъ отраженіи ея въ германской „животной эпопеѣ“, не надо забывать — подчеркиваетъ онъ — о длинной самостоятельной жизни

этой эпопеи, о возможности, даже неизбѣжности, самостоятельной переработки заимствованныхъ темъ, — при которой „заимствованное" дѣлалось „своимъ"... Заимствованныя и бродячія сказанія постепенно „сливались въ одно цѣлое въ горнилѣ народнаго творчества". Въ средневѣковой литературѣ — нѣсколько примѣровъ чрезвычайно широкаго и грандіознаго развитія поэтическихъ замысловъ, первоначально бывшихъ довольно узкими. Точно также литературная обработка существенно вліяла на развитіе большихъ сказаній о Лисѣ; но животный эпосъ существовалъ и самъ по себѣ, въ болѣе или менѣе связномъ видѣ, уже въ предшествовавшей народной передачѣ. И въ чисто народномъ эпосѣ не разъ обнаруживается наклонность къ сведенію во едино тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ мотивовъ; существуютъ сводныя сказки, у насъ имѣются сводныя былины... Въ послѣднее время никто не возражаетъ противъ вліянія въ разсматриваемомъ эпосѣ книжныхъ литературныхъ элементовъ; не возражаютъ, съ другой стороны, и противъ присутствія въ немъ народныхъ сказаній; но весь вопросъ въ томъ — подчеркиваетъ изслѣдователь — гдѣ усматривать исходный пунктъ средневѣкового животнаго эпоса, и что въ немъ перевѣшиваетъ? Какое міровоззрѣніе преобладало, народное ли, или книжное, бывшее въ ходу въ средѣ людей церкви и школы?"... По мнѣнію изслѣдователя, — преимущественное значеніе принадлежало именно народной сагѣ, главнымъ образомъ германской или вообще сѣверно-европейской. Теперь намъ неизвѣстна эта древне-германская или сѣверно-европейская животная сага, — ея содержаніе, ея характеръ; тѣмъ не менѣе приблизительно мы можемъ все-таки судить какъ о существованіи такого эпоса, такъ и о немъ самомъ, — „по нѣсколькимъ отрывочнымъ даннымъ по намекамъ, по обломкамъ народныхъ сказаній", „а также, отчасти по записаннымъ теперь *животнымъ сказкамъ*".... Такъ, повидимому, въ первоначальной животной сагѣ сѣверныхъ народовъ первенствующее мѣсто занималъ не волкъ, не левъ, — а медвѣдь; отсюда, можетъ быть — почитаніе мед-

вѣдя народами финскаго племени, — „медвѣжья присяга“ „и тотемическія основы культа“ медвѣдя у остяковъ и вогуловъ“ и т. п...

Представители теоріи заимствованія, доказывающіе вліяніе восточныхъ сказаній и отправляюшіся отъ изученіе старѣйшихъ литературныхъ пересказовъ, безспорно, вѣрны въ своемъ исходномъ пунктѣ; но не — въ выводахъ. Изслѣдованіе народныхъ сказаній, какъ и вообще всѣхъ словесныхъ произведеній, должно начинаться съ разсмотрѣнія древнѣйшихъ изводовъ тѣхъ или иныхъ мотивовъ, легшихъ въ основу разсматриваемыхъ словесныхъ произведеній, а такую основу можно найти съ полною увѣренностью лишь въ письменности“... Значительные слѣды вліянія письменности мы и видимъ въ животной сагѣ, — но изъ-за этого нельзя еще отвергать самую сагу, нельзя отвергать и того, что она выросла „изъ почвы“, дѣйствительно среди дремучихъ германскихъ лѣсовъ. Надо лишь имѣть въ виду при этомъ, что главные герои саги первоначально могли являться въ народныхъ преставленіяхъ не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ оказались впослѣдствіи. Выясненію этихъ „первыхъ ступеней представленій человѣка о животныхъ“ особенно много можетъ помочь позднѣйшая антропологическая, или этнографическая теорія, — выясняющая первобытныя вѣрованія гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ пресловутая сравнительная миѳологія. Особенно важное значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ выдвинутая этнографами теорія первобытнаго антропоморфизма и культа животныхъ, въ особенности одной изъ низшихъ формъ религіознаго культа — такъ наз. тотемизма. Вообще антропологическая школа можетъ многое освѣтить въ данномъ вопросѣ. Но еще болѣе — заключаетъ изслѣдователь — здѣсь можетъ разъяснить общая теорія возникновенія и развитія поэтическихъ произведеній или вообще памятниковъ литературнаго творчества. Какъ вообще въ произведеніяхъ литературнаго творчества, — и въ произведеніяхъ фольклора нельзя искать лишь какихъ-либо „пере-

живаній“ или „окаменѣлостей“ далекой, первобытной старины; фольклоръ — „результатъ также непрерывнаго видоизмѣненія творчества въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ развитія“. Не слѣдуетъ выдавать „преимущественной привилегіи на творчество лишь отдаленнымъ эпохамъ человѣческой исторіи, хотя бы и весьма богатымъ фантазіею и образностью языка, — ни усвоятъ монополіи художественнаго созиданія однимъ какимъ-нибудь народностямъ, напр., арійскимъ, или одной какой-нибудь странѣ, напр., Индіи“. Необходимо „признать участниками въ творчествѣ и распространеніи міровой литературы — какою является фольклористическая — даровитыхъ людей всего міра, разныхъ эпохъ и племенъ. При такой точкѣ зрѣнія нерѣдко придется отказываться отъ попытки разобраться въ вопросѣ, отъ кого что́ впервые вышло въ необъятномъ океанѣ фольклора; но можно будетъ выдѣлять пласты и наслоенія различныхъ эпохъ быта и культуры и различныхъ мѣстностей, и открывать сказанія, стоящія особнякомъ“... Попытку именно такого выдѣленія различныхъ пластовъ въ сказкахъ о животныхъ въ послѣднее время предпринялъ финскій ученый K. Krohn; у насъ — и едва ли не ранѣе еще — Н. Ѳ. Сумцовъ... Что касается собственно „заимствованій“, — не надо забывать, что смѣшеніе народностей началось съ самыхъ отдаленныхъ временъ; его открываютъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, почти у всѣхъ народовъ Европы, а равно съ незапамятныхъ временъ ведетъ свое начало и международное общеніе во всевозможныхъ направленіяхъ... На основаніи всего изложеннаго, Дашкевичъ дѣлаетъ слѣдующія общія заключенія по изслѣдуемому вопросу, — отчасти приложимыя вообще къ изученіямъ въ области народнаго эпоса: „Ни одна изъ выдвинутыхъ наукою гипотезъ касательно фольклора, въ примѣненіи къ животному эпосу, не можетъ имѣть притязанія на абсолютную достовѣрность, какъ равно ни одна не можетъ подлежать устраненію. Врядъ ли основательно преувеличеніе значенія древней басни въ развитіи средневѣкового животнаго французско-германскаго эпоса. Эзо-

пическая басня была лишь готовою литературною рамкою, въ которую можно было ввести народную сагу при обработкѣ послѣдней въ литературѣ. Басня могла также сообщить этой сагѣ свои подробности и несомнѣнно вліяла на писателей и перехожихъ увеселителей. Къ вліянію басенъ присоединилось воздѣйствіе другихъ литературныхъ памятниковъ сроднаго направленія. Тѣмъ не менѣе пунктомъ отправленія среднев. животной эпопеи все-таки надо считать народныя сказанія, или саги. Чрезвычайно живой интересъ средневѣковыхъ поэтовъ, читателей и слушателей къ повѣствованіямъ о Лисѣ объясняется, прежде всего, исконнымъ развитіемъ послѣднихъ въ народной средѣ. Въ животной сагѣ среднихъ вѣковъ отзывались тотемическія повѣрья отдаленныхъ временъ вмѣстѣ съ наполнявшею ихъ племенною враждою, животныя сказки и своеобразныя построенія животнаго эпоса, выработанныя въ центрѣ и на сѣверѣ Европы“... [„Вопросъ о происхожденіи“ и пр., стр. — 52].

Какъ мы мимоходомъ уже замѣтили, — болѣе критическое отношеніе къ теоріи „заимствованія“, не столь исключительное преклоненіе передъ нею, стремленіе къ согласованію, объединенію ея съ другими научными взглядами и теоріями, особенно теоріей „антропологической“, или „самозарожденія“, а также основами общепсихологическими, связанными съ областью человѣческаго мышленія вообще и въ частности дѣятельностью языка, творчества, въ области „слова“, — значеніе чего особенно выдвигалъ въ своихъ изученіяхъ Потебня; все болѣе и болѣе укореняющееся сознаніе необходимости изученія памятниковъ народнаго творчества, преимущественно на почвѣ чисто мѣстной, исторической и бытовой, жизни народа, — въ противоположность слишкомъ исключительному преобладанію всяческихъ „заимствованій“, вообще значительно усиливающееся чисто „историческое“, точнѣе, „историко-бытовое“ направленіе въ изученіи русской народной эпики, — и, какъ ближайшій результатъ этого, гораздо бо́льшее вниманіе вообще къ народному поэтическому твор-

честву, ко всѣмъ его видамъ и формамъ, во всемъ его объемѣ, гораздо бо́льшее вниманіе ко всему имѣющемуся налицо его мѣстному „богатству“ или „остаткамъ“, стремленіе собрать весь этотъ наличный мѣстный матеріалъ во всемъ его объемѣ, — при чемъ неожиданно открывается совершенно новая область современной народной лирики, неизвѣстная дотолѣ, или по крайней мѣрѣ, какъ-то игнорировавшаяся: *частушки;* наконецъ, особенное вниманіе — вообще при научныхъ выводахъ и заключеніяхъ — къ относящимся сюда матеріаламъ собственно рукописнымъ, — стремленіе къ изученіямъ памятниковъ народнаго творчества преимущественно на почвѣ письменныхъ матеріаловъ, и опять преимущественно мѣстныхъ, историко-бытовыхъ, включая сюда связи и ближайшія, церковно-византійскія: вотъ главныя, основныя стороны, которыя — тѣсно связанныя между собой, взаимно переплетаясь — являются главными, основными сторонами нашихъ позднѣйшихъ изученій въ области дошедшей до насъ русской народной эпики. Разумѣемъ относящіяся сюда изслѣдованія А. М. Лободы, А. В. Маркова, В. Н. Перетца, А. М. Смирнова, Н. Н. Трубицына, М. Н. Сперанскаго, А. В. Попова, В. Я. Сахарова, Н. Н. Виноградова, А. В. Рыстенко, А. В. Ветухова, Д. К. Зеленина, спеціальныя — относящіяся собственно совершенно къ другой области, тѣмъ не менѣе имѣющія ближайшее отношеніе и къ русскому folklore'у, — обширныя изслѣдованія проф. А. И. Алмазова, и т. д. и т. д. Помимо всего замѣчаются попытки — впрочемъ, еще весьма недостаточныя — къ изученію произведеній народнаго творчества съ точки зрѣнія чисто реальнаго, практическаго его содержанія: стремленія подчеркнуть въ области русской народной эпики и вообще русскаго folklore'а — а также и вообще въ нашей старой литературѣ — элементы „медицинскіе“, зачатки „сельско-хозяйственной мудрости“ и т. п. Разумѣемъ начавшіяся за позднѣйшія десятилѣтія изученія различныхъ древнерусскихъ *Лѣчебниковъ, Травниковъ, Зелейниковъ* — изслѣдованія и изданія В. М. Флоринскаго (Казань, 1878), Л. Ѳ. Змѣ-

ева (Спб., 1896) и др. — или такія изученія, какъ позднѣйшій трудъ А. С. Ермолова: *Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ* [4 т., Спб., 1901—1905] и др. под. При всемъ этомъ, повидимому, необычайно широкомъ развитіи всякаго рода изученій, нельзя не видѣть — за самое послѣднее время въ общемъ строго научныхъ изслѣдованій, собственно изученій, мало — сравнительно съ грудами быстро растущихъ совершенно необработанныхъ, сырыхъ матеріаловъ! — не рѣдко и собираемыхъ безъ большого критическаго разбора... Нельзя не согласиться, наконецъ, и съ тѣми укорами, которые давно уже дѣлаются нѣкоторыми позднѣйшими нашими изслѣдователями русскаго folklore'a: эти изученія за послѣднія десятилѣтія крайне неравномѣрны! „Не всѣ отдѣлы народнаго творчества — справедливо замѣчаетъ, напр., проф. Трубицынъ — въ одинаковой степени изучены русской наукой: многіе и до сей поры являются едва затронутыми, про другіе она словно забыла“ [„Ж. М. Н. Пр.“, 1905, іюнь, стр. 401.]...

Изъ позднѣйшихъ трудовъ названныхъ выше ученыхъ останавливаемся лишь на нѣкоторыхъ трудахъ, отдѣльныхъ и немногихъ.

Въ своей позднѣйшей работѣ: *Русскія былины о сватовствѣ* [Кіевъ, 1904], отмѣчая „опасныя стороны современныхъ изслѣдованій по изученію русскаго былевого эпоса, проф. Лобода, между прочимъ, замѣчаетъ: „Сравнительно-историческій матеріалъ, собранный въ вышедшихъ доселѣ трудахъ, уже весьма обширенъ, разнообразенъ и многоцѣненъ; условія, съ которыми нельзя не считаться при разсмотрѣніи былинъ, также выяснены довольно полно, хотя и не достаточно согласованы между собою, — и вотъ въ этомъ послѣднемъ, кажется, лежитъ главнѣйшій источникъ недоразумѣній въ дѣлѣ истолкованія русскаго былевого эпоса. Необходимость такого согласованія особенно сильно заявляется проф. Н. П. Дашкевичемъ, — и мой пересмотръ русскихъ былинъ о сватовствѣ стремится съ осуществленію того же согласованія“ [ib., стр. 51]. Въ результатѣ своего „пересмотра“ изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Русскія былины о сватовствѣ — въ основѣ своей историческія, какъ въ тѣсномъ смыслѣ отправленія первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица и событія, такъ и въ широкомъ смыслѣ изображенія бытовой картины, имѣющей связь съ жизнью той среды, въ которой слагается и развивается эпосъ [Дашкевичъ]. Формы, въ которыя отлились эти былины, весьма часто неоригинальны, — но „неоригинальность“ эта, повидимому, нѣсколько иного рода, чѣмъ какъ ее обыкновенно понимаютъ представители теоріи заимствованія. Въ русскомъ эпосѣ вообще не мало различныхъ „параллелей“ съ памятниками иноземными; однако „лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ“ можно сколько-нибудь опредѣленно указать ближайшій источникъ такихъ параллелей. И вообще „нельзя не придти къ заключенію, что, повидимому, важны не собственно эти параллели, сколько самый процессъ т. н. заимствованія“. „Не отрицая заимствованія въ видѣ отраженія на данной почвѣ какого-нибудь цѣльнаго сюжета въ его той либо иной опредѣленной обработкѣ, должно, однако, больше считаться съ возможностью усвоенія лишь общихъ пріемовъ эпическаго творчества, отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, темъ, наконецъ, но темъ, какъ бы уже отвлеченныхъ отъ прочно опредѣленнаго содержанія. Тема, заимствованная изъ одного источника, комбинируется съ сходными темами, заимствованными изъ другого источника: пріемы творчества, эпическаго изображенія, усвоенные отъ одного народа, смѣшиваются съ такими же пріемами, зашедшими отъ другихъ: все растворяется собственнымъ творчествомъ усвояющаго народа“... Общіе психологическіе законы, управляющіе дѣятельностью каждаго отдѣльнаго человѣка, обязательны и для т. н. народнаго творчества, — помимо возможности самостоятельнаго воспроизведенія сходныхъ образовъ и даже темъ въ силу единства человѣческой природы и отчасти жизни“... Впрочемъ, не всѣ и формы — заимствованныя; на ряду съ ними мы видимъ формы, созданныя на основѣ исконныхъ народныхъ представленій о томъ или другомъ явленіи народной жизни, — напр., въ нашихъ былинахъ о сватовствѣ,

представленій о бракѣ и брачномъ церемоніалѣ. Наши былины о сватовствѣ „въ весьма значительной степени представляютъ переработку русскихъ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсенъ или отдѣльныхъ ихъ мотивовъ“. Все это не только значительно ослабляетъ „международность“ нашего эпоса, — но даетъ и прямыя указанія на „связь былины съ бытовыми явленіями русскаго народа“, указываетъ на „полноту поэтической жизни славянъ и свѣжесть ихъ народной словесности“. Связь былинъ съ бытовыми явленіями русскаго народа часто, однако, и ослабѣвала, — ослабленіе это замѣчается иногда даже въ былинахъ глубокой древности, напр., въ былинахъ о сватовствѣ Владимира. Причины этого, повидимому, въ условіяхъ ихъ происхожденія, точнѣе, въ томъ вліяніи, которое, безспорно, въ большей или меньшей степени всегда оказываютъ на былины древнѣйшіе ихъ хранители, пѣвцы-дружинники или профессіональные пѣвцы-художники, — у которыхъ „не могли не выработаться свои особые искусственные пріемы творчества, подобно тому, что имѣло мѣсто на Западѣ, у ихъ западныхъ собратій. „Вполнѣ правдоподобно, что эти послѣдніе не остались безъ вліянія на русскихъ пѣвцовъ. Получивъ въ такой средѣ свою обработку, сказаніе о женитьбѣ Владимира должно было получить соотвѣтствующій отпечатокъ, — откуда, быть можетъ, и нѣкоторая близость его къ западнымъ аналогичнымъ сказаніямъ“... Позднѣе, когда кругъ древнѣйшихъ пѣвцовъ-дружинниковъ постепенно „демократизировался, растворялся въ народной массѣ“ — чѣмъ открывался въ былевую поэзію болѣе широкій доступъ народнаго элемента“ — ослаблялось и указанное выше вліяніе искусственныхъ пріемовъ старыхъ пѣвцовъ, наоборотъ, связи съ мѣстными бытовыми явленіями тѣмъ самымъ усиливались. „На старыхъ, уже установившихся, сказаніяхъ это могло проявляться сравнительно мало; новыя же, только формирующіяся, сказанія должны были больше поддаваться новымъ вліяніямъ. Съ этой точки зрѣнія былины *объ Иванѣ Годиновичѣ, Хотѣнѣ, Соловьѣ Будимировичѣ* представляются нѣсколько позднѣйшими, — уклонившимися отъ историче-

скаго эпоса въ сторону бытовыхъ балладъ, съ сюжетами, окраской изъ обыденной жизни"... И т. д. [„Русскія былины о сватовствѣ", стр. 285—288].

Если изложенная монографія проф. Лободы стоитъ на почвѣ главн. образ. принципа согласованія, примиренія различныхъ теорій, — большинство работъ А. В. Маркова съ особой силой выдвигаетъ чисто историческій элементъ нашего былиннаго эпоса, отмѣчая здѣсь же и нѣкорыя черты заимствованій. Таковы, напр., его изслѣдованія: *Изъ исторіи русскаго былевого эпоса* [Вып. I, М., 1905; вып. II, М., 1907, — изъ „Этногр. Обозр.", кн. XLI и LXII], — *Поэзія Великаго Новгорода и ея остатки въ сѣверной Россіи* [Харьковъ, 1909, — изъ „Сборника Харьков. Историко-Филол. О-ва", т. XVIII] и др. „Въ своихъ замѣткахъ я стараюсь — подчеркиваетъ изслѣдователь въ одной изъ болѣе раннихъ своихъ статей — во-первыхъ, вскрыть литературный матеріалъ, который наслоился на былевую основу пѣсенъ и такимъ образомъ затушевалъ составляющія ее первоначальныя историческія воспоминанія; во-вторыхъ, — опредѣлить, хотя бы до извѣстной степени вѣроятности, дѣйствительныя событія, на которыя въ извѣстныхъ намъ пересказахъ былинъ сохранились только неясные намеки"... Въ статьѣ, посвященной открытой имъ на Бѣломъ морѣ *былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ*, которой уже была ранѣе посвящена статья Вс. Ѳ. Миллера [Ж. М. Н. Пр. 1903, іюнь, стр. 304—321], А. В. Марковъ, соглашаясь съ выводами Миллера, что здѣсь имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого, что „былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ", — далѣе доказываетъ, что „по поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города", что „главнымъ героемъ этихъ пѣсенъ былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутараканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ: въ

былинѣ сохранилось его имя", что „поэтическій сюжетъ былины восходитъ къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго *повѣсть о Басаргѣ*: мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антіохія, перенесено на другой приморскій городъ — Херсонесъ; былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ — въ южной Россіи" и т. д. [А. Марковъ. Изъ исторіи русскаго былевого эпоса, вып. I, стр. 1—2, 2, 6, 30, 62, 63]. Останавливаясь въ другой статьѣ на анализѣ былины о Добрынѣ-Змѣеборцѣ, г. Марковъ доказываетъ, что „содержаніе былины ближайшимъ образомъ связано съ агіографической византійской литературой", — что „былина о привозѣ воды для князя, не дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ смутное воспоминаніе о крещеніи князя Владимира", — что „купанье Добрыни символически воспроизводитъ преданіе о переходѣ его изъ язычества въ христіанство", — что „въ преданіи о новгородскомъ волхвѣ, убитомъ бѣсами и брошенномъ въ Волховъ, сохранилась память о сверженіи Перунова истукана и гибели новгородскаго главнаго волхва; отголосокъ преданій о Добрынѣ, какъ о побѣдителѣ волхва, сохранился въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Невѣжей", — что „былина о Добрынѣ-змѣеборцѣ сложена въ новгородской землѣ людьми, близкими къ церкви", — что „слагатели былины воспользовались византійскимъ символическимъ образомъ дракона-діавола и сознательно обработали матеріалъ легендъ въ примѣненіи къ подвигамъ Добрыни" и т. д. и т. д. [А. Марковъ, Изъ исторіи рус. был. эпоса, вып. II, стр. 91—92]. Сравнивая былины и историческія пѣсни съ лирическими пѣснями, преимущественно обрядовыми, А. В. Марковъ, съ своей стороны, приходитъ къ той же и ранѣе высказывавшейся исторической теоріи образованія русскихъ былинъ, — согласно которой „за ихъ основу признаются короткія лироэпическія пѣсни, преимущественно величальныя, появленіе которыхъ вызыва-

лось тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ"... Какъ тѣсно иногда къ этимъ событіямъ примыкаютъ наши былины, показываетъ между прочимъ одна изъ самыхъ раннихъ статей А. В. Маркова: *Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ. „Камское побоище"* [„Юбилейн. Сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера". М., 1900, стр. 150—162]. Авторъ сопоставляетъ одну изъ открытыхъ имъ былинъ *[Камское побоище]* съ извѣстіемъ лѣтописей объ одномъ неудачномъ походѣ новгородцевъ противъ Югры въ 60-хъ гг. XIV в., и доказываетъ, что былина не только „сохранила память" объ томъ походѣ, но — „точнѣе лѣтописи опредѣляетъ мѣсто битвы, а также указываетъ на время года, когда она происходила" [ib., стр. 150, 160]... Отмѣтимъ также позднѣйшую статью того же изслѣдователя: *Повѣсть о Волотѣ и ея отношенія къ Повѣсти о св. градѣ Іерусалимѣ и къ стиху о Голубиной книгѣ* [„Изв. отд. русск. языка и слов. И. Ак. Н.", т. XVIII, Спб., 1913, стр. 49—86] и т. д.

Въ отношеніи къ направленію нашихъ позднѣйшихъ фольклористическихъ изученій, чрезвычайно характерной является небольшая статья А. М. Смирнова: *Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки* [„Извѣстія И. Р. Г. О-ва", т. XLVII, 1911, вып. I—V, стр. 371—378]. Подчеркивая „необычайный перевѣсъ сырого матеріала надъ изслѣдованіемъ" и „отсутствіе прочныхъ критеріевъ и методовъ для его разработки", — изслѣдователь констатируетъ, что въ области сказокъ „научное изслѣдованіе у насъ идетъ на убыль". Начавшись широкимъ взмахомъ, окрыленнымъ мечтой изслѣдовать русскую сказку, какъ часть всенароднаго миѳа въ лицѣ Афанасьева, въ его *Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу*, оно нѣкоторое время держалось на высотѣ живого интереса и продуктивнаго творчества, какъ въ общихъ, такъ и спеціальныхъ вопросахъ сказки. Лучшими отъ той эпохи до сего времени остаются „примѣчанія" къ сказкамъ Афанасьева и упомянутый трудъ, по богатству систематизированнаго этнографическаго матеріала, а также цѣнныя по своей эрудиціи и научному методу ра-

боты Буслаева и Потебни. Но постепенно это увлеченіе замерло, размѣнявшись на второстепенныя работы Шеппинга, Безсонова и др. „Теорія заимствованій“ въ трудахъ Веселовскаго, Пыпина, Сумцова — временно поддержала изслѣдованіе сказки, захвативъ его новой волной. Но по самому смыслу этой теоріи, именно для русской сказки это не могло имѣть особаго значенія. Признавая во главѣ съ Веселовскимъ, что русскій эпосъ не восточный и не западный, а международный, изслѣдователи сказки брали ее постольку и лишь въ томъ отношеніи, въ какомъ она соприкасалась съ темами международнаго характера. Отсюда такія статьи, какъ *Мышь..*, *Волкъ въ народной поэзіи* Сумцова или статья В. Миллера подъ заглавіемъ: *Восточные и западные родичи одной русской сказки.* Вотъ почему, когда повсемѣстно почти началась критика этой теоріи, изслѣдованіе сказки все болѣе становится случайнымъ или крайне бѣднымъ... Наше время не только не имѣетъ никакой школы по части изслѣдованія народной сказки, но въ извѣстной мѣрѣ даже сознательно отказываются отъ него, предоставляя его всецѣло будущему“... Изслѣдователь далѣе указываетъ, что самое изобиліе за послѣднее время матеріаловъ — тѣмъ самымъ выдвигаетъ на первый планъ мѣстный матеріалъ. „Если еще въ недавнее время, когда еще въ назрѣвающей наукѣ обнаруживалось сродство сюжетовъ разныхъ національностей и изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ 2—3 мѣстными варіантами, естественно было искать и стремиться къ объясненію того или другого родства съ другими народностями, — сейчасъ такое сопоставленіе международныхъ типовъ немыслимо, пока не обслѣдованъ мѣстный матеріалъ. При современномъ, необычайно разросшемся матеріалѣ, оно оказывается и невозможнымъ. Достаточно указать хотя бы такіе факты. Вс. Миллеръ въ помянутой статьѣ „Восточные и западные родичи одной русской сказки“, устанавливая русскую сказку, какъ переходную ступень между Востокомъ и Западомъ, оперируетъ съ 3 варіантами изъ сборн. Афанасьева, — тогда какъ въ

настоящее время по разнымъ сборникамъ ихъ можно привести до 18. Колмачевскій въ своей сравнительно недавней книгѣ „Животный эпосъ“ пользуется для темы „Мужикъ, медвѣдь и лиса“ 6 вар., — въ настоящее время они имѣются въ количествѣ 26! „Домашніе и дикіе звѣри въ лѣсу“ у Колмачевскаго — 6 вар.; въ моемъ указателѣ — 15. Варіанты нѣкоторыхъ темъ насчитываются прямо десятками... Когда мѣстный матеріалъ былъ ограниченъ, не такъ чувствовалась его разнородность, не такъ рельефно выступалъ его индивидуальный характеръ. Теперь же на фонѣ множества варіантовъ отдѣльныхъ, часто близкихъ мѣстъ, — сказочные сюжеты отдѣльныхъ національныхъ группъ объединяются въ самостоятельные мірки, полные рѣзкаго своеобразія“... Далѣе, благодаря тому же обилію матеріала, — „все болѣе выступаетъ, что сказка, при всей видимой простотѣ, чрезвычайно сложный фактъ. Она вплетаетъ въ себя массу этнографическаго, бытового, лексическаго, чисто художественнаго содержанія. Конечно, — его можно такъ обстрагивать, что отъ сказки останется голый остовъ, скелетъ, послѣ чего она не только можетъ утратить непосредственную свѣжесть, но и получить форму, допускающую какіе угодно сравнительные экскурсы... И все это — въ значительной степени происходитъ отъ недоразумѣнія, вызваннаго сравнительнымъ методомъ. Онъ исходитъ изъ того убѣжденія, что сказка интернаціональна, — и главнымъ образомъ имѣетъ въ виду эту ея особенность. Между тѣмъ, въ противоположность пѣснѣ, былинѣ, связаннымъ опредѣленнымъ размѣромъ, стихомъ и пр., сказка, при всей интернаціональности, обнаруживаетъ необычайную наклонность къ отрѣшенію отъ нея въ направленіи національной разработки. Благодаря живому творчеству разсказчика, свободной передачѣ, всевозможнымъ баяновскимъ замышленіямъ — она подвержена такой мѣстной переработкѣ, что брать сказку во всемірно-историческомъ выраженіи, безъ мѣстнаго изученія, значитъ обезкровить сказку, лишать ее жизни и силы! Для иллюстраціи достаточно

сказать, что русскій Иванушка-дурачекъ, нѣмецкій Hans Wurst, французскій Jean l'idiot, итальянскій Jovani-macaroni, болгарскій „Передуръ“, южно-славянскій Херо-герцеговацъ и т. д. — все это разныя лица, съ различными проявленіями національной психологіи и быта“... „Сравнительному международному изученію сказочныхъ темъ — заключаетъ изслѣдователь — должно предшествовать изслѣдованіе ихъ въ предѣлахъ мѣстнаго матеріала“... Какъ выводъ своего весьма содержательнаго этюда, г. Смирновъ, помимо другихъ тезисовъ, требуетъ, чтобы „въ основу сказочныхъ изслѣдованій полагаемъ былъ тщательный, всесторонній анализъ текста сказокъ“ — и чтобы изслѣдованіе темъ производилось „въ предѣлахъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, мѣстныхъ сказочныхъ группъ“... [А. М. Смирновъ. Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки. „Извѣстія И. Р. Г. О-ва“, стр. 371—372, 379—381, 387].

Обширныя и весьма разнообразныя изысканія въ области русскаго folklore'a за послѣднее время принадлежатъ акад. В. Н. Перетцу. Его изслѣдованія главнымъ образомъ стоятъ на почвѣ письменнаго матеріала. Работами акад. Перетца „теорія заимствованія“ въ отношеніи къ памятникамъ русскаго народнаго творчества какъ бы вводится въ тѣ — болѣе узкія, но и болѣе надежныя — рамки, въ которыхъ она главнымъ образомъ и должна примѣняться. Такова между прочимъ уже одна изъ болѣе раннихъ статей В. Н. Перетца: *Изъ исторіи пословицы. Историко-литературные замѣтки и матеріалы* [Ж. М. Н. Пр., 1898, май, стр. 104—118, и отд.; Спб., 1898], гдѣ — по поводу книги г. Тимошенка: *Литературные первоисточники и прототипы трех-сотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ* [Кіевъ, 1897], — авторъ справедливо замѣчаетъ, что „слишкомъ мало — ограничиться лишь указаніемъ на сходство пословицъ по смыслу и даже по формѣ; необходимо дать еще и разъясненіе, какими путями передавалась данная пословица, какія измѣненія претерпѣвала она на пути передачи и

кто былъ послѣднимъ на этомъ пути, отъ кого непосредственно получили мы данную пословицу"... Указывая на нѣкоторыя важныя достоинства книги г. Тимошенка, акад. Перетцъ замѣчаетъ, что „однимъ изъ главныхъ — если не самымъ крупнымъ — недостаткомъ ея является, несмотря на ея, повидимому, историческій характеръ, полное отсутствіе исторической перспективы. Авторъ, давая рядъ параллелей изъ области латинской и греческой литературы, въ сущности только ставитъ тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены", — оставляя въ „полномъ пренебреженіи" тотъ рукописный или печатный матеріалъ, который только и могъ бы помочь установить здѣсь эту „историческую перспективу"... Дальнѣйшее содержаніе довольно обширной статьи отчасти и намѣчаетъ именно этотъ, относящійся сюда, къ области собственно русской пословицы, рукописный и печатный матеріалъ, — начиная съ древнерусской *Пчелы* и др. под. сборниковъ, которые въ этомъ отношеніи являлись проводниками у насъ классическихъ вліяній, — далѣе различные, идущіе также съ древности, многочисленные древнерусскіе *Вопросо-отвѣты*, — позднѣе различные польскіе *Апофегматы*, *Фацеціи*, различные печатные памятники западно-русской литературы XVI—XVII в., наконецъ, многочисленные еще болѣе поздніе наши рукописные сборники XVIII вѣка и т. д. и т. д. Значительную роль въ этомъ отношеніи, повидимому, играла также старая анекдотическая литература, — особенно польская. Какъ указывалъ уже Потебня, позднѣе Е. А. Ляцкій [*Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ*. „Извѣстія отд. рус. языка и словесности И. Ак. Н.", II, 1897, и отд. — Спб., 1897], — многія пословицы по своему происхожденію являются какъ бы краткими резюме, завершающими разсказъ, — результатомъ, по выраженію Потебни, „процесса сжиманія разсказа въ пословицу" [*Изъ лекцій по теоріи словесности*, стр. 96]. „Изъ конкретнаго жизненнаго случая возникаетъ мѣткое выраженіе, являясь въ оболочкѣ разсказа, характеризующаго время, мѣсто и дѣйствующія лица событія. Затѣмъ конкретный случай забывается, раз-

сказъ становится не нужнымъ и отпадаетъ, и выраженіе — въ силу своей изобразительности, мѣткости или звучности западающее въ память и примѣняемое къ цѣлому ряду другихъ конкретныхъ случаевъ — становится пословицей и начинаетъ свою самостоятельную жизнь“ (Е. А. Ляцкій, „Нѣсколько замѣчаній“... стр. 7). Суммируя все сказанное, В. Н. Перетцъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы изъ своей очень цѣнной статьи: „Прежде всего — изученіе пословицъ должно быть историческимъ. Результатомъ такого изученія явится возможность: 1) выдѣленія изъ массы подлежащаго анализу матеріала не народныхъ, а литературныхъ пословицъ; 2) изучая пословицу, мы будемъ въ состояніи возсоздать, хотя бы пока въ самыхъ общихъ чертахъ, исторію ея эволюціи, — чего нельзя сдѣлать только на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Методъ такого изученія требуетъ обстоятельнаго ознакомленія не только съ древней классической и византійской пословичной литературой, а съ цѣлымъ рядомъ тѣхъ послѣдовательныхъ литературныхъ ступеней, по которымъ подвигалась и передавалась къ намъ пословица, главнѣйше — литературы пословицъ польскихъ, сохранившихся какъ въ живомъ говорѣ, такъ и въ памятникахъ старой письменности. Эти послѣдніе помогутъ намъ установить пути традиціи пословицъ и породившихъ ихъ разсказовъ“. На ряду съ этимъ имѣютъ значеніе работы по изслѣдованію и формальной стороны пословицъ, — въ родѣ статьи г. Ляцкаго; „но всестороннее изученіе и теоріи пословицы возможно при изслѣдованіи ея историческихъ основъ и отношеній, связывающихъ ее съ ея источниками“... [В. Н. Перетцъ, — Ж. М. Н. Пр., 1898, май, 104—117].

Въ томъ же направленіи двѣ болѣе раннія статьи В. Н. Перетца, посвященныя русской пѣснѣ и сказкѣ: *Современная русская народная пѣсня* [Сравнительные этюды. Спб., 1893] и *Къ исторіи русской народной сказки* [Сравнит. этюды. Спб., 1894. Обѣ статьи первоначально были помѣщены въ журналѣ „Библіографъ“] Въ статьѣ о пѣснѣ авторъ подчеркиваетъ нежелательный своего рода аристо-

кратизмъ, господствующій въ нашихъ изученіяхъ русскаго народнаго творчества, — болѣе или менѣе исключительное вниманіе изслѣдователей лишь къ „главнымъ“, „важнѣйшимъ“, произведеніямъ народной эпики, лучшимъ по своей художественности. „Какъ при изученіи литературы часто берутъ исключительно произведенія замѣчательныхъ писателей для характеристики идей, господствовавшихъ въ обществѣ въ данную эпоху, такъ — зачастую изслѣдователи въ области народной поэзіи обращаютъ вниманіе исключительно на тѣ пѣсенные мотивы, которые представляютъ наибольшій интересъ по своему художественному достоинству, забывая, что подобныя пѣсни уже отжили свой вѣкъ и вытѣсняются новыми. Мы полагаемъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа. Для характеристики массъ народа нельзя брать исключительно художественныя пѣсни, понятныя немногимъ и представляющія остатки старины давно уже пережитой: слѣдуетъ обратить вниманіе на всю массу ходячихъ въ народѣ пѣсенъ, — которыя при всей своей, быть можетъ, нехудожественности болѣе могутъ характеризировать его и его идеалы, нежели вышеназванныя исключенія... Пѣсни, взаимно вліяя другъ на друга, видоизмѣнялись съ теченіемъ времени, перерождались и исчезали; являлись новыя пѣсни, частью заимствованныя у сосѣдей и родственныхъ народовъ, частью возникшія самостоятельно на развалинахъ старыхъ; на нихъ ложился слой за слоемъ, — и пѣсня неудержимо развивалась, а вмѣстѣ съ нею развивался и росъ весь пѣсенный обиходъ русскаго человѣка. Наша задача — прослѣдить, насколько это въ нашихъ силахъ, подобное движеніе въ пѣсняхъ, еще живущихъ въ современной народной средѣ и имѣющихъ большой кругъ распространенія“... [В. Н. Перетцъ, Соврем. рус. нар. пѣсня, стр. 3—4]. Въ статьѣ, посвященной сказкѣ, акад. Перетцъ является сторонникомъ объединенія различ-

ныхъ теорій, — „заимствованія“, теоріи „антропологической“, самозарожденія, въ особенности историческаго и бытового направленія въ изученіи нашей народной старины, — едва ли не предупреждая въ этомъ отношеніи методологическіе взгляды Н. П. Дашкевича. „Русская народная сказка, во всемъ ея объемѣ — читаемъ здѣсь — представляетъ собой одно изъ сложныхъ литературныхъ явленій. Вытекая изъ врожденной человѣчеству любви къ разсказамъ о всемъ чудесномъ и занимательномъ и ведя свое начало изъ глубокой древности, народная сказка сосредоточиваетъ въ себѣ самые разнообразные элементы, черпая по возможности свой повѣствовательный матеріалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ... На первомъ мѣстѣ мы находимъ элементъ бытовой, прикрѣпляющій сказку къ народности, среди которой она развивалась: это черты русскаго быта съ древнѣйшихъ временъ, отразившіяся въ сказочныхъ сюжетахъ и въ подробностяхъ ихъ изложенія. Сюда же отнесемъ и моральную окраску въ духѣ нашей народности,—замѣчаемую даже въ явно заимствованныхъ сказкахъ. Второй элементъ — рядъ заимствованій, какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ сказочныхъ схемахъ, взятыхъ изъ устной и письменной словесности сосѣднихъ и сродныхъ народовъ въ продолженіе многовѣкового существованія русскаго народа, и шедшихъ къ нему съ самыхъ различныхъ сторонъ. Самое древнее, совпадавшее съ торговыми путями, теченіе шло изъ центра восточнаго міра, изъ арійской прародины славянъ — изъ Индіи и сопредѣльныхъ ей странъ. Ему мы обязаны большимъ запасомъ *сказокъ о животныхъ* и многими чертами нашего былиннаго эпоса. Другое теченіе, слѣды котораго уже закрѣплены въ памятникахъ средневѣковой литературы — шло изъ Византіи, главнымъ образомъ черезъ посредство южныхъ славянъ. Это теченіе принесло къ намъ массу повѣствовательнаго матеріала въ различныхъ духовныхъ книгахъ, — въ *Прологѣ*, въ *Патерикахъ*, *Палеѣ* — и цѣлый христіанскій религіозный эпосъ: апокрифическія сочиненія самаго

разнообразнаго содержанія. Одно изъ теченій, повліявшихъ на составъ русской сказки, обнаружившееся, быть можетъ, позже другихъ, — шло черезъ Польшу, съ запада Европы. Оно обновило нашу повѣствовательную литературу свѣжей струей, внеся въ нее цѣлый рядъ рыцарскихъ романовъ, возникшихъ на чуждой древней Руси почвѣ феодальнаго строя западно-европейской жизни; оно же принесло въ нашу литературу запасъ поучительныхъ и забавныхъ повѣстей и анекдотовъ"... При всей широтѣ и разнообразіи литературныхъ вліяній, они были не единственными факторами въ развитіи нашей сказки. Авторъ останавливается м. пр. на литературной исторіи двухъ сказочныхъ сюжетовъ — испытаніе жены и женитьба брата на сестрѣ — указывая здѣсь, помимо литературныхъ заимствованій изъ византійскаго и западнаго источниковъ — остатки древнерусскаго или даже общеславянскаго быта, вообще переживанія древнѣйшихъ эпохъ, а въ случаяхъ сходства мотивовъ у разныхъ народовъ — „вліянія сходства условій быта", при возникновеніи „самостоятельномъ"... [В. Н. Перетцъ, Къ исторіи русской нар. сказки, стр. 3—4, 26—27, 27, 35].

Въ отношеніи изученія русской народной пѣсни на почвѣ письменныхъ матеріаловъ особенно важнымъ трудомъ позднѣйшаго времени являются изданные акад. Перетцемъ два тома *Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ* [В. Н. Перетцъ. Историко-литературные изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи „Богогласника". Спб., 1910. Часть II. Приложенія. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Спб., 1900. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. О древнерусскомъ народномъ стихѣ. Тонизація силлабическаго стиха. Къ вопросу о началѣ малорусскаго народнаго стиха. Вирши свящ. Некрашевича, и т. д.

Здѣсь же — о Тредьяковскомъ, какъ новаторѣ въ стихосложеніи. Ч. I—II. Спб., 1902]. „Изслѣдованія“ и „матеріалы“ посвящены частью изученію, историко-литературнымъ обслѣдованіямъ, различныхъ связей и взаимодѣйствій, частью фактическому обнародованію огромной литературы нашихъ болѣе или менѣе позднихъ, такъ наз. *виршей*, — „остававшихся, какъ справедливо замѣчено, до сихъ поръ если не въ полномъ, то въ значительномъ пренебреженіи у русскихъ ученыхъ“... Нѣкоторое вниманіе этимъ виршамъ было оказано лишь Безсоновымъ, въ извѣстномъ сборникѣ: „Калѣки-Перехожіе“; но онъ чаще всего плохо отличалъ ихъ отъ подлинныхъ, народныхъ духовныхъ стиховъ... В. Н. Перетцъ впервые обратился къ тщательному пересмотру и изученію многочисленныхъ дошедшихъ до насъ сборниковъ этихъ виршей, — нѣкоторыя изъ этихъ произведеній здѣсь же имъ и изданы. „Авторъ не испугался массы сырого матеріала, и хотя воспользовался далеко не всѣми сборниками виршей, которые до насъ дошли, тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно показалъ значеніе этихъ произведеній въ исторіи русской культуры и литературы всего XVII и первой половины XVIII вѣковъ, — какъ цѣнныхъ данныхъ для изученія культурныхъ и литературныхъ теченій“... [Соболевскій, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1901, іюнь, стр. 517—524] Главнымъ образомъ изслѣдователь останавливается на малорусскихъ и польскихъ виршахъ XVIII и XIX вв., — для изученія которыхъ больше всего даютъ и самые матеріалы, такъ какъ дошедшіе сборники виршей почти исключительно позднѣйшіе, XVIII и XIX вв.; насколько возможно, изслѣдованіемъ захватываются и вирши XVII в. Нерѣдко изслѣдователь открываетъ здѣсь совершенно новый матеріалъ. В. Н. Перетцъ приводитъ напр. открытый имъ новый варіантъ *думы казацкой* о побѣдѣ подъ Берестечкомъ, *сатирическую пѣсню о попѣ*, новый варіантъ *пѣсни о Желтоводской битвѣ* и мн. др. Изучая свои матеріалы, изслѣдователь между прочимъ приходитъ къ выводамъ о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII—XVIII вв. „Польская литера-

тура, доказываетъ онъ, вліяла на русскую поэзію въ XVII и XVIII вв. непосредственно и посредствомъ малороссовъ. Одновременно съ передѣлками и подражаніями малорусскихъ ученыхъ польскимъ образцамъ, въ сборники псальмъ и кантовъ входили и цѣликомъ польскія псальмы и кантычки"... Какъ указано было тогда же акад. Соболевскимъ, — этотъ выводъ можетъ быть признанъ справедливымъ лишь для болѣе поздняго времени, начиная съ XVIII вѣка; для XVII вѣка рядомъ съ вліяніемъ малорусскимъ не надо забывать о вліяніи бѣлоруссовъ. „Въ XVII вѣкѣ— замѣчаетъ акад. Соболевскій — въ Москвѣ встрѣчаются и малороссы и бѣлоруссы; послѣдніе какъ будто чаще. Во всякомъ случаѣ Симеонъ Полоцкій былъ бѣлоруссъ, Дилецкій, авторъ *Грамматики мусикійской*, перваго русскаго учебника сольфеджіо, судя по жительству въ Вильнѣ, былъ также бѣлоруссъ; монахи Кутеинскаго монастыря, перебравшіеся при Никонѣ въ Валдайскій Иверскій монастырь, вѣроятно, также были бѣлоруссы. Книги бѣлорусскаго происхожденія были въ Москвѣ не меньше распространены и популярны, чѣмъ малорусскаго"... Нѣкотораго ограниченія, по мнѣнію Соболевскаго, требуетъ и дальнѣйшій выводъ изслѣдователя: „Повидимому, говоритъ В. Н. Перетцъ, — постоянными посредниками при перенесеніи польскихъ пѣсенъ въ малорусскую, а позже и въ великорусскую среду, были бандуристы"... „Конечно, замѣчаетъ А. И. Соболевскій, — бандуристы, крѣпостные или свободные, нерѣдко находились въ числѣ дворни въ малорусскихъ имѣніяхъ польскихъ пановъ XVIII в. — и могли усваивать и разносить польскія пѣсни; однако столько же, если не болѣе, должны были распространять польскія пѣсни тѣ образованные малороссы, прошедшіе польскую школу, которые сначала служили въ разныхъ должностяхъ въ Польшѣ, а потомъ перебрались въ восточную Малороссію, словомъ — малороссы въ родѣ Мазепы. Они же, вѣроятно, нерѣдко были авторами искусственныхъ пѣсенъ на малорусскомъ языкѣ, свѣтскаго содержанія, о которыхъ В. Н. Перетцъ говоритъ въ главахъ девятой и де-

сятой (припомнимъ преданія объ авторствѣ Мазепы)“... По мнѣнію акад. Соболевскаго,—и вообще должны быть значительно умѣрены выводы изслѣдователя касательно объема вліянія малороссовъ на великорусскую лирику начала XVIII вѣка, — по крайней мѣрѣ въ области такъ наз. *любовныхъ пѣсенокъ*, которыя особенно начинаютъ у насъ распространяться съ первой четверти XVIII в., отчасти и ранѣе. Помимо вліянія малороссовъ, здѣсь могло быть вліяніе, съ одной стороны, непосредственно подлинной народной лирики, съ другой — лирики нѣмецкой и французской. „Одни изъ искусственныхъ пѣсенъ великорусскихъ поэтовъ-анонимовъ, находящіеся въ Новиковскомъ и другихъ пѣсенникахъ XVIII вѣка, такъ близки къ великорусскимъ народнымъ пѣснямъ, что съ трудомъ могутъ быть отъ нихъ отличаемы. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы нами въ числѣ народныхъ, хотя мы увѣрены въ ихъ искусственности [„Великорусскія народныя пѣсни“, томъ V, №№ 122, 143, 153, 310, 695, 703 и т. п.]. Другія должны находиться въ болѣе тѣсной связи съ нѣмецкими и французскими пѣснями, чѣмъ съ малорусскими, какъ пѣсни В. Монса и его секретаря Столѣтова; къ нимъ также относятся пѣсни, принадлежащія по преданію императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Лишь немногія великорусскія искусственныя пѣсни могутъ быть поставлены въ зависимость отъ малорусскихъ; они должны быть составлены не позднѣе половины XVIII вѣка“ [Соболевскій, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1901, іюнь]... Чрезвычайно цѣнны страницы обширнаго труда акад. Перетца [гл. IXVI], которыя онъ посвящаетъ „репертуару стиховъ у старообрядцевъ“,— вопросу, остававшемуся до сихъ поръ совершенно нетронутымъ научными разысканіями. Вся эта глава изслѣдованія — особенно важное пріобрѣтеніе науки, хотя мѣстами и здѣсь у изслѣдователя встрѣчаются нѣкоторыя увлеченія. „Авторъ пользуется — замѣчаетъ Соболевскій — „богатѣйшей коллекціей сборниковъ любимыхъ старообрядческихъ псальмъ Спб. Синод. Архива и нѣсколькими сборниками другихъ библіотекъ — и представляетъ спи-

сокъ этихъ псальмъ. Въ немъ мы видимъ и молитву царевича Іоасафа: *Боже, Отче всемогущій, Боже, Сыне присносущный*, — сочиненія Симеона Полоцкаго, и гимнъ: *Восплещи, воспой, Россія, ощущая дни благія*, и *оду* Ломоносова, и переложеніе *псалма 135-го* въ тоническихъ стихахъ: *Хвалу всевышнему Владыцѣ потщися, духъ мой, возсылать* и т. п. Уже названныя произведенія позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что передъ нами — „репертуаръ“ старообрядцевъ. Дѣйствительно, далеко не всѣ сборники Синодальнаго Архива могутъ считаться старообрядческими. Въ этотъ Архивъ попали рукописи, отобранныя у разныхъ лицъ, — не у однихъ старообрядцевъ; весьма возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали лицамъ изъ бѣлаго или чернаго православнаго духовенства. Во всякомъ случаѣ тѣ стихи, на которыхъ авторъ особенно долго останавливается, — не старообрядческіе. Изъ нихъ стихотвореніе о рекрутскомъ наборѣ: *Слышимъ въсточки плачевны, всѣмъ народамъ объявленны*, — не заключаетъ въ себѣ ничего старообрядческаго. То же слѣдуетъ сказать о стихотвореніи: *Среди самыхъ юныхъ лѣтъ вяну я, какъ нѣжный цвѣтъ*... Стихотвореніе: *Господи, умомъ желаю воинъ быть я надъ страстьми* — по своему тоническому размѣру, правильному вообще, несмотря на искаженіе текста, принадлежитъ образованному человѣку. Стихотвореніе о монастырской жизни, въ которомъ В. Н. Перетцъ видитъ „печальную картину жизни скитскаго подвижника“ — рисуетъ бытъ не юнаго обитателя старообрядческаго скита (въ послѣднемъ въ XVIII вѣкѣ жилось привольно и пріятно), а молодого православнаго монаха стѣсненнаго предписаніями Духовнаго Регламента, и т. д.“ Вторая часть труда содержитъ описаніе тѣхъ рукописей, сборниковъ псальмъ и кантовъ, которыми изслѣдователь пользуется въ своихъ изысканіяхъ, — и въ ряду изданныхъ здѣсь текстовъ пѣсня: *Что во Кіевѣ, во монастырѣ*, по мнѣнію Соболевскаго — „чистѣйшая великорусская“; пѣсню: *Заюшка, гдѣ ты былъ, побывалъ* — „вѣрнѣе считать также великорусскою“; пѣсня: *Гдѣ жъ моя дзѣвонюшка гуляла* — „искаженная польская,

съ великоруссизмами и безъ малоруссизмовъ“ и т. п. [А. И. Соболевскаго, — „Ж. М. Н. Пр.“, 1901, іюнь, стр. 517—524].

Говоря о трудахъ В. Н. Перетца по изученію русскаго народнаго эпоса, не можемъ мимоходомъ не отмѣтить небольшой, любопытной по замыслу, его статьи: *Деревня Будогощи и ея преданія* [Этнографическій очеркъ. Спб., 1894]. Статья представляетъ попытку характеризовать міровоззрѣніе, духовный міръ, современнаго великорусскаго крестьянина [дер. Будогощи — въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новогородской губерніи — лежитъ по обоимъ берегамъ рѣки Пчевжи, окруженная на десятки верстъ лѣсами и болотами]. Авторъ преимущественно останавливается на преданіяхъ и сказкахъ этой деревни, — въ которыхъ отражается вѣра мѣстныхъ крестьянъ въ различныя, отовсюду окружающія, таинственныя существа, и возникшихъ на мѣстной, туземной почвѣ. Господствующая роль въ этихъ мѣстныхъ сказаніяхъ принадлежитъ „миѳическому существу, которое является то добрымъ, то злымъ, и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку“ — „лѣсовику“, или „лѣшему“; далѣе слѣдуетъ „водяной“, „банникъ“ и т. п. „Наряду съ разсказами, гдѣ дѣйствующими лицами являются существа миѳическія, пріуроченныя и, такъ сказать, прикрѣпленныя къ извѣстному мѣсту, — находимъ не мало разсказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водянаго житель д. Будогощи не связываетъ представленія о чемъ-то страшномъ, зломъ, враждебномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмѣщаетъ въ своемъ міросозерцаніи Бога христіанскаго, противоположное Ему существо, источникъ всякаго зла — чорта, или, какъ чаще его называетъ иносказательно, „врага“, и наряду съ ними нѣчто среднее — цѣлый рядъ божествъ миѳическихъ. Представленія этихъ миѳическихъ существъ и чорта — діавола — отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ — существо отвратительное, самое имя его грѣшно произносить, — тогда какъ съ лѣшимъ, домовымъ

вступать въ извѣстнаго рода соглашенія далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ“... И т. д. [„Деревня Будогощи“ и пр., стр. 1—16].

Противъ аристократизма въ изученіяхъ памятниковъ русскаго народнаго творчества, особенно при самомъ ихъ собираніи, противъ „погони за болѣе цѣннымъ“, при чемъ — не принимая во вниманіе всего репертуара пѣвца — тѣмъ самымъ „обезцѣнивается и это цѣнное“, кромѣ того, „не дается матеріала для болѣе широкаго изученія пѣсни данной мѣстности вообще“ — выступаетъ и проф. М. Н. Сперанскій въ статьѣ: *Южно-русскія пѣсни и современные ея носители* [по поводу бандуриста Т. М. Пархоменка, Кіевъ, 1904]. Сосредоточивая вниманіе, при собираніи памятниковъ народной поэзіи, лишь на извѣстныхъ отдѣлахъ, почему-либо принимаемыхъ за главные, важнѣйшіе, — тѣмъ самымъ упускаются изъ вида другіе матеріалы, не менѣе важные для науки. Результатъ такого собиранія на лицо: „Если мы двигаемъ вопросъ о думахъ впередъ, — въ то же время упускаемъ [и часто навсегда] матеріалъ для сужденія о южно-русской пѣснѣ вообще... Отдѣльные сборники думъ, отдѣльныя думы у насъ изданы въ значительномъ количествѣ, а южно-русскаго духовнаго стиха, пѣсенъ общественнаго характера [бытового, сатирическаго, частью политическаго] мы почти не знаемъ! — хотя этотъ духовный стихъ сыгралъ не маловажную роль въ исторіи общерусскаго духовнаго стиха... Безсоновъ, составившій обширный сборникъ духовныхъ стиховъ, почти ничего не далъ по южно-русскому стиху, — между тѣмъ и небольшое изслѣдованіе репертуара одного южно-велико-русскаго пѣвца съ достаточной ясностью показываетъ, насколько важно здѣсь и научное знакомство со стихомъ малорусскимъ...“ Въ цѣляхъ болѣе глубокаго, „всесторонняго“ собиранія имѣющагося пока въ народѣ пѣсеннаго матеріала, проф. Сперанскій поэтому „единственнымъ пока методомъ“ считаетъ „изученіе народной словесности путемъ ознакомленія съ единичными ея представителями, — при соблюденіи возможной научности изученія: изъ этихъ

единичныхъ изученій группируются болѣе общія наблюденія, формальнаго ли характера, мѣстнаго, или историческаго и т. д. Конечно, такое изученіе не исключаетъ осторожныхъ сопоставленій съ матеріаломъ, уже приведеннымъ въ извѣстность, возможности нѣкоторыхъ обобщеній"... [М. Н. Сперанскій, Южно-русская пѣсня и современные ея носители, стр. 3—5, 7—8, 8—9]. Разсматриваемая книжка представляетъ собой репертуаръ извѣстнаго малорусскаго пѣвца Т. М. Пархоменка, — какъ образчикъ такого собиранія памятниковъ народнаго творчества по современнымъ „сказителямъ"...

Съ отмѣченной статьей тѣсно связана другая, болѣе ранняя, не менѣе интересная статья проф. Сперанскаго: *Духовные стихи изъ Курской губерніи* [„Этногр. Обозр." 1901 г., № 3, стр. 1—66], съ приложеніемъ ряда новыхъ записей духовныхъ стиховъ. „Новымъ записямъ" статья и служитъ очень цѣннымъ введеніемъ. „Собранные мною духовные стихи — замѣчаетъ авторъ — по содержанію новаго ничего почти не даютъ, но они любопытны, какъ образчикъ современнаго состоянія народнаго стиха, а собранныя мною свѣдѣнія при записываніи стиховъ дадутъ, можетъ быть, не лишенные интереса матеріалы и для уясненія условій существованія, сохраненія и, можетъ быть, даже своеобразнаго развитія духовнаго стиха въ наше время"... Статья представляетъ дѣйствительно рядъ весьма важныхъ наблюденій изслѣдователя въ области современнаго духовнаго стиха и его измѣненій, — измѣненій общаго репертуара стараго „каликиперехожаго", въ связи съ общимъ измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ народа; здѣсь же авторъ останавливается на формѣ и объемѣ позднѣйшаго духовнаго стиха сравнительно съ былиной и т. п. Изслѣдователь отмѣчаетъ „паденіе интереса къ духовному стиху въ слушателяхъ": ихъ вкусъ требуетъ интереснаго, веселаго даже отъ убогаго калики, — и калика въ цѣляхъ заработка идетъ навстрѣчу этому желанію, становясь изъ лица полу-духовнаго въ рядъ простыхъ пѣсенниковъ-увеселителей: „старый калика и

старый скоморохъ-забавникъ, пѣвшій былины, старины, сближаются въ современномъ пѣвцѣ духовнаго стиха, слѣпцѣ, — подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ или, лучше сказать, подъ давленіемъ утраты прежняго чутья къ поэзіи у слушателей"... Вообще „въ настоящее время потребность въ народной пѣснѣ преимущественно шутливаго, забавнаго характера — можетъ считаться общераспространенной: отъ пѣсни требуютъ не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи... Такимъ образомъ, какъ былину приходится считать у современныхъ исполнителей выраженіемъ старой традиціи, а историческую и шутливую пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также духовный стихъ современнаго калики — остатокъ старой профессіональной традиціи, а его мірскія пѣсни — уже искаженіе этой традиціи"... Сводя въ одно свои наблюденія, изслѣдователь заключаетъ: „Мы можемъ представить себѣ положеніе духовнаго стиха въ настоящее время для данной мѣстности Курской губ. въ такомъ видѣ: стихъ стараго типа, развившійся на общихъ съ былинной основахъ, еще сохраняется, но постепенно уступаетъ стиху лирическому новой формаціи, болѣе книжному. Вліяніе книжной поэзіи сказывается въ видѣ развитія вкуса къ риѳмѣ и въ старшемъ стихѣ, какъ и въ былинѣ, но въ болѣе сильной степени; еще сильнѣе вліяніе риѳмы на стихъ лирическомъ. Это вліяніе ведетъ къ искаженію содержанія стиха лирическаго въ бо́льшей степени, чѣмъ стиха повѣствовательнаго. Репертуаръ калики расширяется привлеченіемъ въ него мірской пѣсни, — чѣмъ все болѣе нарушается традиціонный типъ профессіональнаго носителя духовной народной поэзіи"... [М. Н. Сперанскій, *Духовные стихи изъ Курской губерніи*. „Этнограф. Обозрѣніе", 1901 г., №. 3].

Въ связи съ указанными выше изысканіями акад. В. Н. Перетца, — на другую сторону вопроса пытается обратить вниманіе изслѣдователей Ю. А. Яворскій. „Интересный и сложный вопросъ о взаимоотношеніяхъ ве-

ликорусской и малорусской пѣсни, какъ народной, такъ и искусственной, въ начальный періодъ ихъ развитія XVI—XVIII вѣковъ, хотя, повидимому — замѣчаетъ онъ — и поставленъ въ послѣднее время на очереди, но разработанъ еще далеко не удовлетворительно и весьма неравномѣрно... Не только вовсе не обслѣдованы и не выяснены многія и существенныя частности вопроса, но даже не соблюдены, если можно такъ выразиться, основныя требованія историко-литературной соразмѣрности и перспективы. Дѣло въ томъ, что все вниманіе изслѣдователей было обращено всецѣло только на одну, правда, болѣе выпуклую и яркую сторону вопроса, именно — на малорусскія вліянія и отраженія въ великорусской пѣснѣ, степень и характеръ которыхъ такимъ образомъ удалось, въ общемъ, установить и выяснить довольно широко и подробно, хотя все-таки еще, конечно, далеко не съ достаточной полнотой и точностью. Обратная же сторона вопроса, можетъ быть, не столь цѣльная и яркая и поэтому не такъ легко поддающаяся историко-литературному изслѣдованію и учету, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ равноцѣнная и равноправная по существу, — такъ и осталась почему-то въ наукѣ до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи и загонѣ. Мы имѣемъ именно въ виду ту обратную великорусскую струю, тѣ старыя великорусскія воздѣйствія и отраженія въ пѣснѣ малорусской, которыя, въ свою очередь, хотя, можетъ быть, и не въ столь широкой и сильной степени, существовали издавна и проявлялись иногда довольно опредѣленно и ярко... Параллельно съ проникновеніемъ малорусской пѣсни въ великорусскую среду, происходило также одновременно обмѣнное распространеніе пѣсни великорусской среди малорусскихъ любителей пѣнія, главнымъ образомъ, конечно, въ предѣлахъ Россіи, — при чемъ этотъ пѣсенный обмѣнъ, въ мѣру общаго усиленія и расширенія взаимныхъ общественно-культурныхъ сношеній и воздѣйствій, долженъ былъ, естественно, увеличиваться и углубляться со временемъ все болѣе и живѣе“... Попытку пополнить указанный пробѣлъ и представляетъ между про-

чимъ трудъ самого Ю. А. Яворскаго: *Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ* [Спб., 1912]. Авторъ впрочемъ, оговаривается, что онъ нисколько не имѣетъ въ виду разсматривать данный вопросъ здѣсь „по существу и во всемъ его сложномъ объемѣ", — для этого у него „не имѣется еще ни необходимой предварительной разработки, ни достаточно фактическихъ указаній и данныхъ": авторъ предполагаетъ лишь обнародовать случайно попавшійся ему „неизвѣстный и нетронутый еще матеріалъ, — открывающій новыя стороны и указывающій новые пути въ области изученія вопроса"... Приводимый матеріалъ, однако, довольно сомнителенъ по своему характеру: чуть ли не является пародіей, — какъ это оказывается отчасти и изъ словъ самого Ю. А. Яворскаго, хотя при этомъ онъ и дѣлаетъ какіе-то не совсѣмъ понятныя оговорки... „Что касается самихъ этихъ записей, относящихся къ различнымъ видамъ великорусской народной и искусственной поэзіи и принадлежащихъ разнымъ періодамъ времени, начиная съ 20-хъ годовъ XVIII и до XIX вѣка, то прежде всего необходимо замѣтить — говоритъ онъ — что они отличаются, въ большей или меньшей степени, какой-то необычной и на первый взглядъ какъ бы карикатурной даже испорченностью и уродливостью текста, — доходящей иногда до полнаго его искаженія и потери всякаго смысла. И хотя, конечно, значительная часть этихъ искаженій и ошибокъ можетъ быть отнесена на долю простой небрежности или безграмотности писцовъ, но все-таки, въ виду сплошной устойчивости ихъ въ текстахъ разныхъ временъ и рукъ, а равно и по ихъ чрезвычайнымъ размѣрамъ и нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ и чертамъ, необходимо, во всякомъ случаѣ, признать, что главная ихъ причина должна заключаться въ какихъ-то особыхъ, выходящихъ изъ обычныхъ условій древне-письменной практики, обстоятельствахъ... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ онъ — только въ такомъ именно жалкомъ и исковерканномъ видѣ (?!..) и могли эти далекіе великорусскіе звуки, въ данныхъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, отражаться

въ отчужденныхъ и отсталыхъ ушахъ старинныхъ карпато-русскихъ слушателей, и только недочетами и недоразумѣніями подобныхъ неумѣлыхъ и зыбкихъ записей съ голоса, а не какимъ-нибудь сознательнымъ и умышленнымъ передразниваніемъ и извращеніемъ ихъ въ пародіи или карикатурѣ (?..) и объясняется въ данномъ случаѣ вся эта невольная и безпомощная, скорѣе трогательная и достойная сочувствія, чѣмъ заслуживающая порицанія или насмѣшки, уродливость и спутанность ихъ текста" (sic)... [Ю. А. Яворскій, Великорусскія пѣсни въ карпато-русскихъ записяхъ. Спб., 1912, стр. 1—2, 2, 4, 4, 9—10, 10]. Все сказанное, повторяемъ, кажется намъ какъ то неяснымъ. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе именно этой „уродливости и спутанности" найденныхъ текстовъ, — сложившаяся на основаніи предыдущихъ, болѣе раннихъ изученій научная картина „вопроса" должна остаться пока безъ всякихъ измѣненій, — предпринятая Ю. А. Яворскимъ попытка пополнить эту картину другими, противоположными, чертами пока остается недостигающей цѣли...

Выше мы отмѣчали крайнюю неравномѣрность нашихъ позднѣйшихъ изученій въ области памятниковъ русскаго народнаго творчества. Между прочимъ довольно бѣдной до послѣдняго времени оставалась научная литература о русскихъ народныхъ заговорахъ и заклинаніяхъ: почти важнѣйшимъ изслѣдованіемъ до послѣдняго времени оставалась здѣсь старая студенческая работа Н. В. Крушевскаго († 1885): *Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи* [„Варш. Унив. Извѣстія," 1875, № 3], — рядомъ съ относившимися сюда лишь отчасти статьями Антоновича [въ „Трудахъ" этногр.-статистич. экспед. Чубинскаго, т. I, Спб., 1887] и А. А. Селецкаго [Колдовство въ юго-запад. Руси въ XVIII в. „Кіевск. Ст.", 1886, іюнь]. Изъ отдѣльныхъ, дѣлавшихся мимоходомъ, замѣтокъ — важнѣйшія принадлежали Потебни; болѣе ранніе, относившіеся сюда и также мимоходомъ высказывавшіеся взгляды Буслаева, Аѳанасьева, Ор. Миллера — главн. образ. стояли на старой миѳологической точкѣ зрѣнія... На той же миѳологической почвѣ въ

значительной долѣ стоитъ и Крушевскій, но у послѣдняго здѣсь же нерѣдко видимъ и вліяніе теоріи „антропологической“. Потебня переноситъ изученіе вопроса на почву психологическую — и даетъ наиболѣе глубокое опредѣленіе заговоровъ, какъ вида народнаго творчества. По мнѣнію Потебни — „возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ категоріи причины изъ отношеній „cum hoc“ и „post hoc“, въ частности, изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различности изображаемаго [внѣшняго, объективнаго] и изображенія [слова и личнаго дѣйствія вообще]...“ И т. д. Помимо собиранія самыхъ матеріаловъ, — одной изъ серьезныхъ попытокъ за позднѣйшее время къ изученію русскихъ народныхъ разговоровъ, вообще знахарства, является трудъ А. В. Ветухова: *Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли* [Вып. I—II, Варшава, 1907; изъ „Рус. Фил. Вѣстн.“]. Свои изысканія авторъ ставитъ въ ближайшую связь съ изслѣдованіями Потебни. „Буду придерживаться — заявляетъ онъ въ предисловіи къ изслѣдованію — въ основѣ того научнаго теченія, которое у насъ въ Россіи особенно ярко выражено проф. А. А. Потебней. Отправной точкой будетъ исторія языка въ связи съ исторіей мысли, — такъ какъ на этомъ полѣ разыгрываются всѣ битвы научныхъ теорій...“ „Созданіе заговоровъ — поясняетъ онъ далѣе — точнѣе, творчество мысли народной, въ этомъ направленіи не прекратилось и понынѣ. Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь развившись, существуютъ нынѣ лишь какъ культурное переживаніе... Слѣдуетъ искать не эпоху, когда они народились, а опредѣлить тѣ условія, при которыхъ они вообще легко создаются и живутъ привольно; а потомъ — прослѣдить, какъ видоизмѣняются эти условія съ измѣненіемъ міропониманія человѣческаго, — уловить важнѣйшіе моменты борьбы и взаимодѣйствія этихъ началъ“ и т. д. [ib., стр.

40—41]. Въ общихъ, основныхъ взглядахъ на область народныхъ заговоровъ изслѣдователь идетъ, впрочемъ, дальше Потебни — и старается поставить изученіе этой области въ связь не только съ общечеловѣческой психологіей, но отчасти и съ областью спеціально-медицинской. „Современная медицина — замѣчаетъ въ предисловіи изслѣдователь — начинаетъ открывать у своей загнанной еще въ недавнее время старшей сестры-„дурочки“ богатыя сокровища: врачи, еще недавно огульно издѣвавшіеся надъ пріемами народнаго врачеванія, начинаютъ все громче и громче заявлять о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, корней, камней и пр., которыми давнымъ давно съ успѣхомъ пользовался народъ. Та сила, которая въ заговорахъ играетъ первенствующую роль — внушеніе и самовнушеніе — разростается теперь въ наукѣ въ цѣлую исторію гипнотизма съ его разновидностями. Даже пресловутый „отводъ глазъ“ получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ данныхъ, добываемыхъ экспериментальной психологіей, и наблюденіяхъ надъ нервными больными, при чемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить, такъ сказать, двумя душами въ одномъ тѣлѣ, и вообще рѣзко измѣняется граница между возможнымъ и невозможнымъ, между плодомъ досужей фантазіи и продуктомъ научной мысли, точной науки. „Экспериментальное изученіе внушенія, говоритъ одинъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей—подтверждаетъ себя нашъ изслѣдователь — способствовало открытію, среди жизненныхъ процессовъ, присутствія самовнушенія и при томъ не только непосредственнаго его вліянія на волевые акты, но и неподозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него процессовъ, изъятыхъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни изъ-подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а, слѣдовательно, и нашей воли. Самовнушеніемъ могутъ быть вызваны: 1) ускореніе и замедленіе сердцебіенія, 2) кровоточивые знаки (спигматы) и даже 3) періодическія кровоизліянія изъ различныхъ частей тѣла, напр., у Луизы Лато“... [Фаминцинъ, А. „Со-

временное естествознаніе", стр. 12]. Такъ, многое изъ таинственнаго, загадочнаго въ заговорахъ, считавшееся доселѣ плодомъ дикой фантазіи невѣжественныхъ массъ, безумными суевѣріями грубой толпы, начинаетъ въ настоящее время обливаться слабыми лучами неутомимой, пытливой научной мысли" и т. д. [ib., стр. 3—4]. Общая цѣль изслѣдованія г. Ветухова — „попытка перевести добытые предшественниками результаты изслѣдованій на языкъ современной научной мысли" [ib., стр. 40]... Первая глава посвящается анализу „психологическихъ основаній возникновенія заговоровъ" [стр. 41—106]; слѣдующая — „формальной сторонѣ заговоровъ" [стр. 107—119]; далѣе идетъ ихъ „классификація" — при чемъ изслѣдователь высказываетъ свои общіе основные взгляды на изучаемый отдѣлъ народнаго творчества: „Для удобства обслѣдованія матеріала можно распредѣлить его по наичаще встрѣчающимся, и при томъ у различныхъ народностей, названіямъ болѣзней (лихорадка, сглазъ, кровотеченіе...), а въ этихъ крупныхъ отдѣлахъ попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной (см. предыдущую главу) и психологическими основаніями возникновенія и эволюціи заговора"... Это — болѣе естественное дѣленіе. Могутъ быть и новообразованія по древнимъ образцамъ; но вообще главная задача изслѣдованія — „установить не хронологическую дату даннаго, единичнаго заговора (это врядъ ли и возможно, за рѣдкими исключеніями), а прослѣдить типы ихъ развитія, по которымъ можно судить о пріемахъ человѣческой мысли на данномъ пути; подмѣтить, уловить по возможности законы развитія человѣческой мысли вообще". Было бы крайне желательно расположить весь матеріалъ по такому внутреннему признаку, „разставляя вѣхи по пути роста мысли и духа человѣческаго"; но при современномъ подборѣ матеріала и состояніи его разработки, авторъ не считаетъ возможнымъ „выполнить эту черезчуръ сложную задачу" — и лишь указываетъ на нее, какъ на одно изъ pia desideria для будущихъ изслѣдовате-

лей вопроса“ [ib., стр. 125—126]... „Авторъ — послѣдователь покойнаго Потебни, и уже по этому мы должны ожидать отъ него нѣкоторой односторонности“, не безъ иронiи и справедливо замѣчаетъ по поводу этого труда акад. Соболевскiй [„Ж. Ст.“, III, 1908]. И односторонность эта — главн. образ. та же, что и у Потебни: г. Ветуховъ мало интересуетея литературными вліяніями и обращаетъ меньше чѣмъ нужно вниманія на литературныя заимствованія, — въ частности — что особенно было бы важно въ данномъ случаѣ, въ отношеніи къ заговорамъ — на т. наз. „апокрифическія молитвы“... „То, что мы называемъ теперь *заговоромъ*, у грековъ византійскаго періода имѣло часто форму *апокрифической молитвы*. Значительное число апокрифическихъ молитвъ въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ разновременно перешло отъ грековъ къ православнымъ славянамъ, всего болѣе къ русскимъ. Г. Ветуховъ знакомъ съ частью изданныхъ греческихъ и славянскихъ апокрифическихъ молитвъ, но пользуется ими наравнѣ съ народными заговорами, разсматривая ихъ не какъ источники послѣднихъ, а какъ параллельныя данныя. Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ апокрифическія молитвы были, несомнѣнно, источниками заговоровъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ въ многочисленныхъ отдѣльныхъ подробностяхъ“... [Соболевскiй, — ib., стр. 3].

Въ какой степени важно изученіе рукописнаго, вообще книжнаго — иногда особенно церковно-византійскаго — матеріала при научныхъ изслѣдованіяхъ въ области памятниковъ устнаго народнаго творчества, какъ сильно подвинулось у насъ это изученіе за послѣднее время, — видимъ между прочимъ на превосходной монографіи А. В. Рыстенка: *Легенда о св. Георгіи и Драконѣ въ византійской и славянорусской литературахъ* [Одесса, 1909], — въ настоящемъ случаѣ разумѣемъ особенно страницы монографіи, относящіяся къ русскимъ духовнымъ стихамъ и анализу отношеній легенды о св. Георгіи къ былиннымъ сюжетамъ о Добрынѣ, Михайлѣ-Потокѣ, Алешѣ-Змѣеборцѣ и др. [стр. 256—440] — или, еще болѣе, на цѣломъ рядѣ тру-

довъ проф. А. И. Алмазова, посвященныхъ изученію литературнаго состава византійскаго и русскаго Требника, или Евхологія, извѣстной церковно-богослужебной книги — обширнаго отдѣла этой книги, заключающаго въ себѣ молитвы на разные случаи, „на различныя потребы“ — книги, повидимому, не имѣющей никакихъ отношеній къ такимъ вещамъ, какъ народные „заговоры“!.. Нужно замѣтить, эта сторона нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ до изслѣдованій проф. Алмазова была совершенно не затронута научными изученіями, — между тѣмъ именно эти изученія проливаютъ необычайно яркій свѣтъ на всю область нашихъ народныхъ „заговоровъ“, — свѣтъ, гораздо болѣе яркій, чѣмъ какой могутъ дать здѣсь всякія изученія „психологическія“ или относящіяся къ „исторіи мысли“, спеціально „медицинскія“ и др. п. Всѣ эти, названныя сейчасъ, точки зрѣнія, конечно, имѣютъ свои права при изученіи народныхъ заговоровъ, какъ и вообще произведеній народнаго или даже вообще человѣческаго творчества; но изслѣдованія проф. Алмазова — относящіяся, повидимому, къ такому отдаленному отъ народныхъ „заговоровъ“ предмету — показываютъ фактически, въ какой степени надъ всѣми названными точками зрѣнія или подобными преимуществуетъ „теорія литературнаго заимствованія“ въ широкомъ смыслѣ слова, — въ какой степени изученія литературнаго произведенія и книжнаго и устно-народнаго — стоящія на почвѣ литературныхъ связей и „заимствованій“ — преимуществуютъ, даютъ несравненно болѣе осязаемые и цѣнные результаты, чѣмъ всякія другія... Останавливаемся на нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ статей и изслѣдованій проф. Алмазова: *Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники* [„Лѣтопись историко-филологическаго Общества при И. Новор. Университетѣ“, т. VI. Византійское отдѣленіе. III, Одесса, 1896, стр. 380—432], — *Врачевальныя молитвы. Къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ по исторіи русскаго Требника* [ib., т. VIII. Византійско-славянское отд. (бывшее византійское). V, Одесса, 1900, стр. 367—514], — *Апокрифическія молитвы*,

заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченной письменности, съ приложеніемъ ряда греческихъ текстовъ [i b., т. IX, Византійско-слав. отдѣленіе. VI, Одесса, 1901, стр. 221—340, и отд.: Одесса, 1902], — *Чинъ надъ бѣсноватымъ. Памятникъ греческой письменности XVII в.* [Одесса, 1901], — *Святые — покровители сельско-хозяйственныхъ занятій. Изъ исторіи относящихся къ нимъ греческихъ послѣдованій* [Одесса, 1904] и *Испытаніе освященнымъ хлѣбомъ. Видъ „божьяго суда" для обличенія вора. Греческій уставъ совершенія его по рукописи XVII вѣка, съ краткимъ историческимъ очеркомъ* [Одесса, 1904]. Приводимъ съ нѣкоторыми подробностями важнѣйшіе — въ высшей степени цѣнные и для нашихъ спеціальныхъ цѣлей — выводы изслѣдователя.

Первое, болѣе раннее изслѣдованіе проф. Алмазова — *Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники* (1896) — лишь въ общихъ чертахъ захватываетъ данную область богослужебной книги, и главнымъ образомъ важно для насъ приложенными текстами самыхъ *молитвъ* „на различныя потребы", находящихся въ старыхъ греческихъ и славяно-русскихъ — рукописныхъ и печатныхъ — Требникахъ. Въ приложеніи къ статьѣ напечатано болѣе 40 такихъ „молитвъ", извлеченныхъ проф. Алмазовымъ изъ рукописнаго греческаго и славянскаго матеріала, хранящагося въ различныхъ библіотекахъ Европы. Напечатанный здѣсь матеріалъ можетъ быть относимъ къ области „ложныхъ", „апокрифическихъ молитвъ", однако, лишь очень условно. Въ свое время, не только въ древней Руси, но и въ Византіи и вообще въ христіанской церкви, эти и подобныя „молитвы" далеко не считались „апокрифическими", — свободно помѣщались въ „Требникахъ", вообще считались „истинными", а не „ложными"... „Религіозная медицина, — замѣчаетъ проф. Алмазовъ, — иначе врачеваніе религіозными средствами, можно сказать, современно всей исторіи человѣчества. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что еще задолго до христіанства оно имѣло мѣсто у индусовъ, египтянъ, евреевъ, грековъ и римлянъ. Въ христіанствѣ врачеваніе религіозными сред-

ствами рекомендуется въ книгахъ Новаго Завѣта. Правильно, поэтому, будетъ полагать, что и врачевальныя молитвы появились въ ряду другихъ христіанскихъ молитвъ въ самый ранній періодъ существованія церкви: по крайней мѣрѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣкоторыя изъ таковыхъ молитвъ были составлены еще до VIII в."... Приблизительно къ XI в. рядомъ съ общими врачевальными молитвами, явились и спеціальныя. „Въ виду множества и разнообразія человѣческихъ недуговъ, разнообразны и множественны и получившіяся для нихъ спеціальныя молитвенныя формулы... Старинная церковная практика считала почти всѣ эти молитвы имѣющими полное право гражданства среди прочихъ церковныхъ молитвъ; исключеніе отсюда составляли только заговоры въ собственномъ смыслѣ, — или молитвы, по своей конструкціи весьма близко подходящія подъ понятіе заговора. Основаніемъ къ такому именно сужденію служитъ не иное что, какъ весьма нерѣдкое присутствіе этихъ молитвъ въ рукописныхъ Требникахъ... Рядомъ съ спеціальными врачебными молитвами — въ этихъ Требникахъ встрѣчаются и заговоры въ собственномъ смыслѣ"... И вообще такія молитвы, какъ *молитва надъ ужасающимся во снѣ, молитва отъ непріязни, егда начнетъ пакость творити отрочати младу, молитва младенца въ колыбель положити* у Каратыгина, *молитва Іоанна Златоуста отъ всѣхъ удъ* у Тихонравова, *молитва Іакова брата Господня на всякъ видъ болѣзни* и др. у Порфирьева, — „никоимъ образомъ не могутъ быть отчислены къ разряду „апокрифическихъ" по старинному на нихъ воззрѣнію"... Послѣдняя напр. изъ этихъ молитвъ, съ именемъ ап. Іакова изданная проф. Порфирьевымъ, какъ апокрифическая — извѣстная „молитва на всякую немощь", врачевальная молитва изъ числа общихъ, по содержанію не заключающая въ себѣ ничего выдающагося, и представляющая собой „наслѣдіе сѣдой церковной старины". „Документальныя данныя говорятъ о происхожденіи ея еще до X вѣка, а весьма нерѣдкое надписаніе ея въ ркпп. именемъ апостола Іакова даетъ полное право заключать, что эта

молитва составлена еще до V в.“... Въ старѣйшихъ кодексахъ число такихъ молитвъ колебалось отъ 6 до 8; приблизительно къ XV в. это число возростаетъ до 12-ти. Многія изъ такого рода молитвъ не столько относятся къ области „апокрифовъ“, сколько — вообще народной культуры, народнаго быта, — служатъ „однимъ изъ характерныхъ источниковъ для опредѣленія старинныхъ воззрѣній народа на значеніе религіи въ его обыденной, будничной жизни“. „Почти не было — замѣчаетъ изслѣдователь — ни одной важной перемѣны во внѣшнемъ состояніи человѣка, которая бы не сопровождалась освященіемъ черезъ церковную молитву...“ Достаточно обратить вниманіе на самыя заголовки подобнаго рода „молитвъ“, — отчасти и напечатанныхъ проф. Алмазовымъ: *Молитва начати орати землю, — М-ва начати съяти, — М-ва жать идучи на поле, — М-ва, егда человѣкъ не спитъ, — М-ва отъ всякой печали человѣку, — М-ва отъ грому и молніи, — М-ва во время бою грома и молніи, — М-ва дѣтей сажати учити грамотѣ, — Молитва на истерніе церкви отъ пожара, — Молитва млеку пресному и меду освернившемуся, — Молитва пещи и сосудомъ глинянымъ, — Молитва новому ситу, — Молитва волу на заколеніе,* и т. д. и т. д. Здѣсь же — и столь характерная молитва, сама по себѣ не представляющая чего-либо замѣчательнаго со стороны содержанія [имѣющая для себя аналогію въ одной изъ молитвъ и современнаго русскаго Требника], но обращающая на себя вниманіе самымъ своимъ надписаніемъ — имѣющимся въ славяно-русскихъ рукописяхъ и не извѣстнымъ по р-сямъ литургическимъ греческимъ — это *Молитва на очищеніе церкви, егда песъ вскочитъ,* иначе *Молитва, аще песъ вскочитъ въ церковь или иновѣрецъ,* или [молитва] *Егда кто отъ невѣрныхъ внидетъ въ церковь, или бѣшеный песъ вскочитъ, или отъ пьяныхъ проказъ случится, или отъ младенцевъ скверна.* „Параллель именъ, особенно принятая въ послѣднемъ надписаніи, краснорѣчивѣе всякихъ другихъ доказательствъ характеризуетъ намъ брезгливое отношеніе древне-православнаго славянина вообще и русскаго человѣка въ частности ко всякимъ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ“... Здѣсь же, въ ряду этихъ молитвъ, читается и еще молитва — какъ справедливо замѣчаетъ

изслѣдователь — „производящая глубокое впечатлѣніе“: *Молитва, егда хощетъ господинъ пустити раба!..* „Собственно это не столько молитва — замѣчаетъ проф. Алмазовъ — сколько уставъ торжественнаго объявленія церковною молитвенною формулою раба освобожденнымъ. Въ ряду рукописныхъ славяно-русскихъ Требниковъ это молитвословіе извѣстно намъ по единственному списку, который и издается нами ниже. Судя по исключительности такого памятника, можно думать, что у насъ это молитвословіе практиковалось очень рѣдко. По своему происхожденію — оно греческое“... Впрочемъ, въ греческихъ памятникахъ „собственно не оригиналъ его, а только аналогичный памятникъ“. Какъ и славянскій, и греческій памятникъ извѣстенъ только по одному списку, но списку — не позже X в. „Доводя этимъ самымъ до нашего свѣдѣнія также о незначительности его практики и въ греческой церкви, — время появленія этого послѣдняго памятника вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно свидѣтельствуетъ намъ объ исконномъ и активномъ участіи церкви въ дѣлѣ уничтоженія рабства, участіи еще въ древнемъ періодѣ ея существованія“...

Въ слѣдующемъ трудѣ: *Врачевальныя молитвы. Къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ по исторіи рукописнаго русскаго Требника* [„Лѣтопись“ и пр., т. VIII, Одесса, 1900] проф. Алмазовъ имѣетъ цѣлью — „доставить для спеціальнаго изслѣдованія по указанному предмету нѣкоторые новые матеріалы установленіемъ для нѣкоторыхъ изъ врачевальныхъ молитвъ источника привнесенія ихъ въ русскій Требникъ, обозрѣніемъ общей ихъ совокупности и нѣсколькими замѣчаніями касательно общей ихъ исторической судьбы“. Детали изслѣдованія, рядъ отдѣльныхъ замѣчаній и указаній, дѣлаемыхъ изслѣдователемъ, болѣе же всего приводимые имъ самые матеріалы, ихъ фактическое содержаніе — все это даетъ чрезвычайно много для изученія и всей области древнерусской апокрифической литературы и, въ частности, такъ называемыхъ „ложныхъ“, или „апокрифическихъ молитвъ“, — а тѣмъ самымъ и нашихъ народныхъ заговоровъ. „Врачевальныя молитвы“

древнерусскаго *Требника* изслѣдователь дѣлитъ на двѣ группы: 1) молитвы общаго назначенія, т. е. предназначенныя къ моленію вообще объ исцѣленіи больного, и 2) молитвы, приспособленныя къ церковному врачеванію какой-либо спеціальной, опредѣленной болѣзни. Какъ уже замѣчено, — „врачевальныя молитвы“ появились въ греческой церкви вообще весьма рано, при чемъ общія молитвы древнѣе спеціальныхъ. Уже въ самыхъ раннихъ, сохранившихся до нашего времени, греческихъ *Евхологіяхъ* встрѣчается цѣлый рядъ такихъ молитвъ. Изъ греческаго Евхологія „общія“ врачевальныя молитвы, переведенныя на славянскій языкъ, перешли сперва въ югославянскій, а потомъ и въ русскій рукописный *Требникъ*. Ихъ можно найти уже въ древнѣйшемъ памятникѣ славянской литургической письменности, — глаголическомъ *Евхологіи* XI вѣка, изданномъ проф. Гейтлеромъ... У южныхъ славянъ „врачевальныя молитвы“ широкой практики не имѣли. Въ русскій Требникъ этого рода молитвы внесены, повидимому, уже съ XI вѣка; въ древнѣйшемъ спискѣ русскаго Требника [рук. XII в. Моск. Синод. б-ки, № 343] читается уже пять такихъ молитвъ, въ другихъ — отъ шести до двѣнадцати. По характеристикѣ изслѣдователя, — „общія врачевальныя молитвы отличаются особенною краткостью, представляютъ сжатое молитвословіе объ исцѣленіи страждущаго органа и чужды сторонннихъ подробностей. Отправнымъ пунктомъ каждой молитвы служитъ какой-либо евангельскій фактъ, такъ или иначе связанный съ представленіемъ объ органѣ, подлежащемъ по цѣли молитвы врачеванію, — напр., въ молитвѣ „болящему очима“ отправнымъ пунктомъ служитъ исцѣленіе слѣпорожденнаго и т. п.“. Врачевальныя молитвы спеціальнаго назначенія въ Требникѣ обыкновенно встрѣчаются разрозненно, въ незначительномъ числѣ — и могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: 1) молитвы, предназначенныя къ уврачеванію какой-либо части человѣческаго организма, пораженнаго болѣзнью, и 2) молитвы, приспособленныя къ уврачеванію какихъ-либо спеціальныхъ бо-

лѣзней. Къ первому отдѣлу относятся напр. молитвы „надъ главою болящему“, „болящему очима“, „надъ кровію многою, текущею изъ носа“, „на исцѣленіе зубомъ“, „болящимъ сердцемъ“ и т. п.; ко второму — „преимущественно тѣ, кои предназначены къ уврачеванію болѣзней трудноизлѣчимыхъ и непонятныхъ по своему происхожденію. Таковы молитвы отъ лихорадки, горячки, ломоты, рѣзи и стрѣльбы, противъ болѣзненнаго лишенія сна, надъ больнымъ водянкою, отъ укушенія змѣею, на случай трудныхъ родовъ, отъ душевной болѣзни-меланхоліи, къ уврачеванію дѣтскихъ болѣзней, къ устраненію вреднаго воздѣйствія діавола...“ Дѣлая общій выводъ объ отношеніяхъ русскаго Требника къ греческому Евхологію со стороны „врачевальныхъ молитвъ“, — проф. Алмазовъ приходитъ къ заключенію, что „врачевальныя молитвы вообще, будучи достояніемъ русскаго *Требника*, были въ то же время достояніемъ и его оригинала — греческаго *Евхологія*. Но при такомъ общемъ совпаденіи, между „Требникомъ“ и „Евхологіемъ“ — существеннѣйшая разница. Въ „Евхологій“ вносились только общія врачевальныя молитвы и при томъ въ болѣе раннее время, — молитвы спеціальныя почти не были его достояніемъ [за исключеніемъ молитвословій на обуреваемыхъ отъ нечистыхъ духовъ, *εὐχὴ ἐπὶ πυρεττόντων*]. Въ русскій же „Требникъ“ вносились какъ общія, такъ и частныя врачевальныя молитвы, и при томъ въ теченіе очень долгаго періода времени и въ бо́льшемъ числѣ и разнообразіи [за исключеніемъ *εὐχὴ ἐπὶ πυρεττόντων*, которая встрѣчается здѣсь рѣдко и въ другихъ, сравнительно съ „Евхологіемъ“, представителяхъ]. Первоисточникъ врачевальныхъ молитвъ русскаго Требника какъ частныхъ, такъ и общихъ — несомнѣнно, греческій, но онѣ вошли въ отечественный памятникъ чрезъ посредство Требника юго-славянскаго, при чемъ русскіе компиляторы иногда вносили въ текстъ молитвъ детали мѣстнаго происхожденія (молитва священномученика Кипріана на заклинаніе духовъ). Врачевальныя молитвы, какъ общія, такъ и спеціальныя, въ старинной русской практикѣ имѣли церковное упот-

ребленіе...". Въ приложеніи изданъ цѣлый рядъ текстовъ „врачевальныхъ молитвъ", — въ томъ числѣ такихъ, какъ молитва отъ *нежита*, по Служебнику съ Требникомъ XVII вѣка Софійской библіотеки, — *молитва священномученика Антипы на исцѣленіе зубомъ*, по Псалтири XVI вѣка Кирилло-Бѣлоозерской библіотеки, — *молитва святымъ девяти мученикамъ отъ трясавичны болѣзни*, по Святцамъ XVIII вѣка библіотеки Общества Любителей Древней Письменности, — *молитва св. Павла отъ укушенія змѣи*, по Служебнику съ Требникомъ XV вѣка Софійской библіотеки, — *молитва, егда начнетъ жена дѣтя родити не борзо*, по Требнику XVI в. Софійской библіотеки, — *молитва дому, въ немъ же лукавый жити начнетъ*, по Служебнику съ Требникомъ XVI вѣка Софійской библіотеки, и т. д. и т. д.

Шире всего вопросъ объ изученіи древнерусской апокрифической литературы „ложныхъ молитвъ" ставится въ болѣе позднемъ трудѣ проф. Алмазова: *Къ исторіи византійской отреченной письменности. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры* [Одесса, 1901]. Отмѣчаемыя въ заглавіи: „апокрифическія молитвы", „заклинанія" и „заговоры" — три группы, на которыя изслѣдователь дѣлитъ обширный апокрифическій матеріалъ, издаваемый въ концѣ своей монографіи, извлеченный имъ главнымъ образомъ изъ одного литургическаго сборника XV—XVI вѣка Парижской Національной библіотеки и другого подобнаго же сборника XVI в., б-ки Barberini въ Римѣ. Всего въ приложеніяхъ къ названному труду напечатано болѣе 70 такихъ греческихъ „апокрифическихъ молитвъ", „заговоровъ" и „заклинаній". До сихъ поръ три намѣченныя группы строго не различались изслѣдователями; проф. Алмазовъ, напротивъ, считаетъ необходимымъ рѣзко разграничивать ихъ, — хотя, въ сущности, это ему мало удается... Онъ такъ характеризуетъ взаимное отношеніе этихъ группъ: „Апокрифическая молитва, какъ и молитва церковная, — есть прошеніе человѣка, направленное къ достиженію имъ какого-либо положительнаго блага или къ устраненію какого-либо печальнаго своего положенія, и обращен-

ное непосредственно или посредственно, чрезъ призываніе ходатайства святыхъ, къ самому Богу, или лучше сказать — къ самому источнику и подателю блага"... Совсѣмъ иное представляетъ „заклинаніе". „Въ противоположность молитвѣ, — заклинаніе есть обращеніе совершителя или, точнѣе, его требованіе, адресованное уже не къ подателю блага — Богу, а къ источнику и виновнику того зла и бѣдствія, къ устраненію котораго направляется данное заклинаніе... Заклинаніе, въ его первичной основѣ, возникаетъ на почвѣ дуалистическихъ вѣрованій, т. е. вѣрованій въ два міровыхъ личныхъ начала, — начало добра (Бога) и начало зла (демона), изъ которыхъ каждое, независимо одно отъ другаго и сообразно съ ихъ природою, вліяетъ на человѣка"... Дуализмъ, въ тѣсномъ его смыслѣ, вѣрованіе — не согласное съ христіанскимъ вѣроученіемъ; но и христіанство, отвергая дуализмъ, въ то же время признаетъ двоякаго рода сверхъ-естественное вліяніе на человѣка: доброе — со стороны Бога, злое — со стороны падшихъ ангеловъ (діаволовъ), — признаетъ факты бѣсно-ванія, факты искушенія человѣка діаволомъ и пр. Отсюда въ параллель этому, — и въ церкви, въ ея богослужебной сферѣ, рядомъ съ молитвою въ тѣсномъ смыслѣ, допускаются и заклинанія, — именно заклинанія для одержимыхъ демономъ, для бѣсноватыхъ. Такія заклинанія получаютъ мѣсто въ христіанской богослужебной практикѣ „съ первыхъ моментовъ существованія церкви, — сначала въ свободныхъ формулахъ, затѣмъ — также весьма рано — въ формулахъ точно опредѣленныхъ и при томъ довольно множественныхъ"... Вообще, заклинаніе въ его основной цѣли — какъ заклинаніе злыхъ духовъ — „искони считалось одною изъ церковно-литургическихъ формулъ, предназначенныхъ къ употребленію на случай не только явнаго, но даже и предполагаемаго вліянія на кого-либо со стороны демоновъ, — считалось наравнѣ съ церковною молитвою. Но какъ рядомъ съ послѣднею въ христіанской средѣ получила мѣсто молитва апокрифическая, такъ то же самое

случилось и въ области заклинаній. И здѣсь, сверхъ дѣйствительно церковныхъ заклинаній, имѣются и заклинанія апокрифическаго свойства", — подъ именемъ коихъ, въ отличіе отъ церковныхъ, должно разумѣть такія, которыя направляются безразлично ко благу или ко вреду человѣка, обращены „къ дѣйствительному (съ церковной точки зрѣнія) или только созданному суевѣрной фантазіей демоническому существу", и усвояютъ послѣднему власть и могущество „въ бо́льшей степени, чѣмъ это допустимо по ученію христіанскому"... Что касается „заговора" [ἐπιλάλημα], то онъ представляетъ формулу, въ которой „ни обращеніе къ положительному началу [Богу] — какъ это есть въ молитвѣ — ни обращеніе къ началу отрицательному [демону] — какъ это есть въ заклинаніи — не составляютъ существеннаго признака заговора. Заговоръ — формула, въ которой обращеніе къ кому-либо или къ чему-либо за помощью или исполненіемъ цѣли формулы есть условіе безразличное. Не отрицаемъ, иногда, и нельзя сказать, чтобы въ рѣдкихъ случаяхъ, онъ заключаетъ въ себѣ и обращеніе — или въ томъ же смыслѣ, какъ это мы видимъ въ молитвѣ, или же по преимуществу по тому же адресу, какъ это принято въ заклинаніи. Но тому и другому здѣсь не придается существеннаго значенія самимъ по себѣ. Взамѣнъ этихъ обращеній, въ заговорѣ если дѣйствительно и придается значеніе обращенію, то — обращенію (требованію) собственно къ тому самому объекту, ко благу котораго направляется заговоръ, будетъ ли этотъ объектъ сознательнымъ существомъ, или только неодушевленнымъ предметомъ. Послѣднимъ въ такомъ случаѣ усвояется сознаніе, — но это уже не есть то олицетвореніе зла или недуга, какъ особаго духовнаго существа, какое имѣетъ мѣсто въ заклинаніи. Согласно указываемому теперь, если въ молитвѣ или заклинаніи дѣйственность ихъ ставится въ зависимость собственно отъ обращенія по тому или другому адресу, то въ заговорѣ она предполагается *въ немъ самомъ*, иначе говоря, — въ томъ *слововыраженіи*, въ которомъ изложенъ заговоръ. На это указываетъ и самое названіе трактуе-

мой формулы [„заговоръ“, ἐπιλάλημα]. Отсюда въ заговорѣ не требуется извѣстная идея въ обращеніи, а требуется только извѣстный складъ самой формулы. Поэтому — разъ въ молитвѣ и заклинаніи сохранена внутренняя идея — они предполагаются имѣющими дѣйственность и при измѣненіяхъ въ ихъ изложеніи. Въ заговорѣ же — наоборотъ, дѣло не въ содержаніи, а въ самой формулѣ; не соблюдена послѣдняя въ точности, — исчезаетъ, значитъ, и сила заговора“...

Время, съ котораго получили мѣсто въ греческомъ христіанскомъ обществѣ собственно апокрифическія молитвы, несомнѣнно, — не позднее. На основаніи 63 правила Трулльскаго собора можно предположить, что къ концу VII вѣка апокрифическія молитвы уже употреблялись. Около X вѣка они практикуются уже во множествѣ, — какъ это видимъ изъ глаголическаго *Евхологія* XI вѣка, изданнаго проф. Гейтлеромъ, и содержащаго изрядное ихъ количество... „Апокрифическія молитвы“ въ христіанской средѣ возникали и получали широкое примѣненіе собственно среди невѣжественной массы общества; но — составленіе самыхъ „молитвъ“, нужно думать, принадлежало людямъ болѣе или менѣе знающимъ, но не пренебрегавшимъ возможностью въ своихъ интересахъ эксплоатировать народное невѣжество... „Заклинанія“ апокрифическаго характера, обязанныя своимъ возникновеніемъ олицетворенію въ видѣ демоническихъ существъ болѣзней и прочихъ вредныхъ человѣку явленій, въ силу глубочайшей давности и большой распространенности дуалистическихъ воззрѣній въ человѣчествѣ, взятыя вообще — формулы по своему первоначалу древнѣйшія. Заклинанія, и очень разнообразнаго назначенія, существовали уже въ до-христіанскомъ греческомъ мірѣ, и сверхъ того существуя тамъ въ моментъ распространенія христіанства какъ языческія формулы, тогда же порою переносили въ свое содержаніе и христіанскія черты... Съ теченіемъ времени, при бо́льшемъ усвоеніи христіанскихъ воззрѣній, — заклинанія, составленныя еще въ до-христіанской

эрѣ, могли получить мѣсто съ соотвѣтствующими измѣненіями и въ греческомъ христіанскомъ мірѣ“... Дальнѣйшая исторія „заклинаній“ стоитъ уже въ тѣсной связи съ „заговорами“, — формулой, по своему происхожденію, въ ряду всѣхъ разсматриваемыхъ формулъ наиболѣе ранней: можно сказать заговоры — современны исторіи человѣчества! „При этомъ, чѣмъ менѣе человѣкъ могъ воздѣйствовать на испытываемыя имъ бѣдственныя явленія физическими, реальными средствами, тѣмъ скорѣе онъ прибѣгалъ къ заговору, — иначе говоря, чѣмъ ниже была степень развитія человѣка, тѣмъ скорѣе, инстинктивно стремясь къ устраненію себя отъ зла, онъ пользовался заговоромъ“... При такихъ условіяхъ нисколько не представляется страннымъ, что въ греческомъ христіанскомъ мірѣ употребленіе заговора — а равно и соприкасающейся съ нимъ формулы апокрифическаго заклинанія — констатируется въ первый разъ уже въ IV вѣкѣ, какъ это видно изъ правилъ 24 Анкирскаго собора... Въ каноническихъ правилахъ пользованіе заговорами и заклинаніями называется обычаемъ „языческимъ“; въ толкованіяхъ на эти правила и прямо говорится, что христіане для этого призываютъ „язычниковъ“. Этимъ вполнѣ подтверждается вышесказанное предположеніе, что первоначально на христіанскомъ Востокѣ трактуемыя формулы были формулами, составленными внѣ вліяній христіанскихъ воззрѣній, — въ связи съ воззрѣніями язычества. Однако, уже очень рано на этотъ разъ стали составляться и формулы съ содержаніемъ изъ области христіанскихъ вѣрованій, — рано нѣкоторыя изъ молитвъ и заклинаній съ апокрифическимъ содержаніемъ стали входить и въ *Евхологій*...

Найденные новые матеріалы, которыми располагаетъ изслѣдователь — по цѣли ихъ назначенія — распредѣляются имъ на четыре главныя группы: а) формулы вообще предохранительныя для человѣка самого въ себѣ и въ отношеніи всего его внѣшняго благосостоянія [особенно интересны формулы, имѣющія цѣлью

оказать противодѣйствіе зависти и „дурного глаза“, или „сглаза“]; б) формулы медицинскаго назначенія, т. е. врачевательныя, по преимуществу отъ спеціальныхъ и порою исключительныхъ болѣзней [Эти формулы особенно широко захватываютъ область, подлежащую воздѣйствію врачебнаго искусства, что̀ указываетъ какъ на полнѣйшее безсиліе медицины былыхъ дней во врачеваніи даже маловажныхъ болѣзней, такъ и на то, что упомянутыя формулы широко практиковались въ византійской средѣ, и не только въ народной массѣ, но и въ культурной части византійскаго общества. Практика врачевальныхъ апокрифическихъ формулъ была такъ устойчива, что оказала вліяніе какъ на греческій *Евхологій*, такъ особенно на юго-славянскій и русскій *Требникъ*]; в) формулы, предназначенныя къ домашнему и семейному благополучію человѣка [между прочимъ, заговоры противъ лишенія путемъ волшебныхъ дѣйствій способности супруговъ имѣть дѣтей, формулы на предохраненіе младенца при свиваніи и при няньченіи ребенка и др.]; и наконецъ, г) формулы, предназначенныя способствовать успѣху человѣка въ различныхъ его занятіяхъ, въ земледѣліи, садоводствѣ, скотоводствѣ и т. п. Изслѣдователь подробно останавливается на каждой группѣ, — указывая нерѣдко матеріалы чрезвычайно характерные. Любопытны, напр., молитвы, предназначенныя къ охраненію хлѣба въ полѣ, — молитвы на улучшеніе испорченнаго вина, — обращенный къ солнцу заговоръ на птицъ, нападающихъ на сады и поля, — формулы-молитвы предназначенныя къ охраненію скотоводства, обращенныя къ св. Параскевѣ, Власію и др. святымъ, — или, наконецъ, этотъ заговоръ-молитва, произносимый владѣльцемъ вола надъ послѣднимъ, съ цѣлью сдѣлать его болѣе сильнымъ и послушнымъ въ работѣ... Не можемъ не привести его здѣсь: „Послушай, волъ-земледѣльче, обращается хозяинъ къ волу, возложивъ на него ярмо: Господь нашъ І. Христосъ былъ распятъ подъ ярмомъ оправданія для спасенія міра, — такъ и ты, волъ-земледѣльче, возлюби ярмо, да воздѣлываешь землю и приносишь многіе хлѣба, да вознесемъ и мы

благодареніе Господу Христу и пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. И какъ Господь нашъ І. Христосъ возлюбилъ честный и животворящій крестъ, такъ и ты, земледѣльче, возлюби ярмо со всякою любовью и готовностью, — да не продамъ тебя гуртовщику, гуртовщикъ же — мяснику"... [А. И. Алмазовъ, — греческіе тексты „молитвъ", №· 69, стр. 293. 335—336].

Дѣлая общее сравненіе древнерусскихъ апокрифическихъ молитвъ-формулъ, заклинаній и заговоровъ съ византійскими, — изслѣдователь замѣчаетъ: „Прежде всего, со стороны конструкціи, русскія формулы, сравнительно съ византійскими и въ противоположность имъ, отличаются замѣтнымъ однообразіемъ. Такъ, напр., въ русскихъ заклинаніяхъ и заговорахъ, можно сказать, какъ бы обязательно принята формула вступленія: „Встану" [или — „лягу", или „пойду"] я, рабъ Божій, „благословясь" [или „помолясь"] и пр. Благодаря этому, русскія формулы во многихъ случаяхъ, со стороны построенія ихъ, отзываются крайнею искусственностью, — чего нельзя сказать относительно формулъ византійскихъ. Равнымъ образомъ, — въ значительной мѣрѣ отличаются однообразіемъ русскія формулы и со стороны матеріала, дающаго имъ содержаніе. Въ этомъ случаѣ, въ русской формулѣ, сравнительно съ византійскою, невольно сказывается нѣкоторая бѣдность матеріала. Поэтому-то въ большинствѣ русскихъ заговоровъ и заклинаній приходится встрѣчаться съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, повторяемымъ на разные лады, съ одними и тѣми же понятіями [какъ, напр., „океанъ-море", „алатырь-камень" и др.], которыя нерѣдко и привносятся въ однообразномъ примѣненіи. Византійская формула — очень далека отъ такого однообразія. Въ большинствѣ ея текстовъ всегда можно надѣяться встрѣтить новый матеріалъ. Наиболѣе существенное различіе русской формулы отъ византійской заключается, однако, въ другомъ, именно въ томъ, что въ содержаніи первой преобладаетъ не церковный элементъ, а народныя воззрѣнія и представленія. Въ то время, какъ византійская формула, почти въ

каждомъ ея представителѣ, имѣетъ соприкосновеніе съ христіанскими понятіями, — русская формула, наоборотъ, стоитъ несравненно далѣе отъ этихъ понятій. Отмѣчаемое рѣзкое различіе русской и византійской формулы — и съ внѣшней и внутренней стороны — само собою говоритъ, что первая въ общемъ развивалась и составлялась внѣ вліянія второй. Тѣмъ не менѣе, въ частностяхъ, несомнѣнно, это вліяніе было. Это непосредственно доказывается нѣкоторыми русскими формулами, — для которыхъ наблюдается греческій оригиналъ. Отсюда, далѣе, и въ русскихъ формулахъ наблюдается усвоеніе нѣкоторымъ святымъ того же самаго значенія, какъ это есть и въ византійскихъ формулахъ. Но, усвояя себѣ тотъ или другой матеріальный или формальный элементъ изъ византійскихъ формулъ, составители отечественныхъ формулъ не стѣснялись приноравливать такія заимствованія къ своимъ представленіямъ. Отсюда, напр., — въ русскихъ формулахъ, которыя имѣютъ связь съ византійскими формулами, и наблюдается порою или вообще привнесеніе именъ отечественныхъ святыхъ, или даже замѣна первыхъ именъ послѣдними“... [А. И. Алмазовъ, Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. „Лѣтопись“ и пр., VI. Одесса, 1901, стр. 221 — 302]. Мимоходомъ нельзя не подчеркнуть въ ряду напечатанныхъ здѣсь греческихъ „молитвъ“, предназначенныхъ къ предохраненію скотоводства — текстъ молитвы, обращенный къ покровителямъ стадъ св. Параскевѣ и св. Власію. Въ греческихъ святцахъ было три Параскевы, — если это упоминаніе въ названномъ текстѣ относится къ Параскевѣ, влкмц. Иконійской (память 22 октября, — „тогда въ немъ можно видѣть, замѣчаетъ проф. Алмазовъ, историческое объясненіе того, почему и древнерусскій народъ молился ей о сохраненіи (отъ падежа) скота и въ особенности коровъ“... Что касается до упоминанія здѣсь Власія, еп. Севастійскаго, продолжаетъ А. И. Алмазовъ — то „въ виду его, теряетъ состоятельность тотъ извѣстный взглядъ, что

св. Власій признанъ покровителемъ домашнихъ животныхъ самими русскими, для замѣны считавшагося таковымъ при ихъ языческихъ вѣрованіяхъ бога, съ созвучнымъ имени *Власій* наименованіемъ „Волосъ“ или „Велесъ“. Согласно нашему памятнику, очевидно — это вѣрованіе возникло въ русскомъ простомъ народѣ подъ вліяніемъ ранѣе получившаго мѣсто такого же вѣрованія у грековъ“... [ib., стр. 290—291]. Какъ выше уже замѣчено было — нашему изслѣдователю не вполнѣ удается строго отграничить между собой намѣченныя имъ три группы. Въ своемъ изслѣдованіи мѣстами онъ и самъ указываетъ на крайнюю условность этого разграниченія. „Апокрифическія заклинанія въ ихъ чистомъ видѣ, въ формѣ, отвѣчающей исключительно существеннымъ свойствамъ „заклинанія“ — замѣчаетъ онъ — встрѣчаются собственно очень рѣдко; обыкновенно же они представляютъ памятники, въ которыхъ одновременно включается содержаніе и заклинанія и апокрифической молитвы. Такое совмѣщеніе двухъ формъ въ данномъ случаѣ порою настолько проникаетъ весь памятникъ, что иногда весьма затруднительно сказать, что́ это въ точности: заклинаніе или апокрифическая молитва? Это въ особенности относится къ тѣмъ заклинаніямъ, текстъ которыхъ связывается съ именемъ того или другаго святого“... То же самое — „и заговоръ, во всеотличіи его отъ молитвы и заклинанія, наблюдается какъ сравнительно рѣдкое явленіе. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ онъ переплетается то съ молитвою, то съ заклинаніемъ, — заключаетъ въ себѣ элементы то первой, то въ особенности послѣдняго. При сочетаніи во второмъ случаѣ, слія-ніе двухъ различныхъ формулъ и на этотъ разъ порою бываетъ настолько тѣсное, что и здѣсь дѣйствительно трудно различить одинъ видъ формулы отъ другого. Къ такимъ, смѣшаннаго характера формуламъ, дѣйствительно, вполнѣ возможно и справедливо прилагать отожествленіе понятій заговора и заклинанія“...

Выше мы упомянули о позднѣйшемъ довольно своеобразномъ трудѣ А. С. Ермолова: *Народная сельско-хозяй*

ственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ [т. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб., 1901; т. II. Всенародная Агрономія. Спб., 1905; т. III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. Спб., 1905; т. IV. Народное погодовѣдѣніе. Спб., 1905]. Обширность труда и его оригинальность по основной мысли не позволяетъ пройти мимо него молча — но остановиться на немъ считаемъ болѣе удобнымъ въ „приложеніяхъ“...[1]).

Выше упомянуто было о значительной научной литературѣ, относящейся къ „частушкамъ“. Въ послѣднее время дѣйствительно явилось не мало цѣнныхъ работъ, посвященныхъ этому новоявленному виду народной поэзіи. Но вообще обширность „литературы“ больше внѣшняя, чѣмъ по существу. Главнымъ образомъ лишь собираются сырые матеріалы, и если дѣлаются попытки къ его научному обслѣдованію, то крайне рѣдко... Отмѣтимъ труды Д. К. Зеленина: *Новыя вѣянія въ народной поэзіи* [М., 1901, — изъ „Вѣстн. Воспитанія“, 1901 г.], — В. И. Рѣзанова: *Къ вопросу о новѣйшихъ наслоеніяхъ въ русской народной пѣснѣ* [„Курскій Сборн.“, вып. VI, Курскъ, 1907, стр. 13—29], — Н. Иванова: *Частушки* [„Рус. Вѣд.“, 1910, № 281], — В. Князева: *Современная деревня о себѣ самой* [„Современникъ“, 1912, апр.; здѣсь же тексты], — А. Айнова: *Современная народная лирика* [„Вѣстн. Знанія“, 1913, №№ 2—4; здѣсь же тексты] и мн. др. Частушки вошли уже въ учебники, — см. книги Сиповскаго, Саводника и др. Изъ относящихся сюда научныхъ мнѣній и взглядовъ — въ дополненіе къ отмѣченнымъ уже выше — приведемъ здѣсь между прочимъ замѣчанія, ранѣе другихъ высказанныя Д. К. Зелениным, — хотя, кажется, не безъ нѣкоторыхъ увлеченій... „Успѣхъ частушекъ — уже 14 лѣтъ тому назадъ писалъ изслѣдователь — двойной: они не только распространяются территоріально, но и растутъ вновь, какъ грибы послѣ теплаго дождя; рядомъ и параллельно со старыми создаются все новыя и новыя. Частушки перестали быть „фабричною

[1]) См. ниже — приложенія — стр. CCV sqq.

поэзіей", какъ ихъ окрестили на первыхъ порахъ публицисты и этнографы; въ той же захолустной деревнѣ, отъ которой на сотни верстъ кругомъ нѣтъ никакихъ фабрикъ, вы непремѣнно услышите молодыхъ пѣвцовъ, ухарски „наяривающихъ" на гармоникѣ, съ безконечными „переборами", „частую" о „милкѣ" и „милёночкѣ"... Рядомъ съ этимъ наблюдается забвеніе народомъ даже въ наиболѣе патріархальныхъ мѣстностяхъ своихъ старинныхъ пѣсенъ"... „Что же это за явленіе передъ нами? — уже тогда ставилъ вопросъ изслѣдователь: Въ самомъ ли дѣлѣ это „извращеніе народнаго творчества", какъ писалъ покойный Михневичъ еще въ 1880 г. („Ист. Вѣстн.", т. III, стр. 750)?". Г. Зеленинъ указываетъ на потоки негодованія, изливающіеся въ нашей публицистикѣ на „лакейскую", „сюртучно-трактирную" поэзію, и слабыя попытки отдѣльныхъ изслѣдователей защитить новую народную поэзію отъ излишнихъ нападокъ. Съ такою попыткою выступилъ, напр., въ 1895 году Н. А. Смирновъ („Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Этногр. очеркъ. Спб., 1895), — впрочемъ, и самъ кончившій тѣмъ, что обозвалъ частушку „безсмысленнымъ наборомъ словъ"... „Только въ самое послѣднее время въ спеціально-научной литературѣ начинаютъ раздаваться болѣе серьезные голоса въ защиту новой народной поэзіи", — хотя и тутъ дѣло сводится больше къ тому, что доказывается необходимость серьезнаго изученія частушки, какъ будто на эту необходимость не указывалъ еще въ 1872 году Костомаровъ, а позднѣе Глѣбъ Успенскій („Новые народные стишки". Соч., III, Спб., 1891 г.)"... Самъ Д. К. Зеленинъ высказываетъ широкій взглядъ на „частушку". По его мнѣнію, эта новая поэзія нашего народа, родное дѣтище переходной поры—говоритъ о переходѣ къ чему-то новому... „Къ чему именно, это увидятъ наяву — замѣчаетъ онъ — только, быть можетъ, наши внуки и правнуки. Но предвидѣть, куда направляется волна движенія, можно и теперь: въ частушкѣ слишкомъ много для этого новыхъ элементовъ и они слишкомъ ярки, — только нельзя забывать, что въ современной

частушкѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ первыми зачатками новой народной поэзіи, которая разовьется окончательно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“... Эти зачатки складываются, безъ сомнѣнія, подъ ближайшими вліяніями искусственной, книжной поэзіи. „Настанетъ — и, очевидно, настаетъ уже — время, когда народъ нашъ перестанетъ имѣть свою собственную поэзію, а только ту же самую, какою пользуются интеллигентные слои общества. Частушки — равно и романсы — и говорятъ намъ именно о близости этого перехода народной поэзіи отъ литературы собственно народной къ литературѣ искусственной, книжной. Теперешнія частушки — это что-то въ родѣ соединительнаго моста. Если одною своею стороной они коренятся въ произведеніяхъ старинной, вѣковой народной поэзіи, то, съ другой стороны, они ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ созданій чисто книжной, искусственной литературы“... „Тѣсная связь частушки съ старинными народными пѣснями — прибавляетъ къ этому въ примѣчаніи изслѣдователь — внѣ сомнѣнія. Старыя „плясковыя“ пѣсни — и въ томъ числѣ знаменитый „Камаринскій“ — прямые прототипы (?..) современныхъ частушекъ. Многія частушки — простые отрывки или видоизмѣненія (?..) старинныхъ пѣсенъ“... И т. д. [Зеленинъ, „Новыя вѣянія“ и пр., стр. 3—7]. Въ приведенномъ взглядѣ — повторяемъ — можетъ быть есть немалая доля увлеченія, столь обычнаго изслѣдователямъ; тѣмъ не менѣе, — дальнѣйшія научныя обслѣдованія подтвердили скорѣе эти взгляды, чѣмъ высказанное къ свое время въ ученой критикѣ — по поводу талантливаго этюда г. Зеленина — замѣчаніе, что все это — лишь „недоразумѣніе“, что ничего „новаго“ *частушки* собой не представляютъ, — „частушку“ мы видимъ у себя издавна, по крайней мѣрѣ съ XVIII вѣка; прежніе собиратели народныхъ пѣсенъ лишь не обращали на нее вниманія, не записывали, — почему мы и знаемъ „частушку“ лишь позднѣйшую [А. И. Соболевскій, — „Литературный Вѣстникъ“, 1902, т. III, кн. 3, стр. 299—300]... Какъ мы уже замѣчали

выше, „частушки“ въ той массѣ, съ какой появились и продолжаютъ развиваться въ деревнѣ за послѣднее время, безъ сомнѣнія — продуктъ нашей позднѣйшей деревенской „цивилизаціи“, того глубокаго соціальнаго переворота, который совершился въ нашей „деревнѣ“ за послѣднія 40—50 лѣтъ, въ связи съ паденіемъ крѣпостного права и быстрымъ развитіемъ нашей заводской и фабричной промышленности. Передъ нами вообще — явленіе позднѣйшее, представляющее собой — въ хорошую или дурную сторону — но, безспорно, „новыя вѣянія въ нашей народной поэзіи“...

Переходимъ къ изученіямъ въ области *древней русской литературы*.

Указатель.

Аблесимовъ, А. О. 173, 378.
Аввакумъ, прот. 377—378.
Аделунгъ, Ф. П. 138.
Айновъ, А. 687.
Аксаковъ, И. С. 360, 434.
Аксаковъ, К. С. 281, 429, 433.
Александръ Македонскій 410, 622.
Александръ I, имп. 419, 428, 229, 360, 415, 419.
Алексѣевъ, П. А. 428.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 385, 603.
Алеша Поповичъ 237, 490, 506, 558, 587, 590, 624, 626, 670.
Алмазовъ, А. И. 641, 671—686.
Амфилохій, еп. 291.
Анастасевичъ, В. Г. 170, 175, 208.
Аника-воинъ 490, 539, 561.
Анненковъ, П. В. 303, 306—307, 434.
Антоновичъ, В. Б. 280—281, 496, 626, 666.
Апокрифы, апокрифическія молитвы 236, 273, 275—276, 291, 292, 379—382, 383, 398—402, 521—527, 654—655, 670—686.
Апраксѣевна кн., кн. Евпраксія 221, 618.
Аристотель 51—52.
Арсеньевъ, К. К. 102—105.
Афанасій Никитинъ 290.
Афанасьевъ, А. Н. 157, 246, 248, 272, 280—281, 297, 304, 340—353, 396, 429, 449, 496, 498, 504, 565, 578—579, 647, 666.
Баадеръ 235.
Бакмейстеръ 137, 147, 170.
Бандини 128.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н. 168.
Барсовъ, Е. В. 126, 258, 280—281, 303, 466—469, 492, 505, 574, 628.
Барсуковъ, Н. Н. 182.
Бартеневъ, П. И. 447, 449.
Басарга-купецъ 646.
Батюшковъ, К. Н. 388
Баузе 132, 388.
Баумгартенъ 49, 51, 69, 207.
Бедье [Bediér] 519—520, 554, 570.
Безсоновъ, П. А. 195, 280, 289, 291, 384, 471, 481—482, 504, 565, 648, 656, 661.
Бейль 134.
Бекетовъ, П. И. 168
Беккеръ, Ф. 265.
Бентамъ 433.
Беллетристическая повѣсть и романъ 236, 276, 291, 292—293, 358, 379, 382—383, 402—411.
Бенфей 79, 345, 463, 513—514, 518—519, 523—524, 538, 548, 571, 579.
Бередниковъ, Я. 183.
Березинъ 298—299.
Бернгарди 189.
Берында, Памва, 386.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. 291—292, 425, 574—575.
Бетлингъ 316, 318.
Билярскій, П. С. 304.
Бова Королевичъ 411.

Богишичъ, В. В. 502.
Бодмеръ 47.
Бодянскій, О. М. 289, 313, 429.
Богдановичъ, И. Ѳ. 160.
Боккаччіо 81, 403, 541.
Болдыревъ, А. 259.
Болингброкъ 55.
Болтинъ, И. Н. 133—136, 149, 151—152, 427.
Вопиъ, Фр. 73—74, 188, 251, 313.
Борисъ, еп. 609.
Борисъ, кн. 290.
Боричевскій 215.
Боянъ въ „Сл. о п. И.“ 297—298.
Брайловскій, С. Н. 567.
Брандесъ 92—96.
Брейтингеръ 45, 47.
Бровковичъ, А-ръ 293.
Брюнетьеръ 105—111.
Брюссъ, Я. В. 127.
Буало 32, 39—43, 48.
Бугге, Софусъ 556.
Будде, Е. Ѳ. 473.
Будиловичъ, А. С. 304.
Бужинскій, Гавріилъ 131, 149.
Булгаковъ 131, 496.
Буле 133, 388.
Буличъ, Н. Н. 304.
Буслай Буслаевичъ 506.
Буслаевъ, Ѳ. И. 191—192, 234, 246, 251—279, 281, 293—297, 313, 316—317, 333—334, 350, 353, 367, 370—371, 375, 382, 398, 501, 522—527, 537—538, 545, 556, 565—566, 570—575, 579, 584, 615, 648, 666.
Бутковъ 191, 355.
Былины 152, 158—160, 216—222, 236—242, 248, 271—272, 280, 281—282, 384, 397—398, 461—465, 485—493, 642—647.
Бычковъ, А. Ѳ. 182, 287, 291, 455—456.
Бѣлинскій, В. Г. 194—195, 211—223, 236, 303, 339, 87, 419, 423—4257.
Бѣляевъ, И. Д. 126, 192, 290, 355.
Бэконъ [Bacon], Фр. 47—48.

Ваксмутъ 203.
Валуа, Маргарита 30.
Валуевъ, Д. А. 480.
Варсонофій, іером. 386.
Василій Великій 181.
Василій Буслаевичъ 219, 221, 564 575.
Василій Игнатьевичъ 588.
Васильевскій, В. Г. 574.
Васнецовъ, А-ръ 494.
Вассіанъ Рыло 354.
Варенцовъ 280, 469, 504.
Велесъ-Волосъ 347, 611.
Вельтманъ, А. Ѳ. 480.
Венелинъ, Ю. 214.
Веревкинъ, М. И. 378.
Веселовскій, А. Н. 79, 274, 282, 351—353, 429, 439, 442, 461—463, 471, 515, 518, 521—543, 545, 560, 564—567, 573—574, 584, 594, 619, 634, 635, 648.
Веселовскій, Алексѣй Н., 386.
Ветуховъ, А. В., 641, 667—670.
Вико 55—56.
Викторовъ, А. Е. 126, 287, 291, 375, 394.
Винкельманъ 52.
Виноградовъ, Н. Н. 504, 509—510, 573, 641.
Винцентій Бовезскій [Vincentius Belovacensis, Vincent de Beauvais] 26.
Владимировъ, П. В. 156, 402.
Владимиръ Мономахъ 133, 149.
Владимиръ, св. 139, 140, 635.
Владимиръ, кн. Красное-Солнышко 219, 221, 587, 589, 591, 618.
Волотъ 647.
Волковъ, Ѳ. Г. 145.
Вольтеръ 55.
Вольфъ, Фр. 62

Волхъ Всеславьевичъ 217, 238.
Востоковъ, А. Х. 163—165, 169, 181, 183—191, 225, 276, 285, 313, 358, 396, 398, 480.
Вяземскій, кн. П. П. 304, 359, 366, 445.

Гаевскій 372.
Галаховъ, А. Д. 304, 387.
Галятовскій, Іоан. 47, 145.
Ганка 178, 480.
Гардтъ 127.
Гегель 66.
Гейманъ 27.
Гелинандъ 25.
Геннади, Григ. 304.
Геннекенъ [Hennequin], Е. 97—105.
Георгій Амартолъ 356.
Георгіевскій, Г. П. 485, 497.
Георгій Михаиловичъ, вел. кн. 472, 474.
Герасимовъ, Димитрій 460.
Гервинусъ 71—72.
Гердеръ 55—60, 150.
Гесснеръ, Конрадъ 26.
Гершензонъ, М. О. 483.
Гете 52.
Геттнеръ 437.
Гильтебрандтъ 448, 469.
Гильфердингъ, А. Ѳ. 280, 468, 485—486, 489—499.
Глинка Григ. 153.
Глѣбъ Володьевичъ, кн. 488, 645.
Голубовскій, П. В. 628.
Гоголь, Н. В. 21—22, 192, 360, 366, 372, 387, 389, 390, 391—393, 428—429, 451, 480, 485.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. 173.
Головацкій, Як. Ѳ. 280, 287, 472.
Гомеръ 61.
Горацій 52.
Городчаниновъ, Г. Н. 174.
Горскій, А. В. 126, 181, 248, 282—283, 289, 291, 358, 374.
Готшедъ 34, 39, 44—47, 188, 264.
Грановскій, Т. Н. 367, 371.
Гречъ, Н. И. 188—189, 222—226, 260—266.
Грибоѣдовъ, А. С. 353.
Григорій Богословъ 610.
Григорій Турскій 356—357.
Григорьевъ, А. Д. 487—491, 575.
Григорьевъ, Ап. А. 195, 303.
Григоровичъ, В. И. 291.
Гриммъ, Я., бр. Гриммы 58, 63, 73—74, 77, 79, 150, 184, 188, 207, 251, 252, 254, 261, 272, 277, 313, 371, 442, 517, 538—539, 549, 636.
Гринченко, Б. Д. 500.
Гротъ, Я. К. 189, 276, 304, 309, 316—317, 334, 337—340.
Грузинскій, А. Е. 496.
Гумбольдтъ, В. 63, 66, 74, 265, 313.
Гюйо 7, 13—17.
Huet Daniel 544.

Даждь-богъ 611.
Даль, В. И. 280, 335—340, 349, 428, 480, 501.
Даниловъ Кирша, его сборникъ 151, 154, 158—160, 164, 180, 192, 216—218, 221, 248, 491—492.
Даничичъ 267.
Данте 32.
Дамаскинъ, еп. Семеновъ-Рудневъ 138—139, 142, 170, 180, 181, 363.
Даніилъ Заточн. 288, 290, 377, 591.
Дашкевичъ, Н. П. 10, 439, 572—573, 594—596, 615, 619, 623—640, 642—643, 654.
Дебюръ [de-Bures] 171—172.
Дельвигъ, А. А. бар. 372.
Де-Губернатисъ 351—352.
Дембовецкій, А. С. 471.
Демидовъ, П. А. 158, 287.
Денисовъ, Андрей 402.
Державинъ, Г. Р. 157, 161—162.
Джемсъ, Ричардъ 248, 492.

Джонсъ, В. 73.
Дигенисъ, Девгеній 534.
Дилецкій, авт. *Гр. М.* 657.
Дидро 49—50.
Димитрій Донской, им. в. кн. 320.
Димитрій Ростовскій, св. 145, 303.
Дмитревскій, И. А. 138, 144—145.
Дмитріевъ, М. А. 387.
Добровскій 178, 184, 225, 319, 471.
Добролюбовъ, Н. А. 303, 310.
Добрыня Никитичъ 217, 237, 488, 558. 587, 590, 612, 629, 630, 646, 670.
Долгоруковъ, М. Р. 158.
Домецкій, Григорій 145.
Драгомановъ, М. П. 280—281, 496, 499, 503, 516.
Друковцевъ 133.
Дубенскій 192, 294.
Думы малороссійскія 280, 609, 626, 651, 656, 661.
Дунай Ивановичъ 221, 490.
Духовные стихи 152, 239—240, 271, 275, 280, 383, 384, 504, 656—659, 661—663, 670.
Дю-Беллэ [Du-Bellay], Іоах. 31, 34.
Дюбо [Dubos], абб. 49.
Дюкъ Степановичъ 590.
Dunlop, J. 544.
Дютшъ, Г. О. 495.

Евгеній Болховитиновъ, м. 161—162, 169, 173 177, 178, 191, 276, 378 388.
Евѳимій, іером. 126, 377, 382.
Егорій Храбрый 347, 539, 670.
Епифаній Славинецкій 126, 127.
Екатерита II, имп. 435—436.
Елизавета Петровна, имп. 658.
Ельчаниновъ, Б. Е. 308.
Елагинъ 144.
Ермоловъ, А. С., 642, 686.
Ершъ Ершовичъ 506.
Ефименко, П. С. 280—281, 487, 504—505.
Ефремовъ, П. А. 304, 308, 388.
Ефремъ Спринъ 131.
Ешевскій 304, 415, 417.
Eckhart 37.

Ждановъ, И. Н. 79, 352, 439, 543, 547, 560—564, 567, 577.
Житецкій, П. И. 609.
Жодель [Jodelle] 31.
Жуковскій В. А. 192, 305, 308, 387, 389, 428, 485, 541.

Забѣлинъ, И. Е. 126—127, 246, 277, 291—293, 371, 375, 429, 602.
Загадки 280, 504.
Заговоры, заклинанія 271, 280, 346, 666—670, 673, 679—682, 684—686.
Задерацкій 448.
Закревскій 501.
Зелейникъ 641.
Зеленинъ, Д. К. 511, 641, 686—689.
Зизаній, Лаврентій 321, 376.
Зиновій Отенскій 291.
Златовратскій, Н. Н. 430.
Змѣевъ, Л. Ѳ. 641.
Золя 15.

Ивановъ, Н. А. 292, 509.
Ивановъ, Н. 687.
Иванушка-дурачекъ 650.
Иванъ III, в. кн. 354.
Иванъ Васильевичъ Грозный, царь 140, 180, 467, 595.
Иванъ, гостинный сынъ 490.
Иконниковъ, Вл. С. 293.
Иловайскій, Д. И. 609, 625.
Иллюстровъ, І. И. 501.
Илья Громовникъ 347.
Илья Муромецъ 237, 239, 273, 490, 506, 534, 540, 575, 588, 589, 590, 611, 612, 618, 623, 624, 629, 630.
Исихій, или Гезихій Иллюстрій [Hesychios Illustrios] 24.
Истоминъ, Ѳ. М. 495.
Истринъ, В. М. 567.

Іаковъ, мн. 356.
Іоаннъ Златоустъ 354.
Іоаннъ, экзархъ болгарск. 180.
Іосифъ Волоцкій 145. 290.

Кавелинъ, К. Д. 197—199, 251, 281. 291, 371, 429, 542, 568.
Казанскій, П. 126, 355.
Кай Валерій Катуллъ 367, 372.
Кайсаровъ 166.
Калайдовичъ, К. Ѳ. 158—160, 169, 178—182, 185, 191, 259—260, 276, 302, 357, 493.
Калачовъ, Н. В. 246, 429.
Кантемиръ, А. Д., кн. 145, 225, 308, 378—379, 387—388.
Кантъ 66.
Караджичъ 178.
Карамзинъ, Н. М. 159, 161—163, 167—169, 206, 302, 355, 387—389, 394, 420, 428, 444.
Карнѣевъ, А. Д. 373—374, 383.
Карлъ Великій, 397.
Каррьеръ 81.
Карскій, Е. Ѳ. 471—472.
Каспери 273.
Кастеринъ, 287.
Катковъ, М. Н. 279, 316—317, 447.
Качановскій, М. Т. 191—192, 259, 355, 448.
Квашнинъ-Самаринъ 281, 487, 557, 594.
Кашпиревъ 447.
Квинтиліанъ 24.
Квиринъ-Кульманъ, 378.
Кеппенъ, П. И. 169, 171, 177—179, 207.
Кипріанъ, м 145.
Кирикъ, 180.
Кириллъ Бѣлозерскій, 145.
Кириллъ, первоуч. слав. 356.
Кириллъ Туровскій, 180.
Кирпичниковъ, А. Н. 439, 543, 547—551, 554, 559, 566, 609.
Кирьякъ Кондратовичъ, 388.
Кирѣевскій, П. В. 159, 192, 239, 280. 472, 480—483.
Китоврасъ 523, 524.
Климентъ, еп. величскій 285.
Клингеръ, В. С. 515, 520.
Книга Большой Чертежъ 133.
Ключаревъ, Ѳ. П. 158.
Ключевскій, В. О. 291, 293.
Княжнинъ, Я. Б., 173, 353.
Князевъ, В. 511, 687.
Казаринъ 490.
Коларъ 178.
Колмачевскій, Л. З. 439, 543, 548. 649.
Колосовъ, М. А. 331, 469.
Коль, І. П. 131.
Кольбергъ 471.
Кольцовъ, А. В. 192, 480.
Комаровскій, П. 260.
Копаневичъ, П. 511.
Копитаръ 178, 318.
Корнель 43.
Костомаровъ, Н. И. 215, 280—281, 291—293, 359, 382, 583, 593, 688.
Костровъ, Н. А. 480, 511.
Котляревскій, А. А. 255, 265, 281, 291, 317, 345—349, 429, 572, 578—580, 593.
Кохановская [Соханская, Н. С.] 430.
Кохъ 80.
Кояловичъ, М. О. 293.
Крейцеръ 583.
Krek, G. 515.
Krohn, K. 552, 639.
Кругъ 178.
Крумбахеръ, Карлъ 441.
Крушевскій, Н. В. 666—667.
Кубаревъ 192, 292, 355.
Кудрявцевъ, П. Н. 367.
Кулишъ, П. 280, 391.
Куникъ, А. А. 148, 286, 304.
Кунъ 77, 340, 343, 351, 462.
Курбскій, А. М. кн. 145.

Кургановъ, Н. Г. 503.
Кушелевъ-Безбородко, гр. 382, 399.
Крыловъ, О. 394, 433.
Крюднеръ, баронесса 433.

Лавровскій, П. А. 266, 279, 291, 293, 304, 329—331, 429, 585.
Лагартъ, Фр. 359.
Лазарь Барановичъ 145.
Ламанскій, В. И. 304. 331.
Ламбекъ, П., или Ламбеціусъ [Lambeck, Lambeccius] 26. 128.
Лахманъ 63.
Лейбницъ 36—37.
Левитовъ, А. И. 433.
Леклеркъ 133.
Леонидъ, архим. 291.
Леонтьевъ, П. М. 368.
Лепехинъ 136.
Лермонтовъ, М. Ю. 216, 308.
Лернеръ, Н. О. 510.
Лессингъ 47, 50—52, 69, 213.
Либрехтъ 79, 515, 544, 579.
Линде 171.
Лисовскій, Н. М. 448.
Лицевой Апокалипсисъ 279.
Лобода, А. М. 439, 487, 489, 491, 535, 569, 547, 573, 641, 642—645.
Ломоносовъ, М. В. 130, 133, 135—136, 144, 187—189, 257—258, 304—305, 322, 359, 360, 304, 363, 464, 428, 145, 148, 225, 365, 378, 372, 387—388, 659.
Лонгиновъ, М. Н. 248, 304, 415—416.
Лопаревъ, Хр. М. 300.
Лубочныя картинки 204, 505—509.
Лукинъ, В. И. 396, 412, 414, 308.
Лызловъ, А. 143.
Львовъ, Н. А. 157, 160, 193.
Ляпуновъ, С. М. 495—496.
Ляцкій, Е. А. 501, 651—652.
Лѣтописи 130—132, 149, 181, 191, 226. 273, 292, 354—357.
Тѣтебникъ 641.

Магницкій 179.
Майковъ, В. П., 303 308.
Майковъ, Л. Н. 280—281, 439, 465—469, 493, 501—502, 556, 572, 586—593, 596, 602, 615.
Макарій, митр. 125, 145, 289—293.
Макаровъ 414, 544.
Максимильянъ-царь 510.
Максимовичъ, М. А. 192, 226—231, 232, 294, 324.
Максимовъ, С. В. 281, 429.
Максимъ Грекъ 320.
Макферсонъ 58.
Малербъ 34, 40.
Малевичъ, С. 472.
Малинка, А. Н. 500.
Малиновскій, А. Ѳ. 158.
Маннгардтъ 79, 341, 515.
Манжура, И. И. 500.
Маркевичъ, Н. А. 292.
Марковъ, Д. 511.
Марковъ, А. В. 439, 487—489, 495, 573, 641, 645—647.
Маркъ Кралевичъ 629.
Матвѣевъ, А. А. гр. 127.
Матвѣевъ, А. С. 145.
Маттеи 128—130, 137.
Мейеръ, Густавъ 520.
Мелетій Смотрицкій 321—322, 461.
Мелиссино, И. И. 378.
Мельниковъ, П. И. 430.
Мерлинъ 523.
Меѳодій, первоуч. слав. 180, 356.
Меѳодій Патарскій 356.
Миклошичъ, Ф. 187, 267, 441.
Микула Селяниновичъ 278, 622.
Миллеръ, Г. Ф. 131, 355.
Миллеръ, Ор. Ѳ. 272, 281—282, 297—298, 470, 545, 559, 565, 572, 575—579, 598, 666.
Миллеръ, Вс. Ѳ. 303, 352, 439, 472—

473, 479—483, 487—489, 492, 543, 545, 571, 577, 602, 604, 609, 612, 614—626, 626—635, 645, 647, 648.
Милюковъ, А. 304, 396—397.
Милюковъ, П. Н. 604—606.
Михайло-Потокъ, 217, 238, 534, 670.
Михневичъ, В. О., 687.
Можаровскій 469.
Монсъ, В. 658.
Монтескье 55—56.
Монфоконъ 127—130.
Моргофъ [Morhof] 36.
Мордовцева, А. Н. 280.
Мольфъ 523.
Моръ [More], Томасъ 29.
Морозова, боярыня 378.
Муравьевъ, М. Н. 388.
Мстиславъ, кн. 594.
Морозовъ, П. О. 172—173, 386.
Мольеръ 43.
Мочульскій, В. Н. 439, 543, 564—565.
Мрочекъ-Дроздовскій, П. Н. 606—608.
Мусинъ-Пушкинъ, А. И. гр. 132, 149, 301—302.
Мюллеръ, Максъ 77, 203, 341—347, 351, 462, 518, 609.

Наполеонъ I 507.
Надеждинъ, Н. И. 279—281, 317—324, 428.
Народная драма 509—510.
Народныя легенды 280, 346, 383, 503—504, 521—527.
Нарушевичъ 163.
Настасья Королевична 488, 490.
Невоструевъ, К. И. 126, 181, 282—285, 289—291, 304, 358.
Некрасовъ, И. С. 293.
Несторъ, лѣт. 145, 226, 356—357.
Нибуръ 62—63, 191.
Никольскій, Н. К. 128, 567.
Никонъ, патр. 378.
Никифоровскій, Н. Я. 511.
Новиковъ, Н. И. 138, 143—148, 173, 207, 308, 359, 378, 387, 389, 393, 415, 417, 484.
Носовичъ 280, 471, 501.

Олегъ Вѣщій, кн. 239.
Ольга, кн. 239.
Ончуковъ, Н. Е. 487, 489, 496—499.
Опицъ 34.
Орловъ 258.
Орнатовскій, И. 258.
Оссіанъ 58.

Павелъ, митр. сарскій 126.
Павловъ А. С. 293.
Павскій 279, 313, 316, 324.
Палея 356, 654.
Патерикъ 654.
Пархаменко, Т. М., 661—662.
Пассекъ, Вадимъ 205, 428, 480.
Пауль [H. Paul] 37.
Пекарскій, П. И. 293, 300, 304, 362, 384.
Перетцъ, В. Н. 386, 439, 495, 573, 641, 650—661, 663.
Перевлѣсскій 303.
Перевощиковъ 355.
Перро [Perrault] 48—49.
Перси, Томасъ 58.
Перунъ 347, 611, 646.
Петръ В., имп. 130, 229, 384, 388, 398, 406, 429, 434, 488.
Петръ Могила, м. 145.
Петровъ, Н. И. 292.
Петровскій, М. П. 457.
Петровскій, Н. М. 386.
Пиктé 346.
Пленко 540.
Плюшаръ 318, 324.
Погодинъ, М. П. 175—176, 191—192, 289, 355, 360, 480
Покровскій, Е. А. 508.
Полевой, Н. А. 360, 366.
Полежаевъ, А. И. 308.

Поликарпъ, кіев.-печ. ин. 145.
Полуденскій 127.
Попе [Попъ] 388.
Поповскій, Н. Н. 383.
Поповъ, А. В. 641.
Поповъ, М. 152—154, 160, 291—292, 469.
Порфирьевъ, И. Я. 289—290, 293, 565—566.
Пословицы 163, 165, 193, 203—204, 271, 280, 500—503, 642, 650—652, 686.
Поученія, поученія свв. отецъ 275, 292, 354.
Причитанія надъ умершими 271, 468—469.
Прологъ 275, 654.
Потанинъ, Г. Н. 439, 543—547, 557, 567, 615.
Потебня, А. А. 267, 272, 281, 303, 321, 429, 570—572, 582—585, 640, 648, 651, 666—667, 670.
Прачъ, Ив. 154, 157.
Пришвинъ, М. М. 497.
Пушкинъ, А. С. 21—22, 151, 192, 305—309, 353, 360, 366, 387—388. 428, 434, 451, 480, 483.
Пыпинъ, А. Н. 135, 154, 155, 160, 196, 246, 248, 251, 257, 276, 277, 281, 289, 291, 293, 303, 325, 350, 361, 372, 381—383, 393, 395—438, 448, 463—465, 522—523, 535, 543, 565, 609, 648.
Пѣсни историческія 280, 646.
Пѣсни лиро-эпическія 646.
Пѣсни обрядовыя, бытовыя и т. п. 150—151, 155, 157—160, 163, 165, 192—203, 213—215, 244—245, 248, 280, 465—468, 469—483, 483—485, 493—496, 646, 652—653.

Радищевъ, Ал. Н. 160, 308, 360, 433.
Радищевъ, Н. А. 160, 428.
Радченко, Зинаида 471.
Раковецкій 163.
Рамбулье 35.
Расинъ 43.
Рачкій, Фр. 454.
Ришелье 35.
Ришпенъ 15.
Рѣзановъ, В. П. 386, 509, 687.
Робертъ-Дьяволъ 564.
Ровинскій, Д. А. 204, 505—508, 544,
Розенкампфъ, Г. А. бар. 355.
Розенфельдъ, А. 472.
Рогожинъ, В. Н. 172.
Роде [Rohde], Э. 516.
Романовъ, Е. Р. 471, 503—504
Романовъ, Савва 378.
Ронсаръ, П. 15, 31—32.
Ростопчинъ, Ѳ. В., гр., 387.
Рудченко, И. Я. 499.
Румянцовъ, Н. П. гр. 174, 175, 179, 182, 186, 428.
Румовскій 136.
Рустемъ 615, 618.
Рыбниковъ, П. Н. 159, 280, 429, 468.
Рыстенко, А. В. 573, 641, 670.

Саводникъ, В. Ѳ. 687.
Садовниковъ, Д. Н. 496, 505.
Савельевъ, А. 469.
Савиньи 63.
Савченко, С. В. 521, 570.
Савва Грудцынъ 408, 411.
Савва Освященный 610.
Саксъ, Гансъ 30, 80.
Саитовъ, В. И. 173.
Салтанъ Салтановичъ, царь 506.
Салтыковъ, М. Е. 173, 434—435.
Самсонъ-Святогоръ 561.
Сахаровъ, В. 641.
Сахаровъ, И. П. 150, 155, 192, 193—196, 204, 213, 325, 428, 473, 504.
Сварогъ 347.
Свида [Suidas] 24—25.
Свѣтловъ, В. 258.

Сѣнногоръ. 561.
Селлій, Адамъ 137.
Селивановскій 302.
Семевскій, М. И. 447, 449.
Сементовскій 505.
Сентъ-Бевъ 87—89, 94.
Сергій Радонежскій 395.
Силуянъ, уч. М. Гр. 321.
Сильвестръ де-Саси [Silv. de Sacy] 189.
Сильвестръ, лѣтоп. 145.
Сильвестръ Медвѣдевъ 127, 145.
Симаковъ, Н. Е. 510—511.
Симеонъ Полоцкій 145, 322, 657.
Симони, П. К. 363, 485, 492—493, 501—503.
Симонъ, еп. влад. 145.
Синовскій, В. В. 687.
Скабичевскій, А. М. 449.
Сказки 150—151, 155—156, 165, 193, 244—245, 271—272, 280, 346—348, 496—500, 512—521. 527, 647—650, 653—655.
Скіада [Skiada], А. 137.
Скалигеръ 39.
Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ, кн. 488.
Скюдери 35.
Слово о полку Игоревѣ 149, 191 225—226, 237—238. 293—303, 585—586.
Смирдинъ, А. Ф. 173, 304.
Смирновъ, А. М., 641, 647—650.
Смирновъ. С. К. 293, 573, 578.
Снегиревъ, И. М. 175, 192—193, 199, 203—204, 428, 480, 501, 543.
Соболевскій, А. И. 272, 430, 439, 464, 472—480, 484, 494, 510, 538—540, 564, 572, 577—578, 608—615, 625, 657—660, 689.
Созоновичъ, И. П. 439, 543, 547, 557—559.
Соколовъ, М. И. 380—381, 386, 459, 495.
Соколовъ, П. 258.
Соловей Будимировичъ 490, 579—582. 604—606, 644.
Соловей-Разбойникъ 237, 506, 589.
Соловьевъ, С. М. 246, 291, 298—299. 355, 367, 375, 429, 593—594.
Соломонъ-царь 523, 524.
Сопиковъ, В. С. 137, 169—173, 207.
Спенсеръ 12.
Сперанскій, М. Н. 420, 439, 472, 482—485, 504, 573, 641, 661—663.
Срезневскій, И. И. 164, 184—187, 190, 194—195, 215, 246, 267, 279, 283, 285, 288—292, 298—299, 324—329. 330, 331, 381, 457, 493, 565.
Ставръ Годиновичъ 558, 562.
Стасовъ, В. В. 281, 429, 439, 505—508, 543—547, 567, 615—618, 623—624, 628.
Стефанъ Яворскій 378.
Стефанъ Сурожскій, св. 536.
Степенная Книга 131.
Столѣтовъ, секр. Монса 658.
Стрибогъ 611.
Строевъ, П. М. 165—166, 178—185, 191—192, 276, 269, 355.
Сумароковъ, А. П. 188, 264, 314. 353, 389.
Сумцовъ, Н. Ѳ. 439, 481, 509, 543, 547, 551—557, 599, 639, 648.
Сухомлиновъ, М. И. 137, 142, 170, 186, 222, 225, 234—235, 251, 289. 291—293, 304, 353—366, 385, 395, 449.
Сырѣйщиковъ 258.

Татищевъ, В. Н. 125, 130—134, 149, 153, 355, 427.
Тейлоръ 508, 517—518.
Тэнъ, Ип. 87—96, 112, 373—374.
Терещенко 192—197, 204, 325.
Тимковскій, Н. 258.
Тимковскій, Р. Ѳ. 168.
Тимошенко, И. Е. 650.
Тихановъ, П. Н. 138.

Тихонравовъ, Н. С. 126—127, 233—234, 248—249, 251, 276, 289, 291, 293, 300—304, 366—395, 399—402, 565.
Толстой, Ѳ. А. 181.
Травникъ 641.
Тредьяковскій, В. К. 130, 136, 144, 151, 188, 264, 304, 364, 428, 656.
Трубецкой, Н. Н., кн. 389.
Трубицынъ, Н. Н. 573, 641, 642.
Тургеневъ, А. И. 433.
Тургеневъ, П. С. 388, 389, 435.

Уваровъ, С. С., гр. 183, 357, 426, 444.
Ундольскій, В. М. 126—129, 192, 285—289, 292.
Усовъ, С. А. 606—607.
Успенскій, Гл. 430, 510—511, 574, 688.

Фабрицій 129.
Филаретъ, архіеп. 126, 291.
Филомафитскій, Е. 259.
Фихте 66.
Фишартъ 30.
Фонвизинъ, Д. И. 308, 353, 372, 387, 390, 393.
Фотій, патр. 24—25.
Францискъ I 20.
Фролъ Скобѣевъ 411.

Халанскій, М. Е. 469, 543, 547, 559, 572, 596—602, 625, 629.
Хвостовъ, Д. И., гр. 173.
Херасковъ, М. М. 153.
Хованскій 447.
Хозиковъ, Н. М. 158.
Хорсъ 611.
Хотенъ Блудовичъ 590, 644.
Хронографъ 130.
Хрущовъ, И. П. 291.
Худяковъ, И. А. 280, 496, 505.

Царскій, куп. 181.
Цертелевъ, Н. А., кн. 324.

Чаадаевъ, П. Я. 423, 574.
Частушки 510—512, 641, 686—689.
Четьи-Минеи 275.
Чубинскій, П. П. 280, 470, 499, 501.
Чулковъ, М. Д. 154—156, 193, 472—473, 483—484.
Чудиновъ 265.
Чурило Пленковичъ 590.
Чернышевскій, Н. Г. 303.

Шамбинаго, С. К. 504, 602—604.
Шафарикъ 178, 203, 226, 319, 480.
Шахматовъ, А. А. 365—366, 448, 497, 619, 625.
Шварцъ, нѣм. инж. 77, 207, 340, 343—344, 352, 378, 388, 518.
Шевыревъ, С. П. 192, 232—242, 291, 368, 370, 480, 543.
Шевченко, Т. Г. 434.
Шейнъ, П. В. 280, 429, 466—467, 471, 473.
Шекспиръ 81.
Шеллингъ 66.
Шенрокъ, В. И. 391, 393.
Шеппингъ, Д. О., бар. 648.
Шереметевъ, С. Д., гр. 502.
Шефферъ, П. Н. 492—493.
Шиллеръ 52.
Шишковъ, А. С. 225, 313—314, 336.
Шифнеръ 282, 628.
Шлегели, бр. 59, 74, 150, 203.
Шлецеръ, А. А. 131—134, 148, 355.
Шляпкинъ, И. А. 386.
Штелинъ, Я. 138, 148, 378.
Штернбергъ, Л. 518.
Шторхъ 138, 207.
Шуваловъ, И. И. 388.

Щаповъ, А. Е. 281, 291, 293.
Щербатовъ, М. М., кн. 133, 302, 427.
Щепкинъ, М. С. 389.

Эрдманъ 298.

Ювіусъ, Фр. 35—36.

Яворскій. Ю. А. 663—666.
Ягичъ. И. В. 79, 187, 231, 271, 277, 316—318, 325, 350, 352, 429, 439, 440—442, 443, 451—462, 464—465, 481, 486, 515, 536, 540—541, 565, 582, 584.
Языковъ, Д. И. 132, 178, 394.
Языковъ, Д. Д. 386, 395.
Языковъ, Н. М. 480.
Яковлевъ, В. А. 292.
Якубовичъ, А. Ф. 158.
Якушкинъ, П. И. 280, 429, 449, 480, 576.
Ярославъ, кн. 594.

Ѳедоръ, дьяк. 378.
Ѳеодосій, игум. печ. 356.
Ѳеофанъ Прокоповичъ 142, 144, 225, 379, 384, 387, 433.
Ѳома и Ерема 411.